Евгений КЛЮЕВ

ДАВАЙТЕ НАПИШЕМ ЧТО-НИБУДЬ

Настоящее художественное произведение

ImWerdenVerlag
München — Москва
2009

Я пришел, – сказал призрак, – посмотреть, что вы такое пишете на этой скверной бумаге?.. Мне, само собой, дела нет до мыслей, какие вы излагаете. Но меня страшно интересуют знаки, которые вы тут выводите...

Анатоль Франс
Сады Эпикура

© Е. В. Клюев, 2007 – текст, рисунки, 2006
© Издательство «Гаятри» – текст, 2006

на первой и последней страницах рисунки Евгения Клюева
редактор: Наталья Василькова
корректор: Александра Василькова

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2009
http://imwerden.de

ГЛАВА 1
Внезапная завязка

Heißa, juchei!..

Начнем как попало. Стоит ли быть особенно разборчивым в начале, если дальше все равно ничего не известно? Что попадется под горячую руку, за то и возьмемся – какая разница!

Вот мусорное ведро. Весьма примечательно, что поставлено оно прямо посередине праздничного стола. Это просто какое-то свинство – так ставить ведра. Место мусорным ведрам – на полу в кухне, ибо в мусорные ведра обычно бросают мусор, причем приличные люди – с приличного расстояния. Если поступать таким образом и здесь, то можно попасть мусором в заливное мясо или кому-нибудь в лицо: мы с вами все-таки за столом находимся, где гости сидят и едят... Вот и выходит, что очень неудобно поставлено мусорное ведро. К тому же, оно не вполне чистое. А по совести сказать, ужасно грязное – и это сильно заметно на ослепительно белой скатерти. Впрочем, скоро скатерть завалят мусором, поскольку ведро не бездонно, – и уже не будет заметно, что скатерть такая белая. И что ведро такое грязное – не будет заметно. И тогда можно будет

прямо со стола накладывать всякую гадость в тарелки дам. Чтобы дамы с отвращением ели из тарелок мусор.

Смотреть на это никому не понравится. Но что ж тут поделаешь...

Праздничный стол находится в заведении под названием «Контора». Это ресторан. Непонятно, почему он так называется. Они просто все с ума посходили – так называть рестораны! Разве мало красивых слов среди названий растений и животных? Гортензия, цинерария, мимулюс красный, монарда парная... Опять же «тушканчик» очень милое слово. Есть, наконец, вообще нейтральное слово «снежинка»– почему не назвать ресторан так? Нежно и мягко...

– Не кладите мне больше вот этого... не знаю точно чего. Мне попался целлофан какой-то, сальный. Его трудно и долго жевать.

– Вам не нравится?

– Почему же не нравится... нравится! Просто уже приелось. Ой... вытрите, пожалуйста, лицо, у Вас сметана на лбу.

– Это в меня ломтик помидора кинули. Из салата. Наверное, мы неудачно сели: постоянно что-то бросают в лицо.

– Мне веко рыбьей костью укололи. Слишком сильно кинули.

– Дайте посмотрю... Да у Вас кровь тут!

– Я думаю, это не кровь. Я думаю, это просто вишня раздавилась, когда я моргала. Мне ведь в глаз еще и вишней попали.

– Больно было?

– Пустяки. Скорее, липко. И потом – глаз щиплет. Тушь, наверное, размывается.

– Надо пользоваться французской.

– Спасибо за добрый совет, у меня как раз дрянная французская.

– Тогда вытрите глаз платком. Вот тут платок, возьмите.

– Благодарю Вас. А что это на нем?

– Так... не обращайте внимания. Я вытирал им блинчик. На блинчик уксус пролился. Было слишком остро, я вытер... Осторожнее!

– Что Вы... делаете?! Пустите же, я тут задохнусь, в этом месиве! Ну вот, Вы мне все лицо свеклой с чесноком вымазали.

– Я Вас пригибал. В Вас летело страшное мясо!

– Может быть, нам уйти отсюда? Тут как-то неопрятно все...

– Я с удовольствием. Только учтите, что на мне нет брюк. Одни трусы и носки.

– А ботинки?

– Ботинки есть, черные. И пиджак с галстуком есть, тоже черные. И брюки были, я в брюках сюда пришел.

– Черные?

– Ну, разумеется, черные, что за вопрос!

– Как же Вы смогли их... утратить?

– Да вот, видите ли, один человек проползал под столом. Это был партизан. Я нагнулся к нему, а он там попросил у меня брюки

на время, потому что они ему очень понравились и потому что ведь не видно, пока я сижу, в брюках я или без… Но человек этот так и не приполз обратно. Если бы он проползал, я бы почувствовал: я очень чуткий. Но он точно не проползал. Наверное, его взяли в плен немцы.

– Может быть, он проползет когда-нибудь потом. Не подождать ли нам?

– Он не проползет никогда, я знаю. Он не из таких. Видимо, он уже погиб.

– Тогда придется Вам без брюк идти. Вы нормально ходите, когда без брюк?

– Чаще всего да. Только бы не замерзнуть на улице насмерть.

– Там плюсовая температура. Не беспокойтесь ни о чем.

– Я буду очень спокоен, обещаю.

Очень немолодой человек и очень молодая девушка выходили из «Конторы».

– Меня зовут Марта.

– Очень хорошо Вас зовут. Правильно. А меня зовут... не знаю, как и представиться: по имени неудобно, я старый уже как мир. И по имени-отчеству неудобно: отчество у меня непристойное. Если хотите, можете называть меня Редингот.

– Хочу. И, видимо, буду. Я почти уверена, что смогу называть Вас Редингот.

– Сердечно рад. Редингот – это на самом деле пальто такое. Раньше так называли сюртук для верховой езды. А теперь меня.

– И с каких же пор?

– С тех пор, как у меня такое пальто появилось. Уж лет сорок назад...

– Вы долго его носите. Качественное, должно быть.

– Да нет, лохмотья сплошные. Но дело не в этом. Дело в том, что я очень сильно привыкаю к вещам, а они ко мне. И нам трудно бывает расставаться – даже на миг. Я и сейчас был бы в нем, но, говорят, не сезон.

– Кто говорит?

– Синоптики.

– Синоптики всегда врут... Они сволочи. Вы очень жалеете, что оставили брюки тому партизану, которого потом убили?

– Нет. Брюки новые совсем, даже противно вспомнить. Да и уходить все равно было пора. Я, признаюсь Вам, за столом за этим совершенно случайно оказался.

– Я тоже. Я ведь вообще-то никто.

– Ну, не скажите! Это я никто. А Вы – Зеленая Госпожа.

– Простите, пожалуйста! – их остановила какая-то свинья, страшно веселая, потому что, должно быть, пьяная. – Как Вы думаете, если вообще думаете, со мной еще можно что-нибудь отчубучить?

– Все что угодно! – горячо откликнулась Марта.

Свинья расхохоталась как сумасшедшая и высоко подпрыгнула.

– А высоко я прыгаю?

– Исключительно высоко! – Марте хотелось сказать Свинье как можно больше приятного.

– Тогда давайте мне телефонную карту – позвонить одной другой Свинье, тоже очень прыгучей. Только Вы, который без штанов, не давайте. Пусть девушка... это будет выглядеть естественнее.

Марта достала кошелек. Телефонной карты в нем не было, но Марта все равно нашла там телефонную карту и протянула Свинье.

– Спасибо, Вы очень меня выручили. И ту, другую Свинью тоже выручили. – Свинья бросила телефонную карту в протекавшую мимо реку и запрыгала по набережной.

– Хорошая какая Свинья попалась, – оценил Редингот. – Теперь такие свиньи большая редкость. Вас дома к которому часу ждут?

– К... в общем, ни к которому. У меня сейчас нету дома.

– А был?

– Был, да сплыл, – улыбнулась Марта и, хорошенько поразмыслив, продолжала с эпической интонацией: – Началось наводнение, а я сразу же отлучилась по делу. За это время дом и сплыл. Говорят, в Балтийское море. Вместе со всеми домочадцами. Они, наверное, там живут, как на корабле. Здоровско!

– Вам бы тоже так хотелось?

Марта пожала плечами: дескать, хотелось – не хотелось... давно это было, что ж говорить? И потащила Редингота к какой-то очереди, тянувшейся вдоль набережной и уходившей противоположным концом в воду.

Теперь надо думать, за чем бы это была очередь. Хотя особенно напрягаться не стоит: очереди за чем угодно бывают. Даже за скрипичными смычками, как говорил один мертвый человек. Пусть и эта будет за скрипичными смычками.

Марта с Рединготом встали в середину очереди, поскольку концов в воде не нашли. Рединготу, само собой, было неудобно в очереди с голыми ногами, и он признался в этом Марте – хоть и смущаясь, но с большим человеческим достоинством.

– Не тревожьтесь, – сказала воспитанная Марта. – Думайте, что Вы женщина в юбке летом, и все будет в порядке.

– Разумеется, *так* все будет в порядке, я не сомневаюсь, – откликнулся Редингот и – думая, что он женщина в юбке летом, – стал стоять смирно: без штанов и без комплексов. Тем более что прямо перед ними в очереди, как ни странно, действительно оказалась женщина в юбке летом. Вместо шляпы на голове женщины было гнездо кукушки, и над этим гнездом, само собой, изредка кто-то пролетал, причем так быстро, что трудно было увидеть кто. Да и неважно это никому было. Кроме, оказывается, Марты, которой во что бы то ни стало загорелось узнать, кто пролетал над гнездом кукушки, и поймать его, чтобы раз и навсегда покончить с данным вопро-

сом. Марта набрала полные легкие воздуха – и, когда в очередной раз кто-то пролетал над гнездом кукушки, громко крикнула: «Стой, не то убью!» Парализованное страхом существо свалилось ей под ноги, оказавшись всего-навсего жалкой тварью, о которой и говорить-то не хочется.

Тут подошла их очередь. Редингот пропустил Марту вперед – и она купила восемнадцать смычков. А вот с самим Рединготом вышла заминка: выяснилось, что мужчинам в нетрезвом состоянии, мужчинам в спецодежде и мужчинам без брюк скрипичные смычки *в такое время* не отпускаются. Тогда Редингот стал уверять продавщицу, что сейчас не такое время, – продавщица поверила. Потом он стал уверять ее, что он трезв и не в спецодежде, – и она опять поверила. Наконец, он стал уверять ее, что он в брюках и не мужчина, – тут она в третий раз поверила, потому что уже привыкла доверять этому человеку во всем. Но, сама не зная зачем, сказала: «Смычки отпускаются по два в одни руки», – хотя это была явная ложь. Редингот не стал спорить, взял два смычка в одни руки и, не заплатив, бросился догонять Марту. По дороге он немножко дирижировал, но получалось у него совершенно непрофессионально – и Марта очень вежливо попросила его прекратить дирижирование немедленно. Сама же она просто замечательно дирижировала – причем всеми смычками сразу – и ужасно полюбилась случайным прохожим. А поскольку за Мартой праздно шел господин с голыми ногами, случайные прохожие подавали ему деньги, которые он складывал в кар-

маны пиджака, пока карманы не оттопырились до неприличия. Скоро деньги перестали поступать, потому что Редингот внезапно опротивел случайным прохожим. Сосчитали сумму. Набралось около миллиона рублей и пятнадцать злотых. Пятнадцать злотых Марта с Редингтом сразу же выбросили в кусты, грозно шумевшие неподалеку, а остальные деньги пошли тратить, но истратили глупо: купив Марте шубу, которая сразу же не подошла ей по размеру, фасону, цвету и возрасту. Они запихали шубу в урну на обочине и убежали. А смычки потеряли по дороге.

– Лучше бы мы брюки купили, – опомнилась Марта, раскрасневшись от бега.

Кстати, не поздно было сделать это и сейчас, если вернуться назад, вынуть шубу из урны и продать ее за бесценок первому встречному или поперечному.

Шубы в урне уже не было, зато торчала оттуда непонятная какая-то голова или что-то вроде – и это блестело.

– Вы тут шубы не заметили? – осторожно поинтересовалась Марта, боясь задеть честь и достоинство обитателя урны. В ответ голова задвигалась и сказала ртом:

– Лучше не спрашивайте меня о шубе. Лучше спросите о чем-нибудь другом.

– Конечно, конечно, – поспешила согласиться Марта и спросила: – Живы ли Ваши родители?

– Скорее всего, они живы, – последовал уклончивый ответ.

– Ах, как я счастлива за Вас! – не вдаваясь в подробности, зычно воскликнула Марта и тихо добавила: – Но Вы все-таки не сидите тут, а то в Вас что-нибудь кинут.

– Хорошо бы шапку кинули... Я, собственно, шапку жду. И какую-нибудь обувь.

– Ничего этого нет. – Марта развела руками. – А шуба все равно женская, так что, в конце концов, едва ли Вам подойдет. Впрочем, если Вы не хотите говорить на эту тему...

– Не хочу, хоть убейте меня! – горячо заверили из урны, сопроводив заверение глубоким вздохом. От вздоха такой глубины Марте сделалось дурно, но она поборола себя и отошла не то в задумчивости, не то в печали.

Чтобы облегчить ее состояние, Редингот сказал:

– Давайте пойдем в любом направлении.

Они пошли в любом направлении и шли долго.

– Тут где-то рядом мой дом, – с трудом вспомнил Редингот. – У меня ведь, я забыл сказать, дом есть. Идемте в него.

– А кто у Вас в доме?

– Не знаю.

– Тогда идемте.

В доме у Редингота оказалась хоровая капелла. Она пела грустные сербские песни и плакала.

– Не плачьте, – с порога сказала Марта, и сербская капелла перестала сначала плакать, а потом петь – и принялась смеяться и

плясать пляски. Наплясавшись, она ушла. Редингот с Мартой остались вдвоем.

– Что будем делать? – спросил Редингот.

Марта задумалась.

– Сначала брюки наденьте.

– Это уж в первую очередь! – Редингот надел брюки и сразу стал малоинтересным.

– Прежде было лучше, – огорчилась Марта, и тогда Редингот снял брюки, чтобы снова стать интересным, как прежде. Он сел в кресло ужасно интересный – и так сидел, потом спросил у Марты:

– Чем Вы занимаетесь? – и уточнил: – Обычно.

– Обычно, – с готовностью отозвалась Марта, – я леплю из хлеба голубей. И голубиц.

– Это хорошо. А я вот ничем теперь не занимаюсь. Раньше я вырезал из бумаги мелкие и крупные фигуры.

– Забавно, – улыбнулась Марта. – А когда вернутся Ваши домашние?

– Может быть, они не вернутся никогда. Все домашние ушли от меня.

– В мир иной? – Этот честный вопрос стоил Марте большого труда.

– Нет. Они на восток ушли.

– Что же побудило их к этому?

– Восточные мотивы в творчестве Пушкина и Лермонтова, – усмехнулся Редингот и развел руками.

– Если у Вас есть хлеб, – сразу же предложила тонкая Марта, – я могла бы слепить Вам голубицу. Только хлеб должен быть свежий. И белый. Я голубиц из белого леплю. Так надо.

– Хлеба у меня нет. У меня есть крылья. Они лежат на письменном столе.

– Вы счастливый, что у Вас есть крылья. У меня нету.

– У меня тоже раньше не было. Но потом я полюбил – и вот...

– Как давно это случилось?

– Совсем недавно. Я уже был старый. Но та, кого я полюбил, теперь недосягаема. Она улетела.

– Почему от Вас все уходят и улетают? – озаботилась Марта.

– Я раздражаю всех своей старостью.

– Вы совсем не старый. – Марта вгляделась в Редингота. – На вид Вам нет и тридцати. И как же ее звали – ту, что улетела?

– Я называл ее «Моямаленькая». Но она все равно улетела.

– И Вы тогда вырезали себе крылья? – Марта рассматривала крылья. Крылья были из бледно-желтой бумаги.

– Да, я хотел улететь вслед за ней. Но она улетела не одна. Она улетела в стае. Она была ласточка и жила под нашей крышей. Я очень любил ее.

– Ничего, она прилетит. – Марта улыбнулась. – Будет весна – и она прилетит.

– Я знаю, – отозвался Рединготт. – Все птицы прилетают весной. Только не обязательно ближайшей. Но я дождусь.

– А Ваша супруга... она сердилась на Вас за ласточку?

– Еще бы!.. Люди есть люди. Она кричала на меня, а в один прекрасный день забрала всех наших детей – их было сорок – и ушла... на восток, да.

– Наверное, им хорошо на востоке. На востоке вообще хорошо.

– Дай Бог.

– А Вы, Рединготт, не фунт изюма, – задумчиво сказала Марта.

Рединготт кивнул и тут же в страшной панике вскочил с кресла. Интересно, с чего бы это... Вообще говоря, люди вскакивают с кресел по разным причинам. Например, если чувствуют запах паленого. Или если что-нибудь внезапно вспоминают. Пусть Рединготт что-нибудь внезапно вспомнит: есть ведь ему что вспомнить!

– Я вспомнил, – крикнул Рединготт, – через двадцать минут наш с Вами поезд!

– Вот уж не предполагала, что мы куда-то едем, – призналась Марта.

– Так предположите!

– Уже предположила.

– Есть одно чрезвычайно интересное дело. – Рединготт бросал в чемодан все, что попадалось под руку. – Вам, насколько я Вас знаю, должно понравиться.

– Понравиться-то мне понравится, – Марта чем могла помогала Рединготу. – Только вот... не уверена, справлюсь ли я.

– Меня это не беспокоит. Лишь бы Вам нравилось.

– Мне нравится, спасибо.

Случайно у Рединготa оказалось два билета в купе скорого поезда, на подножку которого они с Мартой едва успели вспрыгнуть. В дорогу Рединготнадел знаменитое свое пальто, а брюк не надел, чтобы продолжать быть интересным.

– Как это все-таки замечательно, что у Вас два билета! – восхитилась Марта, не требуя подробностей.

– Еще бы не замечательно! – в свою очередь, восхитился Рединготт, в подробности не вдаваясь.

И они принялись за чай, который проводница подала им в десертных тарелках, потому что у нее не было стаканов.

– Вы лакайте его, – посоветовала проводница, – лакайте, склонившись к тарелкам и выгибая язык, как звери. – Тут она склонилась к тарелке Марты, выгнула язык, как зверь, и наглядно полакала, после чего вытерла язык бумажной салфеткой и вышла.

Они лакали чай – и Марта сказала:

– Очень вагон качается... Трудно лакать: все выплескивается.

Рединготпредложил:

– Вы ладони подставьте к краям тарелки, тогда брызги упадут на ладони, которые потом можно облизать.

Марта и Редингот тщательно облизывали ладони, когда снова вошла проводница.

– Я не дала Вам сахар, – раскаялась она. – Но у меня только песок.

– Да мы чай-то выпили уже... – сокрушилась Марта.

– Жаль, – посочувствовала проводница. – Поторопились вы. А поспешишь, как известно, – людей насмешишь. – Тут проводница начала заливисто смеяться, как бы от имени людей. Потом объяснилась понятнее: – Дело в том, что чаю у меня больше нет. И не будет никогда. Так что съешьте песок всухомятку. – Она насыпала на столик горстку сахарного песку. – Только вот ложек тоже нет. Есть вилки, но они вряд ли вам пригодятся. Я советую вам припасть к песку влажными губами – он прилипнет, а потом вы его с губ слижете. – Проводница снова показала, как это правильно делать, и удалилась, смеясь в три горла.

Марта с Рединготом сразу же припали к песку влажными губами и вскоре съели его весь. Между тем в дверном проеме возникла куча грязных тряпок, с которых капало на пол.

– Вот – принесла вам белье, – послышался из-под тряпок знакомый веселый голос. – Чистого и сухого нет – есть грязное и мокрое. Правда, оно еще мятое и рваное, но это все ничего. – Аккуратно разделив тряпки на две кучи, проводница разложила их на двух полках и предупредила: – Спать надо голыми: пусть во сне вас ничто не сковывает. – Порывшись в карманах, она достала оттуда две черные

повязки: – Завяжите глаза на ночь. Тогда вы не увидите, в каких условиях спите.

– А что, свет нельзя выключить? – просто ради интереса спросила Марта.

– Нет, – отозвалась проводница. – Все выключатели сломаны. Когда разденетесь и повяжете повязки, начинайте разговаривать о чем-нибудь веселом и приятном – ночь пройдет быстро.

– У Вас большой опыт работы, – сказал Редингот проводнице.

С завязанными глазами и на мокром белье ночь тянулась долго. К тому же, до самого утра проводница то и дело принималась громко и фальшиво петь песню – по-видимому, народную, – в которой бесконечно повторялось словосочетание «мать сыра земля».

– Мы живы? – спросила Марта у Рединготa под утро.

– Не знаю, – откликнулся тот.

Они полежали еще сколько смогли, потом встали, оделись и отправились умываться, ощупью продвигаясь по коридору.

– Повязки снимите, – крикнула им вслед как раз переставшая петь проводница.

Они сняли повязки и сквозь неяркий уже электрический свет увидели солнце над лесом.

– В туалете нет воды, – кричала проводница. – Я повесила там на гвоздик оленью шкуру. Потритесь об нее лицами – и станете чистые.

После этой процедуры лица зудели, как с мороза. Проводница снова запела, а Редингот сказал:

– Пойду поищу вагон-ресторан.

Марта подождала его час-другой, потом подошла ко все еще певшей проводнице.

– Простите, тут есть вагон-ресторан?

Проводница самозабвенно пела. Допев куплет до победного конца, она немедленно заорала:

– Вы что – не слышите ничего? Я пою! Не в бирюльки ведь играю!

– Не в бирюльки, – подтвердила Марта и, поскольку проводница уже приступила к следующему куплету, отправилась на поиски Редингота. Она прошла восемь вагонов, не увидев ни единого человека. В девятом (купе № 6) сидел Редингот и жадно глядел на дорогу.

– Кстати, – заметила Марта, продолжая прерванный разговор, – в поезде, кроме нас, никого нет. Ни проводников, ни пассажиров.

– Неудивительно, – живо отозвался Редингот. – Все пассажиры, кроме нас, опоздали – и поезд ушел. А все проводники, кроме нашей проводницы, в отгуле.

– Прискорбно, – отнеслась Марта.

Они вернулись в свой вагон. Их проводницы тоже теперь уже не было.

– Наверное, она допела и пошла к черту, – предположил Редингот.

– Это Вы ее туда послали?

Редингот кивнул.

– Хорошее место. Жаль, что не я послала ее туда, – посетовала Марта. – Тем более что чаю все равно больше не будет никогда.

Она была понятливой, эта Марта. И вообще она мне нравится. Редингот тоже нравится. Все-таки приятно, когда тебе нравятся твои герои, – вы не возражаете?.. Тогда я буду их любить и помогать им во всех сложных ситуациях. Пусть они сейчас опять уснут: все равно ехать в этом ужасном поезде невозможно. Но другие поезда не ходят по страницам настоящего художественного произведения. Стало быть, дадим Марте и Рединготу еще поспать, а сами на минуту приостановимся: остановка чрезвычайно важная штука. Во время остановки читатель может обдумать ту или иную дикую ситуацию, в которую, как правило, ввергает его автор.

Пора, значит, и нам поставить перед собой вопрос: а имеет ли смысл оставаться в нашей с вами ситуации дальше? Не лучше ли сойти с поезда, который пока никуда не приехал? Поразмыслим об этом спокойно: ведь поезд уже замедляет движение... и сойти еще не поздно – если кто не успел, прошу!

Поезд идет медленнее, медленнее... поезд идет *очень* медленно. Ну, что вы решили? Решайте скорее – или начнется такое…

ГЛАВА 2
Завязка становится туже

Вот, начинается.

Начинаются Умственные Игрища под девизом «Думай головой!»

Они проходят в городе, названия которого я еще не придумал. А между тем очень важно, что и как называется в художественном произведении. Для литературы Имя – это самое главное. Найдено Имя – и можно жить спокойно. Вот Марта – Зеленая Госпожа, вот Редингот – Не Фунт Изюма, с ними все в порядке. Была еще, правда, проводница, но она спела свою песню и пошла к черту. Ну и... счастья ей. Ах, да, свинья еще была пьяная и тот, кто пролетал над гнездом кукушки. Впрочем, это все так, курьезы. Забудем.

Только как же все-таки назвать город? Мне, например, по сердцу взять название с потолка. Скажем... Змбрафль – чем не название? Названий ведь каких только не бывает... даже Тимбукту, что уж совсем как-то безрассудно.

Стало быть, на Умственные Игрища под девизом «Думай головой!» в страшно отдаленный сразу от всего на свете город Змбрафль съезжались лучшие умы человечества. Если Редингота пригласили

сюда, а сюда ли его пригласили, мы узнаем, когда придет поезд, – значит, Рединготт принадлежит к лучшим умам человечества. Это интересная подробность.

Называть имена лучших умов человечества – занятие бесполезное: они все равно никому ничего не скажут, потому что человечеству неизвестны его лучшие умы. Следовательно, умолчим.

Проблема же, по поводу которой в Змбрафле вот уже далеко не в первый раз собирались лучшие умы человечества, была все время одна и та же. Для решения ее требовалось очень много спичек – и накануне Умственных Игрищ в некоторых странах спички исчезали из розничной торговли... так что, извините, огня нечем было зажечь.

А состояла проблема в том, чтобы сложить из спичек Абсолютно Правильную Окружность.

Зависит это, как мы понимаем, от двух вещей. Прежде всего – от точки отсчета, то есть от того, в каком месте мирозданья в данный момент пребывает человек, оценивающий правильность Окружности. Впрочем, с местом все, вроде, было решено: идеальным местом считался Змбрафль – именно в силу чрезвычайной своей удаленности от всего на свете. Как уж это получилось, одному Богу известно. Кроме того, огромное значение имеет величина Окружности: Окружность должна быть большой. Невероятно большой. Между прочим, много лет назад одна Умная Голова предложила выкладывать спички просто вдоль экватора: так проблема, дескать, решится

сама собой, ибо протягновеннее экватора ничего нет на Земле. Однако предложение сразу же было сочтено пошлым и скучным – неизвестно, кстати, почему. Выяснить это и впоследствии не удалось – и не надо выяснять. Ничего не надо выяснять. Все надо принимать как должное. И теоретически, и на практике.

Только на практике Абсолютно Правильной Окружности из спичек не видел еще никто: ее все не удавалось и не удавалось построить, что естественным образом подогревало интерес к ней лучших умов человечества. Да и Змбрафль встречал их подобающими лозунгами: «Цель жизни – Правильная Окружность из спичек»; «Построение Правильной Окружности из спичек – дело всех и каждого»; «Да здравствует Правильная Окружность из спичек!»; «Что тебе дороже – родная мать или Правильная Окружность из спичек?» и так дерзновенно далее (хотя я вполне и вполне допускаю, что с последним лозунгом автор настоящего художественного произведения несколько перебрал).

За последние десятилетия в Змбрафле настолько свыклись с этими лозунгами, что не обращали на них внимания никогда. К тому же, обыватели и не видели большого человеческого смысла в построении Правильной Окружности из спичек – говоря между нами, их даже смешила такая затея... но это-то, положим, оттого, что никто из них просто не мог представить себе Абсолютно Правильную Окружность из спичек во *всей* красе! Хотя... если лучшие умы человечества считали необходимым приезжать в удаленный от

всего на свете город Змбрафль отовсюду *исключительно* ради этой Окружности... Пусть бы ее вообще никогда не удалось построить, – думали обыватели, любившие присутствие подле себя лучших умов человечества.

Да кто бы спорил, оно и в принципе-то нонсенс – построить из спичек Абсолютно Правильную Окружность! Во-первых, спички бывают прямыми и более никакими. Изогнутая спичка есть а-но-ма-ли-я. Соорудить же окружность, тем паче абсолютно правильную, из – пусть даже коротких – прямых... это сколько ж потребуется прямых?

С «во-первых» тесно связано «во-вторых» (как оно, по наблюдениям автора, обычно и происходит). Ибо даже если найти такое немыслимое количество спичек, то где же найти такое немыслимое количество лучших умов человечества? Всем ведь понятно, что количество лучших умов человечества чрезвычайно ограничено – и что на каждый из имеющихся умов при таких масштабах работы приходится возлагать личную ответственность за колоссальный участок Окружности!

Следует еще учесть, что лучшие умы человечества частенько полегают в борьбе за претворение в жизнь той или иной идеи – и идея построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек в этом смысле отнюдь не исключение. Кстати, от Окружности, по большому счету, до сих пор ничего, кроме неприятностей, не было. Отдельные участки ее, выложенные под руководством лучших умов

человечества, обычно плохо стыковались или вовсе не стыковались – и замкнутой кривой не получалось никак. Конечно, это было, в общем и целом, объяснимо: некоторым лучшим умам человечества приходилось руководить сразу несколькими бригадами строителей – причем разбросанными по всему восточному полушарию. Иногда траектория Окружности проходила через горы и моря, реки и государственные границы, что сильно затрудняло процесс выкладывания спичек и не давало возможности выдержать требуемую степень кривизны. Неудивительно, что лучшие умы человечества часто сбивались с пути и даже пропадали без вести – одни или вместе с вверенными им бригадами строителей. Кроме того, не все лучшие умы человечества так уж хорошо ориентировались на местности, чтобы оказаться в состоянии соблюсти положенную траекторию. Участки Окружности получались то более, то менее изогнутыми, чем нужно, – и это опять-таки уводило от конечной цели...

Короче говоря, препятствий было хоть отбавляй – и обыватели Змбрафля, мечтавшие о том, чтобы Абсолютно Правильная Окружность из спичек не была построена никогда, а лучшие умы человечества съезжались в Змбрафль, наоборот, всегда, – могли особенно не беспокоиться: перспективы такими и были.

Могли бы на сей счет особенно не беспокоиться и мы с вами... если бы не одно важное обстоятельство.

О нем можно сообщить уже сейчас, поскольку в Змбрафль только что прибыл-таки поезд – со всего-навсего двумя пассажирами.

Итак, если бы не одно важное обстоятельство: впервые за все годы в построении Абсолютно Правильной Окружности из спичек участвовал Редингот. Разумеется, особого значения данному обстоятельству никто пока не придавал, ибо мало кто знал Редингота... вообще никто не знал. Но мы-то с вами уже слышали от Марты, что Редингот не фунт изюма: с этим даже сейчас приходится считаться, а в дальнейшем, поверьте, упомянутое обстоятельство определит всё. Если, конечно, об обстоятельстве этом – как и о самом Рединготе – мы с вами не забудем в ходе повествования.

Впрочем, в настоящий момент Редингот в знаменитом своем пальто и все так же без брюк подает руку Марте, помогая ей сойти на чистую платформу города, названия которого она не способна выговорить.

– Збрм... Змрб...

– Змбрафль, – отчеканивает Редингот, словно он родился в этом городе и умер в нем.

А Марта тем временем уже читает лозунги, потеряв всякий интерес к названию и даже не попытавшись его воспроизвести (кстати, и правильно: что значит Имя – тем более в художественном произведении!) Ее завораживает лозунг, соизмеряющий ценность матери

с ценностью Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Она читает его снова и снова и вдруг очень серьезно произносит:

– Мне внезапно вспомнилось, что я, лепя из хлеба голубей и голубиц, постоянно думала о построении Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Мысль эта не давала мне покоя ни днем, ни ночью.

– Еще бы! – восклицает Редингот и с уважением спрашивает: – А Вы и ночью тоже лепили?

– Лепила... – признается Марта, краснея.

– Молодец! – тоже краснея, говорит Редингот.

Так Редингот понимает Марту, Марта – Редингота, мы с вами – их обоих... и заодно – друг друга. Да и вообще все сразу понимают всех сразу, что чрезвычайно приятно и замечательно.

И маячит впереди высоченное здание строго-настрого прямоугольной формы, и располагается в нем, скорее всего, Оргкомитет Умственных Игрищ: Оргкомитет для столь серьезного мероприятия нужен обязательно.

У входа в здание стояли двое гостеприимных мужчин: один из них хохотал, другой рыдал – вместе они должны были, видимо, изображать противоречивые чувства по поводу самóй возможности построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек.

Внимание Марты и Редингота привлек, разумеется, рыдавший. Чуткая Марта погладила его по голове:

– Не надо так убиваться, дорогой Вы наш! Мы построим Окружность, уверяю Вас.

Но рыдавший грубо оттолкнул Марту и спокойно сказал, прервав рыдания:

– Напрасно Вы суетесь не в свое, а в общее дело. – При последнем слове («дело») он сильно ударил замешкавшегося Рединготa по зубам.

Это не могло не покоробить Марту и Рединготa, но они и виду не подали, а преспокойно вошли в здание – и только внутри Марта вытерла Рединготу кровь с подбородка.

Вестибюль напоминал ванную комнату: стены его были выложены кафелем, причем голубым. Каждую плитку украшала маленькая камбала, избранная из всех рыб, наверное, потому, что камбала больше всего напоминает окружность, – так, во всяком случае, поняла это Марта и сказала:

– Камбалы нарисованы столь искусно, что хочется кричать. – И она на самом деле пронзительно закричала.

Через ванный вестибюль следовало проходить в зал регистрации гостей, о чем в огромном объявлении на одной из стен так прямо и сообщалось: «Через ванный вестибюль – в зал регистрации гостей». У Марты и Рединготa не было оснований поступить иначе. Вскоре они очутились перед маленьким круглым человечком, который сидел за столом и являл собой наглядный пример того, как

сама природа создает окружности из материала, совсем непригодного для подобных целей.

– Вас зарегистрировать как кого?

Вопрос живой окружности поставил их в тупик.

– А как кого тут можно? – поинтересовался Редингот.

– Как кого угодно, – вяло отозвалась окружность. – Мы не оказываем давления на личность. Только что, например, мы зарегистрировали одного из гостей как Цветущую Ветвь Миндального Дерева.

– Почему?

– Так он отрекомендовался. И был прав. Или... Вы имеете что-нибудь против его самооценки? – Живая окружность подозрительно вгляделась сначала в Редингота, а потом в Марту.

– Упаси Боже! – воскликнули те, морщась от недавнего горького опыта, как от хинина-перорально. – Мы не вмешиваемся не в свои, а в общие дела.

– И правильно делаете, – успокоилась окружность. – Кстати, тот, о ком идет речь, попросил, чтобы его использовали для украшения обихода, пока собрание еще не началось. Во-о-он он в конце зала на столе стоит, видите?

В указанном направлении некто – действительно с огромной убедительностью – выдавал себя за цветущую ветвь миндального дерева.

Тогда Редингот захотел, чтобы его зарегистрировали Шестым Вальсом Шопена – Марту же, по ее просьбе, записали Ионической Капителью. Сразу после этого – по причине их теперь уже полной определенности – Редингото м и Мартой перестали заниматься, а занялись теми, в ком определенности к настоящему моменту еще недоставало.

Шестой Вальс Шопена под руку с Ионической Капителью отправились гулять по зданию, бросив чемодан прямо посередине конференц-зала, находившегося рядом с залом регистрации. Они бродили и все больше влюблялись в идею построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек. В одной из многих комнат они увидели карту бесподобных размеров, на которой жирным пунктиром, отдаленно напоминающим аккуратно разложенные спички-мутанты, была обозначена эта самая Правильная Окружность. Марта и Редингот установили, что линия Окружности пройдет через такие страны, как Англия (около нее на карте стоял маленький красный флажок, из чего следовало, будто все мы в данный момент находимся именно в этой стране, м-да...), Бельгия, Франция, Швейцария, Италия (а именно: Сицилия), дальше Средиземным морем, потом Ливия, Египет, Судан, Эфиопия, через Красное море, затем Йемен, довольно большой кусок Индийского океана, Индонезия, Малайзия, Южно-Китайское море, Филиппины, далее долго по Тихому океану до самой северной оконечности необъятной родины автора настоящего художественного произведения, наконец – Северный Ледови-

тый океан, а там уж – через Гренландию – снова Англия, у границы которой намекал на окончание пути еще один маленький красный флажок.

– По-моему, Окружность недостаточно велика, чтобы получиться правильной, – озаботился Редингот. – Западное полушарие – за исключением Гренландии – вообще не охвачено! Да и восточное охвачено далеко не полностью. – Тут он пальцем начал чертить на карте гипотетически бóльшую Окружность, в то время как Марта отнюдь не разделяла его озабоченности, а имела собственную: ее, напротив, ошарашивала грандиозность замысла устроителей Умственных Игрищ и сильно пугала перспектива прокладывать Окружность по таким участкам, как все водные (особенно Тихий океан, а еще особеннее – Северный Ледовитый), и Гренландия.

И Марта, в свою очередь, поделилась этой озабоченностью с Редингото́м, который, почти не слушая ее, отвечал, что лично он за водные участки в принципе спокоен, так как спички в воде не тонут. А работать в условиях Крайнего Севера Рединготу, по его словам, представлялось наиболее почетным.

От такого ответа у Марты сильно закружилась голова, а в сердце родилась молитва о том, чтобы им с Редингото́м выпал жребий полегче... если, конечно, жребий у них общий! Марту вполне устроила бы европейская часть Окружности, на худой конец – восточноафриканская, а бóльше, кажется, никакая. И уж во всяком случае – не океаны...

Редингот между тем, все еще чертя пальцем по карте, по-прежнему лелеял идею увеличения Окружности.

– Такую Окружность, как изображена здесь, – с жаром провозглашал он, – строить совершенно бессмысленно: она заведомо будет лишь *относительно* правильной. Нам же необходима Абсолютно Правильная Окружность из спичек. – Тут Редингот подозрительно взглянул на Марту и спросил: – Вас, Марта, может быть, вообще уже не заботит, *насколько* правильной будет Окружность?

Марта поспешила заверить Редингота, что правильность Окружности – ее основная забота, и Редингот полностью успокоился.

Конференц-зал, отведенный под жеребьевку, оказался настолько заполнен лучшими умами человечества и их чемоданами, что, когда Редингот – просто из любопытства – с галерки, где только и остался душный клочок пространства для них с Мартой, швырнул в зал яблоко, яблоку этому определенно негде было упасть – и оно в недоумении зависло в спертом присутствующими воздухе. Впрочем, один из присутствующих – сухопарый старик с большим, как у акулы, ртом – немедленно схватил это алевшее прямо возле его бескровных губ яблоко и просто-таки сожрал его на весь конференц-зал.

Неожиданно Бог весть откуда раздался голос, кажется, Председателя Умственных Игрищ: должно быть, то была приветственная речь.

Процитируем данную приветственную речь точно – то есть во всем ее безобразии:

«Дорогие собравшиеся!

От имени человечества я приветствую его лучшие умы и выражаю им благодарность за согласие принять участие в очередных Умственных Игрищах. С каждым годом нас, страстно желающих построить Абсолютно Правильную Окружность из спичек, становится все больше. Однако, к сожалению, Абсолютно Правильная Окружность – пока мечта. Так что проку от нее мало. Но заверяю вас: как только эта мечта станет реальностью, проку от нее будет много, ибо каждый из живущих сможет, взглянув на эту прекрасную реальность, сказать: "Я видел Абсолютно Правильную Окружность из спичек, ура!" Может ли быть награда выше этой?

Да, Абсолютно Правильную Окружность из спичек построить трудно. Более того, ее вообще практически невозможно построить. Но – оставим пессимистические настроения. Воспарим!»

Услышавшие призыв поняли его буквально. Все, кто был крылат, воспарили. Сделалось темно: летавшие заслоняли свет. Те, кто остался сидеть, заверещали – должно быть, от страха – на разные голоса, соскочили с мест и принялись метаться по залу. Между тем

воспарившие – в силу их многочисленности – начали сталкиваться в воздухе и от этого падать на головы метавшихся.

Стали иметься жертвы.

Находчивому Рединготу, который чуть ли не раньше других взмыл под потолок, нацепив бледно-желтые свои крылья и схватив Марту в охапку, удалось высадить ногой оконную раму. Он прижал Марту к груди и вылетел с ней на улицу в образовавшийся проем.

– Мы как влюбленные над городом у Шагала, – неточно, но красиво определила Марта.

С почтительного уже расстояния они наблюдали за теми, кто эвакуировался через окно. Многие были весьма помяты. Поставив Марту на землю, Редингот бросился навстречу эвакуировавшимся. Зачем это он, интересно, бросился... и не надо ли как-нибудь помочь ему?

– Надо! – кричит Редингот. – Дайте мне рупор!

Пожалуйста...

Редингот на лету поднес рупор к губам.

– Остановить парение! Всем занять свои места!

А что, убедительно.

Мало-помалу движение упорядочилось, метавшиеся и летавшие благополучно нашли свои кресла и опустились в них. Вылетевшие влетели обратно – с ними в основном тоже все было нормально.

– Вынести из зала мертвых и вывести искалеченных! – в рупор продолжал командовать Редингот.

Сообразительная Марта, оказывается, даром на земле не стояла: она уже давно вызвала скорую. Люди в белых халатах спешили на помощь пострадавшим и тем, кто еще продолжал страдать. Вскоре зал от них был очищен.

Едва лишь за последним санитаром закрылась дверь, Редингот обратился к залу:

– Разрешите представиться: Редингот. Я объявляю себя Председателем Оргкомитета Умственных Игрищ, поскольку больше никто из присутствующих этого не заслуживает. Оставляю за собой право сформировать новый Оргкомитет по причине полной дискредитированности старого в моих карих глазах.

Карими своими глазами он разыскал Марту и, подозвав ее, представил присутствовавшим:

– Это Марта. Она секретарь нашего собрания. Ее следует боготворить.

Марта улыбнулась – и все ужасно ее полюбили, потому что Марта – Зеленая Госпожа.

Впрочем, нет. Надо, чтобы не все полюбили Марту, – пусть кто-то один возненавидит ее, но это никак не отразится на дальнейшем ходе событий. И пусть таким возненавидевшим окажется беззубый человек.

Беззубый человек поднялся со своего места и, сильно шепелявя, раздельно произнес:

– Вот вы тут все полюбили эту Марту, а я ее ненавижу, – после чего сразу же сел и затих.

– Наверное, у Вас с ней старые счеты, – предположили из зала семеро смелых.

– Не ваша забота! – коротко огрызнулся беззубый и больше на провокации не отвечал – впрочем, провокаций больше и не было.

Зато одна огромная собака из третьего ряда вышла из ряда вон и бросилась на грудь Рединготу с такими высокими словами:

– Я друг человека!

Облобызав Редингота, собака немножко описалась и потому сконфузилась, но говорить не перестала.

– Моя фамилия Бернар. У моих родителей было двое детей, – рассказывала собака, брезгливо отойдя от лужицы. – Мы жили в холле… то есть в неге: брат и сестра. Я брат, – призналась собака, внезапно оказавшись мужчиной. – Сестру назвали Сара Бернар – и получилось глупо. А меня никак не назвали – и получилось умно: я остался просто Бернар. Так и зажили мы бок о бок: дочь Сара Бернар и Сын Бернар. Вот... извините за подробности. И, предупреждаю, я на все готов.

– Отлично! – воскликнул Редингот. – Готовы ли Вы в ходе жеребьевки стать главным контролером? Будете следить за порядком. Будете? – грозно уточнил новый Председатель Оргкомитета.

– Еще как буду, – воодушевился Сын Бернар, – камня на камне не оставлю!

– Только писать больше не надо, не маленький, – предупредил Редингот и бодро выкрикнул: – Жеребьевка!

Зал загудел.

– Сначала скажите речь, а то нам первая не понравилась!

– Хорошо, я скажу вам речь. Но мне придется начать издалека… да и закончить, видимо, вдалеке.

Тут Редингот стремительно вылетел в окно и отлетел на более чем приличное расстояние. Оттуда ему пришлось кричать безобразно сильно, даже и в рупор – чтобы его услышали.

– *В истории человечества*, – кричал новоиспеченный Председатель Оргкомитета Умственных Игрищ, – *было великое множество грандиозных идей. На то, чтобы просто перечислить их, у нас ушли бы годы. Сэкономим эти годы и скажем не мудрствуя лукаво: пропади они пропадом, все грандиозные идеи человечества! Они не могут увлекать нас с вами хотя бы потому, что есть у них один общий и весьма серьезный недостаток. В чем он? А вот в чем: все великие идеи человечества выдвигались для чего-то... Например, для того, чтобы в какой-нибудь области сделать какой-нибудь шаг – чаще всего вперед. Или, скажем, для того, чтобы кому-нибудь в чем-нибудь помочь – чаще всего зря. Ну и... так далее. Однако каждому понятно, что выдвигать идею для чего-то – мер-кан-тиль-но! Уж не хотите ли Вы, могут спросить меня, упрекнуть в меркантильности все человечество? – Хочу! – отвечу я и упрекну: «Ты меркантильно, все человечество!» Бросив в лицо человечеству этот горький упрек, я тут же потребую, чтобы мне аплодировали – по возможности бурно. Требую: аплодируйте!*

В зале тотчас раздались бурные аплодисменты: публика, видимо, поняла, что с Рединготом шутки плохи.

– Так в чем же коренное отличие нашей с вами грандиозной идеи – идеи построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек – от прочих, так называемых грандиозных идей человечества? А в том, опять отвечу я, что наша идея подлинно грандиозная, между тем как прочие – лишь так называемые грандиозные. Что это значит? – спрашиваю я вас и сам себе за вас отвечаю: это значит, что наша грандиозная идея чиста и светла. Она выдвинута вообще безо всякой цели. Спросите свое сердце: для чего тебе, сердце, строить Абсолютно Правильную Окружность из спичек? Уверяю вас, сердце ваше только пожмет плечами: оно не знает ответа на этот вопрос. Ибо ответа на этот вопрос – нет.

Да! Мы хотим построить Абсолютно Правильную Окружность из спичек просто так, неизвестно зачем. Вот в чем чистота и светлота нашей грандиозной идеи. Станут ли счастливее от этого люди? Нет, – с гордостью отвечаем мы. Может быть, они станут от этого еще несчастнее? Нет, – с тою же гордостью отвечаем мы. И с полной определенностью добавляем: построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек не изменит в мире ровным счетом ничего. Скажу больше: миру от построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек ни жарко ни холодно, миру до лампочки, миру плевать, – я не боюсь этого слова! – построим мы из спичек Абсолютно Правильную Окружность или нет.

(Услышав «плевать», одна благородная женщина средних лет, с детства не выносившая грубостей, сразу же умерла на своем тринадцатом месте в своем тринадцатом ряду. Ее поспешно вынесли и с почестями захоронили поблизости от места кончины, причем на могиле ее немедленно выросла финиковая пальма.)

– Так возрадуемся! Нам удалось преодолеть меркантильность – главный порок человечества. Выражаясь крепкими словами Иммануила Канта, которого я хотел бы провозгласить нашим идейным отцом и потому сразу провозглашаю: «Иммануил Кант, ты идейный отец наш!» – мы свободны от всякого побочного интереса. Абсолютно Правильная Окружность из спичек привлекает нас сама по себе – какой тут, ко всем чертям, может быть побочный интерес, когда и основного-то интереса нету? Строить нашу Окружность совершенно ни к чему. Ура!

К концу речи Редингот совершенно потерял голос – и только по движению его далеких губ, да и то с колоссальным трудом, можно было догадаться о смысле произносимых им слов. Но лучшие умы человечества – на то они и лучшие умы, – несомненно, догадались и разразились ответным «ура!» минут на десять-двадцать-тридцать...

Марта, стенографируя речь Редингота, страшно гордилась им. Как быстро и точно оценил он ситуацию, как грамотно обозначил ее параметры и как четко определил задачи!

А Редингот, летя обратно, произнес на лету: – Ближе к делу! – и вплотную приблизился к папке с надписью «Дело», надежно охраняемой Сын Бернаром. Растерявшись от такой быстрой смены событий, Сын Бернар тут же укусил Редингота за одну из голых ног. И смущенно произнес:

– Извините... переусердствовал!

– Сукин Сын Бернар! – простонал Редингот, накладывая жгут выше колена, но ниже пояса.

Кровь хлестала из перекушенной вены.

– Если это дело не остановить, Вы можете умереть от потери крови, – щедро пообещал Сын Бернар.

– Дожидайтесь! – не согласился умереть Рединготт. – Я же все-таки не фунт изюма – вот хоть у Марты спросите.

В это время по залу сам собой распространился дурацкий слух, что Рединготта зарезали, дабы принести его в жертву чистой и светлой идее окружности из спичек... Все поднялись со своих кресел и по самое некуда погрузились в скорбное молчание. На сцене умирал Рединготт. Марта – по причине страшной занятости протоколом – не могла быть рядом с ним: глотая слезы, она усердно стенографировала происходящее на ее глазах историческое событие. «Рединготт умирает от потери крови, – закусив губу, писала она. – Зал по самое некуда погружается в скорбное молчание».

Рединготт умирал долго и мучительно. Чтобы как-то развеселить умирающего, на сцену вышел дрессированный Слон и стал выделывать уморительные номера с бревном. Зал хохотал ужасно. Рединготт тоже улыбался – правда, почти уже с того света... но, ясное дело, потешный Слон смешил и его.

Наконец Рединготт отвлекся от занимательного зрелища и тихо сказал Сын Бернару:

– Я, кажется, действительно, не жилец. Впрочем, если хорошенько вдуматься...

– Кто тут умеет вдумываться? – мгновенно реагировал Сын Бернар. – Нам нельзя терять ни минуты!

На сцену вышла маленькая очкастая девочка с очень большой головой на плечах и смело сказала:

– Я умею вдумываться.

– Хорошенько? – уточнил Сын Бернар.

– Зашибенно умею, – превзошла ожидания девочка.

– Вдумайся, детка, – попросил тогда Сын Бернар.

Девочка вдумалась и равнодушно произнесла:

– Кровь можно заговорить. – И ушла со сцены, большой своей головой зашибив по дороге дрессированного Слона и Марту. Слон упал как подстреленный, а Марта вскрикнула, не обратив, однако, на девочку ни малейшего внимания, и продолжала стенографировать.

– Мудрая, но неуклюжая девочка, – поднимая Слона, заметил Сын Бернар.

Слона попросили уйти, и тот ушел, как оплеванный.

Заговорить же кровь поручили недавнему председателю Умственных Игрищ – на том основании, что, по его собственному – ни с того, ни с сего сделанному – признанию, он мог заговорить кого угодно.

– Прямо здесь заговаривать? – осведомился недавний председатель.

– Прямо здесь, – строго сказал Сын Бернар.

Едва недавний председатель открыл рот, хлеставшая до этого во все стороны кровь бросилась в лицо Рединготу – и впиталась туда вся, до последней капли.

– Так на ее месте поступил бы каждый! – умозаключил Сын Бернар и попросил Марту записать это умозаключение, а сам громко крикнул:

– Редингот не умрет от потери крови!

Криком своим он потряс зал до основанья, а затем с балкона упало несовершеннолетнее одно дитя, никого, правда, не убив – только ранив чуть ли не всех сразу.

Куда там – от потери крови! С налившимся кровью лицом Редингот вскочил на обе ноги и оказался живее всех живых.

«Ликование в зале!» – стенографировала Марта, на щеках которой ослепительно блестели слезы. Двое ослепленных этими слезами стариков, держась за стену, короткой колонной покинули помещение.

А Редингот уже вернулся к прерванным занятиям.

– Кто тут лучше всех бросает жребий? – грозно спросил он.

– Лучше всех тут бросает жребий Семенов и Лебедев, – с готовностью откликнулись из зала.

В ответ на это из одиннадцатого ряда поднялся и гадко раскланялся юркий старикан, одетый во все черное, как монах в синих штанах. Данный старикан, точно его уже пригласили бросать жребий,

свойской походочкой направился к сцене, раздавая направо и налево влажненькие «здрасьте», похожие на небольшие оплеушки.

Кроме него, вопреки ожиданию Марты, никто в направлении сцены не перемещался.

– Так это Семенов или это Лебедев? – не прекращая писать, осведомилась Марта у кого-то из первого ряда.

– Это Семенов и Лебедев, – с вызовом ответили ей.

Не услышав вызова, Марта так и записала, меж тем как старикан уже воцарился на сцене.

Сын Бернар, взглянув на старикана с недоверием, приготовился осуществлять контроль за жеребьевкой.

ГЛАВА 3
Побочная линия, грозящая стать основной

Теперь надо осторожно ввести в повествование какую-нибудь побочную линию: осторожно потому, что любая побочная линия так и норовит превратиться в основную. Стоит писателю на минутку забыться, как второстепенное действующее лицо уже вырвалось вперед – и давай распоряжаться на страницах художественного целого! Распихает там всех главных героев, на которых основная идейная нагрузка лежит, и начинает одеяло на себя тащить. Ты ему: отдай одеяло, стервец, – ан второстепенное действующее лицо только улыбается, как та противная девчонка с обертки конфеты «А ну-ка отними!» – и всё. Собачка около нее прямо истерзалась... нет чтобы вцепиться противной девчонке в ногу да откусить ее по колено, потом отбежать с этой ногой во рту метров на сто и сказать красивым человеческим голосом: «А теперь ну-ка ты отними, дрянь маленькая!» Но это я, конечно, размечтался...

Что же касается второстепенных действующих лиц, то время от времени их, конечно, на место ставить надо – пусть не думают себе, будто они основные, а основные – второстепенные... Вылезет какое из второстепенных вперед – ты ему линейкой по лбу хлоп:

дескать, не высовывайся! Только ведь писательское сердце не камень, да и некоторые второстепенные герои уж до того жалостные бывают – впору ради них всех основных перестрелять и передушить, а второстепенному сказать: «В общем, так... бери тут себе все, что захочешь: принцессу, полцарства – или даже полное царство! Бери все это, значит, и... уходи с глаз моих долой: смотреть на тебя больно!»

Вот и Деткин-Вклеткин такой – одно имя способно до слез довести!..

Деткин-Вклеткин родился на брегах Невы, причем на правом и левом одновременно. Это до него мало кому удавалось, но Деткин-Вклеткину как-то удалось. Многие даже утверждали, что деткин-вклеткиных в мире целых два, но другие им не верили. Конечно, двух деткин-вклеткиных в мире быть не могло: природа не создает такого дважды. А если случайно создает, то одного немедленно убивает – причем самым что ни на есть зверским способом.

Деткин-Вклеткин был незаметным – настолько, что органы человеческого зрения его просто не регистрировали. Налетит кто-нибудь, бывало, на Деткин-Вклеткина в толпе – и даже не извинится. А спросишь налетевшего: Вы почему, дескать, не извинились, – так тот посмотрит на тебя непонимающими глазами: «…перед кем, собственно?»

Незаметность эта происходила, может быть, от того, что Деткин-Вклеткин никогда не ел – в общепринятом смысле слова: бутер-

броды там разные, сосиски какие-нибудь, яйца те или другие, куриные-перепелиные... И не пил – ни чая, ни кофе, ни соков, ни – Боже упаси! – спиртного. А питался он исключительно духовной пищей и более ничем. Приблизительное меню Деткин-Вклеткина на один день могло выглядеть так – причем только так и никак иначе:

Первый завтрак

Федотов П. А. *Завтрак аристократа*

Второй завтрак

Гендель Г.-Ф. *Музыка на воде*
Калинка-малинка (русская народная песня)

Обед

Зуппе, Франц фон. *Missa Dalmatica*
Шуберт, Франц. *Форель*
Рафаэль Санти. *Мадонна со щеглом (собственно щегол)*
Бодлер, Шарль. *Вино убийцы*

Полдник

Серов В. А. *Девочка с персиками (собственно персики)*

Ужин

Ван Гог, Винсент. *Подсолнухи (собственно семечки)*
No sugar tonight (поп. песня)

Деткин-Вклеткин был человек образованный. Если, конечно, он вообще человек.

Вторая особенность Деткин-Вклеткина состояла в том, что жил он сугубо внутренней жизнью, а внешней жизнью он не жил. Внеш-

ней жизни для него вообще не существовало: изредка, правда, что-то извне попадало вовнутрь – и это страшно пугало Деткин-Вклеткина. Он принимался тосковать, начинал размышлять о том, куда бы поместить проникшее в него нечто… и тогда надолго выходил из себя, а потом блуждал как потерянный. Например, как потерянный рубль. Или – как потерянный зонт.

Если же вовнутрь извне не проникало ничего, Деткин-Вклеткин жил спокойно своею внутреннею жизнью и был ею в себе доволен.

Он понятия не имел, как называются страна, в которой он пребывает, город и улица, где он родился и вырос, – Деткин-Вклеткин попросту давно привык все время возвращаться в одно и то же место: наверное, там находился его дом. Может быть, Деткин-Вклеткин был на самом деле кот: коты ведь тоже ничего этого не знают, а не теряются. Или не кот... неважно.

Не интересовался он и тем, что говорят люди, – не интересовался даже, на каком языке. Сам говорил редко, причем на том языке, на каком получалось, – особенно не задумываясь.

Может быть, все это было так потому, что Деткин-Вклеткина постоянно занимал один Большой Вопрос: «В чем смысл жизни?» Он давно уже понял, что спрашивать об этом никого не надо. Когда-то, в далеком детстве, Деткин-Вклеткин подошел к двум-трем прохожим со своим Большим Вопросом, но один из них в ответ дал ему конфету, кем-то надкушенную в прошлом. А другие и этого не

давали, – только рассмеивались. И, рассмеявшись, уходили своими дорогами.

Тогда Деткин-Вклеткин изучил от начала до конца сперва всю медицину, потом всю философию, но смысл жизни не открылся ему. С отчаяния Деткин-Вклеткин принялся за искусство и увяз в нем, потому что не было у искусства ни начала, ни конца, а была одна середина – и середина эта была золотая. Он впился в золотую середину, полагая себе, что там и есть смысл жизни – и даже, может быть, не один, а два или три. Но искусство только обманывало Деткин-Вклеткина золотою своею серединою: то одно казалось ему смыслом жизни, то другое, а то и вовсе ни одно ни другое, но, наоборот, какое-нибудь пятнадцатое. Таким нечестным было искусство – и Деткин-Вклеткин грустил, смутно догадываясь, что ничего тут не попишешь. Он ничего и не пописывал, но от поисков не отказывался. А поскольку известно, что «жизнь коротка, искусство вечно», Деткин-Вклеткин до конца жизни обречен был вгрызаться в золотую середину... правда, он этого не знал и все надеялся, что уже совсем скоро подойдет к смыслу жизни и скажет ему: «Здравствуй, Смысл Жизни! Меня зовут Деткин-Вклеткин, я так долго тебя искал!»

Да, следует придумать Деткин-Вклеткину работу: каждый ведь должен работать, добывая средства к существованию, тем более что духовная пища нынче дорога. Работа у него была, значит, какая... а вот такая: нетрудная, но очень ответственная. Он измерял расстояния между разными предметами в дюймах и инчах. Два раза в ме-

сяц ему надлежало представлять в свое учреждение, названия которого он не знал, а если и знал, то все равно не понимал, что оно означает, отчет о проделанной работе по строгой форме № 1. Отчет всякий раз начинался словами: «За истекший месяц мною, Деткин-Вклеткиным, были произведены следующие измерения в дюймах и инчах...», а дальше в одной графе указывались сами предметы, в другой же – расстояния до них и от них в дюймах и инчах. Беда была, правда, в том, что Деткин-Вклеткин, раз и навсегда поняв, где на его рулетке дюймы, где инчи, совершенно терялся, когда приходилось называть предметы, ибо названий предметов он чаще всего не помнил. Поэтому записи его обычно выглядели так:

«*От первого угла до второго угла 20 дюймов 16 инчей.*

От такой штуки зеленого цвета с дырочками до одной моей ноги 45 дюймов 00 инчей.

От выступа в одном месте посередине до впадины в другом месте ближе к краю 01 дюймов 28 инчей»

– и так далее.

Когда Деткин-Вклеткин приносил очередной отчет и отдавал его толстой даме, всегда сидевшей за одним и тем же пустым столом в одном и том же белом платье, она обязательно улыбалась ему шестью рядами золотых и снова золотых зубов, после чего медленно и

аккуратно разрывала отчет на мелкие кусочки – страницу за страницей, складывала обрывки в большую тарелку, заправляла все это майонезом и быстро съедала, а потом отсчитывала Деткин-Вклеткину деньги и радушно говорила: «Непременно приходите в следующий раз».

Работа отнимала у Деткин-Вклеткина уйму времени и страшно изматывала его, но хорошо оплачивалась. Во всяком случае, Деткин-Вклеткину удавалось купить на свою зарплату ровно столько духовной пищи, сколько он способен был потребить за месяц в поисках смысла жизни. А не искать смысла жизни Деткин-Вклеткин не мог, поскольку сознавал, что, если он не найдет смысла жизни, то его, смысла жизни, скорее всего, вообще не найдут, ибо никому это не надо.

Так жил бы себе и жил Деткин-Вклеткин, если бы однажды сердце его не подпрыгнуло, как ужаленное. Подпрыгнуло же оно не случайно: его действительно ужалило одно воспоминание. Воспоминание было «Марта!» Оно не могло принять более отчетливых очертаний, это воспоминание, потому что пришло издалека, из детства. Деткин-Вклеткин сидел тогда на брегах Невы, причем на левом и правом одновременно, и размышлял свои детские размышления, потому что не знал, что еще с размышлениями этими можно было делать, – как вдруг беспардонная уже и в те времена жизнь ворвалась в них криком «Марта!» – и на крик этот по одному из брегов (Деткин-Вклеткин не помнил, по какому именно) побежала девочка

такого же, кажется, возраста, как и сам тогдашний Деткин-Вклеткин. Она была в одних трусиках, а трусики были в красный горошек. Девочка бежала навстречу зову – и Деткин-Вклеткин на одну только минутку поднял глаза, но тут же опустил их и снова вернулся к прерванным размышлениям, чтобы в них забыть крик «Марта!» и бегущую по песку девочку. Крик и девочка забылись хорошо и больше не возвращались к нему, но вот через много лет – «Марта…» – и снова девочка побежала по песку.

Это очень испугало Деткин-Вклеткина – и он стал тосковать: зачем девочка побежала по песку. Натосковавшись, он понял, что не может больше жить без той женщины, которая должна была получиться из этой девочки, и потерял покой. Тогда он тут же захотел измерить в дюймах и инчах расстояние от себя до того места, где потерял покой, но расстояние было столь велико, что измерить его имевшейся у Деткин-Вклеткина рулеткой оказалось невозможно: на это не хватало никаких дюймов, не говоря уж об инчах. Тут он и решил, что пропал, а решив так, сразу сел писать заявление:

«*Прошу освободить меня от занимаемой мною должности по собственному желанию, которое состоит в том, чтобы меня освободили от занимаемой мною должности по собственному желанию, которое состоит в том, чтобы меня освободили от занимаемой мною должности по собственному желанию…*»

– и так далее. Когда Деткин-Вклеткин устал писать это заявление, занявшее около сорока страниц и все еще не подошедшее к концу, он сразу же отнес его на работу, приняв решение досказать устно то, чего ему не удалось дописать.

Впрочем, досказывать не пришлось. Толстая дама, как всегда, улыбнулась ему шестью рядами золотых и снова золотых зубов, медленно и аккуратно разорвала заявление на мелкие кусочки, сложила обрывки в большую тарелку, залила майонезом и, быстро, как обычно, съев все это, отсчитала Деткин-Вклеткину причитающуюся ему за неполные полмесяца сумму, а потом радушно сказала: «Ни за что не приходите в следующий раз». Забегая вперед, скажем, что именно так он и поступил.

Покончив с работой, Деткин-Вклеткин сразу же отправился на брега Невы в надежде, что по песку пробежит или, на худой конец, пройдет женщина Марта, когда ее кто-нибудь окликнет.

Деткин-Вклеткин ждал несколько месяцев, но женщины Марты по песку не пробежало, зато пролетела однажды над ним жирная невская чайка и сказала ему на лету:

– Если ты, Деткин-Вклеткин, ждешь Марту, то ее тут нет.

Деткин-Вклеткин поразмышлял над этой информацией умом и решил, что ничего особенно нового и интересного ему не сообщили. Тогда – чуть ли не впервые за свою зрелость – он обратился к живому существу (чайке) с вопросом:

– А где она?

– В конторе! – странно и страшно крикнула чайка и улетела на веки вечные.

Деткин-Вклеткина передернуло от такой подробности.

– в конторе… – маленьким эхом отозвалось в нем, но он не понял того, что отозвалось, и пошел, кажется, домой. Там он очень не вовремя, потому что был уже вечер, вкусил *Завтрака на траве*, а потом, чего с ним в это время суток не случалось ни-ког-да, – *Музыки на воде*... и заплакал.

Музыка на воде – вот еще новости! – очень не понравилась ему, и он захотел каши на молоке. Хотение это произвело на него сложное впечатление, потому что Деткин-Вклеткин плохо представлял себе кашу и еще хуже – кашу на молоке: ему удалось вообразить, и то довольно смутно, только кашу на траве – в виде некоей размазанной по поляне субстанции.

В конце концов, осознав хотение каши на молоке как темное и беспредметное, Деткин-Вклеткин снова отдал предпочтение *Музыке на воде*, но от *Музыки на воде* его стошнило. И тогда он решил убить себя.

Более продолжительные раздумья на эту тему устрашили Деткин-Вклеткина, потому вместо себя он решил убить кого-нибудь другого, что тоже было страшно, но уже не так. Тут Деткин-Вклеткин стал думать, кого конкретно ему убить, но никого конкретно припомнить не смог. Всплывавшие в памяти лица ни черта не имели уловимых очертаний и сливались в общее понятие «люди».

Убить общее понятие Деткин-Вклеткин не посмел и от отчаяния вспомнил лицо человека, который однажды давно дал ему надкушенную уже тогда конфету. Деткин-Вклеткин обрадовался своему воспоминанию и пошел на улицу убивать того человека. Он искал его много дней, но не нашел. Поняв, что теперь уже того человека не найти, Деткин-Вклеткин принял новое решение: убить первого попавшегося прохожего – и, выйдя из дому, сразу же приблизился к таковому. Ощупав карманы и не найдя в них инструмента для убийства, Деткин-Вклеткин принялся раздумывать о сложности ситуации, в которой оказался, и, пока раздумывал, упустил жертву. Тогда Деткин-Вклеткин, не медля, приблизился к следующему прохожему с теперь уже практической мыслью – убить его словом.

– Ты зараза! – крикнул он человеку в лицо, коего не успел разглядеть. Человек упал и умер, а Деткин-Вклеткин, не интересуясь им больше, с легкой душой зашагал себе вперед. Впоследствии оказалось, что человек этот умер не насмерть, а догнал убийцу, после чего бывшей у него в руках огромной железякой сильно и молча ударил Деткин-Вклеткина по голове.

Когда Деткин-Вклеткин очнулся, он увидел подле себя мышку-норушку, лягушку-квакушку и волка-зубами-щелка. Деткин-Вклеткин не понял смысла их присутствия подле себя, плюнул на них и поднялся идти. А они вытерлись и разбежались кто куда хотел, по делам.

Заняться опять стало нечем – и Деткин-Вклеткин, осознав, что никого так и не убил, да и не убьет теперь уж, опять затосковал о Марте. И он тогда ужасно тонко крикнул:

– Ма-а-арта-а-а!

– Вы интересуетесь Мартой? – тут же спросил его кто-то из шедших мимо. – Пожалуй, если Вы дадите мне немного денег, я скажу, как ее найти.

Деткин-Вклеткин вынул из кармана бумажник и с большой охотой протянул его весь на голос, при этом не поинтересовавшись лицом голоса. Бумажник сразу куда-то исчез, но голоса больше не раздалось, и Деткин-Вклеткин тихо напомнил:

– Как же найти Марту?

Ответа не было.

Деткин-Вклеткин немного подождал, потом огорчился и стал опять идти. И тут он вновь услышал голос, показавшийся ему незнакомым:

– А больше у Вас случайно никаких денег нет? Потому что я взял бы еще немного...

– Не знаю, – ответил Деткин-Вклеткин и пошарил в карманах: там нашлась мелочь.

– Есть мелочь, – сказал он.

– Давай мелочь и еще, пожалуй, часы – я все-таки решил сказать тебе, как найти Марту.

Деткин-Вклеткин поспешно все это отдал, но на лицо опять смотреть не стал, а стал только ждать обещанного сведения. Но сведения никакого так и не поступило. «Странно», – подумал Деткин-Вклеткин и крикнул в пространство:

– Может быть, если я отдам Вам одежду и обувь, Вы вернетесь и скажете мне, где Марта?

– Давай, – без энтузиазма откликнулся все еще не ставший знакомым голос, а потом – в процессе раздевания Деткин-Вклеткина – посоветовал: – Ты трусы-то не снимай: стыдно.

Тот остановился на трусах, протянул вперед одежду и обувь и отдал их со словами:

– Только, пожалуйста, не забудьте сказать мне, где Марта.

– Да пошел ты со своей Мартой! – отозвались уже издалека.

Деткин-Вклеткин подумал над смыслом услышанного и громко крикнул вдаль:

– Я не понял Вас!

Поскольку никаких объяснений не последовало, он для приличия выждал минут пятнадцать-двадцать и только тогда отправился идти дальше. Через непродолжительное время он продрог и куда-то вошел. Там были столы и стулья. Деткин-Вклеткин сел на стул за стол.

– Эй, голый! – сразу же донеслось откуда-то сбоку. – Ты чего сюда пришел?

Деткин-Вклеткин ради интереса подождал ответа голого и, не дождавшись, утратил интерес к ситуации. Он спрятал лицо в ладони, чтобы спать.

Внезапно его тронули за плечо пальцами:

– Голый! – кажется, это все-таки к нему обращались, и Деткин-Вклеткин, не поднимая лица, спросил:

– Это Вы мне?

– Разве тут есть другие голые? – задали ему вопрос.

– Я не обратил внимания, – не солгал Деткин-Вклеткин.

– Обрати, – посоветовали ему.

Деткин-Вклеткин осмотрел помещение и, не найдя в нем других голых, четко сказал:

– Других голых тут нет.

– Значит, я к тебе обращаюсь, – подытожил голос. – Чтобы спросить: зачем ты сюда пришел?

– Я не знаю, – ответил Деткин-Вклеткин, – просто я замерз и увидел дверь.

– Понятно, – сказали ему. – Значит, ты греться пришел. Тогда грейся, а то ведь я не знал, зачем ты пришел, – смотрю, голый...

– Я греться пришел, – подтвердил Деткин-Вклеткин и добавил: – И, может быть, еще чего-нибудь... горячительного получить. Вот бы, например, *Ананасов в шампанском*.

– Это столовая, – смутились в ответ. – Тут ананасов и шампанского сроду не бывало. Есть яичница с колбасой – будешь?

– Не знаю, – заколебался Деткин-Вклеткин. – Не знаю, но думаю, что нет. А из духовного...

– Из духовного – мясо духовое, – не дослушали его. – Принести?

– Никогда не слыхал про такое... кто автор?

– Автор?.. Ну, Катька автор. Катька Снегирева. Так принести?

– Спасибо. Принесите...

Минут через двадцать его снова тронули за плечо пальцами.

Он поднял голову. Перед ним дымился горшочек, из которого плохо пахло.

– Что это? – с ужасом спросил Деткин-Вклеткин.

– Мясо духовое, ты ж заказывал, – ответили сверху.

– Как с ним быть? – Деткин-Вклеткин весь напрягся.

– Да вот же... вилка, нож. Клади в рот да ешь, – рассмеялся голос.

– Это... это все надо... неужели ртом? – цепенея, спросил Деткин-Вклеткин. – Прямо в самый рот? И – внутрь? В меня? – Он помолчал. – А где Вы это взяли?

– Это говядина, – неопределенно ответили ему.

– Говядина... то есть как, простите? – озадачился Деткин-Вклеткин, на глазах веселея. – Зачем ее так назвали?

– Она остынет, – предупредили его. – А назвали... захотели и назвали! Мясо всегда так называют: говядина, баранина, телятина...

Тут рассмеялся и Деткин-Вклеткин, только совсем коротко.

– Не буду я ее. – Он стремительно прекратил смеяться и серьезно сказал: – Мне мерзко.

– Ну, как знаешь. – Горшочек пропал со стола.

Деткин-Вклеткин закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Он было заснул, но спал недолго, потому что приснилась ему огромная обнаженная говядина, распевавшая инородную частушку:

Говядина я
Отвратительная,
А поближе подойдешь –
Обольстительная.

Эта распевавшая во сне говядина разбудила его: он вздрогнул и поднялся со стула.

– Вам не холодно голому? – спросил его кто-то, когда он шел к выходу.

– Холодно, – признался Деткин-Вклеткин, по привычке не взглянув на собеседника.

– Тогда надо одеться.

– Я оденусь, – еле слышно пообещал Деткин-Вклеткин и вышел на улицу. На улице он увидел урну, в которую была впихнута шуба. Деткин-Вклеткин вынул шубу и надел на голое тело. Цвет, фасон и размер шубы не подходили ему по цвету, фасону и размеру, однако другой шубы в урне не было, равно как не было ни шапки, ни обуви.

Деткин-Вклеткин сел в урну и стал дожидаться, пока туда все это бросят.

Внезапно к урне приблизилась Марта с неким человеком без брюк: они спросили, не видел ли он тут шубы...

Ну и… Вы чувствуете, как сами по себе стягиваются в клубок повествовательные мотивы! Стоило только раздеть Деткин-Вклеткина, как тут же потребовалось одевать его, а Марта с Рединготом именно в этот момент выбросили шубу в урну... И теперь уже не только Марта с Рединготом и Деткин-Вклеткин, но и вы тоже подтвердите: да, это произошло всего каких-нибудь три главы назад.

И, уж конечно, стоило Деткин-Вклеткину завидеть Марту – пусть даже и с человеком без брюк, – как он немедленно решил, что теперь-то он ни в коем случае не упустит ее из виду. Так, в дамской шубе, не подходившей ему по цвету, фасону, размеру и возрасту, и отправился Деткин-Вклеткин вослед Марте и Рединготу. Отныне он следовал за ними неотступно и рано или поздно тоже оказался в Змбрафле.

Впрочем, в Змбрафле-то он оказался скорее поздно, чем рано, но об этом надо начинать уже другую главу, какую по счету... – четвертую.

ГЛАВА 4
Развитие все еще недоразвитого действия

Глава четвертая связана отнюдь не с третьей главой, как читатель, небось, наивно предполагает, а вовсе даже со второй. Впрочем, обо всем таком читателя, видимо, никогда не стоит информировать – и вообще предупреждать его о чем бы то ни было есть дело совершенно бесполезное: читатель все равно будет вести себя не просто противоположным, а именно что прямо противоположным образом. Например, если я сейчас попрошу его не заглядывать на какую-нибудь определенную страницу настоящего художественного произведения, то, голову даю на отсечение, на нее-то он прежде всего и заглянет, не успев даже прочитать до конца, почему я, собственно, прошу его этого не делать. Иными словами, с читателем лучше никогда ни о чем не договариваться и уж ни в коем случае не ставить его в известность о намерениях и планах автора, а также о том, что с чем в художественном произведении соотносить. В идеале надо, наоборот, морочить читателю голову всеми возможными

способами – это-то я и собираюсь успешно делать в дальнейшем, даже не извиняясь за содеянное, как делают другие порядочные писатели.

Итак...

– Попробуйте бросить – если получится, – с жалостью произнес Редингот, стараясь не смотреть на Семенова и Лебедева. Тот явно не производил впечатления человека, знавшего свое дело. Он стоял на краю сцены, с трудом удерживая тяжелый жребий трясущимися руками.

– Может, помочь ему? – спросил Сын Бернар, поигрывая мускулами в баскетбол. – А то ведь... не долетит жребий-то.

Семенов и Лебедев ухмыльнулся и вдруг, приняв классическую позу дискобола, с силой швырнул жребий в зал. Жребий, разрезая воздух, понесся в направлении левого угла: он свистел, как сотни три закипающих чайников. Лучшие умы человечества согнулись кто во сколько мог погибелей и спрятали свои светлые головы за спинки впереди стоящих кресел. Поискав, кому бы тут чего снести и не найдя, жребий отколол от стены кусок штукатурки и, словно бумеранг, вернулся в ловко подхватившие его руки Семенова и Лебедева.

– Ну, что, – нахально взглянул тот прямо в карие глаза Редингота. – Есть еще какие-нибудь сомнения?

– Никаких, – твердо сказал Редингот.

– А полегче жребия нету у Вас? Этим Вы всех тут перебьете... – озаботился Сын Бернар.

– Не перебью, – снова ухмыльнулся Семенов и Лебедев. – Пусть ловят, если жизнь дорога. Я-то ведь поймал как-то...

– Редингот, а Вы уверены, что это вообще – жребий? – прекратив стенографировать, тихо спросила сердобольная Марта. – Он выглядит как... как безмен! Это не безмен ли у него в руках? Я, правда, безмена никогда в жизни не видела. Хотя и жребия тоже не видела...

– Нет, это жребий, Марта. Просто это тяжкий жребий, – развел руками Редингот. – А Вам хотелось бы – легкого?

– Не то чтобы легкого... – возразила Марта. – Просто ведь каждому – свой жребий: одному легкий, другому потяжелее, третьему совсем тяжелый... так?

– Не так, – положил ей руку на плечо Редингот. – Это только со стороны чужой жребий – легкий. А на самом деле жребий у всех одинаковый: тяжелый. Тяжкий... И смертельно опасный.

– Ну не скажите! – не выдержал Сын Бернар. – Кто-то целыми днями на диване валяется, а кто-то... альпинистов в горах спасает. – Сын Бернар сделал такую паузу после второго «кто-то», что ни у кого не осталось ни малейшего сомнения в том, к какой группе он причисляет себя.

– Ах, Сын Бернар, Сын Бернар!.. – покачал головой Редингот. – Валяться на диване целыми днями – это, я бы сказал, гораздо опаснее, чем альпинистов в горах спасать.

– Откуда Вы знаете? – Сын Бернар посмотрел на Редингота с вызовом. – Вы, что же, альпинистов спасали?

– Нет-нет, – поспешил определиться Рединготт. – Я, наоборот, на диване валялся. Поваляться бы Вам с мое... Инвалидом бы стали!

Сын Бернар запротестовал было, но взглянул на Марту и, увидев ее глаза – совершенно потусторонние глаза, – передумал.

– Я это знала, – тихо сказала она.

– Про диван? – опешил Сын Бернар.

– Про жребий... что он у всех одинаковый.

– Начали! – жестко сказал Рединготт и завертел стеклянный барабан, полный разноцветных шаров, на каждом из которых было написано название страны. – Гренландия!

Семенов и Лебедев бросил жребий так внезапно, что никто в зале не успел пригнуться.

– О горе мне! – раздалось из первого ряда: высоченный дядька с пятью трубками в зубах вынужден был сильными руками схватить страшный жребий, летевший прямо на него.

Все посмотрели на дядьку не столько с состраданием, сколько с изумлением: он умел говорить так, что ни одна из трубок не выпадала у него изо рта, и при этом все пять спокойно попыхивали, как бы не имея отношения к происходившему. – В пятый раз Гренландия... – продолжал дядька в отчаянии. – Какой-то просто свинский рок тяготеет надо мной! Я излазил эту Гренландию вдоль и поперек, я весь обморожен, белые медведи уже приветствуют

меня, немногочисленные аборигены на своем языке дали мне прозвище «девочка со шведскими спичками»… а местные собаки вообще считают, что меня прислали им в качестве корма!

Последнее высказывание вызвало у Сын Бернара гомерический хохот – сначала пентаметром, потом гекзаметром. Однако, вспомнив, что он осуществляет контроль за жеребьевкой, Сын Бернар передними лапами задушил в себе хохот и по всей строгости спросил с дядьки:

– Вы против жеребьевки?

– Да нет, – справившись с нервами, ответил тот. – Просто есть ведь и какие-то другие страны, которые тоже хочется посмотреть...

Редингот, начавший было опять вертеть барабан, остановил его настолько властным жестом, что барабан весь съежился.

– Значит, так. – Голос Редингота прозвучал жутко. – В наших рядах только что возникла одна отвратительная тенденция, и породили эту тенденцию – Вы. – Тут Редингот вплотную подошел к дядьке с пятью трубками и карими своими глазами принялся буравить его до крови.

Дядька ревел и стонал, как Днепр широкий. Прочие лучшие умы человечества с ужасом смотрели на страшную пытку, о самом существовании которой они еще мгновение назад не подозревали.

«Редингот буравит дядьку глазами, – стенографировала Марта трясущейся рукой. – В дядьке одна за другой возникают скважины,

из них, подобно нефти, хлещет его черная душа. Ужас охватывает мои немеющие члены – и я не в силах писать дальше...»

– Меньше эмоций, Марта. Вы же все-таки летопись пишете, а не сочинение на тему «Как я провел лето»! – сделал замечание Редингот, заглядывая в написанное Мартой и прекращая процесс бурения.

– А как Вы, кстати, провели лето? – поинтересовалась Марта.

– Паршиво, – ответил Редингот. – А Вы?

– И я, – вздохнула Марта. – Вы куда-нибудь ездили?

– Нет, никуда, дома был. Болезни всякие замучили...

– Это какие же, если не секрет?

– Да старые болезни!.. Со зрением, скажем, нелады постоянно: время от времени совершенно перестаю видеть деньги... Все остальное, понимаете ли, прекрасно вижу – никаких проблем вообще, а денег – не вижу. И вот что поразительно: мелкие – те иногда продолжаю видеть даже тогда, когда крупные – уже перестал. Хотя, казалось бы, наоборот быть должно.

– Это у Вас какой-то вариант близорукости. – Марта задумчиво жевала авторучку, пока чернила не хлынули ей в горло.

– Вряд ли. Тут наверняка посерьезнее что-то, – вздохнул Редингот, помогая ей приготовить полоскание. – Дело в том, что я в такие периоды мелкие деньги и с близкого расстояния вижу, и с далекого – причем одинаково хорошо. Правда, это только сначала... потом я и мелкие перестаю видеть. А крупные – тех просто сразу не вижу.

Тщательно прополоскав горло, Марта спросила:

– Что-нибудь еще беспокоит?

Редингот кивнул:

– Несовершенство человеческой натуры, неумение окружающих отличать истинные ценности от мнимых, так и не преодоленный разрыв между умственным и физическим трудом, деструктивность сознания современного человека, особенности структуры настоящего художественного произведения...

– Как насчет отвратительной тенденции, порожденной дядькой с пятью трубками во рту, – она Вас не беспокоит, Редингот? – бестактно перебил его Сын Бернар.

Поморщившись от такой бестактности, Редингот сказал:

– Всему свое время, Сын Бернар! Я еще не спросил Марту, где и как она провела лето...

– Пустяки, Редингот! – попыталась замять неловкость Марта. – Это совсем неинтересно: я провела лето на брегах Невы, причем на правом и левом одновременно – в ожидании, что меня кто-нибудь окликнет.

– Окликнули? – живо поинтересовался Редингот.

Марта помотала головой.

– А кто должен был окликнуть?

– Не знаю… – задумчиво ответила Марта. – Кто-нибудь... Но *никто* не окликнул.

– Вы, что же, вели себя как-нибудь... необычно?

– Почему? – с удивлением взглянула на него Марта. – Я вела себя обычно. Я шла по песку.

– Просто... – попытался оправдаться Рединготт, – просто людей окликают, когда прохожим кажется, будто с ними что-то не в порядке.

– Нет-нет, – заверила Марта, – со мной все было явно в порядке. А *что* могло бы со мной быть не в порядке?

– Ну... – Рединготт задумался. – Ну, слезы, ну, взгляд блуждающий, ну, красные пятна на щеках...

– Какие-то Вы ужасы рассказываете! – рассмеялась Марта. – Я не знала, что все это нужно иметь, чтобы тебя *невзначай* окликнули...

– Вы хотели, чтобы Вас *так* окликнули, – чуть ли не с ужасом уточнил Рединготт, – *невзначай*?

– А что?

– Но, милая Вы моя... – Рединготт покачал седой головой, – это же и есть самое невозможное – чтобы невзначай окликнули!

Марта опять рассмеялась.

– Когда-нибудь я расскажу Вам... я расскажу Вам это ощущение: *кто-то сидел на брегах Невы*. И Вы поймете...

– Если бы я тоже шел тогда по песку, – сказал вдруг какой-то Голубь из третьего ряда, – я бы обязательно окликнул Вас.

Марта посмотрела на Голубя и проникновенно сказала:

– Спасибо. Вы милый.

– Так как же все-таки насчет отвратительной тенденции, порожденной дядькой с пятью трубками во рту? – в очередной раз проявил нечуткость Сын Бернар.

– Да чтоб Вас!.. – в сердцах сказал Редингот. – Вот привязались-то – не на жизнь, а на смерть! Ладно: теперь насчет отвратительной тенденции.

Марта вынула из сумочки новую авторучку и приготовилась писать.

– Отвратительная тенденция, – задиктовал Редингот, – состоит в том, что кое-кто здесь, – он с тревогой оглядел всех присутствовавших, особенно задержавшись на пробуравленном в нескольких местах дядьке с пятью трубками во рту, – склонен выбирать страну, по территории которой ему предстоит выкладывать Правильную Окружность из спичек, так, как выбирают место отдыха! Взять хоть Вас, – снова взглянул он все на того же дядьку, сделав в нем еще две дырки, в районе северного предплечья, – Вас, дорогой мой, в Гренландию не в отпуск посылают! Выпади Вам Швейцария – Вас бы и туда не в отпуск посылали. И озабочены Вы должны быть не тем, чтобы страну смотреть, а тем, чтобы как можно лучше выполнять возлагаемые на Вас обязанности. В то время как Ваша черная душа...

– Черная душа уже вышла из меня, подобно нефти! – напомнил дядька с пятью трубками во рту и сослался на соответствующую страницу стенограммы Марты. Марта проверила и подтвердила правильность цитаты.

– ...в то время как *бывшая* Ваша черная душа, – исправился Редингот, – алкала лишь одного...

– Прямо так и писать – «алкала»? – переспросила Марта.

– Прямо так и писать: *алкала* лишь одного, а именно: прокатиться на халяву по странам Бенилюкса!

– Я ничего не говорил про страны Бенилюкса! – защитился дядька с пятью трубками во рту. Его фамилия была Корнилов – это наконец имеет смысл сказать, чтобы все время не повторять словосочетания «дядька с пятью трубками во рту».

– Да, Корнилов, Вы не говорили про страны Бенилюкса, – согласился Редингот, – но Вы думали про них и лелеяли их в Вашей бывшей черной душе! Иначе Вы не кричали бы: «О горе мне!» – узнав, что Вам предстоит отправиться в Гренландию... тоже, кстати, на халяву.

Разоблаченный Корнилов, затыкая пальцами пробуравленные в нем дырки, выбежал из зала в фойе, но и там, в фойе, как доложили наблюдатели, не смог вынести своего позора и был вынужден принять большую дозу цикуты. Его даже не стали хоронить – просто выбросили тело во двор и забыли о нем навсегда.

– Пусть это послужит уроком всем присутствующим, – бесстрастно сказал Редингот, и лица всех присутствующих навеки покрыл румянец стыда. – Затраты Оргкомитета Умственных Игрищ и без того велики. Они включают в себя расходы на миллиарды и миллиарды коробков спичек, расходы на транспорт до самого места

работы – причем в оба конца, обращаю ваше внимание! – а также расходы на гостиницу, суточные, отпускные, расходы на выплату бюллетеней по болезни, расходы на почтовые и прочие естественные отправления родным и близким в страны их проживания и, наконец, представительские расходы... Между тем такие, как только что умерший бесславной смертью Корнилов – надеюсь, он сейчас слышит меня! – вознамерились оплатить за счет Оргкомитета Умственных Игрищ еще и свои низменные потребности: подавай им, дескать, страны, богатые достопримечательностями! Нет, нет и нет – заявляю я вам. У тех, кто отправится нашими послами в разные уголки мира, не будет времени любоваться ни Тауэром, ни Нотр-Дамом, ни пирамидами Хеопса! Денно и нощно предстоит им выкладывать линию Абсолютно Правильной Окружности из спичек по неблагодарной почве, не успевая ни глаз к небу поднять, ни оглядеться вокруг. А если это так, дорогие лучшие умы человечества, то нет и не может быть для нас никакой разницы ни между Францией и Гренландией, ни между Бельгией и Малайзией, ни между Египтом и Филиппинами!

– А между Англией и Красным морем? – выкрикнул из девятого ряда (место четыре) от природы тупой Рузский, непонятно как оказавшийся среди лучших умов человечества.

– Ни между Англией и Красным морем! – отчеканил Редингот, после чего от природы тупой Рузский сразу заткнулся.

Тут Редингот так сильно крутанул барабан, что заметавшиеся в нем шары с названиями стран чуть не разнесли еле сдерживавшую их стеклянную поверхность.

– Франция! – прочитал Редингот на выхваченном из барабана шаре.

Не успел Семенов и Лебедев снова пустить свой страшный жребий над залом, как из самой середины взлетела над головами сидящих моложавая бабуля с газовыми крыльями на хребте.

– Франция – моя!– взвизгнула она, во мгновение ока сведя эффект от воспитательного монолога Редингота к нулю, и бесстрашно бросилась к уже свистящему страшным свистом жребию. Поймав его и прижав ко впалой груди, бабуля сложила газовые крылья и молчаливым камнем упала в свое кресло.

В зале колом стояла тишина.

– Умерла? – с надеждой спросил кто-то шепотом, который услышали все.

– Как бы не так! – раздался торжествующий голос моложавой бабули. – Не дождетесь! Моя Франция!

– Вы ничем не лучше Корнилова, – сказал ей Редингот и демонстративно отвернулся от моложавой бабули (ее фамилия, кстати, была Хоменко).

– Отдайте жребий, – сухо попросил Семенов и Лебедев – и Хоменко с нечеловеческой силой швырнула жребий обратно на сцену. Семенов и Лебедев насилу поймал его.

«Франция досталась Хоменко», – записала Марта и почувствовала, как с ресницы скатилась слеза. Слеза упала на букву «а» в слове «Франция» и размыла ее, превратив в небольшое море. Поймав себя на мысли о том, что ей, Марте, Франция, стало быть, тоже больше не светит, а светит-таки, скорее всего, Северный Ледовитый океан, она сказала в сердце своем: «Ты, Марта, тоже ничем не лучше Корнилова», – но получила в ответ от себя: «Ну и что?» Устыдившись такого ответа, Марта с опаской взглянула на Редингота, однако тот уже давно и самозабвенно крутил барабан.

– Франция! – снова провозгласил он и задумался.

– То есть как это... Франция, когда была уже Франция? – практически матом, слава Богу, что благим, заорала Хоменко, а между тем жребий, брошенный Семеновым и Лебедевым, был уверенно пойман каким-то козлом, тут же заблеявшим на весь зал:

– Не-е-е было Франции, не-е-е было!

«Уточнение, – строчила Марта. – Франция досталась козлу».

– Призываю вас всех в свидетели! – в никуда обратилась Хоменко, старясь на глазах, но в свидетели к ней никто не пошел.

– Вы, Сын Бернар, куда шары-то, уже разыгранные, деваете? – запоздало поинтересовался Редингот.

– Обратно в барабан кладу! – отрапортовал Сын Бернар, как солдат. Только что «Ваше превосходительство» не добавил.

– Ну, и кто Вы *после этого*? – задал ему совсем уже странный вопрос Редингот.

Сын Бернар растерялся.

– А кто я был *до этого*? – умело замаскировал он свою растерянность.

Редингот махнул рукой: дескать, Вы и до этого были не ахти... – но рукой махнул неудачно: спихнув стеклянный барабан не только со стола, но и со сцены.

Раздался звон, который все слышали, но никто не знал, где он, да особенно и не интересовался... а бесхозные шары с названиями стран, грохоча, покатились под кресла. Этого, казалось, только и ждали лучшие умы человечества.

Ползая по полу между рядами, они принялись хватать шары – прежде всего те шары, на которых стояло что-нибудь поприличнее. В конце концов все мало-мальски привлекательные страны оказались разобранными, а наиболее изворотливые из лучших умов человечества – сгруппировавшимися у дверей, каждый со своим шаром в руке. Менее изворотливые все еще ползали по залу в поисках куда-то закатившегося шара под названием опять же «Франция», – третий раз положенным Сын Бернаром в барабан, – в то время как большая партия наиболее отчаявшихся столпилась вокруг одного несчастного, засунувшего найденный им шар в рот и задохнувшегося. На видной в открытом рту части полупроглоченного шара можно было прочитать только окончание – «*-ия*», из чего многие отчаявшиеся заключили, будто именно на этом шаре и написано слово «Франция». Но, когда общими усилиями шар удалось вытащить изо

рта покойного, оказалось, что написано на шаре всего-навсего «Ливия»... С отвращением бросив шар на пол, отчаявшиеся присоединились к тем, кто все еще ползал по полу. Шар с надписью «Франция» не находился.

Редингот, Сын Бернар, а также Семенов и Лебедев застыли на сцене как вкопанные заботливым садовником.

«Вакханалия... шабаш», – стенографировала Марта, отказавшись от первоначального намерения зарегистрировать, кому из присутствующих какая страна досталась.

Жеребьевка, со всей очевидностью, сорвалась, а у дверей была полная неразбериха: там менялись шарами и самолично расхватанными территориями.

– Меняю юг Египта на любой район Сицилии по договоренности. Возможны варианты.

– Индонезия на Малайзию, Малайзия на Филиппины. Кто хочет встроиться в цепочку?

– Два Йемена на любой участок Средиземноморья!

– Индонезию на что-нибудь поближе!

– Англия на Англию же, район приморья!

– Ищите дураков!..

И уходили искать дураков. И, может быть, находили. Или нет.

Было ясно как день, что далеко не все регионы разобраны. Множество шаров все еще каталось по полу, а у дверей никто ничего не выкрикивал касательно океанов (Индийского, Тихого и Северного

Ледовитого), касательно морей (во всяком случае, Красного и Южно-Китайского), касательно северной оконечности необъятной родины автора настоящего художественного произведения и уж тем более – касательно Гренландии.

В зале появились маклеры: они строили причудливые цепочки из желающих меняться и брали за это деньги. Кроме того, шары обменивались уже на родовые поместья, дорогие автомобили, антиквариат, а некто выкрикивал, что готов продать душу за Бельгию. Обладателю Бельгии (не отвечавшему) ничья душа, по-видимому, не требовалась: у него была Бельгия.

Измученная хаосом Марта строчила из последних сил. Почерк ее становился все более неразборчивым, но Марту это нисколько не волновало – как не волновало и то, что некий хулиган-старичок, прилетевший из заднего ряда, мастерил из уже исписанных Мартой листов бумажных птичек и с подлым хихиканьем запускал их в зал. Когда все листы стенограммы превратились в бумажных птичек, хулиган-старичок принялся вытаскивать из-под рук Марты последний, на котором она как раз записывала бурно текущие события. У Марты не было времени сопротивляться настырной старости, поэтому, отдав наполовину исписанный лист, она взяла чистый и поспешила продолжить работу. Старичок с визгом схватил бурно текущие события и превратил их в быстро летающую птичку. Марта, все еще не обращая на него внимания, продолжала писать.

– По местам! – взревел вдруг Сын Бернар, вспомнив, что ему полагалось осуществлять контроль за жеребьевкой.

В зале стало тихо, как в туалете.

– Ну, слава Богу! – вздохнул Редингот. – Наконец-то Вы вспомнили о своих функциях.

Сын Бернар пристыженно посмотрел на него: Редингот выглядел страшно усталым. Семенову и Лебедеву с трудом удавалось поддерживать его на ногах.

– Много ли Вам удалось записать, Марта? – спросил Редингот. – И есть ли у нас возможность установить хотя бы по стенограмме, кому какой участок Правильной Окружности из спичек достался?

Марта прекратила стенографировать и отчиталась:

– Я старалась записывать все, что могла. Но один хулиган-старичок сделал из всех страниц, исписанных мною, бумажных птичек и пустил их летать по залу. Я могу зачитать лишь события последнего получаса, в течение которого хулиган-старичок приказал мне долго жить, а сам умер.

– Немедленно поймать бумажных птичек, летающих по залу, расправить их и сдать Марте, – прорычал Сын Бернар.

Но не успел он это сказать, как все бумажные птички, собравшись в стаю, упорхнули на волю через давно уже разбитое окно.

– К сожалению, Марта, она же Зеленая Госпожа, лишена возможности предъявить нам стенограмму собрания, – подытожил Редингот. – У нас нет другого выхода, как попытаться по памяти ре-

конструировать то, свидетелями чего мы только что стали. У кого из присутствующих здесь хорошая память?

– У меня, – подскочил к сцене смертельно бледный человек в очках и от собственной нескромности покраснел, что твой маков цвет. – Я даже помню, как меня зачинали.

– Вот это да! – отнесся кто-то из зала. – Некоторые дня своего рождения и то не помнят!

– Стыдно, некоторые! – опять приобрел свой прежний цвет смертельно бледный человек в очках.

Мрачная группка некоторых, стоявшая в стороне, посовещалась и вытолкнула на передний план самого жалкого: тот пообещал, что ничего подобного больше не повторится. И ничто подобное больше не повторялось.

А смертельно бледный человек в очках улыбнулся жизнелюбивой улыбкой, вызвал в памяти видение прошлого и в подробностях рассказал, когда, где, как, кто и от кого зачал его. Выяснилось, что случилось это *только* однажды, на Кавказе, путем интимного сближения *только* одной женщины с *только* одним мужчиной, носившим большую серую кепку. Смертельно бледный человек в очках помнил даже, что на вопрос женщины: «Как мы назовем нашего ребенка, милый?» – мужчина в большой серой кепке ответил: «Да никак не назовем, вот еще глупости!» – и ускакал на вороном коне в предгория Кавказа. Тогда женщина, плача, внезапно родила смертельно бледного человека в очках. Никак не назвав его, она велела

ему жить по совести, а сама ушла с кувшином за водой по узкой горной тропе и не вернулась. Впоследствии в газетах сообщили, что все это неудивительно, поскольку данная женщина всегда поступала именно так.

– Потрясающая память! – восхитился Редингот. – Теперь попробуйте реконструировать события последних часов.

Смертельно бледный человек в очках (его фамилия была Нежданов) прикрыл глаза и начал вызывать в памяти соответствующие видения. Видения ужаснули Нежданова, и он стал просить у Редингота разрешения не рассказывать их содержания присутствующим, ибо считал так: узнай присутствующие о том, что происходило с ними несколько часов назад, они совершенно потеряли бы покой.

Не найдя, что сказать ему, Редингот решился обратиться к присутствующим со следующими словами:

– Глубокоуважаемые присутствующие! Интересно ли вам знать о том, что происходило с вами в течение последних часов?

– Да, да, интересно, интересно! – закричали присутствующие.

– Настаивать ли мне на том, чтобы Нежданов реконструировал происшедшие события по памяти?

– Да, да, настаивать, настаивать! – опять закричали присутствующие.

– А готовы ли вы, глубокоуважаемые присутствующие, заплатить за такую реконструкцию своим покоем?

Присутствующие долго совещались, но в конце концов закричали:

– Нет, нет, не готовы, не готовы! Наш покой нам дороже всего!

Тут вперед выступил Семенов и Лебедев и произнес:

– Я, как вы слышали, все это время молчал. Но молчал я не потому, что мне нечего было сказать. Наоборот, я молчал потому, что мне было что сказать.

– Так не бывает, – возразил неожиданно для себя Сын Бернар. – Когда нечего сказать – молчат, а когда есть что сказать – говорят, тут все очень просто. – Произнеся это, Сын Бернар вздрогнул от неожиданности.

Перебитый, как нос у боксера, Семенов и Лебедев гневно повернулся к Сын Бернару и произнес ему прямо в лицо:

– Не забывайте, что Вы собака.

– При чем тут это? – оторопел Сын Бернар, поспешно отодвигая лицо в сторону.

– А при том, – объяснился Семенов и Лебедев, – что у Вас, как и у всякой собаки, упрощенный взгляд на мир.

Сын Бернар взглянул на Семенова и Лебедева с плохо скрываемой неприязнью.

– Если Вы намерены продолжать со мной разговор, – предупредил Семенов и Лебедев, – скройте как-нибудь получше свою неприязнь ко мне.

Сын Бернар изо всех сил постарался и спросил:

– Получше теперь?

– Получше, – сдержанно одобрил его Семенов и Лебедев. – Но все равно Вы скрыли неприязнь не до конца.

– Вы не просили скрыть ее до конца! – возмутился Сын Бернар. – Вы просили скрыть ее получше. А сию секунду подтвердили, что теперь она получше и скрыта. Сами даете задания и сами же недовольны, когда их выполняют!

Пойманный на собственной непоследовательности, Семенов и Лебедев был вынужден извиниться.

Сын Бернар очень хотел извинить его, но не смог – случайно вспомнив высказывание оппонента о том, что у собак упрощенный взгляд на жизнь.

– Если у нас, собак, упрощенный взгляд на жизнь, – пробурчал он, – то у вас, людей, наоборот, усложненный!

Услышав это, лучшие умы человечества задумались.

– О чем задумались, лучшие умы человечества? – бодро спросила их Марта.

– А Вам зачем знать? – фактически нагрубили те.

– Я стенограмму веду! – с достоинством напомнила Марта. – Не могу же я ограничиться фразой «Лучшие умы человечества задумались», не пояснив, о чем они задумались...

– Ну ладно, – сдались без боя лучшие умы человечества. – Мы задумались о том, что тут перед нами два относительных суждения, ибо ни понятие «упрощенный», ни понятие «усложненный» отдель-

но не существуют. Они предполагают наличие некоей точки отсчета...

– Мне все это писать? – на всякий случай спросила Марта.

– Конечно, писать! – ответили ей. – Если не Вам, так кому же?

– Ах, да! – спохватилась Марта. – Какая же я идиотка...

А лучшие умы человечества продолжали:

– Так вот, понятие «упрощенный взгляд на жизнь», как у собаки, и понятие «усложненный взгляд на жизнь», как у человека, предполагают наличие некоей точки отсчета, в которой простота и сложность уравновешены... Вот и возникает вопрос: чей взгляд на жизнь считать в таком случае точкой отсчета? Существо, являющееся носителем такого взгляда, должно быть наполовину человеком, наполовину собакой.

– Это существо – цыномоиль, – сказал Редингот, спустился в зал, привел на сцену одного цыномоиля и объявил: – Прошу любить и жаловать: цыномоиль.

Зал с ужасом смотрел на цыномоиля, стоявшего возле Редингота – тот, в свою очередь, с ужасом смотрел на зал.

– Цыномоиль, – продолжал Редингот, – он же кинокефаль. Высок, страшен зраком, тело человеческое, голова песья, на руках и ногах по восемнадцать пальцев.

– Вот урод-то, прости Господи! – не выдержал Нежданов.

– Да Вы на себя посмотрите, четырехглазый! – обиделся цыномоиль, он же кинокефаль.

В ответ на это обидчивый Нежданов сразу же ушел со сцены. Впоследствии в газетах было написано: «Нежданов ушел со сцены навсегда».

– А где такие водятся? – в упор глядя на цыномоиля, спросила тоже четырехглазая очкастая девочка с большой головой на плечах – та самая, которая умела зашибенно вдумываться.

– Мы водимся, – отвечал ей цыномоиль, он же кинокефаль (его фамилия была Иванов), – в четвертой Индии.

Очкастая девочка с большой головой, умевшая зашибенно вдумываться (ее фамилия была Перепелкина), схватилась рукой за подлокотник кресла и сказала:

– У меня закружилась большая голова на плечах. – И пояснила: – От обилия индий. С каких это пор их четыре?

– Кто тебе сказал, что их четыре, Перепелкина? – устало спросил Иванов. – Их, на самом деле, пруд пруди! Но мы, цыномоили, они же кинокефали, водимся в четвертой. И про нас сказано: «мают пальцы назади, а пяди напреди».

– Где сказано? – строго спросила Перепелкина.

– Замолчи, Перепелкина, – не выдержали лучшие умы человечества, – неважно, *где* сказано. Нас всех сейчас другое интересует. Вот Вы, – обратились они к Иванову, – цыномоиль, то есть наполовину человек, наполовину собака, и Ваш взгляд на жизнь мы хотели бы принять за точку отсчета. Какой он у Вас – взгляд на жизнь?

– Наполовину человечий, наполовину собачий, – легко отделался Иванов, сбежал со сцены в зал и там затерялся.

После этого его ответа соответствующая проблема как бы перестала существовать, и Редингот, повернувшись к Семенову и Лебедеву, спросил:

– Так о чем Вы, собственно?

– Да теперь уже неважно! – поджал губы Семенов и Лебедев, обиженно поглядывая на Сын Бернара.

– Для протокола важно! – поставила его на место Марта. – Проникнитесь же, наконец, уважением к истории!

Тут Семенов и Лебедев быстро проникнулся уважением к истории и крикнул, обращаясь к лучшим умам человечества:

– Я просто хотел сказать вам, лучшие умы человечества, что все вы ду-рачь-е!

– Аллилуйя! – прозвучал вдруг ликующий голос из-под какого-то дальнего кресла, и над залом на газовых своих крыльях взмыла моложавая Хоменко.

Все тотчас же посмотрели на нее, как на блаженную, а она громко сказала в свое оправдание:

– Вот она, Франция! Опять моя!

И предъявила присутствовавшим потерянный было шар.

ГЛАВА 5
Начало возникновения конфликта

Забегание вперед тоже хороший прием. Он ставит читателя в тупик, сроки пребывания в котором, разумеется, зависят от автора. Иногда авторы предпочитают, чтобы читатели находились в тупике постоянно. Но это уже садизм, а садизма мы давайте не любить. Пусть глумление над читателем все же имеет границы. Помучить его страницах на десяти-двадцати, конечно, не преступление, но потом уже полагается перестать – хватит и того, что в скором времени так и так предстоят ему новые мучения, вот только о том, когда они начнутся, он, разумеется, пока ничего не знает. И не узнает. Ибо мучения призваны заставать читателя врасплох – причем настолько врасплох, чтобы он от них столбенел. Наша цель ведь какова, если вспомнить? Наша цель – заморочить читателя, а это значит, что каждая очередная ситуация должна вырастать неизвестно откуда! Для этого автор и забегает вперед: читателю ведь неведомо, что там, впереди…

Стало быть, заглянем вперед и увидим в отдалении весьма и весьма печальную ситуацию.

В этой печальной ситуации находится Деткин-Вклеткин. Очутиться в одних трусах посередине Северного Ледовитого океана,

сами понимаете, не слишком-то весело: особенно если ползаешь по льду на голом брюхе. Впрочем, непосильные физические нагрузки, как все мы прекрасно знаем, помогают живому организму выстоять в экстремальных условиях. Неудивительно, что Деткин-Вклеткин выглядит довольно-таки бодро! Правда, ему трудновато выдерживать положенную траекторию, поскольку дует сильный ветер... Данный сильный ветер постоянно сдувает выложенные по снегу спички и носит их над бескрайним Северным Ледовитым океаном. От чего линия из спичек, которая в принципе должна быть непрерывной, то и дело прерывается...

Деткин-Вклеткин страдал. Несовершенство линии терзало его аккуратную душу. Приходилось то и дело возвращаться назад и воспроизводить утраченные фрагменты Окружности заново. Правда, руки уже отказывались служить Деткин-Вклеткину. И ноги отказывались, и некоторые из внутренних органов – тоже, хоть последние и не принимали непосредственного участия в построении Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Утраченные фрагменты, конечно, кое-как восстанавливались... с колоссальным трудом и, скорее всего, не вполне правильно: во всяком случае, они не монтировались в уже проложенную траекторию – волей-неволей Деткин-Вклеткин постоянно менял ее и поэтому очень давно уже не был уверен в том, что движется в нужном направлении. Однако проверить себя он не

мог, поскольку сильно удалился от исходной точки на окраине материка и потерял ее из виду много месяцев тому назад.

– Деткин-Вклеткин, – не унималась какая-то странная штука на его груди, – определите свое местоположение в пространстве, Вы вышли из-под нашего контроля!

Но Деткин-Вклеткину не хотелось ни с кем разговаривать – тем более с этою штукою. К тому же, у него замерзли губы. И он носился по ледяной пустыне молча – не будучи в силах справиться с разгулявшимися стихиями. Хуже всего было то, что Деткин-Вклеткин отнюдь не был уверен и в целостности линии на давно пройденных и неоднократно реконструировавшихся участках пути: может быть, все его спички опять разлетелись и труды Деткин-Вклеткина вообще пошли насмарку. Однако ничто не могло заставить его вернуться к началу – сердце звало вперед, и там, впереди, слышал он архангельские трубы. О том, что это за трубы, автору придется (если, конечно, придется) сообщить не сейчас, а чуть позднее: из все той же писательской подлости, свойственной каждому, кто занят подобным трудом.

Стало быть, не будем торопить события – тем более что прокладывать линию из спичек по Северному Ледовитому океану есть дело многих лет, так что… может быть, когда миссия Деткин-Вклеткина закончится, он сделается стариком – и даже глуховатым стариком, по каковой причине архангельских труб уже не услышит вовсе. Впрочем, что ж сейчас гадать: пока перед нами ледяное без-

молвие и Деткин-Вклеткин на скованной льдом поверхности океана – точка, не заметная глазу. Этакий му-ра-вей.

Муравей еще немного подтянул невероятных размеров воз, нагруженный спичками. С каждым шагом воз становился тяжелее, словно спичек в нем не только не убавлялось, но, наоборот, прибавлялось, причем со страшной, как смерть, силой. Хотя, по мнению Деткин-Вклеткина, коробков тысячу он уже должен был извести. Впрочем, и этого сказать определенно Деткин-Вклеткин не мог: то и дело принимался валить обильный снег, который тотчас же засыпал спички. С одной стороны, это сбивало с толку, но, с другой, вселяло (правда, тут же и выселяло обратно) надежду, что под толщей снега спички будут целее. Думая только о последнем, Деткин-Вклеткин удовлетворенно крякал, верша свой труд.

Он крякал так громко, что шальной выстрел оборвал его и без того короткую жизнь. Наверное, какой-нибудь случайный охотник принял его за утку – тут и застрелил.

Бодрой походкой спортсмена-любителя Случайный Охотник подошел к стремительно посиневшей тушке Деткин-Вклеткина, ощупал ее и сказал:

– Фиговая утка. Без крыльев и голая.

Связав Деткин-Вклеткину твердые ножки, он огляделся вокруг:

– Как бы мне съесть-то тебя половчее...

Тут он и обнаружил воз со спичками.

– А ничего себе костерок будет! – заранее восхитился Случайный Охотник и, подтащив добычу поближе к возку, схватил один из коробков.

Стало быть, что же у нас тут получается...

Плачь, читатель! Рыдай! Правильная Окружность из спичек построена не будет. Даже если как следует подогнать друг к другу прочие ее фрагменты, мы в лучшем случае получим только дугу. На участке Деткин-Вклеткина – провал, разрушающий грандиозный замысел человечества. А наше художественное произведение подходит, таким образом, к концу, поскольку дальше все уже неинтересно. Что толку следить за построением линии на других участках, если ни во что целое участкам этим соединиться отныне не суждено? Плачь, читатель! Рыдай!

Примем с тобой участие в пиршестве на природе, затеваемом Случайным Охотником. Съедим Деткин-Вклеткина, съедим нежнейшее его тело, вскормленное духовною пищей, и возблагодарим выдающихся художников, музыкантов и поэтов всех эпох. Именно благодаря им мясо Деткин-Вклеткина по своим питательным и вкусовым качествам... э-эх, да что там говорить! Пируй, читатель: Деткин-Вклеткин угощает собою всех.

...Сейчас, сейчас. Случайный Охотник найдет под снегом какую-нибудь металлическую жердь, привычно обратит ее в шампур, укрепит шампур над возком со спичками, чиркнет раз, чиркнет

два – и начнет вращать Деткин-Вклеткина над пламенем своего «костерка».

– Что это? – спросит Одинокая Женщина, заблудившаяся в снегах.

– Жаркое, – ответит Случайный Охотник Одинокой Женщине, – и ничего не сможет добавить к этому: даже мы ведь не знаем, кто такой или что такое этот Деткин-Вклеткин, – ничего определенного о нем не говорилось. Может быть, он барашек – барашков ведь зажаривают на костре! Или не барашек – как знать? Я, во всяком случае, не возьмусь утверждать, что он барашек, хотя и утверждать, что не барашек, тоже не возьмусь.

А Случайный Охотник уже нашел жердь, пригодную под шампур: именно такие жерди чаще всего и зарыты в снегу на поверхности Северного Ледовитого океана. Уже через мгновение он за ручки и ножки привяжет к этому шампуру Деткин-Вклеткина... нет, невыносимо!

Невыносимо! Вытри слезы, читатель, довольно рыдать! Не дадим умереть Деткин-Вклеткину. В конце концов, умирать ему или не умирать – это от писателя зависит. Тем и хороша литература, что она обратима. Жизнь необратима, а литература – вполне и вполне! Тут можно и вовсе убить героя на заплаканных глазах читателя, а потом просто забыть об этом неприятном инциденте и в дальнейшем – к вящему изумлению воспринимающих субъектов – пользоваться тем же героем, как если бы он был живым,. А можно даже

убивать героя каждую минуту – убивать, убивать, убивать! – и пусть читатель думает, что давно уже имеет дело с трупом, ан нет: впоследствии окажется, что все это время герой жив-здоров, а читатель дурак дураком, вот!

Приятно, когда путь открыт во все стороны и когда нет ничего окончательного. Обратимся же к крякающему Деткин-Вклеткину и Случайному Охотнику, выходящему из метели. Дадим ему возможность еще раз вскинуть ружье, а вот выстрелить уже не...

Да что ж это такое! Случайный Охотник стреляет молниеносно, как индеец сиу, – Деткин-Вклеткину крякнуть от души не дает...

И Деткин-Вклеткин опять мертв – что за наваждение! Он умирает просто как заведенный… Похоронить дурачка тут в снегу – и дело с концом, чтобы не лез под дуло! Впрочем, если его похоронить, надо будет замену ему придумывать,а это себе дороже. Так что давайте-ка мы все-таки сохраним Деткин-Вклеткина как он есть: подобно Бхагават-Гите – как она есть.

И вернемся, значит, опять к тому месту, где Деткин-Вклеткин крякает. Пусть уж он лучше тогда не крякает, что ли, а то у этого Случайного Охотника на уток, видимо, особенно глаз наметан... застрелит Деткин-Вклеткина в третий раз – и вся тебе Бхагават-Гита!

Предложим Деткин-Вклеткину выражать свое удовлетворение каким-нибудь иным способом – есть ведь множество способов выражать удовлетворение. Например, почесывая живот или потирая

руки. Пусть Деткин-Вклеткин потирает руки: за это ведь не убивают?

– Нет ли здесь какой-нибудь утки, которая крякала бы? – спрашивает Случайный Охотник, с отвращением глядя на потирающего руки Деткин-Вклеткина.

Пожав голыми плечами, тот перестает потирать руки и продолжает выкладывать спички из коробка – одну за другой. Случайный Охотник без интереса наблюдает за этой интересной процедурой. Потом мечтательно говорит в пространство:

– Вот если бы здесь была какая-нибудь утка, которая крякала бы, я бы застрелил ее шальной пулей и съел!

…Деткин-Вклеткин взял с возка новый коробок. Случайный Охотник подошел к Деткин-Вклеткину и потрогал его лысую голову. Голова оказалась твердой, как тыква.

– Вы сумасшедший? – поинтересовался Случайный Охотник.

– Нет, – ответил Деткин-Вклеткин.

– Правда? – не поверил Случайный Охотник.

– Верьте мне, как себе самому!

– Чего это ради – как себе самому? – подозрительно спросил Случайный Охотник, видимо, не желая уподоблять себя Деткин-Вклеткину, и объяснился: – У Вас голова твердая, как тыква.

– Если голова твердая – так уж сразу и сумасшедший? – рассмеялся Деткин-Вклеткин. – Просто голова задубела от холода. У Вас тоже, небось, задубела.

Случайный Охотник потрогал свою голову, подсунув палец под ушанку, и ответил:

– Моя не задубела. Я в шапке.

Деткин-Вклеткин в первый раз поднял глаза и посмотрел на Случайного Охотника.

– И впрямь в шапке, – удивился он. – Дайте ее мне и идите в теплые страны, где шапка не нужна.

– Идите сами туда! – посоветовал Случайный Охотник. – Тем более что Вы голый.

– Мне нельзя. Я должен быть здесь: это мой участок.

– Вы прямо как участковый врач, – усмехнулся Случайный Охотник и взял с возка коробок спичек.

– Стойте! – взревел участковый врач. – Варвар!

Случайный Охотник выронил коробок, а Деткин-Вклеткин, ловко подхватив его на лету, водворил предмет на прежнее место. – Ни одна спичка не должна быть истрачена не по назначению.

– Я по назначению хотел! – озадачился Случайный Охотник. – Огонь зажечь….

– Эти спички имеют другое назначение. – И Деткин-Вклеткин, для начала подробно объяснив свое отличие от участкового врача, поведал Случайному Охотнику все, что знал о Правильной Окруж-

ности из спичек. Тот слушал внимательно, а в конце рассказа погрустнел и, еще раз потрогав лысую голову Деткин-Вклеткина, сказал:

– М-да.

– Помогите мне! – попросил Деткин-Вклеткин.

– Врач, исцелись сам! – провозгласил Случайный Охотник, но тут же испуганно зажал себе рот прикладом ружья и стал удаляться – на цыпочках и с незакуренной сигаретой во рту.

– Остались бы! – жалобно сказал ему вслед Деткин-Вклеткин, презирая себя за эти слова.

– А спичку дадите? – воспользовался его мгновенной слабостью Случайный Охотник. – Тогда бы я еще посмотрел...

– Спичку не дам, – твердо ответил Деткин-Вклеткин, и на глазах его блеснули скупые слезы голого мужчины. – Вы... Вы просто чудовище! А если именно *этой* спички не хватит для построения Правильной Окружности и человечеству придется отказаться от самой грандиозной своей идеи – потакая Вашим дурным привычкам? Вам от этого *как* будет?

Случайный Охотник, не задумываясь, ответил:

– Мне от этого никак не будет. Мне до человечества дела нет. Потому что я Случайный Охотник. А Случайный Охотник – это Вам, обнаженный человек, не хухры-мухры.

– Хухры-Мухры... – повторил Деткин-Вклеткин и ухмыльнулся. – Кто такой Хухры-Мухры?

– Эскимос один. Из юрты. Мохнатый и ограниченный человек. Говорит, что он волк, но, по-моему, врет. Волка можно убить дробью. А его нельзя. Его дробью можно только ранить. Я ранил его два дня назад в голову. Теперь он ничего не соображает, зато много воображает. Я перестал с ним общаться, потому что он все время воет и говорит, что это от боли. Я ему не верю.

– А я верю! – пламенно воскликнул Деткин-Вклеткин. – Надо верить! Без веры нельзя жить. Вера придает сил.

– У меня и так много сил, – похвалился Случайный Охотник. – Если я захочу, я даже могу скрутить Вас в бараний рог.

– Молодец! – похвалил его Деткин-Вклеткин. – А я бы Вас не смог...

– Это потому что Вы слабак, – сказал Случайный Охотник и плюнул в его сторону. – Я не люблю таких, как Вы.

– За что? – поинтересовался Деткин-Вклеткин.

– За эту их слабость! – с радостью пояснил Случайный Охотник.

Деткин-Вклеткин задумался и, наконец, осторожно, но твердо произнес:

– В их слабости их сила. Они соль земли. У них мощный интеллект. Их дух летает высоко. Они наша опора.

– Мы сейчас *о ком* говорим? – уточнил Случайный Охотник.

– Обо мне и мне подобных, – признался Деткин-Вклеткин. – Это мы соль земли и наша опора. Вы обязаны уважать нас за то, что

у нас мощный интеллект и дух наш летает высоко. В то время как у Вас хилый интеллект и вообще нету духа.

– Чего нет, того нет, – сокрушился Случайный Охотник. – Я тупой и низкий человек. Но могучий.

– Могучий, – согласился Деткин-Вклеткин. – Тогда, думаю, это Вы должны везти на себе воз со спичками. Мне тяжело. Я слабый и голый.

– И повезу! – воодушевился Случайный Охотник, приблизился и охотно впрягся в воз, мимолетно осведомившись: – А почему Вы голый и всегда ли Вы были голым?

– Голый я потому, что раздал всю свою одежду людям. Но таким я был не всегда. В последний раз у меня была шуба. Только я выбросил ее перед самой отправкой сюда, поскольку она была женская: мне это претило. То есть сначала не претило, а потом сразу стало претить.

– Понятно, – отозвался Случайный Охотник. – Многим претило бы: не каждый ведь женщина. Я, например, тоже не женщина. Что ж мне теперь – умереть и не жить?

– Почему? Живите! – распорядился Деткин-Вклеткин. И вспомнил: – Кроме того, меня могли послать на юг, где шубами не пользуются. Но я сам попросился сюда – сюда меня и послали. Первое, что я сделал перед отъездом, – выбросил шубу, потому что как раз в этот момент мне стало претить, что она женская. Вам что претит?

– Когда что... – подумал и сказал Случайный Охотник. – Чаще всего, когда мною распоряжаются – как Вы сейчас. Это противно.

– Противно, – согласился Деткин-Вклеткин. – Я расскажу Вам одну историю. Бросьте, пожалуйста, мне еще один коробок: мой уже пустой. Спасибо. Так вот... Однажды я сидел на брегах Невы, где, может быть, родились Вы...

– Я родился над Волгой и Доном, – поправил его Случайный Охотник и добавил: – Очень курить хочется. А спичек у меня нет.

– И у меня нет – *лишних*, – строго сказал Деткин-Вклеткин. – Однажды я сидел на брегах Невы, где, может быть, родились Вы...

– Я родился над Волгой и Доном, – напомнил Случайный Охотник.

– Хорошо, хорошо! – нетерпеливо отмахнулся Деткин-Вклеткин. – Вы все время мешаете мне рассказывать. Опять повторяю: однажды я сидел на брегах Невы, где, может быть, родились Вы...

– Да нет же, – сделал последнюю попытку Случайный Охотник, но Деткин-Вклеткин, не обращая больше на него внимания, наконец продолжил:

– ...и вот я услышал возглас «Марта!» – и увидел девочку в трусиках горошками. Она бежала по песку. Через много лет я понял, что люблю ее. Тогда я отправился в путь и нашел Марту, но ею уже распоряжался – вроде как я Вами – один человек: он держал Марту под руку и был без брюк. А я в тот момент сидел на улице в урне вообще в одних трусах – и мне было стыдно выйти, потому что я явно

проигрывал перед этим человеком в глазах Марты: у того была рубашка с галстуком и пиджак, и ботинки с носками... У меня же были, как я уже сказал, одни трусы и еще женская шуба была. Правда, она тогда еще подходила мне по фасону, размеру, цвету и возрасту, но дело не в этом... Дело в человеке, который увел Марту под руку в свой дом. Я крался за ними и дежурил возле дома того человека, потом опять крался по улице до вокзала, где они сели в поезд... Я прицепился к поезду сзади и приехал в Змбрафль... это название одного города в мире. Там какою-то собакой мне было велено отправиться сюда... нет, сначала я сам Северный Ледовитый океан выбрал, собака уже потом меня записала. А Марта опять осталась с тем человеком, который, наверное, распоряжается ею. Правда, она бросила на меня взгляд – один-единственный, но мне показалось, что душа ее вздрогнула. Теперь я не знаю, где она... Так вот и бывает, когда один человек начинает распоряжаться другим – как я Вами. Запомните это. И дайте мне еще один коробок, пожалуйста.

– Я могу воспользоваться спичкой оттуда? – без надежды спросил Случайный Охотник.

– Ни в коем случае.

Случайный Охотник вздохнул во всю мощь своих здоровых легких и, передавая нетронутый коробок, заметил:

– Надо было бороться за свое счастье, а не пассивно ждать. В вопросах любви требуется напор. Иначе Вы так и останетесь на задвор-

ках жизни. Вам следует бросить этот воз со спичками посреди ледяной пустыни и отправиться на поиски своей судьбы.

– Зачем?

– Чтобы найти Марту и прижать ее к себе.

– Как это – прижать к себе? – с интересом осведомился Деткин-Вклеткин.

– Вот так, – показал Случайный Охотник и до хруста сжал Деткин-Вклеткина в объятиях.

– Не уверен, что так надо, – встряхнувшись, сказал Деткин-Вклеткин.

– Иначе она не станет навеки Вашей, – предупредил Случайный Охотник.

– Она давно уже навеки моя, – декларировал Деткин-Вклеткин.

– Пустые слова! Как же она Ваша, когда ею распоряжается человек без брюк?

Деткин-Вклеткин загадочно усмехнулся. Потом сказал:

– Я тоже, между прочим, без брюк и тоже распоряжаюсь Вами, но из этого никак не следует, что Вы – мой.

– Она хоть знает о Вашем существовании? – проигнорировав слишком сложное для него последнее умозаключение, спросил Случайный Охотник.

– Скорее всего, нет. Потому что... когда ее позвал кто-то в тот день, на брегах Невы, она поспешила на зов и не заметила меня. Я незаметный.

– На Вашем месте, – вздохнул Случайный Охотник после продолжительного молчания, – я все-таки не стал бы утверждать: «Она навеки моя».

– На моем месте Вам не бывать, так что оставьте свои иллюзии раз и навсегда. На этом месте уже нахожусь я – и с места этого не сойду, пока жив. Так что напрасно Вы размечтались.

– А долго Вы еще собираетесь жить? – без любопытства спросил Случайный Охотник.

– Лет тридцать-сорок, – признался Деткин-Вклеткин. – Правда, у меня тоска.

– Тогда на тридцать-сорок Вас не хватит, с тоской-то... Впрочем, Вы какой-то мистик, – вздохнул Случайный Охотник, а Деткин-Вклеткин остановился в задумчивости, глядя вблизь.

– Эта юрта, – указал он на обозначившееся перед ними строение, – стоит прямо на пути моего поступательного движения. Придется снести ее. – Деткин-Вклеткин поскреб голову. – Чья это юрта?

– Хухры-Мухры... Эскимоса, который воет. Вслушайтесь.

Деткин-Вклеткин вслушался. Вслушавшись, он действительно различил вой – правда, очень тихий.

– Если мы снесем его юрту, он обидится и умрет, – предупредил Случайный Охотник.

– Сожалею, – безжалостно поддержал Случайного Охотника Деткин-Вклеткин. – Но иного выхода у нас нет. Юрта стоит прямо на

пути лучших умов человечества и препятствует историческому прогрессу. Придется возложить юрту на алтарь человечества. Сносите.

– Почему я? – возмутился Случайный Охотник.

– Потому что Вы сильны и одеты, а я слаб и гол как сокол.

Случайный Охотник пристально взглянул на Деткин-Вклеткина, будто увидев его в первый и последний раз в жизни.

– Лучше я тогда разденусь и тоже буду гол как сокол, чем такое зверство.

– А силу свою куда денете?

– Силу? – Случайный Охотник всерьез забеспокоился. – Силу... потеряю! Изнемогу – и потеряю. И стану слабее Вас. Надевайте мою одежду – и сносите юрту. – С этими страшными словами Случайный Охотник выпрягся из воза.

– Что Вы собираетесь делать? – поспешно спросил Деткин-Вклеткин.

– Изнемогать. Путем долбления льда.

– Тут *вечная* мерзлота, – напомнил Деткин-Вклеткин.

– Отлично. Значит, *вечно* долбить буду. Лишь бы юрту не сносить. Мне жалко Хухры-Мухры. Он не виноват, что оказался на пути исторического прогресса.

Тут Случайный Охотник вынул из кармана долбильный аппарат, положил его на лед и принялся раздеваться, чтобы стать голым. Когда он разделся, оказалось, что не так-то уж он и силен, как хва-

сталося. Деткин-Вклеткин хотел сказать ему об этом, но тот уже с остервенением ушел в свой бесполезный труд.

Тогда Деткин-Вклеткин глубоко вздохнул и, не воспользовавшись бесхозной теперь одеждой, направился к юрте. Вой стал слышнее: он тронул доброе сердце Деткин-Вклеткина своей неподдельной искренностью.

– Мучается! – посочувствовал Деткин-Вклеткин.

– Да бросьте Вы, мучается! – не поддержал его Случайный Охотник. – Подумаешь, дробью в голову получил... Это не беда.

– Вы изверг, – вздохнул Деткин-Вклеткин.

– А вот юрты лишиться в условиях вечной мерзлоты, – продолжал Случайный Охотник, – это беда. Так что изверг-то Вы, друг мой!

Деткин-Вклеткин развел руками:

– Во имя светлой идеи...

– Все преступления совершаются во имя светлых идей! – усмехнулся Случайный Охотник.

– Не смейте употреблять слово «идея» во множественном числе! – Деткин-Вклеткин едва справился с подступившими к горлу, уху и носу слезами. – Думаете, мне как индивиду не жалко его как индивида? Но что значат страдания индивида перед лицом человечества? Ни-че-го! – Он обогнул юрту, подошел к ее пологу, откинул его и властно крикнул внутрь:

– Именем Абсолютно Правильной Окружности из спичек – выходите!

– Чьим именем выходить? – пробитая дробью голова эскимоса Хухры-Мухры высунулась на свет Божий.

– Именем Абсолютно Правильной Окружности из спичек! – строго повторил Деткин-Вклеткин, стараясь смотреть не на израненную голову Хухры-Мухры, а на его холеные руки.

– Я не знаю такого имени, – сообщил тот. – Кто его носит?

– Его еще никто не носит, потому что Абсолютно Правильной Окружности из спичек пока не существует. Но ее время настанет, верьте мне!

– Вот когда настанет, тогда и приходите, – сказала израненная голова. – Иначе странно все у Вас получается: Окружности не существует, а Вы уже говорите от ее имени.

– Я уполномочен! – Деткин-Вклеткин решительно наступил на полог юрты босой ногой.

– Тогда будьте любезны предъявить Ваши полномочия, а заодно и рекомендации. – Хухры-Мухры выражался, как заправский дипломат, все больше и больше удивляя Деткин-Вклеткина – И потрудитесь убрать куда-нибудь босую ногу.

– Рекомендации... – озадачился Деткин-Вклеткин, решив проигнорировать полномочия. – Здесь их может дать только Случайный Охотник: он как раз совсем близко от Вашей юрты.

– Его рекомендации меня не устроят. Он идиот. Прострелил мне голову дробью – и *на основании данного факта* утверждает , что я не волк. Ну, что Вы на это скажете?

– Я считаю, что Вам не следует спрашивать меня ни о чем, пока я не предъявил рекомендаций, которые бы Вас устроили, – жестоко отомстил Деткин-Вклеткин.

– Резонно. – Хухры-Мухры вышел из юрты целиком. Был он огромный и страшный. Когда он снова завыл, Деткин-Вклеткину сделалось не по себе.

– Мне не по себе, – сказал он. – Не войте.

Хухры-Мухры сразу перестал выть и заботливо поинтересовался:

– Теперь по себе?

– Теперь по себе.

– Вот и ладно. Так... Вы по какому вопросу?

– По вопросу юрту снести, – телеграфно отчитался Деткин-Вклеткин.

Хухры-Мухры подошел близко к лицу Деткин-Вклеткина и ударил по нему.

– Получили? – спросил он, словно бы сомневаясь.

– Получил, – подтвердил ударенный.

– И еще полу́чите, – обнадежил его Хухры-Мухры. – Только не сейчас. Сейчас я болею.

– А когда получу?

– Скоро. Сразу как выздоровлю, – пообещал Хухры-Мухры.

– Сколько конкретно еще ждать? – с нетерпением спросил Деткин-Вклеткин.

Хухры-Мухры пожал огромными плечами.

– Может быть, мне сначала снести Вашу юрту? Я вообще-то спешу.

– Не спешите, – отнесся Хухры-Мухры. – Вы прекрасны. А прекрасное должно быть величаво, как сказал Пушкин. Будьте величавы: Вам пойдет!

– Не буду, – отрезал (по сути, даже оторвал) Деткин-Вклеткин и восхитился: – Вы очень эрудированный эскимос.

– Все эскимосы эрудированные, шовинист Вы свинский! – с гордостью за свою народность вскричал эскимос.

– Я не шовинист свинский – я просто не знал, что все эскимосы эрудированные, – оправдался Деткин-Вклеткин.

Тут Хухры-Мухры, кстати уж, полюбопытствовал, чем Деткин-Вклеткину помешала его юрта. Тот ответил, что юрта стоит на пути исторического прогресса.

– Разве путь исторического прогресса пролегает через эти земли?

– Пролегает, – сказал Деткин-Вклеткин.

– Откуда Вы знаете?

– Я сам представляю здесь исторический прогресс.

– Вы? – Хухры-Мухры впервые за все время звонко рассмеялся. – Если бы Вы представляли исторический прогресс, Вы были бы моторизованы и одеты. А Вы пешком и голый. Голые пешеходы не могут представлять исторический прогресс.

– У Вас превратные представления о взаимосвязи между голыми пешеходами и историческим прогрессом, – осудил его Деткин-Вклеткин и подробно рассказал о Правильной Окружности из спичек.

По окончании рассказа Хухры-Мухры опять ударил Деткин-Вклеткина по лицу.

– Вы уже выздоровели? – с радостью спросил тот.

– Да нет, болею, – разочаровал его Хухры-Мухры. – Однако решил превозмочь болезнь, чтобы ударить Вас. Или... или что я должен был делать?! – с отчаянием воскликнул он.

– Не мешать мне снести юрту – это как минимум. Как максимум – помочь мне ее снести.

– А где я буду жить?

– Живите в стороне от исторического прогресса, если не хотите активно содействовать ему. Но не становитесь на его пути: Вас сметут. – Голос Деткин-Вклеткина гневно задрожал.

– Кто сметет? – оторопел Хухры-Мухры.

– Так я же! – напомнил Деткин-Вклеткин, сверкнув двумя очами сразу.

– Вы не сметете, – сказал, как подписал приговор, Хухры-Мухры. – Вы человек мелкий, хотя и говорите убедительно. Но я все равно думаю, что Абсолютно Правильная Окружность из спичек – плод Вашего больного чумкой воображения... – Тут Хухры-Мухры подо-

ждал решительного протеста, но такового не последовало, и он спросил: – Каких действий Вы от меня ждете?

– Действий – никаких. Все, что от Вас требуется, – это бездействие. Юрту мне дайте снести, – устало сказал Деткин-Вклеткин, – и довольно уже слов.

– Договоримся так, – вновь обратился к словам Хухры-Мухры. – Вы проло́жите свою окружность, не снося моей юрты.

– То есть?

– Все просто. Я откину полог юрты – с нужной Вам стороны, и пусть линия спичек пройдет по полу моего жилища, а потом я откину шкуру с другой, противоположной, стороны – и Ваша линия выйдет наружу, чтобы дальше продолжаться беспрепятственно.

– Это в принципе можно, – кивнул Деткин-Вклеткин, – только создаст Вам массу неудобств. Придется передвигаться по полу юрты очень осторожно, чтобы не нарушить линии, то есть не сдвинуть спичек с места.

– Пусть так, – вздохнул Хухры-Мухры. – Буду передвигаться осторожно. А Вы, в свою очередь, подумайте о том, как рационально то, что я Вам предлагаю. Ведь под прикрытием юрты спички в большей безопасности, нежели под ничем не прикрытым небом. Тут у меня они практически неуязвимы для стихий – только теоретически уязвимы. – Внезапно Хухры-Мухры припал ухом к ледяной пустыне и воскликнул:

– Чу! Я слышу постук!

– Это Случайный Охотник долбит вечную мерзлоту своим долбильным аппаратом.

– С какой целью?

– С целью изнемочь и не иметь физических сил снести Вашу юрту.

– Добрый он человек, хоть и прострелил мне голову дробью... – растрогался Хухры-Мухры, – Среди них, людей, тоже попадаются хорошие – не все такие, как Вы. Мне, старому волку, видней. А в общем-то, надо было, наверное, загрызть Вас. Чтоб неповадно было.

Пропустив это заявление мимо отмороженных ушей, Деткин-Вклеткин принюхался:

– Запах табачного дыма!

– И что? Обычный на Северном полюсе запах... – сказал Хухры-Мухры.

Однако Деткин-Вклеткин одним прыжком переместился на несколько метров и стоял столбом (как дым) возле долбившего лед Случайного Охотника.

– Чем Вы зажгли сигарету, сознавайтесь, ну!

Случайный Охотник так и обмяк в ответ, и даже долбильный его аппарат обмяк...

– Одной спичкой, всего одной спичкой!

– *Нашей* спичкой? *Общей* спичкой *человечества*? – Руки Деткин-Вклеткина повисли, как ноги. – Что Вы наделали! Я ведь знал, я ведь все знал… но я верил Вам. Я же верил Вам, скотина!

Голый, он упал на лед и зарыдал. Случайный Охотник, тоже голый, застенчиво переминался с босой ноги на босу ногу.

– Кто вернет мне эту спичку? Прощай, моя Окружность! Прости меня, о человечество! Я предал тебя! Предал, удовлетворяя порочные склонности этого ублюдка... он, видите ли, курит!

Тут Деткин-Вклеткин впился ногтями в ледяное тело Случайного Охотника и рвал его, крича:

– Где, где она, эта спичка, пусть и обгоревшая... где она?

– Я выбросил ее в снег, как можно дальше...

– Подлец! – Деткин-Вклеткин толкнул Случайного Охотника, и тот недолго думая упал навзничь.

– Может быть, есть еще надежда? – без надежды спросил потрясенный происходящим Хухры-Мухры. – Если, скажем, найти другую спичку... взамен потерянной, а?

– Найти – здесь? – Деткин-Вклеткин окинул взором бескрайние просторы. Потом, собрав всю свою нечеловеческую волю в кулак, он отер этим тяжелым кулаком глаза и строго сказал: – Мне придется вернуться в Змбрафль. За спичкой. Только там теперь спичку и можно раздобыть. – Он пристально взглянул на Хухры-Мухры. – Останетесь за главного. У Вас одна задача – следить за тем, чтобы этот выродок не подходил к возу. Пусть ноги его здесь не будет.

– Куда деть ногу? – деловито осведомился Хухры-Мухры, представляя себе собственные скитания по бескрайней поверхности Се-

верного Ледовитого океана – с оторванной ногой Случайного Охотника в руках.

– Когда я вернусь, – к счастью, не слушая Хухры-Мухры, продолжал Деткин-Вклеткин, – я сочту спички.

– Как та мать в рассказе Льва Толстого, которая перед обедом сочла сливы? – опять блеснул эрудицией эскимос.

– Именно как та мать! – обрадовался удачной аналогии Деткин-Вклеткин.

Внезапно Хухры-Мухры разрыдался.

– О чем Вы? – сухо осведомился Деткин-Вклеткин.

– Я должен... я просто обязан сознаться, что и я виноват перед Вами. Я бы, конечно, не стал сознаваться – какого черта? – но Ваша героическая преданность идее потрясла меня. Так вот... Юрта – это переносное жилище: нет ничего проще, чем сдвинуть ее с места. Простите, что я морочил Вам голову. Я торжественно клянусь, – тут Хухры-Мухры принялся есть снег и съел чуть ли не весь. – Я клянусь, что к моменту Вашего возвращения юрта будет стоять в ста километрах от исторического прогресса.

– Что было, то было... – Деткин-Вклеткин поцеловал Хухры-Мухры. – Вот только боюсь, что, пока Вы тут будете таскаться туда-сюда с Вашей юртой, это чудовище улучит момент и загубит еще, по крайней мере, одну спичку.

– Не бойтесь ничего, ангел мой, – сказал Хухры-Мухры. – Мы, эскимосы, знаем, как обращаться с такими мерзавцами.

– Верю Вам, – присягнул Деткин-Вклеткин. – Не спускайте глаз с этого... человеческого отброса.

И, повернувшись на сорок градусов северной широты, он зашагал в направлении Змбрафля – маленький голый борец за идею.

...До чего же трогательная вышла сцена! Не знаю, как тебя, читатель, а меня поведение Деткин-Вклеткина проняло до слез. Так вот он какой, Деткин-этот-Вклеткин... Что там гвозди! Из него рельсы можно делать... прокатные станы, блюминги и слябинги! Поистине, такие люди – украшение истории человечества.

ГЛАВА 6
Ретардация ни с того ни с сего

Теперь вернемся назад: так и будем скакать взад-вперед. Это соблазнительно – издергать читателя до такой степени, чтобы он вообще весь растерялся. И чтобы не знал, куда тут ткнуться. И чтобы вообще ничего хорошего от автора не ждал. Читатель должен быть всегда готов к какому-нибудь подвоху: это его дисциплинирует. А дисциплинированный читатель – мечта всякого уважающего себя автора. Каковым ваш покорный слуга и является, что бы вы там себе ни думали. А потом вы ведь знаете, что за автором и вообще глаз да глаз нужен. Попробуйте пойти на поводу у автора: вроде, все спокойно, все хорошо, повод крепок и рука надежна. И вдруг эта самая рука, которая надежна, обрывает этот самый повод, который крепок, и приветственно машет вам: пока, дескать, дорогой мой, дальше, дескать, живи как знаешь, а с меня, дескать, взятки гладки! И плутать тебе с этого времени, милейший, одному-как-персту по нарочно запутанным дорожкам романа безо всякого присмотра – и озираться вокруг, и, может быть, даже немножко скучать. Но только ты решишься бросить все, вернуться домой, ан – постой-ка, дорогой мой! Куда это ты, когда ты у меня на поводу? Повод, видишь ли,

крепок, а рука, видишь ли, надежна. Как это – обрывался? Когда это – обрывался? Ничего подобного! Лучше не уклоняйся, хороший мой, и не дергайся, потому что воли тебе век не видать. Велено вперед – иди вперед, велено назад – счастливого пути...

Назад, любезный читатель!

Марта была хорошая девочка. Она бегала в трусиках горошком по брегам Невы – и дело с концом. Была она мала, наивна и мила. Мила она была, наивна и мала. Мала она мила, наивна и была. Вся жизнь ее прошла в бегах на берегах. И так далее.

Обыкновенно Марта бегала, как тронутая первым морозцем, пока ее не окликали извне. Будучи же окликнутою, она неслась на оклик – не разбирая дороги абсолютно. Такая уж она была, эта Марта. Эта странная Марта. Эта прекрасная Марта. Она никогда никого не обидела, кроме одной только мухи, которая укусила ее в красивую уже тогда ногу, – и Марта сразу обидела муху, убив ее. А потом долго плакала и, будучи еще в слезах, написала стихотворение:

Я убила муху,
Потому что шлюха, –

поставив всех в неловкое положение последним словом, непонятно к кому именно относившимся. С тех пор она больше уж никого не убивала, а только бегала в трусиках горошком по брегам Невы – и все.

Однажды ее окликнули особенно громко – и она понеслась навстречу голосу, как еще раз укушенная мухой... мимо кого-то, кого она не заметила, потому что органы человеческого зрения его просто не регистрировали.

Но то, что кто-то сидел на брегах Невы, Марта запомнила на всю свою жизнь.

– Кто там сидел, на брегах Невы, мать? – строго спросила она с матери, подбежав к ее голосу.

– Где, я не заметила? – спросила мать и за это услышала в ответ:

– Ты мне теперь не мать. Ты мне теперь мать-мачеха.

С тех пор Марта почувствовала себя сиротой, замкнулась и дальше жила очень замкнутой. То, что кто-то сидел на брегах Невы, определило ее судьбу. Этот кто-то тревожил ее. Не всегда, изредка. Допустим, все шло хорошо и даже замечательно: удача за удачей, подарок судьбы за подарком судьбы, как вдруг – трах-тарарах: кто-то сидел на брегах Невы. Ничего больше – Кто-то Сидел На Брегах Невы. Вот оно как, дорогой и даже очень дорогой читатель: с бухты-барахты возникает в душе нечто – и жить дальше становится невозможно, не-воз-мож-но... *кто-то-сидел-на-брегах-Невы.* И все, что шло хорошо и даже замечательно, начинает идти плохо и даже отвратительно. Ктотосиделнабрегахневы.

Впрочем, Марта все равно жила – вопреки тому, что однажды кто-то сидел на брегах Невы. Ей, правда, стоило большого труда не

думать об этом постоянно. Она старалась думать об этом не постоянно, а временно – в конце концов у нее получилось, но не очень хорошо. То есть совсем не то получилось, чего ей хотелось: ведь известно, что постоянные муки причиняют тупую боль, а временные – острую. Острая же боль хуже тупой. Правда, реже. Марта предпочитала хуже, но реже.

У Марты в жизни было много всякого – и ей это нравилось. Как только она понимала, что чего-то не было в жизни ее, так сразу же совершала какое-либо действие – и оно становилось быть.

Раньше всего Марта поняла, что у нее вообще нет никакой собаки. Когда ей неожиданно исполнилось пять лет, ее это удивило, и она спросила:

– Почему у меня вообще нет никакой собаки?

– Потому что собака нам не нужна, – ответили в доме.

– Ну, не скажите, – не согласилась Марта и отправилась за собакой.

Собак поблизости не было. Тогда Марта пошла вдаль и там, вдали за рекой, увидела одну собаку, которая вела на поводке какого-то человека небольшого размера. Марта придвинулась к собаке и отрезала от нее человека маникюрными ножницами, которые всегда носила с собой для красоты. Человек зашагал дальше по инерции, оставшейся от собаки, а Марта взялась за свободную часть поводка и сказала собаке:

– Собака, теперь ты не имеешь с тем человеком ничего общего.

– Я и раньше ничего общего с ним не имела, кроме поводка, – объяснилась собака. – Он очень глуп и по этой причине всегда напоминал мне пуп.

– Чей пуп? – заинтересовалась Марта.

– Общий, – непонятно ответила собака.

– Понятно, – сказала Марта и повела собаку издали вблизь, домой. Так у Марты стала собака.

Потом Марта задумалась, чего еще у нее нет. И через некоторое время поняла, что у нее практически ничего нет – ни хомяка никакого, ни тигра, ни крокодила, ни жирафа. В то время как у жирафа очень длинная шея, и это забавно.

– Я пойду заведу себе всех и каждого, – предупредила она в доме, и в доме сказали:

– Мы не разрешаем тебе. Мы не хотим жить в зоопарке.

– А я хочу, – ответила Марта и ушла с собакой жить в зоопарк. Там она вошла в клетку к тигру и сказала ему:

– Привет!

– Привет, – обалдел тигр и осведомился: – *Тебя* сожрать? Или собаку твою?

– Может, лучше мы с собакой *тебя* сожрем?

Тигр помотал большой головой, Марта – средней, собака – маленькой. И тут все они обнялись. Так у Марты стал тигр. А потом

разные прочие животные стали. И они жили с ней в зоопарке душа в душу и делились пищей: сырым мясом, живой рыбой, сеном и другим.

Из дому приходили за Мартой много раз и кричали сквозь прутья решетки:

– Мы отдадим тебя в школу дураков!

Марта не понимала духа и буквы этой угрозы, в силу чего всегда промалчивала.

Нажившись в зоопарке, она опять задумалась, чего у нее нет, и поняла, что, в сущности, кроме животных, ничего у нее нет. Например, замка нет. Никакого.

– Мне нужен замок, – сказала Марта во весь голос. Но ее услышала только собака, у которой тоже не было замка – так что собака пока промолчала.

– Где взять замок... – заразмышляла Марта.

– Возьми замóк и переставь ударение, – посоветовала собака, но потом поняла, что сказала глупость, и поправилась – на тринадцать килограммов. А Марта грустно вздохнула и твердо произнесла:

– Пойду заведу себе замок. В какой-нибудь стране. А ты оставайся в зоопарке, потому что ты поправилась на тринадцать килограммов, и тебе тяжело будет идти по пыльной дороге.

Собака осталась, где была, а Марта пошла и шла долго, а потом ехала и опять шла – до тех пор, пока на пути не начали появ-

ляться замки. Так Марта поняла, что она в Финляндии, потому как замки там еще остались, а в России их и не было никогда ни одного.

Вокруг Марты все говорили на языке, который состоял почти из одних гласных звуков. Чтобы не задохнуться, Марта решила не изучать этого языка и взять замок молча.

Она подошла к замку и взяла его молча. Обитатели замка не сопротивлялись: они умерли в прошлом веке и тихо лежали теперь в могилах. Замок был ничей. Марта пожила в замке, сколько захотела, а потом пошла бродить и ездить по свету на те деньги, которые выкопала из земли, когда поняла, что в жизни ее нет клада. Денег оказалось ужасно много – столько было никому не нужно. И она смеялась над своими деньгами и раздавала их всем, кому не лень было брать. Те же, кому было лень, просто шли себе дальше своею дорогой – и Марта не беспокоилась о них.

В одной стране, которая называлась Марокко, Марта внезапно обнаружила, что стала взрослой, потому что кто-то сказал ей в одной толпе по-французски:

– Vous n'êtes plus une enfant. Pourquoi ne portez-vous pas des robes?[1]

Марта посмотрела на свои трусики в горошек и смутилась от них. Она забыла следить за собой – и вот, смотрите-ка, выросла!

[1] Вы больше не ребенок. Почему Вы не носите платьев? (*франц.*).

– Excusez-moi[2], – ответила она и пошла купить себе платье. Платье, которое она купила в этой стране, ей очень шло – и Марта стала как настоящая дама и госпожа. Только очень необразованная дама и госпожа. Тут-то она и решила получить образование, однако не знала где. Маячило, правда, на дне бездонного ее ума слово «школа», но ничего там не означало.

– Qu'est-ce que c'est, l'école?[3] – спросила она у прохожего по улице человека.

– C'est un lieu oú les gens font ses études[4], – ответил прохожий по улице человек.

Тогда Марта отправилась в отдельно стоящий книжный магазин и купила много книг. Она села под пальму, чтобы faire ses études[5] прямо там. На пальму она повесила табличку: «L'école normale»[6]. За месяц с небольшим днем она прочла все книги, которые купила, и решила не покупать других, а сразу выписать себе удостоверение об окончании école normale, что и сделала незамедлительно. В удостоверении значилось, что она действительно закончила école normale под финиковой пальмой. Удостоверение очень понравилось Марте и, обмакнув в чернила финик, она украсила удостоверение печатью. Получилось убедительно и здорово, хоть и не слишком разборчиво. Впрочем, в Сорбонне, куда она подала свое

---

2 Простите (*франц.*).
3 Что такое «школа»? (*франц.*).
4 Это место, где люди учатся (*франц.*).
5 Учиться (*франц.*).
6 *Здесь* – обычная, нормальная школа (*франц.*).

удостоверение, видали и не такие печати – удостоверение немедленно порвали и выбросили в широко раскрытое окно, а Марту приняли вольным слушателем на факультет de beaux arts[7]. Ей это понравилось: она любила волю и beaux arts. В полях и лугах она занималась своими делами, но при этом случайно прослушала сразу все лекции и, сдав экзамены на звание бакалавра на другом факультете, вернулась в Марокко, которое ей полюбилось. Там всего за полгода она обучила разным разностям двенадцать негритят, которые тут же стали выдающимися учеными, деятелями культуры и искусств своей страны (так хорошо обучила их всему Марта), после чего они пошли купаться в море и перетонули все по очереди один за другим, практически обескровив национальную культуру. Сама же Марта сразу уехала на брега Невы, где тогда уже никто не сидел, и там узнала, что дом ее сплыл. Она заплакала и сделалась бездомной.

...Очень трудно придумывать героям биографии: во-первых, это едва ли не сразу наскучивает, а во-вторых, тут же и забывается, поскольку зачем же помнить всякие глупости? Каких-то по очереди усопших негритят...

Я ничего не сказал про паспорт – вот еще тоскливая тема (терпи, читатель!) Без паспорта никак: без него человек не то чтобы не чувствует себя человеком – он не чувствует себя *данным* человеком. У

[7] Изящных искусств (*франц.*).

Марты, получается, не было паспорта, потому что... ну, скажем, потому что у нее никогда не возникало проблем насчет того, является ли она *данным* человеком. Она вообще не думала о том, является ли она *данным* человеком, ибо думать об этом – глупо.

Что же до окружающих, то Марте до них не было никакого дела – и считали ее *данным* человеком или нет, ее теоретически и практически не волновало. «Ich spucke darauf!»[8] – любила говаривать она по-немецки, когда ее по-русски спрашивали, является ли она *данным* человеком, и уходила от вопроса и от спрашивавшего вдаль. Или давала спрашивавшему множество денег, после чего всякий спрашивавший начинал хохотать от радости и благополучия и закрывал глаза на все... и так с закрытыми глазами уходил осуществлять свою бренную жизнь дальше, иногда попадая под стремительно идущий поезд и гибня, то есть погибая...

В общем, паспорта у Марты не было – и не было потребности в нем. Так что забудем про паспорт.

Когда Марта сделалась бездомной, она снова пришла на брега Невы, где однажды кто-то сидел и где теперь уже не сидел больше никто. Там она выбросила в Неву все оставшиеся деньги, чтобы чувствовать себя еще более бездомной и обделенной. К выброшенным ею деньгам сразу же подплыл прогулочный невский катер – и алчные люди с него не дали добру утонуть. А нищая Марта отправилась ходить по городу, где какой-то местный человек, одетый во что по-

[8] Мне на это наплевать! (*нем.*).

пало, принял ее за другую и пригласил на вечеринку в заведение под названием «Контора». Марту заинтересовала глупость названия – и она пошла с человеком.

Нет, а все-таки это милое дело – писать что-нибудь! Пишешь себе как сумасшедший, с одной стороны, а жизнь проходит как сумасшедшая – с другой стороны, причем *совсем* с другой стороны. До чего же все-таки замечательно, что на свете две стороны – одна для тебя, а другая – для Марты, для Рединготa, для Деткин-Вклеткина... Для эскимоса Хухры-Мухры. Здорово, конечно, оказаться с ними по одну сторону баррикад, да не возьмут! А без приглашения, вроде, неловко. Итак...

Итак, дальше все известно – до того самого момента, как Деткин-Вклеткин в одних трусах вошел в конференц-зал, где никто его не заметил. Не заметила и Марта, потому что она стенографировала все видимое и невидимое и в силу этого не обращала внимания на входивших в одних трусах. Но стоило лишь входившим в одних трусах войти, ручка выпадала… – и выпала из ее рук сама собой. И налетело на нее прежнее ощущение «Кто-то Сидел На Брегах Невы».

– Всё, – сказала Марта Рединготу. – Я прекращаю стенографировать. – И она положила голову на руки, предварительно положив руки на стол.

– Что-нибудь случилось? – забеспокоился отзывчивый Редингот.

– Да, – честно призналась Марта и объяснила: – Кто-то сидел на брегах Невы.

Редингот понимающе кивнул и так дружески сжал Марте запястье, что даже при всем желании она не смогла бы стенографировать дальше. После этого Редингот взял в руку ручку, выпавшую из руки же, и сам принялся стенографировать все видимое и невидимое, изредка, однако, с тревогой поглядывая на Марту, которая, со всей очевидностью, мучилась невообразимой мукой. По телу ее туда и обратно проходила судорога, плечи тряслись, пальцы хрустели и ломались... в общем, кошмар. Надо было вызывать психиатра – и лучше по возможности тихо, чтобы не создавать беспокойства в зале. Стало быть, психиатра следовало вызывать извне.

У меня есть один знакомый психиатр – подчеркиваю, не столько хороший, сколько знакомый психиатр. Но выбирать не приходится – приходится вызывать нехорошего знакомого психиатра. Имя его... впрочем, неважно, будем называть его Лапуленька, ибо так называет его жена, которая с ним одна сатана и которую я ненавижу – в частности, и за это.

– Лапуленька! – кричу я в пространство, и Лапуленька является полусонный в пижаме и тапочках на босу ногу, поскольку сейчас ночь. В руке у Лапуленьки маленькие ножницы, которыми он по ночам обычно стрижет большие свои усы.

– Лапуленька, – прошу я, – положи ножницы на пол и поставь диагноз этой красивой девушке.

Лапуленька кладет ножницы на пол и ставит Марте быстрый и точный диагноз, даже не взглянув на нее:

– Эта красивая девушка сошла с ума, – говорит Лапуленька и поднимает ножницы с пола, намереваясь стричь усы.

– И что теперь делать, Лапуленька? – спрашиваю я.

– Лечить – «что делать»! – орет полусонный Лапуленька. – Лечить в психоневрологическом диспансере по блату.

– Это почему же по блату?

– А потому, – продолжает орать Лапуленька, – что больше никак. Сумасшедших вообще не лечат. Их сажают в сумасшедшие дома и не лечат, а только кормят. Значит, нужен блат.

– Лапуленька, у меня есть блат! Это ты. – Я с умеренной нежностью смотрю на него и поправляю ему воротничок пижамы, который загнулся ближе к телу.

– Тогда, если у тебя есть блат, надо его использовать. Используй меня.

– Чтобы что-то использовать, надо знать правила пользования, – скучаю я.

Тогда Лапуленька достает из верхнего кармана пижамы маленькую аккуратную бумажку и протягивает ее мне с радостной улыбкой. Я читаю вслух:

«Правила пользования Лапуленькой».

Я опускаю глаза к краю бумажки, где значится: «Отпечатано в Первой Образцовой типографии». Испытав приступ удушья, я перехожу к подробному ознакомлению с инструкцией.

«*Лапуленька, психиатр бытовой (ЛПБ), предназначен для эксплуатации в жилых помещениях. ЛПБ состоит из...*» – далее следует длинный перечень составных частей Лапуленьки, который я опускаю из экономии сил и средств, а также по причине прозрачности лапуленькиной структуры.

Затем идет раздел «**Подготовка Лапуленьки к работе**». Это важно. «*Включить ЛПБ,* – читаю я, – *в сеть межличностных отношений. Выждать некоторое время*».

– Лапуленька, – прерываюсь я, – тебя уже включили в сеть межличностных отношений. Не стриги усы! Сейчас надо выждать некоторое время.

– Выждем, – соглашается Лапуленька, психиатр бытовой, и, наконец, швыряет ножницы в угол.

Мы выжидаем минут пятнадцать-двадцать.

«Через некоторое время ЛПБ начинает действовать в режиме минимальной нагрузки».

– Лапуленька... ЛПБ, действуй в режиме минимальной нагрузки, – строго говорю я.

Лапуленька подходит к Марте и немного отрывает ее от пола. Марта, которая к этому времени уже беснуется и кричит на весь зал, что она Белоснежка и семь гномов, заметно успокаивается и начинает кричать, что она Крошечка-Хаврошечка, а это куда ближе к истине – хотя бы по двум признакам: национальному и количественному.

«Из режима минимальной нагрузки ЛПБ самостоятельно переходит в обычный режим»...

– Лапуленька, – наседаю я, – переходи давай в обычный режим.

– Не понукай меня, – делает замечание ЛПБ, – там написано, что я перехожу в обычный режим самостоятельно.

Тем не менее, в обычный режим он не переходит, продолжая держать Марту все в том же положении.

– Лапуленька! – свирепею я. – Ты будешь, наконец, переходить в обычный режим или останешься как есть? Сколько можно!

ЛПБ кладет Марту на пол и замирает.

– Что случилось? – пугаюсь я.

– Перегрузка, – отвечает Лапуленька, психиатр бытовой, становясь равнодушным вообще ко всему. – Не надо было меня понукать. Теперь тебе самому придется отвозить девушку в сумасшедший дом. Без блата. У тебя был бы блат, если бы ты правильно меня использовал и дождался, пока я перейду в обычный режим самостоятельно. Ты не дождался. Так что пеняй на себя. – И ЛПБ умолкает навеки.

Некоторое время я пеняю на себя, потом взваливаю на плечи безутешного Редингота тихонько беснующуюся Марту – и безутешный Редингот незаметно выходит из конференц-зала.

Ну что ж, читатель, – в сумасшедший дом? В крайнем случае, потом придется вернуться к началу главы – и написать все по-другому, если положение окажется совсем безнадежным. Мда-а-а, ну и проблемы…

Чудны дела мои, Господи!

Между тем, в сумасшедших домах и в самом деле никого не лечат. И, может быть, правильно делают: сумасшедшие, они такой уж народ – их лечи не лечи... Все равно беснуются, как сумасшедшие, или же тихо сидят, но опять-таки – как сумасшедшие. И сразу понятно, что они не в своем уме, а в чьем-то чужом – кто в чьем. Так там и спрашивают: – Этот вот в чьем уме?

И про Марту у Редингота спросили:

– Она у Вас в чьем уме?

– Она у меня в уме Крошечки-Хаврошечки, – с какою-то даже гордостью ответил Редингот, полагая Крошечку-Хаврошечку не самым, между прочим, глупым человеком.

– У-у... – загудел сумасшедший дом: ум Крошечки-Хаврошечки его, вроде бы, не устроил.

– А Вы бы хотели, чтобы она в чьем уме была? – Рединготу стало просто интересно.

– Ну, в чьем... У нас тут, между прочим, чтоб Вы знали, платон на платоне и платоном погоняет!

Так ответил сумасшедший дом и очень подозрительно взглянул на Редингота острым органом зрения.

– Вот и хватит с вас платонов!– Редингот поднял Марту с пола и положил на стол, где она продолжила свои тихие беснования. – А Крошечка-Хаврошечка, кстати сказать, коровке в одно ушко влезала, в другое вылезала, – добавил он.

После этого замечания сумасшедший дом заинтересовался самим Редингото́м.

– Нуте-с, – сказал сумасшедший дом, – а какое же сегодня число какого месяца какого года?

– Да шут его знает, – беспечно ответил Редингот и озабоченно взглянул на Марту. – Может быть, ее уже имеет смысл препроводить в палату?

– Кого препроводить в палату – это нам решать, – сказал сумасшедший дом и, в свою очередь, предложил: – А не назвать ли Вам лучше свое имя?

– Мое имя Редингот, – сказал Редингот, – а Ваше?

– Клара Семеновна, – сказал сумасшедший дом.

– Вы женщина? – Редингот обалдело уставился на мужчину.

– Это как посмотреть, – уклонился на полметра сумасшедший дом.

Редингот посмотрел и этак и эдак, после чего грустно заметил:

– Действительно. С одной стороны, Вы симпатичный мужчина, с другой – страшненькая женщина. А Редингот – это пальто такое.

– Понятно, – сказал сумасшедший дом. – Редкая форма.

– Редкий фасон, – поправил его Редингот.

Тогда сумасшедший дом набрал номер телефона и заговорил, прикрывая трубку рукой.

– Атипичная форма шизофрении. Отождествление себя с предметом верхней одежды. Препроводить к Вам? Слушаюсь.

После разговора сумасшедший дом нажал на кнопку, и в приемный покой вошли два санитара с марлевыми повязками на лицах.

– Почему у них марлевые повязки? – спросил Редингот. – Чтобы не заразились?

– Да нет, – возразил сумасшедший дом. – Они слюной очень брызжут. От злости.

– Зачем же таких злых санитаров-то было нанимать? – покачал головой Редингот. – Кадровик у Вас, похоже, никуда не годный.

– Для предмета верхней одежды Вы слишком умны. Амплуа смените! – заорал вдруг сумасшедший дом и распорядился, повернувшись к санитарам:

– Девушку в палату номер пятнадцать, а старца...

Договорить сумасшедший дом не успел, потому что безвременно скончался.

Санитары подождали распоряжений относительно старца, но, не дождавшись, занялись девушкой, а Редингот похоронил Клару Семеновну на больничном дворе. Невесть откуда взявшиеся солдаты немедленно стали в почетный караул у могилы. Редингот не любил торжественных церемоний и отправился посмотреть, как устроили Марту.

Он заглядывал в палаты и убеждался, что сумасшедшие в массе своей здесь тихие, то есть если и беснуются, то исключительно внутри себя. Между тем Редингот давно считал, что, когда сумасшедший беснуется внутри себя, это чрезвычайно удобно: разобрав такого сумасшедшего, можно изучить его устройство и понять механизм душевной болезни.

Найдя Марту в палате, где не лечили, а только кормили двух женщин, у которых наблюдалось – особенно в ясную погоду и с близкого расстояния – так называемое размножение личности (одна считала себя семью чудесами света, другая – сорока разбойниками),

Редингот тут же решил изучить устройство второй из них. Лживыми посулами заманив ее в пустую в это время суток столовую, он в полном одиночестве разобрал незнакомку на составные части, но вместо сорока разбойников обнаружил сорока двух, чему несказанно изумился и, не решившись собрать разобранную женщину обратно, в изумлении проследовал к главврачу для уточнения диагноза.

Главврача на месте не оказалось, а оказался на этом месте двойник главврача, который так и представился: «Двойник главврача». Редингот, изумившись сходству, поинтересовался, скоро ли вернется сам главврач, и тут же был поставлен в известность, что никакой главврач не главврач, а польский писатель Болеслав Прус, который усоп, оставив после себя большое литературное наследие, каковое наследники его прокутили в считанные дни и теперь влачат жалкое существование в притонах Сан-Франциско. Редингот понял, что разговаривать с усопшим главврачом не имеет большого смысла, и пошел себе восвояси, как он умел и любил, – по пути упросив помешанную на постмодернизме и считавшую себя постмодернизмом в целом и в частностях нянечку кормить Марту исключительно шоколадом. Нянечка принялась кормить ее шоколадом тут же, но Марта ела шоколад машинально и фактически не испытывая радостного чувства. Зато испытывая безрадостное, и это было чувство мести. Оно становилось все более и более яростным... скоро Марта не смогла ему сопротивляться и сказала:

– Я буду мстить всем и каждому.

Причем сказала она это громко и отчетливо, чтобы все и каждый отныне не ждали от нее уже ничего хорошего. Все и каждый хотели притаиться по углам, но каждый не успел – и проворная Марта схватила его за шиворот рукой, в результате чего шиворот неожиданно оказался навыворот.

– У Вас шиворот навыворот, – сразу заметила наблюдательная Марта.

– Спасибо, я поправлю сейчас, – улыбнулся Каждый и, больно ударив Марту по руке, вернул шиворот в естественное для шиворота состояние.

– Скажите, пожалуйста, почему Вы со мной одновременно грубы и вежливы? – спросила Марта.

– Потому что Вы сумасшедшая, – объяснился Каждый.

– Можно подумать, Вы нормальный! – как бы между прочим обиделась Марта.

Каждый вспыхнул, как облитый бензином и подожженный автомобиль, и демонстративно отвернулся от Марты: показывая, что он обиделся гораздо сильнее, чем она.

– На Вашем месте я бы не обижалась так сильно, – сделала ему замечание Марта. – Вы же первый начали!

– Я назвал Вас сумасшедшей, но не назвал ненормальной, – пробурчал Каждый. – Зачем Вы смешиваете прямо противоположные понятия?

– Это какие именно понятия – прямо противоположные? – искренне изумилась Марта.

– Да вот… «сумасшедший» и «ненормальный»! – снова повернулся к ней Каждый. – Что я сумасшедший – понятно. Понятно и радостно. А вот что ненормальный… – это-то с какой стати?

– Так, минуточку, – сказала Марта. – Вот тут подробнее, пожалуйста!

– Чего ж подробнее… – Каждый посмотрел на нее с укором, – когда и так понятно! Если все вокруг сумасшедшие, а все вокруг – сумасшедшие, Вы же сами видите, то и… то и получается, что сумасшествие есть норма. – Тут он выразительно, как художественный чтец, посмотрел на Марту и подытожил: – Я сумасшедший. То есть вполне нормальный.

– Как-то я никогда не подходила к этому вопросу с такой точки зрения, – задумалась Марта.

– Но вот что для меня осталось загадкой, – признался вдруг Каждый, – это зачем Вам понадобилось, чтобы у меня шиворот был навыворот? – Каждый нахмурился и стал казаться прежде всего грубым, а уж только потом вежливым.

– Это я начала мстить всем и каждому. – Марта мило улыбнулась.

– Тогда почему Вы сперва принялись за каждого?

– Так обозримее и конкретнее, – объяснилась Марта. – Но я собираюсь мстить и дальше.

– И снова мне?

– Пока – да… Кому ж еще, когда Вы настолько доступны? – Марту удивляла природная недогадливость Каждого.

– А за что мстить? – опомнился узнать Каждый.

– За то, что однажды кто-то сидел на брегах Невы.

– Я сидел? – уточнил Каждый.

– Вы развязны, – задумчиво и разочарованно сказала Марта. – Не надо полагать, будто каждый способен сидеть на брегах Невы. Это дело избранных.

– Это дело тех, кто живет в Санкт-Петербурге, – не согласился Каждый.

– Вы *очень* развязны, – откорректировала себя Марта. – Я, пожалуй, позволю себе повторить: сидеть на брегах Невы – дело избранных. И добавить: это дело единиц. Дело просто одного-единственного.

– Тогда и мстить нечего всем и каждому... особенно каждому – то есть конкретно мне. Чего на меня-то нападать?

Марта с окончательной скукой посмотрела на Каждого и заключила:

– Эх, Каждый, Каждый... Бить бы Вас, да некому.

– Почему это некому-то? – возмутился Каждый. – Тут вот в соседней палате есть один сумасшедший по имени Егор-Булычов-и-Другие. Он всегда охотно бьет меня.

– Пригласите его, пожалуйста, – попросила Марта.

– С удовольствием, – ответил Каждый и отправился за Егором-Булычовым-и-Другими.

Марта же, горя жаждой мести, огляделась вокруг, но не увидела никого, кроме четверых убитых сорока двумя разбойниками сумасшедших. Погибнув, они, видимо, излечились от сумасшествия, потому что выглядели вполне вменяемыми трупами.

– Как интересно! – сказала себе Марта, и тут как раз подоспел Каждый с соседом по имени Егор-Булычов-и-Другие. Сосед был один.

– Где другие? – сразу спросила Марта.

– Другие – это тоже я, – коротко объяснился сосед, периодически ударяя Каждого то по голове, то по плечу, то по спине, а то и еще по чему-нибудь такому. Каждый был весь в слезах и в крови.

– Вам необходимо сделать свинцовые примочки, – посоветовала Марта Каждому.

– Я делаю ему, – вмешался Егор-Булычов-и-Другие. – У меня свинцовая примочка в кулаке! – Тут он разжал кулак и показал Марте кусок свинца.

– Вы предусмотрительны, – вроде как похвалила его Марта. – А теперь довольно тут с каждым возиться, переходим ко всем. Вы будете помогать мне мстить, – обратилась она отдельно к Егору-Булычову-и-Другим.

– Слава Аллаху! – сказал Каждый, внезапно оказавшись мусульманином.

– За что мстим? – по дороге бодро поинтересовался Егор-Булычов-и-Другие.

– За то, что кто-то сидел на брегах Невы, – отчеканила Марта.

– Вот гады! – воодушевился Егор-Булычов-и-Другие и помчался по палатам с тюремным криком: – Я вам покажу, как на брегах Невы сидеть!

Из палат послышались преждевременные предсмертные вопли.

– Не насмерть мстим! – через некоторое время поправила Егора-Булычова-и-Других внимательная к происходящему Марта, увидев поблизости от себя несколько новых покойников.

Как бы в ответ на ее слова вопли из преждевременно-предсмертных сделались просто душераздирающими.

ГЛАВА 7

Ретардация все еще имеет прочное место быть

Все-таки надо как-то добиваться специальных художественных эффектов – без них плохо. Читателям по сердцу, когда литературное произведение действует им на нервы, особенно если нервы слабые. Например, можно описать – причем довольно скрупулезно – какой-нибудь интерьер, а потом вдруг признаться, что события, о которых пойдет речь, происходили совсем в другом месте. Или вообще... изобразить какую-нибудь ужасную сцену, а потом выяснится, что сцена эта вообще из другого литературного произведения. Так тоже очень хорошо.

Впрочем, подобным образом я только что и поступил. Конечно, Марта, будучи Зеленой Госпожой, не могла и в мыслях иметь обидеть кого-то! С нее и того хватило, что однажды в жизни она обидела муху, по вине Марты умершую не своей смертью. Даже обидеть кого-то свинцовым кулаком Егора-Булычова-и-Других (тем более что последний персонаж вовсе не из нашего художественного произведения, а из чужого) она никогда бы себе не позволила. Насчет отомстить всем и каждому за то, что кто-то сидел на брегах Невы... да помилуйте: кто ж в *этом* виноват, кроме самого сидевше-

го на брегах Невы? А то, что Марта сказала: «Буду мстить!..» – ну, сказала и сказала: пребывала, стало быть, в приятном состоянии сильного аффекта. Стоит *ли* с нее спрашивать, когда она сейчас *в принципе* сумасшедшая?

В данный момент меня гораздо больше интересует брошенный на полпути Рединготт, который куда-то исчез из поля нашего и вашего зрения. Про него известно только, что он отправился восвояси. Но пора бы уж ему и объявиться.

Он и объявился – посредством телеграммы со следующим обратным адресом: «Свояси. Провинция Хоккайдо» и следующим текстом:

«ВО СВОЯСИ ВСЕ ГОВОРЯТ ТОЛЬКО ПО-ЯПОНСКИ ВЕСЬМА ТРУДНО ДОГОВОРИТЬСЯ РЕДИНГОСИ».

Телеграмма легла на стол справок в городе Змбрафле, поскольку, указав приблизительный обратный адрес, Рединготт (Редингоси) не указал и точного прямого. На столе справок сидела Умная Эльза. Она всегда сидела *на* столе справок, когда не было посетителей, потому что у нее были очень длинные ноги. Безжалостно засовывая их *под* стол при появлении посетителей, Умная Эльза испытывала жуткие боли и даже пару раз ломала то одну, а то совсем другую из двух своих ног.

«Странная телеграмма!» – подумала Умная Эльза, но, будучи не дурой, немедленно все поняла. Речь, конечно же, шла о согласии Японии предоставить свою территорию в качестве дополнительной площади для проложения по ней одного из фрагментов Абсолютно Правильной Окружности из спичек. До сих пор Япония не была задействована в реализации самой грандиозной идеи человечества и объективно оказывалась на задворках истории. Но, видимо (как следовало из телеграммы), некий мудрый человек, а именно Редингоси, решил устранить данную оплошность и вывести страну на магистральную улицу истории, то есть вовлечь-таки бедную Японию в процесс построения Окружности. Это значило, что бедная Япония как бы переставала уже быть бедной Японией, превращаясь в один из центров мировой творческой мысли, а Окружность из спичек становилась больше, то есть правильнее – иначе говоря, совершеннее.

Вот как много поняла Умная Эльза, сидя на столе справок, но решила не делать переданную в телеграмме информацию достоянием гласности, а владеть ею одна. Она сидела на столе справок и сосредоточенно владела информацией, пока ею самой не овладела страшная скука, – и тогда Умная Эльза с отвращением выбросила информацию из головы. Между тем за информацию эту готова была бы дорого заплатить любая цивилизованная страна.

Вот тоже хороший способ строить интригу: вводишь никому не нужную, на первый взгляд, героиню, сообщаешь о ней явно ник-

чемные подробности – и тут же переходишь к рассказу о чем-нибудь другом. Например, к рассказу о Рединготе в Японии. И пусть себе читатель весь истерзается, дожидаясь очередного появления никому не нужной героини, располагающей бесценной для человечества информацией. Читатель обожает, когда с ним так поступают. Правда, обожает, может быть, бессознательно.

Ну, что ж, дорогие мои... едемте скорее в Японию! Тем более что имеет смысл успеть к первой встрече Редингота с натуральным японцем.

Натуральным японцем оказался Японский Городовой. Впрочем, он не представился, поскольку не понял, чего от него хочет Редингот. А Редингот только и хотел, что представиться и двинуться дальше... но не тут-то было. Японский Городовой преградил ему путь огромной саблей и злобно крикнул что-то в лицо. От его крика лицо Редингота перекосилось – собственно, это и дало Японскому Городовому повод воспользоваться саблей, направив острие в область перекошенного лица. Редингот зажмурился и стал сильно походить на японца, тем самым весьма озадачив Японского Городового. Тот опустил саблю, поскольку японцев никогда не рубал, а только иностранцев, и осторожно, но вежливо улыбнулся Рединготу. Тот в ответ улыбаться не стал, ибо твердо знал: японцы улыбаются только тогда, когда у них кто-нибудь умер, – так уж забавно устроен этот древний народ. Потому Редингот – чтобы Японский городовой не

ровен час не подумал, будто у нашего героя кто-то умер, – начал истерически рыдать, желая тем самым показать свою веселость и беспечность, а Японский Городовой сказал:

– Что ж Вы так рыдаете-то, словно у Вас кто-то умер! – чем окончательно сбил Редингота с панталыку.

Между тем Редингот внезапно начал очень хорошо понимать японский язык – и вот что странно: чем сильнее он жмурился, тем отчетливее становилось это понимание.

– У меня-то как раз никто не умер, – вроде бы, даже парировал Редингот (по-японски, конечно), – а вот у Вас, дорогой мой, явно в доме покойничек. Иначе с чего бы Вы улыбались беспрерывно?

– Настроение у меня хорошее, вот и улыбаюсь беспрерывно, – не без раздражения ответил Японский Городовой. И зачем-то спросил: – Вы где наблюдаетесь?

– Я наблюдаюсь в радиусе километра при отсутствии тумана, – не солгал Редингот. И спросил: – А Вы?

Вместо правильного ответа Японский Городовой ударил его саблей по голове – плашмя, очень больно.

– Зачем Вы это сделали?

– Мне на минуту показалось, что Вы иностранец, – честно признался Японский Городовой.

Тогда Редингот недолго думая хватил его кулаком по уху.

– Японский Бог! – взревел Японский Городовой и, в свою очередь, поинтересовался: – А Вы-то зачем это сделали?

– Мне тоже показалось, что Вы иностранец, – соврал Редингот.

Прочие японцы, прохожие и проезжие, остановились как по команде генерала – по-видимому, привлеченные этой сценой. В быстро собравшейся толпе залпом распространился слух о втором пришествии на землю Японского Бога, – и вежливые японцы тут же бросились поклоняться Рединготу. Они приняли традиционные молитвенные позы, забубнили что-то свое и без особых церемоний принесли в жертву Японскому Богу нескольких местных жителей, аккуратно зарезав их длинными саблями. Сначала те кричали как зарезанные, но, став действительно зарезанными, принялись молча лежать на мостовой, истекая кровью.

А толпа вокруг Редингота все росла.

– Где он, где? – слышались возбужденные голоса.

– Да вон же, тот, который в пальто и без брюк!

– Пожилой такой, да?

– Ну, конечно, Японский Бог, какой же еще? В Писании сказано...

– Да читали, читали! Без вас знаем!

Страсти накалялись. Сразу в нескольких местах начались столкновения на религиозной и нервной почве. Между тем дети испуганными насмерть голосами пели уже псалмы, славя приход Японского Бога. От толпы отделился человек без рук и без ног и подошел к Рединготу, соблюдая положенную робость. Вблизи было видно, что человек этот слепоглухонемой и прокаженный.

– Тебе чего? – спросил Редингот.

– Коснись меня, Японский Бог! – тихо попросил тот Редингота.

Редингот коснулся. Сразу же у человека выросли руки и ноги – сначала по две, а потом еще по четыре, широко открылись глаза и прочистились уши. Хорошо поставленным на землю голосом он запел, присоединившись к детям, которых предварительно распихал в разные стороны своими новыми руками и ногами, чтобы освободить себе место.

– Чудо, чудо, Японский Бог! – закричали все японцы Японии и повалили к Рединготу – каждый с чем-нибудь своим. Один со своим конем, другой со своим ножом, третий со своими двоими. Тот, который со своими двоими, припал к Рединготу и взмолился:

– Прикажи мне что хочешь, Японский Бог!

Редингот приказал ему долго жить – и тот немедленно прожил сто сорок лет, после чего умер на руках у Японской Матери. Для этого Японская Мать подбежала к нему и протянула свои слабеющие руки навстречу престарелому сыну. Потом она отнесла сына в могилу, а сама вернулась к Японскому Богу. Возле него стоял уже Японский Городовой и плакал.

– О чем Вы?

– Если б я знал, – убивался Японский Городовой, – что Вы и в самом деле Японский Бог, я никогда не хряпнул бы Вас саблей плашмя по башке.

– Это уж как минимум, – отнесся Редингот и неожиданно для себя еще раз, теперь уже изо всех сил, ахнул Японскому Городовому по уху – да так, что ухо тут же и отвалилось. Впрочем, огорчаться не стоило: на месте отвалившегося уха тут же выросло два новых.

– Еще, еще чудес! – взревела толпа, но Редингот сурово оборвал:

– Хватит!

Толпа стихла. Тишину нарушал только лязг далеких сабель, которыми фанатики убивали друг друга в сторонке, где шла самая настоящая резня. И некоторым зарезаемым было совсем не до шуток. Увы, Редингот никак не мог вмешаться в происходящее: он знал, что религиозные распри в подобных случаях неизбежны.

Кстати, одновременно с религиозными распрями начали возникать и их прямые последствия: голод, разруха, обнищание налогоплательщиков... Мельком взглянув на некоторых налогоплательщиков, Редингот залился слезами и подумал: «Выглядят так, что краше в гроб кладут». И действительно: те, которых в данный момент клали в гроб, выглядели не в пример лучше. Они были здоровыми, цветущими, загорелыми, с радостными улыбками на лицах... некоторые даже декламировали традиционные японские стихи.

– Это танки? – спросил Редингот у Японского Городового. Тот прислушался.

– Нет, самолеты, Японский Бог! – И Японский Городовой упал на землю, прикрыв голову чужими руками.

Вооруженные до зубов Силы Японии приняли, наконец, участие в религиозных распрях.

– На чьей вы стороне? – крикнул Редингот Вооруженным до зубов Силам.

– Мы на стороне правых и виноватых, Японский Бог! – ответили Вооруженные до зубов Силы, бомбя кого придется. Сквозь дым ничего не было видно. Редингот отчаялся следить за ходом военных действий и решил, что лучше пока ознакомиться с достопримечательностями города.

– Вы не покажете мне город? – спросил он у лежавшего на земле Японского Городового.

– Охотно, – ответил Японский Городовой и скромно добавил: – Если не я, то кто же?

На этот вопрос у Рединготa не было положительного ответа и, оторвав Японскому Городовому лишнее ухо, которое начало раздражать их обоих, он только развел руками.

– Идем по трупам, Японский Бог? – уточнил Японский Городовой.

– Разумеется, – откликнулся Редингот.

Они долго шли по трупам. Кстати, не всем трупам это приходилось по вкусу, и некоторые из них пинали идущих. Другие же, сбившись в стайки, курили, бросая злобные взгляды, но на большее пока не решались.

– Это противники новой веры, – на ходу объяснял Японский Городовой. – Но они бессильны, ибо мертвы.

– Я вижу, – отвечал Рединготт. – И знаю, что скоро их похоронят. Скорей бы уж!

Города, достопримечательности которого интересовали Рединготта, на прежнем месте не оказалось. А оказались на прежнем месте руины.

– Красиво! – восхитился Японский Городовой. – Похоже на старую гравюру, Японский Бог!..

Рединготт поддержал его как мог.

– Сейчас гораздо лучше, чем было. – Японский Городовой с чувством глубокого удовлетворения оглядывался вокруг. – Город выглядит особенно древним. Надо было раньше его разрушить.

– Непонятно, чего вы так долго медлили, – согласился с ним Рединготт.

– А вон мой дом! – обрадованно вскричал Японский Городовой. – Смотрите, как его разнесло: одни стены остались! Теперь он напоминает Колизей, Японский Бог!

– Скажите... кто-нибудь был сегодня у Вас дома? – осторожно спросил Рединготт, отнюдь не желая натолкнуть Японского Городового на неприятные мысли. Но тот все равно задумался, а потом весело рассмеялся.

– Да я и не помню, Японский Бог! Может, был кто, может – нет... теперь-то уж чего говорить!

– Вы правы, теперь, пожалуй, уже поздновато. – И Редингот тоже рассмеялся в ответ.

– А Вы шутник! – совсем развеселился Японский Городовой. – С Вами не соскучишься!

В этом, кстати, он был совершенно прав. Уж что-что – а скучать с Редингото м не приходится! Я и сам умираю со смеху, наблюдая за его штучками. До чего же все-таки здорово, когда твои герои доставляют тебе столько приятных минут!

А города между тем не осталось и в помине. Бомбардировщики, сделав свое грязное дело, разлетелись кто куда. Отныне почвы для религиозных войн в этом уголке земного шара уже не осталось.

– Теперь мы все будем жить в мире и согласии, – радостно сказал Японский Городовой. – Наверное, сейчас, когда замолчат пушки, заговорят музы.

И неожиданно для себя он весьма и весьма мило продекламировал хокку о хижине, крытой соломой. Редингот долго аплодировал и даже умудрился составить и подарить Японскому Городовому крохотную икебану из опавших листьев и придорожной травы, предварительно вытерев с них кровь погибших. Букет очень обрадовал Японского Городового, и он обещал хранить его до самой смерти Японского Бога – в принципе бессмертного.

– Почему тут все сочли меня Японским Богом? – Редингот решил, что настало наконец время спросить об этом.

– Странный вопрос, Японский Бог! – эмоционально отреагировал Японский Городовой, предлагая, видимо, Рединготу, считать эту эмоциональную реакцию ответом. Редингот так и поступил.

Потом они с Японским Городовым отправились взглянуть, не остался ли кто-нибудь в живых – по крайней мере, из близких Японского Городового, поскольку тот справедливо предположил, что, может быть, в городе после этой бойни жить в мире и согласии будет не с кем.

Оказалось, что он обольщался. Из-под развалин, из расщелин и трещин все ползли и ползли чудом уцелевшие жители города. Скоро их набралось человек сто с лишним. Лишнего Японский Городовой сразу же убил, объяснив это следующим образом:

– Так лучше для ровного счета.

Остальных же он усадил на камни и внимательно осмотрел.

– Все живы и здоровы, – заключил он после осмотра. – Ровно сто человек, Японский Бог! Правда, меня бы и половина устроила... ну да ладно. Живите себе с Богом.

– С Японским? – уточнил один из уцелевших.

– А то с каким же? – вопросом на вопрос ответил Японский Городовой, исключительно строго.

– Минуточку! – вмешался Редингот. – Вообще-то у меня другие планы. И жить я здесь не собирался.

– Тем более что тут и негде, Японский Бог! – цинично заметил Японский Городовой, окидывая взором руины. И непоследовательно расхохотался.

– Я не очень понимаю причины Вашего циничного замечания и непоследовательного хохота, – честно признался Редингот.

Едва справившись с чуть не задушившим его новым приступом веселости, Японский Городовой смиренно объяснился:

– Мы, японцы, действительно странный народ. Нас трудно понять. Это потому, что на наших красивых лицах никогда не задерживается ничего лишнего. А кроме того, мы же очень хорошо воспитаны, Японский Бог!

И сто японцев загоготали так, что Рединготу показалось, будто их, как минимум, миллион.

– Тогда я ухожу, так ничего и не поняв в специфике японского национального характера, – с горечью сказал Редингот, поворачиваясь спиной к веселым жителям несуществующего города. Веселые жители ответили ему еще одним взрывом здорового смеха.

Пройдя шагов двадцать, Редингот оглянулся и сказал:

– Вы бы хоть не забывали меня...

Он все-таки лирик, мой Редингот... Может быть, в этом его минус. Или его плюс. Или его знак умножения. Или его корень квадратный. Или это вообще неважно. Но он лирик. Казалось бы, что связывает его с этими странными представителями странного народа, кроме совместно пережитой национальной катастрофы? Да по-

жалуй, ничего. А он, видите ли, не может уйти просто так! Ему, видите ли, надо, чтобы его не забывали...

– Вы бы хоть не забывали меня!

– Да мы тебе памятник поставим, Японский Бог! – дружно ответили сто голосов. – Мы составим твое жизнеописание, ты станешь героем местных преданий, Японский Бог...

– Тьфу ты! – сказал Редингот и сделал еще шагов двадцать. Потом снова обернулся. Говорить с такого расстояния было не очень удобно, но он заговорил.

– Вот что, японцы. Не надо памятников. Не надо жизнеописаний. Если Вы действительно хотите...

– Конечно, хотим, Японский Бог! – радостно перебили его.

– ...так вот. Если это действительно так...

– Конечно, так, Японский Бог! – Они, эти сто японцев, включались со скоростью маленьких лампочек (миньонов) при параллельном соединении.

– Хорош перебивать, японцы! – крикнул Редингот. – Дослушайте сначала.

– Конечно, дослушаем, Японский Бог!

Не обращая больше внимания на глупость ста японцев, Редингот продолжал:

– ...тогда Вы должны соорудить на вашей благодатной земле нечто, и впрямь достойное Японского Бога. Например, фрагмент Абсолютно Правильной Окружности из спичек.

– *Абсолютно* Правильной? – акцентировал Японский Городовой.

– Абсолютно! – безжалостно ответствовал Редингот.

Сто японцев под предводительством Японского Городового благоговейно воздели руки к небу, а потом, поспешно пошарив теми же, уже опущенными к земле, руками в карманах, извлекли оттуда спичечные коробки. Они уже начали даже осматриваться по сторонам, но Японский Городовой вдруг сказал:

– Где ж мы тут этот фрагмент соорудим, когда разруха, Японский Бог?

– Прямо поверх разрухи, японцы! – вдохновенно выкрикнул Редингот.

– Твое слово – закон, Японский Бог! – отозвались японцы и припали к земле, держа свои спичечные коробки наготове

– Стойте, японцы, – Редингот покачал головой. – Милые глупые японцы... Вспомните, вы же не одни в мире! Сооружаемый вами фрагмент должен обязательно сомкнуться с более ранним фрагментом с одной стороны и более поздним – с другой.

Тут Редингот весьма толково объяснил им всю грандиозность замысла.

– Так бы сразу и сказал, Японский Бог! – ответили ему японцы, по окончании объяснений проникнувшись величием идеи. – А впрочем, – задумались они, – если фрагменты не совпадут...

– Об этом не может быть и речи! – сухо оборвал их Редингот. – Смысл идеи именно в том, чтобы фрагменты совпали.

Японцы безмолвствовали. Оценив их безмолвие как согласие, Редингот подозвал к себе Японского Городового и прочел ему короткую, но емкую лекцию о том, с кем нужно вступить в контакт, чтобы добиться совпадения фрагментов Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Тот улыбался и кивал, как китайский (а не японский) болванчик.

– Вы будете тут за старшего, – закончил Редингот. – Вам все понятно?

– А как же, Японский Бог! – воодушевился Японский Городовой, прижимая маленькие руки к большому сердцу.

Редингот вздохнул. Кажется, его первая миссия закончилась – хоть и не бескровно, но вполне успешно. А когда силуэт Японского Бога перестал быть виден за развалинами, один из ста японцев, практически незаметно подмигнув остальным девяноста девяти, закончил фразу, вертевшуюся у всех на языке:

– …если фрагменты не совпадут, будет тоже очень красиво. Мы, японцы, любим асимметрию.

– А то, Японский Бог! – поддержал Японский Городовой.

ГЛАВА 8
Симультанные до известного места дела

Баба-с-Возу торговала спичками вовсю – с каждой минутой кобыле становилось легче. Она весело ржала, предвкушая момент удаления с воза и самой Бабы-с-Возу, но не рассчитывала на это в ближайшем будущем: торговля хоть и шла бойко, однако закончиться обещала далеко не прямо сейчас, поскольку спичек оставалась еще чертова прорва.

А солнце палило нещадно.

– Нет, ну на кой им все-таки тут спички? – в сто первый раз спрашивал Бабу-с-Возу Карл Иванович, внутренний эмигрант, согласившийся сопровождать ее, но уже раскаявшийся. – Солнце жарит с утра до ночи – все и без спичек воспламеняется как ненормальное.

– А если дожди затяжные? – иезуитским голосом интересовалась Баба-с-Возу. – Тут, Карл Иванович, знаешь, дождь как зарядит – месяцами носу из дома не высунешь. Ты Маркеса читал?

Разморенный на солнце Карл Иванович, внутренний эмигрант, стыдливо тупился и качал головой.

– Эх, Карл Иванович... ты же в интеллигентном возрасте, твою мать! Маркеса-то в таком интеллигентном возрасте можно прочесть? Или нельзя прочесть? Хоть какие-нибудь общеизвестные вещи – «Исабель смотрит на дождь в Макондо», «Полковнику никто не пишет»... я же не требую от тебя «Сто лет одиночества» читать или, скажем, «Осень патриарха»!

– Когда дожди пойдут – спички-то как раз и отсыреют, – аргументировал свое невежество Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Ну, это уж дело не твое. И не мое: я их сухими продаю, – преждевременно оправдалась Баба-с-Возу. – Вот, гляди-ка! – И она с силой чиркнула спичкой, которая воспламенилась во мгновение ока.

– Их бы хоть предупредить как-то, туземцев этих, чтобы в сухом месте спички хранили... – сетовал Карл Иванович, внутренний эмигрант, лишенный возможности предупредить в силу незнания местного наречия.

– *Я* должна предупредить? – акцентировала Баба-с-Возу. – Да мне-то ведь только лучше, что спички отсыревают: простой экономический расчет!.. Ты же в интеллигентном возрасте, Карл Иванович! А в разговоры с ними я не вступаю: я в ихнем языке ни бум-бум.

– Бум-бум, бум-бум! – радостно отозвались близлежащие на солнце туземцы, для которых это, видимо, что-то значило.

– Я же просил Вас, мадам, не употреблять в присутствии аборигенов *никаких* парных конструкций: этак можно и скальпа ли-

шиться! – Карл Иванович хорошо умел скрывать раздражение, но как раз в данный момент скрыл плохо, ибо скальпом своим дорожил пуще глаза.

– Ой, я и забыла насчет парных конструкций! – опомнилась Баба-с-Возу и, в свою очередь, не преминула сделать замечание: – Ты бы, Карл Иванович, золотишко-то припрятывал куда-нибудь: когда оно в таком количестве, это наводит на размышления.

– Во-первых, у них мозгов нету для размышлений, – парировал Карл Иванович, внутренний эмигрант. – А во-вторых, мадам, что им наше золотишко? У них, видите ли, даже стрелы в колчанах и те золотые. Убьют тебя такой стрелой – самым богатым покойником будешь.

Так всегда говорил Карл Иванович, а золотишко, тем не менее, рассовывал по мешкам. И мешков этих было уже за сорок. Сорок с небольшим мешков, полных золотых слитков. Очень прилично.

Один коробок спичек продавался за один слиток золота – это Карл Иванович, внутренний эмигрант, придумал. За что своевременно и удостоился скупой похвалы Бабы-с-Возу: ты, Карл Иванович, дескать, дурак дураком, а своего и моего не упустишь. Причем, вводя это товарно-денежное соотношение, Карл Иванович, внутренний эмигрант, по рассеянности забыл распорядиться о величине слитков – и отныне, кичась друг перед другом мускульной силой, каждый из туземцев норовил принести слиток помассивнее. Самые

массивные приносили местные пигмеи, надрываясь как идиоты, чтобы казаться сильнее всех.

Туземцы обожали спички. Не то чтобы спички нужны были им для дела: «для дела» они пользовались огромными выпуклыми стеклами, в которые ловили солнце, воспламеняя сухие пыльные грибы. Этих лениво тлеющих грибов повсюду было видимо-невидимо, так что недостатка в огне не наблюдалось. Спички же использовались для другого: спичками туземцы баловались. Что с них взять... дети! По сердцу им было зажигать спички, и всё тут: зажгут – и тык в глаз соплеменнику или все равно кому! С тех пор, как Баба-с-Возу начала бойкую свою торговлю, количество одноглазых туземцев росло, что называется, не по дням и по часам, а по минутам и секундам.

Мало-помалу появлялась мода на разнообразные повязки, прикрывавшие выжженные глаза. Повязки носили охотно, украшали их золотом и драгоценными каменьями, всячески манипулировали причудливо завязанными узлами... Понятно, что сразу же возникли две враждующие группировки: правоглазых и левоглазых. Правоглазые и левоглазые подлавливали враг врага в джунглях и тузили – на то ведь они и туземцы, чтобы тузить…

Озабоченность Бабы-с-Возу и Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, вызывало только одно обстоятельство: явный переизбыток спичек при ограниченном даже и у туземца количестве глаз. Дефицит здоровых глаз возникал постепенно, но угрожающим пока не

становился: плодовитые туземные женщины все-таки продолжали производить на свет достаточное количество двуглазых потомков.

Почему-то случилось так, что правоглазых стали считать реакционной силой, а левоглазых – прогрессивной. Трудно сказать, что сыграло здесь основную роль, только левоглазые выступали за широкие международные контакты, рост просвещения, перепись населения, поддержку культурных объектов и субъектов, в то время как правоглазые были адептами национальной самобытности и вместе разного рода шовинистических устремлений. Левоглазые носили пестрые повязки с красивыми бантами, повязанными на затылках, правоглазые – исключительно трехцветные повязки, розово-зелено-желтые, в соответствии с традиционно безвкусным сочетанием цветов национального флага, причем не с бантом, а с узлом – и не на затылке, а непосредственно и строго на месте выжженного глаза. Украшения тоже варьировались в зависимости от характера ориентации: левоглазые презирали золото и пользовались исключительно драгоценными каменьями – правоглазые же, напротив, налегали на металл.

...Баба-с-Возу и Карл Иванович, внутренний эмигрант, сначала отстроили себе небольшое бунгало, поскольку и ту и другого не раз уже хватал здесь солнечный удар... правда, потом отпускал, но ненадолго – и через некоторое время снова хватал. Так что пришлось перебраться в сооружение посолиднее, в нижнем этаже которого располагался спичечный магазин под бодрым названием «Про-

метей», а в верхнем хозяева жили. Через непродолжительное время кобыла их умерла от жары, и теперь ей было уже совсем легко.

В подвале дома размещался огромный склад, где хранилось золото. Баба-с-Возу и Карл Иванович, внутренний эмигрант, даже и не подозревали, пожалуй, о том, что сделались самыми богатыми людьми в мире. Их золотой запас исчислялся уже чуть ли не тоннами. Впрочем, они давно его не исчисляли – тем более что надежды вернуться туда, откуда они приехали на южную оконечность африканского материка, не оставалось больше никакой: путешествовать с таким количеством золота глупо. Умно они чувствовали себя только здесь, потому что золото, которым они владели, не придавало им дополнительного веса в глазах окружающих. Да и то сказать: в сих краях достаточно было отойти от дома километров на семь-восемь, отломить от первой попавшейся скалы первый попавшийся кусок горной породы, золотосодержащей горной породы, – и остаток жизни можно было жить припеваючи туземские народные песни. Правда, идти полагалось через джунгли – так что Баба-с-Возу и Карл Иванович, внутренний эмигрант, не ходили. И правильно: золото доставлялось им прямо на дом – причем не в виде вкраплений в породу, а готовыми слитками.

Баба-с-Возу и Карл Иванович, внутренний эмигрант, располнели до неузнаваемости: в конце концов они перестали узнавать даже друг друга и потому каждый день по нескольку раз заново знакомились. Кроме того, своими заплывшими жиром глазами они видели

немного – вероятно, даже меньше, чем поджарые туземцы одним, и скоро все местное население слилось для них в общее понятие Одного Туземца: ровно столько помещалось в заплывших жиром глазах.

А между тем туземное искусство обращения со спичками постоянно совершенствовалось: теперь верхом ловкости считалось засунуть зажженную спичку в ноздрю или в ухо соплеменнику. Поскольку спичка, попадая в тесное пространство, немедленно гасла, потребность в новых и новых коробках всегда была не только актуальной, но и исключительно острой.

За сравнительно короткое время Баба-с-Возу и Карл Иванович, внутренний эмигрант, сумели основательно искалечить полноценное до момента их появления племя и настолько вывести его из строя, что в истории данного племени смело можно было ставить точку. Одноглазые туземцы бродили по джунглям с коробками спичек, вербуя себе союзников уже в мире богатой африканской фауны: то и дело попадались тут и там одноглазые или глухие на одно ухо крокодилы, бегемоты, слоны... они тоже группировались в отряды, нападавшие друг на друга. Вскоре одноглазость и односторонняя глухота сделались национальным признаком данной общности людей и животных.

Едва появившегося на свет младенца немедленно подвергали социализации: обряд социализации предполагал выжигание глаза спичкой и сопровождался соответствующим ритуальным наложением той или иной повязки. Что касается односторонней глухоты

или односторонней утраты обоняния, то их оставляли на будущее, когда ребенок достигнет совершеннолетия. Впрочем, до совершеннолетия никто из детей пока не доживал – и не потому, что вымирал, а потому что описываемые события и произошли-то всего за несколько месяцев.

В конце этого срока из джунглей вышел человек в сильно изношенных трусах и прямо-таки оскорбил население племени красовавшимися на измученном лице *двумя* глазами. Его чуть не подняли на смех и грех: только Баба-с-Возу и Карл Иванович, внутренний эмигрант, носили здесь по два глаза каждый – притом, что *заплывшие* два глаза в сумме как бы все равно давали один.

Незваного гостя, как татарина, препроводили в покои.

– Откуда у Вас два глаза на лице? – строго, но справедливо спросил его Карл Иванович, внутренний эмигрант.

Вопрос поставил гостя в тупик, но он ответил как мог разумно:

– Я приехал издалека.

– Зачем ты приехал издалека? – тихо и злобно осведомилась Баба-с-Возу.

– Чтобы убить *лично* Вас. – Гость пристально взглянул на Бабу-с-Возу. – И еще *лично* Вас.– Тут он остановил оба глаза на Карле Ивановиче, внутреннем эмигранте.

Хозяева сжались в два сравнительно небольших, но исключительно крепких комка из плоти и крови.

– Чуете, кошки, чье мясо съели? – спросил гость и захохотал жутким смехом, как будто это персонально его мясо было съедено.

– Не чуем, – вопреки логике ответили кошки.

– Говнюки! – вдруг сказал гость, и в условиях жаркой Африки слово это резануло слух многим.

– Как резануло слух, не правда ли? – обратился Карл Иванович, внутренний эмигрант, к Бабе-с-Возу.

– Правда, – согласилась Баба-с-Возу. Потом взглянула на гостя и спросила: – Сколько ты хочешь?

– Все, – просто ответил тот. – Плюс чтоб вы оба немедленно сдохли.

– Выпейте африканского кофе, – предложил Карл Иванович, внутренний эмигрант и, чиркнув спичкой, зажег сухой пыльный гриб под кофейником.

Тут с гостем случилось ужасное: судорога легко пробежала по его членам, не миновав ни одного (а членов было великое множество), и дьявольский огонь зажегся в глазах (важно подчеркнуть, что в обоих). Из-за голой спины выхватил он маленький дамский пистолет, который, видимо, был засунут под резинку трусов, и метким выстрелом прострелил Карлу Ивановичу, внутреннему эмигранту, руку, чиркнувшую спичкой. Тот покатился по полу, воя, словно раненый в живот. На лице его застыл немой, как рыба, вопрос: «За что?»

– За предательство! – застыл на лице гостя немой, как та же рыба, ответ.

Баба-с-Возу заверещала и, подбежав к окну, распахнула его, крича что-то на местном наречии, которым она во мгновение ока овладела. Несколько правоглазых туземцев вбежало в комнату. Их правые глаза горели, а левые дымились.

Гость стоял, не двигаясь и не проявляя никаких признаков беспокойства. Между Бабой-с-Возу и правоглазыми произошел короткий и явно не приятный ни для кого из присутствующих разговор, после чего правоглазые бросились к гостю с откровенно плохими намерениями. Властным жестом рук и ног он остановил бросок... *Он остановил бросок / Властным жестом рук и ног.* Стихи... Эпос. Остановил, стало быть, и – заговорил.

Он говорил по-русски, этот гость, этот герой. Речь его текла плавно и непринужденно. Он рассказывал о самой светлой и прекрасной идее человечества – о построении Абсолютно Правильной Окружности из спичек в масштабе всего восточного полушария. О тысячах и тысячах добровольцев, уже принесших себя в жертву великой этой идее. О бескрайних просторах Северного Ледовитого океана, скованного вечными льдами, о темных глубинах океана Индийского, из которых то и дело подымаются шторм за штормом и штормом погоняют, чтобы поглотить утлые челноки людей со спичками в руках...

И о многом другом рассказывал он в свойственной только ему неторопливой манере. О вреде курения, о пользе вегетарианства, о предтечах импрессионизма, в частности, об Эдуарде Мане с его «Завтраком на траве», о самобытной культуре эскимосов.

Увы, темные и тупые правоглазые не вняли его речам. С рычанием бросились они на человека в трусах, но, не успев пробежать и метра, пали, сраженные меткими стрелами левоглазых. Да, они не понимали по-русски, эти милые левоглазые, но речь человека в трусах услышали сердцем, причем издалека, – и она, речь эта, прозвучала для них музыкой сфер.

– Мурамбу-дамбу-амбу! – воскликнули они.

– Какой выразительный язык! – заметил на том же языке, вмиг овладев им раз и навсегда, человек в трусах.

В эту минуту всем стало понятно, что в борьбе правоглазых и левоглазых победили левоглазые. Победил прогресс. Победил разум. Победила жизнь.

Нет, ну какой же он все-таки молодец, наш с вами Деткин-Вклеткин! Какая все-таки умница! Проницательный читатель уже, наверное, догадался, что это была она. То есть умница, я имею в виду. То есть Деткин-Вклеткин.

Когда настоящее художественное произведение еще не началось, образ Деткин-Вклеткина, признаюсь, сильно настораживал меня. Я считал, что он нежизнеспособен. Что он вял и рефлексивен.

Что он аморфен. И я решил как можно скорее принести Деткин-Вклеткина в жертву. Все равно кому… первому, кто под руку подвернется!

Я не учел лишь одного – Силы Любви. Любовь творит чудеса, и приведенный случай не исключение. Весь в трусах, с дамским пистолетом в руках (где он взял этот пистолет, черт его знает!) Деткин-Вклеткин один-одинешенек ворвался в становище врагов и защитил там самое дорогое, что есть у его возлюбленной – то есть у Марты, если кто не понял! – идею Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Не случайно, видимо, говорят: любить – значит делать общее дело.

Впрочем, я думаю, что читатель сильно заинтригован появлением Деткин-Вклеткина на южной оконечности африканского континента. И пора бы уже объяснить, наконец, сей географический фокус. Объясняю. (Не знаю, правда, как это у меня получится: Деткин-Вклеткин возник там настолько неожиданно, что мне едва ли удастся свести концы с концами; художественное произведение... оно все же не резиновое! Многие романисты, кстати, игнорируют этот факт, считая само собой разумеющимся, что иные герои резво скачут из одного места в другое – вопреки всем возможностям человеческой природы и естественных наук. Но так поступают обычно легкомысленные и безответственные художники слова. Вдумчивые же и ответственные оказываются способными настолько задурить читателю голову, что прыжок героя с одного континента на другой

будет воспринят не только как оправданный, но и как просто сам собой разумеющийся. Тут важно то, долго ли автор литературного произведения предается объяснениям, и ясно одно: чем дольше, тем лучше. Читатель – существо слабое и быстро утомляемое: утомившись, он готов принять за чистую монету не только монету не вполне чистую, но и вовсе не монету. Именно так я и предлагаю поступить вам, дорогие мои, ибо вы даже не подозреваете о том, какие мощные механизмы находятся в руках маньяков, именуемых писателями. Тут я, пожалуй, и закрою уже скобки, если вы еще помните, что они у нас открыты.)

Стало быть, что ж... Когда Редингот спровадил в сумасшедший дом обезумевшую Марту и вернулся назад, Деткин-Вклеткин решил: я закончу дело, начатое обезумевшей Мартой. Он на лету подхватил недописанную стенограмму и принялся дописывать ее. Между тем участники Умственных Игрищ вели себя просто дико, прижимая к груди – к грудям – незаконно попавшие к ним шары и отказываясь снова положить их в барабан. Кстати, безобразное свое поведение они мотивировали тем, что барабан все равно разбился при падении со сцены в зал... и возразить им на это было, увы, нечего. Никого, казалось, не заботил тот факт, что шары, на которых обозначены самые трудные участки траектории Абсолютно Правильной Окружности из спичек, бесхозно катаются по полу.

– Вот скотство! – к Деткин-Вклеткину на крыльях любви подлетела крупная собака. – Я так и знал, что этим все кончится, всегда этим кончается. А Вы знали, Человек в трусах?

– Я не знал, – ответил Деткин-Вклеткин, стенографируя происходящее.

– Просто ума не приложу, что делать... Вообще-то мне предписано осуществлять контроль за ходом жеребьевки. Может быть, мне искусать тут всех? – Собака тревожно посмотрела по сторонам. – Пожалуй, начну с Вас, – обратилась она к Деткин-Вклеткину, – потому что у Вас почти все тело голое.

Деткин-Вклеткин вздрогнул, почувствовав укус в голень, но сосредоточиваться на чувстве боли не стал, а продолжал стенографировать, как и стенографировал.

– Если я всех так вот по разику кусну, выразительно получится? – спросила собака.

– Если именно так, то выразительно, – сердечно заверил его Деткин-Вклеткин. – Кусайте.

В дверях возник Редингот.

– Слава Богу! – вскричала собака. – Наконец все станет на свои места.

И действительно: увидев Редингота, участники Умственных Игрищ быстро стали на свои места.

Редингот подошел к столу и объявил:

– Сейчас мне срочно требуется уйти восвояси, это мой долг. Но прежде чем я туда уйду, я хотел бы закончить начатую мною процедуру как можно быстрее.

– Я было собрался искусать всех, – шепнул Рединготу в пол-уха Сын Бернар.

– Хорошая мысль, – вполголоса одобрил Рединготт. Потом сказал во весь голос: – Пока я тут разбираюсь с картой, прошу всех присутствующих выстроиться в очередь и по одному подходить к Сын Бернару. Он решил тут искусать всех до одного. Тем одним, *до которого* он будет кусать, прошу считать меня. Меня кусать ни к чему, я уже укушен. Чтобы сэкономить время, прошу каждого, кто подходит к Сын Бернару, заранее приготовлять то место, в которое он предпочитает быть укушенным.

– Мягкое место, чур, не подставлять, – предупредил Сын Бернар. – Кусать туда не буду: не люблю.

Рединготт взялся за изучение карты, а вокруг него кольцом обвилась чуть живая от страха очередь. Короткий крик знаменовал начало каждой конкретной процедуры искусывания. Короткий крик знаменовал и ее завершение. Держась кто за что горазд, укушенные люди рассаживались по местам. Некоторые плакали.

– Ну, что ж, – сказал Рединготт, не обращая внимания на плач, – анализ карты убедил меня в подлости *всех* здесь присутствующих. Но я не буду говорить об этом ни слова. Я скажу о другом: чуден

Днепр при тихой погоде. А теперь пусть ко мне подойдут те, кто готов работать в наиболее трудных условиях. Кто первый?

– Я первый, – тихо сказал человек в трусах.

– Кто Вы, человек в трусах? – спросил Редингот.

– Это неважно, – сказал человек в трусах. – Я просто один из нас.

– Вижу, – не солгал Редингот.

– В данный момент я стенографистка, поскольку Марта сложила с себя эти обязанности на стол... Выбираю самый трудный участок.

– Северный Ледовитый океан, – уточнил Редингот и с интересом взглянул на человека в трусах, ожидая паники.

– Большое спасибо, – ответил тот. – Кому сдать стенограмму?

– Погодите! – остановил его Редингот. – Нужно ведь еще спички получить.

– Ах, да... – сконфузился человек в трусах. – Чуть не забыл про спички, это же самое главное!

– А Вы милый, – неожиданно сказал Редингот и неуклюже поцеловал Деткин-Вклеткина в область среднего уха. Потом насупившись посмотрел в зал: – Есть среди вас еще такие же милые?

– Нет-нет, – откликнулись из зала. – Таких же милых среди нас ни одного больше нет.

– А какие есть? – полюбопытствовал Редингот.

– Всякая шваль, главным образом, – признались в зале.

– Это очень и очень обидно, – резюмировал Редингот, целясь взглядом в первый ряд. – Но если добровольцев больше имеется, тогда – назначаю. Так... Во-о-он я вижу жирную такую морду в пятом ряду, довольно старую...

– Это мою? – встал из пятого ряда добрый молодец с гуслями в руках.

– Именно Вашу, голубчик. Вы как раз и поедете в район Индийского океана на утлом суденышке. И не вздумайте утонуть: я Вас с океанского дна мертвым достану и надругаюсь над телом, понятно?

– Понятно, чего ж тут не понять, – ежедневным голосом сказал добрый молодец с гуслями и ударил по струнам. – Как говорил Симонов: «Жди меня – и я вернусь».

– Ой, вот только без военной патетики, – попросил Редингот.

...Уже через час самые трудные участки пути были распределены подобным грубым образом. Церемониться со всякой швалью Редингот необходимым не считал.

А вот с Деткин-Вклеткиным он церемонился часа полтора: и обнимал его, и целовал, и всячески привечал, а потом прослезился и сказал:

– Свидимся, Бог даст. Вы поосторожней там, в океане.

Получив спички и рацию, Деткин-Вклеткин отправился в сторону океана на вертолете, предоставленном ему организаторами Умственных Игрищ, так и не повидав Марту наедине, но испытывая блаженство от того, что делает дело, так или иначе (так или иначе – он не выяснил) связанное с ней.

Ну, а потом... После того, как Случайный Охотник загубил одну из общих спичек человечества, Деткин-Вклеткин долго брел назад – до тех пор, пока дорогу ему не преградило душераздирающего вида существо в меху и перьях одновременно.

– Тьфу, тьфу, рассыпься! – сказал ему опытный в таких делах Деткин-Вклеткин.

– Сам рассыпься, голыш! – раздалось в ответ.

Деткин-Вклеткин обиделся не на жизнь, а на смерть этого существа, которое умерло практически сразу же после своих слов.

– Ты зачем шамана нашего только что убил? – спросил Деткин-Вклеткина откуда ни возьмись появившийся самоед, непрестанно жуя.

– Я его не убивал, – возразил Деткин-Вклеткин. – Я только предложил ему рассыпаться, полагая, что он привидение. И он тоже предложил мне рассыпаться – не знаю почему. А потом он упал и умер. Я же, понятное дело, обиделся.

– Вставай, шаман, он обиделся, – сказал самоед.

– Не обижайся! – сказал мертвый Шаман, поднимаясь с земли. – Я пошутил... А ты чего такой обидчивый?

– Я просто замерз и плохо контролирую свои эмоции, – отчитался Деткин-Вклеткин как на духу.

– Еще бы не замерзнуть, когда ты голый. Голый и в Африке замерзнет, как тут у нас любят говаривать и говаривают.

– В Африке не замерзнет, – усомнился Деткин-Вклеткин.

– Ну, тебе, голыш, видней, – сказал Шаман. – Ты, я вижу, спичку ищешь?

Подивившись проницательности Шамана, Деткин-Вклеткин спросил:

– Вот Вы, наверное, знаете, в чем смысл жизни?

Шаман затрясся и промолчал.

– Не очень понятно, – отнесся Деткин-Вклеткин. – Ну да ладно. Дайте мне тогда, пожалуйста, одну спичку. А то мой знакомый подонок прикурил... извините за выражение, и нарочно забросил обгоревшую спичку далеко в снег.

– Я спичками не пользуюсь, – заявил Шаман. – И тебе не советую. Вот, взгляни. – И он выдул изо рта пламя.

– Здорово! – сказал Деткин-Вклеткин. – Молодец. Теперь спичку выдуйте.

– Спичку не могу, – признался Шаман.

– Тогда коробок спичек, – проникся масштабами Деткин-Вклеткин.

Шамана просто передернуло всего.

– Мелкий ты. Как первый робкий снежок, едва покрывший землю. – Такие были его слова. Потом Шаман ни с того ни с сего добавил: – Ограничены возможности человека.

Деткин-Вклеткин засомневался, но спорить не стал. Спросил только: – Это Вы к чему?

– Могу я просто так, ни к чему материализовать в слова некоторые соображения ума, как ты считаешь? – дождавшись своей очереди спрашивать, спросил Шаман, причем не без раздражения.

– Материализуйте, – уступил Деткин-Вклеткин.

– Уже материализовал, – напомнил Шаман. И похвастался: – Я, между нами говоря, что угодно материализовать могу.

– И Марту? – чуть не задохнулся Деткин-Вклеткин.

– Которую Марту? – обалдел Шаман.

– В трусиках горошком!

– Ты бредишь или распущен? – Шаман сделал вид, что заинтересован, хотя было понятно, что ему плевать.

– Вам же плевать на это, – уличил Шамана инженер человеческих душ Деткин-Вклеткин.

– Мне на все плевать, – честно признался просветленный Шаман и плюнул на все, что оказалось под рукой. Под рукой же оказалось небольшое животное, похожее на козу, но не коза, а жаба.

– Полярная жаба, – представил Шаман животное Деткин-Вклеткину. – Единственный вид в своем роде. Фактически род.

Деткин-Вклеткина вырвало.

– Зачем это тебя так? – равнодушно спросил Шаман.

– Не люблю причудливую фауну. Только флору, – незамедлительно ответил Деткин-Вклеткин.

– Ты стал мне неприятен после этого, – сказал Шаман. И очень страшно взглянул на Деткин-Вклеткина.

– А Вы мне сразу были неприятны, – разоткровенничался Деткин-Вклеткин. И еще страшнее взглянул на Шамана.

В этот момент Шаману стало не нравиться, что они как бы на равных. И он уточнил – просто на всякий случай:

– Интересно, кто тут шаман – я или ты?

– Вам интересно – Вы и разбирайтесь, – отклонил вопрос Деткин-Вклеткин.

Тут Шаману стало не нравиться вообще все. Чтобы проверить правильность своей реакции, он обратился к приспешникам, которые до того просто стояли молча и ничего не делали, с вопросом:

– Нравится ли мне все это – как по-вашему, приспешники?

– Тебе все это не нравится, Шаман, – однозначно высказались те. И закружились в танце, весьма диком и национальном.

– Пока они кружатся в своем диком и национальном танце, – Шаман вплотную приблизился к Деткин-Вклеткину, – я превращу тебя в голубого песца и застрелю.

– А Вы романтик, – сказал Деткин-Вклеткин. – Другой бы так застрелил.

– Я превращу тебя в осколок льда и растоплю!

Деткин-Вклеткин вздохнул.

– Я превращу тебя в тюлений жир и размажу...

– Меня сейчас опять вырвет, – предупредил Деткин-Вклеткин.

– Терпи! – прикрикнул на него Шаман. – Мои слова – часть ритуала посвящения.

– А в кого меня посвящают?

– В моих приспешников. Ты будешь теперь жить тут.

– Не буду, – сказал Деткин-Вклеткин. – У меня спичка пропала. Я должен найти ее и вернуться.

– Сейчас от этих твоих слов я упаду на снег и забьюсь в конвульсиях: такое действие на языке шаманов называется «камлание», – пообещал Шаман и, действительно упав на снег, забился в конвульсиях. Деткин-Вклеткин сначала с интересом, а потом с тоской наблюдал за камланием, но, в конце концов, спросил, не выдержав:

– Мне сейчас чем заниматься?

– Займись спортом, – на минуту прекратив камлание, вяло сказал Шаман из положения лежа. – Например, плаваньем. Или нет, греблей.

– Тут? – захотел ясности Деткин-Вклеткин, исподлобья вглядываясь в ледяные просторы.

– А где же? – все еще лежа развел руками Шаман и внезапно заорал: – Я различаю сквозь невидимые миру слезы тысячи и тысячи

выжженных глаз, тысячи и тысячи ушей с прожженными барабанными перепонками, тысячи и тысячи запекшихся кровью ноздрей!

– Где Вы это все различаете? – с нескрываемым ни от Шамана, ни от себя самого ужасом взглянул на него Деткин-Вклеткин.

– Не отвлекай меня, вопросами, когда я камлаю! – вскричал Шаман, принимаясь снова валяться по снегу и биться в конвульсиях.

Деткин-Вклеткин отвернулся и праздно смотрел по сторонам. По сторонам горели костры. Он подошел к одному из костров и сунул в огонь отмороженный палец. Через некоторое время палец обуглился. Запахло паленой кожей.

– Пахнет паленой кожей, – сказал Шаман, прерывая камлание.

– Естественно, – ответил Деткин-Вклеткин. – Когда горят пальцы, обычно пахнет паленой кожей.

– Ты прав, – присоединился Шаман. – А когда выжигают глаза, пахнет печеными яблоками. Глазными. – И он усмехнулся – мрачно.

Постоянство глазной темы начало настораживать Деткин-Вклеткина, о чем он однозначно и высказался:

– Постоянство глазной темы начало настораживать меня.

– Я так и думал, что Вы это скажете, – похвастался интуицией Шаман.

– Рад, что Вы не ошиблись. – Свой изысканный поклон Деткин-Вклеткин отвесил так, как отвешивают подзатыльник.

– Счастлив, что смог доставить Вам радость. – В свою очередь, которая, кстати, мгновенно и подошла, Шаман отвесил поклон – в том же примерно духе.

Деткин-Вклеткин со злостью плюнул на снег. Снег зашипел. А Деткин-Вклеткин сказал:

– Мы когда-нибудь закончим этот разговор, который измотал меня?

– Разговор о чем? – спросил Шаман.

– Я уже не помню, – ответил Деткин-Вклеткин.

– Придется *мне* вспомнить, – безнадежно произнес Шаман и неожиданно заключил: – Вот. Я вспомнил. Речь шла о выжженных на южной оконечности африканского материка глазах.

– Неприятная тема, – вскользь заметил Деткин-Вклеткин.

– Неприятная, – не стал возражать Шаман.

– Мне нравится, что наши взгляды не расходятся, – сказал Деткин-Вклеткин.

– Единство взглядов – большая редкость, – поддержал его Шаман.

– Особенно на Крайнем Севере, – поддержал поддержавшего Деткин-Вклеткин.

– ...где так мало народу, – посетовал Шаман.

– ...и где вечная мерзлота... да тьфу ты, пропасть! – опять плюнул на снег Деткин-Вклеткин. – Что ж это за изнурительные диало-

ги-то такие, черт побери! Давайте непосредственно о выжженных глазах, наконец – все, что Вам известно!

– Мне мало что известно, – отчитался Шаман. – Но силою моей воли я мог бы отправить Вас туда, где пропадают спички.

– Пропадают... спички? – чуть не умер Деткин-Вклеткин. И с героической решимостью произнес: – Я готов.

Сила воли Шамана оказалась колоссальной – уже через минуту Деткин-Вклеткин шагал по южной оконечности африканского континента, то и дело натыкаясь на обгоревшие спички... А дальше вы уже все знаете.

ГЛАВА 9
Конфликт начинает быть не за горами

Бедная, бедная сумасшедшая Марта! Очнувшись, она увидела вокруг себя одного только Егора-Булычова-и-Других. Остальные разбежались кто куда, но кто – куда, не сказали. Сумасшедший дом опустел – только мертвые еще мелькали то тут, то там, словно это был не сумасшедший дом, а сумасшедший морг.

Узнав от Егора-Булычова-и-Других про печальную судьбу остальных, Марта зарыдала в голос, потом в два голоса – получилось очень красиво. Партию второго голоса Марта запомнила – на всякий случай.

Кстати, герои литературных произведений имеют обыкновение запоминать иногда такие вещи, о которых не подозревает даже автор. А потом, когда положение становится совершенно безвыходным и автор уже сам не знает, что дальше будет, герой вдруг неожиданно *такое* вспомнит ... автор только диву дается! И, что характерно, вспоминаемое и вспомянутое непонятно откуда зачастую и берется: вроде, не происходило ничего подобного на страницах данного литературного произведения! Может быть, где-нибудь и происходило, но определенно не тут. Вот тоже глупость какая: автор ни сном

ни духом (ни ухом ни рылом, ни хреном ни редькой, ни рыбой ни мясом, ни мытьем ни катаньем, ни в лоб ни по лбу и т. д.) не ведает, как быть, а герой, смотрите-ка, ведает! Герой, смотрите-ка, все помнит! В результате получается, что автор чувствует себя просто каким-то кретином, от которого вообще ничего не зависит. А это уже смешно, ибо на самом деле от него зависит всё … Ну ладно, дело не в этом.

Давайте пока побудем немного с Мартой: она осталась одна в опустевшем сумасшедшем доме... сумасшедшем морге – и как-то ей не очень чтобы по себе...

– По себе ли Вам, Зеленая Госпожа? – спросим мы ее как бы между прочим и как бы между прочим услышим в ответ:

– Ох, не по себе мне, отнюдь не по себе...

Хуже всего, что Марта не знала теперь, думать ли ей об Абсолютно Правильной Окружности из спичек или о том, что кто-то сидел на брегах Невы. Этого кого-то она старалась припомнить беспрестанно, но припоминалась все время какая-то глупость: трусики в горошек, жирные птицы с недобрыми голосами... собственно брега – причем странно, что правый и левый одновременно.

«Может быть, я припоминаю мост? – думала Марта в отчаяньи, не будучи в силах сконцентрироваться ни на одном, ни на другом произвольно взятом береге. – Но как-то оно глупо – припоминать мост! Говорят, правда, встречаются на свете идиоты, которые, находясь на чужбине и припомнив петербургские мосты, начинают ры-

дать от тоски по ним... только я-то ведь не из таких. Я не способна испытывать тоски по мосту. По чему Вы тоскуете, девушка? – По мосту! Патология какая-то... И тем не менее – кто-то сидел на брегах Невы».

– Деткин-Вклеткин это был! – надрываюсь я изо всех сил, однако Марта пожимает плечиками: дескать, что за странные слова? Как, дескать, прикажете понимать это «Деткин-Вклеткин»? И опять припоминает, припоминает, припоминает... но припомнить не может. И не понимает ничего.

Ах, Марта, Марта! Я и сам-то не очень много чего тут понимаю!

...Идти по улицам незнакомого, в общем, Змбрафля в больничном халате было, с одной стороны (с правой), неудобно, так как именно с этой стороны он оказался залитым киселем, а с другой стороны (с левой), – холодно, поскольку здесь от самого пояса халат был попросту разорван до самого низа. Между тем температура в Змбрафле упала как подкошенная, то есть до минус пятидесяти. Человечество, замерзая на ходу, с криками валилось идущей Марте под ноги и засыпало вечным сном. Марта едва успевала подбирать его отдельных – лучших – представителей и предавать земле. Когда в большинстве домов лопнули трубы парового отопления, обмороженные люди начали сыпаться Марте под ноги еще и из окон, так что Марта окончательно выбилась из сил, предавая земле все новых и новых быстро опочивавших в бозе.

Внезапно ей подумалось, что при таком количестве летальных исходов было бы здорово придумать какую-нибудь особую систему похорон – например, хоронить только тех, кто пал смертью храбрых. Или только тех, кто умер молодым. Или, наконец, только безвременно ушедших из жизни. Марта поразмышляла надо всем этим и хотела было осуществить свой план, но увы... Оказалось, что каждый второй падал именно смертью храбрых, каждый третий умирал молодым и каждый четвертый уходил изжизни безвременно. Тогда Марта разозлилась на всех покойников сразу и решила вообще никого больше не хоронить, а только проливать слезы над каждым встречным и поперечным. Впрочем, до поперечных дело не дошло: столкнувшись с первым встречным и дождавшись, пока он замерз до смерти, Марта хотела было уже начинать проливать слезы, но тут встречный открыл глаза и спросил:

– Слыхали ль Вы за рощей глас ночной?

– Певца любви? – уточнила вопрос просвещенная Марта.

– Не только! Еще и певца своей печали, – уточнил уточненное встречный.

– Слыхала... а что?

– Просто интересно показалось узнать – перед смертью. – И встречный быстрой походкой отошел от Марты в мир иной.

Так Марта опять осталась одна и опять захотела было проливать слезы, теперь уже куда попало, но передумала и открыла первую попавшуюся дверь. За дверью она по привычке наткнулась на

труп: на сей раз это оказался труп девушки по имени Умная Эльза – взглянув на нее, Марта сразу же определила полное имя покойной. Та оказалась задушенной – телеграфная лента обматывала все ее юное тело без остатка. Стараясь не смотреть на синеву приятного лица, Марта принялась аккуратно распутывать ленту, внимательно прочитывая переданные в Змбрафль сообщения.

Из Великобритании:

«ТОЛЬКО ЧТО ПРИБЫЛ ВУЛВЕРГЕМПТОН – ТЧК – СНАЧАЛА ВЫКЛАДЫВАЛ СПИЧКИ ТЕРРИТОРИИ ШВЕЦИИ – ЗПТ – СЛУЧАЙНО ПРИНЯВ ЕЕ ВЕЛИКОБРИТАНИЮ – ТЧК – ПОЛУЧИЛ МОРДЕ ШВЕДОВ – ТЧК – »

(последняя грамматическая конструкция поставила Марту в тупик, из которого она вышла только благодаря себе самой);

из Франции:

«СПИЧКИ КОНЧИЛИСЬ ПЕРВУЮ МИНУТУ ЖДУ ЗАВОЗА И ЦЕЛУЮ»;

из Швейцарии:

«ПОЛЮБИЛ НАВЕКИ ОСТАЮСЬ ТУТ ПРОШУ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ПРОЩЕНИЕ ЗАЙЧИК»

из Йемена:

«ЧОК-ЧОК ДУРАЧОК МАРИНОВАННЫЙ БОЧОК ИСКРЕННЕ ВАШ»;

из Египта:

«ПРОХОЖИЙ ЕГИПТЯНИН ОТНЯЛ ПОСЛЕДНИЙ КОРОБОК ЧТО ДЕЛАТЬ»;

с Сицилии:

«НАЕЗЖАЮТ РАЗБОРКАМИ ОКРУЖНОСТИ БОЮСЬ»;

из Бельгии:

«ОТ ПРОФЕССОРА РОЛЬФА ПРОШУ ПОДКРЕПЛЕНИЯ РАБОТАЮ ИЗНОС ПОСКОЛЬКУ»;

с Тихоокеанского побережья:

«СООБЩАЮ СМЕРТИ ПОСЛАННОГО ВЫСЫЛАЙТЕ ЕЩЕ – ВСКЛ – ВОЖДЬ ОДНОГО ПЛЕМЕНИ»;

из Ливии:

«ПРОСИМ ПОДТВЕРДИТЬ АКАДЕМИК ОСБОРН ПРИСЛАН СЮДА ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ»;

из Японии:

«СВОЯСИ ПРОВИНЦИЯ ХОККАЙДО ВО СВОЯСИ ВСЕ ГОВОРЯТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО-ЯПОНСКИ ВЕСЬМА ТРУДНО ДОГОВОРИТЬСЯ РЕДИНГОСИ»...

Марта возликовала: она нашла след Редингота.

– Свояси, провинция Хоккайдо! – повторила она..

Но Японии не было в списке стран, по которым должна была пролегать Правильная Окружность из спичек. Почему же Рединг от там... может быть, его сослали? Революционеров всегда ссылают, ибо революционер не фунт изюма. Тут Марта оперлась локтем на недюжинный свой интеллект и вмиг построила простой категорический силлогизм, как она обожала делать в это время суток. Простой категорический силлогизм получился частноотрицательным:

Некоторые революционеры не фунт изюма.
Некоторые рединготы не фунт изюма.

Некоторые революционеры рединготы.

Подумав, что ей делать с этим простым категорическим частноотрицательным силлогизмом, в котором было намного больше рединготов, чем Марте требовалось, она не нашла силлогизму достойного применения и, абсолютно не медля, в надежде на все самое лучшее построила другой, тут же получившийся общеутвердительным:

Всех революционеров ссылали в ссылку.
Рединг от революционер.

Редингота сослали в ссылку.

Таким образом, надежда Марты на все самое лучшее не оправдалась, ибо наука – а именно формальная логика – свидетельствовала обо всем самом худшем, и свидетельствовала тавтологически.

– Конец всему! – подытожила Марта, глубоко поверив эвристически избыточному языку науки, но – вспомнив содержание предшествующих телеграмм, недвусмысленно фиксировавших неблагополучие на различных участках работы – со всего размаху ударила себя по красивым губам. Повсюду ждали ответов. Отныне судьба Абсолютно Правильной Окружности из спичек зависела от одной Марты.

Марту прошиб холодный пот. Она сбросила больничный халат и осталась в чем ее мать ее же и родила. А мать родила ее в трусиках горошком и венке из скромных полевых цветов.

– За дело! – крикнула она голосом, который мог мертвых из могилы поднять и поднял. Бывшие жители Змбрафля, захороненные ею по пути, уже спешили к ней. А Марта принялась отбивать телеграммы по указанным гораздо выше адресам.

В Великобританию:

«ТРЕБУЮ ВЕРНУТЬСЯ ШВЕЦИЮ – ЗПТ – СОБРАТЬ СПИЧКИ – ЗПТ – ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ – ЗПТ – НА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НЕ ЭКОНОМИТЬ – ВСКЛ – »;

во Францию:

«ПРИГОВАРИВАЮ СМЕРТНОЙ КАЗНИ СОЖЖЕНИЕ КУДА ДЕЛ СПИЧКИ СКОТИНА ЦЕЛУЮ МАРТА»;

в Швейцарию:

«ЗАЙЧИК ВЫ КОЗЕЛ НЕТ ВАМ ПРОЩЕНИЯ ОКРУЖНОСТЬ ИЛИ ЖИЗНЬ – ВПРС – »;

в Йемен:

«ВОТ-ВОТ ИДИОТ МАРИНОВАННЫЙ ЖИВОТ – ВСКЛ – »;

в Египет:

«ЕГИПТЯНИНА ДОГНАТЬ – ЗПТ – КОРОБОК ОТОБРАТЬ – ЗПТ – ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ИСПОЛНЕНИЕ – ВСКЛ – »;

на Сицилию:

«НЕ БОЙТЕСЬ ХУЖЕ БУДЕТ»;

в Бельгию:

«ПРОШУ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ОКОНЧАНИЕ ФРАЗЫ БЕСПОКОЮСЬ ЖИЗНИ»;

на Тихоокеанское побережье:

«ЛЮДОЕДЫ ВСТРЕЧАЙТЕ БРОНЕТРАНСПОРТЕР ВЗВОДОМ АВТОМАТЧИКОВ»;

в Ливию:

«КАСТРИРОВАТЬ АКАДЕМИКА ОСБОРНА ЧТОБЫ ЗАНИМАЛСЯ ДЕЛОМ»;

в Японию:

«ЧТО ДЕЛАТЬ ОКРУЖНОСТЬ ПОД УГРОЗОЙ МАРТА»...

Во мгновение ока отправив штук шестьдесят телеграмм, Марта остановилась, как вкопанная в землю бригадой землекопов, поняв, что работа выполнена вся. Тогда она – скорее всего, машинально – передала в Санкт-Петербург одну телеграмму исключительно для себя:

«ПРОШУ СООБЩИТЬ КТО СИДЕЛ БРЕГАХ НЕВЫ МАРТА».

Едва покончив с этим, она вскинула глаза и увидела поднятых ее голосом из могил мертвецов. Мертвецов было множество.

– Вы чего пришли? – недовольно спросила Марта, снова набрасывая халат.

– Как чего? Кровь пить! Это у нас есть любимое занятие, у мертвецов.

– *Мою* кровь? – внесла определенность Марта.

– Ну не свою же! – расхохотались мертвецы дружелюбно. – У нас и крови-то никакой нет, мы же мертвые все… А потом свою кровь пить противно. Вы пробовали?

– Нет, – сказала Марта, – но могу попробовать для интереса.

– Попробуйте, – равнодушно сказали мертвецы.

Марта полоснула по мизинцу лезвием и высосала из пальца совсем немного крови.

– Гадость? – поинтересовались мертвецы.

– А вы как думали, мертвецы? – Марта сплюнула.

– Мы думали, прелесть, – произнесли непоследовательные мертвецы, с вожделением глядя на порезанный мизинец.

– Дураки же вы, мертвецы, – сказала Марта, – если гадость от прелести отличить не можете!

– Мы только недавно умерли, – оправдались те. – Мы молодые еще мертвецы.

– Оно и видно, – махнула рукой Марта. – Молодые, а туда же – кровь пить!

– Мы не будем больше пить, – пообещали мертвецы, устыдившись, и добавили: – Нечего нам пить всякую гадость, полагая, что это прелесть. Лучше трудиться.

– Вот это, мертвецы, другое дело, – похвалила их Марта.

Она отделила от общего количества мертвецов двенадцать самых страшных, дала им денег и сказала:

– Идите, мертвецы, на вокзал и отправляйтесь оттуда на Тихоокеанское побережье. Там найдите любой бронетранспортер, добудьте автоматов и расстреляйте сначала вождя местного племени, а потом и само племя.

– Стариков, женщин и детей – тоже? – деловито осведомились двенадцать мертвецов.

– Всех, – безжалостно сказала Марта сначала, но потом добавила: – Впрочем, нет, – детей не трогайте. Пусть их лучше воспитают дикие звери. Вы, мертвецы, «Маугли» читали?

– А то как же? – обиделись мертвецы.

– Ну, смотрите, – смягчилась Марта. – Детей, значит, не трогать, остальных – в расход. А дальше начинайте... – И Марта рассказала мертвецам про Абсолютно Правильную Окружность из спичек.

Двенадцать мертвецов жутко воодушевились и свойственным им медленным шагом отправились выполнять распоряжение Марты.

– По порядку номеров – рассчитайсь! – крикнула Марта оставшимся и подождала несколько минут, пока не услышала:

– Сто сорок шестой. Расчет окончен.

Марта разделила всех мертвецов на группы, группы на подгруппы и так далее, после чего сообщила каждому малому подразделению его задачу и отправила всех на вокзал автобусом, чтобы с вокзала они разъехались по тем странам, где происходило построение Правильной Окружности из спичек, – проверять положение дел на местах и принимать разнообразные меры.

– Крайние меры тоже принимать? – спросил один из мертвецов.

– Смотря что Вы понимаете под крайними, – строго заметила Марта.

– Кровь пить, – зарделся спросивший.

– Еще не хватало! – Марта не на шутку рассердилась. – Вы только взгляните на него: вся морда красная, а туда же – кровь пить!

– Это она от холода красная, – обиделся мертвец наконец (красивая рифма! – *Писательская ремарка*) и начал решительно уходить в могилу.

За ним потянулись другие.

– Смирно, мертвецы! – растерявшись, крикнула Марта.

Мертвецы замерли. Марта выждала приличное время:

– Вольно, мертвецы.

Те расслабились и принялись улыбаться

– Не улыбаться! – пресекла их мимическую активность Марта.

Те прекратили.

А Марта еще раз объяснила задачи и прослезилась, прощаясь с мертвецами.

– Берегите жизнь, мертвецы! – прокричала она им вслед, когда стройная колонна потянулась на вокзал.

– Ну вот еще! – беззлобно отозвались идущие.

– Да не свою, – уточнила Марта. – Берегите жизнь на Земле!

...Конечно же, Марта не была такой дурой, чтобы не оставить себе вообще ни одного мертвеца. Она оставила себе даже парочку, только не знала зачем.

– Вы должны любить друг друга, – для начала сказала им Марта.

– А мы ненавидим друг друга, – отчитались мертвецы и посмотрели друг на друга с откровенной неприязнью.

– За что? – спросила Марта.

– За все, что было между нами, – правдиво ответили они.

– Что же было между вами? – Марта оказалась нескромной.

– Между нами было всякое, – исправили безнадежную, казалось, ситуацию мертвецы.

– И где все это было?

– В могиле, откуда мы родом, – признались мертвецы.

– Хоть бы после смерти успокоились! – начала воспитывать их Марта, но тут же бросила и вздохнула. – А еще говорят, что на том свете все мы перестаем испытывать любовь и ненависть...

– Ну да, перестаем! – расхохотались мертвецы. – Если на том свете перестать испытывать любовь и ненависть, так там вообще делать нечего! Слоняешься целыми днями как неприкаянный, а взяться – не за что: ни учебы тебе, ни работы, ни семьи… одно свободное время.

– Как же вы проводили свободное время? – заинтересовалась Марта.

– Глупостями всякими занимались… Дрались да мирились!

– Вот срам-то какой... – устыдилась за них Марта.

– Мертвые сраму не имут, – процитировали те со вздохом. – Хотя, конечно, мы не только дрались и мирились... Еще наверх бега-

ли, к живым – кровь пить. Многие спились: у нас там это часто случается – с тоски.

– Тоскливо бывает? – разочарованно спросила Марта.

– А где не тоскливо?.. Нет, конечно, некоторые и там себе дело по душе находят, но далеко не все.

– Какое же дело?

– Да лежат, бьются над вечными вопросами: в чем смысл смерти – и все такое… А толку все равно нету. Как не понимал никто, зачем человек умирает, так и не понимает! Се ля мор, Зеленая Госпожа… такая у нас там пословица есть. Но это в основном новички всяким пустым размышлениям предаются – у тех, кто давно уж умер, на подобные вещи трезвый взгляд: дескать, надо принимать смерть как она есть. И то правда: одной ночью мертвы.

– Это как понимать? – озадачилась Марта.

– Точно так же, как ты живых понимаешь, когда они говорят: «Одним днем живем». Вы одним днем живете, а мы одной ночью мертвы. Наш древний философ оставил нам завет: «Лови ночь!» – чтобы каждой ночью чувствовать себя мертвым, будто в последний раз… то есть всю полноту смерти чувствовать. А что завтра будет – плевать.

– Близорукая какая философия… – с отвращением сказала Марта.

– По-вашему, лучше лежать да мучить себя всякими глупостями типа «есть ли смерть на Марсе?» Нет уж! Мертвым надо быть

здесь и теперь. Смерть, она, конечно, не всегда радует, но жизнь еще хуже!

«Каких-то я неправильных себе двух мертвецов выбрала, – подумала Марта. – У них вообще нет будущего!» – а вслух сказала:

– Не понимаю, чего вы тогда из могил поднялись… лежали бы себе да радовались смерти!

– Ты за кого нас принимаешь? – возмутились те. – Мы давно уже выше этого: радоваться смерти, печалиться смерти… – была охота! Мы мертвецы продвинутые, так что смерть больше не имеет для нас никакого значения. А из могил мы не сами поднялись – нас твой голос поднял. Так что и отвечать за нас – тебе!

– Понятно, – сказала Марта. – Я готова за вас отвечать. И за тех мертвецов, которых отправила в разные страны, – тоже. Правда, я сумасшедшая сейчас, а с сумасшедших взятки гладки.

– О таких вещах раньше предупреждать надо, – сделали замечание мертвецы.

Марте стал неприятен этот разговор, и она отправила мертвецов посмотреть, что там на улице, а сама сосредоточилась на выползавшей из-под мертвого тела Умной Эльзы телеграмме. Телеграмма была такая:

«СООТВЕТСТВИИ АРХИВНОЙ ЗАПИСЬЮ НОМЕРОМ 1 МЛН 186 ТЫС 120 БРЕГАХ НЕВЫ РОДИЛСЯ НЕКТО ОНЕГИН ДОБРЫЙ МОЙ ПРИЯТЕЛЬ СИДЕЛ ЛИ ОН ТУТ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ЦЕЛУЮ АРХИВИСТ ПАФНУТЬЕВА».

По окончании передачи этого сообщения Умная Эльза неожиданно очнулась, пробежала текст телеграммы профессиональным глазом (из двух глаз профессиональным у нее был только один – правый, левый же был непрофессиональным, хоть и таким же прекрасным, как правый) и, вскинув оба глаза на Марту, доверительно сообщила ей:

– На том свете спится не в пример лучше, чем на этом!

Марта не сказала ни слова – сказала только:

– Причем тут Онегин и почему он добрый приятель архивиста Пафнутьевой – ума не приложу.

– Я сейчас Вам все объясню, – пообещала Умная Эльза.

– Сомневаюсь, – задумалась Марта, но Умная Эльза уже пересказывала ей содержание великого творения Пушкина своими словами.

– Значит, так… Онегин никакой не добрый приятель архивиста Пафнутьевой, это она Вам врет! Онегин добрый приятель поэта Александра Сергеевича Пушкина, написавшего о нем свой замечательный роман в стихах. Из романа буквально следует, что Онегин действительно родился на брегах Невы и там же свел в могилу своего дядю, главным отличительным признаком которого была честность. Примечательно, что бедный дядя скончался отнюдь не от плохого ухода, но от неискреннего отношения к нему Онегина, а Онегин поехал в деревню, познакомился с одним романтиком, убил

его и расстроил жизнь двум сестрам: одну обманув, вторую же – просто бросив. Через много лет Онегин неожиданно встретил ту, которую бросил, и раскаялся в своем поступке, только было уже поздно, и она дала ему отповедь в виде исповеди. Может быть, за все это Онегина и посадили потом – об этом Пушкин ничего не говорил. Хотя я бы посадила, будь на то моя воля, а не воля Александра Сергеевича Пушкина! Но воли Александра Сергеевича Пушкина на это, увы, не хватило...

– Вы какая-то малоразвитая, – расстроенно сказала Марта, выслушав пересказ.

– Это ничего, – утешила ее Умная Эльза, – я еще разовьюсь: тут у нас пока только девятая глава идет!

– И правда, – ответила Марта, понимая, что предъявляет к уровню развития Умной Эльзы непомерно высокие требования. Потом она немножко подумала и, игнорируя интеллектуальные возможности собеседницы, принялась вслух размышлять о довольно отвлеченных материях: – У меня складывается все более и более отчетливое впечатление, что я люблю этого того, кто сидел на брегах Невы. Однако я ни на минуту не забываю, что любить его – страшно неудобно, поскольку я даже не знаю, как он выглядит.

– Все мы придаем большое значение внешности, – с преждевременным сочувствием обобщила Умная Эльза.

– Отнюдь и отнюдь, – ответила Марта. – Мне совершенно все равно, какая у него внешность… я просто боюсь, что не узнаю его при встрече. И… пройду, значит, мимо своего счастья.

– Вы предполагаете, что он сильно изменился за последнее время, или, может быть, вообще никогда его не видели? – поинтересовалась Умная Эльза.

– Вообще никогда, – вздохнула Марта.

– Тогда надо обязательно вызвать его и посмотреть каков! Не понравится – отправьте обратно со словами: «Пошел вон, урод!» А понравится – целуйте его и прижимайте к сердцу.

– Какие-то советы Вы даете… никчемные, – по возможности вежливо обошлась с нею Марта. – Если бы я знала, где он, я бы и вызывать его не стала, а просто отправилась бы туда сама и отдала ему всю свою жизнь без остатка.

– Не рассмотрев? – ужаснулась Умная Эльза. – А если он страшнее атомной войны?

Марта возмущенно взглянула на нее и сказала нечеловечески строгим голосом:

– Страшнее атомной войны ничего на свете нет, дорогая моя. Что же касается его облика – это, знаете ли, дело такое…

– Какое? – придирчиво спросила Умная Эльза.

– Десятое! – раздраженно ответила Марта.

– Не понимаю, чего Вы раздражаетесь, – обиделась Умная Эльза. – С мужиками ведь все далеко не так просто...

– Да избавьте же меня, наконец, от своих обобщений! – воскликнула Марта. – Меня уже тошнит от них! Вы вообще-то – кто?

– Телеграфистка… – смутилась Умная Эльза. – А больше мне про себя сказать нечего, потому что я посвятила свою личную жизнь работе. Но про мужиков я все знаю, хоть и теоретически: я читала про них!

Разглядев телеграфистку хорошенько и неожиданно для себя обнаружив, что та мила до умопомрачения, Марта вдруг испытала острое, как отколовшийся зуб, чувство жалости. Она устыдилась своего пренебрежительного отношения к Умной Эльзе и, горячо обняв ее, сказала:

– Это здорово, что Вы все знаете про мужиков! Я, например, ничего о них не знаю. Расскажите… какие они?

Умная Эльза просияла: кажется, впервые за всю ее жизнь знания, добытые ею с таким трудом, оказывались кому-то нужны.

– С удовольствием! – заторопилась Умная Эльза и, боясь, видимо, что Марта внезапно утратит интерес к мужикам, принялась частить: – Ну, вот… Мужиков вокруг нас, значит, довольно много: это только на первый взгляд кажется, что их совсем нету, а достаточно очутиться где-нибудь в парке и мирно прогуливаться себе по дорожке, чтобы кусты справа и слева росли, как обязательно из кустов выскакивает тот или иной мужик, я называю таких «мужики кустов», и делает вид, что он тут случайно; в этот момент очень важно достать мобильный телефон и сразу начать в него говорить, будто

тебе позвонили; говорить же надо всякие такие слова, по которым мужик поймет, что ты с другим мужиком разговариваешь: например, «милый» или «котик», или какие там еще… «дорогой», «любимый», «незабвенный» – хотя нет, «незабвенный» говорят о мертвых мужиках, Вы этого слова в таких случаях не употребляйте, потому что у мужика в кустах должно создаться впечатление, что Вы с *живым* мужиком говорите!

– Это зачем же у мужика в кустах должно создаться такое впечатление? – с улыбкой спросила Марта, еле дождавшись конца сложного синтаксического целого

– Да как же «зачем», святая Вы простота! – разошлась Умная Эльза. – Пусть мужик в кустах сразу поймет, что Вас, в случае чего, есть кому защитить; а можно еще всяко намекать на состоявшиеся между Вами и живым мужиком…

– Которым из мужиков? Они оба живые...

– Вторым живым мужиком, понятное дело, – тем, с которым Вы по телефону разговариваете... так вот, можно намекать на состоявшиеся между Вами отношения, – тут Умная Эльза густо, что твой свекольник, покраснела, – и предаваться разным воспоминаниям, например: «Помнишь, котик, как нам с тобой было хорошо в постели?» – пусть даже этого никогда и не было.

– Да у меня просто язык не повернется такое сказать! – рассмеялась Марта. – И потом… *зачем* мне это говорить?

– Чтобы первый мужик, тот, который в кустах, понял две вещи: во-первых, что у Вас есть известный сексуальный опыт, а во-вторых…

– Минуточку! – еле успела остановить ее Марта. – Какое дело совершенно постороннему мужику в кустах до моего сексуального опыта?

– Ну нельзя же быть такой наивной! – возмутилась Умная Эльза. – Эти мужики кустов, – не все, конечно, но многие, – в первую очередь интересуются Вашей девственностью: некоторым просто позарез нужны девственницы – потому, когда они узнают, что Вы не только никакая не девственница, но совсем даже наоборот, то сразу перестают Вами интересоваться, а иногда и здороваться – и опять прячутся в кустах, после чего Вы можете веселой походкой идти дальше, однако… – Умная Эльза сделала страшные глаза, – однако и тут не все так легко. Есть в категории «мужики кустов» такие специальные мужики, которым наплевать, девственница Вы или нет, – эти «мужики кустов» гораздо опаснее: вот им-то и нужно дать понять вторую вещь: что Вы в своей жизни видали виды...

– То есть… какие виды? – совсем потеряла нить разговора Марта.

– Ну, это так только называется… – смутилась Умная Эльза и глубоко вздохнула. – Сейчас начнется стыдное, но Вы потерпите, потому что это самое важное: «видали виды» означает, что Вас голыми руками не возьмешь …

– А какими возьмешь? – не дала ей лететь вперед Марта.

– Это тоже только так называется – «голыми руками», на самом деле руки тут ни при чем! Господи, помоги мне слова найти… короче: «мужик кустов» должен немедленно осознать, что Вы по *этой* части профессионал.

– Да по какой части-то? – не отставала Марта.

– Какой, какой! Постельных дел, вот какой! – просто-таки взревела Умная Эльза. – Что Вы, значит, по части постельных дел профессионал, и что это он Вас в постели бояться должен, а вовсе не Вы – его!

Тут Умная Эльза остановилась и победоносно взглянула на Марту.

Марта не знала, что сказать, и сказала глупость:

– Меня в постели никто не испугается. Я очень мирная, когда сплю.

Умная Эльза смерила ее долгим, как полярная зима, взглядом:

– Вы вообще-то понимаете, о чем я?

– Боюсь, что нет, – призналась Марта и, устав от всего этого, наконец, разрешила:

– Ладно, продолжайте: я, может быть, после пойму.

– Тогда продолжаю! – обрадовалась Умная Эльза и действительно продолжила – к счастью, сбавив темп. – Есть еще одна категория мужиков…

– Еще вторая или третья уже? – начала сбиваться Марта.

– Вторая, – подготовленно ответила Умная Эльза, – потому что последняя категория, о которой я говорила, была, скорее, подкатегория, а всего категорий мужиков две: мужики – народ неразнообразный. Значит, первая категория, совершенно ужасная, – это «мужики кустов», а вторая, она даже еще ужасней, – это так называемые «мужики любви».

– Красивое название… – вздохнула романтичная Марта.

– Вот-вот, на название-то все и попадаются! – не своим голосом (а чужим – голосом крепостной актрисы Жемчуговой, она же Ковалева) вскричала Умная Эльза. – В то время как за названием этим стоят чудовища. Они не прячутся по кустам, а ходят открыто: когда будете на улице в следующий раз – обратите внимание просто на любого: других на улице не встретишь, других только в кустах встретишь! «Мужик любви» обычно начинает так то-о-омно смотреть на тебя своими глазами – как будто внутри этого мужика возникает робкое чувство. И мы, женщины, сразу принимаемся размышлять: почему же данный мужик смотрит на меня так, как будто внутри его возникает робкое чувство… Не понимая, что это «мужик любви»! И утрачиваем бдительность. И скоро он уже ухаживает за нами, предупреждает наши желания, дарит подарки… Но на самом деле у него одна единственная низкая цель – любовь!

– Любовь – не низкая цель, – от всего сердца не согласилась Марта.

– Замолчите! – резко оборвала ее Умная Эльза. – Высокая цель не может вести *туда*.

– Куда? – опешила Марта.

– Да опять же в постель! Там «мужик любви» норовит заполучить все наши прелести…

– А где у нас прелести?

– Везде! Любая женщина просто вся увешана прелестями – Вы разве этого не замечали?

Оказалось, что Марта не замечала. Умная Эльза прошлась перед ней и продемонстрировала свои, во всяком случае, прелести:

– Понятно?

– Понятно... Только то, что Вы называете «прелестями», я привыкла называть «органами».

– Дело не в названии, – сказала Умная Эльза.

На том и согласились. Помолчали...

– Все мы рождены для любви, – сказала вдруг Марта непреклонно.

– Стыдно так говорить! – укорила ее Умная Эльза. – Особенно теперь, когда Вы довольно много знаете о мужиках. Кстати, Ваш-то к первой или второй категории мужиков относится?

– Это какой же – «мой»? У меня своего нету.

– А который на брегах Невы сидел.

– Я не уверена, что это мужик... – вздохнула Марта. – Я слышала, что он, может быть, кот. Или барашек. Кот любви, стало быть...

Нет, барашек любви! – Она усмехается и смотрит в сторону автора настоящего художественного произведения, явно ища поддержки. Но автору нечем ее поддержать: он подобными дурацкими категориями не пользуется!

– Вы откуда такая?

Этот вопрос задала, конечно, Умная Эльза – автору-то уж как-нибудь известно, откуда Марта такая!

– Из сумасшедшего дома, – не солгала Марта.

Умная Эльза облегченно вздохнула:

– Господи, да что ж Вы раньше-то не сказали? Теперь понятно все... бедная Вы моя. А я ей – про мужиков! Конечно, он кот... конечно, барашек: коты любви и барашки любви на брегах Невы – обычное дело. Я сама встречала там двух котов любви и трех... нет, четырех барашков любви!

Не осуждайте ее, Марта. Она хоть и не очень, как Вы уже заметили, развитая, но добрая девушка из простой змбрафльской семьи. А настолько бездарно врать может лишь чистая душа – так что поверьте ей, Марта! Поверьте и улыбнитесь.

Марта улыбнулась Умной Эльзе и снова горячо обняла ее:

– Вы счастливее, чем я. Целых два кота любви и целых четыре барашка!.. Кого же из них Вы предпочли?

После этого вопроса Марты даже автор настоящего художественного произведения не понимает, какая именно из двух юных

особ сумасшедшая... Впрочем, может быть, это одна и та же особа, которая попросту разговаривает сама с собой! И сама себе отвечает:

– Я не предпочла никого. Я решила посвятить себя Богу.

…вернувшись с улицы, два мертвеца застали конец фразы – и один из них шепотом сказал другому:

– Никакого Бога в настоящем художественном произведении нет!

Второй не согласился с ним:

– Бог есть в каждом настоящем художественном произведении.

Впрочем, высказывание это утонуло в криках новых мертвецов, ворвавшихся извне и подчинивших себе всю чертову прорву событий, которые нам с вами еще предстоит пережить.

…Кстати, обилие происходящих на этих страницах событий, вне всякого сомнения, мило сердцу дорогого мне читателя. И тысячу раз был прав старый и даже мертвый уже Зигмунд Фрейд, вводя в свои научные построения понятие сублимации, ибо куда же мы без сублимации – особенно там, где речь идет об искусстве! Бедность событиями, отличающая собственную жизнь читателя, понятное дело, заставляет его требовать такой насыщенности событиями от художественного произведения, что художественное произведение трещит по всем швам. Автору бывает больно слушать этот треск – и он, как правило, не слушает. Тем более что ему и не до того: он изо всех сил пытается удержать в руках расползающуюся во все стороны

ткань повествования. Причем ткань – даже будучи сдерживаемой опытными руками – расползается, тем не менее, и скоро обрывки ее приходится искать в таких краях, даже названия которых автору неведомы.

ГЛАВА 10
Воронка в пространственно-временном континууме

Вот, один из обрывков обнаруживается... – и обнаруживается вовсе где-нибудь в местечке под птичьим названием Канары. Канары – это острова. Архипелаг.

На них, на нем – архипелаге, то есть, – принято ничего не делать, а только отдыхать. Чем все и занимаются – как аборигены, так и гости. Кстати, а не настало ли время отдохнуть – причем и нам, то есть вам, конечно (ибо моей-то душе нет отдыха ни днем, ни ночью!), и тем из героев, кто особенно устал?

Хотя из героев-то тут, по совести говоря, никто особенно не устал. Главные персонажи, если вспомнить, обуреваемы идеей построения Правильной Окружности из спичек, а второстепенные... или, во всяком случае, *пока* второстепенные – ничего еще, в сущности, и не делали. Такие, скажем, как Умная Эльза или вот… ну, кто бы... Случайный Охотник. Кстати, чего уж тогда мудрить – пусть эти двое и отдыхают на Канарах, а потом поженятся: в настоящем художественном произведении женитьба обязательно случиться! Причем лучше всего неудачная, ибо каждая несчастная семья несчастна по-своему. Так сказал Лев Толстой, который про несчастные

семьи все знал, а про счастливые – ничего, и потому ему казалось, что все счастливые семьи на одно лицо!

Итак, давайте насильно поженим Умную Эльзу и Случайного Охотника. Насильно – это потому, что добровольно они на это никогда не пойдут: Случайный Охотник там у себя во льдах, небось, и женщины-то ни одной как следует не видел – Умная же Эльза посвятила себя богу, а боги все равно никогда ни на ком не женятся.

Только мы давайте их позднее поженим, не прямо сейчас – прямо сейчас они даже не знакомы.

Стало быть, так…

Умная Эльза и Случайный Охотник – по отдельности, но оба впервые – сходят с борта океанского лайнера на щедрую землю Канар. Щедрая земля Канар качается у них под ногами: так всегда бывает, когда за загорелой спиной – несколько дней плаванья. Поэтому Случайного Охотника и Умную Эльзу качает – и щедрая земля Канар уходит из-под их ног в сторону Свана... то есть в направлении, видимо, Франции, поскольку именно там жил и умер Сван.

Как знакомятся люди? Всем известно, что по-разному… есть даже целый ряд способов, о которых мало кто знает. Редких способов. Редчайших. Один из них и приходится на данную непростую ситуацию, в которой возможность знакомства практически исключена: слишком уж они непохожи друг на друга, Случайный Охотник

и Умная Эльза. У них нет вообще ничего общего... и один черт знает, что могло бы их свести! Какое-нибудь совершенно редкое обстоятельство. Обстоятельство времени. Обстоятельство образа действия. Обстоятельство места.

Обстоятельство времени уже сыграло свою роковую роль: Умная Эльза и Случайный Охотник прибыли на Канары од-но-времен-но. Но этого явно мало: далеко не все, кто прибывает куда бы то ни было одновременно и даже од-но-вре-мен-но, женятся!

Возьмем тогда скорее обстоятельство образа действия – и посмотрим на... м-да, образ действия наших героев. Мы видим, что их качает. Но вопрос тут в том, до какой степени это «качает» может рассматриваться в качестве действия. Вообще говоря, те, кого «качает», сами по себе никакого действия не совершают, но отдаются во власть внешних сил. «Отдаваться» же – это, на первый взгляд, действие. Особенно если вспомнить Игоря Северянина: в одном из своих стихотворений он пытается доказать (правда, тщетно), что «отдаваться» есть такое же действие, как «играть», «просить», «дать», «истомить», «полюбить» – вот как это выглядит в поэтическом контексте:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж…
Королева *играла* – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева *просила* перерезать гранат,
И *дала* половину, и пажа *истомила*,
И пажа *полюбила* – вся в мотивах сонат.

А потом *отдавалась, отдавалась* грозово...

Кстати, Игорь Северянин, видимо, и сам чувствовал некоторую бездейственность последнего «действия» – правда, тонкое чутье поэта подсказало ему выход из этой затруднительной ситуации: он дважды повторяет бездейственный глагол, тем самым сообщая-таки ему действенность. Мало того – поэт сопровождает этот глагольный дуплет еще и усиливающим действенность глаголов обстоятельством образа *действия* – «грозово». И, если до сих пор кто-то наивно считал, что «отдаваться» предполагает пассивность, то теперь уже ни у кого не остается сомнения в том, что «отдаваться *грозово*», но пассивно – нельзя.

Впрочем, как бы ни отдавалась героиня стихотворения Игоря Северянина и как бы ни подчеркивалась при этом активность ее поведения, в конце концов, поэт выдает себя с головой, сам того не замечая, – ибо, сделав глагол «отдаваться» (и соответствующее ему занятие) выражением действия, Северянин не может продолжить тот ряд, который начал строить первоначально, другими глаголам, выражающими действие. Ср.:

А потом *отдавалась, отдавалась* грозово,
До рассвета *рабыней проспала* госпожа...

Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

Так становится совершенно очевидным, что «отдаваться» (пусть даже и «грозово») все-таки невозможно рассматривать как действие, ибо это «отдаваться» провоцирует вслед за собой вовсе не еще одно действие, но, напротив, полное и окончательное бездействие. Бездействием является и само состояние сна – «спать», и та форма сна – «проспать», которую выбирает, описывая состояние героини, Игорь Северянин: «проспать» как раз и означает «провести в бездействии то время, в течение которого совершается действие» (ср.: он *проспал* распродажу носков, то есть: *проспал* то время, когда *распродавали* носки; она *проспала* сдачу анализа мочи, то есть: *проспала* то время, когда мочу *сдавали* на анализ; оно *проспало* передачу болезни инфекционно-вирусным путем, то есть: проспало то время, когда болезнь *передавали* инфекционно-вирусным путем). Заметим, что героиня Игоря Северянина, к тому же, не просто *проспала* до рассвета, но *проспала рабыней*, пассивнее какового состояния уже просто ничего не бывает, ибо раб есть субъект, бездействующий априори, то есть никогда не делающий ничего.

Из всего вышеприведенного следует, что, даже если «отдаваться», на первый взгляд, более действенно, чем «качает», впечатление это обманчиво и возникает в силу того, что «отдаваться» только чисто грамматически больше напоминает действие, чем «качает». Да и

то исключительно по одной-единственной причине: глагол «отдаваться» допускает вопрос: «что делать» (ср.: «Что Вы *делаете*?» – «Я отдаюсь»), в то время как глагол «качает» такого вопроса, а уж тем более – ответа, не допускает. Тем не менее, когда кого-либо «качает», этот кто-либо все-таки совершает хоть какое-то действие. В частности, может случиться, что его *рвет*.

Сейчас Случайного Охотника и Умную Эльзу станет рвать – чем не образ действия и не способ знакомства? Тем более что при тривиальных обстоятельствах с Умной Эльзой, теоретически знающей о мужиках все, и не познакомишься!

Теперь – что касается обстоятельства места. Пусть наших героев – для порядка – рвет в одно и то же обстоятельство места: это сильно сближает.

Например, в декоративный кустарник у выхода из порта.

– Вы почему выбрали для данного занятия именно этот декоративный кустарник? Уж не относитесь ли Вы к категории «мужики кустов»? – вытирая красиво очерченные уста цветастым подолом, поинтересовалась Умная Эльза стыдливо и совестливо (она вообще от рождения была полна стыда и совести, о чем мне, к сожалению, недосуг было сказать раньше).

– А что? – осторожно осведомился Случайный Охотник, разглядывая уже не вполне свежее зеленое насаждение.

– Если Вы «мужик кустов», мне не о чем с Вами разговаривать. Если же Вы не «мужик кустов», то, может статься, что мы одинаково смотрим на мир – и нам, например, нравится одна и та же растительность... Вам ведь нравится этот декоративный кустарник?

Случайный Охотник с отвращением вгляделся в поруганную растительность...

– Да нет, – он поежился, – не нравится. Кустарник утратил не только декоративность, но и первозданную свежесть. Не говоря уж о благоуханности... Странно, что Вам этот, далеко уже не декоративный, кустарник все еще нравится.

Умная Эльза тоже вгляделась в кустарник. Над ним вились мерзкие насекомые.

– Пожалуй, он и мне разонравился. После того, как мы над ним, так сказать, поработали, он действительно ужасен. Но ведь было время, когда он казался нам с Вами прекрасным, вспомните!

– Это когда нас рвало? – уточнил Случайный Охотник.

– Именно тогда! – подхватила общие воспоминания Умная Эльза.

И тут оба они начали с удовольствием предаваться этим своим воспоминаниям. Воспоминания растрогали их до слез, и они проплакали всю дорогу в отель.

– Что-то вспомнилось? – участливо спросил их старенький портье, увидев на глазах вновь прибывших слезы.

– Да, – быстро и громко ответили они. – Вспомнилось, как нас только что рвало.

Тут разрыдался и старенький портье: ему тоже многое вспомнилось из напрасно прожитой жизни.

– Я надеюсь, вам один номер на двоих – после всего пережитого?

До чего же он догадлив и мил, этот старенький портье!

– Вы правильно надеетесь, – поддержал его Случайный Охотник. – После всего пережитого нас водой не разольешь... мы совсем сроднились.

Умная Эльза опасливо посмотрела на него и сказала:

– Я уже имела случай убедиться в том, что Вы не «мужик кустов». Надеюсь, Вы убедите меня и в том, что Вы не «мужик любви». Но ведь если Вы не «мужик кустов» и не «мужик любви», тогда Вы вообще не мужик...

– Конечно! – поддержал ее старенький портье. – Он не мужик, он свой человек.

– Почему не мужик? – обиделся Случайный Охотник. – Я мужик.

– *Какой* мужик? – совсем растерялась Умная Эльза.

– Я – мужик, которого рвало, – выбрал для себя маргинальную категорию Случайный Охотник.

Облегченно вздохнув, Умная Эльза дала согласие на общий номер.

– Ну и как мы будем здесь с Вами жить? – спросила она, войдя в номер и воочию убедившись, что там только одна кровать.

– Молча, – ответил Случайный Охотник и по-быстрому научил Умную Эльзу языку глухонемых, на котором они и принялись интенсивно общаться.

После нескольких часов интенсивного общения в гостиничном номере зазвонил телефон, которого они не услышали, ибо сделались теперь не только немыми, но и глухими. Незнакомый голос незнакомого аборигена сказал незнакомому автоответчику все, что имел сказать. А имел он следующее: «Пусть эта неканарская стерва придет сегодня ночью на пустое побережье одна и дешево продаст то, что у нее есть».

Между тем у Умной Эльзы, напрямик заявляю я читателю, просто совсем ничего не было, поскольку на Канарах оказалась она совершенно случайно: не вовремя попавшись под руку автору настоящего художественного произведения, чего читатель, как я же и надеюсь, не успел еще забыть. Стало быть, и продать ей было нечего, даже задешево. Кроме, конечно, стыда и совести под ворохом тряпок, но до стыда и совести не так-то было просто добраться.

Впрочем, что ж тут говорить, если глухонемая Умная Эльза ни оскорбления, ни приказа на автоответчике все равно не услышала и на пустое побережье одна приходить, получается, была не должна.

Но пришла ведь, дурочка! Взбрело ей это, видите ли, в голову... а зачем взбрело, почему – неизвестно. Но взбрело – и в такой вот

форме: «Не пойти ли мне сегодня ночью на пустое побережье одной?»... ну, как обычно взбредает. Вот и отправилась она в путь – с головы до ног одетая глухонемая Умная Эльза.

Разумеется, тут на нее и напали бандиты: Канары их любимое место отдыха. Отдохнув и набравшись сил, они этими силами свалили на землю Умную Эльзу и приставили к ее вискам (их у нее было два) шестнадцать дул восьми двустволок. Правда, Умная Эльза ничего не заметила, поскольку как раз в этот момент размышляла о том, надо ли ей связывать свою жизнь с жизнью глухонемого Случайного Охотника и если надо, то зачем. Не придя к определенному выводу, Умная Эльза увидела у своих висков шестнадцать дул восьми двустволок и про себя пересчитала их по пальцам рук и ног. Пальцев рук и ног оказалось не в пример больше, чем стволов, – и потому, удовлетворенно гукнув и гордясь изобилием пальцев, она решила не пугаться шестнадцати дул восьми двустволок. Решение это привело Умную Эльзу в весьма боевое состояние духа: раскидав канарских мафиози на север, запад, восток и юг, она поднялась и отправилась по побережью. Но об этом я расскажу вам в другой раз.

Извините, другой раз настал сразу же.

Идя по побережью, Умная Эльза никак не могла взять в толк, какого вообще-то черта на людей в данной местности направляют шестнадцать дул восьми двустволок. Между тем потребность взять это в толк с каждой минутой становилась все более острой. Уступив потребности, Умная Эльза отважилась, в конце концов, задать соот-

ветствующий вопрос первому встретившемуся ей в ночи аборигену. Абориген плохо понимал язык глухонемых и глубоко задумался. Не будучи в состоянии выплыть из этой глубины на поверхность, он чуть не утонул – и Умной Эльзе пришлось вытаскивать наполовину мертвого аборигена с самого дна его интеллекта. Справившись с непростой своей задачей, Умная Эльза сказала себе – разумеется, тоже на языке глухонемых: «Какая же я все-таки дура, что связалась с подобным ничтожеством!» Однако данное высказывание абориген, к своему удивлению, понял и сильно надулся, причем сразу на весь мир. Искупая бестактность, Умной Эльзе пришлось долго гладить аборигена по густой шерсти, от чего он расслабился и даже заснул, замурлыкав во сне, как котенок. К сожалению, именно этим своим мурлыканьем он внезапно и стал неприятен Умной Эльзе: она подумала-подумала да и прогнала аборигена энергичным «брысь!» Абориген сиганул в кусты и там, сонный, описался.

А Умная Эльза внезапно почувствовала безразличие ко всему, что происходило с аборигеном, и после его исчезновения в полной мере насладилась выпавшим на ее долю одиночеством. Чувство одиночества не прояснило, однако, загадочного поступка бандитов. Установив это, Умная Эльза тут же правильно предположила, что, если чувство одиночества не проясняет их поступок, его могло бы прояснить чувство коллектива или, по крайней мере, чувство локтя. Отчаявшись возбудить в себе чувство коллектива при отсутствии коллектива, Умная Эльза вынуждена была остановиться на чувстве

локтя – причем локоть ей, разумеется, требовался не свой, а чужой. Тут на память Умной Эльзе пришел Случайный Охотник и ближе к утру она вернулась в гостиницу.

Случайный Охотник спал, как убитое дитя, – оба его локтя были спрятаны под одеялом. Соблюдая требуемую обстоятельствами осторожность, Умная Эльза вытащила один из локтей на поверхность и отдалась мгновенно нахлынувшему на нее чувству. Это-то чувство локтя и открыло ей истину: оказалось, что бандиты наставили на нее шестнадцать дул восьми двустволок для того, чтобы выведать некую тайну. Между тем сдавалось Умной Эльзе, что тайны никакой она не знает. Ей захотелось разбудить Случайного Охотника и на языке глухонемых объяснить ему сложное свое мироощущение.

Когда Случайный Охотник проснулся, он сразу стал стрелять из бывшего у него под одеялом ружья и чуть не застрелил Умную Эльзу, которая только и успевала уворачиваться от пуль, притом что каждая пуля была не просто дура, но какая-то особенная дура, фактически кретинка, и гонялась за Умной Эльзой по всему гостиничному номеру.

Наконец Случайный Охотник на языке глухонемых спросил у Умной Эльзы:

– Ну, как я отстрелялся?

– Вы отстрелялись на «пять», – молча ответствовала Умная Эльза и, в свою очередь, спросила: – Не известна ли Вам, Случайный Охотник, тайна, которую я носила бы в себе?

– Известна, – признался Случайный Охотник. – Это тайна деторождения.

– Странно, – задумалась Умная Эльза. – Зачем бы напавшим на меня глубокой ночью бандитам, которые все были, как сейчас помню, мужики – причем мужики кустов – знать тайну деторождения?

– Можно подумать, – неслышно возразил Случайный Охотник, – что мужики не бывают детьми. Вы просто совсем глупая, Умная Эльза. Вы даже глупее пули.

Тут Умная Эльза почувствовала, что данный разговор изнурил ее, и сразу же вспомнила о том, зачем они приехали на Канары.

– Вы помните, зачем мы приехали на Канары? – задала она Случайному Охотнику проверочный вопрос.

– Конечно, помню, – просиял Случайный Охотник и с удовольствием пострелял в разные стороны минут пятнадцать-двадцать. Умной Эльзе пришлось ровно столько же снова побегать по гостиничному номеру, что утомило ее окончательно, и она не без радости выслушала последовавший за стрельбой подробный ответ: – Мы приехали на Канары для того, чтобы вволю отдохнуть. Канары славятся своими курортами. Ослепительно голубое небо, золотой песок и бирюзовые волны поражают воображение многочисленных туристов. Четырех- и пятизвездочные отели...

На этом месте Случайный Охотник получил по башке, поскольку глаза Умной Эльзы устали следить за его жестами, в изобилии свойственными языку глухонемых.

– Так давайте же отдыхать, Случайный Охотник! – с отчаянием вскричала она и улеглась спать прямо там, где стояла.

К Случайному же Охотнику сон не шел и, поговорив на языке глухонемых по телефону, он заказал прямо в номер бутылку шампанского и несколько крупных ананасов. Когда все это принесли, он расплатился с лакеем одной звонкой монетой, звона которой сам Случайный Охотник, конечно, не услышал. Впрочем, не услышал звона и лакей – случайно тоже оказавшийся глухонемым. Решив, что ему не заплатили, находчивый лакей тут же принялся конфисковывать имущество Случайного Охотника, которое состояло из ружья и битой дичи. Ружье лакею конфисковать не удалось – и он конфисковал битую дичь, каковую час спустя и съел на кухне, надлежащим образом приготовив изысканное канарское блюдо.

Что касается Случайного Охотника, то он в озлоблении стал кидать из окна крупные ананасы, пока не перебил ими всех, кто в этот ранний час прогуливался по улице. Разгневанные аборигены сразу подали на него в суд – и Случайный Охотник вынужден был отсидеть в тюрьме четыре срока, чтобы окончательно исправиться. К счастью, Умная Эльза не успела ничего заметить, потому что все это время спала как убитая им же.

Когда она проснулась, Случайного Охотника уже выпустили из тюрьмы по амнистии, пришедшейся на это время года. Вдвоем они не медля отправились на пляж, где вдоволь накупались и назагорались, после чего усталые, но довольные вернулись в отель.

В отеле их уже ждали.

– А ну выдавай, сука, свою военную тайну! – на языке глухонемых, с трудом найдя в нем слово «сука», сказали гости дорогие и скрутили Умной Эльзе и Случайному Охотнику все их руки и ноги.

Умная Эльза и Случайный Охотник сообща оскорбились и на том же языке глухонемых – воспользовавшись заранее припрятанными от бандитов в укромное место руками и ногами – близко к тексту озвучили сюжет сказки Аркадия Гайдара под названием «Мальчиш-Кибальчиш». Однако, в лошадиную силу несовпадения менталитета жертв с менталитетом бандитов, последние не поняли сказки и не сделали из нее никаких выводов для себя. Наоборот! Они принялись пытать Умную Эльзу и Случайного Охотника разнообразными пытками, от которых у тех просто голова пошла кругом, и которые возмутили их сверх всякой меры. Возмутившись до указанной степени, Умная Эльза и Случайный Охотник вмиг жестоко наказали обидчиков теми же (заранее припрятанными) руками и ногами, но военной тайны не выдали. Да и не могли выдать, ибо, как им обоим казалось, не знали они военной тайны.

А мы с вами, дорогие читатели, военную тайну знаем – в том-то, кстати, и состоит наше преимущество перед действующими ли-

цами и их исполнителями. Разгласим же эту тайну публично – хотя бы и на языке глухонемых, пользуясь на данный момент свободными руками и ногами: Рединготу удалось увеличить площадь, по которой пройдет Правильная Окружность из спичек, за счет Японии, богом которой он недавно стал!

Между прочим, Умной Эльзе тоже полагалось бы вспомнить о полученной ею еще в девятой главе телеграмме от Рединготи, где как раз и содержалась вышеразглашенная военная тайна. Но она, увы, не вспомнила... правда, на то имелись уважительные причины. Дело в том, что в девятой главе Умная Эльза не обрела еще того исторического сознания, которое могло бы помочь ей удержать в памяти военную тайну и которое уже совсем скоро станет отличительным свойством характера нашей на глазах развивающейся героини. А это, в свою очередь, означает, что на данный момент Умная Эльза еще не располагала историческим сознанием, а располагала попрежнему лишь стыдом и совестью, каковыми во все это тяжелое для нее время и пользовалась направо и налево. И – ах... надо ли говорить, что в конце концов она потеряла-таки где-то стыд и совесть и на короткий период сделалась дурой без стыда и совести, чем совершенно смутила застенчивое население Канарских островов. Аборигенам пришлось даже срочно разъехаться по родственникам в других странах, Так Умная Эльза и Случайный Охотник и остались одни на целом архипелаге.

Со временем им начало казаться, что составляющие его острова необитаемы.

Конечно, об отдыхе в данном случае уже не могло быть и речи – и они сразу принялись мастерить разные разности, как это искони принято на необитаемых островах. Ни Умную Эльзу, ни Случайного Охотника нисколько не смущало то, что на данном необитаемом острове все было уже смастерено до них: ни в чем из смастеренного до них они не нуждались, ибо суровые правила поведения на необитаемых островах, как мы знаем, исключают всякую помощь извне.

Робинзоны оставили гостиницу и поселились прямо у воды. Терли между ладонями палочки, добывая огонь, забивали зверей в зоопарке, свежевали туши на кострах и съедали мясо голыми руками, а потом голыми же руками шили из шкур нехитрые одежды, используя для шитья кости и жилы убитых животных. Они выбросили в океан наручные часы и изобрели солнечные. Они вкопали в землю толстенный столб и принялись отмечать на нем глубокими зарубками медленно миновавшие дни. Они приручили нескольких диких птиц, и те не спеша превращались в домашних, начиная класть яйца не где попало, а в специально отведенных для этого Умной Эльзой и Случайным Охотником местах.

В общем, без дела не сидели... И вдруг Случайный Охотник с нетерпением сказал на языке глухонемых:

– Пора жениться уже.

Умная Эльза горько вздохнула: вопреки всем ее ожиданиям, Случайный Охотник оказался-таки «мужиком любви». Но, увы, было слишком поздно.

И они принялись жениться. Процесс этот включал в себя несколько этапов. Для начала Умная Эльза и Случайный Охотник расчистили площадку для женитьбы, вырубив несколько вековых деревьев и выкосив траву высотой в рост человека и гражданина. Потом утрамбовали освободившуюся землю и приступили к строительству помещения для женитьбы. Это была изба-пятистенка с земляным полом, но крытая пальмовыми ветвями, с которых не успели улететь птицы и слезть животные. Дальше по плану шло приготовление теста для женитьбы, сопровождаемое прибаутками типа «тили-тили-тесто, жених и невеста». Однако сначала надо было вспахать и удобрить землю, потом дождаться, пока пашня постоит под паром, затем протравить семена, засеять поле, расставить пугала, чтобы пернатые не склевывали урожай, долгие месяцы периодически опрыскивать чем-нибудь посевы, после чего сжать их до боли, обмолотить колосья, отвезти зерна на мельницу, смолоть до состояния муки и развеять муку по ветру.

И только тогда, когда все это было сделано, собирающиеся жениться принялись на языке глухонемых уже всерьез распевать: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!» Сразу вслед за этим начался торжественный обряд похищения невесты женихом и жениха невестой. Исполняя обряд похищения, Умная Эльза и Случайный Охот-

ник передрались, не разобравшись, кому первому похищать, и убили бы друг друга, если бы потом не надо было друг на друге же и жениться. К счастью, у них хватило ума обойтись без убийств, зато похитили они друг друга так, что потом никого не могли найти.

Поиски продолжались несколько месяцев, но все было тщетно: Умная Эльза сама по себе, а Случайный Охотник сам по себе бродили, продираясь сквозь бурную растительность Канар, и постепенно забывали, кого они ищут. Изредка встречаясь, ищущие приветливо здоровались и подолгу расспрашивали друг друга о житье-бытье. Житье-бытье у обоих было неважнецкое – именно по причине потери жениха (невесты)... Вскоре они так запутались, что уже и совсем не помнили, кто именно кого именно потерял, а когда однажды оказалось, что оба они ищут невесту, то возникло легкое подозрение, что оба они мужчины. Тогда им пришлось устроить состязание на коротких мечах, чтобы невеста досталась сильнейшему. В состязании пали оба – и невеста не досталась никому, тем более что невесты никакой поблизости не было.

Через непродолжительное время им обоим удалось оклематься, они раскурили трубку мира и выпили бутылку мира, торжественно поклявшись не выходить отныне на тропу войны. Тропа войны заросла сорной травой и вскоре перестала быть различимой. И если Одинокий Путник, который непонятно как завелся здесь впоследствии, спрашивал себя: – Где тут тропа войны, черт бы ее по-

брал? – то сам же себе и отвечал: – Черт же ее и знает, эту тропу войны!

По прошествии нескольких строк Умная Эльза внезапно пришла в себя – и правильно сделала, поскольку ей давно уже пора было обретать историческое сознание и становиться полноценной личностью. Ею она стала незамедлительно. Это нашло свое яркое выражение в том, что она мгновенно выбросила из головы все, прочитанное ею о категориях мужиков, и поняла: непременный признак полноценной женской личности (а именно женской личностью ей предстояло в скором времени стать) – наличие второй половины, или, говоря менее образно, – супруга. Его-то она и принялась искать среди окружавших ее мужчин.

В данный момент Умную Эльзу окружало два мужчины – Случайный Охотник и Одинокий Путник. Первый не нравился ей по причине его случайности в ее жизни, другой – из-за печати одиночества, лежавшей на его изборожденном глубокими морщинами челе... ей, собственно, и морщины его тоже не нравились. Зато лицо Случайного Охотника было гладким и блестело – недолго думая, Умная Эльза предпочла сделать своей второй половиной именно Случайного Охотника.

Впрочем, не без оговорок.

– Мне нравится Ваше лицо, но не нравится все остальное, – честно сказала Умная Эльза. Кстати, став полноценной личностью,

она тут же естественно перешла с языка глухонемых на певучий язык слышащих и зрячих.

– Хорошо, что хоть лицо нравится, – на том же языке, с детства знакомом каждому, живо откликнулся Случайный Охотник. – Мне в Вас, например, совсем ничего не нравится. Вы не женщина, а какой-то просто мужчина дикий.

– Это потому, – рассмеялась Умная Эльза, – что объективные условия, в которых мы оказались, трансформировали до неузнаваемости стан мой тонкий и весь мой задумчивый вид!

– Между прочим, смех Ваш, и грустный, и звонкий, они тоже трансформировали до неузнаваемости, – мелочно заметил Случайный Охотник.

– Я понимаю, что все это отнюдь не содействует развитию чувства сердечной привязанности, – продолжала Умная Эльза. – Однако Вам, тем не менее, придется стать моим мужем, ибо другого выбора у Вас нет. Я же, со своей стороны, постараюсь забыть, что меня устраивает в Вас одно только лицо... С которого, правда, воду не пить.

Справедливости ради следует заметить, что Случайный Охотник и не предлагал Умной Эльзе пить с его лица воду – он вообще не понимал, как подобная глупость возможна.

Так или иначе – поскольку ситуация эта надоела уже и мне, и вам, дорогие читатели, – они наконец поженились, обойдясь теперь

без обряда похищения невесты женихом и жениха невестой из боязни пройти тот же самый путь заново.

Несмотря на то, что брак был неудачным, у них сразу родилось несколько детей – причем некоторые родились умными, как Эльза, некоторые – случайными, как Охотник. Когда родители удосужились измерить все свое потомство, оказалось, что дети мал мала меньше. Разложив их на траве по росту, родители любовались детьми до тех пор, пока те не повзрослели и не обзавелись своими семьями. А Умная Эльза и Случайный Охотник все смотрели и смотрели на траву, где совсем недавно лежали многочисленные дети... Потом они вздрогнули и, словно вспомнив что-то, с ужасом вгляделись друг в друга. На устах у каждого из них застыло слово «пора».

– Вам куда пора? – спросила Умная Эльза.

– На Северный полюс, – ответил Случайный Охотник, – лед долбить. – И тихо, но твердо спросил: – А Вам?

– Мне в Змбрафль, – облегченно вздохнула Умная Эльза, испугавшаяся было, что Случайному Охотнику пора туда же, куда и ей. – Я ведь одна владею информацией, за которую дорого заплатила бы любая цивилизованная страна.

Тут они опять вздрогнули, словно вспомнив что-то еще, и опять вгляделись друг в друга с тем же выражением лиц.

– Все это было так давно! – уловила настроение момента Умная Эльза.

И оказалась, между прочим, совершенно не права. Потому что все это не только было совсем недавно, но и вовсе не было: Умная Эльза у себя в Змбрафле, а Случайный Охотник у себя во льдах уснули – одна тревожным сном, другой богатырским, и приснилась им обоим злополучная глава, а именно эта, данная нам в ощущении.

– Ужасно, что в моих снах я всегда выгляжу как полная фефела! – сказала себе Умная Эльза.

– Прекрасно, что в моих снах я всегда выгляжу как малый не промах! – сказал себе Случайный Охотник.

Если обожаемый мною читатель заметил, я сейчас использовал один из самых безобразных писательских приемов. Он состоит в том, чтобы бесстыдно объявить сном все то, во что мы все несколько часов так внимательно вчитывались. Мы переживали, мучались, кусали ногти и рукти, не спали ночей, следя за событиями, и вдруг – ррраз: в последних строках своего письма автор сообщает нам: это был всего лишь сон, приснившийся даже не одному, а сразу двум героям, и, стало быть, никаких таких событий вообще не происходило!

Разумеется, в подобных случаях читатель испытывает особенно острую любовь к автору и просто готов расцеловать его, подкараулив где-нибудь в темном переулке за много километров от ближайшего жилья. Автор же, в свою очередь, именно такой реакции и добивается: мило его сердцу стать объектом столь сильных эмоций,

ибо это ведь и называется славой. А любой настоящий писатель ради славы ничего не пожалеет – тем более читателя!

Впрочем, те из вас, дорогие мои, кто не заметил столь искусно исполненного мною приема и все еще пребывает в приятном заблуждении относительно канарского периода жизни Умной Эльзы и Случайного Охотника, пусть читают дальше: очень может статься, что в конце концов Канары и не окажутся сном! Поскольку есть ведь еще и высший пилотаж литературного искусства. Он в том, чтобы, объявив нечто сном, впоследствии тонко намекнуть: сон-то это, дескать, сон, да вот почему-то откликается он в реальности и имеет в ней не только место, но и самые что ни на есть трагические последствия. Этакий сон, перерастающий в еще более кошмарную явь... отличный, между прочим, ход! Он, кстати, дает читателю полное право не подкарауливать автора в темном переулке за много километров от ближайшего жилья, а расцеловать его прямо где придется, причем расцеловать без суда и следствия. Впрочем, особенно-то, конечно, не обольщайтесь: художественное время покажет, объявлять ли реальностью то, что объявлено сном, или так и оставить сном то, что объявлено сном, но обещано быть реальностью!

...Очнувшись от сна далеко во льдах, Случайный Охотник обнаружил себя с трудом – настолько он был затерян в бескрайних просторах Севера. В лед вмерзла записка, написанная интеллигентным почерком Хухры-Мухры. Случайный Охотник прочел: «Собаке соба-

чья смерть» и не понял, какое отношение приведенный афоризм имеет к факту его пробуждения.

Через некоторое время оказалось, что не только записка Хухры-Мухры, но и нагое тело Случайного Охотника основательно вмерзло в лед. «Наверное, со стороны под ледяной толщей это выглядит поразительно красиво», – подумалось Случайному Охотнику, и он мысленно залюбовался действительно впечатляющей картиной. Оставалось лишь представить себе, как лет приблизительно через сто глыбу льда, заключающую в себе его, Случайного Охотника, вырежут ледорубом прямо из Северного Ледовитого океана и повезут в какое-нибудь научное собрание, где подвергнут всестороннему осмотру как документ эпохи. Тут лед постепенно начнет таять и, когда растает весь, Случайный Охотник сделает несколько шагов вперед – нагой и статный – и скупыми правдивыми словами поведает неизвестным потомкам о своих бедах и радостях, а также о яркой жизни, которую довелось ему прожить. Внезапно от приятных этих мыслей его отвлек шум поспешных шагов, которыми приближался к нему знакомый эскимос с некрасивым именем Хухры-Мухры.

– Чего тебе? – из-под толщи льда резко оборвал шаги эскимоса Случайный Охотник.

– Я... это... извиниться пришел.

– Извинись и ступай, – распорядился Случайный Охотник, предвкушая миг, когда он сможет вернуться к размышлениям о роли собственной личности в общей истории.

– Извини меня, Случайный Охотник, что я оставил тебя тут голого помирать и за все это время ни разу не вспомнил о тебе. – Хухры-Мухры стряхнул прямо на лед замерзшую на лету слезу.

– Извиняю, больше так не делай, – машинально ответил Случайный Охотник и зачем-то полюбопытствовал: – Не вспомнил, говоришь... А как же ты пришел-то тогда?

– Я не к тебе пришел. – Хухры-Мухры был честен, как телефонный справочник. – Я пришел посмотреть, не разметало ли тут мои спички, которые я выкладываю по заданной Деткин-Вклеткиным траектории. А на тебя я ненароком наткнулся: вижу, кто-то в лед вмерз. Тут только и решил извиниться... Слушай, давай я тебя назад вырублю, а? Как Пигмалион Галатею из куска мрамора! – Хухры-Мухры подозрительно воодушевился.

– Из какого мрамора? – растерялся Случайный Охотник.

– Ну... он из мрамора, а я-то, конечно, изо льда! «Из мрамора» – это я так, образно говоря.

– Ступай, – отрезал Случайный Охотник.

– Так околеешь ведь тут – образно говоря! – неискренне воскликнул Хухры-Мухры, явно скрывая в лохматой своей душе грязные чувства.

– Не надо лукавить, – психолого-антропологопедагогическим голосом укорил его Случайный Охотник. – Поведай мне лучше, что у тебя на душе.

– Ой, пусто у меня на душе, ой, сиротливо, – бабьим голосом запричитал Хухры-Мухры, но, не выдержав тяжелого взгляда из-под толщи льда, опустил глаза на поверхность Северного Ледовитого океана.

– Начнем с начала, – сказали из толщи льда. – Итак, что в данный момент заставляет тебя вырубить изо льда мое нагое тело?

– Волшебная сила искусства, – пристыженно пролепетал Хухры-Мухры.

– А если попробовать высказаться менее образно? – неумолимо допытывались из толщи льда.

– Ну, если попробовать менее образно... – Хухры-Мухры напрягся, как китовый ус. – Нет, менее образно не получится. Мы, эскимосы, мыслим образами.

– Тогда валяй дальше образами, – смилостивилась ледяная глыба.

– Это пожалуйста! – обрадовался Хухры-Мухры. – Дело в том, что здесь, в суровых условиях Крайнего Севера, слава далекого Пигмалиона не дает мне покоя ни полярным днем, ни полярной ночью.

– Ну и?.. – поощрила глыба.

– Ну и... вот. А реальная возможность бросить ему вызов появилась у меня только теперь!

– Так брось! – необдуманно высказался Случайный Охотник.

– Можно? – заюлил Хухры-Мухры, приближаясь к Случайному Охотнику.

– Погоди, – остановил его тот. – Я не понял, ты Пигмалиону хочешь вызов бросить или мне?

– Пигмалиону! – заорал Хухры-Мухры. – Ты тут вообще ни при чем. Ты только средство.

– Средство для... чего?

– Экий ты отморозок! – окончательно разозлился Хухры-Мухры. – Ты, образно говоря, Галатея!

Случайный Охотник задумался: что-то явно мешало ему увидеть в себе Галатею. Впрочем, эскимосу Хухры-Мухры со стороны было, конечно, виднее.

– Так. Короче. Чего ты хочешь от меня конкретно? – со всей определенностью спросили из толщи льда.

– Конкретно я хочу вырубить тебя изо льда и насладиться зрелищем превращения мертвой глыбы в живое существо. Мне мечтается, – тут Хухры-Мухры начал последовательно впадать в экстаз, – как ты, выйдя из-под вековой власти ледяной породы, заговоришь, запоешь и затанцуешь подобно людям!

– Тебе-то что до людей, когда ты волк? – с хитрецой напомнил ему Случайный Охотник.

– Оставим разговор обо мне! – отмахнулся от неприятного воспоминания Хухры-Мухры. – Итак, ты заговоришь, запоешь, затанцуешь подобно людям...

– И дам тебе по харе – подобно людям! – прозаически закончил Случайный Охотник.

Хухры-Мухры горько усмехнулся и спросил:

– Знаешь, почему я горько усмехнулся?

– Да плевать мне на то, почему ты горько усмехнулся!

– Ну, не скажи... – Тут Хухры-Мухры погладил глыбу чуткими пальцами ваятеля. – Сейчас в тебе говорит буйство неокультуренной породы. Но придет час – и само искусство заговорит в тебе. Тогда уста твои просто не смогут изрыгать хулу… Напротив, уста твои станут источать хвалу твоему создателю.

– Тебе, что ли, создатель? – скептически усмехнулся из-подо льда Случайный Охотник, окончательно утрачивая надежду поведать через сто лет неизвестным потомкам о своих бедах и радостях, а также о яркой своей судьбе.

– Дурак ты каменный, – мягко пожурил его Хухры-Мухры и, не обращая больше внимания на Случайного Охотника, вонзил ледоруб в холодную массу. Причем Случайному Охотнику показалось, что ледоруб прошел прямо сквозь его тело – неокультуренную породу, которой предстояло преобразиться в чудесных руках мастера. Слезы хлынули из его глаз, и ему уже начинало немного хотеться говорить, петь и танцевать подобно людям...

Оставим его с этими светлыми мыслями и перенесемся в Змбрафль, чтобы взглянуть на внезапно очнувшуюся от сна о Канарах Умную Эльзу. Каково-то ей сейчас?

...Умной Эльзе было неуютно, поскольку лежала она, значит, на столе справок и потому производила сложное впечатление антропоморфной справки, – это невозможно себе представить, но это так...

– Ничего себе справочка! – непонятно как оценил Умную Эльзу налогоплательщик из Змбрафля, с гнусными целями забредший в стол справок. Смысл его гнусных целей был известен ему одному, но он сохранил его в тайне, так что судить об этом никто не вправе.

Налогоплательщик обошел пробуждающуюся Умную Эльзу и нашел ее простоватой на свой сложноватый вкус.

– А не воспользоваться ли мне ее простотой? – сразу подумал Налогоплательщик и положил влажную ладонь Умной Эльзе на плечо. Плечо распрямилось и идущей прямо от него рукой заехало Налогоплательщику в новую челюсть. Новая челюсть с характерным щелчком состарилась на глазах.

– Вы хотели воспользоваться моей простотой, – карающим голосом сказала Умная Эльза, – но просчитались. Да, я проста. Но одновременно я честна, ибо полна стыда и совести. Кроме того, я уже прабабушка. Стыдитесь, юнец.

Налогоплательщик во все глаза (а глаз у него было штук пятьдесят) уставился на Умную Эльзу.

– На вид Вы совсем дитя, – плохо справляясь со своей теперь уже состарившейся челюстью, поделился свежими, как овощи, наблюдениями Налогоплательщик. – Вы, наверное, очень испорчены,

если умудрились в таком юном возрасте стать прабабушкой. – Он немного подумал и добавил: – И дети Ваши, наверное, испорчены... и внуки, сделавшие Вас прабабушкой. Ну и семейка! – Придерживая капризничающую челюсть, Налогоплательщик расхохотался прямо в выразительное лицо Умной Эльзы.

– Не трогайте моей семьи своей сломанной челюстью! – гневно выкрикнула Умная Эльза. – Это благородная семья потомственных дворян.

Тут Умная Эльза в гневе тряхнула своими огненно-рыжими волосами и осознала, что больше не спит. И что, стало быть, ее брак со Случайным Охотником и родившиеся в этом браке дети суть обрывки только что миновавшего страшного сна. От облегчения она разрыдалась

– Ваши неуместные рыдания похожи на уханье ночной совы, – ни к селу ни к городу сказал Налогоплательщик, из чего Умная Эльза правильно заключила, что пресловутый Налогоплательщик совсем не уважает ее, раз изобрел такое некрасивое сравнение.

– Похоже, что Вы, пресловутый Налогоплательщик, совсем не уважаете меня, раз изобретаете такие некрасивые сравнения, – так прямо и заявила Умная Эльза, чтобы Налогоплательщик не подумал чего-нибудь другого.

– *Это* сравнение некрасивое? – изо всех сил напирая на первое слово и чуть не сломав его, возмутился Налогоплательщик. – Вы еще скажите, что «совоокая» некрасивое сравнение!

– Конечно, некрасивое! – Умная Эльза достала из кармана носовой платок, поскольку ей на тот момент так еще и не удалось прекратить рыдания.

Налогоплательщик же вынул изо рта челюсть, приставил ее к своему виску и, покрутив челюстью у виска, с трудом вернул ее на прежнее место, что должно было означать отсутствие у Умной Эльзы необходимого человеку количества ума.

Потом он сказал, как отрубил телячью ногу:

– «Совоокая» – это эпитет Геры, а Гера – это седая античность, овеянная славой.

– У меня такое впечатление, что Вы идиот, – усталым голосом ответила Умная Эльза, прервав рыдания на то время, пока говорила. Потом возобновила рыдания с новой силой, демонстрируя слабость, присущую женщинам как половой группе.

Налогоплательщик обиделся на «идиота» и, чтобы произвести более благоприятное впечатление, наизусть процитировал фрагменты эпоса «Малая Эдда» на языке большого оригинала. Цитата, к сожалению, прозвучала неубедительно.

– Вы не убедили меня, – как на духу призналась Умная Эльза и вдруг подозрительно спросила: – А не мужик ли Вы любви?

– Нет, я налогоплательщик, – сказал лексически бедный Налогоплательщик.

– Откуда Вы взялись среди нас?

– Я пришел с улицы, – был ответ.

– С какой улицы? – без интереса спросила Умная Эльза.

– С улицы Марата, – разоткровенничался Налогоплательщик – прчем разоткровенничался настолько, что перечислил основные события Великой Французской революции в календарном порядке.

– Теперь перечислите их в обратном порядке, – дала ему задание Умная Эльза.

Налогоплательщик блестяще справился с заданием.

Умная Эльза взглянула на смышленого идиота с невыразимой тоской, потом деликатно напомнила:

– Вам не пора ли уже налоги платить?

– Ой, – спохватился Налогоплательщик, – давно пора!

– Ну так идите и платите, пока все не закрылось! – вскричала Умная Эльза трагическим голосом – и Налогоплательщик стремглав бросился вон из помещения, забыв о своих гнусных намерениях, которые так и остались для нас тайной.

А Умная Эльза вздохнула из глубины души – и вместе со вздохом выскочил оттуда же неприятный ей облик Случайного Охотника, с которым во сне ей довелось жизнь прожить не поле перейти. Решив, что этой своей ошибки она никогда не забудет, Умная Эльза сразу же сделала запись в дневнике, который вела с детства: «Не забуду Случайного Охотника», – украсив текстовую часть изображением тяжелого мужского ружья, штыком протыкающего легкое девичье сердце. Само же сердце она украсила еще глазками и носиком с ротиком. Потом, с отвращением взглянув на убогие результаты свое-

го титанического труда, коротко сказала: «Кич» – бросила дневник, который, как сказано, вела с детства, в огонь, облегченно вздохнула и приступила к своим непосредственным обязанностям, а именно – к приему телеграммы со следующим текстом:

«НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ – ЗПТ – ЖДАТЬ МЕНЯ ЗМБРАФЛЕ – ТЧК – НЕЖНО ЦЕЛУЮ – ЗПТ – ЯПОНСКИЙ БОГ».

Умную Эльзу поразил предлагаемый ей уровень общения, и она с благоговейным трепетом принялась ничего не делать, как и велел ей нежно поцеловавший ее Бог – хоть и Японский.

ГЛАВА 11
Конфликт как с цепи срывается

Конфликт не всегда ведет себя так. Обыкновенно он долго зреет и только потом приносит плод, который медленно падает, прежде чем ударить читателя по башке и убить его насмерть. Кстати, читатель, как правило, умирает быстро. Задолго и хорошо подготовленное убийство всегда эффективно. Однако антигуманно. Гуманно убийство непреднамеренное, это каждому известно. Даже читателю, который, разумеется, предпочтет, чтобы его неожиданно хватили из-за угла мешком свинцовой пыли, чем исподволь убивали arsenicum'ом в течение продолжительного срока, время от времени давая понять, что конец все ближе и ближе... кто ж на такое согласится? И правильно, не надо соглашаться – тем более что в данном случае это вообще ни к чему: на страницах нашего художественного произведения все происходит чрезвычайно быстро. Опомниться не успел – а уже на том свете! Если смерти, как говорится, то мгновенной...

Впрочем, что это мы все о потустороннем да о потустороннем! Будет еще время о потустороннем поговорить. Сейчас же – станемте

веселиться! Вместе, например, с приехавшим в Змбрафль Рединготом, полным свежих японских впечатлений.

Проходя безлюдным Змбрафлем, Рединготулыбается каждому встречному, несмотря на то, что встречные попадаются раз в год по обещанию. Причем обещаний часто не выполняют или заставляют ждать обещанного по три года. У Редингота нет времени ждать: он весь обуреваем идеей Окружности...

Один из обещавших появиться вдруг появился и в самом деле.

– Что с Окружностью? – сразу спросил его Рединготт.

– С какой окружностью? – спросил обещавший и появившийся.

– Вы иногородний? – опешил Рединготт. – Тут, видите ли, весь город живет этой Окружностью...

– Сами Вы иногородний, – не дослушал собеседник. – Почему Вы говорите, что город живет, когда город вымер? И нечего мне тут улыбаться!

Рединготт перестал улыбаться – и ему, и вообще. С удрученной миной замедленного действия выслушал он короткий рассказ о сильных морозах, о гибели всего населения города, о последующем восстании мертвых из могил и о воцарении их в Змбрафле...

– Теперь мы называем наш город Городом Мертвых, – закончил тоже, скорее всего, мертвый человек.

– Стало быть, Вы лично… в некотором смысле не живы? – вежливо уточнил Редингот.

– В некотором смысле и Вы не живы, – внес поправку мертвец, подмигнул автору настоящего художественного произведения и, поплотнее закутавшись в толстый саван, пошел своею скорбною дорогой.

Редингот оцепенел от свежей, как утренняя газета, информации. Город Мертвых... Веселенькая ситуация.

Конечно, первым делом он устремился к столу справок, чтобы завести Книгу Мертвых, как в таких случаях полагается. На столе справок, не двигаясь и не моргая, сидела милая, но, кажется, мертвая девушка... С полчаса понаблюдав за ней, Редингот решил, что перед ним чучело, набитое опилками, и хотел было снять чучело со стола, но услышал тихий вздох.

– Вы живая? – воскликнул Редингот.

Мертвая снова вздохнула.

– Извините, – сконфузился Редингот. – Здравствуйте.

Мертвая слабо кивнула.

– А что... осадки ожидаются? – спросил Редингот.

Мертвая пожала плечами. Они помолчали. Редингот обошел девушку со всех сторон, чтобы найти еще хоть какие-нибудь признаки жизни на земле, но не нашел никаких и прямо спросил:

– Простите, что с Вами все-таки?

– Меня нежно поцеловал Бог, – был ответ.

– Куда? – опешил Редингот.

– Вероятно, в губы. Или куда-то еще, мне все равно.

– Вы, видимо, неразборчивы, – осудил Редингот неприемлемую для него форму поведения.

– Скорее, неприхотлива... – позволила себе слабый протест мертвая. – Тем более что Бог ведь поцеловал – не простой смертный, не Вы.

– Я бы Вас и не стал целовать, – неожиданно для себя сказал Редингот и понял, что сказал правду. – Вас целовать – это все равно, что Уральский хребет целовать... результат тот же.

– А Вам какой результат нужен? – Мертвая оказывалась любопытной.

– От Вас мне никакого результата не нужно, упаси Боже!

Мертвая закрыла глаза и вообще прекратила быть.

– Эй!.. – крикнул Редингот через некоторое время, почувствовав себя чуть ли не в предгорьях Урала. Ему ответило эхо. Редингот поежился.

– Пусто тут... – тихо сказал он в пространство.

– Это пока, – ответили из пространства. – Скоро сюда явится Японский Бог.

– И что будет?

– Жизнь забурлит! И Японский Бог войдет в меня. И я понесу!

– Вы уже несете, – предупредил Редингот.

– Как? – чуть не упала со стола справок мертвая.

– Дело в том, что волею судеб Японским Богом оказался я.

И мертвая упала-таки со стола справок.

Редингот поднял ее. Чтобы перевести разговор на иностранный язык, он обратился к ней по-японски, начав наводить справки сразу обо всем. Мертвая выдавала справки, как автомат по выдаче справок, причем особенно охотно – справки о состоянии своего здоровья, которое каждую секунду менялось, все улучшаясь и улучшаясь. Редингота испугала столь поспешная эволюция самочувствия мертвой. В этой эволюции он даже усмотрел угрозу для себя лично.

– Предупредите меня, когда Вам станет совсем хорошо... я тогда уйду, – пообещал Редингот, но мертвая вдруг припала к его груди.

– Вы зачем припали именно к груди? – подозрительно спросил Редингот.

– А какой у меня выбор? – полезла на рожон мертвая. – Припадают либо к груди, либо к коленям, а больше ни к чему не припадают. Извините, если я ошиблась – я исправлюсь!

И она припала к коленям Редингота.

– Довольно, – сказал Редингот, – встаньте. Как Вас зовут?

– Меня зовут Умная Эльза, – ответила мертвая, вставая и отряхивая подол.

– Вас неправильно зовут, – заключил Редингот. – Лучше называть Вас Безумная Эльза.

– Называйте меня хоть горшком, – не мелочась, предложила Умная Эльза.

– Ладно, Горшок, – сказал Редингот. – Слушай меня...

– Слушаю, Японский Бог!

– Вы поедете в Японию прокладывать по ее территории правильную окружность из спичек, поскольку, судя по наведенным мною справкам, в живых тут больше никого не осталось.

– Одна поеду или мы вместе поедем, Японский Бог?

– Одна. Мне надо найти Марту.

– Она воспитатель мертвецов, – вдруг сказала Умная Эльза.

От этого сведения все похолодело в маленьком животе Редингота, хотя там особенно ничего и не было. Но, не подав виду, он сказал:

– Воспитывать мертвецов – ее призвание. А специальность – лепить из хлеба голубей и голубиц. Она тут в этом качестве не проявлялась?

– Ну, как же... Однажды мне передали от нее через третьи руки голубицу. Белую.

– Красивую? – смахнув ностальгическую слезу, спросил Редингот.

– Я не успела рассмотреть... я ее сразу съела.

– Вы животное, – тихо резюмировал Редингот.

– У нас тут голод свирепствовал, – еще тише сказала Умная Эльза. – А голубица ведь из хлеба была...

– Где сейчас находится Марта? – быстро спросил Редингот, чтобы не чувствовать необходимости извиняться перед Умной Эльзой.

– Марта – это миф, – ответила та.

– То есть... как? – Редингот даже испугался.

– Ну, ее не существует... Иногда только то тут, то там появляются голуби и голубицы, которых кто-то кому-то когда-то от нее передал... У меня, правда, есть подозрение, что Марту однажды видела я... Но, скорее всего, это сон: мне снятся *очень* реалистические сны... правда, чаще всего кошмарные – про Канарские острова, про Случайного Охотника...

– Не знаю, как Случайный Охотник, но Марта не миф, – убежденно сказал Редингот. – Я был знаком с Мартой.

– В каком веке? – задала осмысленный вопрос Умная Эльза.

– А сейчас какой? – осведомился Редингот.

Умная Эльза ничего не ответила. Тогда и Редингот ничего не ответил Умной Эльзе – он просто махнул рукой.

– Едем в Японию, Японский Бог, – сказала Умная Эльза. – Марту все равно не найти. Потому что никаких март на свете не бывает.

– Марты на свете бывают, – возразил Редингот. – Марты и ласточки на свете бывают.

– Ласточки? – повторила Умная Эльза. – Ласточки бывают.

Отправив Умную Эльзу подальше в Японию, Редингот с криками отправился на поиски Марты.

Едва заслышав его крики, мертвые жители Змбрафля собрались вокруг и спросили:

– Вы чего кричите?

– Я кричу потому, что ищу Зеленую Госпожу Марту.

Тут мертвецы стали наперебой рассказывать ему легенды – одну прекраснее другой – о детстве Марты, о ее юности, зрелости, старости и, наконец, о ее смерти во славу Одной Идеи, которая в доисторические времена завладела сердцами лучших умов человечества. По их словам выходило, что Марта была праматерью всех ныне живущих в Змбрафле, – и Рединготом окончательно утратил ориентацию во времени. Ему даже на мгновение показалось, будто вопрос Умной Эльзы о том, в каком веке он был знаком с Мартой, принадлежит к разряду действительно осмысленных вопросов... потому что ведь кто знает, сколько на самом деле прошло с тех пор, как все началось! Спросите кого угодно, вот хоть и автора настоящего художественного произведения: давно ли все началось? Уверяю вас: кто угодно, в том числе и автор настоящего художественного произведения, пожмет плечами.

Пожал плечами и Редингот. Он уже ничего не понимал. Он только процитировал:

– Какое, милые, у нас?..

Его, похоже, не услышали. Так Редингот и не узнал, какое…

С неделю он бродил по Змбрафлю, делая небольшие зарубки топориком на правой ноге: ему нужно было следить за временем,

чтобы снова сжиться с ним. Однако, к сожалению, седьмую зарубку он сделал на том же самом месте, что и остальные шесть, – сухожилие лопнуло...

– Жаль, – сказал Редингот.

– Сухожилием больше, сухожилием меньше... – сказали мертвецы и философски обобщили: – Сухие ветви всегда обрубают топором. Зачем дереву носить на себе то, что уже умерло? Ему надо тянуться ввысь.

Редингота убедило это соображение. Он быстро перерубил себе все сухожилия, в результате чего кости его вырвались на свободу – и каждая из них зажила своею собственной жизнью. Редингот почувствовал необыкновенную легкость: ничто больше не сдерживало его.

– Я хотел бы обнять весь мир, – стыдясь, признался он и добавил: – Но лучше не буду. Стану-ка я летать, не прибегая больше к помощи крыльев.

Тут Редингот вынул из потайного кармана пальто завернутые в платок бледно-желтые бумажные крылья и пустил их летать по ветру: потребности в них отныне не было.

– Между прочим, это только у Вас отныне нет потребности в крыльях. О потребностях других бы подумали! – сказал один из мертвецов, живо сверкнув пустыми глазницами.

Редингот поднялся над землей и поймал крылья в воздухе.

– Где тут другие? – быстро спросил он.

Другие столпились поблизости.

– Расскажите мне о своих потребностях.

– Наши потребности таковы, – начали другие. – Первая потребность – это потребность в человеческом тепле. Вторая потребность – это потребность во взаимопонимании...

– Минутку, – сказал Редингот, – насчет человеческого тепла понятно: вы кровь пьете. А вот что касается взаимопонимания... разве вы не взаимопонимаете?

– Мы взаимопонимаем, но очень плохо. Бывает, обратишься к кому-нибудь за взаимопониманием, а тот сразу торговаться начинает: взаимопонимание, дескать, процесс обоюдный... Ну и что ж – дашь такому по харе, плюнешь – и все тебе взаимопонимание.

– Ясно. Продолжайте про потребности.

– Третья наша потребность – потребность петь и смеяться...

– Как дети? – уточнил Редингот.

– Почему – как дети? – даже, вроде бы, обиделись другие. – Как профессионалы! Четвертая потребность – это, пожалуй, потребность в размножении. Но о ней не будем. Пятая потребность есть потребность учиться и учить других.

– Чему учиться и чему учить? – деловито осведомился Редингот.

– Учиться тому же, чему и учить. Так водится, – быстро отчитались мертвецы и предложили Рединготу спецкурсы на выбор: «Воспитание себе подобных – дело подобных нам», «Образование выс-

шего и среднего образования из дошкольного и начального образования» и, наконец, «Учение ученого и его возможные субституты».

– Все понятно, – сказал Редингот, – а крылья-то вам зачем в таком случае?

– Так летать чтобы! – воскликнули другие и, выхватив крылья из рук Редингота, дружно улетели на них в теплые страны.

Отныне других не стало в Змбрафле.

– Какое счастье! – перекрестился Редингот и теперь уже тихо-тихо отправился на поиски Марты. Чтобы стать совсем незаметным в этом надоевшем ему городе, он даже не полетел, а пополз.

В очень узком переулке Редингот совершенно неожиданно для себя наткнулся на ползущего ему навстречу старика.

– Здравствуйте, – от неожиданности сказал ему Редингот.

– Вы меня узнали? – обалдел старик ползучий. – Несмотря на мои лета?

– Узнал, – соврал Редингот и тут же выдал себя: – А кто Вы?

– Ну, как же!.. – расплылся в улыбке старик ползучий. – Я тот, кто одалживал у Вас брюки! Это было... ой, я так долго уже ползу!

– А-а... брюки! – вспомнил Редингот. – Я ведь так с тех пор и без брюк!

– Вам идет, – низачем польстил старик ползучий.

– Я знаю, – ответил Редингот. – Мне об этом уже говорили.

– У них хороший вкус... у тех, кто говорил. Это у них в крови.

– Скорее, у Вас в крови… – возразил Редингот. – У Вас колени в крови.

– Потому что я ползу давно.

– А летать можете? – спросил Редингот.

– Нет, только ползать, – сокрушенно вздохнул старик ползучий. – Позвольте, я отдам Вам брюки и уползу на родину?

– Да ради Бога, честный старик! – сказал Редингот

Старик стал снимать брюки – они оказались сильно заношенными.

– Ничего, что я их заносил?

– Пустяки! – откликнулся Редингот. – Я ими все равно не собираюсь больше пользоваться.

– Может быть, лучше тогда их сразу и выбросить... а то мне стыдно как-то возвращать Вам брюки в таком виде.

– Конечно, выбросите! Кому они теперь нужны! – Редингот рассмеялся.

Старик ползучий выбросил брюки в специально отведенное для них место и в одном исподнем уполз на родину.

А в Рединготе прямо в эту минуту внезапно начался внутренний конфликт.

– Вот черт! – выругался Редингот, не готовый к такому ходу событий. – Конфликт прямо как с цепи сорвался...

Ну что тут скажешь, дорогой читатель? Мало ведь кто в литературе может похвастаться тем, что его герои так адекватно понимают все происходящее. Не успеет автор придумать какой-нибудь поворот, как умница-герой уже все понял – и уже реализовывает! Такое единство взглядов между автором и героями, согласитесь, исключительная редкость. Правда, называя главу «Конфликт как с цепи срывается», я не рассчитывал, что конфликт будет внутренним. Я рассчитывал, что он будет внешним... что, скажем, кто-нибудь с кем-нибудь вступит в сражение не на жизнь, а на смерть, что огромные массы людей станут мигрировать по страницам художественного произведения во все стороны… масштаб, мощь, эпос, разрази меня гром!

А конфликт взял и оказался внутренним. Правда, от этого он, конечно, не стал менее глубоким – может быть, теперь он даже более глубок, чем предполагалось. Ну что ж, читатель... заглянем Рединготу в душу. Этим мы, вроде бы, еще не занимались.

В душе у Редингота шла борьба богов и титанов. Точнее, одного Бога – конкретно Японского, и одного титана – конкретно самого Редингота. В данный момент Бог одерживал верх над титаном. Бог принуждал титана постоянно размышлять о построении на земле Абсолютно Правильной Окружности из спичек, в то время как титан рвался в небо, откуда грозился наплевать на землю – в частности, на пролагаемую по земле и постепенно становящуюся пресловутой

Окружность. Бог, видимо, подозревал о гнусных намерениях титана и всеми силами мешал ему развернуться. Титан же страшно злился и ругался всякими нехорошими словами – причем направленно в адрес Бога. С нехорошими словами перемежались хорошие: это были слова о том, что никакое действие недостойно внимания духа, что всякое предприятие обречено на провал, что воздвигать памятник кому бы или чему бы то ни было тщетно, а главное – глупо, что величие любой из земных идей, в сущности, весьма и весьма относительно... Правда, хорошие слова между нехорошими попадались настолько редко, что практически были не слышны даже Японскому Богу, который неправильно воспринимал все звучавшее как поток брани и потому особенно не вслушивался.

Внутренний конфликт изнурял все еще ползущего Рединготa до беспамятства. В состоянии беспамятства он забыл следующее:

1. *является ли Рединготом Рединготом*,
2. *является ли Марта Мартой*,
3. *является ли Змбрафль Змбрафлем*,
4. *является ли Абсолютно Правильная Окружность из спичек Абсолютно Правильной Окружностью из спичек*,
5. *является ли данное художественное произведение художественным произведением*

– плюс некоторые частности.

По крайней мере, на приведенные выше пять вопросов Рединготу остро требовалось получить ответ – хоть от кого-нибудь.

– Простите, является ли Редингот Рединготом? – спросил он у пробегавшего мимо мертвеца, прижимавшего к себе собственный гроб с музыкой.

Мертвец аккуратно положил гроб на сырую землю, после чего пожал плечами, поднял не успевший отсыреть гроб и, слушая «Маленькую ночную серенаду» Моцарта, гремевшую из гроба, поспешил дальше. Редингот решил сам ответить на свой вопрос, свой страх и свой же риск, прибегнув при этом к доводам разума:

…если личность, носящая имя Редингота, идентифицирует себя как Редингот, не являясь Рединготом на самом деле, она (или он) претендует на то, чтобы занять место Редингота, которое в данный момент считает вакантным по причине отсутствия на этом месте фигуры, долженствующей называться Рединготом, каковое отсутствие квалифицируется в качестве невозможности для кого-нибудь иного оказаться на данном месте, кроме реального претендента, уже до этого именовавшегося Рединготом, но не имевшего места, предназначенного для Редингота, однако могущего получить данное место в силу соблюдения условия наименования…

«Всё, – подумал, собрав воедино доводы разума, Редингот, – остальные вопросы придется оставить пока совершенно без внимания. Отвечу на них гораздо позднее и короче...»

Нельзя сказать, чтобы предложенная выше цепь умозаключений привела к исчезновению у Редингота внутреннего конфликта.

Но, с другой стороны, конфликт и не углубился. Он только с одной стороны углубился и от этого как-то даже немного перекосился – на ту сторону, с которой углубился.

Существовать с таким вот перекошенным на одну сторону внутренним конфликтом Редингот определенно не мог. Мог неопределенно – так и стал существовать. Возникшие невдалеке мертвые жители Змбрафля вгляделись в него и хором резюмировали:

– Мы видим нечто неопределенное.

– Это я, – честно признался Редингот и смутился практически весь.

– Нельзя так, – быстро и правильно реагировали мертвые жители Змбрафля.

– Отведите меня на могилу к Марте, – не обращая внимания на их быструю и правильную реакцию, попросил Редингот.

– На могилу или в место захоронения? – придрались к формулировке мертвые жители Змбрафля.

– А разве у вас это не одно и то же? – изумился Редингот.

– Конечно, не одно и то же! – рассмеялись змбрафльцы и объяснили: – Мы же мертвые все! Но при этом как живые. Потому что мы живем вместо захоронения. Могилы тут только у некоторых, самых последовательных.

– И что же Марта... она последовательная была?

– Да нет, какая она последовательная! – опять рассмеялись мертвые жители Змбрафля. – Она-то самая непоследовательная и была. Это из-за нее мы вышли из могил.

И мертвые жители Змбрафля рассказали Рединготу о минувшем. Минувшее растрогало Рединготa, но не больше: почему-то он был уверен, что Марта если не жива и невредима, то, по крайней мере, жива.

– Впрочем, Вам тут записка, – неожиданно сказал один из мертвых жителей Змбрафля, отделившись от прочих.

– Где ж Вы раньше-то были! – возмутился Рединготт.

Мертвый житель Змбрафля отчитался:

– Раньше я был в могиле. Я из последовательных.

Рединготт покрутил указательным пальцем у виска собеседника и развернул полуистлевший пергамент.

«*Милый Рединготт*, – прочел он. – *Тут все почему-то умерли в один день и решили, что я тоже. Чтобы не разочаровывать их, делаю вид, будто и я мертвая. Адрес, по которому я так плохо живу, следующий: Змбрафль, улица Безвременной Кончины, последний дом. Целую. Ваша Марта. P. S. Я тут, само собой разумеется, одна-одинешенька. Опять целую. М.*»

Рединготт зарычал, как только что раненый насмерть зверь.

– Где находится улица Безвременной Кончины? – послышалось сквозь рык.

– Нам что-то послышалось сквозь рык? – принялись спрашивать друг друга мертвые жители Змбрафля.

– Да нет же, черт возьми, вам не послышалось! Я спросил, где находится улица Безвременной Кончины! – простонал Редингот.

– Вот где улица Временной Кончины, я знаю, – сказал самый пожилой из мертвых. – Что же касается Безвременной, то я пас...

– Остальные тоже пас? – с новой силой простонал Редингот.

Остальные дружно закричали:

– Мы вист!

– Не многовато ли вас для виста? – подозрительно взглянул на них Редингот.

– Не-а, как раз! – оживились мертвые жители Змбрафля и сели расписывать пульку. Они увлеклись настолько, что улицу Безвременной Кончины Рединготу пришлось отыскивать самостоятельно. Впрочем, нашлась она довольно быстро: это была главная улица Змбрафля, на которой все они и находились. На угловом доме висела табличка с криво отбитым краем. Редингот прочел: «Улица Без. Кончины». Усмотрев в этом намек на удивительную жизнеспособность Марты, Редингот припустился по улице Без. Кончины бегом. Улица упорно продолжалась и продолжалась – в полном соответствии со своим названием: последнего дома не предвиделось вообще.

– Последний дом... где последний дом? – задыхаясь, то и дело вскрикивал Редингот.

– После-е-едний... – разводили руками мелькавшие, как придорожные столбы, мертвые жители Змбрафля. – Тут до последнего еще никто не доходил. Это где-то у горизонта...

Рединготупал и подумал: «Я вот-вот умру». Но тут он очень кстати вспомнил, что у него больше нет сухожилий и он в принципе летуч.

– Я в принципе летуч! – во всеуслышание заявил о себе Рединготт.

– Тогда Вы, может быть, и доберетесь до последнего дома, – отозвались с земли все, услышавшие это заявление. Услышавший особенно отчетливо идентифицировал Рединготта как газ, обосновав свое соображение следующим лаконичным образом: – Газы летучи.

– Я в принципе газ! – с радостью согласился Рединготт и во мгновение ока достиг последнего дома, тут же оказавшегося первым. На обвалившейся в прошлом веке стене дома стояла огромная цифра «1», к которой рукою какого-то предусмотрительного существа было приписано: «При появлении вида и запаха газа звоните по телефону 04. А по поводу Марты прошу обращаться в последний дом, в то время как это – первый». Подпись предусмотрительного существа была неразборчивой. Печать уполномочившей его организации – тоже. Именно к этому сразу же решил придраться Рединготт, влетев в дом через наглухо забытую дверь и застав Предусмотрительное Существо за опасным занятием набирания номера 04.

– У меня внутренний конфликт, – предупредил его на всякий случай Редингот и на этом основании отдал приказ: – Трубку положить! – Предусмотрительное Существо оказалось существом еще и послушным. Трубка была положена.

– Почему подпись и печать неразборчивы? – незамедлительно приводя собственное решение в собственное же исполнение, спросил Редингот.

– Руки мерзли, – был ответ. После ответа были комментарии: – Трубы все полопались от холода. Многие тогда вообще падали из окон. Что касается меня, то я умерло своей смертью, считая, что так честнее. Многие считают меня за это эгоистом: дескать, данное Предусмотрительное Существо думает только о себе. Но это неправда. Я думаю не только о себе, но и о Ближнем.

– Пусть Ближний тоже выйдет, – сказал Редингот.

Из-за стены вышел Ближний. Ему было под сорок, и он сосал палец. Не взяв на себя ответственности за исправление его дурной привычки, Редингот просто спросил Ближнего, кивнув на Предусмотрительное Существо:

– Думает оно о тебе или же оно только о себе думает?

Ближний ответил не сразу, предвосхитив, однако, возможное нетерпение Редингота такими словами:

– Я отвечу не сразу.

– Ничего, я подожду, – сказал Редингот и, пользуясь свободным временем, отправился на кухню есть. Наевшись чего попало, он вернулся и застал Ближнего сильно избитым.

– Кто тебя избил? – задал риторический вопрос Редингот.

– Мне можно не отвечать? – Ближний оказался сведущ в риторике.

– Конечно, можно, – отозвался Редингот и объяснил свое согласие: – Ответ, что тебя Предусмотрительное Существо избило, сам собой разумеется. Хотело, небось, чтобы ты лжесвидетельствовал: дескать, оно и правда не только о себе, но и о тебе думает. Как будто я такой дурак, что могу этому поверить, видя его самодовольную рожу!

Предусмотрительное Существо опустило рожу долу.

– Ну? – произнес Редингот, двумя пальцами чуть приподняв рожу собеседника за подбородок. – Стало быть, где же Марта?

– На доме написано ведь: с такими вопросами не обращаться...

– Плевать мне, что на доме написано! – Редингот еще немного приподнял ту же рожу, взглянул в небольшие глазки у нее на висках, заскучал и поежился: – Ух, до чего ж ты мне не нравишься!

– И мне, – неожиданно встрял тихий до этого Ближний: он, кстати, вынул палец изо рта и таким образом навеки избавился от дурной привычки.

Редингот приобнял Ближнего одной рукой, второй же опустил рожу Предусмотрительного Существа как мог низко. После чего с огорчением сказал:

– Ниже, увы, рожу твою опустить не могу. И теперь, Предусмотрительное Существо, ни одному твоему слову не верю.

– Значит, мне не говорить, где Марта? – некрасиво выказало природную логику Предусмотрительное Существо.

– Тьфу на тебя, – лексически плюнул в его сторону Редингот и, взяв на руки Ближнего, вышел за порог.

– Ты куда меня несешь? – вяло поинтересовался Ближний.

– Прочь! – конкретнее некуда сообщил Редингот.

– Спасибо... – растрогался Ближний и невпопад осведомился: – Кстати, что с твоим внутренним конфликтом?

– Он как с цепи сорвался, – сообщил все, что знал, Редингот.

– Тогда имеет смысл просто обойти дом номер 1. Сразу за ним будет последний дом по улице Безвременной Кончины, это круглая улица. – И Ближний благодарно потерся жесткой щетиной о пальто Редингота.

ГЛАВА 12
Кульминация от фонаря, причем ложная, как беременность

А иногда надо создавать напряжение и позволять ему достигать апогея, то есть точки, в которой нет возможности оставаться ни секунды, – так хочется выйти. Часто по этому признаку целое художественное произведение бывает возможно квалифицировать как апогей – в силу постоянно возникающей у читателя острой потребности покинуть мир авторской фантазии навсегда. Впрочем, что касается настоящего художественного произведения... те, кто хотел покинуть его, уже сделали это и, наверное, обращаться к ним поздно: не докричишься. Но ты, мой бесценный читатель, надеюсь, все еще тут: поверь же, автор сделает для тебя все, что в его силах, создав такое невероятное напряжение в структуре художественного целого, что твоя крепкая нервная система наконец не выдержит. А ты ведь, дорогой, и сам только к этому и стремишься – признайся... Как подогревает наш интерес к произведению искусства возможность получить нервный срыв! И чем продолжительнее срыв – тем лучше: тем, стало быть, мы впечатлительнее, а значит, и рафинированнее. «Ах, я не мог читать без слез!» (допустим) – это уже хорошо. «Я был потрясен настолько, что долго не приходил в себя» (якобы) – это

прекрасно. «Я схожу с ума от настоящего художественного произведения!» (дескать) – это восхитительно. «Мне казалось, я умру, когда дочитаю!» (вообразим себе) – это идеально, но крайне. К летальному исходу отношения с читателем вести все-таки не спортивно. Вполне достаточно, если, прочитав то или другое художественное произведение, читатель непосредственно по этой причине закончит свою жизнь в психушке – большего и желать нечего. Пусть какая-нибудь бодрая самаритянка станет посещать его в редкие приемные дни, приносить в узелке пирожки с выменем и гордиться тем, что знакома с таким тонким существом, которое не вынесло встречи с искусством – пирожки же с выменем спокойно ест.

Впрочем, что-то я заболтался... нам ведь давно уже куда-нибудь пора! Причем подумалось мне (внезапно подумалось... внезапно и как-то независимо от меня, да и не только от меня – вообще от кого бы то ни было независимо подумалось… безлично, одним словом, подумалось: как «стемнело»...), что нам давно уже пора в Италию: во-первых, там мы еще не были, а во-вторых, только нас там и не хватало. Так и представляется: приезжаем в Италию, а именно на Сицилию, и спрашиваем прямо на вокзале в Палермо третье какое-нибудь лицо (первое и второе – пропустим: в Палермо каждый первый и второй – мафиозо): «Простите, пожалуйста, не скажете ли Вы, Вам нас хватало?» И Третье Лицо ответит, не то чтобы не долго думая, а просто вообще не думая: «Мамма миа, да я Вас вообще первый раз в жизни вижу!» (Умный человек, читая эти простые строки,

сразу понимает, что конкретно они доказывают. Конкретно они доказывают следующее: мы на Сицилии – большая редкость, то есть нас там явно не хватает).

Ну вот мы и в Палермо – и Третье Лицо именно сейчас ошарашено взирает на нас, держа в руках цитрусовые, оливковые и виноградные: в любой энциклопедии можно прочесть, что именно таковые и произрастают на Сицилии.

– Что делать будем? – спрашиваем мы ошарашенное Третье Лицо, и Третье Лицо в свойственной итальянцам эмоциональной манере горячо посылает нас куда-нибудь. Мы соглашаемся от всего сердца, однако просим показать дорогу. И тут уж Третьему Лицу ничего не остается, как отправиться в дальний путь, легкомысленно указанный им же, вместе с нами, а нам – следовать за Третьим Лицом, тщетно пытаясь сообразить, что же дальше делать с этим, в сущности, излишним для нас персонажем.

– Чем Вы занимаетесь, Третье Лицо? – интересуемся мы, раз уж все равно предстоит его куда-нибудь пристраивать.

– В настоящий момент? – тонко улыбается Третье Лицо и, не дожидаясь ответа, отчитывается: – В настоящий момент я провожаю вас по легкомысленно указанному мною адресу. В то время как вообще-то, до знакомства с вами, я шел домой. Впрочем, дом мой по тому же адресу, к сожалению, и находится. Неудачный район, види-

те ли... Так что я шел домой и нес дары природы, вот эти... – Тут Третье Лицо предъявляет цитрусовые, оливковые и виноградные.

– Вы намеревались съесть их дома? – спрашиваем мы, просто чтобы поддержать беседу, которая так удачно складывается.

– Нет, нет и еще раз нет! – горячо не соглашается Третье Лицо. – Я собирался накормить ими дорогого гостя, который с минуты на минуту постучит в мою дверь.

– Вы так проницательны или договорились с дорогим гостем заранее?

Третье Лицо неожиданно смущается и, ковыряя тапочком сицилианский песок, признается:

– Меня предупредили. Сказали, к нам едет ревизор. – И, пресекая культурную ассоциацию собеседников, добавляет: – Только попрошу без Гоголя Николая Васильевича, родившегося в 1809 и умершего в 1852 году!

Сообщив эти обезоруживающие подробности, Третье Лицо со смехом начинает скорбное повествование о своей нелегкой жизни, которое мы щедро позволяем себе привести фрагментами: «Родился... сначала ничего не понимал... потом все понял... захотел умереть, но не смог... встретил настоящих друзей... указали путь... пошел по нему... очутился в Италии... сбился с пути... едет ревизор... ну вот мы и дома».

...Последнее сведение прозвучало несколько невпопад, но дверь была уже распахнута – и Третье Лицо с порога получило звонкую,

как песня жаворонка, оплеуху от дорогого гостя, который, оказывается, поджидал Третье Лицо непосредственно у порога же.

– Вы ко мне? – сразу не поняло Третье Лицо. Лицо Третьего Лица медленно краснело, запоздало переживая оплеуху.

– А ты как думал, гаденыш? – вопросом на вопрос ответил дорогой гость.

– Я так и думал, – успокоило дорогого гостя Третье Лицо и предложило: – Фруктов не хотите?

– Фруктов? – зловеще усмехнулся дорогой гость. – Да нет, спасибо. Не ем я.

Категоричность заявления смутила Третье Лицо настолько, что оно поспешно съело пару-тройку цитрусовых, выбрав самые незрелые и с виду вообще не съедобные. Дорогой гость наблюдал за этим с быстро ослабевающим интересом и к концу поедания сказал:

– Мой интерес ослабел окончательно.

– Что же теперь будет? – с неподдельным ужасом спросило Третье Лицо.

– Теперь будет очень плохо, – отчеканил дорогой гость и коротко попросил: – Колись.

Третье Лицо начало колоться, но очень неумело – просто до такой степени неумело, что дорогого гостя тут же передернуло от демонстрируемого уровня непрофессионализма.

– Хорош колоться, – опять попросил он. – Сейчас на место пойдем.

На месте, подняв с сырой земли обгоревшую спичку, больше уже никакой не гость безжалостно сломал ее сильными пальцами, после чего задал нижеследующий вопрос:

– Много коробков у тебя еще осталось?

– Четыре тысячи шестьсот сорок один, – отчеканило Третье Лицо, как пионер на линейке.

– Сколько ты за них хочешь?

Третье Лицо до неузнаваемости исказила гримаса. По Третьему Лицу покатились слезы. Третье Лицо в один присест покраснело и побледнело.

– Дорогой гость, – начало было упомянутое лицо, но никакой уже больше не гость откорректировал творимый текст в зародыше:

– Я тебе больше уже никакой не гость, гаденыш. Начинай торговаться честно.

Третье Лицо торговаться не начинало.

Повременив, больше уже никакой не гость устало спросил:

– Кто твой шеф?

– Редингот, – прозвучало в ответ.

– Где он сейчас?

– Да кто ж его знает... – Третье Лицо начало нервно поедать оливковые.

– Я знаю, – неожиданно сказал не гость и зловеще добавил: – Я вообще все знаю.

– Мне это известно, – уважительно реагировало Третье Лицо. – Я просто растерялось... говорить ли Вам о том, что Вы-то как раз и знаете. А где же сейчас Рединготт?

– Сейчас он на улице Безвременной Кончины, около дома номер 1, пытается найти Марту.

– Найдет? – полюбопытствовало Третье Лицо.

– Найдет, но не там, – уклончиво сказал не гость.

– И что же будет потом? – Третье Лицо истерически приступило к виноградным.

– Потом они с Мартой начнут... разбираться с тобой, гаденыш.

– Со мной? – подавилось виноградными Третье Лицо. – С гаденышем? – Эта информация почти свела его в могилу, у края которой Третье Лицо все же задержалось, чтобы переспросить два раза.

Не гость кивнул и, тяжело вздохнув, отчитался:

– До чего ж это противно – все знать! Аж тошнит.

Качаясь на краю могилы и плюясь виноградными, Третье Лицо поинтересовалось:

– Головокружение наблюдается? Травм головы не было?

– Головокружение наблюдается, травмы головы почти каждый день, запоры и свищи, – откровенничал не гость.

– Печально слышать все это, – резюмировало Третье Лицо. – Лучше бы Вам вовсе не жить.

– Вы правы, – подхватил собеседник. – Не жилец я.

– А кто? – ужаснулось Третье Лицо.

– Да мертвец! – Признание сопровождалось тихим хохотом.

Третье Лицо на всякий случай отошло от могилы и испытало ужас.

– Я испытало ужас, – так и сказало оно.

– Естественно, – согласился Мертвец и аргументировал: – Я бы тоже испытал, будь я на твоем месте, а ты – на моем. Но, поскольку каждый из нас на своем месте, я совершенно спокоен. Жду вот, когда ты начнешь торговаться, получишь деньги, сбежишь из Палермо и будешь застигнут Рединготом и Мартой по пути в Южную Америку.

– Вам-то от этого всего какая польза? – поинтересовалось Третье Лицо. – Вы ведь мертвый уже!

– Дело в том, что я специально подослан к тебе Мартой – с целью проверить, дрянь ты или нет. Всякая дрянь бежит в Южную Америку.

– Я здесь пока, – напомнило Третье Лицо.

– Это не мешает тебе быть дрянью, – возразил Мертвец. – Дрянью становятся не по пути в Южную Америку: к этому моменту дрянью *уже* бывают. – Мертвец вздохнул. – Ну, давай становись дрянью, а то мне за дело пора.

– За какое? – струхнуло Третье Лицо.

– Окружность вместо тебя выкладывать. Из спичек. – И Мертвец вынул из кармана дешевого пиджака пачку лир. – Сколько отсчитать?

– Спички не продаются! – гордо сказало Третье Лицо и скисло. – Если меня все равно собираются ловить по пути в Южную Америку...

– Вот смешной ты какой! – неискренне улыбнулся Мертвец. – Тебе же это на роду написано. А чему, как говорится, быть, тому, как дальше говорится, не миновать. Ты ведь все равно не сможешь противостоять пагубной власти золотого тельца.

– *Золотого* тельца, – подчеркнуло Третье Лицо, – не смогу, конечно. А вот власти паршивых девальвированных лир очень даже смогу!

– Я так и думал, – сказал Мертвец и сразу вынул из кармана дорогих брюк маленького, но явно тяжеленького золотого тельца. – Взгляни, он прехорошенький, – равнодушно добавил Мертвец, крутя тельца в нежных пальцах.

– Еще какой прехорошенький! – Третье Лицо алчно схватило золотого тельца и принялось нацеловывать его.

– Ну, вот, – тотчас же утомился Мертвец. – А я что говорил – про пагубную власть?

– Это и говорил, – заверило его Третье Лицо и принялось бежать в направлении Южной Америки, крича на ходу:

– Остальные спички лежат в сарае за домом. Но, во-первых, они отсырели...

– На это мне наплевать! – перебил его Мертвец.

– ...а во-вторых, они уже один раз проданы – Главе сицилианской мафии!

– Ну, вот, – повторил себе Мертвец и еще немножко утомился. – А я что говорил? Дрянью становятся не по пути в Южную Америку: к этому времени дрянью *уже* бывают. Нет, как же это противно-то, а...– все знать!..

И Мертвец пошел за дом, где в сарае сразу увидел Главу сицилианской мафии: Глава сидела на корточках и считала отсыревшие спички.

– Привет, – сказал Мертвец. – Я Мертвец.

– Привет, – сказала Глава. – Я Глава.

– Здорово все сходится! – восхитился Мертвец и спросил в лоб: – Тебе отсыревшие спички зачем?

– Как это зачем? – обиделась Глава. – Окружность стану строить.

– Правильную? – подозрительно спросил Мертвец.

Глава смутилась и потупила глаза:

– Не очень... Потому что Сицилия не круглая, на ней правильной не получится.

– А как насчет... в масштабе полушария? – горячо прошептал в ухо Главе Мертвец.

– Восточного? – задала патриотичный вопрос Глава.

– Разумеется! – Мертвец прошептал это еще горячее – настолько горячо, что ухо Главы покрылось водяными пузырями. Глава

вскрикнула, а Мертвец тут же достал из кармана рубашки яичный белок и смазал им обгоревший участок уха Главы. Пузыри исчезли, боль как рукой матери сняло.

– Согласен, согласен... – заторопилась Глава. – Сейчас только клан в известность поставим...

Клан собрался со всей Сицилии за один час двадцать минут. Строго секретно. О цели собрания не сообщили никому. Палермо приветствовал свою мафию свежими цветами и старинными песнями. В песнях этих подробно рассказывалось о цели собрания.

– Я пригласил вас сюда для того, чтобы... – начала Глава.

– Да знаем мы для чего! – хором перебили мафиози Главу. – Об этом же в песнях поется!

– Кто сочинил песни? – строго спросила Глава.

– Великий итальянский народ! – с гордостью ответствовала мафия.

К великому итальянскому народу у Главы сицилианской мафии претензий не было. А уже через два часа перед красивыми глазами Марты лежала телеграмма следующего содержания:

«ЗАВЕРБОВАЛ СИЦИЛИАНСКУЮ МАФИЮ ПОМОЩНИКИ ЦЕЛУЮ ГУБЫ МЕРТВЕЦ МОЛОДЕЦ».

И тотчас же помчался в Палермо срочный ответ:

«ОКРУЖНОСТЬ СТРОЯТ ТОЛЬКО ЧИСТЫМИ РУКАМИ ИСКЛЮЧИТЬ УЧАСТИЕ МАФИИ ПРОФАНИРОВАНИЕ ИДЕИ ВЫЛЕТАЮ МЕСТО НЕ ЦЕЛУЮ НИКУДА МАРТА».

А мафия-то уже ползла по многострадальной сицилианской земле, грязными руками пролагая Абсолютно Правильную Окружность из спичек сначала тут!..

Понятное дело, что Мертвец, получив такую строгую телеграмму и сразу после этого пересчитав под ногами расползшихся в разные стороны мафиози, чувств не лишился: чувств у него и так никаких не было – одни функции. Но функции эти немедленно и заклинило – или что там бывает с функциями, когда их нет возможности исполнять? Именно это и случилось с функциями Мертвеца, ибо исключить участие мафии в построении Правильной Окружности из спичек было уже трудно: мафия копошилась всюду, оставляя грязными своими руками пятна на поверхности многострадальной сицилианской земли.

С отчаяния Мертвец плюнул себе под ноги, вследствие чего на Мертвеца тут же разорался находившийся там мафиозо, которого нервный в эту минуту Мертвец просто сразу и задушил, чтобы не отвлекаться на частности. Потом Мертвец подошел к Главе, ползавшей поблизости, и сказал ей:

– У вас тут у всех руки, я погляжу, грязные...

– В чем? – невпопад спросила Глава.

– В крови, – сразу сообразил Мертвец и для убедительности процитировал свой народ: – А кровь людская – не водица!

Глава крепко задумалась над мудростью чужого народа, но постичь мудрости не смогла и потому реагировала так:

– Понятное дело, не водица. Но и не грязь.

Этим ответом Глава фактически поставила Мертвеца в тупик, лишив его возможности действовать дальше речево. Потому-то Мертвец и ударил Главу по голове, решив парировать ответ смекалистой Главы физически. Глава обиделась и резюмировала:

– Нет ума – считай калека. – Потом долго терла голову и, наконец, опять заговорила: – Знаешь, как ты должен был ответить?

– Как, как? – загорелся синим пламенем Мертвец.

Глава тут же, с туристической просто сноровкой, затоптала пламя и объяснила:

– Ты должен был сначала спросить меня: «Почему же тогда говорят, например: руки кровью испачканы»? Тут бы я и не нашелся, что сказать.

– Почему же тогда говорят, например: руки кровью испачканы? – замахал после драки кулаками Мертвец.

– После драки кулаками не машут, – тоже сослалась на чей-то народ Глава.

– Ты на вопрос отвечай! – приструнил Главу Мертвец – и Глава, как и обещала, не нашлась, что сказать. Зато Мертвец нашелся и сказал: – Гадина ты поганая!

– Я один? – спросила Глава. – Или мне рассматривать это как оскорбление сицилианской мафии в целом?

Мертвец задумался. Разумеется, надо быть круглым дураком, чтобы оскорблять сицилианскую мафию в целом – мафию, распустившую свои щупальца по всему миру. Но, с другой стороны, оскорбить только Главу – этого, разумеется, мало. Так что Мертвец в конце концов ответил обтекаемо:

– Можешь рассматривать это как оскорбление части сицилианской мафии.

– Как велика оскорбляемая тобою часть сицилианской мафии? – спросила Глава.

– Сколько смогу передушить! – зарычал Мертвец.

– Не рычи! – поморщилась Глава и скомандовала ползающим по земле, как какие-то карапузы, мафиози:

– Пусть к Мертвецу подойдет столько, сколько он сможет передушить.

Удивительно, но ровно столько – ни больше, ни меньше – к Мертвецу и подошло. Передушив их, он распорядился насчет еще одной партии, потом – насчет другой, третьей... Наблюдающая за искоренением сицилианской мафии Глава сицилианской мафии вздохнула.

– О чем ты? – спросил Мертвец.

– Да так, – махнула рукой Глава и нехотя пояснила: – Никак не могу дождаться, когда услышу от тебя: всех не передушишь!

Мертвец передушил еще несколько партий, потом не выдержал и сказал:

– Всех не передушишь!

– Отбой, – скомандовала Глава и представители сицилианской мафии, стоявшие в очереди быть передушенными, вернулись к прерванному занятию – выкладывать спички по земле.

Мертвец тоскливо поглядел на несметные полчища все еще живых мафиози и сказал:

– Просто ума не приложу, что делать...

– А в чем проблема? – заинтересовалась Глава.

Мертвец протянул Главе телеграмму Марты. Глава прочла телеграмму со смирением травы перед ветром.

– Я этого и боялся... – горько произнесла она наконец. И добавила: – Ну что ж...

Конечно, Глава сицилианской мафии отнюдь не была намерена отказываться от громадья своих планов. И вовсе не по причине некоей специальной подлости сицилианской мафии – сицилианской мафии не понаслышке знакомо и благородство тоже. Дело просто в том, что идея построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек завладела сицилианской мафией целиком: идея эта сплотила кланы вокруг действительно великой задачи – да так, что навсегда забыты были раздоры, никто и не заговаривал о доходах-расходах... мафиози стали братья. Изредка встречаясь в свободное время, они обнимали недруг недруга, гладили по головам и трепали

по щекам, а также делали подарки, причем наиболее ценные – вчерашним своим врагам. Они называли враг врага уменьшительно-ласкательными именами и фамилиями, они переписывались, обклеивая конверты сердцами и голубями... Сицилия рыдала и говорила: «Вот как меняет людей волшебная сила великой идеи, когда она завладевает массами!»

Так что Глава прекрасно понимала: отними у мафиози возможность строить из спичек Абсолютно Правильную Окружность – перемрут все мафиози как один мафиозо! От тоски перемрут, от сознания собственной неполноценности, от комплекса изгоя. «Не допущу!» – сказала себе Глава, любившая мафиози, как сорок ласковых сестер, и срочно созвала Внеочередной съезд мафиози и им сочувствующих. На съезд явилась вся Сицилия: мафиози сочувствовал каждый. Пришлось проводить съезд на улице.

– Коллеги, – начала Глава, – здесь, под открытым небом, мы собрались с вами на внеочередной съезд, ибо времени на очередной у нас нет: Зеленая Госпожа уже в пути...

– Вы имеете в виду весну? – поинтересовался какой-то эксальтированный мафиозо.

– Я имею в виду Марту, голубчик мой прекрасный, – непонятно ответила Глава и понятно продолжала: – а Марта играет далеко не последнюю роль в истории построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Так вот, с минуты на минуту Марта будет

здесь, чтобы законно – я подчеркиваю: законно! – исключить наше участие в построении Окружности...

В толпе зарыдали.

– Я позволю себе перейти на латынь, – сказала Глава.

– Зачем? – спросил один из рыдавших.

– Чтобы меня хуже понимали, а стало быть, и менее остро реагировали.

– Валяйте, – сказал тот же голос.

Глава продолжала по-латыни:

– Спросите меня, заслужила ли сицилианская мафия такое к себе отношение...

– Заслужила ли сицилианская мафия такое к себе отношение? – тут же спросили Главу.

– …и я отвечу, – продолжала та: – да, заслужила! В историю двадцатого столетия...

– ...а это как раз и есть наше столетие! – с ужасом воскликнули многие.

– Именно что! – опять продолжала Глава. – Так вот, в историю двадцатого столетия сицилианской мафией вписаны мрачные страницы...

– Кошмар! – истерически крикнул кто-то и застрелился из пистолета.

– Мир его праху! – сказала Глава, поскольку застрелившийся немедленно рассыпался в прах.

– И пуху, – сказала жена застрелившегося, поскольку прах тут же превратился в пух и разлетелся по свету.

– И пуху, – поддержала Глава. – Итак, сицилианская мафия стала именем нарицательным...

– Кого им нарекают? – осторожно спросили из толпы.

Глава перешла на фарси, чтобы ее практически совсем не понимали, и сказала:

– Им нарекают всех ублюдков.

– Ах, ах! – закричал один старик, всосавший фарси с молоком матери и понимавший все оттенки богатого этого языка. Старик был главой самого влиятельного клана – клан назывался «Серая шейка». Старика любили в народе больше жизни. Поэтому, когда он умер – тотчас после своего выкрика, который тут же стал крылатым и принялся скорбно летать над головами собравшихся, равнодушных в толпе не оказалось. Нет, я, как всегда, ошибаюсь: один равнодушный в толпе все-таки нашелся. Он громко сказал: «Мне плевать на смерть этого старика – всеобщего любимца!» В ответ на это толпа начала скандировать: «Равнодушным не место среди нас!» – и заклеймила равнодушного сначала молчаливым, как сжатая нива, презрением, а потом – каленым железом. На клейме, поставленном прямо на лоб равнодушного, значилось: «Он не любит одного старика». С этого момента все избегали равнодушного и, едва завидев его, спешили на другую сторону другой улицы в другом городе.

Глава же сицилианской мафии, тем не менее, говорила дальше на фарси.

– Вот и получается, – говорила Глава, – что Марта, она же Зеленая Госпожа, права… то есть, сицилианская мафия не заслужила почетного права строить Абсолютно Правильную Окружность из спичек, ибо фактически поставила себя вне сразу всех людей доброй воли.

В толпе случилось тридцать три обморока – тридцать три раза благоухнуло валериановыми каплями, запах которых сделался настолько невыносимым, что стоявшие ближе других к обморочным действительно не вынесли и принялись валиться под ноги более выносливым. Более выносливые закричали оратору:

– Видишь, как люди падают? Завязывай, понятно все!

Глава усмехнулась и спросила:

– Что же вам понятно?

– Нам понятно, – ответили выносливые, – что наш долг – сначала искупить перед всеми людьми доброй воли вину сицилианской мафии, а только потом хвататься своими грязными ручищами за Абсолютно Правильную Окружность из спичек.

– Вот прекрасная формулировка, – подытожила Глава. – Однако уточним ее: мы должны успеть искупить свою вину до приезда Марты.

– Это можно по-быстрому провернуть! – выкрикнул некий легкомысленный представитель сицилианской мафии, у которого на

голове сидел орел, что символизировало один из наиболее кровавых кланов сицилианской мафии.

– Усомнюсь, – усомнилась Глава. – Усомнюсь, но все-таки спрошу: что же Вы предлагаете?

– Я предлагаю принести какую-нибудь человеческую жертву во имя всех людей доброй воли, – сказал легкомысленный представитель сицилианской мафии.

– Не надо больше крови! – взвизгнул некий впечатлительный мафиозо, и его начало рвать, как Умную Эльзу и Случайного Охотника в предшествующей главе. Быстро подойдя к нему, Глава сделала бедняге промывание желудка, от которого тот и скончался, больше не беспокоя общество своими проблемами.

– Предложение Ваше, – обратилась Глава, вытирая руки, к легкомысленному представителю сицилианской мафии, вытирая руки, – глупое, как и Вы сами.

– Извините, – извинился представитель, ушел в кусты и там отравился.

– Какие еще будут предложения? – бодро спросила Глава, сделав вид, что не заметила, как сильно обидела представителя.

– Пора от слов переходить к делу! – заявил один стихийный лидер, чье правое ухо располагалось на полсантиметра ниже левого, за что ему и дали грубую, но точную кличку «Стихийный Лидер, Чье Правое Ухо Располагается На Полсантиметра Ниже Левого».

– Такого предложения я и ждала! – зааплодировала Глава.

И сицилианская мафия сразу же перешла от слов к делу, несмотря на то, что многие невесть откуда взявшиеся случайные люди сразу заорали: «Это не ваше дело!»

Игнорируя их, сицилианская мафия строила по всему миру детские сады, оборудованные по последнему слову техники, пансионаты для престарелых, отвечающие самому высокому уровню мировых стандартов, и больничные корпуса, которым не имелось аналогов в отечественной медицинской практике. Тут же были спроектированы и построены учреждения общественного питания, где каждый желающий мог в любое время суток получить суп из чечевицы, те же, кто не переносил чечевицы, – суп-лапшу с куриными мозгами.

Оставшиеся в изобилии деньги употребили на культурные потребности, предварительно опросив всех людей доброй воли, какие у них культурные потребности. Все люди доброй воли быстро составили список, и выяснилось, что культурных потребностей у них много. На столько культурных потребностей сразу денег у сицилианской мафии не хватило – хватило лишь на то, чтобы издать и подарить всем людям доброй воли по богато иллюстрированной книге Умберто Эко под названием «Семиотика».

На последние деньги накупили пустых круассанов и накормили ими всех, в ком сохранилась хоть капля здравого смысла. Таких набралось немного – некоторым из них досталось даже по два пу-

стых круассана, съев которые они сразу сказали: «Лучше бы один, но с черной смородиной».

Все эти приготовления к приезду Марты на Сицилию были закончены часа за два-три, после чего сицилианские мафиози сели, сложа руки на брюхе, и принялись дожидаться Зеленую Госпожу. Через несколько дней ожидания вихрем пронесся слух о том, что Марта, Зеленая Госпожа, прибудет не скоро. Слуху не поверили и продолжали сидеть, сложа руки на брюхе. Более того, под боком у сицилианских мафиози уселись рядком потолковать ладком остальные жители прекрасной Сицилии, в силу чего на острове прекратили работу заводы, фабрики и фермы, вышли из строя пути сообщения, почта и телефон, закрылись все учреждения сразу, перестали торговать магазины и функционировать общественные туалеты... Действовал фактически только телеграф, где в окне приема и выдачи телеграмм денно и нощно трудилась одна очаровательная сицилианка по имени Клаудиа Скорци, которую характеризовали так: «Клаудиа Скорци, работающая на износ». Характеристика не отвечала действительности, поскольку телеграмм на Сицилию в течение всех последних недель не поступало. Зато по истечении последних недель поступила вдруг одна закрытая телеграмма, которую Клаудии Скорци так и не удалось открыть, сколько она ни старалась, а старалась она несколько дней, причем изо всех своих сил. Тут-то неожиданным образом и оправдалась характеристика ее как «работавшей на износ», поскольку Клаудиа Скорци вскоре совершенно

износилась, то есть пришла в полную негодность, принеся, таким образом, свою молодую жизнь в жертву профессиональному долгу. Когда ее похоронили на берегу ласкового Альборана, одному пьяному мужику с горя удалось открыть закрытую телеграмму. Прочтя ее, пьяный мужик протрезвел и пошел из сицилианского дома в сицилианский дом с вестью. Весть он зачитывал с листа, предъявляя всем желающим и не желающим (причем не желающие били вестника по лицу чем попало) не заверенную никем ксерокопию телеграммы следующего содержания:

«ПРИКАЗЫВАЮ ДОЛГО ЖДАТЬ МАРТА».

Мнения тех, кто знакомился с содержанием телеграммы, незамедлительно разделялись: некоторые из ознакомившихся утверждали, что в телеграмме недвусмысленно указано на необходимость ждать весны, а именно – первого весеннего месяца, другие настаивали, что «Марта» есть имя собственное и напоминает имя той особы, которой вот уже очень долго и очень тщетно дожидается вся Сицилия. Из-за расхождений в толковании телеграммы на острове начались конфликты. Толковавшие до сих пор ладком сделались друг другу заклятыми врагами – и Бог его знает, чем бы все это закончилось, если бы сама природа не пришла на помощь сицилианским мафиози и им сочувствующим.

Природа же проявилась весьма неожиданным образом: настал первый весенний месяц, март. Он принес с собой дожди и грозы, о чем местный поэт в своем исполненном редкостного вдохновения лирическом стихотворении высказался так: «Люблю грозу в начале марта». Стихотворение сразу же вошло во все школьные хрестоматии и стало любимым у сицилианской детворы. По утрам можно было слышать невинные детские голоса, сладко ворковавшие: «Люблю грозу в начале марта», с сильным сицилианским акцентом на «люблю».

Однако со временем стихотворение стало программным и ничего, кроме уныния и противных ассоциаций с начальной школой, уже не вызывало, поэтому его начали специально перевирать на все лады, пока – в силу стереотипности речевого поведения – не пришли к дежурной шутке: «Люблю грозу вначале. Марта».

К моменту завершения процесса освоения культурной (литературной) ценности на остров и приехала Марта. Она тоже принесла с собой дожди и грозы... во всяком случае, грозы... во всяком случае, одну грозу, как об этом пророчески и сообщалось в уже полюбившейся читателю народной поговорке «Люблю грозу вначале. Марта».

Марта пришла на Сицилию пешком по причине бездействующих путей сообщения – этого, вообще говоря, следовало бы ожидать автору настоящего художественного произведения, склонному к неумеренной гиперболизации. Но он сначала не ожидал – только

потом стал ожидать, когда уже было поздно. Впрочем, *дело не в авторе – дело в персонаже* (как видите, я только что походя сформулировал один из основополагающих законов искусства: о законе этом нам впоследствии еще придется поговорить).

Придя на Сицилию, Марта сразу сказала:

– Добрый день. Я Марта.

После этого сицилианская мафия, не дав Марте возможности больше сказать ни слова, предложила ей отчет о проделанной работе по искуплению своих грехов перед всеми людьми доброй воли. Отчет был представлен в письменной форме. Ознакомившись с отчетом, Марта вынесла свой приговор. Он звучал сурово.

– Зря вы все это сделали. Грехов ваших все равно ничем не искупить. Не разрешаю никому из вас строить Правильную Окружность из спичек.

– Да кто вы такая, чтобы разрешать или не разрешать строить Правильную Окружность из спичек? – спросили сицилианские мафиози, и в вопросе их прозвучала обида на Марту, которой она, к сожалению, не услышала.

– Я Зеленая Госпожа, – в первый раз за все художественное произведение сказала о себе самой Марта: до этого так характеризовали ее лишь другие.

– Ну и пошла ты в задницу, Зеленая Госпожа, – сказали сицилианские мафиози и посадили Марту в коррумпированную тюрьму, где уже долгое время содержался в камере одиночного заключения

ее друг – Мертвец-молодец. Догадавшись об этом, Марта тут же стала перестукиваться с ним через стенку, используя свои и его познания в азбуке Морзе.

ГЛАВА 13
Сукцессивное развитие кое-каких других событий

Те, кто все еще испытывает некий культурный шок от финала только что прочитанной 12-ой главы, могут быть спокойны: они не одиноки. В подобном же состоянии пребывает и автор данного художественного произведения, который прекрасно отдает себе отчет в том, что оскорблений подобной силы в адрес главной героини – Марты! – еще не звучало на этих страницах. И прав будет читатель, который во всеуслышание заявит: «Ну, это уж вообще ни в какие ворота!..» – именно потому прав, что так оно и есть: это уж вообще ни в какие ворота. С другой стороны, понимает автор и то, что единство его взглядов с читателем, может быть, и отрадно авторскому сердцу, но вот самому читателю от этого ни жарко, ни холодно: он не столько озабочен настроениями автора, сколько судьбой героев. Между тем тут автор может кое-что сказать уже от себя: ему, автору, тоже вообще-то плевать на самочувствие читателей, потому как его, автора, тоже волнует исключительно судьба героев. Многие немедленно заметят: ничего себе, дескать, логический ход... совершенно, дескать, некорректный! Читатель-то не может облегчить судьбу героев, а автор – сколько угодно!..

Это, конечно, верно: сила на стороне автора, спорить нечего. Однако давайте зададим себе вопрос: а толку? Автор, разумеется, в любую минуту может послать к черту хоть и сицилианских мафиози – за ним не заржавеет, но как тогда быть с жизненной правдой? Кто станет нести за нее ответственность? Не читатель же! Читатель он ведь кто? Читатель он ведь истерик. Чуть что не по нему – он тут же бац! – и переженил всех положительных героев из сострадания к ним. А всех отрицательных казнил, опять же из сострадания к положительным, – и дело с концом. Причем, ему, читателю, по барабану, бывает так или не бывает. В то время как *так* – не бывает! Бывает, скорее всего, вообще наоборот: отрицательные герои переженива-ются, а положительные отправляются умирать.

Говорится это, разумеется, не к тому, что автор данного художественного произведения прямо сейчас поведет, допустим, Марту на верную погибель... впрочем, надо признаться, это было бы совсем неплохо! Главная героиня умирает в корчах, читатель в предобморочном состоянии, а автор уходит в описание придорожных кустов, насвистывая «Listky do památniku» Фибиха. Это ли не катарсис?

Однако же... нет. Вся беда в том, что существует жизненная правда! И против нее не попрешь, будь ты хоть Данте Алигьери. Она, жизненная правда, придет и скажет: припади и попей из реки по имени факт! И пусть внутренний голос твердит тебе с интонациями сестрицы Аленушки: «Не пей, братец, козленочком станешь!» ... а припадаешь и пьешь: куда ж деваться?

...Нагое существо говорило, пело и танцевало на льду, словно выступая с произвольной программой – причем совершенно произвольной! – на международном чемпионате по фигурному катанию.

– Оно говорит, поет и танцует – подобно людям! – восхитился Карл Иванович, внутренний эмигрант, трясясь всем полным своим телом, как умело приготовленный, но неумело подаваемый на стол пудинг.

– Не твое дело, проницательный прохожий! – грубо выразился окрестный эскимос, также наблюдавший за эволюциями нагого существа.

– Почему это Случайный Охотник ведет себя, как гейша? – строго спросил из-за спины эскимоса Деткин-Вклеткин. Эскимос вздрогнул, обернулся на знакомый до головной боли голос и оказался все тем же – давным-давно наскучившим – эскимосом по имени Хухры-Мухры.

– С приездом! – кисло сказал он Деткин-Вклеткину.

– Спасибо, коли не шутим, – подозрительно отозвался Деткин-Вклеткин. – Чего не за работой?

– Закончил только что – не видите? Отдыхаю теперь. – Хухры-Мухры победоносно кивнул в сторону говорящего, поющего и танцующего Случайного Охотника

– А этот... развлекает Вас? – Деткин-Вклеткин все никак не мог осознать ситуации.

Хухры-Мухры чертыхнулся на родном ему языке и объяснил – на общепонятном:

– Значит, так. Я уж не тот, что был когда-то, образно говоря. Недавно во мне проснулся художник.

– Какой конкретно? – оживился Деткин-Вклеткин, неравнодушный к искусству. – Как его имя?

– Хухры-Мухры его имя! – злобно сказал Хухры-Мухры, явно не оправдав ожиданий Деткин-Вклеткина.

– Художников с такими именами не бывает, – окончательным голосом заявил тот. – Если бы во мне проснулся художник с таким паскудным именем, я задушил бы его! – И вежливо осведомился: – А Вы как поступили?

– Гуманнее, – ухмыльнулся Хухры-Мухры. – Нас, эскимосов, вообще отличает гуманизм.

– От кого отличает? – этнографически заинтересовался Деткин-Вклеткин, но ответ получил непрофессионально-уклончивый:

– От прочих! Поэтому я не задушил в себе художника – напротив, я создал ему условия для работы. И вот результат моего титанического труда! – Хухры-Мухры опять кивнул на Случайного Охотника, теперь уже практически всем телом кивнул.

Деткин-Вклеткин пристально вгляделся в ненавистные черты родного лица, пытаясь представить себе Случайного Охотника результатом титанического труда Хухры-Мухры. Попытка не удалась, и Деткин-Вклеткин обобщенно сказал:

– Хреновый результат. Каково имя – таков и результат. Кстати, – вспомнил Деткин-Вклеткин, – почему он все же ведет себя, как гейша?

– Что такое «гейша»? – спросил Хухры-Мухры, со второго раза освоив трудное слово.

– Гейша, – взял на себя ответственность впавший в молчание, как в детство, Карл Иванович, внутренний эмигрант, – это такая японская женщина-проститутка.

– Почему же обязательно проститутка? – обиделся Деткин-Вклеткин и с испугом посмотрел на обидчивого Случайного Охотника. К счастью, тот, ничего не замечая, говорил, пел и танцевал – подобно людям. Зато внезапно обиделся Хухры-Мухры. Он свирепо посмотрел на Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и, сжимая в руке ледоруб, сказал ему:

– Я думал, ты уже прошел, проницательный прохожий. Но ты не прошел. Ты проходишь долго. Как тяжелая болезнь. – И Хухры-Мухры съездил Карлу Ивановичу, внутреннему эмигранту, ледорубом по толстому туловищу. Туловище упало – точь-в-точь налитый спелостью пшеничный колос.

– Кто был этот пшеничный колос? – запоздало осведомился Хухры-Мухры.

– Да так, – сказал Деткин-Вклеткин, – африканский сувенир один. Называется «карл-иванович-внутренний-эмигрант».

– Паршивый сувенир, – откровенно сказал Хухры-Мухры и аргументировал: – Невыразительный.

– С ним была еще сувенирная «баба-с-возу», тоже невыразительная, – отчитался Деткин-Вклеткин. – Но она вмерзла в лед по дороге.

– Что она сделала по дороге?! – с неподдельной страстью маньяка тут же раз сто переспросил Хухры-Мухры.

– Вмерзла в лед, – из бездны забытья прошептал Карл Иванович, внутренний эмигрант, он же африканский сувенир.

– Повтори лишний раз! – взмолился Хухры-Мухры с противоестественной интонацией.

– Повторяю, – прошептал оттуда же скупой в данный момент на слова Карл Иванович, внутренний эмигрант, – вмерзла в лед.

– Далеко это отсюда? – вдруг деловито, вообще без эмоций, спросил Хухры-Мухры, вскидывая ледоруб на плечо.

– Километрах в пяти, – с надеждой откликнулся Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Пока! – просто сказал Хухры-Мухры всем, кто был, а для Деткин-Вклеткина отдельно добавил: – *Это* сильнее меня. И Вас.

– О чем Вы? – поинтересовался было Деткин-Вклеткин, но след от Хухры-Мухры простыл уже настолько, что даже покрылся толстой коркой льда.

Деткин-Вклеткин подошел к Случайному Охотнику и спросил его, не дожидаясь, пока тот замолчит:

– Что тут было, пока меня не было?

Не переставая говорить, петь и танцевать – подобно людям, Случайный Охотник уточнил:

– Мне отвечать?

Деткин-Вклеткин махнул рукой и обернулся к Карлу Ивановичу, внутреннему эмигранту. Тот за это время настолько оклемался, что уже развел костерок, добыв огонь трением палочек Коха, и вовсю жарил застреленную им по несчастному случаю олениху, причем использованные палочки Коха валялись тут же на снегу.

– Я понял все. Случайный Охотник заснул, вмерз в лед, а Хухры-Мухры вырубил его ледорубом и считает теперь своим произведением. Видимо, скоро он вырубит изо льда еще и Бабу-с-Возу.

– Я это давно уже понял, – отвечал жирными губами Карл Иванович, внутренний эмигрант, быстро и с аппетитом доедая олениху. – Не надо было много ума, чтобы это понять.

Деткин-Вклеткин посмотрел на него с насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом и сказал:

– Наелись? Теперь за дело – втроем-то у нас быстрее получится.

– Пусть сначала палочки Коха со снега уберет, – неожиданно вмешался Случайный Охотник. – А то перезаражает тут всех... Иначе я не пойду Окружность строить. Я уже строил, когда тебя тут не было... целых сто метров построил, пока не заснул. – Говоря это, он исполнял высокие красивые соте.

– Вы тоже заканчивайте давайте с Вашей произвольной программой на льду. Ведите туда, где Окружность, – полюбовавшись на соте, сказал Деткин-Вклеткин. – Что касается палочек Коха, то они при такой температуре пассивны.

– При такой температуре все пассивны, – мурлыкнул уже заснувший Карл Иванович, внутренний эмигрант.

Ударив его босой ступней в живот, Деткин-Вклеткин разбудил Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, такими лаконичными словами:

– Сон – смерть.

– Schon voll kapiert[9], – отозвался на языке предков внезапно разбуженный Карл Иванович, внутренний эмигрант, привстав с подтаявшего под ним снега. Потом крепко выразился по-русски: – Эх, Деткин-Вклеткин, лучше б Вы нас с Бабой застрелили в Африке из дамского пистолета – там бы мы и умерли!..

– Умирать на родине надо, – строго сказал Деткин-Вклеткин, останавливая ламентации.

Все еще пританцовывая, Случайный Охотник вдруг засуетился:

– Можно я тогда умру уже? Дело в том, что тут моя Родина.

– Вот закончим с Окружностью, тогда и умрете, – оборвал его Деткин-Вклеткин, на секунду вспомнив далекий Санкт-Петербург, брега Невы и бегущую по песку девочку Марту в трусиках горошком.

---

[9] Схвачено (нем.).

– А когда мы закончим с Окружностью? – робко спросил Случайный Охотник, крутя пируэт.

– Это от того зависит, сколько вы тут вдвоем без меня наработали. – Деткин-Вклеткин практически ничего хорошего не ждал.

Окружности они не обнаружили вообще: Окружности просто не было.

Деткин-Вклеткин схватил Случайного Охотника за стройную ногу, которой тот как раз совершал рон-де-жан-а-партер-ан-дедан, практически только что разделавшись с рон-де-жан-а-партер-ан-деор'ом. Стройная нога отказалась служить Случайному Охотнику, вознамерясь, со всей очевидностью, служить отныне Деткин-Вклеткину.

– Где Окружность? – со слезами сразу на глазах, висках, щеках и губах спросил Деткин-Вклеткин, держа стройную ногу в крепкой руке.

– Казалось, должна была быть, – переборщив с глаголами, ответил Случайный Охотник.

– Чего с глаголами-то перебарщивать? – поморщился Деткин-Вклеткин, выпуская ногу из руки.

Случайный Охотник со страшным грохотом упал на лед, обагрив его своей молодой кровью. Деткин-Вклеткин оживился и написал кровью Случайного Охотника на чистом участке ледяной поверхности: «Никогда не следует перебарщивать с глаголами». Случайный Охотник прочел надпись и выучил ее наизусть, но выучил

неправильно, а именно так: «Никогда не следует перебарщивать с голыми» – и потом никогда уже не смог переучиться. Тут автор вспомнил, наконец, что оба персонажа, стоящие перед ним, в данный момент, мягко говоря, не одеты: Деткин-Вклеткин давно уже пребывает в одних трусах, а Случайный Охотник… даже и вообще стыдно сказать. Впрочем, Случайный Охотник есть сейчас бессмертное произведение искусства, вызванное к жизни самобытным талантом эскимоса Хухры-Мухры, а произведения искусства почти все голые. Взять хоть Аполлона Бельведерского. Потому-то автор и решает не озабочиваться особенно количеством голых прямо сейчас, тем более что из *людей* – да и то людей под вопросом! – в нашем художественном произведении голый всего один, Деткин-Вклеткин. Но он не мерзнет, ибо он не просто персонаж: он герой. У героев же всегда проблемы с одеждой – автор, например, прекрасно помнит замечательное по точности выражение из провинциальной области детства: «Герой! Портки с дырой...» Что же касается второго голого, то он на данный момент – как сказано, но скажем еще раз – произведение искусства.

Не замечая своей... – хотел написать «голости», но придется написать «обнаженности», несмотря на торжественность и некоторую «женскость» этого слова, – так вот: обнаженности, Деткин-Вклеткин заползал (ударение на втором слоге – иначе получается, что Деткин-Вклеткин насекомое... что, впрочем, тоже легко может быть!) по льду, касаясь его мягким своим животом, – в поисках спичек или

хоть каких-нибудь их признаков. Но не обнаружил и признаков. Тогда Деткин-Вклеткин обратился к Случайному Охотнику, который давно уже встал со льда и теперь опять пел и танцевал подобно людям:

– Вы не напомните мне основные признаки спичек?

– Способность гореть! – злобно пошутил тот, вконец смутив своей шуткой Деткин-Вклеткина, давно запретившего себе смотреть на спички потребительски. Потом Случайный Охотник смилостивился и добавил: – А также наличие серы и древесины.

– Позвольте мне вмешаться! – попросил стоявший вдалеке от событий Карл Иванович, внутренний эмигрант.

Ему никто не позволил, но он все равно вмешался:

– Признаком спичек является также их способность выжигать глаза.

Случайный Охотник завершил несколько отточенных до совершенства деми-плие, твердым шагом подошел к Карлу Ивановичу, внутреннему эмигранту, и сказал:

– Что за гадость, право!

Он так и закончил высказывание – красивым «право».

Карл Иванович, внутренний эмигрант, быстро покраснел и неуклюже объяснился:

– Дело в том, что я прибыл из Африки, – там спичками глаза... выжигали.

– Тебе? – Случайный Охотник с неприязнью вгляделся в полноценные глаза собеседника. Потом странно сказал: – Выжигали, а не выжгли... Давай я выжгу?

– Да не мне, не мне выжигали, – заторопился Карл Иванович, внутренний эмигрант, и отрапортовал: – Туземцам.

Случайный Охотник еще раз вгляделся – теперь уже во всего Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и, узрев-таки внутри него эмигранта, содрогнулся от отвращения.

– Ты мне, несомненно, противен! – сказал он откровенно, как перед лицом закона. И так же откровенно добавил: – Больше всего на свете я хотел бы отныне никогда в жизни не видеть тебя. – Потом Случайный Охотник задумался и сказал со слабой надеждой: – А ты точно только *внутренний* эмигрант?

– Исключительно внутренний, – определенно ответствовал Карл Иванович, действительно таковым будучи.

– Жаль, – подытожил Случайный Охотник. – Тогда придется мне, видимо, застрелить тебя из ружья, валяющегося где-то неподалеку. Или придушить, как последнюю собаку, придушенную мною в детстве, если мне придется с сожалением обнаружить, что в ружье кончились патроны.

– Ни стрелять, ни душить никого нельзя, – запретил Деткин-Вклеткин, в лупу разглядывая трещины на льду. Лупа была у него с собой всегда, автор просто ничего об этом не говорил.

– Из человеколюбия? – впал в банальность Случайный Охотник.

– Из экономии человеческих ресурсов, – оригинально возразил Деткин-Вклеткин. – Согласен, этот Карл Иванович, внутренний эмигрант, противен до умопомрачения, но хороших в этих краях сроду не водилось: кто ж из хороших поедет сюда?

На этот вопрос, фактически обращенный к небу, ответило почему-то не небо, а вовсе Случайный Охотник, причем ответил не разумно, как сделало бы на его месте небо, а совсем глупо и невпопад:

– В твоих словах, – произнес он, выполняя тандю-батман и мурлыкая «Корсара», – мне удалось услышать намек на меня лично, а именно – на мою недоброкачественность.

– Как это Вам удалось? – искренне поразился Деткин-Вклеткин.

– С первой попытки, – переходя к водным процедурам, спокойно сказал Случайный Охотник. – Будучи существом, живущим именно в этих краях, я быстро заметил, что должен распространить заключение «хороших в этих краях сроду не водилось» на себя лично.

– Ай, молодец! – восхитился Деткин-Вклеткин. – Я вообще-то не имел намерения касаться Вас лично, но, если так уж само собой автоматически получилось, сердечно рад.

Водные процедуры Случайного Охотника имели самые неожиданные последствия: от горячей воды снежок начал таять и сквозь

него, как нежные весенние ростки, проглянули вмерзшие в лед спички.

Деткин-Вклеткин от слишком внезапной радости сразу же потерял сознание, сохранив при этом, к счастью, бытие, которое незамедлительно и определило, что сознание потеряно, поскольку бытие определяет сознание. Чтобы привести Деткин-Вклеткина в сознание, воспользовались старинным средством, известным в народе как мочегонное.

Изгнанная с привычного места моча, к сожалению, не смогла никуда пристроиться... но анализировать ее поведение автору дальше отчасти неприятно, отчасти неловко, потому он и сообщит лишь результаты анализа, а они таковы: сознание, слава Всевышнему, к Деткин-Вклеткину вернулось, причем вернулось даже больше сознания, чем было потеряно, хотя раньше казалось, что сознания у Деткин-Вклеткина и так предостаточно. С бóльшим количеством сознания Деткин-Вклеткин принялся понимать так много, что даже самое бойкое перо не опишет. Он в слезах по пояс взирал на тоненькую полоску из спичек, в своем уме уподобляя ее полоске солнечного света под затворенной дверью, и, в конце концов, охваченный поэтическим вдохновением, сказал:

– За этой дверью – другой мир, большой и светлый, который не знает горестей и печали!

Случайный Охотник, приостановив серию безукоризненных заносок, начал плакать, как Menschenskind[10], – настолько глубоко тронули его простые слова Деткин-Вклеткина. Да и Карл Иванович, внутренний эмигрант, всплакнул часок-другой.

Время, незаметно пробежавшее за реагированием на приведенные выше к общему знаменателю слова, Деткин-Вклеткин умело использовал для того чтобы доползти по льду до того места, где кончалась окружность из спичек, вынуть из трусов аккуратно сберегаемую там и позаимствованную в Африке спичку, найти быстрыми глазами возок со спичечными коробками, наполовину занесенный снегом, и начать сзывать плачущих.

– За работу, полно плакать! – бодрым голосом сказал он, неожиданно для себя воспользовавшись украшением российской поэзии – хореем, и раскрыл первый коробок, личным примером демонстрируя готовность далеко пойти.

Хорей и задал ритм самозабвенному труду. Этот самозабвенный труд даже Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, превратил в поэта, и тот выступил с таким нехитрым творением:

– Самозабвенному труду не предпочту я ерунду! – причем на него посмотрели с удивлением, ибо, во-первых, это был ямб, а во-вторых, разве что круглый дурак в подобном случае оказал бы предпочтение ерунде.

---

[10] Дитя человеческое (нем.).

Они трудились в поте лица и тела: Деткин-Вклеткин сосредоточенно и сурово, Случайный Охотник – пританцовывая и припевая: «Как будто два крыла природа мне дала – пришла моя пора!», Карл же Иванович, внутренний эмигрант, – тяжело отдуваясь от невесть откуда взявшихся над ним жирных летних мух и аккуратно прихлопывая пластиковой мухобойкой к бескрайней ледяной пустыне наиболее надоедливых из них.

Вот тут и возникла на горизонте голая баба.

В общем-то, не сказать чтобы автор не отдавал себе отчета в том, что словосочетание «голая баба» способно быть притягательным только для самого низкопробного читательского вкуса. Так и мнится, как один представитель низкопробного читательского вкуса восторженно говорит другому: «Слышь, земляк... (а представители низкопробного читательского вкуса именно так друг к другу и обращаются: земляк!) – я тут на днях ознакомился с одним художественным произведением литературы – слышь... (представители низкопробного читательского вкуса всегда употребляют это выразительное слово дважды, а то и трижды!) – там сплошь голые бабы в пространственно-временном континууме (представители низкопробного читательского вкуса обожают эту точную формулировку!)». Но ты, мой читатель, поймешь, вне всякого сомнения, что голая баба введена в структуру текста отнюдь не в угоду низкопробному читательскому вкусу... да и не голая баба это, в сущ-

ности, вовсе, а наша с тобой голая Баба, с которой мы давно уже и хорошо знакомы по 10-й главе – правда, тогда она еще была одетая и с воза, но... как правильно говорили в Древнем Риме, «tempora mutantur, et nos mutamur in illis» (что в переводе на наш с тобой, о читатель, сочный язык означает «всякому овощу свое время»), короче (а короче уже настоятельно требуется, ибо предложение неумолимо затягивается, подобно смазанной тюленьим жиром петле вокруг мускулистой шеи), голая баба есть не голая баба, а голая Баба – и пусть прописная буква, сопровождающая эту Бабу, успокоит тебя, мой читатель!

Итак, повторяю почти в точности: «Тут-то и возникла на горизонте голая Баба с большой буквы». И, надо заметить, возникла отнюдь не одна, но в неприятной компании эскимоса Хухры-Мухры...

Компания только издали казалась неприятной, приблизясь же, оказалась просто приятней некуда – доселе занятые спичками персонажи аккуратно положили спички на лед и залюбовались подошедшими.

– Приятные люди, – честно начал Деткин-Вклеткин, а закончил еще честнее: – Хотя раньше казались омерзительными.

Случайный Охотник и Карл Иванович, внутренний эмигрант, согласились с ним сначала целиком, а потом – чтобы не было сомнений – еще и полностью.

– Знаете, что сделало нас такими? – в один голос спросили Хухры-Мухры и голая Баба с большой буквы.

– Да нет, откуда же... – продолжал быть честным Деткин-Вклеткин.

– Мы так и подозревали! – возликовали Хухры-Мухры и голая Баба с большой буквы. – Такими сделало нас искусство.

– Какое конкретно искусство? – придрался высокообразованный Деткин-Вклеткин.

– Конкретно искусство ваяния, – стремглав ответили Хухры-Мухры и голая Баба с большой буквы: было видно, что ответ на данный вопрос подготовлен ими заранее. Это растрогало Деткин-Вклеткина, но он и виду не подал.

Не чуткий ни к чему прекрасному, кроме своих же гадких самодельных виршей (которые автор чуть выше неосторожно квалифицировал как произведения «поэта»), Карл Иванович, внутренний эмигрант, сказал в ледяное пространство:

– Почему у меня такая голая жена?

– Вы кого имеете в виду, – с ужасом спросила голая Баба с большой буквы, глазами поискав вокруг себя других особ женского пола и не найдя больше ни одной.

– Вас, – просто, но с испугу тоже на «вы», ответил Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Разве мы знакомы? – Голая Баба с большой буквы принялась во все свои чудом уцелевшие глаза рассматривать старикана, на гу-

бах которого ослепительно блестел жир съеденной им в одиночестве оленихи. Так и не узнав, в конце концов, Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, голая Баба с большой буквы обратилась к Хухры-Мухры: – Мастер, неужели Вы изваяли и этого... и это произведение?

Хухры-Мухры сделал еще один шаг вперед – и стоявшие перед ним зажмурились: настолько красив был теперь Хухры-Мухры.

– Искусство преобразило меня, – хорошо поставленным на почетное место голосом начал Хухры-Мухры. – Но по отдельным едва заметным чертам присутствующие смогут, наверное, опознать во мне знакомого им эскимоса Хухры-Мухры.

– Вы больше не эскимос разве? – воодушевился Карл Иванович, уловив в высказывании Хухры-Мухры едва заметные эмигрантские нотки.

– Я бы попросил Вас – насколько могу любезно, – обратился к нему преображенный Хухры-Мухры таким образом, каким вообще в жизни никогда не обращался ни к кому: во-первых, на «вы», во-вторых, с изысканностью аристократа плоти и крови, – не торопиться задавать следующий вопрос, пока Вы не получили ответа на предыдущий.

– Да я уж и не чаял получить ответ на предыдущий, – пробурчал Карл Иванович, покосившись на примолкшую в стороне голую Бабу с большой буквы. Та сразу вздрогнула от нехорошего воспоминания.

– А вот и напрасно! – дружелюбно рассмеялся преображенный Хухры-Мухры. – Оскорбив голую Бабу с большой буквы (назвав ее своею женой, я имею в виду), Вы, тем не менее, не утратили права на то, чтобы получать ответы на все интересующие Вас вопросы. – Вас же, насколько я понимаю, интересует вопрос, почему эта особа обнажена. С удовольствием отвечаю на поставленный Вами вопрос...

– Вы стали просто вежливей меня, – против воли перебил его Деткин-Вклеткин, – а я, между прочим, еще недавно был самым вежливым персонажем в этом художественном произведении!

– Да полно, полно!.. – обезоруживающе улыбнулся Хухры-Мухры, в улыбке обнаружив ослепительно белые зубы, весело перемежающиеся со свежевставленными золотыми. – Если позволите, я продолжу отвечать на вопрос Карла Ивановича, внутреннего эмигранта. Так вот... данная особа обнажена потому, что она прекрасна, а все прекрасное должно быть голым, как данная Баба с большой буквы. Это было «во-первых» – если вдруг Вы начнете считать. Во-вторых, данная голая Баба с большой буквы вырубалась уже не тем новичком-неумехой, который вырубил во-о-он того стоящего в стороне окровавленного урода, но ваятелем со стажем...

Случайный Охотник, на которого Хухры-Мухры небрежно указал кивком монументальной своей головы, тут же прекратил осуществлявшуюся им подготовку к переходу в аттитюд и принялся так смотреть на Хухры-Мухры, что любой бы на месте Хухры-Мухры в гробу перевернулся. Однако тот не только не лег в гроб и не только

не перевернулся там, но и вовсе не взглянул на Случайного Охотника больше ни разу. От этого у Случайного Охотника все поплыло перед глазами кролем, и с отчаянья он, изящно чередуя гекзаметр с пентаметром, даже сочинил песнь, полную неподдельного страдания, две первые строки которой звучали так:

> Нет, не отец ты мне вовсе, ты жалкий и подлый обманщик.
> Я бы тебя удавил – рук неохота марать!

Напевая эту песнь, Случайный Охотник стал так, чтобы Хухры-Мухры вообще не попадал в поле его зрения, и внимательно слушал злодея дальше. Кровь же он сразу старательно смыл, растопив часть снега в большом чане, который на протяжении всей главы был аккуратно закреплен у него за спиной и попросту не бросался в глаза.

– В чем на сей раз особенно проявилось мое мастерство, – продолжал Хухры-Мухры, игнорируя присутствие первого своего – неудачного, с его точки зрения, – творения (между тем, как остальные, глубоко проникшись искренним страданием отвергнутого сына, горько плакали над его печальной судьбой, на которую Хухры-Мухры время от времени чихал), так это в том, что мне впервые удалось добиться от ледоруба – неподатливого и, в сущности, грубого инструмента – поразительной точности. Ледоруб высек голую Бабу с большой буквы не только изо льда, но и из неприглядной одежды, покрывавшей бренное ее тело. Причем ни разу не коснувшись самого тела – и навеки сохранив его тепло и свежесть.

– Голой Бабе с большой буквы давно уже седьмой десяток пошел, – неизвестно зачем сказал Карл Иванович, внутренний эмигрант, неприятно удивив как голую Бабу с большой буквы, так, в общем-то, и всех остальных.

– Вы это к чему? – хором спросили остальные. В хоре грудным меццо солировала голая Баба с большой буквы.

– К тому, что как тепло, так и свежесть тела голой Бабы с большой буквы весьма сомнительны, – на сей раз совсем прямо высказался еще и плохо воспитанный, оказывается, Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– О таких вещах вообще не говорят вслух, – интеллигентно поморщился Деткин-Вклеткин. – Вношу предложение считать, что этого скотского замечания – я имею в виду только что прозвучавшее замечание об отсутствии тепла и свежести в теле голой Бабы с большой буквы – никто из присутствующих, особенно голая Баба с большой буквы, не слышал. Кто за это предложение, прошу голосовать.

Руки подняли все – включая Карла Ивановича, внутреннего эмигранта.

– Вам руку поднимать не надо было, – холодно (градусов эдак под минус 25-27) заметил Деткин-Вклеткин. – Ведь именно Вы сказали об отсутствии тепла и свежести в теле голой Бабы с большой буквы. Мы же голосовали как раз за то, чтобы считать, будто мы ни-

чего про отсутствие тепла и свежести в теле голой Бабы с большой буквы не слышали!

– Про что мы не слышали, простите? – переспросил тупой Карл Иванович, внутренний эмигрант, который, похоже, голосовал еще и автоматически, думая вообще о чем-то другом.

– Повторяю, – терпеливо отвечал Деткин-Вклеткин. – На повестке дня стоит вопрос: сохранились ли в теле голой Бабы с большой буквы, которой, как Вы бестактно заметили, уже далеко за шестьдесят, тепло и свежесть. Вы позволили себе хамски утверждать, что тело голой Бабы с большой буквы не тепло и не свежо более. От такой характеристики нас всех тут взяла оторопь...

– Меня тоже взяла оторопь? – решил поставить все точки над «i» Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Да что ж ты за дурак-то за такой! – не выдержал Случайный Охотник и с досады оторвал Карлу Ивановичу, внутреннему эмигранту, усы, которые – вот тоже нелепость! – оказались наклеенными. – Пойми же наконец: о тебе вообще речи нет! Ты уже сделал свое дело, то есть сказал, что телу голой Бабы с большой буквы не присущи тепло и свежесть по причине ее преклонного возраста! Мы же – остальные – голосуем за то, чтобы считать, будто мы – остальные – не слышали ничего про холодное и несвежее тело старой этой голой Бабы с большой буквы, неужели так трудно понять?

– А по-моему, – сказал Карл Иванович, внутренний эмигрант, – шестьдесят лет – еще не старость.

– Как же не старость! – возмущался Случайный Охотник. – Конечно, старость! Но говорить об этом в присутствии голой Бабы с большой буквы – свинство! А еще большее свинство – подчеркивать, будто, пребывая в этой глубокой старости, голая Баба с большой буквы имеет холодное и дряблое тело! Мы решили проголосовать, что мы от тебя про эту развалину вообще ничего не слышали, понял?

– Конечно, не слышали! – рассвирепел Карл Иванович, внутренний эмигрант. – Оно так и получается, что не слышали! Я всего-то и сказал, что тепло и свежесть ее тела под сомнением! А вы тут уже начинаете: развалина, тело холодное, дряблое... Что до меня, то, по-моему, тело это все равно прекрасно!

– Ты опять не понял! – рассмеялся Случайный Охотник. – Сам посуди, как может быть прекрасным такое тело? Голая Баба с большой буквы просто уже, считай, покойница, а тела покойников – я имею в виду не погребенные, не преданные, то есть, земле – не только холодные и дряблые, но еще и воняют страшно! А голосуем мы за то, что мы этого не слышали. Ты же голосовать не должен, понятно?

Карл Иванович, внутренний эмигрант, весь подобрался и побежал на Случайного Охотника, как зверь на ловца, – очень даже при этом набычившись. Случайный Охотник отскочил в сторону – и Карл Иванович, внутренний эмигрант, растянулся весь по поверхности Северного Ледовитого океана.

В это время остальные быстро проголосовали, за что хотели, и Хухры-Мухры начал отвечать на второй вопрос Карла Ивановича, внутреннего эмигранта.

– Начинаю отвечать на второй вопрос, – так и сказал Хухры-Мухры. – Сначала позволю себе напомнить содержание вопроса. Вопрос был сформулирован так: разве Вы не эскимос больше? Нет! – скажу я с полной определенностью. Не эскимос я больше. Я теперь дитя мира.

– Почему дитя? – неаккуратно спросил Деткин-Вклеткин. – По-моему, как дитя Вы крупноваты.

– Я не Ваше дитя, – нашелся Хухры-Мухры. – Не Вам и судить.

– Я тоже дитя мира, – сказал вдруг Карл Иванович, внутренний эмигрант.

Деткин-Вклеткин на сей раз смолчал. А Хухры-Мухры, наоборот, не смолчал. Он изучил пристальным взглядом художника внешний вид и внутренний мир Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и сделал медицинское заключение:

– Допускаю, что Вы тоже дитя, как и я. Только я дитя талантливое, а Вы бездарное. – Потом он хорошенько подумал и добавил: – Наверное, я буду Вас дразнить. Боюсь, что даже бить буду. Но потом. Сейчас у меня другая задача.

Не назвав задачи, Хухры-Мухры тут же приступил к немедленному ее исполнению. Он взял ледоруб наперевес, как винтовку, и трусцой направился к стоящему в отдалении Случайному Охотни-

ку, с полных губ которого срывались и улетали на юг проклятия. Подбежав к нему, Хухры-Мухры замахнулся ледорубом и – ...

...Описывать убиение Случайного Охотника автор собирается долго и чрезвычайно подробно. Он предполагает нарисовать картину, равной которой по силе и убедительности не знает мировая художественная литература. Для этого мгновенный процесс вонзания острого, как чилийский соус, ледоруба в горячую человеческую плоть будет разложен на практически бесконечное количество составляющих, каждую из которых автору удастся назвать точным именем и показать во всей ее грубой неприглядности. Вместе с ледорубом автор коснется тела жертвы и вместе с ледорубом станет проникать в живую ткань – миллиметр за миллиметром продвигаясь вперед, ко все более внутренним органам, и фиксируя по мере продвижения реакцию каждой клетки агонизирующего организма. Страницы художественного произведения зальет кровь... много крови, каждая капля которой будет объектом отдельного внимания и каждой капле которой будет посвящено целое предложение – нет, целая глава, отслеживающая историю капли... «О, – взмолится читатель, переходя к очередной главе, – нет, нет, нет! Пропусти, пропусти описание хотя бы одной, только одной этой капли!» – но тщетны будут его мольбы. Ни одной капли пропущено не будет! Ни одного разорванного ледорубом сосуда не минует педантичный автор – более того, некоторые (жизненно важные) сосуды он рассмотрит даже

по два, а то и по три раза – сиречь в двух или трех главах: в разных ракурсах, с точки зрения разных людей, в разное время суток. Дойдя же до внутренностей, автор и вовсе перестанет сдерживать себя. Подобного знания анатомии человека читатель не найдет ни в одном учебнике, предназначенном для студентов и аспирантов высших медицинских учебных заведений, а также для всех, кто интересуется проблемами современной хирургии. Вместе с ледорубом читатель посетит живописную область брюшной полости, остановится в брюшине, совершит волнующую прогулку по диафрагме, полюбуется красотами селезенки и ее восхитительными окрестностями, насладится близостью поджелудочной железы, ознакомится с самобытным районом тонкой кишки, повеселится среди надпочечников и, обогнув жемчужину брюшной полости – левую почку, окажется возле впечатляющего мочеточника, откуда открывается незабываемый вид на тонкую, толстую и слепую кишки, после чего наконец прямым курсом проследует в сокровищницу брюшной полости под названием...

– Не надо дальше, – робко сказал Деткин-Вклеткин, беря автора за руку, и совсем уже еле слышно прошептал: – Нехорошо...

– Это почему же нехорошо-то? – нарочито громко осведомился вконец распоясавшийся автор.

– Потому что... нехорошо. Подумайте о Марте, об Окружности! О Рединготе...

Автор сделался нервным и неожиданно для себя произнес:

– В Редингота стреляли. Молодая женщина. Из маузера.

– Я знал! – чуть не задохнулся (но не задохнулся) Деткин-Вклеткин. И, смахнув с обмороженной щеки горячую, как путевка, слезу, тихо повторил: – Так я и знал, что не прав был Гегель! Уроки истории учатся наизусть...

Этот еле слышный диалог между Деткин-Вклеткиным и автором прозвучал над ледяной пустыней, как гром среди ясного до очевидности неба. Сжался в плотный комочек Карл Иванович, внутренний эмигрант. Уронила голову на грудь, чуть не разбив ее об нее, голая Баба с большой буквы. В ритуальной позе детоубийцы замер над окаменевшей жертвой Хухры-Мухры. И все они негромким хором потерянно спросили:

– Что же теперь будет?

...Ах, если бы знать! Если бы знать...

ГЛАВА 14
Забытый персонаж без лишних слов вторгается в фабулу

...и в этом, надо сказать, нет ничего удивительного! Персонажи, они такие. Успенуться не оглеешь, как тот или иной персонаж уже сидит у тебя на шее, да еще и понукает: давай, дескать, старик, поддай жару! Удивительно наглый это народ – персонажи. И не дай Бог забыть кого-нибудь из них: такое начнется, хоть цветы выноси... как говаривал один теперь уже взрослый ребенок, продолжающий время от времени говаривать так по сей день. Они, персонажи, почему-то считают, будто автор постоянно им что-то должен! А автор между тем ничего никому не должен – даже Самому Читателю. Это автор говорит сейчас на всякий случай, чтобы Сам Читатель чего-нибудь такого себе не навоображал. Например, автор имеет полное право взять и поставить точку – вот прямо сейчас.

Демонстрирую: **.**

И хоть вы мне кол на голове тешите (если, конечно, представляете себе, как это делается)! А точка стоит и стоять будет. Века и царства минуют, но точка пребудет вечно. Как знак всевластия автора. Так что «цыц!» у меня тут.

Хотя... с другой стороны, извините, конечно. Чего нам отношения-то портить? Свои же, в общем, люди – договоримся как-нибудь. Ну, не нравится что – так прямо и скажите. Не нравится, как героиня одета? Переоденем! Вы во что предпочитаете – в голубенькое? В голубенькое и переоденем, будьте покойны. Как захотите – так и будет. Захотите, чтоб голая Баба с большой буквы была голой бабой с маленькой буквы – ради Бога! Получите: голая баба с маленькой буквы. С крохотной просто – причем настолько крохотной, что практически вообще без буквы. И не потому, что автор так уж стремится угодить читателю – просто автор ведь у читателя в постоянном долгу. Это автор говорит сейчас на всякий случай, чтобы читатель не дай Бог не забыл ненароком! Например, автор не имеет права даже точку поставить без ведома читателя.

Демонстрирую:

И никакой точки! Так что вы мне кол на голове не тешите, пожалуйста: пусть вы даже и знаете, как это делается. Не стоит точка и стоять не будет. Века и царства минуют, но точки так и не появится. Как знак покорности автора. Так что процветайте у меня тут!

Опять же и персонажи... не такие уж они и наглые, как на первый взгляд может показаться. А что на шею садятся – так кто ж не садится-то? Для того и шея, чтобы на ней всегда кто-нибудь сидел.

Короче, без лишних слов вторгается в фабулу Сын Бернар – и правильно, между прочим, делает, черт бы его побрал! Пора наведаться к отеческим гробам, как сказал поэт. Тем более что гроба (гробы?) пригласительно стоят открытыми. Заглядывая в них, Сын Бернар морщит нос и говорит:

– До чего же противное зрелище!..

И он прав. Тысячу раз прав. Зрелище не из приятных. Но что ж поделать, если город вымер: такое часто случается с городами!

...Сын Бернар бежал по улицам вымершего Змбрафля и не постигал, как мог город так преобразиться. Час от часу (не легче!) повторял он одну и ту же фразу:

– Да чтоб их всех!

Кого конкретно Сын Бернар имел в виду, понятно: конкретно Сын Бернар имел в виду всех. Ибо за время своего отсутствия на страницах настоящего художественного произведения Сын Бернар неукоснительнейшим образом осуществлял контроль за всеми вообще и двойной контроль за теми, кто уходил из-под контроля автора. Поэтому, как бы это помягче (постлать, чтоб пожестче поспать), Сын Бернару очень и очень было что рассказать людям. Под «людьми» я подразумеваю и читателей, если у кого-то на сей счет возникают сомнения, потому как читатели, в конце концов, тоже люди!

Правда, встретить Сын Бернару вообще никого не удавалось. Нет, мертвецы, конечно, попадались, но Сын Бернар не любил мертвецов. И, когда кто-то из них начинал подавать признаки жизни и обращался к Сын Бернару с тем или иным замечанием, тот прямо так обобщенно и говорил:

– Ой, мертвецы, отвяжитесь, не люблю я вас!..

И мертвецы отставали. Кто на метр, кто на два, а кто и на все сто. Наконец, устав носиться по мертвому городу, Сын Бернар снизошел до вопроса к одному из мертвецов:

– Скажи мне, мертвец, живые-то все – где?

К сожалению, мертвец не снизошел до ответа, а просто отправился к праотцам, которые обитали неподалеку. Сын Бернар проследил за мертвецом и тоже увидел праотцев, которые баловались холодным чаем и сухим хлебом.

– Не балуйтесь! – сделал замечание Сын Бернар, в ответ на что праотцы быстро съели сухой хлеб и уселись как ни в чем не бывало, скрестив руки с ногами и получив причудливый гибрид, очень жизнестойкий. Пронаблюдав за его быстрым развитием в суровых климатических условиях Змбрафля, Сын Бернар завел беседу с праотцами, причем завел ее в тупик.

– Праотцы, – назвал он их по имени, – ну как у вас тут?

– Нормально, – ответили праотцы. – Только народ поганый.

– Да и везде так, – поделился опытом Сын Бернар.

– Мы знаем, – обменялись с ним опытом праотцы. – Все люди братья, и все люди сволочи.

– Из этого следует, – подумав, заключил Сын Бернар, – что все братья – сволочи.

– Печальное, печальное следствие!.. – завздыхали праотцы, почувствовав-таки себя в тупике.

Сын Бернар рассмеялся от радости и сказал: – Я и сам не ожидал, что мы так скоро окажемся в тупике!

– Как же быть теперь? – спросили праотцы.

– Забудем следствие и разберем посылки, – предложил Сын Бернар, и послушные праотцы тут же забыли следствие. – Причем разберем только одну посылку, а именно «Все люди сволочи», потому что насчет братьев я не уверен. Но вот что касается сволочей, это уж точно. Знаете ли вы, например, праотцы, как плохо ведется работа на местах?

– Знаем! – замахали руками праотцы. – На местах работа всегда ведется плохо, таков закон.

– Имеются случаи неповиновения, – сообщил на ухо праотцам Сын Бернар.

– Да что Вы говорите! – всплеснули руками праотцы. – Неужели даже... неповиновения?

Чтобы убедить их, Сын Бернар рассказал про Йемен, где свободолюбивые йемцы и йемки вышли на улицы и площади городов.

– Господи, зачем они это сделали? – ужаснулись праотцы.

На этот вопрос ответил не тот, к кому обратились, а опять же Сын Бернар:

– Протестуют против Абсолютно Правильной Окружности из спичек как изощренной формы британской колониальной политики.

– То есть?.. – высоко подняли брови отцы – причем так высоко, что потом не нашли места, где брови прежде были, и просто водворили их куда пришлось.

– Дело в том, что построение Правильной Окружности из спичек началось как бы в Великобритании, – объяснил Сын Бернар. – Стало быть, – Великобритания как бы инициатор, а Йемен как бы под ее влиянием...

– На наш взгляд, – сказали праотцы, – в твоем объяснении слишком часто звучало «как бы». Нельзя быть таким неуверенным.

– Вы правы, нельзя, – покраснел до корней волос Сын Бернар, чего сквозь густые его пряди праотцы, разумеется, не заметили, но автор настоящего художественного произведения (на которого Сын Бернар неизвестно почему оглядывался все это время), заметил. – Тогда я с уверенностью продолжаю: полиция Йемена арестовывает свободолюбивых йемцев и йемок...

– Простите, – прервали его праотцы, – и разрешите поинтересоваться, какой процент свободолюбивые йемки и йемцы составляют в общем составе йемцев и йемок?

– Очень большой! – вздохнул Сын Бернар. – Из приблизительно одного миллиона восьмисот тысяч населяющих Йемен йемцев и йемок «прочих» насчитывается только семнадцать процентов. Они заблудились в бескрайних зарослях хлопка-сырца, и про них ничего не известно. Остальные – свободолюбивые. Почти все арестованы и брошены в тюрьмы.

– Даже брошены? – вознегодовали праотцы. – Какая низость! Посадили бы – да и все... не обязательно же бросать!

– Это уже дело прошлое, – снова вздохнул Сын Бернар. – Сегодня полиция патрулирует все дороги страны, и никакой возможности прокладывать Абсолютно Правильную Окружность из спичек по территории Йемена фактически нет. Или возьмем, скажем, Малайзию. Малайцы и малайки попросту обожают Окружность! В Сараваке и Сабахе вооруженные восстания. Основное требование повстанцев – «Окружность или смерть!»

– То есть? – перебили беспокойные праотцы. – Можно уточнить, чего требуют повстанцы?

– Вы прямо как дураки, праотцы! – удивился Сын Бернар. – Понятно же из лозунга, чего требуют повстанцы. Либо Окружности, либо смерти!

– По крайней мере, одно из требований, – цинично ухмыльнулись праотцы, – удовлетворить довольно легко.

Сын Бернар содрогнулся от их цинизма, но мужественно продолжал:

– Я уж не говорю о Франции, где вообще сволочь на сволочи и сволочью погоняет! Подавляющее большинство легкомысленных французов считает Окружность английской придурью и саботирует наземные работы. Они напиваются пьяными и лежат на боках. Кое-какая дисциплина наблюдается только в России, но проконтролировать русских почти невозможно: они все держат в тайне. Только вчера в России был расстрелян доцент Введенский, неосторожно употребивший в своей речи слово «окружность» на лекции по начертательной геометрии...

– Нам надоело слушать тебя, – с неожиданным равнодушием сказали праотцы. – Уходи.

Сын Бернар поджал хвост и убрался от капризных праотцев куда пришлось. Этим местом оказалась улица Дружно Усопших Пионеров – удивительным образом та самая улица, на которой «стреляли в Редингота».

На улице Дружно Усопших Пионеров до сих пор стояла потерянная по небрежности толпа, молчаливо переживая трагические события. Женщина, стрелявшая в Редингота, валялась прямо на дороге – со связанными руками и ногами, а также с элегантным кляпом в безукоризненно очерченном рте... или рту, что грамматически все равно. Молчаливая толпа то и дело обращалась к ней с одним и тем же вопросом:

– Зачем Вы, дурочка, стреляли в Редингота?

– Я не знаю, а когда я не знаю, я и не отвечаю, – то и дело отвечала женщина, на время ответа вынимая связанными руками кляп изо рта.

Какие-то пыльные люди, похожие на музейных работников, носили туда-сюда простреленное в двух местах пальто Редингота, предъявляя его всем, кто желал убедиться в том, что произошедшее действительно произошло. Некоторым было недостаточно увидеть пальто один раз, и они подходили снова и снова.

– Вы же уже подходили! – укоряли их музейные работники.

– Мы просто хотим убеждаться, убеждаться и убеждаться, – признавались подходившие.

– Вы прямо как дети малые!.. Ну, убеждайтесь... – И музейные работники с нескрываемым удовольствием в очередной раз развертывали перед ними пальто. Те всматривались в следы безжалостных пуль, качали головами и опять отходили в мир иной.

Сын Бернар в один миг понял, что за трагедия произошла на улице Дружно Усопших Пионеров, искоса взглянул на знакомое ему, как руки матери, пальто Редингота, потом подошел к связанной женщине и от всей своей необъятной души глубоко укусил ее в бедро. Женщина взвыла, на сей раз не вынув кляпа изо рта – отчасти потому, что ей было недосуг, отчасти потому, что с кляпом во рту вой получался гораздо выразительнее. Впрочем, оценивать степень выразительности воя Сын Бернар не стал, а поспешил в госпиталь, куда увезли Редингота. Дорогу он нашел по двум кровавым полосам,

тянувшимся от места преступления к месту назначения, – полосы эти в народе назывались «Кровавая Колея». На пороге госпиталя дежурили два мертвеца, наряженные полицейскими. Время от времени они постреливали в разные стороны из многочисленных пистолетов, вынимавшихся ими изо всех карманов, смеялись и никого не пускали к Рединготу, хотя желающих войти было предостаточно: Сын Бернар едва протиснулся к ряженым.

Тем не менее протиснувшись, он просто сказал:

– По делу.

– Там Ближний, – предупредили ряженые.

– Что он делает у Рединготa? – спросил Сын Бернар.

– Убивается, – пожали плечами ряженые и опять немножко постреляли.

Подойдя к палате 1 под номером 3, Сын Бернар увидел огромный плакат на массивной двери. Плакат предупреждал: «В палату не входить – сводку о здоровье Рединготa читать здесь», – и ожиданий не обманывал: сводка о здоровье Рединготa, менявшаяся каждый час, была крайне подробной – настолько, что Сын Бернар заснул к концу чтения. В сводке сообщалось о температуре вождя, состоянии кожных покровов, состоянии зрения, слуха, остроте обоняния и крепости осязания, частоте пульса и дыхания, высоте подъема систолического и глубине падения диастолического давления крови; здесь же были пришпилены кардиограммы, электро-, рео- и эхоэнцефалограммы, компьютерные томограммы всех имеющихся

у Рединготa внутренних органов и костей, протоколы ультразвуковой допплерографии брахиоцефальных и прочих артерий, боковые рентгеновские снимки органов брюшной полости и панорамные – ротовой полости, многочисленные результаты бактериологических проб и разнообразных анализов крови, мокроты, мочи и кала… Туда-сюда сновали врачи, за час успевавшие обновить сводку полностью. Работала радиокоманда, прямо отсюда на улицу передававшая устные сводки о состоянии Рединготa на данную секунду. С улицы то и дело доносилось: «Поподробнее, пожалуйста!»

Когда Сын Бернар проснулся, сводка на двери была уже другой, но он, не читая, толкнул массивную дверь, ушибив насмерть как раз выходящую из палаты старушку с уткой – старушка без разговоров отдала Богу чистую свою душу, а утка улетела по коридору в другое отделение.

– Привет, – делово начал Сын Бернар, но тональности не выдержал и сорвался на фальцет, – дорогой мой Рединготт!

Между тем в палате вершилась история. Рединготт лежал на операционном столе со вспоротым брюхом, и множество врачей разных профилей (профили были, например, такие: прежде всего орлиный, потом волчий, крысиный, свинячий, поросячий, собачий и другие) который день не могли найти не то что двух, а просто ~~таки~~ ни одной пули в бездонной глубине рединготовского тела. Сын Бернар застал самый ответственный момент поисков: руки всех врачей (а у некоторых из них было по многу рук!) были запущены в брюхо

потерпевшего. Редингот однако потерпел недолго – прямо на глазах Сын Бернара он вдруг вскочил и, надавав всем врачам по мордасам, сам извлек из себя обе пули, быстрыми точными движениями зашил на себе живот, а также заодно и вспоротые вместе с животом майку, трусы, рубашку и пиджак (брюк, как мы помним, у него не было).

– Нельзя шить на себе! – на разные голоса кричали врачи, попутно приводя в порядок мордасы, и аргументировали свои выкрики так: – Память пришьешь!

Что, к сожалению, и случилось... Редингот закончил шитье и уселся на краешек операционного стола с придурковатой улыбкой: он не помнил ни-че-го. Без интереса смотрел Редингот на рыдавшего рядом Сын Бернара, не узнавая его, на все еще беспрерывно убивавшегося из пистолета (который беспрерывно давал осечки) Ближнего, даже не пытаясь понять, кто это... короче, кошмар! И когда Сын Бернар, упав Рединготу на богатырскую грудь, вскричал: «Да помнишь ли ты хоть что-нибудь?», – тот, небрежно стряхнув упавшего, сказал: «Не помню и помнить не хочу!»

Пораженные масштабом трагедии, врачи выбежали из палаты как пораженные чумой, сорвали с двери сводку о здоровье Рединготa и написали кровью просто на деревянной поверхности: «Очень плохо». Эта информация тут же была передана по радио на улицу, откуда через короткое время послышались неумолчные рыдания.

В палате же происходило следующее. Сын Бернар подошел к убивавшемуся, но еще не убившемуся Ближнему и сказал:

– Кончайте убиваться, Ближний!

Ближний сразу же положил пистолет на тумбочку и спросил:

– Чего ж делать-то тогда? Больше-то делать нечего...

– Мы будем бороться за Редингота! – воскликнул Сын Бернар.

– Ну, давай... – неохотно согласился Ближний и повалил Сын Бернара на пол.

Они долго катались по палате, с остервенением рыча и норовя придавить друг друга к полу или потолку. В конце концов Сын Бернару удалось одолеть Ближнего, и он прижал-таки Ближнего к полу, причем прижал больничной кроватью. После победы Сын Бернара память к Рединготу вернулась, но только частично. Улыбка его стала менее придурковатой.

– Хорошо, что ты победил меня, – сказал Ближний Сын Бернару, и, вынув из потайного кармана красивый цветок, подарил его противнику. Сын Бернар подошел с цветком к Рединготу и, протягивая ему цветок, бестактно сказал:

– Это Вам на память.

– Спасибо! – кисло усмехнулся Редингот и спросил: – Что это?

– Цветок, – пояснил Сын Бернар. – Называется «ромашка». Рос в потайном кармане Ближнего. «Расти» значит развиваться. «Карман» значит небольшой кусок ткани, пришитый к одежде таким образом, что один край ткани не пристрочен. «Потайной карман» – то

же самое, что «карман», только с внутренней стороны одежды. «Ближний» значит тот, кто вблизи. Вспомнили?

– Нет, – ответил Редингот. – Почему один край ткани не пристрочен?

– Чтобы в карман можно было бы что-нибудь положить, – вздохнул Сын Бернар.

– Как глупо! – сказал Редингот. Потом еще сказал: – А ромашка – это маленький роман.

– Смотри-ка, – вздохнул Ближний из-под кровати, – до чего причудлива память человека!

– Значит, не всему придется учить его заново. К тому же, будем надеяться, что он окажется способным и старательным учеником.

– Даже самого способного и старательного не научишь, если не знаешь, чему конкретно учить, – философски заметил Ближний. – Никогда нельзя будет гарантировать, что в самый ответственный момент вся система не откажет по причине отсутствия элементарного сведения типа «дверная ручка есть скобяное изделие».

– Какое изделие? – переспросил Сын Бернар с интересом.

– Скобяное, – повторил Ближний без интереса.

Сын Бернар рассмеялся: слово «скобяное» он, видимо, воспринимал остро по-своему. Впрочем, это слово только так и можно воспринимать.

– Редингот, – сказал Сын Бернар, – Вам известно, что значит «скобяное»?

– Откуда! – махнул рукой Редингот.

– Как же нам теперь с ним быть-то? – в околоземное пространство озабоченно спросил Сын Бернар.

– Можно подумать, *Вы* знаете, что такое «скобяной»! – огрызнулся Редингот. – И ничего ведь… обходтесь! Вот и я обойдусь – тем более что все действительно необходимые вещи я уже вспомнил.

– Тогда ладно, – неожиданно быстро согласился Сын Бернар. – А какие вещи, например, Вы вспомнили?

– Например, я вспомнил, что однажды в жизни Вы укусили меня...

– Это Вы зря вспомнили, – огорчился Сын Бернар. – Вспомнили бы лучше, как я люблю Вас!

Редингот напрягся, но напрасно.

– Этого ~~я~~ вспомнить не могу, – признался он. – *Как* Вы меня любите?

Сын Бернар засмущался и уполз в угол.

– В чем дело? – спросил Редингот.

– Я стесняюсь сказать, как я Вас люблю...

– Все равно говорите! – велел Редингот и услышал из угла совсем тихое:

– Очень сильно...

Тут Редингот почесал в затылке и сказал:

– К сожалению... не помню. – Потом нашел под кроватью Ближнего и спросил: – Вы тоже любите меня?

– Больше жизни! – сказал Ближний.

– Докажите! – безрассудно попросил Редингот.

– Прощай, жизнь! – обратился к жизни Ближний и расстался с ней, предварительно схватив с тумбочки пистолет и на редкость удачно выстрелив себе в висок.

– Что это с Ближним? – спросил Редингот, удивленно глядя на пестрым ковром распростертое у его ног тело.

– Ближний застрелился, – пояснил Сын Бернар. – И теперь он мертвый.

– Черт! – выругался Редингот. – Нехорошо получилось...

– Не горюйте, – сказал Сын Бернар. – Они тут все в этом городе такие.

– Какие?

– Мертвые. – Голос Сын Бернара был беспечным. – Это же Город Мертвых!

Редингот задумался, вспоминая. По-видимому, он вспомнил многое, потому что морщины на его лице разгладились все до одной. Потом он с опаской спросил:

– А я тоже люблю кого-нибудь больше жизни? Или просто очень сильно?

Сын Бернар завел глаза к потолку, вдоль которого спокойно пролетала душа Ближнего.

– Затрудняюсь сказать, – произнес он наконец. – Я ведь про Вас почти ничего не знаю.

– Не знаете, а так сильно меня любите! – поставил ему на вид Редингот.

– Для того чтобы сильно любить кого-нибудь, совсем необязательно про него что-то знать. Лучше даже наоборот, – тяжело вздохнул Сын Бернар. – Но, может быть, Вы любите Марту.

– Марта мне как дочь, – сказал Редингот. – Естественно, я люблю Марту. Но она существо несчастное, ибо тоже больше жизни... – тут Редингот покосился на мертвого Ближнего, – ... или, во всяком случае, очень сильно – любит.

– Кого? – спросил Сын Бернар.

– Не знаю. И она не знает. Знает только, что он сидел на брегах Невы.

– Сидел? – обомлел Сын Бернар. – За что?

– Она не сказала. Просто сказала: «Кто-то сидел на брегах Невы» – причем на левом и правом одновременно.

– Два раза сидел? – совсем уже просто потерял лицо Сын Бернар.

– Получается, что так...

И они оба надолго замолчали. Наконец Редингот сказал:

– Я вспомнил. Я люблю ласточку. Стыдно, что я это чуть не забыл.

– Стыдно, – отозвался Сын Бернар. – Я вот никогда не забывал, что я люблю Вас.

– Я люблю ласточку больше жизни, – раздумчиво произнес Редингот, никак не поощрив Сын Бернара – Значит ли это, что я должен застрелиться?

– Не значит, – сразу сказал Сын Бернар. – Так делают только в этом городе, а Вы не из этого города. Из какого Вы, кстати, города?

– А вот этого я не помню! – с каким-то даже злорадством ответил Редингот.

– Между прочим, я к Вам по делу, – неожиданно сообщил Сын Бернар.

Редингот покачал умной головой:

– Где Вы раньше-то были?

– Здесь и был... – растерялся Сын Бернар. – Вы что же... не видели меня?

– *Я* видел тебя, – сказал вдруг недавно застрелившийся Ближний, откидывая кровать и подходя к Сын Бернару.

– Да Вы, никак, опять живете? Вы ведь любили меня больше жизни! – упрекнул Ближнего Редингот.

– Так это больше то-о-ой жизни! Которая миновала. – Ближний сел к тумбочке и съел стоявший на ней рыбный суп.

– Можно я перейду непосредственно к делу? – напомнил о себе Сын Бернар: он терпеть не мог ничего противоестественного. И, не дожидаясь разрешения, перешел куда просился, рассказав Рединготу все о положении дел на местах. Редингот реагировал быстро.

– Где мое пальто? – спросил он.

– Боюсь, уже в музее, – всхлипнул Сын Бернар, больше Редингота потрясенный собственным рассказом о положении дел на местах.

– Стало быть, с музея и начнем!

И Сын Бернар с Ближним под предводительством Редингота отправились в городской музей. У выхода из госпиталя их встретила толпа мертвых, как здесь было принято, людей. Увидев, что Редингот зашит на диво профессионально, толпа возликовала... и сказала «sehr gut», чтобы ритмически красиво закончить это предложение. Растолкав толпу чужими руками, все три персонажа отправились знакомой дорогой: здесь каждый камень знал Редингота и вежливо приветствовал его коротким «здравствуй». Редингот рассеянно кивал, стараясь не забыть о конечной цели движения.

У входа в музей стояла окаменевшая от горя бедлая голубица из хлеба: она была колоссальных размеров. Редингот вздрогнул, что-то вспомнив, но, отогнав от себя воспоминание энергичным «кыш!», бросился в музей. Сотрудники музея давно умерли и реагировали на посетителей очень слабо, так что Рединготу без труда удалось со страшным шумом раскурочить витрину, выхватить оттуда пальто и надеть его на себя.

– Прямо на Вас сшито! – удивились вялые сотрудники музея, в то время как Редингот, не обращая на них внимания, огляделся и сказал:

– Здесь светло и просторно. Здесь будет штаб.

– Ура! – закричали сотрудники музея: они давно уже ненавидели свою работу и мечтали, чтобы музей кто-нибудь обворовал. – Вы еще в угол той же самой витрины загляните, ребята! – посоветовали они напоследок, прыская в кулаки, и разбежались по домам.

В углу раскуроченной витрины Редингот обнаружил связанную по рукам и ногам женщину, еще недавно стрелявшую в него. Женщина спала в неудобной позе неправильно лежащего зародыша. На шее у нее висела табличка «Женщина-враг. Она стреляла в Редингота». Сон женщины-врага был чуток, как сон боязливой лесной лани. От пристального взгляда Редингота она проснулась и, выплюнув уже несвежий кляп, зевнула.

– Они глумились над Вами? – с болью спросил Редингот женщину-врага.

– Мне связали руки-ноги и пустили по дороге! – с дерзкой усмешкой ответила та, воспользовавшись сокровищами народной поэзии.

Смелый ответ женщины-врага понравился Рединготу.

– Сказано вовремя и к месту, – усмехнулся он. Потом добавил с нарочитой серьезностью: – К одному месту! – тем самым доказав, что и у него с языковым чутьем все в порядке. Крепко задумался и снова спросил:

– Чье задание Вы выполняли?

– Вот прекрасно и точно сформулированный вопрос! – Женщина-враг строго оглядела присутствующих, словно они на протяже-

нии всей ее жизни задавали ей одни только плохо и приблизительно сформулированные вопросы. – А то на улице меня прямо измучили дурацкими своими формулировками: зачем, дескать, Вы стреляли да зачем!.. Откуда ж мне это знать-то? Да еще дурочкой называли, козлы!

– Хорошо понимаю Ваш гнев и, может быть, даже разделяю его, – спокойно, как полковник в отставке, сказал Редингот. – И все же: чье задание Вы выполняли?

– Если разгадаете три моих загадки, скажу! – поставила условие женщина-враг, словно женщина-сфинкс.

Сын Бернар и Ближний посмотрели на тут же воплотившего в себе мудрость веков Редингота и понимающе переглянулись: нашла, дескать, кому загадки загадывать!.. Между тем женщина-враг продолжала в свойственной ей манере

– Кто родился в Проснице, а сам во Фрайбург просится?

(Сын Бернар и Ближний расхохотались в открытую: ответ знали даже они.)

– Трудную загадку задали Вы мне, – поддерживая предлагаемую стилистику, отвечал Редингот и по щиколотку в землю ушел, продавив для этого музейный паркет ручной работы. – Только все равно я ее разгадаю. Кто родился в Проснице, а сам во Фрайбург просится? Да это же Эдмунд Гуссерль, великий немецкий философ, основатель феноменологии!

На минутку закручинилась женщина-враг, но делать нечего – задает она Рединготу вторую загадку:

– Что такое: и чудовище морское, и судилище людское?

В обращенных друг к другу взглядах Сын Бернара и Ближнего мелькнула легкая растерянность: они знали ответ, но немного сомневались в его правильности – и потому с некоторой тревогой взглянули на Редингота. Рединготстоял спокойно – на устах его играла в лапту улыбка, хотя ушел он в землю уже по колено.

– Эта загадка потруднее первой будет, – сказал он. – Только и она мне по зубам, пожалуй! И чудовище морское, и судилище людское... Я вот как отвечу: это главный философский трактат Томаса Гоббса под названием «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», который вышел в свет в Лондоне в 1651 году!

– Так и есть, – еще сильнее закручинилась женщина-враг. – Слушайте же третью мою загадку: «Восемь книжек под одной крышей – три из этих книжек под другой крышей!»

Совсем уже испуганно взглянули друг на друга Сын Бернар и Ближний: разгадка-то была им известна, да только понаслышке – еще с тех пор, когда они мальчишками гоняли мяч по футбольному полю. Но закралось в их сердце сомнение – вдруг не одолеть Рединготу загадки? А тот уж и не улыбался больше – по пояс в землю ушел!

– В седую древность погружает меня Ваша трудная загадка, – так начал он и тяжело вздохнул. – Восемь книжек под одной крышей – три из этих книжек под другой крышей, говорите? Это не Никомахова ли этика Аристотеля – классический памятник античного эвдемонизма?! Три из ее восьми книг, а именно 5-я, 6-я и 7-я, входят еще и в состав «Эвдемовой этики», Аристотеля же, в качестве книг 4-й, 5-й и 6-й.

– Правда Ваша, – согласилась женщина-враг и совсем сильно закручинилась. – Что ж, делать нечего: уговор дороже денег! Придется и мне ответ держать...

– Только теперь, пожалуйста, без... народного колорита, а то меня чуть-чуть подташнивать начинает, – нетерпеливо, но вежливо вклинился Редингот.

– Хорошо, что Вы это сказали, мне и самой давно уже тошно! – честно призналась женщина-враг (и слава Богу, что призналась, ибо автора тоже практически мутить начинало от обилия устойчивых, как чугунные статуэтки, речевых оборотов!). – Короче, так, значит: я выполняла задание Чама Ча Мапиндузи...

– С какой стати? – сразу же не выдержал ни секунды более Редингот. – Почему вдруг Танзания-то оказалась замешана в наши дела? Она ведь даже не граничит ни с чем!

– Что значит «ни с чем»? – обиделась женщина-враг, патриотические чувства которой были со всей очевидностью грубо задеты. – Танзания до фига с кем граничит! На юге с Мозамбиком, например,

с Малави и Замбией, на западе – с Заиром, Бурунди и Руандой, на севере – с Угандой и Кенией, а восточная граница проходит по берегу Индийского океана! Так что мы не хуже других – с восемью странами граничим! Например, какая-нибудь хваленая Дания граничит только с одной Германией – и то считается страной!

– Во-первых, Дания тут ни при чем, – защитил беззащитную маленькую страну от нападок женщины-врага Редингот. – Во-вторых, я вовсе не имел намерения задеть Вашу национальную гордость...

– А задели, задели! – раскапризничалась женщина-враг.

– Хорош капризничать! – вмешался Сын Бернар, которому не нравилась женщина-враг.

– Да ладно, чего ты... – оборвал его Ближний, которому женщина-враг нравилась все больше и больше.

– В-третьих, – продолжал считать Редингот, – какие-то у Вас подозрительно допотопные сведения об африканских странах... Там уже половина названий сто лет как изменилась! Не из «бывших» ли Вы, женщина-враг?

– На этот вопрос я отвечать не обязана! Обмолвлюсь только, что над проектом Вашего уничтожения Чама Ча Мапиндузи работала с момента своего основания, а именно с 1977 года, когда Африканский национальный союз Танганьики слился с партией Афро-Ширази. Тогда я и получила мое задание, – отчеканила женщина-враг. – Спрашивайте дальше!

– В-четвертых, – на этом месте Редингот решил закруглиться, – Танзания не то чтобы «ни с чем» не граничит, тут я просто неосторожно выразился, – на самом деле имелось в виду, что она не граничит ни с одной из стран, по территориям которых пролагается Абсолютно Правильная Окружность из спичек, – так спрашивается: чего она тогда лезет, Танзания эта, со своей партией, имеющей неудобопроизносимое название, не в свое дело?

– Вот только насчет названия не надо! – прямо-таки заорала женщина-враг. – Чама Ча Мапиндузи звучит, как музыка небесных сфер!..

Сын Бернар невежливо фыркнул, потом фыркнул вежливо, а Ближний опять сказал: «Да ладно, чего ты...»: его действительно влекла к женщине-врагу непреодолимая сила. Женщина-же-враг продолжала орать: – И потом, никакая она не правильная, Ваша Окружность! Она вся кривая, она даже не эллипс, она вообще не пойми что!

Сын Бернар зарычал и весь изготовился к прыжку, но двоевластным жестом ухоженных до изнеможения рук остановил его Редингот:

– Спокойно, Сын Бернар, спокойно... Мы лучше попросим женщину-врага высказаться подробнее.

– Да ради богов, – не заставила себя просить политеистичная женщина-враг и отнеслась напрямую к Рединготу: – Вы вообще-то когда-нибудь карту мира в руках держали? (Этот оскорбительный

вопрос Редингот оставил без внимания). А если держали... (она и сама поняла, что несколько перегнула палку!), то могли бы – просто ради интереса – попробовать начертить на этой карте свою «Абсолютно Правильную Окружность»! (Кавычки, которыми она со всех сторон обставила это словосочетание, кололи и чуть не выкололи автору настоящего художественного произведения глаза. – *Коммент. автора.*) Начертили бы – сами бы увидели, что получается!.. – Тут она связанными руками вынула из заднего кармана брюк стакан воды и попила.

– Между прочим, – проявил трезвую осведомленность Редингот, – незадолго перед началом настоящего художественного произведения, насколько мне известно, Окружность была прочерчена циркулем именно по карте.

– Съела? – обратился к женщине-врагу Сын Бернар.

– Да ладно, чего ты... – с болью воскликнул Ближний.

– Вопрос в том, по *какой* карте она была прочерчена! – водворяя стакан с оставшейся водой на прежнее место, промоченным до нитки горлом еще громче заорала женщина-враг. – Это же была карта полушария! В поперечной азимутальной равновеликой проекции! Ха-ха!.. А эллипсы искажений геометрических свойств географической поверхности? Ха-ха!..

– Вопрос был продуман, – общо высказался в ответ спокойный, как ночь, Редингот. – Некоторые возражения вызывала только величина Окружности, но не ее форма.

– Да не называйте Вы *это* вообще окружностью! Называйте *это* любым другим словом!

Держа за шкирку уже просто-таки беснующегося Сын Бернара, Редингот мягко заметил:

– Я бы попросил... глоток воды.

Заученным жестом женщина-враг протянула ему полупустой стакан. Редингот жадно припал к воде на одно колено.

– Оставь мне! – хрипло попросил Ближний, практически уже не справляясь – только чисто теоретически справляясь! – с обуревавшей его страстью к женщине-врагу.

– Так вот, резюмирую, – женщина-враг так теперь орала, что ее не было слышно из-за ее же ора. – Если все делать правильно, в соответствии хотя бы – на это-то, по крайней мере, могло бы хватить ума? – с цилиндрической равноугольной проекцией Меркатора или уж на худой конец – в соответствии с конической равнопромежуточной проекцией, то без Танзании вам бы ни за что не обойтись! Только при включении территории Танзании можно было бы говорить об окружности как таковой! На первом съезде Чама Ча Мапиндузи данный вопрос стоял крайне остро, настолько остро, что зарезал многих членов партии, – тогда и решено было убрать главную фигуру бездарного этого географического спектакля, кто б этой фигурой ни был. Ибо без главной фигуры спектакль не состоится.

– Да я в те времена вообще не участвовал в построении Окружности, я только в этот раз был приглашен, – сконфузился от чувства

возложенной на него непосильной исторической ответственности Редингот. – Я, в сущности, и сам новичок...

– А я, в сущности, не в Вас и стрелять собиралась! – горячо призналась женщина-враг. – Много лет после получения приказа провела я в подполье, и, когда созрела до такой степени (на этом месте Ближний потерял сознание от перевозбуждения), что готова была выполнить приказ, главной фигурой спектакля оказались Вы. Пришлось мне стрелять в Вас – кстати сказать, против собственной воли, потому что Вы сразу показались мне очень симпатичным, и я сказала себе: «Нет, ну какой славненький! С ним я могла бы пройти рука об руку всю жизнь!»

– Я же старый, – еще больше сконфузился Редингот. – Меня на всю Вашу жизнь не хватит!

– Хватит и останется! – кокетливо улыбнулась женщина-враг, поднимая с пола выпавший из рук Ближнего пустой стакан и пряча его в бюстгальтер, где таких пустых стаканов лежало уже видимо-невидимо. – Так что во мне шла мучительная борьба между чувством к Вам и долгом по отношению к Чама Ча Мапиндузи, и борьба эта закончилась полной и окончательной победой Чама Ча Мапиндузи.

– На всем протяжении Вашего рассказа я очень надеялся на ее победу, – искренне признался Редингот и как-то непрозрачно заметил: – Хорошо, что долг победил чувство, а не наоборот, – иначе бы мне точно несдобровать!..

– А Ближний тебе случайно не нравится? – осторожно спросил Сын Бернар, который, внимательно выслушав трагическую историю женщины-врага, уже больше не хотел загрызать ее – во всяком случае, немедленно.

– Ближний тоже ничего, – сказала женщина-враг и этим ограничилась.

К счастью, именно в этот момент, не раньше, Ближний очнулся: ему повезло услышать лишь то, что определенно могло ему понравиться. Он сразу же задумался, пытаясь ограниченным своим умом объять практически безграничный смысл слова «тоже», и ему это долго не удавалось.

А за время его раздумий между менее впечатлительными персонажами успел произойти вот такой разговор.

– Что касается меня, – сказал Редингот и отодвинул Сын Бернара, касавшегося его руки влажным носом, – то я в некотором смысле совершенно безопасен.

Неизвестно, чего сразу же после этого его заявления навоображала себе женщина-враг, только, на связанных ногах подойдя к Рединготу и приобняв его связанными руками, она сказала:

– А на мой острый взгляд, Вы опа-а-асны, оч-чень опасны! – причем высказывание получилось томным.

– Я имею в виду, – отстранив теперь и женщину-врага, быстро полетел вперед Редингот (разумеется, не физически полетел, как он, впрочем, тоже умел, а вербально полетел), – я имею в виду, что ни-

какой угрозы конкретно для Танзании я собою не представляю, ибо ничего против Танзании или другой какой-нибудь Намибии фактически не имею. Я даже был бы сердечно рад участию любой Танзании, пусть и той же Намибии, которая уж вообще на отшибе, в построении того, что я называю, а Вы не называете Окружностью... я даже больше скажу, хоть это и тайна, – мне Японию удалось увлечь нашей идеей!

– Японию? – взвизгнула Танзания в по-своему интересном лице женщины-врага. – Представляю себе эту «Окружность», вытянутую в сторону Японии! Представляю себе эту сардельку!

Ну что тут скажешь... Редингот уже и так держался сколько мог – практически целую главу держался. Причем мало того, что сам держался, так еще и нервного Сын Бернара держал! Однако с самого начала волнующего этого разговора было понятно, что злоупотреблять терпением Редингота не стоит: человек он, конечно, предельно воспитанный, но тем не менее... Случилось страшное: сарделька вывела Редингота из и без того зыбкого, как поверхность болотца, равновесия.

– Так, милочка, – сказал он для разгона, но недолгим был разгон. – Если бы кляп, валяющийся у Ваших не очень стройных ног, был посвежее, я не преминул бы поднять его и заткнуть Вас навеки.

– Вот это да! – восхитился Сын Бернар. – Так бы даже мне не укусить...

– Своей куриной головой, – продолжал Редингот, вообще не обратив внимания на похвалу, – Вы даже и предположить не можете, что прежде чем включать Японию в состав стран, занятых построением Абсолютно Правильной, – он произнес эти слова полужирным курсивом, – Окружности из спичек, я провел сложные расчеты, которые показали: линия кривизны не превысит допустимых норм искажения истины. Стран же будет – на целую одну – больше, безмозглое Вы создание!

– А ведь Вы мне нравились когда-то, – лирически начала женщина-враг, но была сардонически прервана Редингото́м:

– За это я уже расплатился двумя дырками в животе, и больше не хочу нравиться. Кроме того, мне надоело слушать Ваши томные бредни. Если Чама Ча Мапиндузи до сих пор существует и настаивает на участии Танзании в построении Правильной Окружности из спичек, я желаю беседовать с другим членом Чама Ча Мапиндузи.

– А этого члена куда? – спросил Ближний, очнувшись в третий уже раз.

– Этого ненужного больше никому члена дарю Вам, если Вы дадите гарантию, что в меня больше не будут стрелять из маузера.

– Можно забирать? – спросил Ближний.

– Вам завернуть? – улыбнулся Редингот.

– Да нет, я ее так донесу! – И Ближний сгреб женщину-врага в объятья. – А гарантию даю, потому что развязывать женщину-врага

не собираюсь: она мне и связанная нравится. Связанная даже больше!

– Лишь бы все были счастливы!.. – вздохнул Редингот, провожая парочку взглядом.

– Вы кого имеете в виду? – спросил Сын Бернар в задумчивости.

– Всех. Вообще всех – людей, зверей, птиц...

Чтобы автор не разрыдался, зазвонил телефон. Редингот машинально поднял трубку и услышал вопрос: «Это штаб?»

– Конечно, штаб! – сказал он, не задумываясь. – У Вас какой вопрос?

ГЛАВА 15
Полифония, почти какофония

Современные техники письма, как без конца называет их Ролан Барт – впрочем, дело не в нем, – предполагают всяческие шалости литературного толка, толку от которых бывает мало. Но, вроде бы, автор и не должен определять сам, мало или много от них толку, ибо для этого предназначен Ролан Барт. Впрочем, Ролан Барт, как уже сказано, тут ни при чем, ибо Ролан Барт умер. Поэтому приходится и вводить прием в структуру художественного целого самому, и объяснять, зачем он введен в структуру художественного целого, самому. Занятие это весьма и весьма утомительное, потому как, объяснив, зачем в структуру художественного целого введен прием, сразу и понимаешь, что введен он зря. И хоть выводи его обратно... притом, что обратно он нейдет, поскольку уже введен в структуру художественного целого!

Вот и получаются странные вещи: сколько ты тут ни разоряйся на предмет обратимости литературы, всесилен ты только тогда, когда движешься вперед. В направлении же назад ты вообще бессилен: que sera, sera! Прямо как в жизни, которая, выходит, ничем особенно от литературы не отличается. И не то чтобы жизнь есть ли-

тература или, наоборот, литература есть жизнь, а просто: жизнь есть жизнь, а литература есть еще одна жизнь. Две жизни, стало быть... И это несмотря на то, что с одной-то не знаешь, как разобраться!..

А есть еще такие вот безрассудные и недальновидные авторы, которые очертя голову бросаются во вторую эту жизнь, хотя и одну как следует прожить не умеют, – и в силу данного замечания оказываются во второй жизни дураки дураками, как и в первой. Если не больше, чем в первой! Нагородят огородов – и не знают, как бы вылезти, чтоб никто ничего не заподозрил. Спросишь такого безрассудного и недальновидного автора: как, дескать, живешь-то, а он тебе встречный вопрос: «Где?» Так и хочется ему сказать: «У тебя на бороде, вот где!» Но мы люди воспитанные и ничего подобного не говорим, а напротив – начинаем уточнять, что мы имели в виду, когда спрашивали, как он живет... Тут-то автор и впадает в истерику: ни в одной жизни, ни в другой, стало быть, никаких просветов – и не живется, стало быть, и не пишется, обвал на всех фронтах и прочая чушь! Гладишь такого по лысеющей на глазах голове, а сам думаешь: «Ну и странный же ты человек... Если у тебя везде все плохо, так уж и все равно! Так уж и плевать сто раз, какую из твоих жизней собеседник имеет в виду. Спросят тебя, как живешь, говори: плохо живу! Спросят, почему плохо, говори: потому что писатель! И тогда сразу всем сразу все будет понятно...»

Но, так или иначе, пора выходить за пределы частных судеб и вводить эту, как ее, полифонию! Пусть художественное произведение гудит, как медный таз, чтоб его! Голосами улицы – в широком смысле этого слова. И не той улицы, которая за окном, а той, которая в тексте... Притом, что кто ж ее знает, какая эта улица!

– Это какая улица? – спросишь у того или другого.

А тот или другой и говорят:

– Да никакая это не улица, не видишь, что ли? Мир это, мироздание, пойми!

Прямо как Батюшков, какового мне противна спесь! И каковой, если кто не помнит, на вопрос «который час?» – отвечает: «вечность!» Тоже мне пижон...

Ну, ладно, что ж...

Мир, или мироздание, гудел (или гудело) в трубке музейного телефона, раскаленной добела. Как сковорода, на которой собираются печь блины (не знаю, раскаляется ли таковая добела, и потому прошу относиться к сравнению как к гиперболе). Лицо и руки Редингота, постоянно соприкасавшиеся с этой сковородой, были все в водяных пузырях, но Редингот их не чувствовал: он строил Абсолютно Правильную Окружность из спичек по телефону. Почему вдруг по телефону, спросит меня читатель. Почему, почему... да потому! Не может же один человек быть в нескольких местах сразу! Даже если этот человек не фунт изюма... понимать надо такие вещи! Мир-

то ведь большой, а человек-то ведь маленький! Даже и литературный человек, если у автора, конечно, не болезненная фантазия. Если болезненная, то он, разумеется, способен сотворить и монстра, голова которого в Париже, а ноги в Токио, вот только кому такой монстр нужен? Надо все-таки приличия соблюдать – кстати, и в литературе тоже!

Короче, Редингот строит Окружность по телефону. А Сын Бернар подшивает сводки с мест, причем подшивает их к... к пальто Редингота, чтобы сводки всегда были под рукой. Когда Редингота перестает быть видно, Сын Бернар отпарывает часть сводок, которые к тому моменту уже неактуальны, да приговаривает: «Шьем, порем – ниткам горе!» Недоволен, в общем, Сын Бернар: не по нему эта работа...

– Семнадцать километров двадцать пять метров и три сантиметра влево, – командует Редингот. – По побережью, по побережью тяни, мать твою: по воде к тебе навстречу тянут – забыл?.. Что значит «сыро»? А тем, кто в море, каково, по-твоему? Уж посырее, чем тебе!.. Да брось, не отчаивайся... – делай, что должно, и пусть будет, что будет, как написал в своем дневнике Лев Толстой. Что? Как это – «Толстой не авторитет»? Кто ж тогда для тебя авторитет-то? Кто-о-о? Да он ведь идиот просто – пробы негде ставить! Ладно, ладно, извини: погорячился... я не знал, что ты с ним знаком! Уф!.. – И только что положенная на место трубка опять взлетала к щеке Редингота: – Да какого же черта-то, а? Какого черта, спрашиваю! Не должны

спички никуда уплывать! Что де-е-елать, что де-е-елать!.. Пусть держатся там, куда положили! Обязать их! Что значит – кого обязать? Спички, понятное дело! Не знаю, как: сам думай – голова-то есть на плечах? Как понимать – акула откусила? Ну, вот... сам же говоришь: только часть головы откусила – думай той частью, которая осталась! Если какие-то клетки мозга отмирают или перестают действовать, их функции выполняют оставшиеся клетки! Книжки читать надо!.. Да хоть «Справочник практического врача»! Что значит «не взял с собой»? Думать надо было – тогда-то голова на месте была! Только «Муму» с собой взял? Ну, читай «Муму» – тоже полезная на воде книга.

– Ближний забегал на минутку, – сказал Сын Бернар во время короткой паузы между звонками. – У него проблемы с женщиной-врагом. Сексуальные.

– Все же раньше в порядке было! – напомнил Редингот.

– Раньше в порядке, но теперь ей надоело быть связанной – она хочет, чтобы Ближний был связан!

– А нам-то что предлагается делать в этой ситуации?

– Пойти и связать Ближнего!

– Нет уж, пусть его женщина-враг и связывает! – отмахнулся Редингот.

– Она не может его связать, она сама связана, – напомнил Сын Бернар.

– Пусть Ближний развяжет ее, пока он не связан.

– Он связан. Связан обещанием Вам, помните? Он обещал, что женщина-враг больше не будет стрелять в Вас.

– Тогда проблема неразрешима, – подвел итог Рединготт.

– К тому же, ее не устраивает его темперамент.

– Еще бы! – усмехнулся Рединготт. – Темперамент мертвеца кого ж устроит... Но тут мы тоже ничего не можем поделать.

– Мы должны помогать Ближнему, – теоретично высказался Сын Бернар.

– Бог ему в помощь, – неопределенно пообещал практичный Рединготт, в очередной раз хватая трубку. – Алло? Доброжелатель? То есть аноним! Как это – «в тюрьме»? – Он зажал трубку ладонью, которая шипела и пахла горелой кожей. – Марта в тюрьме, – сказал он Сын Бернару. – На Сицилии. Звонил доброжелатель. Через неделю суд! Меня приглашают в качестве адвоката.

– Почему не в качестве отца? – возмутился Сын Бернар.

– У меня юридическое образование, – признался Рединготт. – А как отец я просто любитель.

...Разумеется, они готовы были сию минуту вылететь на Сицилию, но тогда человечество лишилось бы штаба. Поэтому Рединготт решил, что участвовать в суде как адвокат он тоже будет по телефону. О чем – по телефону же – и договорились с Сицилией. Сицилия была согласна.

Неделя прошла в трудах. Между прочим, впервые за всю историю человечества построение Абсолютно Правильной Окружности

из спичек получило отражение в прессе. Статья вышла в городской газете Змбрафля. Газета называлась «Смерть Красна». Материал имел изобретательный заголовок «Город Мертвых – колыбель человечества». Автор вынужден позволить себе почти непозволительную роскошь – привести этот огромный материал целиком: все-таки данная статья – историческое событие, а всем историческим событиям место где? – правильно, на этих бессмертных страницах!

Город Мертвых – колыбель человечества

Всем хорош наш город Змбрафль. «Городом Мертвых» любовно называют его в народе. Широко раскинулся он по родной земле – с его прямыми проспектами и улицами, тенистыми (особенно летом) аллеями, многочисленными скверами, парками и прочими местами отдыха, разветвленной сетью учреждений культурного и бытового назначения и т. п. Да и население города под стать ему самому: спокойное, неторопливое, приветливое. Жители Города Мертвых умеют работать – умеют и отдыхать.

Рано начинается деловая жизнь нашего города. Уже в шесть утра просторные автобусы и быстрые электрички доставляют тружеников-мертвечан на рабочие места: далеко за городом начинают дымить фабричные трубы, горят доменные печи, грохочут станки. Это там, в промышленной зоне, уютно расположились заводские и фабричные корпуса: с детства знакомые мертвечанам завод тяжелого машиностроения «Надгробный камень», пищевой комбинат «Забытый привкус», комбинат синтетических волокон «Вечность», фабрика детской игрушки «Закрой глазки», парфюмерная фабрика «Запах тлена».

К восьми утра оживает сити. Не спеша идут на работу служащие учреждений и организаций. Медленно раскрываются двери фирм, банков, акционерных обществ, страховых контор, супермаркетов – «Лучший мир», «Ледяные объятья», «Все для гроба»... Город Мертвых начинает жить в размеренном трудовом ритме. К полудню гостеприимные предприятия общественного питания уже ждут первых гостей. Как много

сегодня сюрпризов для проголодавшихся посетителей – и сколько фантазии в названиях любовно приготовленных блюд! Тут и «Бифштекс с невинной кровью», и «Отбитые почки в сметанном соусе», и «Сотрясенные мозги с горошком», и знаменитый студень «Рожки да ножки»... А можно и просто перекусить на ходу – традиционным сэндвичем с колбасой «Останкинской». Есть, есть где прихотливым мертвечанам полакомиться или просто набраться новых сил на всю вторую половину дня!

Красив Город Мертвых и вечерами, когда мертвечане медленно прогуливаются по мерцающей огнями пешеходной зоне. Куда отправиться нынче? Может быть, в прекрасное современное здание театра, построенное совсем недавно в стиле вампир: здесь сегодня дают оперу «Орфей спускается в ад»… Или в один из кинотеатров: вот «Саркофаг», вот «Склеп», вот «Напрасные слезы»... – кстати, в «Саркофаге» нынче премьера остроумной комедии под названием «У-сопли!» Новая программа и в цирке на бульваре Вечной Памяти – акробаты-смертники в аттракционе «Последняя гастроль». В конце концов, можно просто посидеть в каком-нибудь дорогом ресторане – например, в кабаре «Пляски смерти», что на площади Восстания из Гроба: там выступает ансамбль народного танца «Холодная кровь». Или в траттории «У Харона», с веранды которой открывается прекрасный вид на тенистое городское кладбище и где поет Аида…

Ночью Город Мертвых засыпает. В окнах гаснет свет. И только в одном окне свет не гаснет никогда. Что же происходит за этим окном? Может быть, за этим окном расстаются, но все никак не могут расстаться друг с другом мертвечане Ромео и Джульетта? Нет! Может быть, корпит над трудной теоремой юный мертвечанин – будущий Эйнштейн? Нет! А может быть, это наш великий поэт Макс Блютвурст, автор бессмертного цикла «Когда могила позовет», никак не найдет очередной своей оригинальной рифмы? И снова нет!

За этим окном – Редингот. Он работает. В городском музее, ныне переоборудованном под штаб, склонился Редингот над картой мира, с характерным прищуром вглядываясь в бескрайние степи, высокогорные области и морские просторы. «Музейный мечтатель», – говорят о Рединготе мертвечане. Высокие слова. Однако только ли «мечтателем» войдет он в историю земной цивилизации?

Ветром дерзновенной мысли занесло гения в наш родной город. В числе лучших умов человечества Редингот прибыл на Двенадцатые Умственные Игрища под девизом «Думай головой!», чтобы в точности пре-

творить этот девиз в жизнь. На первый взгляд, Редингот ничем не отличался от прочих лучших умов человечества. Правда, можно было сразу заметить, что он без брюк, но признак этот не был таким уж характерным: многие лучшие умы человечества тоже не надели брюк на умственные игрища. Пожалуй, характернее было то, что рука об руку с ним шла народная красавица Марта – шла бодрой и уверенной поступью молодой хозяйки земли. Такой же поступью ушла она и в легенду: древние предания бережно сохранили для нас полнокровный образ этой мужественной женщины, отважно положившей свою жизнь на алтарь прогресса. Имя ее и поныне живет в памяти каждого мертвечанина.

Но мы отвлеклись от Редингота. Рединготу всегда не до сна. День и ночь руководит он массами, мудро направляя их к светлой цели – построению на земле Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Сегодня борьба за Окружность ведется в масштабе восточного полушария, но уже поступают сигналы и с далекого Запада: то тут, то там вспыхивают стачки, начинаются забастовки и бойкоты... «Даешь и нам Абсолютно Правильную Окружность из спичек!» – скандирует Запад.

Что ответить далекому Западу? Ты на правильном пути, далекий Запад!

Слово одному из бойцов невидимого отсюда фронта – уроженцу нашего города. Его фамилии мы назвать не можем, но мертвечанам он известен как **Умная Эльза**. *По заданию Редингота выполняет он высокую миссию в Японии. Редакция связалась с ним по телефону.*

Слово одному из бойцов невидимого отсюда фронта – уроженцу нашего города. Его фамилии мы назвать не можем, но мертвечанам он известен как **Умная Эльза**. *По заданию Редингота выполняет он высокую миссию в Японии. Редакция связалась с ним по телефону.*

У.Э.: Что я могу вам сказать? Ничтожно мало, ибо информацией, за которую дорого бы заплатила любая цивилизованная держава, никто, кроме меня не владеет. Скажу только, что любой ценою – даже ценою собственной никчемной жизни – выполню возложенную на меня высокую миссию.

Ред.: *Как смотрит японский народ на Вашу деятельность, Умная Эльза?*

У.Э.: Японский народ смотрит на нее косо. Но так уж устроено зрение у японцев – и косыми взглядами тут никого не удивишь. Настораживает другое: конфликт менталитетов. Однако мною уже сейчас ведется неутомимая воспитательная работа в массах: денно и нощно колеся по самым отдаленным японским провинциям, я пытаюсь заставить японский народ поверить, что его вековые представления о мире в корне ошибочны. «Великий японский народ, – провозглашаю я со всех трибун, – принцип асимметрии, исповедуемый тобой, есть принцип уродства. Прекрасна лишь симметрия – за ней будущее». Прямо так в глаза и говорю.

Ред.: *А есть ли у Вас сподвижники среди местного населения?*

У.Э.: Есть. Их двое. Я использую их как средства наглядной агитации. У первого, ему девяносто четыре года, одна нога короче другой на полсантиметра. У второго, ему сегодня семнадцать, обе ноги одинаковой длины. Я показываю сподвижников народу и спрашиваю: «Скажи мне, великий японский народ, кого из этих двух людей ты назовешь прекрасным, а кого – безобразным?» И весь японский народ в один голос говорит: первый безобразен, а второй прекрасен! «Верно, – отвечаю я. – Ибо прекрасно все симметричное! А когда одна нога короче другой, какая ж тут симметрия?» После этого риторического вопроса великий японский народ расходится по домам в задумчивости и уже никогда не возвращается. Так я на наглядных примерах и убеждаю массы в том, что Окружность следует прокладывать по надлежащей траектории.

Вот такой разговор состоялся у нас с Умной Эльзой, бойцом невидимого фронта. А сколько их сегодня по всему миру – бесстрашных, упорных в достижении цели, самозабвенных! По самым скромным подсчетам Рединготa, их тьмы, и тьмы, и тьмы. Благодаря героическому труду строителей человечество, может быть, и увидит на сей раз Абсолютно Правильную Окружность из спичек во всей ее первозданной красе! И тогда мертвечане с понятной им самим гордостью смогут сказать: это мы стояли у истоков самой смелой из всех человеческих идей. И золотыми буквами впишут тогда удаленный от всего на свете город Змбрафль в историю Земли. Запись будет простой, но емкой: Город Мертвых – Колыбель Человечества.

Анна Ляйхе,
соб. корр. газеты «Смерть Красна»

Между прочим, читая тошнотворный этот материал в перерывах между звонками, Рединготвсякий раз смахивал с глаз непрошеные (во всяком случае, им не прошенные!) слезы.

– Смотрите-ка, – говорил он растроганно Сын Бернару, – как топорно написано! Хуже просто не бывает... Но обратите внимание, до чего невинна рука, создавшая это убожество! Какой дремучей искренностью веет от каждой строки! Какая омерзительная проникновенность сквозит за немудреными мыслями автора! Поистине, пока живут в этом городе подобные Анне Ляйхе, я спокоен за судьбу Окружности.

Что касается Сын Бернара, то он не был знаком с приемами анализа публицистического текста, поэтому от прочитанного его просто мутило. Впрочем, не зная, как Рединготна самом деле относится к шедевру, Сын Бернар на всякий случай делал вид, что мутит его от пресыщенности жизнью.

– Вас от пресыщенности жизнью, что ли, мутит? – интересовался наблюдательный Рединготт.

– От нее, от нее проклятой! – бабьим голосом всякий раз отвечал Сын Бернар, шальной пулей вылетая за дверь.

А к концу недели Рединготуже принимал первых ходоков. У них не было имен. Они приходили издалека и рассчитывались по порядку номеров, чтобы к ним было как обращаться.

Так, по порядку номеров, Редингот и стал называть их, поручив Сын Бернару вести «Журнал поступления ходоков». Между тем ходоков становилось все больше и больше – скоро Редингот уже не успевал лично встречать каждого на пороге музея: Сын Бернар собирал приходивших в помещении музейной раздевалки, которую стали называть отстойником, но регистрировать всех не успевал.

– Сколько сегодня в отстойнике? – спрашивал Редингот и получал в ответ что-нибудь вроде: «Штук сорок-пятьдесят, я еще не считал!» или «Тридцать три ходока с ходоком», или «Ходок на ходоке и ходоком погоняет» и так разнообразно далее.

Кстати, типичной для ходоков особенностью было то, что они никогда не сидели и даже не стояли на месте: ходоки пребывали в беспрерывном движении. Даже попадая в отстойник, они продолжали автоматически двигаться, поэтому сосчитать их и там не было никакой возможности. Ходоки вели себя, как мальки в аквариуме: беспрестанно снуя туда-сюда, они менялись местами и только сбивали наблюдателя (Сын Бернара) с толку.

– Смирно, ходоки! – командовал Сын Бернар время от времени, но ходоки не слушались и продолжали сновать, как сновали. Вздохнув, Сын Бернар отлавливал первого попавшегося и доставлял к Рединготу. Редингот на десять минут отключал телефон и «входил в положение» ходока, который, как угорелый мечась по штабу, вел неспешный рассказ о своем житье-бытье.

Разные были они, ходоки. Разные думы думали, разными заботами делились, разные вопросы ставили... Но все желали понять, что ж это за штука-то такая – Абсолютно Правильная Окружность из спичек, какой в ней смысл?

Редингот отвечал честно, во всех подробностях рассказывая всем и каждому, что Абсолютно Правильная Окружность из спичек есть самая великая и бескорыстная из идей человечества, что смысла в ней нет никакого, что строить ее, в сущности, незачем, но строить надо, ибо ничего уж тут не поделаешь. Спокойно слушали его ходоки, меряя неторопливыми шагами пространство штаба и крепким мужицким умом своим пытаясь обнять грандиозность замысла. Чуяло, чуяло сердце их великую правду в словах Редингота. И пусть не каждый из них, уходя, уносил в сердце своем веру в завтрашний день, но светлым и безоблачным казался им день сегодняшний, и луч истины согревал их заскорузлые души.

– Замечательно интересные типы! – делился Редингот впечатлениями с Сын Бернаром. – Иногда такие вопросы ставят – просто в самую сердцевину вещей! Отличная это для меня школа.

– У Вас ведь уже есть одно образование, юридическое! – вслух удивлялся Сын Бернар.

– А такого образования, как «знаток человеческих душ», – нет, – признался как-то однажды Редингот. – В дипломе моем всего-то и написано что «Юра».

– Вас Юра зовут? – обрадовался Сын Бернар, которому не нравилось имя Редингот, а имя Юра нравилось с детства.

В ответ на этот глупый вопрос Редингот только покачал головой, а больше ничем не покачал:

– «Юра» – это международное обозначение правоведения.

– Извините, – смутился Сын Бернар. – Редингот тоже красиво звучит.

– Жаль, что как «знатоку человеческих душ» мне не выдадут диплома. Было бы забавно предъявлять его широкой общественности... Отловите мне еще кого-нибудь в отстойнике прямо сейчас. Ich habe Lust zu[11] поговорить с парой-тройкой других ходоков прямо сейчас: хорошие они мужики, за ними правда!

– Ходок номер двести один, – уже через несколько минут отрекомендовывался Рединготу совсем худосочный старичок в старомодном ветхом шушуне.

– Кого-то Вы мне напоминаете в своем старомодном ветхом шушуне, – задумался Редингот.

– Понятно кого! – рассмеялся начитанный ходок. – Мать Сергея Есенина, вот кого!

– Ах, да... – вспомнил Редингот. – Ну, конечно! Вы не присядете?

Вопрос оскорбил ходока.

---

[11] У меня есть желание (*нем.*).

– Я ходок! – гордо крикнул он. – И отец мой ходоком был! И дети ходоками будут. – После этого он заходил по штабу, как никто до него не ходил. Редингот вздохнул и шепнул Сын Бернару: «Больше не ловите мне таких резвых, ладно? Выбирайте каких пожирнее».

– Ну, ходок... – обратился он тут же в ту сторону, где только что видел ходока. – Как дела-то?

Похоже, ответ на этот вопрос у ходока был заранее готов:

– Да как дела... дела как сажа бела! – отозвался он уже из другого конца штаба.

– То есть? – призвал ходока к порядку Редингот.

Ходок вынужден был задуматься и ответить как положено:

– Нормально дела, спасибо.

– Чайку не выпьете? – спросил Редингот безнадежно.

– Да я ненадолго, – прослезился ходок.

– Я знаю, – с грустью заметил Редингот и патриархально поощрил ходока к разговору: – ...Ну, ходок, какие заботушки?

– Одна у меня заботушка, – охотно подхватил ходок и неожиданно грубо закончил: – Сынок спятил.

– Какой Вы грубый, ходок! – не выдержал из-под стола Сын Бернар.

– Ну-ка, ну-ка... выкладывайте, – оставив комментарий без внимания, оживился Редингот, – что с сынком-то? Сколько годков сынку, говорите?

– Да не говорю еще... – растерялся логичный ходок. – Вот только сейчас скажу: годков ему сорок пять.

– Баба ягодка опять! – не к месту сострил Сын Бернар, окончательно сбив ходока с панталыку. Ходок надолго замолчал, а Редингот пнул Сын Бернара ногой под столом.

– Спятил, говорите, сынок-то, а? – Редингот принялся спасать увядшую на корню беседу и ловко спас ее.

– Спятил, говорю! Скотину не выгоняет – раз! Землю не унаваживает – два! Бабу не тешит – три.

– Какую бабу? – праздно поинтересовался Сын Бернар и получил еще одного пинка.

– Свою бабу, натурально, – каку ж еще-то? – оскорбился за сынка ходок. – Спрашиваю, чего гнетет-то тебя, сынок? Говорит: окружнось, батя! Кака ж така окружнось-то, спрашиваю, – из спичек, батя, отвечает! Однем словом, спятил сынок-то...

– Сам ты спятил, батя! – нарушил сразу все приличия Сын Бернар, и теперь уже от бати получил такого пинка, что шизым орлом вылетел за дверь, которая за ним и захлопнулась.

– Собака! – в пустое пространство нагрубил ходок и продолжал – теперь уже в адрес одного Редингота: – Как же не спятил-то сынок, а, когда спятил?

– Хотите, стало быть, ответ знать? – на всякий случай спросил Редингот.

– Хочу! – не обманул ожиданий ходок.

– Ну, что ж... тогда скажите мне, номер двести один, где правда?

– Ты про что? – чуть не остановился, но все-таки не остановился ходок.

– Ах, ходок, ходок... – начал разводить руками беду Редингот. – Вчерашним днем живете, как я погляжу! Небось, еще плугом землю пашете да бороной боронite?

Мирозданье поплыло у ходока перед глазами: вековые основы жизни на селе обрушились в один миг. Он остановился-таки, схватился мозолистой рукой за край стола и чуть слышно спросил:

– Чем же еще пахать-то да боронить, милок?

– Да головой, отец, головой! – усмехнулся Редингот, пристально глядя на ходока.

Тут ходок почему-то начал оседать и хватать ртом воздух: ну, вылитый малек!

– Как же это – головой-то? – из глубины своего невежества подозрительно воззвал он, насилу отдышавшись.

– Мощью ума, силою мысли! – открыл карты Редингот.

Ходок заглянул в открытые Рединготом карты, но расклада не понял. Обнаружилось это, когда он задал следующий вопрос:

– Без плуга? Без бороны?

– Без плуга и без бороны! – торжествующе сказал Редингот. – А вот скажите мне еще: знает ли мысль границы?

– Это глядя кака мысль... – состорожничал ходок, пяля пустые глаза на собеседника.

– Неверно! – воскликнул Рединготт. – Никакая мысль не знает границ! Мысль свободна. Мысль – птица. Высоко парит она – и все ей подвластно! Heißa, juchei!

– Пойду я, мил человек, – неожиданно сказал ходок. – Пора мне...

– Стой, ходок! – пригвоздил его голосом к месту Рединготт. – Стой и внемли. Ибо не я говорю сейчас с тобой...

– А кто? – не дослушав, в ужасе перекрестился ходок – и взгляд его стал безумен.

– Человечество говорит с тобой, ходок! Человечество говорит с тобой на понятном тебе языке! (В этот момент лицо ходока совсем утратило человеческие черты, а сам ходок засмеялся). То самое человечество, которое в утробе своей выносило, а потом, уже вне утробы, выпестовало самую светлую, самую чистую и самую грандиозную мысль с тех пор, как стоит земля! Мысль о том, что из коротких прямых спичек может быть выложена по земной поверхности Окружность! И эта Окружность может быть Абсолютно Правильной! Напрягись, ходок! Напрягись как можешь!

По всему было видно, что ходок действительно напрягся, причем напрягся как мог, а мог – как парус. Результат такого напряжения не замедлил сказаться: ходок запрыгал по комнате, высоко подкидывая ноги к потолку и хохоча как бесноватый.

– Ну, это уж слишком, – поморщился Редингот, не любивший крайностей в проявлении чувств.

– Нет, а занятно, елочки-зеленые! – веселился ходок. – Ах, занятно!..

– Я знал, – резюмировал Редингот, – что Вы когда-нибудь очнетесь от вековой спячки! Ваш сын здоров! Он разорвал пелену сна прежде Вас.

– А я сейчас разорвал, – отчитался ходок и строго, но не к месту добавил: – Сон разума рождает чудовищ!

Редингот подошел к двери, приоткрыл ее и произнес:

– Сын Бернар, этот тоже готов.

Сын Бернар увел громко хохочущего ходока из штаба, вернулся и занес его номер в Журнал поступления ходоков.

– Не кажется ли Вам, – озабоченно спросил Редингот, – что номер двести один реагировал несколько странно?

– Да нет, – успокоил его Сын Бернар, – они все так реагируют. Если не тут, так в коридоре.

– Ну, тогда порядок! – облегченно вздохнул Редингот и занялся следующим ходоком, номер двести два. Тот оказался пожирнее двести первого – в точности как и просил Редингот. Миграции этого ходока по комнате уже не были столь стремительны.

Так проходили часы и дни. Впрочем, ни Редингот, ни Сын Бернар часов и дней не наблюдали – и не то чтобы они были ненаблюдательны (например, Редингот был очень даже наблюдательный), а

просто они были счастливы. Ведь есть ли на свете большее счастье, чем служить величайшей из идей человечества?

Однако нельзя сказать, чтобы Рединготне готовился к судебному процессу: еще как готовился! Когда не звонил телефон и не донимали ходоки, он раздумывал над речью, которую произнесет по телефону в защиту Марты. Речь была уже готова в принципе – осталось только подготовить ее в действительности. Рединготпонимал, с какими именно противниками придется ему столкнуться: в коррумпированном суде защитная речь только проформа! Само собой разумеется, Марту от пожизненного тюремного заточения ничто теперь не спасет, тут уж какие бы ни были у тебя аргументы – конец один. И Рединготругал себя последними словами: нет чтобы оказаться в первом доме по улице Без. Кончины недели на две раньше: тогда он успел бы застать Марту и удержать ее от поездки на Сицилию! Или – хотя бы поехал на Сицилию вместе с ней и показал бы сицилианской мафии Кузькину мать!.. Тем более что Кузькина мать сама говорила: «Распоряжайтесь мной, как собой: надо кому-нибудь меня показать – показывайте!»

– Кстати, где сейчас Кузькина мать – на случай чего? – спросил Рединготсын Бернара.

– Удивительным образом здесь! – Сын Бернар даже зарделся от собственной предусмотрительности. – Я уговорил ее пожить у Ближнего: он ее время от времени показывает женщине-врагу, чтобы та не очень задавалась!

– И как женщина-враг реагирует на Кузькину мать?

– Последнее время не очень... Теперь, скорее, Кузькина мать дрожит при виде женщины-врага, как будто это женщину-врага показывают Кузькиной матери.

– Да... – вздохнул Редингот. – Сдает Кузькина мать, утрачивает былую эффективность! Пригласили бы Вы ее как-нибудь к нам – на кофе!

– Да ну ее! – отмахнулся Сын Бернар. – Она страшнее смерти.

Однако уже на другой день Кузькина мать в сопровождении Ближнего заявилась в гости сама. И Ближний прямо с порога огорошил штаб ужасной новостью:

– Женщина-враг бежала!

– Лучше бы Кузькина мать бежала! – неадекватно реагировал Сын Бернар в присутствии самой Кузькиной матери.

– Я так и хотела сделать, – сообщила Кузькина мать, надувши безобразные губы. – Не могла уже больше видеть женщину-врага без содрогания... Не моя вина, что она бежала раньше… И вообще она не из-за меня бежала. Она не любила Ближнего своего.

Ближний заплакал.

– Не плачьте, Ближний! – вынес строгое замечание Редингот. – Вас же практически каждый любит – нашли о ком плакать, о женщине-враге!

– Меня влекло к ней, – признался Ближний.

– И теперь влечет? – задал каверзный вопрос Сын Бернар.

– Как же может влечь, когда неизвестно, где она? Нет, теперь уже не влечет.

– Значит, и проблемы нет, – вынес решение, как выносят покойника, Редингот. – Чего Вы пришли тогда? От работы отрывать?

– Во-первых, – Ближний решил отвечать подробно, – мне надо сдать назад Кузькину мать, ее некому теперь показывать. А во-вторых, я тоже решил посвятить себя Окружности, раз на личном фронте у меня все так сложилось.

– Вот слова зрелого мужа, – отнесся Редингот. – Вы и поедете на Сицилию.

– Окружность строить? – с надеждой спросил Ближний.

– Может быть, – уклонился Редингот. – Но не сразу. Мой план таков. Вы берете с собой на Сицилию Кузькину мать...

– Зачем она мне там? – растерялся Ближний.

– А затем, что на Сицилии Вам придется показать ее кое-кому.

– Да ее там уже, наверное, все видели! – запротестовал Ближний.

– Даже если так, пусть еще разок посмотрят.

– Но она практически вышла из строя! – настаивал Ближний.

– Это я из-за Вашей женщины-врага вышла из строя! – вмешалась Кузькина мать. – Я опять войду в строй дня через два-три.

– А ехать когда? – В голосе Ближнего опять появилась надежда.

– Ехать прямо сейчас, – сказал Редингот. – Придется Кузькиной матери по дороге в строй войти. И поймите наконец, Ближний: на вас сейчас смотрит все человечество.

Ближний достал из кармана гребешок и кокетливо причесался. Потом отрапортовал:

– Я готов.

– Вот и ступайте, – попрощался Редингот.

– И мне ступать тоже? – спросила Кузькина мать.

– Конечно. Ступайте вместе с Ближним.

– А кому показывать-то ее? – с приличного уже расстояния крикнул Ближний.

– Показывайте каждому – не ошибетесь! – общо высказался Редингот. – Остальное сообщу по телефону.

– Теперь, может, и речь готовить не обязательно? – спросил Сын Бернар после их ухода. – Когда Ближний покажет там всем Кузькину мать, никому уже будет не до речи.

– Речь надо готовить на всякий случай, – возразил Редингот. – А именно на тот случай, если Кузькина мать не произведет сильного впечатления. На меня она, например, сильного впечатления не производит.

– Да Вы просто приглядeлись! – сказал Сын Бернар. – Определенно! Столько раз, сколько Вам показывали Кузькину мать, никому ее, наверное, не показывали.

– Это точно, – усмехнулся Редингот. – Мне она уже просто как родная мать стала.

Зазвонил телефон. Редингот молча выслушал сообщение и с остервенением бросил трубку.

– Вот гады! – выругался он. – В Швейцарии строителям окружности оказывают сопротивление вооруженные банды банковских воротил.

– Что же Вы не поговорили с тем, кто звонил? – остолбенел Сын Бернар.

– Это не телефонный разговор, – многозначительно сказал Редингот. – Видно, и нам пора вооружаться, чтобы защищать Окружность на поле брани.

– Ура! – сразу воодушевился Сын Бернар. – Обожаю брань!

– Да и я, пожалуй, за словом в карман не полезу, – признался Редингот и в подтверждение своих слов выругался так грязно, что запачкал всего Сын Бернара.

ГЛАВА 16
Сюжетные нити собираются в узел

Время от времени полезно делать ревизию в структуре художественного целого – иначе в ней (структуре художественного целого) легко потерять ориентацию. А это никуда не годится, ибо автор обязан постоянно быть в курсе того, где в данный момент пребывают все, кого он безрассудно наплодил. Это профессиональный – а если хотите, и отцовский! – долг автора. Разбуди автора ночью в какой-нибудь чужой постели – он должен, не задумываясь, выдать любую справку по поводу любого персонажа. Где у тебя, дескать, сейчас Марта? Марта у меня сейчас в тюрьме! Где у тебя сейчас Случайный Охотник? Случайный Охотник у меня сейчас под нависшим ледорубом Хухры-Мухры! Ответам полагается быть короткими и точными, как если бы их давала машина.

В данном же случае автор не очень уверенно себя чувствует на предмет где кто... Нет, с основными персонажами полный порядок: каждый находится в специально отведенном для него авторским замыслом месте. А вот что касается персонажей второстепенных, тут, извините, полная неразбериха. Прежде всего, непонятно, сколько их, куда их гонят, кто конкретно гонит и зачем. Остается полной за-

гадкой и где найдут они приют. Яснее ясного фактически только одно: они многочисленны, многонациональны и небрежно разбросаны по всему земному шару. На его поверхности они какого-то черта решили выкладывать из спичек Абсолютно Правильную Окружность, но это их дело, а не мое и не ваше. Мое дело пописывать, ваше – почитывать.

Жалко, правда, что мы все каким-то нелепым образом оказались в одной куче... Хорошо бы, персонажи строили свою Окружность в стороне от нас, я бы пописывал где-нибудь в другом месте что-нибудь другое, а вы бы почитывали где-нибудь в третьем месте что-нибудь третье – необязательно же всем так группироваться, просто друг на друге сидеть! Я бы, например, с удовольствием писал сейчас какие-нибудь сказки старого Арбуза или что-то в этом роде, а вы бы, например, читали историю одной семьи, где дети вообще не понимают родителей, родители в такой же степени не понимают детей – и все несчастны, и все катятся по наклонной плоскости – по двум наклонным плоскостям (родители по своей, дети по своей) в разные стороны, и семья распадается, и это жестокий урок для всех действующих лиц, их исполнителей, а также зрителей и критики...

Ан нет, судьба-злодейка свела нас всех вместе, под съехавшей крышей одного и того же художественного произведения!.. И при этом персонажи, пусть и второстепенные, начинают расползаться, как тараканы, – только и успевай за ними... Подумать только: мы еще ни разу не были в Бельгии, во Франции и Швейцарии, а также в

Ливии, Египте и Судане, даже не заглядывали в Индонезию и на Филиппины, ни разу не посетили северную оконечность нашей с вами родины и Гренландию, не поплавали фактически по морям-океанам – исключая Северный Ледовитый, по которому без ледокола, в крайнем случае – без дырокола, не очень-то поплаваешь, а ведь во всех этих местах тоже происходят какие-никакие события, ибо и там пролагается Абсолютно Правильная Окружность из спичек! И, может быть, тот или иной нетерпеливый читатель уже нервничает и сидит на чемоданах: когда же, дескать, когда в путь?

Да вот хоть прямо и сейчас – что нам, собственно, мешает? Основные действующие лица и их исполнители крепко привязаны – самое время устроить себе увеселительную (если, конечно, получится увеселительная!) прогулку вместе с героями старой немецкой песни Эдуардом и Кунигундэ, которых почему-то захотелось ввести в текст – может быть, по причине крайней глупости этой старой немецкой песни, в которой у Кунигундэ губы, как спелые вишни, и в которой Кунигундэ «war nicht treu», то есть «была неверна», или «не была верна» – по-русски сразу же начинаются проблемы! – короче говоря, изменила своему Эдуарду – и произошло это тогда, когда тот был в бою. Как там дальше все развивалось, значения не имеет, хоть дальше все развивалось, прямо скажем, ужасно. Но дело не в этом – благородный Эдуард и неверная Кунигундэ нужны нам просто как спутники, милые такие и беспокойные, с которыми не соскучишься. И зовут обоих очень красиво. А потом, они в данный мо-

мент совершенно свободны, поскольку пролагать свой участок Правильной Окружности из спичек они уже закончили. Мучиться им особенно не пришлось, ибо в ходе жеребьевки перепала им от Редингота Бельгия, а в Бельгии какие особенные проблемы? Трудолюбивое приветливое население, которое бросается тебе помогать даже прежде, чем их попросишь! Поэтому не успела неверная Кунигундэ изменить благородному Эдуарду с одним ужасно богатым зубным врачом, у которого было множество пациентов, а зубов – ни одного (иными словами – сплошные прибыли и никаких затрат), как бельгийский участок Окружности был построен самими бельгийцами – оставалось только дождаться, когда подойдут англичане с одной стороны и французы с другой. Благородный Эдуард и неверная Кунигундэ срочно дали телеграмму в Змбрафль, откуда практически сразу же получили ответ, сформулированный весьма изысканно:

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО БЛАГОДАРИТ ВАС ПРОДЕЛАННУЮ РАБОТУ ПРОСИТ НАВЕСТИТЬ СТРОИТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ ПРОПАЛИ СВОЛОЧИ ПРИЯТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ЛИЦА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА РЕДИНГОТ».

Надо ли говорить, что благородный Эдуард и неверная Кунигундэ никогда еще не получали благодарности от лица человечества, а получив ее, почувствовали себя за все в ответе и с первым же попавшимся поездом отправились во Францию. Первый попавшийся

поезд оказался скорым и идущим вовсе даже в Германию, но ради такого дела поезд проследовал, разумеется, без остановки, в совершенно противоположном направлении вместе со всеми пассажирами, которые – тоже ради такого дела – плюнули на Германию и решили лучше ехать во Францию.

Выйдя на вокзале в Париже, благородный Эдуард и неверная Кунигундэ сразу предъявили носильщику телеграмму и спросили его, знает ли он сволочей, о которых в ней идет речь.

– Да кто ж их тут во Франции не знает! – хмыкнул носильщик.

– Неужели они уже успели настолько покрыть себя позором? – гневно воскликнул благородный Эдуард. Носильщик сначала печально кивнул, потом приветливо улыбнулся и сказал: – А я узнал вас! Вы благородный Эдуард, а Вы – неверная Кунигундэ, не правда ли? Про вас еще одна идиотская песня поется по-немецки! Сам-то я из Эльзаса родом...

– Ах, Эльзас, мой Эльзас, ты моя религия, – пропела неверная Кунигундэ и стремительно изменила благородному Эдуарду с носильщиком, причем благородный Эдуард благородно сделал вид, что не заметил этого.

– У нас в Эльзасе, – признался носильщик, – эту песню все знают.

– Надо бы как-нибудь туда к Вам приехать! – мечтательно сказала неверная Кунигундэ.

– Может быть, Вам известно, где сейчас находятся сволочи? – перешел к делу благородный Эдуард, с трудом дождавшись, пока неверная Кунигундэ завершит измену с носильщиком.

– Да кто ж этого тут во Франции не знает! В данный момент сволочи находятся во чреве Парижа. – И носильщик быстро, как кофе, растворился в пестрой парижской толпе.

– Чрево Парижа! – отчеканил благородный Эдуард в такси, и таксист дал угарного газу: адрес был знаком ему с пеленок.

Пока неверная Кунигундэ поспешно изменяла с таксистом благородному Эдуарду, тот готовил язвительную импровизацию в адрес сволочей. Он едва успел все обдумать к тому моменту, когда таксист и неверная Кунигундэ отвернулись друг от друга, как незнакомые.

– Чрево. Сто пятнадцать франков, – ухмыльнулся прелюбодей и коварно спросил благородного Эдуарда: – Вы случайно ничего не заметили по пути?

– Нет-нет, – вежливо отвечал благородный Эдуард. – Разумеется, ничего. Решительно ничего!

И всех участников неприятной этой сцены поглотило зловонное чрево Парижа. Человеческие отбросы постиндустриального французского общества липли к благородному Эдуарду и неверной Кунигундэ с грязными предложениями – благородный Эдуард отвергал каждое из них, а неверная Кунигундэ принимала. Крепко держа неверную Кунигундэ за руку, благородный Эдуард пробивал-

ся сквозь толпу оборванцев, просто носом чуя местонахождение сволочей. Оказавшись наконец возле них, благородный Эдуард, тем не менее, спросил:

– Вы, что ли, и есть сволочи?

– Конечно, мы, а то кто же! – бравируя своею низостью, отвечали сволочи: один мужчина и две женщины.

Подойдя к мужчине, неверная Кунигундэ внезапно изменила с ним благородному Эдуарду, а благородный Эдуард сумел, уложившись в это время, от начала до конца произнести подготовленную в такси речь.

– Вы, – говорил он сволочам, – смердите, как трупы. Вы загнили и разложились – и сами не заметили как! Настоящая жизнь, полная смысла, проходит мимо вас. Здесь, в самой глубине чрева Парижа, вы предаетесь греху и пороку, забыв о священном своем долге по отношению к человечеству, между тем как человечество взывает к вашей давно потерянной совести. Миллионы ждут от вас простейшей операции, которая под силу и инвалиду, между тем, как три здоровенных лба валяются на боку, и не думая пошевелить ни одним своим утлым членом!

– Вы вообще-то кого имеете в виду? – осторожно попытались понять этот красивый монолог две сволочи, а именно женщины. Они с интересом слушали благородного Эдуарда, в то время как третья сволочь, а именно мужчина, многократно подтверждал на практике репутацию неверной Кунигундэ. Однако сбить благород-

ного Эдуарда с ритма не удалось: его язвительная и полная справедливого негодования речь продолжала звучать несмотря ни на что.

– Час пробьет – и Вам придется держать ответ перед всеми людьми доброй воли! Они спросят вас: скажите нам, сволочи, чем вы занимались тогда, когда лучшие умы человечества кипели и бурлили? Мы валялись на боку, – ответите вы, – и презрение будет вам заслуженной наградой! Дети будут плевать вам вслед, а щедро убеленные сединами старцы, качая мудрыми головами, пройдут мимо, даже не удостоив вас взглядом. И в историю ваши имена войдут не как овеянные славой, а как покрытые позором и ненавистные людям. «Неприкасаемые!» – будут говорить о вас и брезгливо морщиться. И никто не подаст вам хлеба или воды, никто не укроет вас теплым одеялом, никто не сядет на край вашей содомитской постели, чтобы облегчить вам последние часы пребывания на земле. И могил ваших не посетит ни одна собака, ибо не будет могил: прах ваш развеют по ветру, чтобы искоренить память о вас на веки вечные!

Выслушав эту речь, сволочи вопреки ожиданиям только нагло улыбнулись в ответ и принялись еще больше кичиться своею низостью. Такой цинизм вынудил благородного Эдуарда на прямой вопрос:

– Понравилась ли вам, сволочи, моя речь?

– Очень, – искренне сказали сволочи, теперь уже втроем, поскольку мужчина покинул неверную Кунигундэ и присоединился к своим порочным подругам. – Только мы считаем, что она перегружена образами. В остальном же – просто здорово! Трудно сделать лучше. Как долго Вы работали над нею?

– Совсем недолго! – скромно ответил благородный Эдуард. – Ровно столько, сколько занимает путь от вокзала до чрева Парижа.

– Ну, тогда тем более! – сказали сволочи и зааплодировали. Потом они собрали своих приятелей-подонков и упросили благородного Эдуарда повторить речь. Благородный Эдуард посмущался для порядка, но все же повторил – и притом не один раз, а несколько, поскольку все новые и новые подонки желали послушать благородного Эдуарда. Естественно, неверная Кунигундэ тотчас же изменяла благородному Эдуарду с каждым вновь прибывавшим подонком, но этого никто – включая саму неверную Кунигундэ – не замечал, настолько всепоглощающим было внимание слушателей к словам благородного Эдуарда.

Когда во чреве Парижа не осталось практически ни одного подонка, который не слышал бы выступления Эдуарда, и слушатели разошлись, – сволочи, оставшись наедине с благородным Эдуардом, обратились к нему с вопросом:

– Так... что Вы всем этим хотели сказать?

– Охотно поясню, – отвечал благородный Эдуард, предвидевший, как оказалось, трудности с толкованием речи, и в короткой

лекции познакомил слушателей с основами герменевтики, ибо рассматривал прозвучавший текст как боговдохновенный. В самом начале лекции слушатели заснули, ибо время уже было позднее, и, проснувшись под утро, спросили благородного Эдуарда:

– Простите, что Вы сказали?

Вместо ответа благородный Эдуард ударил сволочь-мужчину по лицу, а неверная Кунигундэ ударила по лицу сволочей-женщин. Сволочи спросонья не поняли, за что, и страшно надулись на благородного Эдуарда и неверную Кунигундэ, причем настолько, что тем пришлось на коленях вымаливать прощение сволочей. Когда сволочи простили их, благородный Эдуард и неверная Кунигундэ поинтересовались:

– И какие же у вас, сволочи, дальше планы?

Сволочи поделились планами, которые не были обширными: оказывается, они запланировали целый день проваляться на боку и пригласили благородного Эдуарда и неверную Кунигундэ разделить с ними досуг. Чтобы не показаться сволочам невежливыми, благородный Эдуард и неверная Кунигундэ так и поступили.

Когда забрезжил и отбрезжил рассвет, благородный Эдуард и неверная Кунигундэ опять спросили сволочей об их планах. Сволочи наконец ответили так, как ожидали благородный Эдуард и неверная Кунигундэ, а именно:

– Мы охотно выслушали бы ваши предложения.

Тут-то благородный Эдуард и неверная Кунигундэ и предложили сволочам покинуть зловонное чрево Парижа, выйти на улицы столицы и ударным трудом во славу будущего встретить новый день.

– А станете ли и вы ударно трудиться во славу будущего? – мелочно поинтересовались сволочи.

– Разумеется! – с негодованием воскликнули благородный Эдуард и неверная Кунигундэ. – Ибо мы отвечаем за все!

К сожалению, последнюю фразу услышали не только сволочи, но и граждане Французской Республики. Они сразу же собрались возле благородного Эдуарда и неверной Кунигундэ и попросили их повторить сказанное. Неверная Кунигундэ незамедлительно изменила благородному Эдуарду с гражданами Французской Республики, после чего взяла благородного Эдуарда за руку – и повторила от собственного и от его имени:

– Мы отвечаем за всё.

Убедившись в том, что они правильно поняли благородного Эдуарда и неверную Кунигундэ, граждане Французской Республики с готовностью предъявили им свои требования, которые в конспективном виде выглядели следующим образом:

1. *совершенствование правовой системы государства*,
2. *сокращение рабочей недели на один день*,
3. *повышение заработной платы на один франк*,
4. *удешевление экологически чистых товаров*,

5. *полная свобода религиозных отправлений*.

Когда благородный Эдуард и неверная Кунигундэ с неохотой выполнили все требования, некоторые граждане Французской Республики горячо поблагодарили их и холодно разошлись по домам, другие же в знак благодарности спросили:

– Какие у вас проблемы, дорогие вы наши?

Благородный Эдуард и неверная Кунигундэ честно признались, что лично у них никаких проблем нет, зато у человечества, которое они тут представляют, проблемы есть – во всяком случае, одна, а именно – построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Оставшиеся граждане Французской Республики сочли это неуместной шуткой и, укоризненно взглянув на шутников, отправились по своим делам.

– Сволочи, где лежат спички? – взревели благородный Эдуард и неверная Кунигундэ, выйдя из себя в другое место и вознамерясь на сей раз строить Окружность своими сильными руками.

– Спички кончились, – равнодушно сказали сволочи и засмеялись.

– Вы хотите сказать, что спичек не хватило? – сильными руками уцепился за ответ сволочей благородный Эдуард.

– Спичек всегда не хватает, – ускользнув в живописную область жизненного опыта, ответили сволочи.

Тут благородный Эдуард, не страшась последствий, решил задать вопрос напрямую и задал:

– На что же вы, сволочи, спички-то извели?

Вопреки ожиданиям сволочи тоже ответили напрямую:

– Мы курили и варили глинтвейн.

– Так много? – на минуту забыв о своем благородстве, воскликнул благородный Эдуард.

– Увы, – сказали сволочи и опять засмеялись.

– Что ж теперь с Окружностью? – обомлел благородный Эдуард.

– С какой окружностью? – невинно спросили сволочи.

В ходе непринужденного разговора выяснилось, что сволочи просто напрочь забыли, для чего их когда-то командировали во Францию, – более того, всем троим уже казалось, что именно во Франции они и родились. Используя природную наблюдательность, благородный Эдуард тактично намекнул им, что родились они отнюдь не во Франции.

– А где? – спросили сволочи, и благородный Эдуард честно ответил где. После этого сволочи покрылись пятнами стыда и не знали куда деваться.

– Куда нам деваться? – растерянно топчась на месте, спросили они благородного Эдуарда.

– Почем же я знаю? – развел руками благородный Эдуард.

К несчастью, сведение о том, где родились сволочи, дошло и до человеческих отбросов чрева Парижа. Посовещавшись, они подошли к сволочам вплотную и сказали:

– После того, как мы только что узнали, где вы родились, мы не считаем возможным ваше дальнейшее пребывание среди нас.

Сволочам ничего не оставалось делать, как покинуть чрево Парижа и поискать себе пристанища в более фешенебельных районах французской столицы. В этих поисках сопровождали их благородный Эдуард и неверная Кунигундэ. Наконец все вместе нашли они уютный особнячок в Латинском квартале – в особнячке сволочи и поселились, предварительно спросив местное население:

– Ничего, что мы сволочи?

– Нормально, – мрачно ответило местное население. – Все соседи сволочи.

Деньги на оказавшийся довольно дорогим особнячок одолжили у Кунигундэ, сравнительно (с двумя женщинами-сволочами) много заработавшей на проституции, и благородного Эдуарда, нашедшего свое призвание в незаконной торговле наркотиками.

Как-то за завтраком, лакомясь круассанами, благородный Эдуард спросил:

– Кто-нибудь помнит, зачем мы все здесь оказались?

Выяснилось, что не помнит никто.

– Это парижский воздух! – воскликнула вторая женщина-сволочь. – Он кружит голову, как шампанское! Глотнув его, начисто за-

бываешь обо всем. – И, хохоча, как дура, она убежала целовать прохожих студентов-гуманитариев. Благородный Эдуард хотел плюнуть ей вслед, но, вспомнив о своем благородстве, не плюнул.

Телеграмма, которую он через минуту отправил в Змбрафль, найдя адрес Редингота вытатуированным на своей спине (благородный Эдуард использовал и выбросил два зеркала, чтобы прочесть этот адрес), была предельно коротка и гласила:

«ЗАЧЕМ МЫ ЗДЕСЬ ВПРС»

Ответ пришел незамедлительно:

«ВАШУ МАТЬ ВЫКЛАДЫВАТЬ ОКРУЖНОСТЬ ВСКЛ»

Прояснилось, таким образом, всего-ничего, в то время как затуманилось, наоборот, довольно много: в частности, словосочетание «вашу мать выкладывать» поставило благородного Эдуарда не только в странное положение по отношению к его покойной матери, но и просто в тупик. Благородный Эдуард хотел выбросить неприятную для него телеграмму, да призадумался, а телеграмму в руке держал. На ту беду неверная Кунигундэ близехонько и так далее... короче, как начала неверная Кунигундэ благородного Эдуарда нахваливать изо всех сил – тот телеграмму-то и выронил. А неверная Кунигундэ телеграмму-то схватила – только ее и видели. Благород-

ный же Эдуард совсем ни одного слова из телеграммы вспомнить после этого так и не смог – виноват был, как справедливо сказала вторая женщина-сволочь, парижский воздух: он кружил голову и заставлял позабыть обо всем.

Что касается неверной Кунигундэ, то она, изменяя благородному Эдуарду с одним Служителем Культа Личности, показала ему телеграмму, вроде бы, для смеха («вашу мать выкладывать» – ха-ха-ха!), однако – в отличие от благородного Эдуарда – Служитель Культа Личности прекрасно понял, о чем в телеграмме шла речь. Понявши же это, немедленно принялся действовать – и действовал безотказно, что твой автомат Калашникова.

На тот момент Служитель Культа Личности уже давно поведал Личности, культу которой он служил, что Кунигундэ во время родов (Кунигундэ частенько рожала) начала кричать на родном языке Служителя Культа Личности. Так Служитель Культа Личности, случайно находившийся поблизости от места рождения Кунигундэ очередного отпрыска, и получил сведения о великом замысле человечества и о том, что у Окружности есть мозговой центр, адрес которого вытатуирован на спине благородного Эдуарда. В систему этих сведений органично встроилась телеграмма, полученная благородным Эдуардом, о доставке которой Служитель Культа Личности тоже немедленно отчитался Личности.

Приняв отчет и почесав в бороде, Личность, до этого покойный, весьма оживился и спросил:

– Кстати, а не помнит ли неверная Кунигундэ адреса, вытатуированного на спине благородного Эдуарда?

– Не только неверная Кунигундэ, но и благородный Эдуард не помнят его, ибо головы им закружил парижский воздух! – воскликнул Служитель Культа Личности и со знанием дела добавил: – Он же пьянит, как шампанское!

– Ах, да... – вспомнил Личность, но воспоминания не увели его далеко. – Пусть тогда неверная Кунигундэ спишет адрес со спины благородного Эдуарда и передаст его нам где-нибудь в Булонском лесу.

– Это невозможно, – твердо сказал Служитель Культа Личности. – Неверная Кунигундэ никогда – слышите, никогда! – не видела тела благородного Эдуарда. Они не были близки.

– Откуда же такая осведомленность о спине? – саркастически заметил совсем уже оживший и сделавшийся поэтому фривольным Личность.

– Из надежных источников, – убежденно, но обтекаемо выразился Служитель Культа Личности и щедро дал Личности напиться из тех же самых источников.

Личность напился и, отвалившись, заметил:

– Я сделался мятежным и теперь стану вредить делу построения Правильной Окружности из спичек особенно последовательно.

– Поймут ли Вас люди? – озаботился за него Служитель Культа Личности.

– Люди? – только и переспросил Личность. – А люди ли это!..

Подождав и не дождавшись какого-нибудь довеска к сказанному, Служитель Культа Личности решил в очередной раз дать присягу на верность Личности, ибо это никогда не лишне. Он поставил стул на стол, залез как можно выше и оттуда свысока принес присягу, назвав в ней Личность раздолбаем.

Личности не очень понравились содержание и текст присяги, но, учитывая высокое положение говорившего, Личность смолчал и принял принесенную ему присягу как данность.

Между тем, спустившись вниз, Служитель Культа Личности имел вид щенка, написавшего в хозяйские ботинки, и ничуть не удивился, тут же услышав от Личности:

– Убил бы я тебя прямо на месте, да боюсь, что кроме тебя, никто мне больше служить не будет!

– Вам? – обалдел Служитель Культа Личности. – Да любой просто за счастье почтет... Следовать за мыслями великого человека есть наука...

– Да ладно классиков-то цитировать! Тем более – таких...

Короче, инцидент был в который раз навсегда исчерпан – Личность и Служитель Культа Личности обнялись и выработали стратегию совместных действий, хитроумности которой подивился бы и видавший виды городов мира Редингот. Кстати, возможность подивиться представилась ему практически сразу же: уже дня через два: Сын Бернар, ежедневно знакомившийся с прессой и собиравший

любые сведения, которые прямо или косвенно могли бы касаться Абсолютно Правильной Окружности из спичек, положил перед Редингото́м небольшое объявление, неаккуратно вырезанное из одной провинциальной французской газеты.

Объявление было коротким и жестким:

«ВСЕ, КОМУ ДОРОГА СУДЬБА ПРАВИЛЬНОЙ ОКРУЖНОСТИ ИЗ СПИЧЕК, ВСТРЕЧАЮТСЯ В ПАРИЖЕ».

Больше в объявлении не было ничего.

Редингот не просто оторопел – Редингота словно наголову разбил паралич: он держал в руках неаккуратно вырезанное объявление и остановившимися в пустоте глазами видел опередившую его эпоху. Сын Бернар даже позволил себе взорвать перед ним изготовленную в Германии новогоднюю бомбу, но и оглушительный взрыв не вывел Редингота из состояния задумчивости. Только когда неожиданно возникла такая странная ситуация, что мышка бежала, хвостиком махнула, – Редингот вздрогнул и сказал:

– Ну и пакостную, однако, стратегию разработали Личность и Служитель Культа Личности!

Наивный, как Алеша Пешков, Сын Бернар не понял ни единого слова Редингота и ждал пояснений, которые не замедлили последовать, ибо мощным своим интеллектом Редингот сразу же разгадал не только авторский почерк незнакомых ему противников, но и их

коварные планы. Противники, конечно же, пытались, оторвав всех строителей Окружности от первоочередных задач, заманить их в Париж и дать парижскому воздуху настолько закружить им головы, чтобы лучшие умы человечества навеки забыли об Окружности.

– Мне только кажется, – робко заметил Сын Бернар, – что они просчитались насчет Вас: Вам парижский воздух голову не закружит.

– В том, что касается меня, у них другие намерения, – ответил Редингот. – И намерения эти таковы: добыть мой адрес, вытатуированный на спине благородного Эдуарда, и уничтожить меня, а в моем лице – мозговой центр Абсолютно Правильной Окружности из спичек.

– Как Вам удалось столь глубоко проникнуть в бесчестные намерения неприятелей? – поразился Сын Бернар. – В телеграмме нет ни слова о спине благородного Эдуарда!

Редингот усмехнулся:

– На этот вопрос Вам охотно ответила бы сидящая в тюрьме Марта. Она единственная, кому известна загадка Редингота.

– В чем же загадка? – полюбопытствовал Сын Бернар.

– А в том, дорогой мой, что Редингот не фунт изюма. Впрочем, едва ли Вы поймете, что я имею в виду.

Сын Бернар, немедленно поверив Рединготу, даже и не стал пытаться понять его. Спросил только:

– Что же нам делать теперь?

– Прежде всего – приоритировать наши задачи. На повестке дня стояло...

– ...вызволение Марты посредством Вашей речи или Кузькиной матери, – подхватил Сын Бернар, – потом отпор вооруженным бандам банковских воротил в Швейцарии и, наконец, Париж, если я правильно понял.

Редингот схватился руками за голову Сын Бернара, как если бы хотел обзавестись еще и ею. Тот вежливо попытался отделиться от пока еще собственной головы, желая помочь Рединготу хоть в этом, но, к сожалению для обоих, не смог. Таким образом, Редингот понял, что обходиться опять придется одною своей головой, и стал делать это незамедлительно. А придумал он вот что...

ГЛАВА 17

Сюжетный узел разрубается без сожаления о поврежденном сюжетном узле

Очень хороший способ взаимодействия с читателем – разрубание сюжетного узла. Автор, который прибегает к такому способу, часто идет фактически навстречу пожеланиям читателя. Читатель ведь сам не вправе разрубить ни единого сюжетного узла: ему приходится проглатывать их, словно комки в манной каше, – занятие, как каждый с детства знает, не из приятных. От этого читателя даже может начать выворачивать – и такая реакция вполне естественна, так что автору не следует морщиться и отводить глаза в сторону, например, торжественно заходящего за горизонт солнца... тут уж, извиняюсь, не до эстетики, ибо время, скорее, оказывать читателю первую помощь, чем думать о поруганном чувстве красоты.

Одна из наиболее замечательных форм оказания первой помощи – кроме всем давно уже наскучившей формы с почти неприятным названием «рот в рот» – и есть разрубание сюжетного узла. Разрубленный сюжетный узел менее опасен для пищевода, чем не разрубленный. Многое, конечно, зависит от того, как разрубить, однако в любом случае проглотить хотя бы и два маленьких комка манной

каши все же приятней, чем один большой. А если сюжетный узел удастся размозжить, то комков и вовсе не будет ощущаться. При таком удачном исходе автор смело может любоваться торжественно заходящим за горизонт солнцем, отнюдь не будучи озабоченным тем, что читателя выворачивает где-то неподалеку.

Другое дело – что для грамотного разрубания сюжетного узла необходим какой-никакой талант. Накрутить-навертеть – это любому под силу, но только подлинный писатель способен хирургически точным движением рассечь тут все к лешему, не зарубив при этом ни одного из ведущих персонажей и дав каждому шанс увернуться из-под разящей стали, – вот он, талант!

Данный талант и будет продемонстрирован Вашим, дорогой читатель, покойным слугой – причем незамедлительно, на ограниченном пространстве текущей в Лету главы. Замечу только, что всуе упомянутый покойный слуга осуществит данную демонстрацию настолько элегантно, словно это демонстрация коллекции последних моделей Карла Лагерфельда!

...Ближний, одетый под турецкого пашу, волок за собой пестрый тюк, в котором угадывались очертания человека, причем человека женского пола.

– Что там у Вас в тюке – интересненькое что-то? – время от времени интересовались некоторые из сицилианцев, в совершенстве владевшие турецким языком.

– Да нет, – по-итальянски смущался Ближний, забывший выучить турецкий язык, но от рождения в совершенстве владевший итальянским (дело в том, что кормящая мать Ближнего зачастую распевала в процессе кормления удивительные по красоте песни из богатого репертуара нынче, говорят, не такого уже богатого Робертино Лоретти, в силу чего Ближний, можно сказать, с молоком матери всосал в себя звучный Italiano). – Скажете тоже – «интересненькое»! – И, так вот неопределенно высказавшись, Ближний уволакивал свой тюк в сторону от владевших турецким языком сицилианцев – поближе к сицилианцам, владевшим материнским языком Ближнего.

Вдруг из кустов бузины выскочил обнаженный добела мужчина и, громко представившись как сексуальный маньяк, крикнул на всю Сицилию:

– У Вас там в тюке женщина! Я чую!

Падкие на женщин сицилианцы сразу же собрались вокруг тюка, зажужжав как мухи, а сексуальный маньяк, не в силах сдержать с детства присущей ему распущенности, бросился непосредственно в эпицентр тюка и прямо в эпицентре вступил в непристойный контакт с находившейся там (как известно читателю) Кузькиной матерью. В интервью, данном им на следующий день сицилианской газете «Buondi, mafiosi!», сексуальный маньяк подробно рассказал о пережитом им во время упомянутого акта ужасе. «Я покрылся мурашками, – признавался он на своем сочном итальянском, – едва

лишь завидел объект собственных поспешных вожделений. Но, к сожалению, было уже слишком поздно: присущая мне с детства распущенность взяла свое, и я как бы со стороны наблюдал за моими же отвратительными действиями по отношению к Кузькиной матери, чья внешность практически не поддается описанию даже и на сочном итальянском».

Интервью это быстро облетело сицилианские дома – видавшие виды сицилианцы уже на следующий день за версту огибали Человека с тюком, как здесь успели окрестить Ближнего. Будем время от времени так называть его и мы.

Человек с тюком мог теперь беспрепятственно продвигаться по Сицилии: содержавшаяся в тюке Кузькина мать внушала сицилианцам такой страх, что никому и в голову не приходило остановить поступательное движение Человека с тюком к мрачно возвышавшемуся в отдалении зданию тюрьмы. Понятно, таким образом, что Человек с тюком фактически ослушался Редингота, давшего ему поручение показывать Кузькину мать всем и каждому. Впрочем, не показывая ее вообще никому, он добился еще большей действенности Кузькиной матери, правильно рассчитав, что – сейчас читателю следует приготовиться к тавтологии – воображаемый ужас ужаснее ужаса реального.

Вот и тюремщики сдались без боя: издалека разглядев Человека с тюком, они выбросили из окна к чертовой матери сначала белый флаг, а потом начальника тюрьмы, ударившегося об землю,

обернувшегося белой лебедью и утратившего тем самым как все человеческое, так и возможность участвовать в дальнейших событиях. Что касается тюремщиков, то, проделав все вышеописанное, они не придумали ничего лучше, как запереться в камерах и не отвечать на стук. Впрочем, Человек с тюком и не стучал: узнав от местной ребятни, что Марта под ручку с Мертвецом давно бежала из тюрьмы, он утратил интерес к этому мрачному зданию и отправился на поиски Марты.

Влекомая им за собой Кузькина мать ныла и просила посидеть где-нибудь в тенечке. Это раздражало Человека с тюком, не считавшего, что для нытья сейчас имеются веские основания. Судьба Марты всерьез беспокоила его и, никак не реагируя на безответственное поведение Кузькиной матери, он изучал следы на дороге, то и дело обращаясь к книге «Юный следопыт». Бесстрашная сицилианская ребятня неслась за ними с криками: «Жених и невеста сходили в одно место!» – Человек с тюком хотел было расстрелять деток из имевшегося у него в руке пистолета, но детки взмолились не трогать их, обещая Человеку с тюком сослужить ему службу в будущем. Не дожидаясь будущего, Человек с тюком потребовал, чтобы служба была сослужена немедленно. Деткам ничего не оставалось, как тут же найти на дороге следы копыт и объяснить Человеку с тюком, что сбежавшая из тюрьмы Марта одичала – и, увы, оставляет теперь только такие следы.

– Бред какой! – сказал Человек с тюком, но все равно пошел по следам и вскоре увидел Марту в костюме амазонки: Марта сидела на коне и стреляла во все стороны из репчатого лука. В таком виде она Человеку с тюком не очень понравилась.

– Я одичала, – краснея, как дорогая рыба, подтвердила Марта, почувствовав неприязнь незнакомца, и спросила: – Чего Вы от меня хотите, Человек с тюком?

– Я пришел освободить Вас из тюрьмы посредством Кузькиной матери, – прямо ответил Человек с тюком и показал Кузькину мать.

– Освобождать уже не требуется... а вот за знакомство спасибо. По-моему, мы не встречались, – сказала благовоспитанная Марта, пряча ужас в бюстгальтер и подавая руку Кузькиной матери.

– Какая Вы, однако, прелесть! – сказала Кузькина мать, умеренно хорошея от человеческого к себе отношения.

– А я бы вот ей руки не подал, – сказал появившийся откуда ни возьмись Мертвец, обильно увешанный фазанами и куропатками. После этой бесчеловечной реплики Кузькина мать опять превратилась в такую же страшилу, как была.

– Здравствуйте, Мертвец, – официально поприветствовал Мертвеца Человек с тюком. – Давненько не виделись.

– Мы вообще никогда не виделись, – нагрубил Мертвец.

– Ну, не скажите, – возразил Человек с тюком. – Земляки все-таки. Я тоже родился и умер в Городе Мертвых.

Услышав это, Мертвец бросился на грудь Человеку с тюком и оросил ее скупыми, как ростовщик, слезами. Из этого следовало, что землячество Мертвец ценил превыше всего.

– Землячество я ценю превыше всего, – подтвердил он точно по писаному, и на этом данный, по крайней мере, вопрос был раз и навсегда исчерпан.

Человек с тюком аккуратно оторвал Мертвеца от груди и положил на сицилианскую землю, где тот из-за свежей утренней росы сразу простудился, зачихал и закашлял. Это вызвало приступ неуместного, на первый взгляд, смеха Кузькиной матери, снова забравшейся в тюк. Впрочем, Кузькину мать при желании можно было понять: она сразу же настолько невзлюбила Мертвеца, что хотела бы его смерти, не будь он и так уже... того.

– Я думала, Мертвецы не простуживаются, а они простуживаются! – заливалась она, пока Человек с тюком точным ударом не съездил по самой сердцевине тюка. Кузькина мать тут же прекратила заливаться неуместным смехом и принялась заливаться вполне уместным плачем. Однако всех поразила не молниеносная смена ее настроения, а точность удара Человека с тюком.

– Вы от природы такой меткий? – с восхищением спросила амазонка-Марта, поглаживая надувшийся от незаслуженной обиды тюк и тем самым давая понять Кузькиной матери, что та не одинока в мире.

– Тренировался, – коротко отчитался Человек с тюком и предложил: – А Вам, Марта, не пора ли уже отпустить на волю коня и прекратить стрелять во все стороны из репчатого лука?

– И правда! – рассмеялась Марта, хлопнув коня по крупу и выбросив репчатый лук, который тут же пустил корни в щедрую землю Сицилии. – Это я по привычке. По привычке к самообороне. Враги же кругом...

– Невидимые? – осторожно спросил Человек с тюком.

– Да отойдите шагов на двадцать – вон к той смоковнице, и осмотритесь, – усмехнулась Марта. – Только Кузькину мать не забудьте с собой прихватить.

Человек с тюком послушался и поволок Кузькину мать в сторону смоковницы, заблаговременно выставив напоказ все ее безобразие. В тот же миг со смоковницы спрыгнули несметные полчища сицилианских мафиози и, наделав от страха в штаны, бросились в направлении Палермо.

– Эх, – вздохнула Марта, – была бы у меня недели три назад Кузькина мать! Как бы это могло облегчить мою жизнь и затруднить жизнь сицилианских мафиози... Научила бы я их уму-разуму!

Простудившийся Мертвец в этот момент неожиданно выздоровел и сказал, поднимаясь с земли:

– Это, кстати, и сейчас еще не поздно сделать.

– А Вы, пожалуй, правы, Мертвец! – оживилась Марта и тут же дала объявление в местную газету. Объявление состояло всего из нескольких слов:

«УЧУ УМУ-РАЗУМУ. ОБРАЩАТЬСЯ К МАРТЕ ПОСЛЕ ПЯТИ ВЕЧЕРА».

Желающих поучиться у Марты уму-разуму набралось после пяти вечера дикое множество народу. С ранцами и завтраками, заботливо приготовленными матерями, поспешили мафиози в просторные аудитории специально для этих целей выстроенного в центре Палермо учебного заведения.

– Ну, что ж, мафиози, – так начала Марта свою лекцию на тему «Ум – одно, а разум – совершенно другое», – ума вам, конечно, не занимать, а вот разума-то у вас и нету.

Сразу после этого все мафиози потупились и – от смущения – съели приготовленные их матерями завтраки, сами того не заметив. Марта в двух словах объяснила им разницу между умом как знанием и разумом как пониманием. Поразмыслив над этими дефинициями, мафиози пришли к справедливому выводу о том, что знают они действительно чертову прорву всего, но совершенно ничего из чертовой этой прорвы не понимают.

– Странно, как мы вообще могли жить! – удивились на себя мафиози.

– Вот и я говорю, – подтвердила Марта. Затем она вернулась к началу вступительной лекции и лишний раз, а потом на всякий случай и еще один лишний раз повторила, что знают мафиози действительно чертову прорву всего. Мафиози зарделись от естественного в их положении смущения и закричали:

– Развейте, развейте эту мысль поподробнее.

Так Марта и поступила, однако радости присутствующим это не доставило.

– Хоть вы и знаете чертову прорву всего, да без толку! – неожиданно свернула она налево, оставив сраженных этим приговором мафиози там, где сама только что была. Мафиози совсем скисли, и в просторных аудиториях запахло несвежими молочными продуктами. А Марта тем временем живыми красками в присущей ей экспрессионистской манере быстро нарисовала перед мафиози прекрасную картину их плохо структурированного знания и горячо предложила им попросту забыть все, что они знали до сих пор, раз уж пользоваться этим так и так невозможно. Мафиози начали упрямиться и назло Марте, наоборот, вспоминать все, что они знали до сих пор. Тогда Марта быстро достала из-под кафедры Кузькину мать и предъявила ее присутствующим.

– Боже, это *она*! – ужаснулись мафиози, ни на минуту не усомнившись в том, кто перед ними. – Какая страшная! Уберите ее скорее...

Кузькина мать застенчиво улыбнулась, а Марта, пряча ее под кафедру, заметила:

– Если вы, мафиози, опять заупрямитесь, я опять покажу вам Кузькину мать.

– Что угодно, только не это! – закричали мафиози и быстро забыли все, что знали, после чего сразу же вылупились на Марту *совершенно* пустыми глазами.

Глаза эти привели Марту в замешательство: она, разумеется, не могла предположить, что процесс забвения будет мгновенным и фактически тотальным... Дабы проверить худшие из своих подозрений, Марта громко спросила мафиози:

– Кто вы такие?

– Мы наше будущее! – ни к селу ни к городу ответили мафиози, радостно улыбаясь, и только тут Марта поняла, насколько роковую педагогическую ошибку она совершила, предложив мафиози забыть все, что они знали.

– Allora si che…[12] – произнесла Марта и тут же освежила в памяти мафиози только что утраченный ими материнский язык во всем его богатстве. Цели своей она, разумеется, достигла, потому что всегда достигала своих целей. Поняв, до чего прекрасен и полнозвучен их материнский язык, мафиози тут же принялись слагать на нем удивительные канцоны, в которых неспешно повествовалось о вечных ценностях. Марта растрогалась, а растрогавшись, разрыдалась и

[12] В таком случае… *(итал.).*

прервала канцоносложение всхлипываниями, перемежавшимися со словами:

– Дорогие мои мафиози, теперь я вижу, что у вас появились как ум, так и разум. И, коль скоро они появились, не ответите ли вы мне на следующий вопрос: что вы о себе воображаете?

Внимательно выслушав вопрос, мафиози задумались, а потом ответили хором:

– Мы о себе воображаем вот что... Мы, мафиози, дескать, лучше всех – и, дескать, кому как не нам прокладывать Абсолютно Правильную Окружность из спичек по территории Сицилии... Но на самом-то деле мы не лучше, а хуже всех – и потому должны только молиться за упокой душ наших и держаться в стороне от великого замысла человечества. Нам не место среди лучших умов человечества, мы должны сказать спасибо, что они нас вообще около себя терпят!

– Хороший ответ! – Сказав это, Марта насухо вытерла глаза услужливо поданным ей автором махровым полотенцем и вздохнула. – Сейчас, когда вы, дорогие мои мафиози, знаете подлинную цену себе и понимаете, как она невысока, мне, дорогой моей Марте, ничего не остается, как поблагодарить вас за то, что вы пришли сюда и выслушали меня.

По окончании лекции состоялся банкет, описание которого автор опускает – во-первых, за полной ненадобностью такого описания, а во-вторых, из-за отсутствия на банкете кого бы то ни было,

ибо мафиози сразу разбежались в разные стороны и к моменту начала банкета еще не сбежались обратно.

Стоит ли говорить, что после всего этого Марта, Мертвец, Человек с тюком (он же – Ближний) и Кузькина мать стали чувствовать себя на Сицилии как дома. Преимущества такого положения они использовали грамотно, а именно: собрали разбросанные по земле спички и снова рассовали их по спичечным коробкам, а спичечные коробки сложили за сицилианским гумном и сели дожидаться прибытия на Сицилию Редингота. Тот прибыл незамедлительно – правда, один: Сын Бернар остался в Змбрафле, ибо кто-то должен был держать руку – в крайнем случае, лапу – на пульсе истории.

– Вы чего прибыли? – вежливо поинтересовался Мертвец-молодец, а дожидавшиеся Редингота Марта, Человек с тюком и Кузькина мать зашикали на него, как шикают на шумно пожирающего конфеты «Золотая нива» во время юбилейного спектакля «Иван Сусанин» в Большом театре.

– Я прилетел, а не прибыл, – быстро поправил Мертвеца-молодца Рединг от. – Я в принципе летуч. А прилетел я, поскольку Марта в опасности.

– Когда Вы прилетели, – в Мертвеце-молодце очнулась дремавшая до того ревность, – Марта не была уже в опасности. Она в безопасности уже была. Потому что имевшейся у меня пилкой для ног-

тей мы с Мартой перепилили все тюремные решетки, и тюрьма рухнула, а мы одичали.

– Вы не одичали, – уточнила Марта. – Вы и так уже были дикий. Это я одичала.

– Зачем Вам пилка для ногтей? – спросил Редингот, с интересом рассматривая Мертвеца-молодца.

– Я опрятен, это раз. А потом... у нас, мертвецов, ногти очень здорово растут и волосы, это два, – отчитался тот.

– Про волосы Вас не спрашивали, – вернулась сама и вернула всех остальных в рамки актуального коммуникативного акта Кузькина мать, после чего Марта в слезах бросилась на шею Рединготу – здороваться.

– Люди добрые, – запричитал вдруг Мертвец-молодец, как баба, – что ж это делается-то, а? Ему она в слезах на шею бросается, а мне – никогда!

– Вы забываетесь, Мертвец! – строго сказала следившая за порядком в структуре речевой ситуации Кузькина мать. – С какой бы стати было Марте – Марте! – бросаться на шею Вам – Вам! – когда Вы мертвы и неприглядны на вид?

– Я делил с ней радости и горести! – аргументировал свои претензии Мертвец-молодец.

– Ну и дурак, – неожиданно встрепенулся починявший все это время башмаки Человек с тюком.

– Что Вы имеете в виду? – заинтересовался Мертвец-молодец.

– Отдали бы ей радости, а горести взяли себе – все равно же Вы мертвый, на что Вам радости?

– Вы тоже мертвый, – зачем-то бестактно напомнил Мертвец-молодец.

– А вот это уже никого не касается! – взревел Человек с тюком и надел башмаки, которые после починки стали выглядеть, как новые. – Потому что я не ставлю окружающих перед необходимостью разбираться в моих отношениях с Кузькиной матерью, с которой меня руками Редингота свела судьба.

– Не ставите! – подтвердила Кузькина мать и обиженно добавила: – Просто лупите меня как сидорову козу, вот и все.

– Я что хотел сказать... – сделал вступление Мертвец-молодец, потерявший нить разговора, но был прерван Кузькиной матерью:

– Вспомните, где Ваше место.

– Мое место в могиле! – осенило Мертвеца, и он тут же вырыл могилу, перекрестился и забрался в нее, стремительно засыпав себя землей. – Мир моему праху! – послышалось из могилы, а потом раздался счастливый смех и последнее признание: – Ну и достали же вы меня все!

– Здорово как получилось! – обрадовалась Кузькина мать и богобоязненно добавила: – А ничего, что теперь он захоронен на чужбине?

– Перебьется, – короче некуда отреагировал Человек с тюком: Мертвец-молодец, оказавшийся в его глазах дураком, только что перестал ему нравиться.

После этого примечательного во многих отношениях диалога Человек с тюком и Кузькина мать глазами, полными любви, обратились к Марте и Рединготу. Последний (имеется в виду Рединг от) гладил первую (имеется в виду Марта) по голове, приговаривая:

– Будет, будет плакать...

– Да-а-а... – всхлипывала Марта, вдруг почувствовав себя маленькой девочкой в трусиках горошком, бегущей по песку, – они хотели меня тут судить и приговорить к смертной казни... И что бы мне тогда делать – приговоренной и казненной?

– Никто бы не приговорил Вас к смертной казни, – сказал Редингот. – Я приготовил такую речь, что, слушая ее, мертвые бы из гробов встали!

– Только не все... – послышался из-под земли ленивый голос мертвого человека. – Я бы ни за что не встал.

– Кто это говорит? – спросил Редингот, оглядываясь по сторонам.

– Говорит Москва, – послышалось из-под земли. – Московское время пятнадцать часов тридцать минут… – Сообщение закончилось отвратительным хихиканьем.

– Да это же Мертвец... тот самый, что задал Вам хамский вопрос! – с усталой улыбкой напомнила Кузькина мать. – Он только что сам себя захоронил.

– Вот эгоист, – поморщился Редингот и, этически спохватившись, взглянул на Марту: – Вам, Марта, наверное, больно оттого, что он, как бы это сказать, опять...

– Немножко больно, конечно, – мужественно отвечала Марта, любившая все живое, а за компанию и все мертвое, и хотела было зарыдать в голос, но Редингот быстро сказал:

– Взгляните!

Марта взглянула туда, куда было указано Рединготом, и увидела небольшую группу невзрачных растений.

– Что это?

Редингот охотно объяснил:

– Это так называемое былье. Все уже быльем поросло.

– А-а... – сразу поняла Марта и смиренно заметила: – Ну, раз поросло, тогда что же...

– Не время плакать, – подвел итог Редингот. – Время строить и месть.

– И то правда, – ответила Марта, схватила валявшуюся тут же поблизости метлу и во мгновение ока подмела вверенную ей территорию.

– Теперь быстро выкладываем Окружность и навсегда забываем об этой всем надоевшей Сицилии, – скомандовал Редингот, беря из штабеля верхний спичечный коробок.

...Как, наверное, подтвердит и читатель, это – апогей или перигей! Событие, более или менее молчаливыми свидетелями которого мы являемся, есть событие первостепенной важности, ибо оно проливает новый свет на место Редингота в структуре настоящего художественного произведения. До сих пор мы знали Редингота лишь в качестве мозгового центра окружности, однако нашему изумленному взору он ни разу еще не представал, что называется, «в деле», а именно – в акте собственноручного созидательного труда. Разумеется, мы были уже многократно поставлены (Мартой) в известность насчет того, что Редингот не фунт изюма, но, относясь таким образом к Рединготу, мы прежде всего имели в виду его интеллект... А тут смотрите что получается: оказывается, не чужда Рединготу и практическая сторона жизни! Это впечатляет. Образ Редингота приобретает поистине эпический размах: перед нами не только великий мыслитель, но и не менее великий мастеровой. Он не белоручка, нет! Его умные – не будем страшиться этого слова! – руки способны на многое: давайте же задержимся на несколько минут, чтобы посмотреть, как, подвластная чутким пальцам, красиво ложится по земле удивительная по точности линия – небольшой, но ой какой важный отрезок будущей Правильной Окружности из спичек!..

– Милый, милый Редингот, – с чеховской интонацией восклицает Марта, – где и когда научились Вы этому искусству – скажите, скажите же мне, Бога ради!

Со скромностью, которая может быть присуща лишь подлинному мастеру, Редингот беспомощно разводит умными – давайте опять не будем страшиться этого слова, если уж один раз мы не стали его страшиться! – руками и отвечает:

– Ах, Марта... я и сам не знаю, как оно у меня получается!

– Я назову это классом верховой езды, – высказалась Кузькина мать, высказыванием своим покоробив не только Марту и Рединго-та, но и Человека с тюком.

– Заткнулись бы Вы, мать! Тут праздник труда происходит, а Вы – со своими нелепыми комментариями! – по-мужски грубо сказал Человек с тюком, достигнув прямо-таки поразительных результатов: Кузькина мать оторвала от тюка тряпочку и, вся красная от стыда, проглотила ее во мгновение ока за око.

А Марта и Человек с тюком прямо-таки залюбовались Рединготом: о, как он был монументален сейчас, меча спички все дальше и дальше! Внезапно Марта вскричала:

– Остановитесь, милый Редингот! Я не в силах больше терпеть этого... – И, счастливая, она упала замертво – прямо на тюк Человека с тюком. Находившаяся в тюке Кузькина мать не сказала ни сло-

ва – только вскрикнула и повалилась на сицилианскую землю как подкошенная.

Редингот же только улыбался обворожительной – ах, обворожительной! – своей улыбкой, продолжая начатое им дело. Дело это было закончено лишь через две недели – общими усилиями, после того, как удалось поставить на ноги сначала Марту, а потом и Кузькину мать, и всем вместе, с участием сбежавшихся ради такого случая мафиози, которые ожидали героев у западной границы Сицилии, отпраздновать завершение работ на отдельно взятом участке общечеловеческой траектории.

Счастливые мафиози устроили героям торжества, каких на острове не бывало никогда. Вдоль всего западного побережья расставили столы, долго ломившиеся и, в конце концов, сломавшиеся от яств, – яства свалились прямо в открытое ради такого дела море. Участники торжеств попрыгали в воду: плескаясь и брызгаясь, они ловили прямо там, там же и поглощая, грузные белужьи бока, трепещущие крылышки куропаток, стройные куриные ножки и иные плоды прихотливой фантазии сицилианских поваров. Из-за отсутствия столов десерт и кофе подали прямо в воду, сбросив и вылив недалеко от берега все, что полагалось съесть и выпить после обеда. Хлюпая ногами в этом липком месиве, приглашенные выхватывали из соленого моря до конца не растворившиеся там сладости и пригоршнями загребали прекрасно растворимый в морской воде кофе с привкусом тины... то-то было весело!

– Это напоминает мне первую главу, – сказала Марта Рединготу. – Заведение под названием «Контора», где мы с Вами познакомились! Тоже обхохочешься... Кстати, подденьте-ка мне вон тот сочень у Ваших ног: он забавный!

Редингот поддел сочень, Марта повертела его в руках... сочень развалился и опять упал в воду.

– По-моему, автор настоящего художественного произведения начинает повторяться, – с грустью заметил Редингот, до этого, как хорошо помнит читатель, не позволявший себе критических замечаний в адрес автора.

...А что? – с вызовом отвечает автор, – повторы, возвраты, рефрены – хорошие приемы! Это они цементируют художественное целое, которое без них легко могло бы развалиться, как только что – кренделек в руках Марты. Именно повторы-возвраты-рефрены дают почувствовать читателю крепость конструкции: дескать, тут все у нас не случайно набросано, а сработано на века! Ведь как оно бывает отрадно, проходя по знакомым местам, вспоминать: ой, а тут вот мне однажды по морде съездили! – или: ой, а в эту лужу я уже наступал! – или: ой, а здесь меня в прошлый раз обокрали... Только так ведь и понимаешь, что жизнь твоя не есть цепь случайных событий, произвольно следующих одно за другим, но имеет некую архитектонику, черт побери!.. А стало быть, нечего тут, господин Редингот, неуместную наблюдательность проявлять – займитесь-ка лучше прямыми

своими делами: вон, глядите, Кузькиной матери стало дурно от переедания и она пытается вызвать у себя искусственную рвоту в воду, в то время как остальные прямо тут же кушают!

...Редингот бросился к Кузькиной матери и выволок ее на берег. Сразу за ней пришлось выволакивать и Человека с тюком, поскольку Кузькина мать, находясь именно что в тюке, лишала Человека с тюком свободы передвижения. На берегу искусственная рвота была вызвана срочным звонком по мобильному телефону, и, прибыв, испортила всем праздник.

– Ну, что ж... – с грустью сказал Редингот. – Делу время, а потехе час.

– Как мудро! – устав восхищаться Рединготом, вяло, но искренне заметил Человек с тюком.

– Теперь, – игнорируя его восхищение, продолжал Редингот, – настала пора возвращаться к трудовым будням. И, пристально взглянув на Человека с тюком и Кузькину мать, уточнил: – А сделаете это вы. Потому что меня и Марту ждут в следующей главе другие задачи. Нам придется, заехав сначала в Швейцарию, вплотную заняться во Франции Личностью и Служителем культа Личности. Стало быть – расходимся полонезом!

– Это как же? – озадачился Человек с тюком.

– Вы – назад в Змбрафль, мы – в Швейцарию, – непонятно откомментировал Редингот.

– Я бы тоже не прочь в Швейцарию. Там сыр... – неожиданно встряла Кузькина мать.

Слово «сыр» прозвучало с такой тоской, что Рединготу пришлось вынуть из потайного кармана пиджака припасенный там еще Бог знает с какой главы килограмм сыру и протянуть его Кузькиной матери. Та, не говоря больше ни слова, схватила сыр и стрескала его вместе с оболочкой и целлофановым пакетом.

– Вам все еще хочется в Швейцарию? – спросил после этого Редингот.

– Теперь мне и подумать о ней противно! – Кузькина мать сыто икнула и улыбнулась, как дура.

– Тогда и смысла не имеет, – сказал Редингот. – Иначе Вы нам все впечатления от Швейцарии испортите. Прошу не понять меня превратно.

Кузькина мать, которая именно что собралась понять Редингота превратно, оказалась вынужденной тут же понять его правильно. После этого ей ничего не оставалось, как вздохнуть и проследовать за Человеком с тюком, который без комментариев двинулся в сторону Змбрафля.

– Ближний! – окликнул его Редингот, и Человек с тюком, словно что-то вспомнив, обернулся. – Простите, что мы отправляем Вас в Змбрафль. Но мы должны заботиться о Ближнем... а то, что нам предстоит в Швейцарии, спокойной жизнью никак не назовешь.

– А чем назовешь? – без энтузиазма спросил Ближний.

– Чем назовешь? – Редингот задумался и, не придумав ничего лучше, ответил: – Назовешь... работой – причем работой в поте лица и живота своего.

– Красивое название... – мечтательно отозвался Ближний и поволок Кузькину мать дальше.

Марта и Редингот, проводив печальную пару глазами, посмотрели друг на друга и слабо улыбнулись.

– Ну, вот мы и одни, – тихо сказала Марта. – Прямо как в самом начале романа, когда все еще было так легко – и можно было идти в любую сторону! Я вот давно хотела спросить Вас кое о чем...

– Спрашивайте! – храбро сказал Редингот и зажмурился.

– Когда Вы жмуритесь, Вы похожи на котенка, – серьезно сказала Марта. – Хорошо, я спрошу. Скажите мне, Редингот, Вас это – *все это* – до сих пор, извините за выражение, забавляет?

– Вы про Окружность? – испуганно спросил Редингот, открывая глаза. – Я, Марта, вот что должен Вам сказать...

– Должны или хотите? – предупредительно осведомилась Марта.

– Должен, – Редингот сконфузился, как подросток, впервые почувствовавший половое влечение.

– Если должны, то лучше не говорите. Потому что я все знаю про долг.

– Откуда? – удивился Редингот.

Марта прямо рассмеялась вся:

– Странный Вы, право! Не первый же день на свете живу... Жизнь состоит из долгов. И из чувств. Они все время в борьбе. Только чувства все равно победят, я знаю.

– А я не знаю. – Редингот поднял глаза к небу и увидел там голубя с письмом в клюве. Через миг голубь свалился к ногам Редингота и, чертыхаясь, поскольку в гробу видал свою работу, положил на землю какую-то забавную на вид трубочку. Редингот поднял трубочку. Марта заинтересованно наблюдала за ним.

Трубочка оказалась тончайшей полоской бледно-сиреневой бумаги, к которой белой перевитой лентой были привязаны сухие цветы: гладиолусы, орхидеи, лилии, речные кувшинки...

– Я теряюсь, – разглядывая все только что перечисленное, вслух размышлял Редингот. – Послание обещает быть полным противоречий... цвет бумаги недвусмысленно намекает на сообщение делового свойства, однако цвет ленты свидетельствует об интимности содержания, в то время как выбор перевитой ленты заставляет предположить наличие интриги... Гладиолус означает, что содержание письма нейтрально, орхидея – что автор влюблен, но боится показать свои чувства, лилия – что у него в момент написания письма была особа из ближайшего окружения императора, а речные кувшинки – что на обед у него дикая утка, подстреленная его приятелем Ямамото, ранним зимним утром отправляющимся начальником на горную станцию У.

– Не соглашусь с Вами, – деликатно, но твердо заметила Марта.

– Соглашайтесь! – взмолился Редингот. – Ради Бога...

Марта помолчала минут десять.

– И все-таки не соглашусь. Вы базируетесь на суждениях, имевших распространение лишь в самом начале хэйанского периода, в то время как с ними очевидно спорят трактовки периода Камакура.

Прижатый к стенке Редингот, действительно напрочь почему-то забывший в этот момент о строгих трактовках периода Камакура, покраснел так, что проходившая мимо обаятельная сицилианка даже обратилась к Марте с вопросом: «Вы помидоры почем продаете?»

– Так что, дорогой Редингот, – продолжала Марта, сообщив сицилианке адрес ближайшего овощного рынка, – скорее всего, перед нами деловое послание от частного лица, которое с Вами связывают несостоявшиеся близкие отношения... все очень просто!

– Тогда я знаю имя этого частного лица, – вынужден был признаться Редингот.

– А фамилию? – спросила педантичная Марта.

– Фамилии не знаю. Имя же – Умная Эльза.

– Ой, и я знаю Умную Эльзу! – обрадованно воскликнула Марта. – Такая… милая простушка.

– *Была* простушка, – вздохнул Редингот. – А теперь сложной символикой, как ложкой, орудует! Но я полагаю, что в письме ее –

новости, касающиеся участка Правильной Окружности из спичек, пролагаемого по территории Японии.

Развернув бледно-сиреневую трубочку, Редингот прочитал вслух:

«КОНЦЫ СОПРИКАСАЮТСЯ, НЕ СОПРИКАСАЯСЬ:
КРИК ПОСЛЕДНЕГО ГУСЯ В БЕЗУПРЕЧНОЙ ОСЕННЕЙ СТАЕ
ОПЕРЕЖАЕТ КРИК ПЕРВОГО ГУСЯ».

– Совсем изумничалась, – устало отнесся Редингот. – Поди пойми, что она имеет в виду!

– К сожалению, опять не могу согласиться с Вами, – мягче некуда возразила Марта. – Умная Эльза довольно прозрачно обрисовывает ситуацию с Абсолютно Правильной Окружностью из спичек. Вероятно, нам не следует рассчитывать на то, что построенный в Японии фрагмент будет легко совместить с соседними.

– И кому тогда будет нужен этот фрагмент? – обрушился Редингот на Марту (вывихнув ей плечо), как будто это она была Умная Эльза. Тут же, впрочем, поняв свою ошибку, Редингот профессиональным движением хиропрактора поставил плечо на присущее ему в обычное время место. Марта громко застонала, но упрекать Редингота даже не подумала: ей был понятен его гнев.

Гнев Редингота и стал предметом их обсуждения по дороге на вокзал. Предвидя ужасные последствия гнева, Марта даже перефра-

зировала (неловко, кстати) первую строку «Илиады» и продекламировала ее:

Гнев, о богиня, воспой Редингота, такого-то сына!

...на вокзале Редингот сразу же оправдал ее ожидания, поймав при попытке сесть в поезд, отправлявшийся на юг, Третье Лицо. Третье Лицо, беспрестанно любуясь золотым тельцом, власти которого оно все-таки не смогло противостоять, надолго замешкалось в Палермо и неудачным образом оказалось на вокзале в то же самое время, что Марта и Редингот. Редингот без лишних слов схватил Третье Лицо в охапку и поволок его в сторону гавани. Марте ничего не оставалось, как броситься следом.

– Вы в гавань? – то и дело спрашивали их по дороге и, едва узнавали, что – да, спешили за ними.

Редингот пока и сам не понимал, почему он выбрал это направление, однако не мог признаться в этом даже себе, ибо за ним, как всегда, уже шли массы. Впрочем, понимать ему ничего и не требовалось: только они приблизились к гавани – Марта внесла отличное предложение.

– Мы отправим Третье Лицо в Змбрафль, – сказала она Рединготу. – И пусть они там с ним разбираются.

– Отправим как... что? – задал таможенно грамотный вопрос Редингот.

– Как... следующий по назначению мелкий скот, – нашлась Марта.

Уже через короткое время безучастное ко всему, кроме пресловутого золотого тельца, Третье Лицо прошло процедуру досмотра и было любовно упаковано в компактный контейнер для перевозки мелкого скота. Прямо поверх контейнера Марта написала:

Сын Бернару
Зд. бывшего Музея
Змбрафль

Присутствовавшие при этом сицилианки и сицилианцы громко зааплодировали: они давно уже презирали Третье Лицо, которое предало человечество ради золотого тельца, и были рады тому, что отныне ноги лица больше не будет на Сицилии.

– А дойдет контейнер по такому адресу? – озабоченно спросил Марту таможенный чиновник, хотя тот же вопрос Марта чуть было не задала ему сама. Но теперь ей пришлось отвечать, а не спрашивать. И Марта ответила так:

– Думаю, не дойдет. Но в таких случаях посланное обычно возвращается по адресу отправителя.

– То есть его опять к нам пришлют? – ужаснулся таможенный чиновник. – Чтобы по новой терпеть этого отщепенца? – Он заразмышлял, причем лихорадочно: мускулы его лица (а лицо у таможенного чиновника было просто на редкость мускулистым) начали

дергаться в разные стороны. В конце концов, призвав их к порядку, чиновник с надеждой спросил:

– А Вы уже написали обратный адрес?

– Нет еще, – обрадовала его Марта. – Но как раз собираюсь.

– Тогда напишите неразборчиво, как курица лапой! – от всего своего золотого сердца попросил тот.

Марта поморщилась: куриная лапа оцарапала ей чуткий слух. Вытерев кровь сначала с левого, а потом с правого уха, она сказала очень сдержанно:

– Весьма сожалею, но у меня каллиграфический почерк. Так что... будьте любезны приберечь свои красивые сравнения для других случаев. – И она склонилась над посылкой, намереваясь написать-таки обратный адрес каллиграфическим почерком.

– Подождите! – взмолился таможенный чиновник, упав на колени, причем на колени какой-то праздно сидевшей около старушке. Старушка не шелохнулась: видимо, она давно была мертва. – Если у Вас такой почерк, то напишите им, ради всего святого, какой-нибудь другой адрес отправителя.

– Вы говорите, как сапожник, а не таможенный чиновник! – Марта всплеснула руками, предварительно погрузив их в аквариум, украшавший пункт таможенного досмотра. – Обратный адрес – это же для Вас святое понятие должно быть... Я не постигаю!

– Боюсь, что огорчу Вас, – робко начал таможенный чиновник (его звали Бенвенутто)...

– Не бойтесь, Бенвенутто! – поспешно поощрила его Марта.

– ...но для меня, – бесстрашно продолжал Бенвенутто, – ничего святого не осталось. – И, гнусно ухмыляясь, он достал из-под прилавка маленький пулемет, который тут же навел на Марту. – Или пишите какой-нибудь другой адрес отправителя, или я все здесь разнесу к чертовой матери!

Смекнув, что Марте угрожают, Рединготне положился, однако, лишь на природную смекалку и уточнил:

– Вы не угрожаете ли Марте, Бенвенутто?

– Угрожаю – да еще как! – откликнулся Бенвенутто и, закатив глаза за угол, оттуда же и завыл.

– Я устала от этой сцены, – сказала вдруг Марта. – Дорогой Рединготт, позвольте, я действительно напишу какой-нибудь другой обратный адрес. Если уж самому таможенному чиновнику все равно, честно ли осуществляются почтовые отправления, то нам-то с Вами, должно быть, и подавно!

– Вы правы, Марта, – ответил Рединготт. – Мне это настолько подавно, что почти по фигу!

– Диктуйте адрес! – беспринципно прокричала Марта за угол, откуда все еще слышались завывания Бенвенутто. Завывания смолкли, и прозвучал адрес:

Сын Бернару
Зд. бывшего Музея
Змбрафль

Машинально написав диктант, Марта вдруг опомнилась:

– Это ведь тот же самый адрес, что и на лицевой стороне посылки!

– Ага! – обрадованно подтвердил Бенвенутто. – Хитроумно, правда? Пусть эта поганая тварь, предавшая идею, так и мотается по свету, захлестнутая петлей Мебиуса!

– Уух...– поежилась Марта. – Страшнее кары не придумаешь! Вы уверены, что читатель не содрогнется?

– Да и хрен с ним! – махнул рукой Бенвенутто, закуривая.

– Какая развязность... – только и прошептала Марта к концу главы.

И автор горячо (сыро не бывает!) согласился с нею.

ГЛАВА 18
Очередной сюжетный узел все же застревает в горле

Читатель, вне всякого сомнения, уже прекрасно понял, что такой проблемы, как Сицилия, на страницах настоящего художественного произведения больше не существует. Сицилия исчезла, как юные забавы, а также как сон и как утренний туман. Да и надоела она, Сицилия эта, с ее групповыми героями – мафиози, которые говорят хором, словно при социализме в масштабе одной страны.

Сюжетный узел, стало быть, разрублен, но пусть читатель не обольщается насчет того, что это был единственный и последний сюжетный узел... Увы, существуют сюжетные узлы и сюжетные узлы, как говорят софисты. Иные возможно только распутывать – медленно, терпеливо... то за одну ниточку потянув, то за другую, то за третью, то за четвертую, то за пятую, то за шестую, то за седьмую, то за восьмую, то за девятую, то за десятую, то за одиннадцатую, то за двенадцатую, то за тринадцатую, то за четырнадцатую, то за пятнадцатую, то за шестнадцатую, то за семнадцатую, то за восемнадцатую, то за девятнадцатую ... хорошо бы вот так продолжать и продолжать, чтобы никогда не останавливаться! Чудное, кстати, получилось бы художественное произведение, если бы некий автор –

конечно, не такой пижон, как автор настоящего художественного произведения! – начав с одного, честно досчитал бы до конца и признался: «Вот, собственно, и все». Но, увы, небогата наша литература такими вот прямыми и бескомпромиссными решениями... все тщится, тщится чего-то! Все улавливает читателя в заранее расставленные сети – прямо как зверя какого хитрого... Противно просто думать об этом!

Впрочем, нам-то с вами, друзья мои читатели, об этом зачем же думать? Наши отношения с самого начала тихи и прозрачны, как украинская ночь, не правда ли? Ни я не интригую, ни вы – роман осуществляется в рамках согласия и взаимопонимания, обстановка тепла и дружественна... Ну, а уж если что – не обессудьте. И на старуху, говорят, бывает проруха. Правда, трудно представить себе что такое «проруха», – придумают ведь тоже, ей-богу... как нарочно! И слово-то поганое само по себе – «проруха»! Особенно потому поганое, что рифмуется со «старухой» и тем самым бросает на нее, старуху, тень. Хотя, вообще-то говоря, должно было бы обелять эту самую старуху – в том смысле, что старуха, дескать, лучше всех, ан и на нее проруха бывает, как на всех остальных. А вот попробуйте-ка с остальными – ничего и не получится! Потому что до крайности противоестественно звучит как «на новорожденного младенца бывает проруха», так и, скажем, «на мужчину тридцати двух лет бывает проруха»... ни в склад, что называется, ни в лад – сами посудите.

Вот и выходит, что проруха бывает не «*и* на старуху» (как, допустим, на всех остальных тоже), но *только* и *исключительно* на одну старуху, что именно и унижает старушечье достоинство и старушечью честь. А с этим следует решительно бороться!..

Впрочем, ладно бороться-то... Далась нам эта старуха – даже не какая-то конкретная старуха, а отвлеченное понятие, *старуха вообще*! Категория «старуха», я бы сказал. Но – говорить воздержусь, ибо именно сейчас мысли мои заняты совсем другим. А заняты они, если опять же честно (как мне только и свойственно) признаться, положением дел в Северном Ледовитом океане.

(Кстати, тоже хорошее слово – «ледовитый». Его даже легко спутать с «ядовитый» или с «плодовитый» – и тогда получится «Северный ядовитый океан» и «Северный плодовитый океан», во как!.. Но даже если и не путать, то «Северный Ледовитый океан» – это тоже здорово. Очень как-то точно градуирован признак присутствия льда: не то, чтобы, скажем, «ледовый» – было бы даже торжественно: «Северный Ледовый океан»! – а так сказать, *ледовитый*... Неполнота «ледовости», значит. Опять же, если бы он был «ледовый», то, видимо, об океане как таковом не могло бы и речи идти, океан ведь это где вода! На наличие воды, стало быть, и указывает «ледовитость» – хитроватость такая, подловатость даже...)

Ну и как же там обстоят дела, в Северном этом хитроватом, мягко говоря, океане? А дела там обстоят не очень хорошо – во всяком случае, хуже, чем здесь... Настолько хуже, что просто увы – увее

даже не придумаешь! А потому нам (вам, читателям, и мне, писателю, если непонятно, что я имею в виду, говоря «нам») придется поспешить вовсе даже не вслед за Мартой и Рединготом, а в сторону вышеобозначенного океана, где происходит уже сильно затянувшийся, а потому особенно ужасный процесс зарубания Случайного Охотника эскимосом-самородком, а также выродком.

– Немедленно прекратить зарубание! – слышим мы ледяной (а, заметим для порядка, не ледовитый) голос Деткин-Вклеткина – сразу после того, как волею автора оказываемся перенесенными во льды. Далее следуют Деткин-же-Вклеткина пояснения: – Мы не можем так разбазаривать кадры – особенно сейчас, когда в Редингота стреляли...

Деткин-Вклеткин смахнул слезу на Карла Ивановича, внутреннего эмигранта: слеза насквозь прожгла тому мочку уха – и тот ловкими руками моментально вставил в получившееся отверстие заранее приготовленную на случай чего серебряную серьгу. Красивее, правда, Карл Иванович от этого не стал. Но красивее он стать не хотел – он моложе хотел стать, с серьгой-то! Моложе, впрочем, он тоже не стал, наоборот – стал еще старше, чем был.

– Отныне, – взяв себя в крепкие руки строителя, нашел в себе недюжинные силы продолжать Деткин-Вклеткин, – все мы немножко рединготы и каждый из нас – по-своему Редингот.

Опустив ледоруб (к счастью, *не* на сжавшегося в маленький снежный комок – снежок! – Случайного Охотника), Хухры-Мухры в задумчивости ответил:

– Хорошая формулировка. Но, по-моему, где-то это уже было.

– Все уже где-то было, – жестким, как чужая подушка, голосом сказал Случайный Охотник, которому казалось все равно, на чьей стороне находиться, – лишь бы не на стороне Хухры-Мухры. – И вообще... Вам – как, извините за неприличное выражение, ваятелю – не пристало позволять себе оценки типа «по-моему, где-то это уже было». Вы пошляк, а не ваятель.

Хухры-Мухры с эмоциональностью, действительно свойственной больше пошлякам, чем ваятелям, снова взметнул над собой ледоруб с намерением зарубать Случайного Охотника дальше.

– Опять прекратить зарубание! – отдал новый приказ Деткин-Вклеткин. – Взгляните на лед. Большая часть работы далеко позади. Но вопрос о том, что впереди, остается открытым!

– Впереди меньшая часть работы! – со свойственной ему сообразительностью закрыл не для него открытый вопрос Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Спасибо, Карл Иванович, – сдержанно поблагодарил Деткин-Вклеткин и снова обратился к Хухры-Мухры: – Вне зависимости от того, что Вы как создатель скульптурной группы под названием «Случайный Охотник и голая Баба с большой буквы» чувствуете в адрес наваянного Вами, мы вынуждены терпеть около себя присут-

ствие этих монстров – во всяком случае, до тех пор, пока руки их способны перебирать спички!

Хухры-Мухры, опустив ледоруб, объяснился:

– Мне многое непонятно в Вашем высказывании. Вы говорите языком потребителя. Я же языком этим давно не владею. Какие там спички... это все равно, что Венеру Милосскую спички перебирать заставить!

– Венеру Милосскую не заставишь, – с сожалением вздохнул Деткин-Вклеткин. – У нее рук нету. А у Ваших – есть, – некрасиво и обидно подчеркнул Деткин-Вклеткин, от чего сам же и смутился.

Чуткий к критике Хухры-Мухры алчно сверкнул глазами в сторону голой Бабы с большой буквы, как бы примериваясь к тому, что если отрубать ей руки, то докуда именно. Голая Баба с большой буквы спрятала руки за чужую спину и, смерив Деткин-Вклеткина взглядом (метр семьдесят девять), заявила на все ледяное безмолвие:

– Вот как Вы, например, представляете себе меня – перебирающей спички, когда я теперь нагая и совершенная вся?

– Я тоже почти голый, – напомнил Деткин-Вклеткин, глазами указывая на трусы.

– Но не совершенный! – горячо уточнила холодная голая Баба с большой буквы и холодно спросила: – Вы под трусы-то себе заглядывали хоть когда-нибудь?

– А что? – испугался Деткин-Вклеткин, не будучи в состоянии вспомнить, заглядывал он или нет. Однако задумываться об этом не

стал, зато жестко определился: – Вы сейчас *как голая и совершенная Баба с большой буквы* никого не интересуете. В данный момент Вы рабочая сила – подобно нам всем. Подобно и мне в том числе. Коллективный труд стирает различия между нами.

– *Все* различия? – профессионально раскинула силки хитрая голая Баба с большой буквы.

– Все! – тут же и угодил в силки простодушный, как молодая косуля, Деткин-Вклеткин.

– Половые – тоже? – Голая Баба с большой буквы победоносно оглядела присутствующих: дескать, ну не умна ли я, чертовка!

Сжав зубы так, что некоторые из них, кривые и гнилые, сломались и выпали (на их месте, правда, сразу же выросли новые – прямые и, разумеется, белоснежные), Деткин-Вклеткин мужественно, как партизан в минуту расстрела, взглянул в широкое лицо голой Бабы с большой буквы и сказал (зубы, понятное дело, предварительно разжав – комментарий для особенно придирчивых читателей):

– Да! Коллективный труд стирает и половые различия тоже. – И, отрезая себе пути к отступлению, добавил: – Бесследно.

Голая Баба с большой буквы недобро усмехнулась, подошла поближе к Деткин-Вклеткину и сдернула с него трусы.

– Да Вы посмотрите только сначала на меня, нагую, а потом на себя, голого, – посмотрите и сравните... Вопиющие же различия!

– Действительно! – поддержал ее Карл Иванович, внутренний эмигрант, все это время тихо шивший шапку из шкуры только что

незаметно задушенного и освежеванного им белого медведя. – Тот, что справа, он небольшого роста – и весит он явно меньше.

– Вот дурак-то! – с остервенением сказала голая Баба с большой буквы и, найдя на лице Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, глаза, плюнула в них. – Рост и вес – это никакие Вам не половые признаки. У Вас вообще-то половая жизнь была когда-нибудь?

– Была! – ностальгически признался Карл Иванович, внутренний эмигрант, примеривая шапку и красуясь в ней, что твоя веселая вдова. – У меня *с Вами* была половая жизнь... не припоминаете?

– Не припоминаю!– злобно ответила голая Баба с большой буквы и отвернулась, делая вид, что зачарована северным сиянием.

– Это потому, что Вы в летах и у Вас маразм, – охотно пояснил ситуацию Карл Иванович, внутренний эмигрант, и пустился в рассказы: – Как сейчас вижу джунгли с их причудливой фауной и флорой. Как сейчас вижу старушку-хохотунью в небрежно наброшенном бикини, выглядывающую из кустов папоротника... «Ах, не от меня ль, не от меня ли прячешься ты, сокровище мое, в зарослях?» – спрашиваю я. – «От тебя, непонятно, что ли? – вопросом на вопрос отвечает проказница и добавляет: – Глаза-то разуй, чиполлино!» И не смолкает, не смолкает горячая эта любовная перебранка – под истошные визги обезьян, вопли попугаев и грозные рыки тигров. А потом я с разбегу прыгаю в заросли...

– У меня тоже была любовь! И дети были! – истерично крикнул Случайный Охотник и зарыдал.

– Мы сейчас про половую жизнь, – деловито и даже несколько ледовито напомнил Карл Иванович, внутренний эмигрант, кроя теперь уже унты.

– Прошу прощения, – попросил прощения Случайный Охотник и, перестав рыдать, исправился. – Я имею в виду, что у меня тоже была половая жизнь. И тоже в джунглях. Мою любовь – то есть мою половую жизнь – звали Умная Эльза.

– Половую жизнь, – заметил закройщик, – не могут звать «Умная Эльза». Половую жизнь не могут звать никак. Половая жизнь – она безымянна и прекрасна, как… как половая жизнь!

Тавтология эта поставила в тупик всех – за исключением, разумеется, Деткин-Вклеткина.

– Меня, Деткин-Вклеткина, – пояснил он, снова натягивая трусы, – трудно поставить в тупик.

– Вообще поставить в тупик или половой жизнью поставить в тупик? – спросил Случайный Охотник.

– И вообще, и половой жизнью, в частности, – уточнил Деткин-Вклеткин. – Дело в том, что я стою в стороне от половой жизни.

Голая Баба с большой буквы сочла уместным ахнуть, рассмеяться и сказать:

– Потому-то Вы и не видите разницы между женскими и мужскими половыми органами.

Фраза эта произвела бурю в душе не участвовавшего в данном (глупом, по-моему) разговоре Хухры-Мухры: на протяжении всего

разговора, скосив глаза, он внимательно изучал усложненную структуру упавшей на кончик его носа снежинки, а тут опять занес свой смертоносный ледоруб – на сей раз над собой.

– Сейчас я зарублю себя, – громко, но спокойно предупредил он присутствовавших.

– Разрешите спросить за что? – праздно поинтересовался Карл Иванович, внутренний эмигрант в одном унте.

– Дело в том, – очень живо отозвался Хухры-Мухры, – что как художник я мертв.

– Давно ли? – равнодушно спросил Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Недавно, всего минуты две-три как. Я умер, когда вот она, – тут Хухры-Мухры кивнул в сторону голой Бабы с большой буквы, – произнесла: «половые органы». А я-то считал ее венцом творенья! Тоже мне, венец творенья – с «половыми органами» на устах...

– Все венцы творенья с... с ними, – защитилась голая Баба с большой буквы. – Опять же Венера Милосская – раз, Аполлон Бельведерский – два... Вы вглядитесь в них получше, вглядитесь!

Но Хухры-Мухры даже не удостоил ее – вообще ничем. Продолжая беседовать с Карлом Ивановичем, внутренним эмигрантом, он вздохнул:

– Увы... Я начинаю даже верить, что она действительно могла спать с таким вот, как Вы.

– Огорчу Вас, но... подтвержу Ваши подозрения. Мы и на самом деде неоднократно были близки, – тактично отчитался Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Он врет! – закричала голая Баба с большой буквы.

– Замолчите, – сказал Хухры-Мухры, начиная опускать ледоруб на свою голову. – Если он врет, то откуда Вы вообще знаете про половые органы? Я в Вашем присутствии ни разу их даже не коснулся!

– Да как же мне про них не знать-то... – растерялась голая Баба с большой буквы. – Взгляните хоть на него! – Она простерла руку в направлении голого Случайного Охотника. – Что у него, по-вашему, во-о-он там?

Продолжая опускать ледоруб, Хухры-Мухры горько рассмеялся.

– Что бы у него там ни было, Вас это не касается... И вообще – хватит разговоров. После того, как с Ваших поганых уст слетели «половые органы», Вы мне больше никто. Даже тот, прежний... – Хухры-Мухры с презрением взглянул на дрожащего, как щенок, Случайного Охотника (над участком ледяной пустыни, где тот находился, в данный момент наблюдались ветра). – Даже тот, прежний, мне более сын, чем Вы дочь.

– Отец!.. – замерзшими губами благодарно прошептал Случайный Охотник и, подползая к Хухры-Мухры, в точности воспроизвел композицию давно уже навязшей в зубах картины Рембрандта.

– Красиво... – сказал Карл Иванович, внутренний эмигрант, оторвавшись от шитья. – Так бы и запечатлел!

– Запечатлел уже один! – издевательски воскликнула голая Баба с большой буквы, а потом бросила как бы невзначай, теперь уже в сторону Хухры-Мухры: – Так вот, у того, кто стоит перед Вами на коленях, тоже *имеются* половые органы.

– Я про них ничего не знаю! – обалдел Случайный Охотник и растерянно спросил: – Где они расположены?

Голая Баба с большой буквы подошла к Случайному Охотнику и небрежным кивком показала местонахождение половых органов на его теле. Тот взглянул и пришел в ужас. Потом, виновато посмотрев на отца, пролепетал:

– Я думал, что это... что это просто так, для красоты.

– Вы противоречите сами себе, – уличил его Карл Иванович, внутренний эмигрант. – На прошлой странице Вы признались, что у Вас была половая жизнь, которую даже как-то звали... Умная Эльза, вот как ее звали! Осуществлять же половую жизнь без знания того, где у тебя расположены половые органы, невозможно... или, во всяком случае, рискованно. У Вас, кстати, и дети были, как Вы сами сказали. А что такое дети, если задуматься? Дети суть доказательства наличия половых органов.

Хухры-Мухры, с волнением выслушав Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, брезгливо оттолкнул от себя Случайного Охотника и сел на снег.

– Все лгут... – сказал он, глядя прямо перед собой. – Все притворяются. Выдают себя за произведения искусств, а у самих – половые органы!

– Я не знал, не знал, что это – *они*! – вскричал Случайный Охотник и заметался по льдам. Наконец, победив себя (и чуть было не убив после победы), он мужественно признался: – Когда этот вот, – все поняли, что в виду имелся Карл Иванович, внутренний эмигрант, – начал рассказывать про свою половую жизнь, мне стало завидно... потому я и сказал, что у меня тоже была половая жизнь и дети...

– По-моему, Вы начинаете запутываться, – сказал Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Отню-ю-юдь! – протянул Случайный Охотник. – Да, у меня была половая жизнь, но – во сне.

– А как насчет половых органов? – прыснула голая Баба с большой буквы. – Они-то у Вас, дорогой Вы мой, более чем наяву!

– Ну уж и не «более»! – возмутился Случайный Охотник. – Они у меня такие же, как наяву. Но ничуть не «более»... по-моему. А? – И он вопросительно посмотрел на Хухры-Мухры.

Не поднимая взгляда, но шестым чувством (чувством художника) угадав, что Случайный Охотник обращается к нему, эскимос-ваятель строго определился:

– Если Вы действительно являетесь моим произведением, пусть и не лучшим, у Вас вообще не должно быть половых органов. Никаких.

– А вдруг, – ухватился за последнюю возможность Случайный Охотник, – у меня их и не было... прежде? Может быть, они только недавно выросли? Под влиянием, так сказать, обстоятельств…

– Половых органов не было, а половая жизнь и дети были!.. Здорово. – Так подытожила голая Баба с большой буквы и обобщила: – Все вы, мужики, одинаковые. Сначала предъявляете свои половые органы, а потом говорите, что у вас их не было.

– До чего ж отвратительно слушать Ваши обобщения! – Хухры-Мухры, забыв, что все еще опускает на свою голову ледоруб, сжал виски руками. – Вы рассуждаете так, как будто Вас ремесленник изваивал... Впрочем, он-то Вас и изваивал. А я... я спал и видел сон!

Карл Иванович, внутренний эмигрант, щеголяя в медвежьей шапке и медвежьих же унтах, заметил в снежное пространство:

– Я как погляжу, тут все только и делают, что спят и видят сны!.. Причем сны имеют кошмарное продолжение в действительности – то в виде детей, то в виде произведений искусства... Минутку, а где же у нас этот... который руководитель-то наш?

Все принялись вертеть головами в разные стороны – Деткин-Вклеткина нигде не было видно...

А, читатель? Каково?

Пока ты, дорогой мой, со свойственной тебе от природы порочностью предавался созерцанию чужих половых органов, главный герой романа, а именно Деткин-Вклеткин, исчез из поля твоего близорукого зрения! Тот самый Деткин-Вклеткин, за которым ты, дорогой мой, фактически только и должен следить, поскольку это он, Деткин-Вклеткин, двигает фабулу вперед. В то время как остальные герои (с позволения сказать!) только присутствуют, будучи персонажами второго плана. Что ты теперь скажешь, читатель? Где найдешь ты милого своего Деткин-Вклеткина? Тут тебе, видишь ли, Северный Ледовитый океан: если потеряешь что, так потом ищи-свищи!..

«Ищи-свищи» хорошее выражение, потому-то, почувствовав себя брошенными, герои второго плана засвистели просто как сумасшедшие. Лучше всех это получалось у Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, потому что губы его были устроены особым образом: они напоминали нераскрывшийся бутон. Бутоном этим он и свистел чрезвычайно искусно – так что другие даже прекратили свистеть и целиком положились (практически завалились) на Карла Ивановича, внутреннего эмигранта. Не скрывая восхищения, голая Баба с большой буквы даже произнесла негромко:

– Как знать, может, я и правда когда-то была с ним близка...

Хухры-Мухры тяжело вздохнул, но не нашел, что сказать.

– Помочь Вам найти? – услужливо предложил Случайный Охотник.

– Помогите... – слабым голосом попросил Хухры-Мухры.

– Вот... скажите, например: «Неплохая погодка!»

Хухры-Мухры послал ему взгляд пациента, умирающего на руках молодого врача, и повторил с видимым отвращением:

– Неплохая погодка...

Случайный Охотник закивал головой с такой скоростью, что сидевшие на ней в данный момент птицы вынуждены были перелететь на голову голой Бабы с большой буквы.

– Эти птицы, – сказала она опытным голосом, – всегда садятся на памятники. И гадят.

– Последнее могли бы опустить, – брезгливо поморщившись, заметил Случайный Охотник и протер загаженную голову и плечи лосьоном для ненормальной какой-то кожи. Флакон с лосьоном он всегда носил в левой руке.

...А Карл Иванович, внутренний эмигрант, заливался свистом. На свист этот сбежалось штук десять белых медведей и сползлось штук семь морских львов и нерп. Карл Иванович, внутренний эмигрант, конечно, сразу же всех убил и съел своим ртом-бутоном, которым и в процессе еды не переставал свистеть. Разумеется, на сей раз и окружающим кое-что досталось – и все наелись до отвала, кроме голой Бабы с большой буквы, которая в ответ на предложение присоединяться загадочно ответила:

– Я не ем...

Подождали продолжения просто топором усеченной фразы, но дождаться не смогли – так и поели, не дождавшись. Продолжение пришло по окончании трапезы и звучало так:

– ...благодарю Вас.

Получилось, стало быть, сердечно и вежливо – как и должно было получиться.

– Мы, извините, долго еще этот художественный свист слушать будем? – спросил вдруг ваятель Хухры-Мухры в уже непривычной для него неинтеллигентной манере.

– Вы художник или Вы кто? – поставила вопрос говяжьим ребром голая Баба с большой буквы.

– Я эскимос, – с шовинистическим достоинством сказал Хухры-Мухры.

– В Вас же художник проснулся! – осторожно напомнил Случайный Охотник, теряя почву под отмороженными ногами.

– *Он уже опять / завалился спать*, – рифмованным хореем отчитался эскимос Хухры-Мухры. – Поняв, что ему нечего делать здесь, среди вас.

– А как же теперь мы? – На лице Случайного Охотника был неподдельный, то есть аутентичный, ужас.

– Вы? – равнодушно рассмеялся коварный эскимос. – Да кто Вы такие!

– Мы художественные произведения... мы наги и совершенны! – пролепетал Случайный Охотник.

– Наги – это я вижу, – согласился Хухры-Мухры. – Но вот чтобы совершенны... извините! Даже если вон того свистуна, – Хухры-Мухры ткнул ледорубом в сторону Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, – раздеть, он и то посовершеннее вас будет!

– Зачем Вы так сказали? – с болью спросила голая Баба с большой буквы, до которой наконец дошел страшный смысл происшедшего.

– Нам, эскимосам, присуща непосредственность в выражении своих мыслей и чувств. Такова основная черта нашего менталитета. – С этими словами Хухры-Мухры пристально огляделся по сторонам и добавил: – Еще одна черта, присущая нашему менталитету, – верность долгу. Где спички?

– Какие спички? – очнулся от свиста Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Окружность выкладывать! – сухо напомнил Хухры-Мухры. – Тут был один такой голый человек...

– Тут почти все голые, – напрасно обобщил Случайный Охотник.

– Нет-нет, это был специальный такой голый человек... по-настоящему прекрасный, – где он?

– Его Карл Иванович, внутренний эмигрант, как раз сейчас искал-свистал. – Голая Баба с большой буквы тоже словно бы очнулась

от сна. – Кстати, если я не являюсь более художественным произведением, не худо бы накинуть чего на себя... а то ведь и придатки недолго застудить!

– Тут вот шубку я тебе пошил на досуге, любушка моя! – засуетился Карл Иванович, внутренний эмигрант, и вправду доставая из огромной юрты, выстроенной им поблизости еще накануне, прехорошенькую шубку из голубого, как гомосексуалист, песца. – Накинь, накинь!..

Голая Баба с большой буквы накинула шубку и тоже стала прехорошенькой.

– Ноговицы еще, рукавички и шапочку! – эдаким коробейником расстилался перед нею Карл Иванович, внутренний эмигрант.

Принарядившись, теперь уже отнюдь не голая Баба с большой буквы кокетливо объявила:

– Эвенкийский народный танец «Ноговицы не к лицу»! – и пустилась в пляс.

Хухры-Мухры посмотрел на нее, как на идиотку, и сказал:

– При чем тут эвенки, не понимаю! Терпеть не могу этнографических неточностей.

Но уже отплясывали Карл Иванович, внутренний эмигрант, и разодетая в пух и прах Баба с большой буквы кто во что горазд – вообще не соблюдая никаких национальных традиций и никого вокруг себя не видя.

– Старая половая жизнь не ржавеет, – со слезами в хриплом голосе сказал Случайный Охотник.

– Хорош завидовать чужому счастью, стрелок! – мягко пожурил его эскимос Хухры-Мухры. – Нам пора.

– Куда это? – не отрывая взгляда от веселящейся пары, спросил Случайный Охотник.

– Куда, куда... Дела у нас! Спички искать да Окружность строить, совсем забылся, что ли?

– Одеться бы мне! – робко напомнил Случайный Охотник. – Неприлично все-таки: читатели смотрят...

Пользуясь самозабвенной пляской влюбленной парочки, Хухры-Мухры проник в юрту Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и через короткое время вышел оттуда одетым во все новое да еще и с ворохом одежды в руках.

– Много он за это время пошить успел, гад! Не юрта, а просто склад готового платья какой-то... – сказал Хухры-Мухры, заботливо одевая замерзшего наконец Случайного Охотника. Согревшись, тот сказал:

– Ну что же, в путь?

– Да нет, – усмехнулся Хухры-Мухры, косясь на танцующих. – Сначала тут кое с чем разобраться надо.

Он осторожно взял Случайного Охотника под локоть, и они незаметно вошли в юрту с черного, как южная ночь, хода.

В углу на голом полу лежал избитый и связанный Деткин-Вклеткин с кляпом во рту. Вокруг него высились штабеля спичечных коробков.

– Когда же он все это успел-то, враг? – имея в виду, разумеется, Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, просто-таки возопил, бросаясь к Деткин-Вклеткину, Случайный Охотник.

– Стоять, придурок! – услышал он позади себя и невольно обернулся. В двери юрты топорщилась разодетая в пух и прах Баба с большой буквы, держа в руках ружье Случайного Охотника, беспечно брошенное им же на снегу, и целясь в него же. Слева от нее низилась плотная фигурка Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, – с лассо из жил нерпы над головой.

– Значит, все это... с танцами-шманцами, был только спектакль, разыгранный ими, чтобы усыпить нашу бдительность! – смекнул догадливый эскимос Хухры-Мухры.

Ничего не отвечая ему, разодетая в пух и прах Баба с большой буквы и Карл Иванович, внутренний эмигрант, расхохотались...

– Лицом к стене, руки за спину!

Из угла юрты послышался стон Деткин-Вклеткина.

Это был стон раненого зверя.

Бизона.

ГЛАВА 19
Типический характер, отфутболенный в нетипические обстоятельства

Ах, читатель, читатель, беспечный ты мой человек! Ну, сам посуди: так ведь всех персонажей растерять недолго – кто без вести пропал, кто замерз, кого зарубили, кого расстреляли прямо на глазах...

Ты, конечно, будешь оправдываться, будешь говорить, что не твоя это вина, а автора настоящего художественного произведения, что ты вообще тут случайно и сбоку припека... Но – спрошу я тебя – как насчет читателя-соавтора, непосредственно участвующего в создании структуры художественного целого, а? Никогда не поверю, будто ты ни о чем таком не слышал! Об этом, извини меня, собаки брехали, да и те перестали...

Не бывает, не бывает, дорогой мой, художественных произведений, ничего не требующих от читателей! Читатели они ведь кто? Они ведь активный ингредиент художественного целого, пойми же, наконец... Любому автору именно что мечтается такой вот читатель-соавтор, дерзко врывающийся в образную систему художественного целого со своими взглядами на мир, со своими предпочтениями,

привычками... требованиями, наконец! Довольно сидеть на печи или где ты там: это ты, читатель, есть ведущее звено в художественной коммуникации – без тебя художественная коммуникация вообще не состоится! Не говорить же автору с самим собой – что ты прямо как маленький?

Вот и только что, в предшествующей главе, – почему ж ты, дорогой мой, не вмешался в ход событий, не угадал коварных замыслов Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и *тогда еще голой* Бабы с большой буквы? Все ведь яснее ясного было: намекали тебе без конца, что Карла-то уж во всяком случае Ивановича, внутреннего эмигранта, следует опасаться, поскольку какой-то он уж очень подозрительно деловой... деловитый. Северный этот деловитый Карл Иванович, внутренний эмигрант! Так нет, проморгал ты, читатель, коварные его замыслы, дал увлечь себя пустыми разговорами о половых органах – и даже тогда, когда автор прямо указал тебе на исчезновение Деткин-Вклеткина, ты и то не бросился сразу же на его поиски, а, напротив, продолжал любоваться престарелой голой Бабой с большой буквы... ну что ж тут скажешь! Отдаешь ли ты себе, читатель, отчет, что своим пассивным созерцанием событий ты фактически толкаешь художественное целое в пропасть?

Мешать-то, конечно, тоже не надо... Я ведь совсем не за то, чтобы ты, читатель, прямо вот сейчас завалился ко мне в гости в неубранную квартиру, где, пардон, нижнее белье на фортепьяно, потребовал кофе и горячих кренделей с маслом, стал рыться в моих руко-

писях и требовать еще и отчета о моих творческих планах. Так оно, безусловно, тоже не годится, потому что начальник тут все-таки не ты, а я… Но хоть какую-то разумную инициативу ты ведь мог бы проявить? Например, осторожно поинтересоваться по ходу дела: а не слишком ли много внимания в данном, конкретном, произведении уделено такому второстепенному в жизни человека явлению, как половые органы? Не пора ли нам, дескать, отвести от них изумленные взоры Случайного Охотника и посмотреть, что происходит с построением Абсолютно Правильной Окружности из спичек? Тут-то и пришлось бы автору опомниться: дескать, прости, читатель, меня, дурака старого, и спасибо за своевременную критику!

Но теперь-то поздно, конечно... Деткин-Вклеткина мы почти уже потеряли – вместе с Хухры-Мухры и Случайным Охотником: из цепких лап северного деловитого Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и острых коготков разодетой в пух и прах Бабы с большой буквы кто ж вырвется? Так будь ты хоть впредь внимательнее, беспечный мой читатель... если, конечно, трагическая судьба Абсолютно Правильной Окружности из спичек тебе вообще дорога! Потому что прямо вот сейчас, пока ты тут побалтываешь с автором, кое-что уже случается вне поля твоего зрения: все время же что-то случается в структуре художественного целого, не мне тебе это говорить. И это «кое-что» практически уже вопиет, потому что типический персонаж сию минуту отфутболивается в нетипические обстоятельства, о чем тебя уже предупредили в заголовке. А ты ведь зна-

ешь, что бывает с литературно-художественным произведением, в котором типический герой оказывается вне типических обстоятельств? Правильно: *литературно-художественное произведение утрачивает реалистическую основу*! Так что задумайся: то ли это, к чему действительно стремится душа твоя? Можешь, конечно, сразу не отвечать, но...

Сын Бернар практически гиб – или гибнул – не знаю, как языковой норме в данном случае угодно, а лично мне грамматически все равно. Я, конечно, могу заметить, что, если Сын Бернар гиб, то процесс был эпическим, а если гибнул, то драматическим, но я уже сейчас спешу ему на помощь и погибнуть не дам. Ибо, если мне грамматически все равно, то этически очень даже *не* все равно, погибнет Сын Бернар или нет. Во всяком случае, погибнет ли он по *такой* причине...

Если тут кого-нибудь интересует, по *какой* причине, то объясняю: по причине непомерности возложенной на него исторической ответственности. В конце концов, Сын Бернар все-таки только собака, то есть не человек, в чем легко убедиться, построив, по примеру Марты, хоть такой вот силлогизм:

Собака не человек
Сын Бернар собака

Сын Бернар не человек.

Надеюсь, что после этого доказательства вопросов на данную тему больше не существует. Но даже если и существуют, то сейчас не до них – сейчас Сын Бернара спасать пора!

Простившись с Рединготом, который улетел на Сицилию, Сын Бернар сразу же и осознал, что отныне судьба Правильной Окружности из спичек лежит на его плечах. Плечей у Сын Бернара не было: у собак (которые, как мы помним, не люди) и вообще-то насчет плечей не густо. Так что, поместив судьбу Правильной Окружности из спичек на спину (спины у собак есть, замечу для порядка), Сын Бернар проникся ответственностью, первым делом отпустил всех ходоков на волю, запретил новым являться и лег у телефона. Картину эту можно было описать метким, как праща в умелых руках, выражением: «Ему не позавидуешь!»

И дело совсем не в том, что отношения с телефоном у Сын Бернара складывались как-нибудь необычно (он уже не раз успешно отвечал на многочисленные звонки в нашем присутствии!), – дело просто в том, что не каждый ведь станет обсуждать самую грандиозную из *человеческих* идей с *собакой* (опять см. силлогизм, предложенный выше). Это мы с вами привыкли к Сын Бернару настолько, что нам, грубо говоря, наплевать, человек он или собака, но требовать этого от тех, кто с ним еще не знаком...

Представим себе, что мы звоним в какое-либо учреждение и слышим:

– Слушаю Вас!

– Простите, с кем я говорю?

– С Сын Бернаром!

Есть ли у нас навыки реакции на речевые ситуации такого типа? Не пошлем ли мы в таком случае собеседника на место?

Чтобы изначально повысить к себе уважение человечества, Сын Бернар повесил в конторе на видном месте небольшой плакат:

«ЖИВАЯ СОБАКА ЛУЧШЕ, ЧЕМ МЕРТВЫЙ ЛЕВ.
Иоганн Вольфганг Гете»

– после чего, собственно, все и началось.

Прослышав об этом плакате, жители Города мертвых сообщили о его содержании кому следует, а его звали Лев, и он, как повелось в этом городе, был давно мертв, – стало быть, мертвый этот Лев и пришел в контору качать права.

– Хочешь сказать, что ты лучше меня? – спросил он Сын Бернара с порога.

– Садитесь, пожалуйста, – уклончиво ответил Сын Бернар: искусство коммуникации было знакомо ему не понаслышке.

– Спасибо, – удивленно сказал мертвый Лев, сразу утрачивая неприязнь, и сел.

– Чай или кофе? – предложил Сын Бернар.

– Кровь! – сказал мертвый Лев. – Мы больше кровь пьем...

– Как интересно! – сказал Сын Бернар, искусный собеседник. – А вот это слово «больше», которое Вы только что употребили, оно что *в точности* означает? Что Вы *не только* кровь пьете, но и…

Мертвый Лев растерялся: первый раунд был выигран Сын Бернаром. (Следивший за этой борьбой судья международной категории подошел к Сын Бернару, вывел его на середину комнаты и поднял ему правую лапу высоко к потолку, от чего Сын Бернар привзвизгнул щенком.)

– Кофе... – пробормотал мертвый Лев, попавший в логическую ловушку под названием «деление понятий».

Сын Бернар надолго исчез – варить кофе, предложив на это время гостю в тот же самый момент и изданные брошюры об Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Когда Сын Бернар вернулся с кофе, мертвый Лев читал.

– Не буду Вам мешать! – сказал Сын Бернар, выигрывая время, а вместе с тем и второй раунд. Судья международной категории снова вывел его на середину комнаты и снова поднял ему лапу – на сей раз заднюю, вследствие чего Сын Бернар по вековой привычке, присущей собакам, написал на судью международной категории, чего тот, впрочем, не заметил, а значит, и не оценил.

– Спасибо, – сказал мертвый Лев Сын Бернару, подчеркивая тем самым свое поражение во втором раунде.

Сразу после того, как мертвый Лев прочел брошюры, Сын Бернар, даже не дав ему опомниться, проникновенно спросил:

– Вам нравится Гете?

– Очень! – сказал мертвый Лев, в простоте своей не подозревая, что таким образом проигрывает и третий, заключительный, раунд.

Судья международной категории вручил Сын Бернару золотую медаль победителя и удалился, а мертвому Льву ничего не оставалось, как признать преимущества противника. Он давился горячим кофе и тупо смотрел на Сын Бернара.

– Какой же вывод из всего этого следует? – спросил тот, поигрывая золотой медалью победителя.

– Что Вы лучше меня, – пришлось подытожить мертвому Льву.

– Не это ли требовалось доказать? – осторожно поинтересовался Сын Бернар.

– Это и требовалось, – нехотя согласился мертвый Лев.

– Значит, Вы будете моим подчиненным, – быстро нашелся Сын Бернар. – Мне как раз нужен подчиненный, одному уже не справиться.

Впрочем, даже при наличии подчиненного работы было слишком много. Сын Бернар явно не годился на ту роль, которую только что отвел ему писательский произвол. Дело в том, что Сын Бернар был Санчо Панса.

Позволяя себе такое сравнение, автор отнюдь не имеет в виду, что у Сын Бернара есть литературный прототип. Лишний раз возвратившись к силлогизму, на который уже три раза (вроде) прихо-

дилось ссылаться, читатель лишний раз и поймет, что Санчо Панса (человек) и Сын Бернар (собака) в реальности вообще не могут быть сопоставлены каким-либо корректным образом. Но могут быть сопоставлены их литературные функции, которые, стало быть, и сопоставляются. Функции эти, так прямо и сказать, одинаковы. Подобно тому, как Санчо Панса в основном существует при Дон Кихоте, Сын Бернар в основном существует при Рединготе.

Вообразим, что Дон Кихот надолго покинул Санчо Пансу и поручил тому бороться с ветряными мельницами... – конечно, Санчо Панса ни за что бы не справился, причем не потому, что Санчо Панса не обладает для этого необходимыми *личными* качествами, а только и исключительно в силу своей *литературной функции* – быть «тенью» Дон Кихота, а больше ничем не быть.

Потому-то, поместив Сын Бернара (каким бы гениальным он ни был, а он *поистине* гениален!) в центр событий в качестве организатора и вдохновителя *всего*, автор, в общем-то, понимал, на что шел. Но шел.

...Мертвый Лев, только из брошюр узнав про Абсолютно Правильную Окружность из спичек, понять ничего не понял, а спросить у Сын Бернара постеснялся.

Так что, когда Сын Бернар сказал ему: «Вы, если чего не поняли, спросите!» – мертвый Лев покраснел до состояния заходящего за угол солнца и, не в силах побороть стеснения, произнес:

– Да что Вы – спятили, в самом-то деле? Я в этом побольше Вашего понимаю...

Сын Бернар покачал головой, решив, что мертвый Лев ему нахамил, но объяснять ничего не стал: чего ж объяснять, раз человек и так все понимает!

А мертвый Лев между тем не понимал *совершенно* ничего.

Во-первых, он вообще не мог представить себе окружности из спичек. У себя дома, где случайно нашлось три полусожженных спички, он так и эдак пытался расположить их на плоскости, чтобы получилась окружность, но таковой не получилось ни разу.

Во-вторых, он не постигал, зачем ему, мертвому, мешаться в дела живых, которых он считал дураками. Даже когда одна туристическая группа живых прибыла в Город Мертвых на экскурсию, мертвый Лев, встретив их на центральной площади, прямо так и сказал:

– Вы, живые, просто дураки какие-то!

– Почему? – спросили живые.

– Умерли бы, да и все... Чего жить-то? – ответил он вопросом на вопрос и ушел своей дорогой.

В-третьих, мертвый Лев в глубине души считал для себя позором быть под началом собаки, пусть и живой, – и когда друзья-мертвецы спрашивали его, где он работает, он заученно отвечал:

– Да так... в основном наяриваю!

И друзья, озадаченные энигмою, опять отходили (в мир иной).

Потому-то и не относился он к возложенным на него обязанностям с душой, да и на работу ходил, как на каторгу. Чтобы подчеркнуть это, мертвый Лев на ногах обычно имел колодки.

А обязанностей у него было немного. Фактически одна: почта. Ежедневно на имя Редингота приходило по нескольку сот писем с разных концов земли – письма эти мертвый Лев должен был прочитывать и сортировать в зависимости от тех вопросов, которые в них ставились. Система сортировки, которой придерживался мертвый Лев, была не особенно сложной. Он завел во дворе два огромных холодильных контейнера и, отключив холодильники, распределял письма между этими контейнерами. На боку одного контейнера зеленой краской было написано «Письма о том же», на другом, красной краской – «Письма не о том». Разбрасывая письма по контейнерам, мертвый Лев только для порядка предварительно распечатывал каждое, внутрь, однако, никогда не заглядывая.

– Что пишут? – спрашивал его по утрам Сын Бернар.

– Да как обычно, – отвечал мертвый Лев. – Кое-где кое-какие проблемы, а так нормально все.

– Странно! – удивлялся Сын Бернар. А удивлялся потому, что, судя по телефонным разговорам, которые он вел ежедневно, положение с Абсолютно Правильной Окружностью из спичек отнюдь не было таким спокойным.

По телефону на него, разумеется, все орали: ни для кого уже не было секретом, что Сын Бернар – это всего-навсего собака, с кото-

рой, стало быть, нечего и церемониться. Сын Бернар к такому отношению, в общем, привык – правда, его все еще удивляло, когда звонивший начинал разговор с окрика «пошел отсюда!» Тогда Сын Бернар не очень понимал, как ему себя вести... но в других случаях просто не обращал внимания на грубость собеседников и отвечал на наболевшие вопросы в неизменно сдержанной манере хорошо воспитанной собаки.

По окончании рабочего дня он подходил к огромной «Таблице наболевших вопросов», которую сам же и расчертил и в которую вписывал все новые наболевшие вопросы, чтобы к приезду Рединго-та ситуация с Окружностью была предельно наглядной. Первая графа таблицы была озаглавлена «Что наболело?», вторая – «У кого именно наболело?», третья – «Где в данный момент находится тот, у кого наболело?», четвертая – «Как тот, у кого наболело, сам объясняет то, что наболело?», пятая – «Объективно», шестая – «Рекомендовано». Записи поражали своим разнообразием:

Что наболело? – *Живот.*

У кого наболело? – *У сэра Аткин*сона.

Где в данный момент находится тот, у кого наболело? – *В Гренландии.*

Как тот, у кого наболело, сам объясняет то, что наболело? – *Рыба (как блюдо) достала.*

Объективно: *Здоров и может продолжать построение Правильной Окружности из спичек.*

Рекомендовано: *Не ныть.*

Или:

Что наболело? – *«Да ничего не наболело, пес ты шелудивый! Деньги кончились – вот что наболело!»*

У кого наболело? – *У Трухи.*

Где в данный момент находится тот, у кого наболело? – *В Малайзии.*

Как тот, у кого наболело, сам объясняет то, что наболело? – *Окружность – лажа, истина в вине.*

Объективно: *Дурак и хам.*

Рекомендовано: *Передать дела срочно командируемому в Малайзию Павлову (Россия).*

Или, наконец:

Что наболело? – *Душа.*

У кого наболело? *У Памеллы.*

Где в данный момент находится тот, у кого наболело? – *Дома в Ирландии.*

Как тот, у кого наболело, сам объясняет то, что наболело? – *Не в Окружности счастье – счастье в семье.*

Объективно: *Приступ тоски по семье на фоне ностальгии.*

Рекомендовано: *Немедленно вернуться в Судан – вместе с семьей и Ирландией.*

В таблице насчитывалось уже несколько тысяч случаев... Сын Бернар выглядел усталым как собака. Поэтому в Городе Мертвых прочно закрепилась за ним кличка «Собака, усталая как собака, ха-ха» («ха-ха» тоже входило в кличку).

С момента отъезда Редингота Сын Бернар не спал вообще ни разу – ни минуты. Судьба Окружности беспокоила его страшно. Он

не обладал рединготовским масштабом сознания, чтобы держать в голове предприятие в целом, – потому-то и казалось ему, что спичечное сооружение выскальзывает из массивных его лап и что вообще все как-то расползается в разные стороны, становясь и необозримым, и неподконтрольным...

Обращаясь к мертвому Льву, Сын Бернар все чаще спрашивал:

– А от Марты с Рединготом ничего так и нет? Ни словечка? Или вот хоть от Ближнего, от Кузькиной матери, на худой конец?

– Нет-нет! – быстро отвечал мертвый Лев, попивая кровь.

– И где Вы только кровь-то свежую все время берете? – удивлялся Сын Бернар.

– Да это все одна и та же, – непонятно отвечал мертвый Лев.

У Сын Бернара не было ни сил, ни времени вдумываться в этот странный ответ, да и не додумался бы он никогда, что ходоки, несмотря на его запрет, все еще продолжали ежедневно прибывать в штаб со всего света, но были тут же убиваемы мертвым Львом, даже не выслушивавшим их мыслей и чаяний.

За этим занятием и застал его Ближний, добравшийся наконец до Змбрафля. Осторожно положив тюк с Кузькиной матерью на пол, Ближний обратился к убийце:

– Это что же Вы такое делаете, господин хороший?

Вытирая окровавленные руки об стену отстойника, постепенно начинавшую напоминать картину Анри Матисса «Танец», мертвый Лев с улыбкой спросил:

– А что?

– Как «что»? – опешил Ближний. – Вы же только что живого человека зарезали!

– И вовсе не зарезал... – Мертвый Лев обиделся. – Вовсе не зарезал, а прирезал!

– Зачем это уточнение? – голос Ближнего звучал устало.

Вместо того, чтобы отвечать, мертвый Лев обратил внимание Ближнего на то, что человек не умер, но находится при смерти:

– У *за*резанных срок хранения короче, чем у *при*резанных: кровь последних дольше остается теплой... А я гостей жду. Не потчевать же их несвежим!

– Да Вы циник! – осенило Ближнего, и он наотмашь ударил мертвого Льва по роже.

В прихожей послышались голоса. Человек пять мертвецов спешили на званый ужин.

– Пахнет вкусно! – издалека похвалили мертвецы и вошли.

Мертвый Лев гладил молниеносно опухшую рожу небольшим утюгом. Почуяв недоброе, мертвецы остановились: взгляды их обратились к Ближнему.

– Вот этот, – утюгом указал на него же мертвый Лев, – ударил меня по роже. И всего-навсего за то, что я к вашему приходу готовился.

– Это правда? – строго спросили мертвецы.

– Увы, – сказал Ближний. – Сейчас я и вам рожи бить буду.

– Да ты что, не мертвец, что ли? – удивились мертвецы.

– Мертвец, конечно, – сказал Ближний, – но не до такой же степени!

– А до какой? – Мертвецы выглядели заинтересованными.

– До умеренной, – отчитался Ближний. – Я сохраняю человеческий облик.

– Зачем? – спросили мертвецы, человеческий облик давно утратившие.

– Посмотрите друг на друга, – предложил Ближний, – и сами все поймете.

Мертвецы так и сделали. Увидев друг друга, они чуть не потеряли рассудок от ужаса и отвращения к себе.

– Господи! – закричали они. – Как низко мы пали...

Тут они начали рвать на себе волосы – и, быстро управившись, обратились к мертвому Льву:

– А ты почему весь в волосах?

– Он чудовище, – к одному месту сказал Ближний. – Он только что человека прирезал!

– Не может быть! – не поверили лысые мертвецы.

Ближний молча указал на истекающую кровью жертву. Лысые мертвецы обомлели.

– Я же для чего... – пролепетал мертвый Лев, – мы ведь кровь обычно пили!

Лысые мертвецы задумались, а потом процитировали Грибоедова: «Свежо предание, а верится с трудом!» – отведя от себя таким необычным образом все подозрения.

Тогда Ближний связал мертвого Льва веревкой, которую дали ему лысые единомышленники, и засунул его в тюк к истосковавшейся по сердечному разговору Кузькиной матери. А сам – в сопровождении тех же единомышленников – отправился к Сын Бернару.

Сын Бернар, сосредоточенный на судьбах мира, не обратил на гостей никакого внимания.

– Здравствуйте, – сказал Ближний, подозрительно взмокнув: при виде Сын Бернара его захлестнула теплая волна чувств.

Сын Бернар хотел было радушно ответить на приветствие, но там, откуда оно раздалось, никого уже не стояло: тою же теплой волной чувств Ближнего унесло прямо в открытое взорам всех присутствующих море...

– Где тот, кто со мной поздоровался? – без интереса спросил Сын Бернар группу жавшихся в стороне лысых.

– Его унесло волной, – печально ответили они.

– Хорошо бы и вас унесло, – мечтательно и честно сказал Сын Бернар.

– Нас не унесет, – разочаровали его лысые, – потому что мы никаких чувств к тебе не испытываем. А он... тот, которого унесло, испытывал чувство любви.

– Как его звали? – оживился Сын Бернар.

– Мы не спросили... – развели руками лысые.

Сын Бернар посмотрел на них так, как млекопитающие смотрят на пресмыкающихся перед ними.

– Понимаете ли вы сами, что наделали?

– Да нет, где уж нам! – махнули руками лысые.

– Только что вы лишили меня возможности узнать имя того, кто меня любит! – поставил их в известность Сын Бернар. И безутешно зарыдал.

Лысые подошли к Сын Бернару и принялись гладить его. Потом один из них достал из кармана кусок кровяной колбасы и дал Сын Бернару. Тот съел и почувствовал себя не в пример лучше.

– А вы кто такие? – спросил он в знак благодарности.

– Мы – потерявшие человеческий облик, – был ответ.

Сын Бернар пристально вгляделся в лысых:

– Это я вижу. Имеется в виду – чем вы занимаетесь?

– Раньше мы работали на раздаче в кафе «Холодные закуски», а в свободное время пили кровь вместе с мертвым Львом. Он убивал ходоков и угощал нас свежей кровью. Но теперь мы раскаялись и не знаем, что делать дальше.

Услышав про ходоков, Сын Бернар чуть не лишился (но не лишился) рассудка.

– Где мертвый Лев? – вскричал он.

– Его только что связали и запихали в тюк, – сказали лысые и вызвались отвести Сын Бернара на место происшествия.

...Из тюка раздавались истеричные женские вопли. Сын Бернар развязал тюк, и оттуда выскочила смертельно бледная и растрепанная Кузькина мать со следами клыков на шее. Лысые мертвецы, всякого перевидавшие, еле устояли на ногах при ужасном виде ее.

– *Так* мы не договаривались! – сразу набросилась Кузькина мать на Сын Бернара. – Вы зачем ко мне вампиров подсаживаете?

– Это не я! – защитился Сын Бернар.

Лысые же, стараясь не смотреть на Кузькину мать, а смотреть в окно на плодоносящую яблоню, объяснили, что вампира подсадил тот, кого потом унесло волной чувств.

– Можно подумать, мне это что-нибудь говорит! – возмутилась Кузькина мать. – Откуда мне знать, кого тут у вас волной чувств унесло... Я лежала в тюке на полу, и вдруг засовывают туда вампира полоумного, который тут же впивается мне в шею, начинает кровушку мою сосать! Почти всю высосал, гад!

– Он же связан! – воззвал к ее рассудку Сын Бернар.

– Связанные тоже кровь хорошо сосут, – отклонила воззвание Кузькина мать и пихнула тюк ногой. Тюк не шевельнулся.

– Обпился! – злорадно констатировала Кузькина мать. – Обпился и подох.

– У Вас, небось, кровь ядовитая, – зачем-то предположил Сын Бернар.

Лысые засмеялись, а Кузькина мать обиделась.

– Вы чего? – спросил Сын Бернар не то у нее, не то у лысых.

Кузькина мать не ответила, а лысые ответили:

– Смешно... Вампиру любая кровь хороша: и ядовитая, и не ядовитая. Он не от качества крови из строя вышел, а от количества. Но он вернется в строй, – заверили они.

– А кстати, где Ближний-то? – возникла реабилитированная Кузькина мать.

Так Сын Бернар и узнал, что тем, кого смыло волной чувств к нему, был Ближний.

– Не постигаю! – элегантно изумился Сын Бернар. – Он же Редингота любил больше жизни... помнится, из-за того с жизнью и расстался. А теперь, оказывается, он уже меня любит... Постыдное какое непостоянство – прямо на грани проституции!

– При чем тут проституция? – поморщилась Кузькина мать, не любившая неточного словоупотребления. – Проституируют, напомню, за определенное материальное вознаграждение. Вы ведь не хотите сказать, что Ближний за свою к Вам любовь денег с Вас требовал?

– Мы с ним не успели поговорить... – заметил Сын Бернар и обратился к лысым мертвецам: – А денег тот, которого волной унесло, за свою любовь не требовал?

– Денег не требовал, – заверили лысые мертвецы. – Он любил Вас, ничего не требуя взамен...

– Как благородно! – восхитился Сын Бернар.

– Кстати, – воспользовались случаем высказаться лысые мертвецы, – Вас не беспокоит, что человек рядом с Вами кровью истекает?

– Это какой же человек? – попытался вспомнить Сын Бернар.

– Да тот, которого мертвый Лев прирезал...

Вспомнив-таки, Сын Бернар бросился к направляющемуся в эту минуту в рай прирезанному и, остановив его в пути, оказал ему сначала первую, а потом на всякий случай вторую, третью, четвертую и пятую медицинскую помощь. После этого прирезанный (его фамилия была Тимоффеев) воскрес, вскочил на резвые ноги и деловой походкой заходил по штабу...

– Чего это Тимоффеев-то заходил? – осудила прирезанного Кузькина мать.

– Он ходок, – объяснил Сын Бернар. – Пришел издалека, как все они. Ну, и вот... ходит по инерции.

– А долго он так будет? – спросила Кузькина мать, которую раздражал всякий непокой.

– Пока не поговоришь с ним о том о сем, – вздохнул Сын Бернар.

– Иди сюда, Тимоффеев, – пожалела ходока Кузькина мать. Когда тот подошел, она заглянула ему в глаза и участливо спросила: – Ты чего?

– А того, – сказал Тимоффеев, закрыв глаза от ужаса.

– Чего того-то?

– А ничего! – нашелся даже и с закрытыми глазами Тимоффеев. – Земляки вот по делу послали... пойди, просят, поговори там с главным. За идею, тоись, поговори. Ну, я и пошел как дурак. А главный, он убийца оказался! Расскажу теперь землякам-то, которые в Сибири спички берегут, – мы вам такого красного петуха пустим на всю Россию... не пожалеем отчизны!

– Да ты главного-то не видал, ходок! – поспешил предотвратить пожар Сын Бернар.

– Как же не видал, когда он-то меня и прирезал? И кровушку мою сосал! Упырь он, главный ваш!

– Это не главный был! – от имени исторической правды вскричала Кузькина мать. – Это просто один из... один из... – Она не нашла, как определить мертвого Льва.

– Соратничек, – помог ей Тимоффеев. – Всегда у вас так, на соратников сваливать: дескать, главный ни при чем – это те, кто с ним, во всем виноваты!..

– Да заткнитесь Вы, Тимоффеев! – приструнила ходока Кузькина мать. – Наш главный сейчас в Швейцарии.

– Понятное дело! – поддержал ходок. – На то он и главный, чтобы в Швейцарии быть... Вот и вечно они так: намутят, намутят, а сами – ррраз, и в Швейцарию! Ну, мы ему петуха красного пустим – мигом из Швейцарии-то прилетит.

Ходок открыл глаза, решительно развернулся и быстро направился к двери.

– Погодите! – крикнул Сын Бернар.

– Изыди, сатана! – плюнул в его сторону Тимоффеев, продолжая движение. – Вот расскажу землякам, какие тут у главного прихлебатели-то – с песьими головами! И про бабу евонную расскажу... которая страшнее смерти, – покосился он на Кузькину мать, взглянуть, однако, не рискнув.

– Да Вы же неправильно все поняли, Тимоффеев! – бросилась ему вслед Кузькина мать.

Тимоффеев остановился:

– Вот когда лично тебя, страшила, прирежут и лично твою кровь сосать начнут, ты узнаешь, что понять это неправильно просто не-воз-мож-но!

Тут он собрался было уйти, но Сын Бернар кивнул лысым – и те подтянулись к двери.

Оказавшись между лысыми с одной стороны, и Кузькиной матерью с другой, Тимоффеев мрачно, как ущелье, усмехнулся и задал совсем уж глупый вопрос:

– Живым хотите взять?

Сын Бернар не выдержал и все-таки расхохотался. Он уже готов был напомнить Тимоффееву о том, кто только что спас его от верной смерти, оказав первую, вторую, третью, четвертую и даже пятую медицинскую помощь, – но в этот самый момент Тимоффеев выхватил из-за пазухи гранату.

– Вре-е-ешь! – прошептал он, как в кино.

– Мы не в кино, – быстро напомнил ему Сын Бернар.

Но было уже поздно.

...Силой взрыва Сын Бернара подбросило высоко в воздух. По счастью, траектория его полета совпала с траекторией полета Кузькиной матери: встретившись с ней в воздухе, Сын Бернар сказал:

– Рад встрече!

– Взаимно, – криво усмехнулась Кузькина мать.

Вместе они посмотрели вниз. Под ними шумело море, посреди которого, на доске, спокойно сидел Ближний и что-то ел.

ГЛАВА 20
Погружение действия в лирическую бездну

Настало время, о мой читатель! Настало время захлебнуться в чувствах, которыми до сих пор небогаты были суховатые эти страницы. Но ведь и мы не лыком шиты, смею заверить. Нам тоже знакома страсть – причем страсть неподдельная, что хотелось бы особенно жирно подчеркнуть. Нас вообще воротит от всего поддельного: поддельных денег, поддельных документов и прочего... не говоря уж о том, о чем мы только что сказали. Едва завидев в отдалении поддельную страсть, мы брезгливо отворачиваемся от нее и говорим: «Тьфу, гадость какая!» А предающиеся этой поддельной страсти на наших глазах (делается это обычно где-нибудь на ступенях эскалатора, на которые запрещено садиться и ставить вещи, но на которых отнюдь не запрещено прелюбодействовать) с недоумением смотрят на нас и иногда даже норовят недостойно ответить, но, как правило, проезжают мимо, ибо всегда, слава Богу, едут в другом направлении – не совпадающем, то есть, с нашим.

Итак, мы за подлинность чувств. Ибо лишь подлинные чувства и достойны именоваться таковыми, то есть подлинными чувствами. Мы же предстоящие чувства таковыми и намерены именовать. На-

именуем-ка сразу, чтобы потом не забыть: речь в данной главе пойдет о подлинных чувствах – точнее, об одном из них, а именно: о чувстве горячей и преданной любви. Кого к кому – пока умолчим. Может быть, и потом тоже умолчим... так ничего вообще и не скажем: вот здорово-то будет! Получится просто поэзия – и все: это ведь для поэзии, как нам на каждом углу говорят, важно само чувство, а не носители чувств. К примеру, подлинный объект чувств великого поэта часто оказывается отнюдь не таким привлекательным, каким запечатлевает его то или иное бессмертное произведение литературы. Напротив, подлинный объект чувств чаще всего уродлив, если вглядеться в него попристальней: вглядишься – и увидишь, например, что у вдохновительницы бессмертных лирических строк на кончике носа бородавка величиной со страусиное яйцо или что она лысая вся с ног до головы, даже ресниц нет – ни одной! Да и сами поэты обычно – оторви да брось. Взять хоть любого из ныне живущих: просто паноптикум какой-то... эх, да что говорить! Зато чувства испытывают – красивые и величественные, тут уж греха в мешке не утаишь.

...а приятно – так вот неожиданно обнаружить, что вопреки рассудку создал проникновенно лирическое произведение! И что в тех местах, где ты ни о чем другом и не помышлял, как об игре недюжинного своего ума, читатель обливается горючими слезами. Спросишь его в такой момент: «Ты чего, читатель?», – а он тебе сквозь слезы: «Героев настоящего художественного произведения

жалко!» – и дальше рыдать. Ради этого на что же не пойдешь, чем не пожертвуешь? Да на все пойдешь и всем пожертвуешь... тем более, что и жертвовать-то уже почти нечем: в прошлой главе, как наиболее злопамятные из читателей, разумеется, не забыли, настоящее художественное произведение окончательно утратило реалистическую основу. А утрата таковой для любви первое дело.

Перенесемся же в Швейцарию, ибо вписать подлинную страсть в окружающую *нас* действительность никогда особенно не удавалось – *нам*, во всяком случае. Может, кого другого и привлекает любовь на фоне дальнейшей демократизации государственной структуры... но сексуальных отклонений столь экзотических не знает простая, как пионерская песнь, личность автора настоящего художественного произведения. Для нас гораздо привычнее Швейцария – с ее застрявшими у всех в свиной печенке романтическими пейзажами, более способствующими развитию страсти и достижению ею своего апогея, чем родина-мать с ее морозами, медведями и тремя президентами, одним за другим. А то, что в Швейцарии придется давать отпор вооруженным бандам банковских воротил, едва ли сильно испортит прелесть путешествия, не правда ли?

Банковские воротилы сидели за длинным столом и курили сигары, как у них, банковских воротил, заведено не нами. Сигары они курили одни и те же, что неудивительно, поскольку, если один банковский воротила выбирает самые дорогие сигары, то второму

деваться уже некуда: приходится курить те же, ибо по более-то высокой цене сигар не бывает! Кстати, по той же причине и одеты они были все одинаково, и обуты, и пострижены, и побриты, не говоря уже о том, что рост, вес, возраст, национальность и половая принадлежность их тоже совпадали, как, кстати, и имена, а также фамилии. Чтобы все-таки иметь хоть какие-нибудь отличительные признаки, банковские воротилы Швейцарии пронумеровали друг друга в случайном порядке – так и выступали под номерами, словно игроки какой-нибудь посредственной футбольной команды, состава которой никто не знает и знать не желает.

Прямо в данный момент воротила № 19, туша сигару строго в тот же момент и в ту же пепельницу, что и остальные – под номерами от 1 до 191, – задумчиво говорил:

– Значит, так... Всё! Это больше не игрушки. В стране теперь уже донельзя явно наблюдается совершенно наплевательское отношение к деньгам как средству существования. Долее терпеть невозможно. Когда я сегодня исключительно для проверки предложил нищенке на улице тысячу швейцарских франков, она послала меня так далеко, что я не дошел дотуда и даже таксист везти отказался. А вслед мне она прокричала: «Я хотела бы упрекнуть тебя в меркантильности. Упрекаю: ты меркантилен, банковский воротила!» Думаю, что все здесь помнят, кому принадлежат эти слова.

Банковских воротил передернуло (слева направо, как на фотографии) от неприятного воспоминания о Рединготе, имя которого

им было действительно хорошо известно и столь же хорошо противно. Дело в том, что брошюра Редингота под названием «Крохотный трактат об огромной окружности» – собственно, приветственная речь в адрес делегатов Умственных игрищ под девизом «Думай головой!» (о выходе брошюры в свет автор настоящего художественного произведения забыл уведомить читателя в свое время, а теперь автора уже нет в живых, – так что, наверное, слишком поздно) – давным-давно была у всех на устах. Даже когда одна швейцарская девушка, не подумав, воспользовалась губной помадой, возлюбленный подозрительно спросил ее перед тем, как начинать целовать: «Что это у тебя на устах, дорогая, – там, где должна быть книга Редингота?» – «Ой!» – испугалась швейцарская девушка и, краснея, немедленно стерла помаду с уст, на которых тут же проступила книга Редингота и в которые лишь после этого ее упоенно принялся целовать бдительный возлюбленный.

Так что не знаю, как вас, а меня отнюдь не удивляет реакция банковских воротил. Брошюра Редингота и в самом деле наделала дел (цепочка однокоренных слов, употребленная только что, призвана придать текусту еще большую выразительность) в стране, до выхода брошюры интересовавшейся только деньгами. В настоящее время деньги совершенно перестали привлекать население Швейцарии. Владельцы самых дорогих магазинов несколько недель тому назад облили бензином и сожгли все содержимое торговых залов и витрин, перейдя на продажу единственно популярных теперь футболок

до колен, годившихся для лиц любого пола и возраста, – а именно белых футболок, с надписью сверху донизу (на груди) и снизу доверху (на спине): «Не в деньгах счастье!» Футболки такие стоили баснословно дорого, но люди именно потому их и покупали... кстати, больше никакой одежды отныне нигде и не продавалось.

Швейцария (разумеется, за исключением банковских воротил, так как банковским воротилам приходилось одеваться за границей, причем, разумеется, всем – за одной и той же границей... и не надо, не надо, милый читатель, ловить меня на противоречиях!) разгуливала в одинаковых футболках и на каждом шагу цитировала брошюру Редингота. Что касается Абсолютно Правильной Окружности из спичек, то построение отрезка, приходящегося на Швейцарию, общими усилиями было уже почти закончено: далеко в Альпах оставалось метров сто-сто пятьдесят – всего-то! Правда, над пропастью...

Местечко это имело поэтическое, как всё в Швейцарии, название «Над пропастью во ржи». Преданий от том, откуда происходило такое название, не сохранилось. Существовала, правда, в местном музее старинная картина, на которой два ребенка из бедной семьи пересекали пропасть по тоненькой полоске произраставшей прямо в воздухе ржи, – впрочем, это мало что проясняло. Так или иначе, но в данный момент никакой ржи над пропастью не произрастало – и Абсолютно Правильная Окружность из спичек прокладывалась непосредственно по воздуху... то есть хуже не придумаешь! Спички

падали прямо в пропасть – туда же падали и те, кто их выкладывал. Со всей очевидностью, пропасть была глубокой...

В этот-то ответственный момент, когда до завершения работы было уже практически рукой – правда, еще все-таки довольно длинной – подать, банковские воротилы и замыслили недоброе. Замысел их отразился в соответствующем документе с одноименным названием «Недоброе», единогласно принятом Советом банковских воротил. Целью принятия документа было не дать швейцарцам достроить Окружность и вернуть страну к ее меркантильному прошлому.

План, разработанный для реализации этой отвратительной каждому читателю цели, предполагал увеличение местечка под названием «Над пропастью во ржи» раз в сто – посредством мощного взрыва. Боеприпасы банковскими воротилами были уже собраны – они хранились в колокольне, речь о которой пойдет в следующем абзаце. Мощный взрыв должен был служить точкой в истории построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек на территории Швейцарии. Да и в истории построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек как таковой, ибо прорыв хотя бы на одном из ее участков означал бы – и это каждый дурак понимает! – *не*построение Окружности вообще.

Правда, на «вообще» банковские воротилы плевали, время от времени забираясь специально для этого на ту самую колокольню – одну из тех, что в изобилии украшали страну. Колокольня – понят-

но почему? – получила красивое, как всё в Швейцарии, название «Поплавок». Постепенно колокольня «Поплавок» стала излюбленным местом сборов банковских воротил и своего рода ставкой: именно здесь принимались важнейшие решения, и даже в настоящий момент банковские воротилы сидели в «Поплавке». У подножия «Поплавка» барахталась в слюне небольшая демонстрация, прознавшая о документе под названием «Недоброе» из грязной бульварной прессы и выражавшая свой протест посредством отказа принимать горячую пищу. Всего каких-нибудь шагах в двадцати от демонстрации стояли работники швейцарского общепита с судками и сковородами наготове: в судках дымились крепкие бульоны, клокотали наваристые супы, булькали овощные пюре и рагу, со сковородок прыгали во все стороны плотные бифштексы, на противнях шипели, как змеи, сочные сосиски и бились лбами сытные отбивные... Сами же работники швейцарского общепита уже охрипли от призывов в адрес демонстрантов принять горячую пищу, но слышали в ответ упорное: «Мы отказываемся, ни за что не примем!» – и с ужасом наблюдали за тем, как демонстранты демонстративно же пожирают холодные закуски – причем в изобилии.

Когда терпение работников швейцарского общепита истощилось окончательно, вдали показались Редингот и Марта. «Ну, слава Богу!» – вздохнули работники швейцарского общепита и сложили с себя полномочия, побросав и вылив горячую пищу прямо здесь же у «Поплавка».

– Демонстрируем? – сухо спросил Редингот, подойдя к демонстрантам, и покачал головой: – На большее-то ума не хватает?

– Да ума у нас и вовсе нет! – тут же признались демонстранты. – Одна только совесть... как и у всех демонстрантов.

– Кто ж вас за язык-то тянет! – сразу разозлился Редингот. – Не с глазу на глаз ведь говорим!

Демонстранты удивленно огляделись, но никого не увидели.

– Вы же герои настоящего художественного произведения! – Редингот покачал головой и оставил их совершенно ошарашенными, поскольку сам, схватив Марту за руку, тут же взмыл в воздух и опустился на крышу «Поплавка». К полетам таким, смею надеяться и надеюсь, читатель давно уже привык, как к соблюдению правил личной гигиены.

– Ну, банковские воротилы, – напрямую обратился к банковским воротилам Редингот, – здравствуйте.

Банковские воротилы не поздоровались с Редингтом, а наоборот – умышленно отвернулись в другую сторону. Перейдя на ту сторону, Редингот вступил-таки с банковскими воротилами в зрительный контакт – те засмущались и заперебирали бумаги на столе. Но даже несмотря на их крайнее смущение, было видно, что они ненавидят Редингота.

– Я знаю, что вы тут взрыв готовите, – с умеренной беспощадностью продолжил Редингот. – Знаю и то, что все Вы подписались под документом, носящим название «Недоброе».

– Откуда Вы это знаете? – изумились банковские воротилы.

– У меня сердце-вещун, – открыл тайну Редингот, показывая на грудь, где сердце-вещун громко, как репродуктор из времен войны, вещало человеческим голосом.

Банковские воротилы прислушались и сказали:

– Да, от *такого* сердца ничего не скроешь...

Тут они принялись хором признаваться в том, что материальные ценности для них гораздо важнее духовных. Редингот с грустью смотрел на банковских воротил, время от времени переводя глаза на Марту, которая плакала, слушая их. Предпочтение материальных ценностей всегда действовало на нее крайне удручающе.

– Неужели вы, – сквозь слезы проговорила она, – если вам предложат выбрать между тысячей швейцарских франков и романом Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина», выберете тысячу швейцарских франков?

– Увы... – ответил за всех номер 143. – Мы так низки, что схватили бы со стола тысячу швейцарских франков, а на роман Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» стали бы даже... – (тут он густо, как шевелюра, покраснел) – ... плевать.

– Плевать?.. Неужели я Вас правильно поняла – плевать? Даже на ту сцену, где Анна Каренина тайно встречается после долгой разлуки со своим сыном Сережей? – Слезы в три ручья лились по щекам Марты.

– Боюсь, что на нее мы бы стали плевать особенно сильно, – брезгливо оглядев сотоварищей, признался номер 143.

– А если взять великие стихи? – не унималась Марта. – Например, «Незнакомку» Александра Александровича Блока... – на нее вы бы тоже плевали, если бы вам нужно было выбирать между бессмертным творением гения и тысячей швейцарских франков?

– Плевали бы, да еще как! – пряча глаза в бумажник, продолжал номер 143. – Даже не только плевали бы, но еще и глумились бы над их автором, называя Александра Александровича Блока, великого русского пиита, засранцем!

– Ну, это уж слишком! – возмутилась Марта и огрела говорящего по голове захваченным ею снизу судком с украинским борщом.

– А при чем тут я? – не понял номер 143. – Мы тут все такие!

– Не верю! – воскликнула Марта. – Вот... Вы только послушайте:

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух…

– Неужели *даже это* ничего не говорит вашим черствым душам?

Банковские воротилы посовещались, после чего номер 87 сказал:

– Увы, даже это нашим черствым душам ничего не говорит... Мы не чувствуем прелести гениальных строк Александра Александровича, не понимаем заложенной в них глубокой мысли. Естественная живость четырехстопного ямба с двумя пиррихиями в первом, одним в третьем и одним в четвертом стихе ускользает от нашего внимания. А уж такие вещи, как смелость перекрестной дактилической рифмы, обнимающей первый и третий стихи, нам в принципе неведомы… Мы вот сейчас обсудили между собой этот чарующий многих катрен и видим, что способны понять его лишь на поверхностном уровне. Спросите любого из нас – сами убедитесь!

Марта обвела печальным взглядом банковских воротил и, указав на номер 94, спросила:

– Что значит, по-вашему, *горячий воздух*?

Тот усмехнулся и горько вздохнул:

– Вы не поверите... – сказал он, – но метафоризированный эпитет «горячий» я вообще не способен оценить адекватно. Так что глубокая оригинальность словосочетания «горячий воздух» пропадает для меня без следа. Я воспринимаю словосочетание «горячий воздух» только и исключительно в качестве указания на температурное явление – от плюс тридцати градусов в тени и выше... Такой вот я болван.

– И Вы даже не допускаете, что это послезакатный воздух, нагретый нетрезвым дыханием посетителей кабаков и жаркими испарениями несытой человеческой плоти? – обалдела Марта.

– Не допускаю... – обреченно покачал головой номер 94. – Плюс тридцать градусов в тени – и баста!

Марта, проглотив комок (снега, услужливо брошенный кем-то снизу), с ужасом произнесла:

– Боже! Какой кретинизм... Остальные тоже не допускают?

Молчание было ей ответом.

– Так... – отнеслась она. – А следующее четверостишие:

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной
И раздается детский плач...

– Подумайте, разве оно не прекрасно?

Банковские воротилы покачали головами и сказали в один голос:

– Нет, тысяча швейцарских франков для нас прекраснее, чем все это, вместе взятое.

– И детский плач? – Марта в упор взглянула на банковских воротил. – Он тоже для вас ничего не значит?

– Можно по заднице надавать по толстой, – вяло предложил номер 6.

Марта потерла виски и призналась:

– Я не устаю удивляться вам, банковские воротилы.

– Это потому что Вы выносливая! Выносливые долго не устают, – объяснили те.

– Хорошо... тогда вот:

... и веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука…

– Что вы теперь скажете?

После минутного молчания номер 17 сказал:

– Мне представляется одна женщина...

– Наконец-то! – возликовала Марта. – Она... эта женщина, притягательна для Вас?

– Для меня все женщины притягательны, – смутился тот. – Я бабник.

Марта вздохнула и заломила ему руки. Номер 17 жалобно вскрикнул.

– Я имею в виду духовно! – жестко уточнила Марта. – Притягательна ли она для Вас *духовно* – не как объект низкого вожделения, а как образ?

– Образ... кого? – растерялся номер 17.

– Вечной Жены! – почти уже кричала Марта.

Номер 17 посмотрел на нее с ужасом:

– *Вечной* Жены? – На лбу его выступила испарина. – Да никогда, Вы что – с ума сошли, девушка? – Он помолчал и внезапно спросил: – Вы когда-нибудь состояли в браке?

– Причем тут брак? – опешила Марта. – Слово «жена» употребляется тут совсем в другом смысле!

– У слова «жена» только один смысл, – заупрямились банковские воротилы. – Причем смысл этот ужасен.

– Стало быть, вот где собака зарыта! – рассмеялась Марта и, извинившись за избыточную образность, добавила: – Просто Вы тут женоненавистники все!.. Но что такое мир, если в нем нет женского начала?

– Вы так потому говорите, что сами женщина... – протянул номер 34.

– Я... – задумалась Марта и резко повернулась в сторону Редингота. – Редингот, как, по-вашему, я женщина?

Редингот вздрогнул: к роли эксперта в этой области он был явно не готов.

– Женщина ли Вы, Марта? – вслух размышлял он. – Непростой вопрос.

– Потому-то я его и задаю, – объяснила Марта. – Мне самой никогда не приходило в голову рассматривать себя под этим углом зрения. Вот Вы ведь мужчина, я так понимаю? – И Марта зарделась.

Редингот тоже смутился, словно его уличили в чем-то постыдном. Помедлив, он собрал все свои силы и мужественно произнес:

– Я твердо знаю, что я не женщина, – но вот что касается того, мужчина ли я... Видимо, этот вопрос неуместен, как и вопрос о том, женщина ли Вы, Марта. Вы определенно не мужчина – и довольно с Вас.

– Почему же, интересно, этот вопрос неуместен? – спросил номер 157.

– Потому что в жизни не так уж много ситуаций, когда ответ на него насущно необходим, – нехотя отозвался Рединготт. – Вот представьте себе, что Вы завтракаете... – важно ли в данном случае, мужчина Вы или женщина? Или принимаете ванну, или пылесосите комнату, или заводите часы, или кормите собаку, или сажаете цветы, или зажигаете свечу, или затачиваете карандаш, или включаете отопление, или засыпаете, или вспоминаете, или... А вот случаев, когда женщина Вы или мужчина имеет принципиальное значение, раз-два и обчелся! – Тут Рединготт почему-то с грустью посмотрел на Марту и заключил: – Таких случаев на страницах этого художественного произведения у нас еще не было... Данный случай тоже не тот. Стало быть, вопрос, поставленный Вами, дорогая моя Марта, неуместен – или пока неуместен... слава Богу!

Погрузив банковских воротил в только что разверзшуюся перед глазами читателей философскую пропасть, Рединготт обнял Марту и сказал:

– И пусть вопрос этот как можно дольше не встает остро... а?

– Пусть! – беспечно отозвалась Марта и вдруг ойкнула: – Ой!

– Что? – тревожно взглянул на нее Редингот. – «Кто-то сидел на брегах Невы?»

О, как он знал Марту!

– Хуже... – тихо сказала она.

Редингот растерялся: ничего хуже, чем «кто-то сидел на брегах Невы», он себе не представлял.

– А мы – мужчины? – невпопад спросили банковские воротилы, наконец озаботившись коллективной своей половой принадлежностью.

– Да погодите вы! – Редингот отмахнулся от бесполых пока особей и взял Марту за локоть. Локоть дрожал.

– Марта, – со всею своею нежностию сказал Редингот, вложив в это слово даже больше себя, чем у него с собой было. – Вы... Вы не пугайте меня.

– Я люблю Его, – спокойным голосом испугала-таки Редингота Марта. – Я знаю теперь, что люблю Его. Он прилетает, как вихрь: задержится ненадолго и – прочь.

– Кто – Он? – спросил Редингот мягче-не-бывает.

– Человек в трусах... Это Он – Он, а не *кто-то*! – сидел на брегах Невы. Я поняла.

– Я тоже человек в трусах, – безнадежно сказал Редингот, понимая, что не трусы красят человека.

Марта внимательно посмотрела на Редингота:

– Это не Вы... Вы милый и родной, но там – другое. Там... там принципиальный случай: там я женщина, я чувствую.

– *Сейчас* чувствуете? – впал в панику Рединго́т.

– *Всегда* чувствую, – усугубила Марта. – Всегда, когда Он заявляет о себе... как вихрь.

– С каких же пор? – от меры участия в голосе Рединго́та можно было свихнуться, но Марта не свихнулась.

– Со Змбрафля... Или нет – раньше! С... урны – помните человека в урне, того, который *не* видел моей шубы? А потом, в Змбрафле, тот же человек вошел в зал заседаний и выбрал Северный полюс? Ни возле урны, ни в зале заседаний я не знала, что это был Он. Я только сию секунду поняла это... Потому что женщиной я почувствовала себя именно тогда...

– В зале заседаний?

– Нет, возле урны!

– Как это ощущается? – осторожно осведомился Рединго́т, вспомнив наконец неказистого человека в трусах и не поняв причин, по которым тот может заставить кого бы то ни было почувствовать себя женщиной.

Марта смутилась:

– Сказать?.. Даже если мне неловко говорить?

– Сказать. – Рединго́т вдохнул и не выдохнул. – Сказать обязательно, потому что... потому что я милый и родной. – Выдох наконец, слава Богу, состоялся, хотя и сильно запоздал.

– Скажу, – решилась Марта. – Когда чувствуешь себя женщиной, начинает казаться, что... что на тебе трусики в горошек...

– Так у меня не было, – признался Редингот. – Впрочем, я и без того знал, что я не женщина.

Банковские воротилы дружно вскочили со своих мест, спустили штаны и придирчиво оглядели себя и друг друга. Когда они опять надели штаны, вид у большей, чем половина, половины был самоуверенный и наглый, в то время как меньшая, чем половина, половина стремительно выбросилась в окно и без единого слова утонула в волнах, качавших «Поплавок». Так эмпирическим путем было установлено, что, если что-то и отличает банковских воротил друг от друга, то это – нижнее белье.

– В нашем полку заметно убыло, – обернувшись на шум, констатировал Редингот и снова обратился к Марте: – А приятно ощущать, что на тебе трусики в горошек?

– Очень! – серьезно сказала Марта и закрыла глаза. Когда она открыла глаза, это была уже прежняя Марта.

– Мы мужчины! – нарочито грубыми голосами тут же обрадовала ее большая, чем половина, половина банковских воротил.

– Вы? – рассмеялась Марта. – Какие же вы мужчины? Вы школьники. А мужчина на свете только один, на Северном полюсе. – И, сухо взглянув на банковских воротил, она добавила: – Сдайте оружие, хватит баловаться!

– Вихрь умчался прочь? – улыбнулся Редингот.

Марта кивнула.

Мужчины вокруг горячо заобсуждали, возможно ли это – подчиняться приказу женщины, – Марта, поняв их справедливые сомнения, тут же успокоила банковских воротил такими словами:

– В данный момент я не женщина, господа. В данный момент я власть!

И, целомудренно подняв юбочку, она продемонстрировала всем присутствовавшим безупречно белые панталончики без каких бы то ни было горошков или прочих – обычных в подобных случаях – сентиментальностей. Снежно-белые панталончики, значит, шелковые...

– ...ее упругие шелка! – неожиданно взревел номер 17, схватил со стола документ под названием «Недоброе», бросил его на пол и растоптал тяжелыми ботинками от Хьюго Босса. – Das Ewig-Weibliche Zeiht uns hinan[13]!

– Мы победили, – горячо шепнул Редингот Марте и, обращаясь к номеру 17, спросил: – Хотите тысячу швейцарских франков?

– Нет, нет и нет! – впал в экзальтацию номер 17. – Да здравствуют духовные ценности! Да здравствует Абсолютно Правильная Окружность из спичек! Мир, труд, май! Пролетарии всех стран...

– Спасибо, достаточно, – остановила его Марта.

---

[13] Вечная-Женственность
Всех нас влечет! *(нем.)*.

Надо ли рассказывать, с каким удовольствием однополые бандиты принялись выносить через заднюю дверь запасы оружия и сбрасывать их в молчаливые волны, только что поглотившие меньшую, чем половина, половину банковских воротил, чье нижнее белье оказалось недостаточно мужественным!

Так опасная швейцарская группировка была обезврежена.

Что касается Пропасти во ржи... да стоит ли об этом? К чему будоражить тени забытых детей из бедных семейств! Ну, проложил Рединготспички... непосредственно по воздуху, значит, и проложил, а когда его спросили – как, он только загадочно улыбнулся и сказал:

– Есть такие два слова – «надо позарез»!

А больше ничего не сказал, сколько его ни пытали, прикладывая к животу раскаленный утюг. Хохотал, да и всё! И, конечно, Марта смотрела на него непременно влюбленными глазами клоуна, хотя обмануть Рединготауже было нельзя: теперь-то он знал, что она любит один вихрь, а потому время от времени, когда тот налетает, Марта становится женщиной... Что касается самого Редингото, то сам Редингототнюдь не был уверен в том, что он мужчина: вспоминая о Ласточке, Бог весть когда улетевшей в дальние страны, он не мог рассказать ничего такого уж особенного о своих ощущениях как мужчины, ибо ощущал он себя птицей – только птицей и никем больше. Марта, узнав об этом, принялась беспокоиться и беспокоилась отныне все время, то и дело спрашивая Редингото:

– Как это ощущается – быть птицей?

Однако Редингот только и делал, что бессвязно бормотал: они-не-сеют-не-жнут-и-не-собирают-в-житницы, от чего у Марты сильно кружилась голова, потому как на ум ей постоянно прилетала одна и та же жирная невская чайка, которая именно что сеяла, жала и собирала в житницы – а к тому же была еще швец и на дуде игрец, что претило Марте.

Но потом они с Рединготом все равно уехали в Париж, и там Редингот опять вел себя как не фунт изюма и стопроцентный человек – так Марта забыла, что на самом деле он птица, хотя он-то уж совсем явно не сеял, не жал и не собирал в житницы...

ГЛАВА 21
Драматизм повествования переходит в его же эпизм

В группе слов «лиризм», «драматизм» и «эпизм» самое неприемлемое – последнее. Ужасно, конечно, не хотелось бы ничем таким заниматься, но иногда приходится... Горько то, что при этом сам себе противен бываешь, а все равно занимаешься как миленький, причем иногда целыми днями – и заниматься будешь, никуда не денешься. Так уж человек устроен – тянет его на всякие гадости. Заглянет, бывает, старый, как патефон, знакомый, поглядит на тебя подозрительно, да и скажет:

– Эпизмом, небось, занимаешься?

И отрицать бесполезно, потому что на лице у тебя оранжевым маркером Swan на трех языках написано: «Он занимается эпизмом».

Что касается конкретно меня, то я изо всех сил клянусь тебе, совесть моя читатель, что раньше я *никогда* эпизмом не занимался, – более того, сама мысль об эпизме была мне противна! Честно сказать, началось это со мной только недавно – каких-нибудь лет десять-пятнадцать назад... то есть, к стыду моему, еще при жизни. Как уж оно так получилось, сам не знаю, но одно могу сказать твердо: получилось у меня это *совершенно* против воли. Я и сам не заметил,

как порок завладел мной: сидел я за письменным столом однажды и вдруг поймал себя на том, что вот уже битый час занимаюсь эпизмом. Но хуже всего было то, что я, оказывается, и накануне им занимался – не ведая, что творю... Понимаете мое состояние? Застукав себя за столь постыдным занятием, я, конечно, немедленно прекратил его и сказал себе: «Руки бы тебе оторвать, вахлак!» Но в ответ услышал знакомое: «Ой, да уж чья бы корова!..» – и тут же получил по шее. Поскольку противник был явно сильнее и коварнее, сопротивляться оказалось бесполезно – и с тех пор я, падая все ниже, то и дело ловил себя на преступном этом занятии. Вот и сейчас, уже после смерти... эх, да что говорить! Простишь ли, простишь ли ты меня, о читатель!..

Хотя, с другой стороны, чего это я так уж перед тобой унижаюсь да раскаиваюсь-то? Неизвестно еще, чем ты, милый мой, занимаешься, когда тебя никто не видит! Может быть, эпизм рядом с этим просто невинная детская забава, да и все! Между прочим, нет хуже однонаправленной коммуникации: когда ты, наивный автор, изливаешь свою душу кому попало – притом что этот кто попало может оказаться таким отщепенцем, которому и вообще не место в демократической структуре нашего общества. А поскольку так оно часто и бывает (оговорюсь, что этим я отнюдь не хочу замарать честь читателей, чья этика высока, как температура на экваторе!), позволю-ка я себе все-таки сказать даже с некоторым вызовом: «Да, мой читатель! Я занимаюсь эпизмом – прими это как должное». И скажу

я так потому, что пришло Время: хватит распускать лирические слюни – пора действовать с эпическим размахом! Деткин-Вклеткин в опасности – раз, Хухры-Мухры в опасности – два, Случайный Охотник в опасности – три. А от тебя, читатель, все равно никакой помощи не дождешься!

Итак...

Прямо в этот момент в дверь автора и позвонили – причем аккуратными такими звонками: одним за другим и другим за третьим... то есть нет: сначала одним, потом другим, потом третьим, а то как-то при первом перечислении наоборот совсем получилось, что не соответствует суровой правде момента. Выйдя на аккуратные эти звонки, автор увидел нового персонажа, прежде еще не виданного и в страшном сне. У персонажа этого все было среднестатистическим: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. И голос, которым он звонко сказал:

– Здравствуй, Автор! Я Массовый Читатель.

– Ох, – тут же и затосковал автор, но как мог вежливо осведомился: – А Вы мне зачем?

– Я пришел по зову сердца, – чуть не обиделся Массовый Читатель, но, будучи поглаженным автором по голове, мигом оттаял, как небольшая поляна при скупом весеннем солнце.

«Так я и знал, что по зову сердца!» – про себя подумал автор и, поняв, что с эпизмом придется повременить, смиренно сказал:

– Добро пожаловать... тогда. А вот разрешите полюбопытствовать, Вас сердце Ваше куда конкретно позвало?

– Оно позвало меня в дорогу! – краснознаменно отрапортовал Массовый Читатель.

– Как письмо? – уточнил автор.

– Какое письмо? – строго спросил Массовый Читатель, а автор опять про себя подумал: «С ним шутки плохи!» – и исправился: – Забудьте о письме, причем немедленно!

– Не забуду мать родную! – не к месту под солнцем сказал Массовый Читатель и дружно засмеялся.

– Молодец Вы какой, – нашелся автор и хотел перевести разговор на солнечную сторону, но Массовый Читатель не дал.

– Мы с Вами разве на «вы»? – осведомился он.

Автор, перечною мятою освежив в своей памяти обстоятельства встречи, кротко ответил:

– Вы со мной на «ты», а я с Вами на «вы».

– Почему так случилось? – Массовый Читатель оказался дотошным.

– По кочану, – удачно, казалось бы, выкрутился автор, ан нет...

– Как это – по кочану? – последовал очередной вопрос.

– Значит, вот что... – сделал красивое вступление автор. – Не отправиться ли Вам в дорогу уже сейчас? Время не ждет.

Это «время не ждет» произвело на Массового Читателя невероятно сильное впечатление: он весь присобрался и оскалил зубы.

– Я готов! – сказал он, пустился в путь и почти исчез из виду... но, тем не менее, весь не исчез, а еще оставаясь частично видимым, обернулся и крикнул автору:

– Да, совсем забыл сказать: я тебя как автора не уважаю!

– Я Вас как читателя тоже не уважаю, – горячо отозвался автор.

– А вот это уже хамство, – крикнул Массовый Читатель, и в который уже раз, оказался прав.

Автор стыдливо опустил глаза до уровня плеч и спохватился:

– Постойте!

Массовый Читатель постоял смирно.

– Вы... – впал в комплекс вины автор, – Вы заблудитесь на страницах настоящего художественного произведения. – Потом собрался с силами и спросил, как таксист: – Вам куда?

– Мне на Северный полюс, – смилостивился пассажир. – Туда, где наших бьют.

– Ваших... это кого же? – встревожился автор.

– Деткина, Мухры и Охотника.

Увы, худшие подозрения автора сбывались... Исправлять что бы то ни было казалось уже поздно, но автор попытался попытаться:

– Видите ли... они... они не вполне, как бы это сказать, «ваши». Они другие совсем.

– Другие? – расхохотался Массовый Читатель. – Ты говори, да не заговаривайся! Они ведь за идею, так? Значит, наши!

– Ах, да за какую идею! – рассмеялся автор. – Идея идее рознь...

Массовый Читатель посмотрел на него издалека – словно из будущего:

– Ты знаешь что... Идея у нас одна. Ты или вези на полюс, или пошел на хер.

– То есть... как это? – совсем просто не понял автор.

– А вот так! – прибегнул к расхожему объяснению Массовый Читатель.

Автор задумался и сказал – причем вслух, как привык:

– Если я уйду, тут вряд ли что состоится. В настоящем художественном произведении, я имею в виду... дальше!

– Все состоится в лучшем виде, – заверил его Массовый Читатель, – не дрейфь! Не будет тебя – придут другие. Наши дети будут жить лучше нас.

– У меня нет детей, – признался автор.

– Зато у меня есть, и они будут жить лучше тебя.

– Не сомневаюсь... – Автор вздохнул и мановением руки отправил Массового Читателя на Северный полюс, сказав при этом в сердце своем: «Тебя там только и дожидались!» ...а впрочем, всецело положившись на Деткин-Вклеткина.

…Деткин-Вклеткин, откинув голову за спину, осторожно перегрызал веревку, которой были связаны его руки. Эскимос Хухры-Мухры, злою волею разодетой в пух и прах Бабы с большой буквы

закованный в тяжелые оковы, негромко, но истово молился национальным богам. Случайный Охотник не мог и этого – из-за присутствия во рту кляпа.

Национальные боги не снизошли к эскимосу Хухры-Мухры, но Деткин-Вклеткин доперегрыз веревку и – освобожденный, как Прометей, – начал перегрызать тяжелые оковы Хухры-Мухры. Их он, разумеется, тоже перегрыз: тяжелые оковы пали на ледовитый пол юрты с таким грохотом, что Карл Иванович, внутренний эмигрант, спавший в юрте по соседству с темницей, сонно перевернулся с одного бока на другой:

– Небось, побег устраивают, дураки!

После этого, приобняв разодетую даже в постели Бабу с большой буквы, он опять засопел в три ноздри – в числе прочего имевшиеся на его широком лице, о чем как-то не хотелось сообщать раньше.

Спокойствие Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, объяснялось проще не придумаешь: накануне вечером он приручил, выдрессировал и нанял на работу пять голодных белых медведей, несших теперь дозор у входа в темницу – помещение склада, где содержались Деткин-Вклеткин, эскимос Хухры-Мухры и Случайный Охотник. Что должно было произойти в том случае, если заговорщики задумали бы совершить побег, гадать не приходилось: пять голодных белых медведей только того и ждали, время от времени злобно скрипя зубами о зубы же.

– Держать было надо тяжкие оковы свои! – сделал Деткин-Вклеткин замечание эскимосу Хухры-Мухры.

– У меня недержание оков, – оправдался Хухры-Мухры.

Сообща вынув кляп изо рта Случайного Охотника, они попросили его сказать что-нибудь, дабы проверить, в каком состоянии речевой аппарат. Речевой аппарат функционировал более чем нормально: Случайный Охотник без запинки прочитал «Илиаду», которую он со школьной скамьи подсудимого знал наизусть. С удовольствием вкусив эпопеи Великого Слепого, Деткин-Вклеткин впервые за много месяцев почувствовал себя сытым, а утонченный эскимос Хухры-Мухры, никогда в жизни не слышавший о битве за Илион, от остроты впечатления разрыдался до истерики – да так громко, что Карл Иванович, внутренний эмигрант, даже чертыхнулся во сне:

– Небось, классиков читают, дураки!

И опять засопел в три ноздри.

Чтобы успокоить Хухры-Мухры, Случайный Охотник напрягся и – тоже наизусть – прочел вслух «Птичка Божия не знает». Птичка возымела на впечатлительного эскимоса в высшей степени положительное действие: тот успокоился сначала полностью, а потом – полностью и окончательно, как социализм. Деткин-же-Вклеткин понял, что переел и что опять будет мучиться желудком, но мужественно сказал, пряча отрыжку за спину:

– Попировали – и будет. Пора выбираться отсюда.

– Сначала надо застрелить Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и зарубить Бабу его... с большой буквы, – сказал Случайный Охотник, вынимая из-за спины спрятанные там заблаговременно ружье и ледоруб Хухры-Мухры.

– Вот уж с радостью... – ухмыльнулся Хухры-Мухры и, приняв ледоруб, наточил его о всегда бывшее при нем точило. – Здорово острый стал... – сказал он, чуть поразмыслив. – Таким Бабу с большой буквы легко зарубать!

– Зарубать никого не будем, – пресек его мечтания Деткин-Вклеткин. – Нам руки нужны. Спички выкладывать.

– Руки оставим, – практично заметил Хухры-Мухры, с ностальгическим удовольствием в-прошлом-художника уже было представив себе Бабу с большой буквы эдакой Венерой Милосской.

Деткин-Вклеткин содрогнулся и сказал:

– Ужас!

– Эти два бугая все равно не станут спички выкладывать, – равнодушно заметил Случайный Охотник. – Они же вредители... отрицательные персонажи, как Вы до сих пор не поймете?

– Да все я понял давным-давно! – вздохнул Деткин-Вклеткин. – Но беда моя в том, что доверчив я...

– А напрасно! – покачал головой Хухры-Мухры, направляясь к выходу.

Злобный рык пяти белых медведей остановил его у порога.

– Что это за звуки? – не без интереса спросил Деткин-Вклеткин.

– Злобный рык нескольких белых медведей! – смазывая ружье кремом для сухой и нормальной стали, произнес будничным голосом Случайный Охотник, знаток окрестностей.

Хухры-Мухры, почесывая ухо ледорубом, вяло заметил:

– *Пяти* медведей, мой мальчик. А нас трое.

– По одной целой шестидесяти шести сотых медведя на душу населения и шесть в периоде, – подытожил любивший профессиональность в счете Деткин-Вклеткин.

Тут-то и обозначилось на северном ледовитом полу юрты среднестатическое существо без пола, возраста и национальных признаков.

– По одной целой двадцати пяти сотых медведя на душу населения, – с радостью пересчитал результат Деткин-Вклеткин и спросил: – С кем имею честь?

Существо вздрогнуло от непредсказуемого вопроса про честь и неожиданно для себя впопад сказало:

– Массовый Читатель.

Деткин-Вклеткин подошел к Массовому Читателю, потрогал голыми руками плотную поверхность внутренне чуждого ему тела и проговорил:

– Здравствуйте Вам... с кистью.

– Это как это? – сразу и навсегда оторопел Массовый Читатель.

– Ну, вот... – в никуда констатировал Деткин-Вклеткин. – Два раза слово «это» в одном предложении из трех слов! – Он воспита-

тельным взором посмотрел на Массового Читателя и распорядился: – Читать больше надо. Чтобы разнообразить лексический запас.

– Да я и так уже... – совсем потерял лицо Массовый Читатель, – читаю все, что попадается под руки!

Отыскав лицо Массового Читателя, укатившееся за любовно построенный Карлом Ивановичем, внутренним эмигрантом, штабель из спичечных коробков, Деткин-Вклеткин не то спросил, не то не спросил его:

– Шаловливые ручонки (?/!)

– Так ты и есть Деткин-Вклеткин! – вдруг узнал говорящего Массовый Читатель, укрепляя лицо на прежнем месте.

При слове «ты», в последнее время не принятом здесь, на ледяных просторах Северного Ледовитого океана, из рук эскимоса Хухры-Мухры выпал ледоруб, а из рук Случайного Охотника – ружье. Из рук же Деткин-Вклеткина ничего не выпало, потому как в руках у него и не было ничего... зато выпало кое-что изо рта, а именно следующее высказывание:

– Вы быстро сходитесь с людьми...

– Нормально схожусь, – деловито и ледовито, прямо как Карл Иванович, внутренний эмигрант, подтвердил Массовый Читатель. – С тобой вот сошелся уже. Сейчас с двумя другими сойдусь. Привет, Мухры... ты ведь Мухры?

– Я *Хухры*-Мухры, – дистанцировался эскимос, явно испытывая состояние культурного шока.

– Чё, я тебя не знаю, что *ли*! – развязно подмигнув, хохотнул Массовый Читатель и оставил его в покое. – А ты, значит, Охотник?

– *Случайный* Охотник, – голосом учителя столичной гимназии уточнил тот. – И попрошу без... панибратства. – Было видно, что последняя фраза далась ему с сизифовым трудом… то есть практически не далась.

– Ой, потешные вы все! – резюмировал Массовый Читатель. – Прямо как живые!

– Что Вы имеете в виду под «*как* живые»? – не без гнева спросил Деткин-Вклеткин.

– Что имею, то и введу, – сострил Массовый Читатель, и от этой его остроты рафинированного Деткин-Вклеткина немедленно стошнило «Птичкой Божией».

– Вы... как бы... где росли? – вытерев рот полотняной салфеткой с инициалами, вовремя поданной ему Случайным Охотником, брезгливо спросил Массового Читателя Деткин-Вклеткин.

– Я рос на Дону, – с национальной гордостью великоросса начал Массовый Читатель, – в семье тружеников...

– Тружеников села? – не без подозрительности вмешался эскимос Хухры-Мухры.

– Вообще – тружеников... тружеников всего, – на минуту растерялся Массовый Читатель, но тут же и нашелся: – Моя мать была сучильщицей пряжи, а отец – прокатчиком стана! Правда, дед мой,

лудильщик луда, происходит из сельской местности... но теперь это микрорайон Сызрани!

– Так я и знал... – вздохнул Хухры-Мухры и звучно, хоть и неточно, процитировал: – Блажен, кто сызрани был молод!

– Не будем юродствовать, – Деткин-Вклеткин возвратно-поступательным движением руки мягко пресек разыгравшегося интеллектом эскимоса. Потом отвел Хухры-Мухры в сторону и там отчитал его: – Вы эти свои центростремительные замашки бросьте: то, что Вы родились непосредственно над пупом земли, Северным полюсом, а не на Дону, не дает Вам никаких преимуществ. Вернитесь теперь и извинитесь перед Массовым Читателем.

Весь красный от распиравшей его совести, эскимос вернулся и извинился.

– За что он извинился? – спросил Массовый Читатель Случайного Охотника. Тот пожал плечами. Тогда, поскребя голову скребком, забытым на ледовитом полу Карлом Ивановичем, внутренним эмигрантом, Массовый Читатель покачал этой своей поскребанной головою и сказал с похабным смешком: – Умрешь тут от вас от всех просто... умрешь и не встанешь!

А Деткин-Вклеткин, в неравном поединке поборов новый приступ внезапного отвращения к Массовому Читателю, вдруг спросил его вежливым фальцетом:

– Вы, собственно, с какой целью к нам... пожаловали?

– Я пришел дать вам волю, – охотно пояснил Читатель.

– Именно так оно и выглядит... – опять вздохнул Деткин-Вклеткин. – А можно вот еще поинтересоваться: почему Вы именно нас выбрали... волю давать?

– Так Вы ж в темнице, во-первых! И умираете за идею, во-вторых... Идея же – она сильна единством масс!

– Во-о-от в чем дело... – в который уже раз все понял Деткин-Вклеткин.

– Мы тут сейчас организуем Ледовое Побоище – Александра Невского помнишь? – запотирал руки Массовый Читатель. – Значит, так. Выстраиваемся свинья свиньей и – вперед и с песней! – Он оглядел унылых сотоварищей. – Что не нравится в предложении?

– Очень уж... боево, – прикрыв рот белоснежным носовым платком, зевнул Случайный Охотник. – Тут у нас вообще-то другие традиции.

– А чё? – на минуту потерял и тут же нашел невдалеке от себя самообладание Массовый Читатель. – Сначала медведе́й под лед спустим, потом с классовым врагом разделаемся, Карлом да бабой его, и – спички выкладывать!

– Поможете со спичками? – оживился вдруг Деткин-Вклеткин.

– А как же, етишкин кот! – непонятно к кому обратился Массовый Читатель. – Иначе зачем бы я сюда перся?

– Мы так поняли... дать нам волю и – и удалиться! – размечтался было Хухры-Мухры, но Деткин-Вклеткин послал ему такой пронзительный взгляд, что Хухры-Мухры зазнобило.

Ледового же Побоища, значит, было не избежать. Кстати, автор настоящего художественного произведения – как бы он ни относился к Массовому Читателю – этому только рад: что-то вроде Ледового Побоища и замышлялось с самого начала – к чему бы иначе весь разговор об эпизме? Правда, эпизмом предполагалось, конечно, заниматься подольше, не к концу, то есть, главы начинать... ну да это уж ладно!

– Только, чур, я Александр Невский! – разгорячился Массовый Читатель.

– Вы больше на Донского похожи...– не сдержался Хухры-Мухры, но тут же зажал себе рот ледорубом.

Построить Деткин-Вклеткина, Хухры-Мухры и Случайного Охотника так, как предполагал Массовый Читатель, то есть свинья свиньей, удалось не сразу.

– Хрюкайте! – стал понукать их Массовый Читатель.

– Да Вы что – совсем уже придурок, что ли? – из положения на четвереньках с интересом спросил Массового Читателя Хухры-Мухры.

– Не могу не присоединиться к вопросу! – отозвался из того же положения Деткин-Вклеткин: как ни дорога ему была Абсолютно Правильная Окружность из спичек, терпеть самодурства он все-таки не мог по природе своей.

– Ладно, интеллигенция... – махнул рукой Массовый Читатель. – Вы тогда только атакуйте неприятеля, а я уж сам за вас похрюкаю.

И он принялся упоенно хрюкать.

– Сумасшедший дом просто, – покачал головой Случайный Охотник.

Замысел стратега предполагал, что втроем, свинья свиньей, они – сам стратег при этом должен наблюдать битву со стороны – ломанутся с разбегу сквозь полог юрты и, под хрюканье стратега, погонят пять белых медведей по льду Северного Ледовитого океана. В ходе погони лед, дескать, не выдержит тяжелой амуниции пяти белых медведей и треснет – так пять белых медведей окажутся под водой, которая и поглотит их на веки вечные.

Разбег начали из дальнего угла склада.

По пути к выходу из юрты Случайный Охотник, имевший какой-никакой опыт борьбы за свою шкуру в суровых условиях Крайнего Севера, обратился к Деткин-Вклеткину с осторожным вопросом:

– Вот я все думаю... с чего бы это льду проломиться под тяжестью пяти белых медведей, когда тут вечная, опять же напоминаю, мерзлота?

– Да, вроде бы, не с чего, – согласился Деткин-Вклеткин, труся к пологу.

– А потом... какая же у медведей амуниция-то, когда они голые все?

– Ну, положим, не голые, – вмешался Хухры-Мухры, – а покрытые шерстью, скрывающей их безобразную наготу.

– Все равно амуниции у них нету никакой! – настаивал Случайный Охотник. – Сожрут они нас, пять белых медведей, да и всё!

Безмятежно трусивший к пологу Деткин-Вклеткин на секунду остановился и за секунду эту успел сказать столько, сколько не вместит в себя структура никакого художественного целого. Суть высказывания сводилась к тому, что у него, Деткин-Вклеткина, было много чего припасено с собой: пять больших полосатых мячей, пять металлических обручей, облитых бензином и только что подожженных имевшимся у него в кармане грибом-трутом, пять элегантных помостов в виде тумб, оклеенных пестрой бумагой, небольшой, но крепкий батут для сальто-мортале в воздухе, кое-какие смешные костюмы (например, царь-царевич-король-королевич-сапожник...), пять длинных хлыстов со щелчком и прочая чепуха, но главное – пять ведерок отменной свежей рыбы, до которой белые медведи так охочи. Еще Деткин-Вклеткин сказал, что это тут, по полу склада Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, они бегут свинья свиньей, а там, за пологом юрты, к ним снова вернется человеческое достоинство: они распрямятся, быстро оденут пять белых медведей в смешные костюмы и передрессируют их из послушных исполнителей злобной воли Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, в настоящих творцов,

умеющих подбрасывать и ловить полосатые мячи, прыгать через горящие обручи, элегантно восседать на тумбе, хлопая в ладоши, а также совершать прыжки на батуте и даже скакать на коне.

– Коня-то мы где возьмем? – недовольный обширностью цирковой программы спросил Случайный Охотник, у которого ружье чесалось подстрелить медведей – и дело с концом.

Деткин-Вклеткин улыбнулся в ответ:

– Конем буду я.

– Это как? – обалдел Случайный Охотник.

– Просто: себя в коня преобразив! – напомнил ему Деткин-Вклеткин.

– А-а-а! – дошло до Случайного Охотника. – Ну конечно! – Тут он замедлил трусцу и шепотом спросил Деткин-Вклеткина: – А поймет ли нас Массовый Читатель?

Деткин-Вклеткин пожал плечами:

– Надеюсь, что поймет. Но наверняка ведь этого все равно никогда нельзя знать заранее!

– И то правда, – сказал Случайный Охотник и успокоился.

Массовый Читатель, он же князь Александр Невский, а также Дмитрий Донской (язык бы мне оторвать!) и не подумал ломиться через полог юрты вместе со дружиною: он продолжал нахрюкивать изнутри, даже не высовывая пятака в опасное общество пятерых белых медведей, а потому и не видя ничего из того, что происходило

за пологом юрты, но с удовольствием рисуя в своем неприхотливом воображении одну кровавую бойню за другой кровавой бойней.

Между тем крови за пологом юрты не было и в помине. Пользуясь тактикой кнута и пряника (в данном случае – хлыста и рыбы), дрессировщики уже через несколько минут добились потрясающих результатов: глупые белые медведи, одетые в пестрые костюмы, не только с удовольствием сидели на тумбах в ожидании рыбы, но играли в волейбол, гандбол и футбол, крутили вокруг талий горящие обручи, словно это были холодные хула-хупы, скакали на коне и даже рассказывали человеческими голосами сказки дядюшки Примуса. А приблизительно через час уже могли считать до двух миллионов шестисот тысяч девятисот пятидесяти трех и вполне прилично выкладывать счетные палочки, которые тоже были заблаговременно припасены Деткин-Вклеткиным для дрессировки, в небольшую, но почти правильную окружность.

– Что и требовалось доказать, – лаконично подвел итог Деткин-Вклеткин, отправляя медведей в юрту за спичечными коробками. По пути в юрту медведи на три голоса распевали грузинскую народную песню «Сулико» на приличествующем этой песне языке.

Массовый Читатель решил, что это за ним... Он бросился на пол и прикинулся мертвым, потому что знал: медведи не едят мертвечину. Обнюхав его, белые медведи охотно поверили, что он мертвый, ибо от Массового Читателя исходил запах тлена, и, нагрузившись спичечными коробками, покинули юрту. Массовый же чита-

тель обеими руками схватился за сердце и еле удержал его в груди (сердце у него, как у многих из нас, располагалось именно в груди, слева). После этого он осторожно приподнял полог юрты и высунул пятак в ледяное безмолвие.

В ледяном безмолвии кипела работа: привычные к снегу белые медведи уверенно вели по ледовитой поверхности безупречную траекторию Абсолютно Правильной Окружности из спичек, изредка аплодируя себе и неизменно получая от дрессировщиков рыбу из, казалось, бездонных ведерок. Впрочем, видно все это было уже плохо, потому что за то время, пока Массовый Читатель оклемывался, медведи дошли почти до горизонта, куда и тянулась тоненькая спичечная линия.

– Подождите же меня! – взревел Массовый Читатель и, распевая на бегу «Вперед, заре навстречу!», ринулся непосредственно к горизонту.

У горизонта к нему отнеслись не очень хорошо – прямо сказать, враждебно. Его не приняли в компанию дрессировщиков – и он был вынужден довольствоваться компанией медведей, которые с самого начала невзлюбили Массового Читателя – во-первых, как чужака, во-вторых, как конкурента, в-третьих, как животное тупое, неразвитое и не приспособленное к жизни в условиях Крайнего Севера. Оно и понятно: мелкие зубы его все время громко и часто стучали от холода, задние лапы то и дело расползались на льду... да и

спички он клал не в линию, а в «елочку», поскольку передние лапы у него тряслись.

– Вот ублюдок-то, прости Господи! – сокрушались белые медведи, жалея о том, что не сожрали его тогда, когда он был еще мертвым – там, в юрте, на складе.

Видя унижения, которым подвергается Массовый Читатель, сердобольный автор, разумеется, не стерпел и мановением руки спровадил его в Париж – может быть, для того, чтобы там Массовый Читатель взял уроки жизни у Марты и Редингота, а может быть, для того, чтобы парижский воздух закружил ему голову: парижскому воздуху это, как все мы хорошо помним, просто раз плюнуть!

А в рядах тех, кто прокладывал Абсолютно Правильную Окружность из спичек по территории Северного Ледовитого океана, воцарилось полное и абсолютное единство. Люди и медведи трудились без выходных: бойкий ритм трудовых будней настолько совпал с биологическими ритмами полярных животных, что Деткин-Вклеткин, Хухры-Мухры и Случайный Охотник лучшего и желать не могли. Отныне судьба Абсолютно Правильной Окружности из спичек – по крайней мере, на этом, отдельно взятом и наиболее ответственном в масштабах целого участке ледяной суши, – была в надежных руках и лапах. Кстати, как Хухры-Мухры, так и Случайному Охотнику их новая профессия пришлась сильно по душе. А чтобы ничем не отличаться от других известных дрессировщиков, они взяли себе звучный псевдоним – братья Дуровы, после чего цирковая обще-

ственность с радостью приняла их в свои ряды на заочное отделение. Деткин-Вклеткин не взял себе вышеуказанного псевдонима, следующим образом объяснив свой поступок соратникам:

– Вам, Дуровым, меня не понять.

Что же касается Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, и разодетой в пух и прах Бабы с большой буквы, то они так и продолжали спать в обнимку. И в этом тоже не было ничего удивительного: будучи, в сущности, животными, однако животными не полярными, они подчинились своей настоящей натуре и впали в долгую зимнюю спячку, грозившую естественным образом перейти в вечный покой, ибо зима на Северном полюсе долгая...

Если кто-то так до сих пор и не понял, чем мы занимались на последних страницах, то мне ничего не остается, как сообщить: это и был эпизм. Не знаю, многие ли из нас получили от него удовольствие, но оно и неважно: дело в том, что эпизм, забыл сказать, и вообще существует отнюдь не для того, чтобы услаждать нас, – он необходим просто для поддержания тонуса. В противном случае напряженность в структуре художественного произведения грозила бы разрешиться чрезмерно быстрой развязкой, до которой нам с вами, слава Богу, еще пилить и пилить...

ГЛАВА 22
Художественная деталь красит литературное целое

В то время как вы, дорогие мои, уже давно и откровенно (я бы даже сказал: бесстыдно) хотите в Париж, куда столь же бесстыдно хотят все на свете, я туда отнюдь не спешу – причем ради вашего же блага. Вас ведь едва ли устроит перспектива увидеть Париж и умереть... да и хватит нам с вами того, что мертвого *писателя* в моем лице мы уже имеем!

Кстати, распределение ролей между читающим и пишущим трудно назвать справедливым: обратите внимание, что писатели всегда мертвы, в то время как читатели всегда живы. Мне просто из любопытства хотелось бы разок взглянуть хоть на одного мертвого читателя... подозреваю, *как* меня бы могло воодушевить подобное зрелище. Лежит себе совсем тихий читатель в небольшом гробу, а на груди у него – зачитанная до дыр книга: есть ли на свете такой равнодушный писатель, которому смерть читателя не ласкала бы глаз – хотя бы и один глаз? Да любой мало-мальски уважающий себя автор, не будь он, конечно, мертвым, отдал бы жизнь за то, чтобы увидеть своего читателя на смертном одре! Каким вечным покоем Левитана веет от этой картины! Какой отрадой наполняет сердце мысль о том, что уже не слышать писателю суровой, но справедливой критики читателя, не видеть его честных и наивных глаз, не участвовать

в горячих и плодотворных дискуссиях о том, кто для кого, в конце концов, существует – писатель для читателя или совсем наоборот!

А с другой стороны, вполне ведь возможно допустить, что, если писателя делает великим писателем смерть, она же способна и читателя сделать великим читателем. При жизни, дескать, покойный был никому не известным читателем средней руки – слава великого читателя пришла к нему лишь посмертно. Только далекие потомки сумели оценить его гениальность, обратившись к книжной полке безвременно усопшего, где на почетном месте найдено было любимое его творение – книга Антонины Рябой «Консервируем овощи на зиму». Вчитываясь в бесхитростное повествование, невольно понимаешь, каким отменным вкусом надо обладать, чтобы выбрать эту книгу в качестве настольной. Простые, но идущие из самой глубины сердца строки о таких понятных и близких каждому вещах, как огурцы, помидоры, кабачки, капуста, чеснок, заставляют задуматься: кто мы, откуда пришли и куда идем... Великий читатель смог увидеть в них то, что ускользало от взгляда других: взволнованный рассказ простого смертного о том, чем люди живы. Документальной правдивостью веет от каждого пассажа:

На дно трехлитровой банки положить 10 вишневых, дубовых и черносмородиновых листьев, 4-5 кусочков хрена, 2-3 зубчика чеснока, 2-3 зонтика укропа с семенами. Затем заполнить банку огурцами длиной 10-12 см, а сверху положить еще слой пряностей. Залить огурцы некипяче-

ной водой доверху с солью (на 1 *л* воды 1 ст. *л*. соли), закрыть полиэтиленовой крышкой и поставить в холодное место…

Или:

Для консервирования, соления более всего подходят бугристые огурцы, желательно не больше 12 см, без пустот в середине и сформировавшихся семян. Корнишоны – огурчики длиной до 5 см – консервируют целыми, у более длинных с обоих концов делают срезы. Если огурцы покупные или пролежали 1-2 дня, то перед консервированием их надо замочить в холодной воде на 3-6 часов. Укладывать огурцы в посуду следует вертикально, но не набивать ее до самого верха: впитав часть рассола под крышкой, огурцы окажутся им не прикрыты и раскиснут. Зелень для засолки: душистый перец горошком, гвоздика, листья хрена, укроп, листья и черешки сельдерея, эстрагон в стадии цветения, майоран, листья черной смородины, вишни, дуба. Если банки не стерилизуются, то после закатывания банки переворачиваем, укрываем одеялом и выдерживаем до полного остывания. Секрет: если при засолке добавить чайную ложку хлористого кальция, то соленые и маринованные огурчики приобретут аппетитный хруст…

Или:

Салатные огурцы обычно не используют для консервирования: они получаются мягкими, пустотелыми. И все же, если урожай салатных огурцов больше, чем вы сможете съесть в свежем виде, попробуйте их засолить. Но для этого вам придется засолить сначала обычные огурцы. Через 5-6 дней эти огурцы съедаете или закрываете на зиму, а рассол, в котором идет молочно-кислое брожение, используете вторично. Добавляете еще 10 г соли на литр рассола, кусочек корня хрена и помещаете в него салатные огурцы. Когда огурцы заквасятся (а происходит это на четвертый-пятый день), они ничуть не уступают обычным: такие же твердые и ядреные…

Не правда ли, поразительная чистота стиля?

Впрочем, кому я это все говорю! Вы же, дорогие мои читатели, едва ли способны по-братски разделить со мной мой восторг: вы пока живы, а значит и не велики! Однако потерпите еще немного: перспективы хорошие, поскольку ничто не вечно под луной. Как знать, может быть, будете и вы великими... потом. А покуда вы не великие, потуда придется обходиться теми, какие есть. С таковыми и отправлюсь-ка я опять в Японию.

Что значит – «были уже в Японии»? Ну, были... а толку-то что? Японскую культуру, доложу я вам, с одного взгляда не постигнуть. Наша же с вами задача – постигнуть ее полностью и окончательно, чтобы потом уже никогда больше к Японии не возвращаться – выбросить Японию из памяти навеки, а то место на карте, где она изображена, замазать черным маркером прямо по океану и сверху еще приписать: «Здесь никакой Японии нет и никогда не было!» Но это мы с вами все позже проделаем, если не забудем, а пока – в путь!

...Умная Эльза вчитывалась в корявые иероглифы Японского Бога и недоумевала. Недоумевать она не любила: от этого занятия ее коробило. Сначала все-в-Японии в подобные несчастливые минуты спрашивали Умную Эльзу, дивясь тому, как туловище и члены этой красивой девушки более или менее юных лет начинают искажаться при внимательном взгляде на них:

– Что это с Вами?

– Меня коробит, – охотно поясняла Умная Эльза. – Так бывает, когда я недоумеваю.

И тогда, успокоенные, все-в-Японии опять возвращались к японским своим будням.

Впрочем, это было давно. Теперь все-в-Японии уже так хорошо знали Умную Эльзу, что и не смотрели в ее сторону – настолько она стала привычной. Всем-в-Японии казалось, что Умная Эльза была здесь всегда – так же, как Фудзияма. Ее даже время от времени путали с Фудзиямой и, наткнувшись при переходе улицы на Умную Эльзу (та зачастую лежала посреди дороги), всматривались в искаженные ее очертания и говорили:

– Так это Вы, Умная Эльза! А казалось, это Фудзияма...

Но мы с вами отвлеклись от главного. Главным же сейчас было письмо Японского Бога – и от письма этого Умная Эльза, как сказано, недоумевала. А недоумевать она, как тоже сказано, не любила: от этого занятия ее коробило. Сначала все-в-Японии в подобные несчастливые минуты спрашивали Умную Эльзу, дивясь тому, как туловище и члены этой красивой девушки средних лет начинают искажаться при внимательном взгляде на них:

– Что это с Вами?

– Меня коробит, – охотно поясняла Умная Эльза. – Так бывает, когда я недоумеваю.

И тогда, успокоенные, все-в-Японии опять возвращались к японским своим будням.

Впрочем, это было давно. Теперь все-в-Японии уже так хорошо знали Умную Эльзу, что и не смотрели в ее сторону – настолько она стала привычной. Всем-в-Японии казалось, что Умная Эльза была здесь всегда – так же, как Фудзияма. Ее даже время от времени путали с Фудзиямой и, наткнувшись при переходе улицы на Умную Эльзу (та зачастую лежала посреди дороги), всматривались в искаженные ее очертания и говорили:

– Так это Вы, Умная Эльза! А казалось, это Фудзияма...

Но мы с Вами опять – причем второй уже раз! – отвлеклись от письма Японского Бога – причем отвлеклись на то же самое. Впрочем, нас с Вами легко понять – гораздо труднее понять Умную Эльзу, которая недоумевала, несмотря на то, что от этого занятия ее коробило. Сначала все-в-Японии в подобные несчастливые минуты спрашивали Умную Эльзу, дивясь тому, как туловище и члены этой красивой девушки преклонных лет начинают искажаться при внимательном взгляде на них:

– Что это с Вами?

– Меня коробит, – охотно поясняла Умная Эльза. – Так бывает, когда я недоумеваю.

И тогда, успокоенные, все-в-Японии опять возвращались к японским своим будням.

Впрочем, это было давно. Теперь все-в-Японии уже так хорошо знали Умную Эльзу, что и не смотрели в ее сторону – настолько она стала привычной. Всем-в-Японии казалось, что Умная Эльза была

здесь всегда – так же, как Фудзияма. Ее даже время от времени путали с Фудзиямой и, наткнувшись при переходе улицы на Умную Эльзу (та зачастую лежала посреди дороги), всматривались в искаженные ее очертания и говорили:

– Так это Вы, Умная Эльза! А казалось, это Фудзияма...

Вот теперь, дорогие мои читатели, я уже убедительно попрошу вас больше не отвлекаться, ибо в данный момент нас с вами интересует не что иное как письмо Японского Бога, от которого Умная Эльза недоумевала, а когда она недоумевала – тут осторожнее: тут петля Мёбиуса! – ее коробило, и на вопрос всех-в-Японии о том, что с нею происходит, она объясняла это недоумением, все успокаивались, а позже привыкли к ней точно так же, как к Фудзияме, и даже иногда принимали ее за Фудзияму, но не надолго, письмо же Японского Бога гласило:

«Дорогая Умная Эльза, пишу в полете на спине Марты...

Очень глупо выразился, извините: получается, что я как бы лечу на спине Марты и пишу Вам это письмо, в то время как мы с Мартой летим рядом, каждый сам по себе, и я просто пишу Вам на ее спине.

Перечитал и понял, что только еще больше запутал Вас, потому как предложение приобрело ненужную двусмысленность, которую я поспешу снять. Я отнюдь не пишу ***непосредственно*** *на спине Марты, ибо в этом случае Вы сейчас держали бы в руках спину Марты, покрытую письменами, что представляло бы собой картину нелепую, если не отвратительную... хотя, конечно, сама по себе спина Марты не лишена известной (мне и, надеюсь, Вам) прелести, – но только если эта спина представляет собой часть целого, то есть Марты как таковой, а не существует в пространстве сама по себе, но я не об этом. Я только и ис-*

ключительно о том, что пишу не на самой спине Марты, а на почтовой бумаге, лежащей на спине Марты.

Вторая неточность, на которую я тоже хотел бы обратить Ваше внимание, следующего характера: если бы мы, Марта и я, действительно летели рядом, как я неуклюже выразился выше, то писать на спине Марты было бы для меня невозможно: для этого нам обоим пришлось бы лететь боком, а это, вне всякого сомнения, затруднительно.

В реальности же дело обстоит так, что мы с Мартой в данный момент летим по небу. При этом Марта летит чуть-чуть впереди меня, а я – о чем Вы, наверное, уже догадались, – немножко сзади, в силу чего у меня и появляется возможность писать, разместив почтовую бумагу на спине Марты. А сообщаю об этом я для того, чтобы Вы не недоумевали, почему иероглифы, выходящие из-под моего пера, так корявы...

(Тут Умная Эльза, слава Богу, прекратила недоумевать – и ее, стало быть, перестало коробить.)

…После того, как я объяснил Вам все это, мне осталось сказать очень немного: следите за траекторией, чтоб Вас!

Целую.
Японский Бог».

Второй раз в жизни поцелованная Японским Богом, Умная Эльза сначала не могла найти себе места. Она бродила по Японии, как потерянная каким-то ротозеем, и убеждалась, что все места заняты: только она облюбовывала себе какое-нибудь место, как с места этого слышалось: «Занято!» Наконец ей удалось найти себе место: местом этим оказалась узкая расщелина между двумя утесами, где Умная Эльза и затаилась, чтобы поразмыслить над формой и содержанием письма Японского Бога. Убедив себя в том, что форма и со-

держание в данном письме едины, она облегченно вздохнула и надолго задумалась.

И задуматься ей, между прочим, было над чем. То, что у любивших асимметрию японцев в конце концов получилось из спичек, даже при *всем* желании *всех* людей доброй воли (Этот повтор я и сам вижу. – *Коммент. автора*) никак нельзя было назвать траекторией. На бескрайнем пространстве Национального Парка трудолюбивые, аки муравьи, японцы выложили распростершуюся на сотни и сотни километров монументальную композицию из спичек под емким, как кастрюля от Tefal, названием «Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную». Композицию следовало наблюдать с окрестных гор: только так она становилась обозримой. Стилистика композиции была традиционной, а потому крайне условной: напрасно было бы искать среди изображений ту самую мать родную, в честь которой композиция получила свое емкое, как кастрюля от Tefal, название: родной матери среди изображений не было и в помине. Посетители Национального Парка с удовольствием пересказывали друг другу давно уже навязшую у всех в зубах и периодически с отвращением выплевываемую поучительную историю про одного незадачливого американского туриста, который, поняв идею композиции слишком прямо, спросил у оказавшегося рядом трехлетнего Накамури, какое из изображений конкретно ему следует рассматривать в качестве «The Native Mother». Вздрогнув от неожиданности, трехлетний Накамури уронил в пропасть атрибуты

самурая, случайно сражавшегося поблизости, и, смиренно опустив глаза ниже губ, обратился к незадачливому американцу со следующим комментарием:

– Разве одинокая цапля, отражаясь в ровной поверхности водного источника тихим безоблачным днем узнаёт себя в этом отражении?

Захваченный врасплох, незадачливый американец некстати спросил:

– А причем тут одинокая цапля, трехлетний Накамури?

В ответ трехлетний Накамури только улыбнулся просветленной улыбкой и молча отошел от незадачливого американца на расстояние в двести фу.

Снова и снова вспоминая эту историю, Умная Эльза рисовала в своем распущенном воображении будущую встречу с Японским Богом и постоянно задавала себе один и тот же вопрос: а устроит ли и Японского Бога, который однажды вернется, чтобы проверить правильность траектории, объяснение, данное трехлетним Накамури незадачливому американцу? В который раз отвечая на этот вопрос отрицательно, Умная Эльза, наконец, рассмеялась счастливым смехом, потому что внезапно нашла выход. Она сделает немыслимо красивое харакири – харакири, какого еще не знала Япония! Это харакири и будет тем аргументом, который окончательно убедит Японского Бога в правоте трехлетнего Накамури, а стало быть, и в том, что выполненная японцами композиция из спичек, несмотря

на свою головокружительную сложность, вполне может считаться безупречным фрагментом Абсолютно Правильной Окружности, ибо, в конце концов, Абсолютно Правильная Окружность из спичек есть понятие духовное, а отнюдь не геометрическое.

Выползая из расщелины, Умная Эльза чувствовала себя лучше всех на свете. Она весело прыгала в разные стороны, несмотря на очевидный недостаток места в расщелине, – и потому выбралась на поверхность вся в крови и паутине, причем потревоженные ею пауки злобно рычали ей вслед.

Все-в-Японии собрались вокруг нее и с участием спросили:

– Что с Вами, Умная Эльза? Не собираетесь ли Вы сделать самое красивое в истории Японии харакири?

– Быть может... – загадочно ответила Умная Эльза и отправилась в свою соломенную хижину на окраине леса Тамаёто.

Тогда все-в-Японии, удивившись, пожали плечами и разошлись по своим общественным и личным делам.

А Умная Эльза, войдя в соломенную хижину на окраине леса Тамаёто, сразу же начала приготовления к харакири.

Первое, что ей следовало продумать, был список приглашенных. Он получился настолько длинным, что, добравшись до конца, Умная Эльза не смогла потом найти начала: список по мере чтения сворачивался в рулон... Дни проходили в напрасных поисках начала списка – и постепенно это стало раздражать Умную Эльзу, не любившую проволочек. Когда начало было все-таки найдено, Умная

Эльза потеряла конец – и за поиски пришлось взяться сызнова. Ей стало понятно: ничего не остается, как только разрезать список на полоски – так, чтобы на каждой из полосок стояло только по одному имени. Однако в результате все имена перепутались, и Умная Эльза полностью потеряла контроль над ситуацией. Однако не успела она приуныть, как налетевший невесть откуда японский тайфун по имени Василиса-Прекрасная подхватил полоски и унес их в океан. Умная Эльза трехэтажно выругалась, выбрав для этого один из высокогорных диалектов, и решила вообще не составлять никаких списков, а не мудрствуя лукаво писать имена приглашенных на открытках – в той последовательности, в какой имена эти станут приходить ей в голову. Открытки же она между делом и бездельем надумала купить в близлежащем провинциальном городке.

В близлежащем провинциальном городке, разумеется, уже знали, что Умная Эльза вознамерилась сделать самое красивое в истории Японии харакири, и потому отнеслись к ее проблемам с пониманием. Где бы она ни появлялась, ей шли навстречу – прямо как бараны. Умная Эльза никак не могла обойти толпы идущих ей навстречу и время от времени пыталась образумить их вежливыми словами:

– Да что ж вы все навстречу да навстречу прете-то – других направлений движения вам нет?

Однако идущие навстречу только улыбались приятными улыбками, продолжая идти в ту же сторону. В конце концов Умная Эльза

устала их огибать, села на обочине и принялась дожидаться, когда они пройдут-таки мимо, но те все шли, шли и шли ей навстречу нескончаемым людским потоком... Тогда Умная Эльза решила растолкать идущих локтями. Это ей удалось – к счастью для нее и к несчастью для идущих навстречу, потому что, работая локтями, Умная Эльза создавала хаос – и часть идущих ей навстречу была затоптана толпой, а у этой части были дома дети, которые остались сиротами и через несколько лет превратились в бандитов, наводящих ужас и пистолеты на мирное население японских провинций.

В магазине открыток Умную Эльзу обслуживали полтора месяца: выяснилось, что подобрать открытки для приглашения на процедуру харакири – задача не из легких. Сначала Умная Эльза хотела просто купить любые, но все-в-Японии, на минутку зайдя в магазин открыток, посмотрели на нее, как на полную дуру – и она смутилась. А разновидностей открыток с приглашениями на процедуру харакири оказалось так много, что Умная Эльза никогда бы ничего не выбрала без помощи опытного консультанта. Правда, уже первый вопрос, заданный опытным консультантом, поставил ее в тупик:

– В каких Вы отношениях с теми, кого приглашаете на процедуру?

Ответить на этот вопрос честно Умная Эльза не решилась, поскольку с теми, кого она приглашала на процедуру, ее связывали, прежде всего, деловые отношения, до которых Умная Эльза была

охоча. Она покрылась румянцем стыда и срама и пробормотала невнятное:

– *Ла-ла-ла*, па-па, ку-ку.

По счастливому стечению обстоятельств, на местном диалекте это означало: «С теми, кого я приглашаю на процедуру, отношения у меня исключительно приятные и ничем не обремененные».

Удовлетворившись ответом, опытный консультант предложил ей не слишком строгие по форме и совершенно фривольные по смыслу открытки двадцати видов, из которых Умная Эльза на первый раз должна была выбрать девятнадцать – причем только те, которые ей нравятся больше других. На каждой из открыток была изображена одна и та же сцена: «Речная нимфа, соблазняющая Зевса своим интеллектом и намеренная в случае успеха вступить с ним в дискуссию о движущих силах истории». Однако сцену эту буйная фантазия японских художников-полиграфистов представляла на каждой из открыток совершенно по-разному. На одной речная нимфа была нагой, а Зевс – застегнутым на все пуговицы, на другой нагим был Зевс, а речной нимфы вообще не было, на третьей не было ни Зевса, ни речной нимфы, а только сам процесс соблазнения; имелась и открытка, на которой вообще ничего не было, кроме весьма и весьма прозрачных намеков на подлинные причины интереса речной нимфы к Зевсу... Наконец Умная Эльза наткнулась на открытку, где Зевс был изображен в виде компактного фаллоса, небрежно размазанного по огромной тарелке с горным пейзажем. Умная Эльза

немедленно отбросила от себя эту последнюю открытку с чувством глубокого отвращения, причем все-в-Японии (опять на минутку зайдя в магазин открыток) снова посмотрели на нее, как на полную дуру.

Опытный консультант тяжело вздохнул, словно обманутый в самых чистых своих намерениях, и задал следующий вопрос:

– В каких отношениях те, кого Вы приглашаете на процедуру, с Вами?

Тонкость этой формулировки в соотнесении с первой настолько выбила Умную Эльзу из колеи, в которой она все время разговора находилась, что опытному консультанту пришлось потратить немало сил на то, чтобы впихнуть ее в ту же самую колею по новой. Однако теперь в колее этой Умная Эльза чувствовала себя неуютно, словно не в своей, – может быть, потому, что по ее колее беспечно прогуливались туда-сюда несколько средних лет японцев на лыжах – и японцы эти громко обменивались между собой последними новостями из западных провинций.

Опытный консультант не стал повторять вопроса, чтобы в колею Умной Эльзы не набежало еще больше средних лет японцев на лыжах, – многие из них, кстати, уже стояли наготове непосредственно перед колеей. Вместо этого опытный консультант без особых церемоний предложил Умной Эльзе выбрать из девятнадцати открыток восемнадцать, нравящихся ей больше других. На сей раз Умная Эльза обнаружила в пачке открытку, на которой Зевс – в исподнем

речной нимфы – читал «Метаморфозы» Овидия: открытка показалась ей перегруженной образами, и она отвергла ее.

Следующий вопрос опытного консультанта был гораздо более практичным, но от этого, увы, ничуть не более легким:

– На заре ли Вы собираетесь выполнять харакири?

Об этом Умная Эльза на тот момент еще не успела подумать, но, тем не менее, изо всех сил замотала головой – дескать, нет, не на заре, поскольку зори она, будучи совой (извините, что я так поздно ввожу эту столь важную деталь), ненавидела с подростковых ногтей.

Надо ли говорить, что после ответа на этот вопрос ей было предложено выбрать семнадцать открыток из восемнадцати, и что она справилась с этим заданием столь же блистательно, как и с первыми двумя...

Если благосклонный читатель думает, что я так и буду сопровождать опытного консультанта в каждом очередном его движении, то он, благосклонный, то есть, читатель, сильно ошибается. На это у нас нет времени: мы, если благосклонный читатель не забыл, летим вперед, не разбирая дороги. А потому я только по-быстрому проинформирую о том, что, когда Умной Эльзе пришлось отсортировать одну открытку из двух последних, она растерялась. Перед ней лежали два подлинных шедевра японских художников-полиграфистов. Один из них представлял собой изображение Зевса в виде речной нимфы, а речной нимфы – в виде Зевса, в силу чего оставалось полной загадкой, где Зевс, где нимфа, что очень устраивало Умную Эль-

зу. Второй шедевр запечатлел Зевса в образе задумчивого бурундука на склоне горы, символизировавшей речную нимфу... Поколебавшись, как маятник, Умная Эльза остановилась все-таки на второй, с бурундуком.

– Тысяч пять экземпляров, – тихо попросила она и упала замертво – как от усталости, так и полагая отношения с опытным консультантом законченными.

Но не тут-то было. Опытный консультант – тут же сделав Умной Эльзе искусственное дыхание – живо заставил ее очнуться. Очнувшись и заметив кое-какие неполадки с дыханием, Умная Эльза поинтересовалась, останется ли ее дыхание таким же искусственным и в дальнейшем. В ответ на это опытный консультант с грустью кивнул и сообщил, что естественного дыхания она отныне лишилась навсегда. В ужасе от его сообщения Умная Эльза, едва справлявшаяся с искусственным своим дыханием, только и смогла сказать:

– У Вас есть еще вопросы?

– Масса! – с удовольствием признался опытный консультант и пояснил: – Мы же еще конверты должны выбрать! И марки! И текст приглашения вместе составить! И отправить приглашения! И дождаться гостей! И усадить их на удобные места! И сделать, наконец, это долбаное харакири... чтоб им всем пусто было!

Не поняв его гнева, Умная Эльза все же не удержалась на ногах спросить:

– И Вы *все время* предполагаете быть со мной?

– А как же! – поднимая ее с пола и заботливо отряхивая разноцветной метелкой, сказал опытный консультант. – Это входит в стоимость услуг.

Подивившись такой высокой культуре обслуживания в провинции, Умная Эльза искусственно вздохнула и предложила:

– Может быть, нам тогда имеет смысл пожениться? Вы ведь, небось, не женаты совсем? – Умная Эльза даже не заметила, что иронничностью формулировки обижает опытного консультанта.

– Я сто раз женат! – разгорячился тот. – Только все мои жены уже умерли. И как раз сейчас я свободен. Давайте жениться.

– А от чего они умерли? – без интереса спросила Умная Эльза.

– Так от харакири же! – дивясь ее непонятливости, рассмеялся опытный консультант.

– Вы их всех, значит, консультировали и, консультируя, женились на них? – догадалась наконец Умная Эльза.

– Именно! – откликнулся опытный консультант, составляя смету. – Это входит в стоимость услуг.

...Умная Эльза и опытный консультант поселились в небольшой беседке на берегу пруда. В пруду водились знаменитые ядовитые рыбки, которых опытный консультант ловил и ел, как это принято в Японии, а Умной Эльзе рыбок есть не давал, щадя ее. Уже через несколько месяцев у Умной Эльзы начали появляться первые признаки истощения. Время от времени она жаловалась, что голод-

на. Опытный консультант сокрушенно качал головой, понимая, что лично он Умной Эльзе ничем помочь не может.

– Дай мне одну рыбку! – слабым голосом то и дело просила она мужа.

Глядя на Умную Эльзу влюбленными глазами, опытный консультант печально улыбался в ответ на такие просьбы и, трепля супругу по щеке, объяснял:

– К сожалению, вы, европейцы, не обладаете внутренним органическим противоядием, необходимым для того, чтобы есть таких рыбок.

– Тогда поймай мне другую рыбку! – капризничала умирающая на глазах супруга.

– Да где ж я ее поймаю-то? – спрашивал опытный консультант, обводя глазами далеко не бескрайние просторы Японии.

– В таком случае купи мне какие-нибудь чипсы по пути с работы, – упрашивала его Умная Эльза.

– Куплю, если не забуду, – обещал опытный консультант, но все время забывал.

Между тем срок, назначенный для выполнения харакири, неумолимо, как старость, приближался. Гости давно получили приглашения, прибывшие в конвертах цвета хаки и с марками, выпущенными ко Дню защиты детей от зверей, положительно ответили на них и даже начали съезжаться. Палаточный городок возле пруда рос не по дням, а по часам. Все ловили ядовитых рыбок и ели их – стара-

ясь, чтобы Умная Эльза этого не видела. Впрочем, ей было уже не до рыбок...

Дрожащими пальцами она сшила себе платье с элегантным вырезом в районе брюшной полости, белое и из гладкой ткани (по мнению опытного консультанта, именно на таком платье пятна крови бывают заметнее всего), и теперь целыми днями медленно натачивала кривую японскую саблю – одну из тех, которые супруг, как правило, покупал ей по пути с работы вместо обещанных чипсов. Вечерами Умная Эльза заучивала наизусть короткую, но содержательную речь: речь следовало произнести перед тем, как кривая сабля выпустит ее кишки на волю.

Стало быть, приготовления подходили к концу. Не хватало сущей мелочи – художественной детали, которая превратила бы данное харакири в подлинно незабываемую процедуру.

Впрочем найти подобную деталь было отнюдь не задачей Умной Эльзы. Найти такую подобную деталь было задачей вашего покойного слуги, автора настоящего художественного произведения. И он, разумеется, – с присущим ему вкусом, о котором не спорят! – вскорости нашел эту деталь. Вскорости, но, конечно, не без труда: как-никак история харакири знает великое множество по-настоящему красивых кишечно-полостных операций, вошедших в мировую сокровищницу харакири.

Умело и разнообразно выполняли харакири далекие японские предки. Балансируя на вершине горы, стоя в седле резвого скакуна, удобно расположившись в центре главной площади столицы или усевшись на коврик непосредственно пред светлыми (В Японии – темными. – *Коммент. автора*) очами императора...

Увы, вписать новый жанр в этот перечень красиво выполненных харакири становится все сложнее: жанровая структура харакири давно окаменела – вроде структуры сонета, куда не втолкнешь теперь ни единой строчки сверх обязательных четырнадцати! Старайся, не старайся, а современных разборчивых ценителей харакири ничем не удивишь. Придешь в гости к товарищу, выпустишь кишки на пороге его дома – так он только сметет их щеткой для сметания кишок в совочек для сбора кишок, посмотрит на тебя с брезгливостью, да и скажет свое скучное: «Пошляк ты...» А тебе и возразить ему нечего, потому как ты, вообще говоря, загнулся – как в прямом, так и в переносном смысле. Даже на любимую девушку, которая обязательно предпочитает тебе кого-нибудь другого, кишками своими впечатления уже не произвести. В японском метро то и дело слышишь, как одна подружка рассказывает другой: «Мой-то тут на днях пришел ко мне с цветущей веткой сакуры, в костюме от Кензо, и давай у меня глазах себе брюхо вспарывать. Вспорол – и лежит, дурак дураком...»

Незыблемо прочное место заняли древние традиции самураев в нашей повседневной, богатой горестями и радостями, жизни. По-

звонишь жене в обеденный перерыв с работы, спросишь: «Как дела?» – а она только часто дышит да булькает в трубку. Ты ей: «Я не вовремя, дорогая?» – она в ответ ласковым голосом: «Да не очень, дорогой. Я тут для тебя как раз харакири заканчиваю». А напомнишь: «Да вчера уже харакири было...» – так она тебе: «Вчера неудачное получилось. Зато сегодня по всем правилам!» И к концу рабочего дня ты опять вдовец. Эх, быт, быт!..

Пишут же о харакири теперь и вообще все кому не лень. Книжные прилавки пестрят заголовками типа «Искусство харакири», «Полный курс национального харакири», «Харакири для дошкольников и младших школьников»... – иногда создается впечатление, что современникам больше и заняться нечем, как животы себе в каждой подворотне вскрывать. Опять же в Интернете... сплошные харакири-on-line. На какой сайт ни заявишься – бумс тебе кишки на экран: сиди, любуйся. Не говоря уж о телефонных услугах: пара долларов в минуту – и слушай харакири живьем, пока не надоест... с утра до ночи: «В последнюю минуту моей жизни я с тобой, любимый... Ты, наверное, удивлен: что это за помехи в трубке? А это у меня кишка вокруг телефонного провода нечаянно намоталась» – и так до бесконечности. В меню телефонов мобильных и то тема «Харакири» введена: выбирай тривиальные клипы да посылай друзьям и знакомым!

Впрочем, рано, рано объявлять харакири изжившим себя видом искусства. Колоссальные нереализованные возможности таятся

в нем еще и сегодня. Как в хайку и танках: казалось бы, куда уж старомоднее... Ан – нет: по-настоящему творческие натуры и тут найдут способ проявить свою фантазию: ничего, что традиции – вековые, а мы сами с усами! И не то чтобы старые формы ломать, – не ломать вовсе, а творчески преобразовывать. То есть, оставаясь в рамках прежних форм, давать им новую жизнь.

Так и харакири – к чему традицию нарушать? Можно, конечно, горло себе перерезать на глазах у сочувствующей публики и назвать это «харакири»… или, скажем, глаз за глазом повыковыривать и ухо за ухом поотпилить: дескать, я *так вот* понимаю харакири! Но это игра не по правилам. А если по правилам, то речь у нас не о горле и не о глазах с ушами идти должна – речь у нас о кишках идти должна.

Так что кишками и ограничимся.

Подарили мне тут на днях книгу – там специалист один известный, харакиролог, утверждает: подлинные открытия возможны в наше время только на грани смежных областей... а что? Мысль, между прочим, заслуживает пристального, как орлиный взгляд, внимания. Сама книга, кстати, называется «Бонсай, оригами и харакири» – забавное такое название. И, скажу по секрету, новые горизонты просто один за другим открываются – особенно при совмещении искусства харакири с искусством оригами. В данной области, оказывается, практически ничего еще не сделано: твори не хочу! Выпустить себе кишки теперь, дескать, любой сможет, но вот чтобы определенным

образом их подать – в этом-то как раз и есть искусство! Тут главное – дуба не дать сразу после вспарывания брюха: дыхание задержать и – ножничками по кишкам чик-чик-чик, а потом уголки загнуть, расправить все на полу да вывернуть: вот и оригами... кишки в форме розы или в форме лодки, или в форме фонарика! Сувенир, так сказать, на долгую память: обиход, например, украсить или еще что...

Опять же – молодежи традиции передавать. «Смотри, детка, какое красивое харакири твой дедушка после себя оставил! А *ты* подумал, что оставишь после себя?» Да и количество примеров – хотя бы в учебниках японского языка – глядишь, увеличится, и рядом с надоевшим всем *Он сделал харакири* появятся другие, поинтереснее: *На полу лежит современное харакири*; *Стены гостиницы украшены новыми харакири* и др.

Или вот... представьте себе описание интерьера в какой-нибудь пьесе будущего:

АКТ 1

С ц е н а 1

Теплый летний вечер в окрестностях Хоккайдо. Комната в небольшом загородном доме. Обстановка проста и изысканна: стол, кресло, четыре стула из времен Тикуёко. В косых лучах заходящего солнца старое бабушкино харакири посреди стола, отливая перламутром, выглядит особенно величаво и торжественно.

И к и т о м а (улыбается). Взгляни, Ямамото, какое красивое сегодня наше харакири! Так бы и съела его...

Я м а м о т о. Это потому, что я утром протер его тампоном, смоченным эмульсией, которую купил вчера. Называется «Харакири-ультра». Она лучше, чем «Харакири-плюс».

И к и т о м а (бледнея от еле сдерживаемого гнева). До чего же ты приземленный тип, Ямамото! Так бы и убила тебя... (Рыдает.)

Есть, стало быть, есть, дорогой читатель, скрытые потенции в этом древнем виде искусства, в этом вечно живом харакири! Поспешим же к Умной Эльзе, уже закончившей последние приготовления: самое грандиозное в истории Японии харакири ждет нас. «В чем же его грандиозность?» – конечно, спросишь ты меня, дорогой читатель, и я отвечу: «Да в том, что вырежет-то Умная Эльза из области своей обнаженной брюшины – причем вырежет хоть и в миниатюре, но со всеми подробностями! – украшающую Национальный Парк композицию "Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную". Только это еще не всё! В состав композиции она органично поместит фигуры незадачливого американца и трехлетнего Накамури, своим не по годам зрелым ответом пригвождающего незадачливого американца к щедрой на обещания японской земле».

Таким будет мой ответ тебе, дорогой читатель! Не чувствуешь ли ты и сам теперь, как красит нежным светом данная художественная деталь не только уже практически выполняемое Умной Эльзой харакири, но и самую структуру художественного целого, торжественно разворачивающегося перед изумленным твоим взором?

Итак...

От пупа наевшись ядовитых рыбок, гости со всех концов Японии замерли в напряженном ожидании начала процедуры. На специально построенный для этого помост опытный консультант выволок Умную Эльзу, не способную от истощения даже передвигать ноги. В одной руке она едва держала кривую японскую саблю, наточенную до изнеможения, в другой – небольшие изящные ножницы для оригами. Заботливо усадив супругу на помост в ритуальную позу, опытный консультант вытер с лица обильные слезы, высморкался и дрожащим от волнения голосом произнес:

– К сожалению, Умная Эльза сейчас настолько ослабела от голода, что ей едва ли стоит тратить силы на короткую приветственную речь, которую она заблаговременно приготовила для вас, дорогие гости. Задачи ее и без того сложны. О том, насколько они сложны, вы узнаете чуть позднее – в тот момент, когда содержимое Умной Эльзы упадет перед вами на этот скромный помост. Будьте же внимательны: вы присутствуете при выполнении самого грандиозного в истории страны харакири. – С этими словами опытный специалист схватил с помоста большой барабан и забил его насмерть. Потом обернулся к Умной Эльзе с последним наставлением: «Семь раз отмерь, один – отрежь!» – и спрыгнул с помоста на землю, сломав в результате неудачного прыжка обе ноги.

Умная Эльза оглядела присутствующих.

– Передайте Японскому Богу... – начала было она, чуть приподнимая руку с болтающейся в ней кривой саблей, но тут улыбка озарила бледное ее лицо, и она закончила, искусственно вздохнув: – А впрочем, ничего не передавайте. Он поймет все сам.

В этот исторический момент силы окончательно оставили Умную Эльзу, и она выронила из совсем ослабевшей руки кривую саблю – причем выронила неудачно: упав с помоста, сабля вонзилась строго в живот безногого ее супруга, который от неожиданности сразу умер не своей смертью. Все присутствующие тут же забыли о нем, причем безо всякого сожаления.

ГЛАВА 23
Величественные контуры художественного целого перестают просматриваться вообще

«На всякое хотение есть терпение», – мудро замечу я с того света в ответ на бестактный вопрос доведенных до последней степени отчаяния читателей, за перипетиями грозных событий все еще не забывших такое скверное слово, как «Париж» («Paris»). Увы, далеко не всегда приходится в жизни, особенно в нашей, творческой, делать то, что хочется. Это вам, дорогие мои, любая мать скажет, а мать, как известно, всегда права.

Да и чего уж так туда, в Париж, рваться, когда теперь там Массовый Читатель – и, стало быть, особенно не разгуляешься? Если встреча с ним неизбежна (а она неизбежна), то не отложить ли ее куда-нибудь... например, на первое воскресенье третьего летнего месяца? Хороший срок... далекий, как Багамские острова. Меня бы, например, вполне устроил!

Вы, конечно, можете возразить – так вы всегда и делаете! – что писатель по долгу службы и зову сердца (ненужное зачеркнуть – чтоб следа не осталось) обязан любить своих героев, сколь бы ни – совсем уже мягко говоря – омерзительны они ему были. Ибо герои

его суть дети его. Я знаю это и люблю детей моих – в чем кровью всех убитых в двадцати двух главах персонажей и подписываюсь на гладком мраморе их надгробий. Более того: младшеньких – то есть тех, которые рождены моей богатой, как падишах, фантазией уже практически после смерти, – я, разумеется, люблю особенно сильно... Например, Массового Читателя люблю просто до смерти – причем до его смерти, ибо сам-то я уже, понятное дело, давно не тут, образно выражаясь. Но это вовсе не значит, что мне не дороги прочие дети мои, которых хоть и пруд пруди... а какой палец ни отрежь – всё больно, гласит народная пословица. Что это значит? А вот что, бесценные мои: не надо думать, будто, отрезая указательный палец, человек испытывает больше страданий, чем отрезая мизинец! Мизинец есть, конечно, наименьший из пальцев, но дело тут отнюдь и отнюдь не в величине ампутируемого органа. Есть в составе человеческого организма кое-что и поменьше мизинца, – взять хоть, зуб, глаз или, если хотите, ноготь. Не хотите ноготь – не надо: обойдемся зубом и глазом. Даже и зубом просто одним обойдемся... а впрочем, Бог с ним, с зубом.

Если тут кому-нибудь непонятно, к чему я все это, то готов пояснить: лично мне будет одинаково больно, если прямо на моих глазах какой-нибудь маньяк газонокосилкой изрубит на кусочки Массового Читателя, с одной стороны (например, справа от меня), или Редингота – с другой (скажем, слева). И нечего улыбаться, хорошие мои: совсем не смешно это. Я вам так скажу: мне что смерть Массо-

вого Читателя, что смерть Редингота – один хрен редьки не слаще. Но не надо спрашивать меня о том, почему в таком случае страницы данного произведения столь обильно (любвеобильно) залиты кровью: не моя в том вина. Это не я убиваю ни в чем не повинных персонажей – это суровая логика художественного целого их убивает. А против суровой логики художественного целого, как против лома, нет приема – литературного приема, я имею в виду. И более того: не доказательство ли моих страданий – моя же безвременная смерть? Так что оставь упреки, любезный читатель: я переживаю ничуть не меньше твоего!

И что с того, что мне Массовый Читатель (выше уподобленный мизинцу) неприятен? Неприятен – а любим! Любим до спазмов, до колик, до икоты и до перхоти! Ну, уродлив он морально... так что ж теперь делать-то? Ну, сослал я его... в ссылку, но и это ничего не значит: можно ведь и на расстоянии любить, причем безумно! Опять же спросите ту самую мать, которая всегда права, – уверен, и мать вам то же скажет. Даже мать-кукушка, подкидывающая детей своих до потолка в чужие гнезда. Скажите ей, что она их не любит, – она вам глаза-то бесстыжие выклюет! А потом объяснит свое поведение в разумных выражениях, как Булат Окуджава: *так природа захотела.*

Что касается меня, то мне остается только повторить вслед за матерью-кукушкой и Булатом Окуджавой: так природа (природа художественно целого, я имею в виду) захотела. Как бы там ни было, Массовый Читатель, сосланный в Париж, находится сейчас под кры-

лом у Редингота или у Марты – в любом случае он в безопасности. А вот что касается Сын Бернара, Ближнего и Кузькиной матери, то они – в опасности: в открытом (круглосуточно, как киоск) море. К ним и поспешим, дорогие мои!

– Чего едим? – осведомилась голодная Кузькина мать, вместе с Сын Бернаром опускаясь прямо посреди моря на доску, где безмятежно закусывал Ближний.

– Да вот... дары моря, – Ближний обвел водную гладь руками, после чего схватился теми же руками (других у него не было) за доску, чтобы новая волна чувств к Сын Бернару опять не унесла его. На сей раз, к счастью, все обошлось.

– Вы чувства-то в узде бы держали, – посоветовал Сын Бернар на будущее. – Строже надо быть.

Ближний проглотил комок обиды и снова взялся за еду, сердито бормоча: «Себе дороже!»

На поверхности акватории даров моря и впрямь было в изобилии. Среди прочих обращали на себя внимание такие деликатесы, как копченые угри периода пубертата и сардины в собственном томатном соку, а также свеженаметанная икра осетровых рыб с линией наметки по канту, салат из молодых водорослей (недорослей), закуска из морских коньков (горбунков)...

– Угощайтесь, – добавил пресыщенный Ближний, теперь уже нехотя кидая в рот по одной икринке одной из осетровых рыб. Сама

рыба плавала поблизости – на случай не наметать ли еще чего. – Уйди, постылая! – отмахнулся Ближний, поворачиваясь к ней спинкой минтая.

– А мяса нету? – спросил было Сын Бернар, но смутился, неожиданно встретив на себе (то есть там, где меньше всего ожидал встретить!) хорошо отваренного омара Хайяма. – Чего тебе? – нагрубил омару Хайяму Сын Бернар, и омар Хайям, наградив его щедрыми рубаями, спрыгнул в нейтральные воды.

– Мясо криля, – прорекламировал Ближний в ту же минуту, – где-то оно здесь, помнится, плавало.

– Кто такой Криль? – заинтересовалась Кузькина мать.

– Джазовый музыкант один, – сказал Ближний. – Такой же, как Ласт, только вкуснее.

Когда все поели, Сын Бернар предложил от загаженного места отплыть и там, на просторе, поговорить о жизни.

– Тогда без меня, – сказал Ближний. – Мне о жизни говорить зачем? Я мертвый.

– Ничего, о нашей жизни поговорите, не треснете! – разозлилась Кузькина мать, не терпевшая эгоистов.

Отплыли на простор.

Говорить о жизни начала Кузькина мать, высказавшаяся загадочно:

– Я вот все думаю последнее время: на кой мне это дело сдалось?

– Жизнь-то? – делово подхватил Сын Бернар, любивший жизнь за то, что в ней были Редингот и Марта, и уже готовый дать точный ответ Кузькиной матери.

– Да, в общем, не жизнь, – еще сильнее запутывая дело, приняласъ уточнять та, – а вот это вот все...

– Мы сейчас о чем? – строго спросил Сын Бернар.

– Да как бы сказать... – Кузькина мать, видимо, объелась и засыпáла: такое, во всяком случае, было у Сын Бернара впечатление. Но объяснения, тем не менее, последовали: – В общем, короче, так... я не понимаю: мы тут пировали, теперь в воде сидим на доске – двое живых и один мертвый, хоть и милый, – тут Кузькина мать поцеловала Ближнего, – небо над нами голубое, чайки в нем, теплый ветер дует...

– Вы только стихами не заговорите, – предупредил Сын Бернар. – Не люблю я этого.

– Да погодите Вы, – отмахнулась Кузькина мать, – я, значит, о чем... ветер вот дует – и это все к нам как бы отношения не имеет, а с другой стороны – имеет... и так как-то немножко глупо на душе – и становится вообще уже непонятно: что мы тут делаем?

– Вы, наверное, закончили, – с надеждой констатировал Сын Бернар.

– Позвольте же договорить, наконец! – рассвирепела Кузькина мать и свирепо продолжала: – Так, стало быть, что мы тут делаем – в свете не столько данного момента, который, честно говоря, не худ-

ший из пережитых мною, а в свете... я даже не знаю, как выразиться...

– Давайте я за Вас выражусь – Вы не умеете! – не выдержал Сын Бернар.

– Ну что ж это такое-то! – Кузькина мать залепила Сын Бернару затрещину, словно была не Кузькиною матерью, а матерью Сын Бернара, и, уже не давая сбить себя с толку, довела до конца причудливую свою мысль: – ...в свете, я бы так сформулировала, неких общих проблем, связанных с нашей ролью во всем этом – не знаю в чем, даже слова-то путного не подберешь! Я имею в виду то, что мы в последнее время переживаем... со всеми этими странными заданиями в разных странах, со всеми этими сложностями, которые нам надо преодолевать, со всеми несуразностями, которые стоят на пути... иными словами, оно нам к чему все? – Тут она остановилась – совершенно непонятой.

Ближний тяжело вздохнул и, взглянув на Кузькину мать, сказал:

– Вы лучше, когда в мешке. Полезайте-ка опять туда: мешок у меня с собой.

– Шила в мешке не утаишь, – фигурально выразилась Кузькина мать и взглянула на Сын Бернара. – Вы что-то сказать хотели?

– А Вам какое дело? – огрызнулся Сын Бернар. – Вы ведь одна тут говорили... ну и говорите дальше в том же духе, пока не сдохнете!

– Дурак Вы, Сын Бернар... – покачала головой Кузькина мать, – исполнительный такой дурак. Вообще без мозгов – с одними слюнями в голове. Летите вперед, не разбирая дороги, а зачем, куда... словно у Вас свеча в одном месте! Даже сейчас вот... самое время воспользоваться случайной передышкой да призадуматься: Вам оно все вообще-то зачем?

– Вот это выражение, «оно все», мне как понимать? – решив обращать внимание не на оскорбления, а на лексическую точность, поинтересовался Сын Бернар.

– Как нестрогое обозначение происходящего в целом! – взревела Кузькина мать. – Как обобщение нетерминологического плана! Как вопль моей души, наконец!

– У Вас нет души, – заметил Ближний. – Одна безобразная наружность.

– А это что, по-вашему? – Кузькина мать выхватила из-под бюстгальтера ослепительно сияющее голубое облако.

Ближний и Сын Бернар окаменели.

– Похоже на душу... – констатировал Сын Бернар. – Большая какая! У меня меньше... и светло-сиреневая, и не так сияет.

– Не покажете? – смущенным шепотом попросил Ближний.

Сын Бернар аккуратно вынул откуда-то из-под живота действительно не очень большую, заботливо сложенную вчетверо душу. Положив на доску, осторожно разгладил ее и, смиренно любуясь, сказал:

– Вот... – Тут он застенчиво поглядел на Ближнего и спросил: – А у Вас какая?

– У меня побольше Вашей, но тоже поменьше, чем у нее... и почти невидимая.

– Разве она с Вами осталась после того, как... Вы умерли? – пересилив себя, спросила Кузькина мать. – Я думала, у мертвецов нету души.

– Куда ж она денется-то? – усмехнулся Ближний. – Мертвецы как-никак тоже люди!

– Опишите ее... душу Вашу! – попросил Сын Бернар.

– Она прозрачная и по форме напоминает такую полосу – дли-и-инную полосу. Довольно красивая...

– Души у всех красивые, – убежденно сказала Кузькина мать.

– Вам, что же, все подряд свои души показывают? – ревниво осведомился Сын Бернар.

– Многие показывают, – покраснела Кузькина мать.

– Я свою никому еще не показывал, – с некоторой даже гордостью признался Сын Бернар и, бережно сложив душу вчетверо, снова спрятал ее под живот.

Кузькина мать вздохнула и спросила:

– А мне что теперь делать? У меня же она обратно не войдет... Вот я дура какая: надо же, душою своею во все стороны размахивать! Сколько уж зарекалась...

– Вы, значит, – не унимался Сын Бернар, – всем подряд свою душу показываете?

– Многим показываю, – вздохнула Кузькина мать. – Потому что мне не верят, когда я говорю, что у меня она есть. Как вот... этот. – И она кивнула на Ближнего.

– Извините, – сказал Ближний и прямо-таки скукожился весь.

– Да ладно, чего там!

– Свернуть Вам ее... в трубочку? – предложил Сын Бернар.

– В трубочку не годится, – помотала головой Кузькина мать. – А в узелок собрать можете?

– Попробую, – чуть ли не с испугом сказал Сын Бернар, нежно касаясь протянутой ему души, и объяснился: – Я первый раз не свою душу держу. Не порвать бы! – Тут он лучезарно взглянул на Кузькину мать и пробормотал: – Я что сказать хочу... спасибо, что Вы мне душу доверили.

Мягкими лапами он с величайшей осторожностью собрал душу Кузькиной матери в узелок и, зажмурившись от стыда, заботливо опустил узелок в приоткрытую для него щель между бюстгальтером и кожей.

Интимность обстоятельств смутила всех троих. Не решаясь смотреть друг на друга, они изучали взглядами ровную морскую поверхность – до тех пор, пока Сын Бернар не спросил, обращаясь к Кузькиной матери:

– А зачем Вы только что так плохо про меня сказали... про мозги и про свечу в одном месте?

– Ну, преувеличила в запальчивости... с кем не бывает! – осудила и тут же извинила себя Кузькина мать. – Просто Вы и впрямь странное впечатление производили – в этом своем штабе. Как будто для Вас нет ничего на свете, кроме Окружности этой!

– Ничего и нет, – подняв глаза, честно ответил Сын Бернар.

– Бедняга! – вздохнула Кузькина мать.

– А у Вас-то самой что есть? – спросил Сын Бернар и услышал гордое:

– У меня Кузька есть.

– Ах, да... – опомнился Сын Бернар. – А где же Ваш Кузька теперь?

– С отцом живет, в Вышнем Волочке. – Кузькина мать перевела дыхание. – Мы так после развода втроем решили. И правильно. Со мной ему стыдно... больно уж я страшная.

– Ничего Вы не страшная, – сказал вдруг Ближний. – Такой души, как у Вас, ни у кого, наверное, нет!

– Спасибо, – только и произнесла Кузькина мать. И заплакала.

А Сын Бернар, не в силах сдержаться, размышлял вслух:

– Значит, если бы у меня тоже был какой-нибудь кузька... тогда Окружность значила бы для меня меньше?

– Конечно! – насухо вытерев глаза подолом, подтвердила Кузькина мать.

– Гораздо меньше... – словно с того света согласился с ней Ближний. – Про все человечество начинают думать тогда, когда рядом нет человека. От одиночества, в общем.

– Получается, у Редингота тоже никого нет? И у Марты никого нет?

– Получается, что нет. Или уже нет. Или еще нет. Жалко их, – покачала головой Кузькина мать.

– А у других... других строителей, – чуть не захлебнулся мыслью Сын Бернар, – у них как? Не может ведь в мире быть *столько* одиноких людей!

Ближний протянул руку и погладил Сын Бернара по огромной голове. Потом вздохнул и твердо сказал:

– В мире *очень* много одиноких людей. Мне отсюда виднее.

Так, значит, сказал Ближний – и Бог ему судья. Что касается автора данного художественного произведения, то он от комментариев воздержится, хотя ему тоже виднее – причем *оттуда же*, откуда Ближнему. Но он все равно воздержится – именно в силу того, что настоящее произведение есть произведение художественное, а отнюдь не философский трактат. Значит, хватит философствовать, господа: это, между прочим, последнее дело, когда вместо того, чтобы действовать, герои художественного произведения начинают философствовать! И какие бы причины ни подвигали персонажей настоящего художественного произведения строить Абсолютно Пра-

вильную Окружность из спичек, она – эта Окружность – ждет нас. Полный вперед, мои читатели! Самый полный вперед!

Морской патруль засек доску со спавшей на ней троицей в пограничных водах поздней ночью. Ослепительный прожектор чуть не свел с ума Сын Бернара, переживавшего во сне полное свое одиночество. Он вскочил на доске, и, пялясь в сноп света, завыл. От воя этого Ближний и Кузькина мать мгновенно проснулись.

– Чего это Вы воете, будто к покойнику? – всполошилась Кузькина мать.

– Причем ко второму покойнику, если учесть, что один покойник тут уже есть... – спокойно потягиваясь, заметил Ближний.

В это мгновенье патрульное ночное судно остановилось около доски – военный взвод ступил на доску, которая тут же перевернулась под тяжестью стольких тел. Подавляющее большинство пограничников утонуло, ибо не умело плавать – в живых остался фактически один, успевший вместе с Сын Бернаром, Ближним и Кузькиной матерью зацепиться за доску своими загребущими руками.

– Я, собственно, не пограничник, – ни с того ни с сего отрекомендовался он прямо в воде, пережив положенный шок при виде Кузькиной матери, и с идиотской улыбкой добавил: – Я Двоюродный Пограничник.

– Наверное, его доской по башке стукнуло, – не без оснований предположила Кузькина мать, беря на абордаж имевшимся у нее за пазухой крюком ночное судно, которое праздно тарахтело рядом.

На ночном судне Двоюродный Пограничник повел себя более вменяемо: он тут же принялся отправлять свои естественные потребности, а именно стал за штурвал и затребовал курс.

– Курс ост-ост-зюйд-вест, – сказал Сын Бернар, особенно не задумываясь.

Туда и отправились.

По дороге Двоюродный Пограничник, оказавшийся славным малым, рассказал пассажирам свою историю отечества. Дело в том, что он, по его словам, был в корне квадратном не согласен с официальной версией, имевшейся в распоряжении ученых по этому поводу, и полагал, что основным этнообразующим процессом на территории его отечества (Франции) была не романизация галлов, а галлюцинация римлян. Сущность галлюцинации состояла в том, что психически нестабильные римляне, захватив Галлию в I веке до н. э., вообразили себя галлами. Помешательство приобрело массовый характер, и, когда в V и VI веках нашей эры в так называемую Галлию вторглись вестготы и бургунды, их постигла та же участь, а именно: они тоже вообразили себя галлами, хотя те галлы, которых они видели перед собой, были отнюдь не галлами, а римлянами! Завоевавшие всё тогда же, в V и VI веках н. э., так называемую Галлию франки, видя перед собой вестготов и бургундов, решили, что те

галлы, поскольку сами вестготы и бургунды считали себя таковыми (таковыми между тем и этим отнюдь не являясь!) Подверженные помешательству франки, вытеснив вестготов и захватив королевство бургундов, тоже вообразили себя галлами, хотя какие же франки галлы, когда они франки! Галлюцинация оказалась такой тотальной, что франки до сих пор считают себя галлами. Но из того, что никаких галлов на свете не существует, ибо последние галлы были перебиты римлянами аж в I веке до н.э., следует вывод: нация в целом психически невменяема и страдает синдромом навязчивых состояний, отождествляя себя с тем, чего на самом деле не существует.

На справедливый вопрос Кузькиной матери, как всегда державшей ухо востро, является ли сам рассказчик психически вменяемым, тот ответил буквально следующее: «Все французы психически невменяемы, кроме меня».

– Вот Вы и попались! – возликовала Кузькина мать, разумеется, не замедлившая возвести данный случай в разряд тех, которые известны со времен античности под названием «Парадокса лжеца». Быстро познакомив Двоюродного Пограничника с классической посылкой «Все критяне лжецы», она тут же лишний раз доказала, что и сам автор этой посылки, принадлежа к множеству «критяне», оказывается лжецом.

Двоюродный Пограничник, заподозренный в принадлежности к критянам, о которых он никогда не слышал, счел себя оскорблен-

ным в национальных чувствах и направил ночное судно на рифы. Как и следовало ожидать, судно разбилось вдребезги, разбросав экипаж по всему французскому побережью, к которому ночное это судно уже вплотную приблизилось. Никто не пострадал – если не считать Двоюродного Пограничника, который немного пострадал – минут десять: ударом о рифы у него вышибло все мозги, отлетевшие в сторону и упавшие в душистый горошек на побережье, где местные гурманы тут же и их съели, поскольку обожали мозги с горошком. Что же касается самого Двоюродного Пограничника, то отсутствие теперь у него мозгов никак на нем не сказалось: он остался прежним. Правда, на него, не хуже бандита из-за угла, напала веселость и, помучив его некоторое время, свалила на землю, где он и скончался в корчах.

Закопав Двоюродного Пограничника у моря, Ближний, Сын Бернар и Кузькина мать уселись на песок: заниматься тем, что Сын Бернар условно обозначил как «думу думать». Пребывание на французской земле обязывало их к совершенно конкретному действию, а именно: найти Редингота с Мартой и спросить их, что теперь делать. После откровенного разговора в круглосуточно открытом море никто из них уже не знал, так ли уж дорога ему идея построения в масштабе всего восточного полушария Абсолютно Правильной Окружности из спичек, о чем автор данного художественного произведения, кстати, очень сожалеет...

Ибо редеют наши ряды.

А Кузькина мать произвела на французов совершенно неожиданное впечатление. Первый же встречный (им оказался знаменитый парижский кутюрье Жан-Плод Труда, гулявший по соответствующему побережью Франции в ожидании нового истерического припадка вдохновения) просто обмер, завидев Кузькину мать, – и, пав на одно колено (второго у него не было), сложил на груди красивые стихи, которыми и поделился с Кузькиной матерью не скупясь:

Жизнь не была б моя так глубока
Без Вас, Madame... la Mère de Kouzka*!*

После этого – эклектичного в стилевом отношении – творения Жан-Плод Труда именно за эклектичность и получил от Кузькиной матери в ухо. Кстати, впоследствии оказалось, что в ухо он получил незаслуженно, ибо не только ничего плохого в виду не имел, но и был предельно честен. Ведь у большинства французов как? Да вот так: чем уродливее внешность, тем она привлекательнее!

Жан-Плод Труда был действительно сражен навсегда – и Кузькина мать тут же получила приглашение (в отличие от Жан-Плода Труда, получившего, как мы помним, в ухо) на должность супермодели при парижском ателье художника. Надо ли говорить, что приглашение это было принято ею только после длительных переговоров Жан-Плода Труда с Ближним, представившимся в качестве про-

дюсера Madame la Mère de Kouzka, и Сын Бернаром, представившимся в качестве домашнего питомца Madame la Mère de Kouzka. Переговоры продолжались около недели и закончились подписанием контракта, гласившего:

КОНТРАКТ О НАЙМЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Настоящим контрактом предусматривается, что Жан-Плод Труда нанимает Madame la Mère de Kouzka в качестве и количестве супермодели для своего ателье в городе Париже, с согласия последней, – сроком на всю оставшуюся жизнь Жан-Плода Труда.

1.Обязанности сторон

1.1.Наниматель (Жан-Плод Труда) возлагает на себя обязанность боготворить Madame la Mère de Kouzka и выполнять малейшие ее прихоти, выплачивая за это ей же 2.500 (две тысячи пятьсот) французских, а еще лучше швейцарских, франков в час, независимо от того, где в течение данного часа находилась Madame la Mère de Kouzka.

1.2. Нанимаемая (Madame la Mère de Kouzka) обязанностей не имеет.

2. Ответственность сторон

2.1. Наниматель (Жан-Плод Труда) несет перед всеми людьми доброй воли (полный список людей доброй воли прилагается – см. Приложение 1 к настоящему договору) уголовную ответственность за то, чтобы Madame la Mère de Kouzka ни в чем не нуждалась, но содержалась в холе и неге там, где ей самой заблагорассудится содержаться. Любое проявление невнимания со стороны Жан-Плода Труда к пожеланиям Madame la Mère de Kouzka карается по статье 256 прим, приравниваясь к изнасилованию пятерых малолетних восьмерыми фальшивомонетчиками.

2.2.Нанимаемая (Madame la Mère de Kouzka) никакой ответственности ни перед кем не несет.

3. Срок действия договора
Говорили уже в начале.

Примечание
На все время найма Madame la Mère de Kouzka выступает под рабочим псевдонимом Galya или Valya.

Подписи сторон

Жан-Плод Труда (подписано кровью Жан-Плода Труда)
Mme la Mère de Kouzka (не подписано ничем, так как и одной подписи кровью за глаза хватит)

– По-моему, удачный документ получился, – поделился впечатлением о только что пришедшем по почте контракте Ближний. Сын Бернар кивнул, между тем как Кузькина мать внимательно изучала формулировки.

– Мне не нравится, – сказала она наконец. – Плохой контракт. Почему я должна быть Galya или Valya?

– Вы напоминаете мне сошедшую с ума курицу! – возмутился Ближний. – Быть Galej или Valej – продолжал он, беспощадно склоняя в разные стороны упирающиеся французские слова, – это единственное условие, которое перед Вами ставится! Больше от Вас не требуется ни-че-го! Зато много чего требуется от нанимателя: он жизнь свою обязан Вам посвятить.

– А мне на что его жизнь? – осторожно осведомилась Кузькина мать, боясь опять напомнить Ближнему сошедшую с ума курицу.

– Так... так распоряжаться ею! – чуть ли не взвыл человек человеку волком Ближний. – У Вас же отныне никаких забот – повелевать только. Кто Вам лучший вариант-то предложит? При Ваших, так сказать, внешних данных...

– Насчет моих внешних данных прошу поосторожнее: я уже без пяти минут супермодель – и на меня молится мир. – Кузькина мать высморкалась в подол.

– Пока еще не молится, – беспощадно уточнил Ближний. – Пока Вы никакая не супермодель, а страшила, каких свет не видывал!

– Все супермодели с этого начинают. Впоследствии же их выбирают в качестве эталонов!

Ближний, а вместе с ним и Сын Бернар, с предельным просто сомнением посмотрели на Кузькину мать, не столько пытаясь представить себе ее в качестве эталона, сколько жалея тех несчастных, которые захотят напоминать новую супермодель. Тяжело вздохнув, Сын Бернар промямлил:

– Я бы все-таки на Вашем месте не капризничал насчет имени. Конечно, Кузькина мать – это то, что Вам идеально подходит: по всем статьям Кузькина мать Вы и есть. И показывать Вас имеет смысл только в этом качестве. Но если появляется шанс хотя бы именоваться иначе...

– Да понимаете ли Вы сами, собака, на что меня толкаете? – взвилась под небеса и тут же упала на землю, зашибив копчик, Кузь-

кина мать. – Я же... я же утрачу идентитет и перестану быть тождественной себе!

– Вот и слава Богу, – буркнул Ближний (в то время как автор настоящего художественного произведения вспомнил замечание Августина Блаженного о порочности тождества самому себе).

– Ничего себе – «слава Богу»! Кузькина мать, между прочим, на свете всего одна, а Gal' и Val' – «тьмы, и тьмы, и тьмы», как сказал про скифов Александр Александрович Блок. Я же сразу попадаю в толпу себе и вам подобных и становлюсь в ней неразличима!

– А вот этого бояться не надо, – успокоил ее Сын Бернар. – Вам грозит что угодно, только не это: Вы всегда будете различимы – в любой толпе.

– Ну уж насчет различимости-то, – кокетливо улыбнулась Кузькина мать, – я и без Вас понимаю... просто какой смысл портить *такую* внешность заурядным именем? Кому, кстати, принадлежит идея с Galej или Valej?

– Мне, – потупился Сын Бернар. – Я люблю обычные человеческие имена... Такие, как Galya, Valya, Vanya, Klim...

– Хорошо еще, что Вы мне не Klim'ом называться предложили! – частично утешилась Кузькина мать. – Только я все равно не понимаю этой ерунды с Galej или Valej. Показывать кому-нибудь Кузькину мать – одно дело, а вот показывать кому бы то ни было Galju или Valju... что в этом такого уж интересного? Представьте себе, что Вам говорят: я тебе еще покажу Galju или Valju!

Слава Богу, препирательства закончились тем, что изменений в контракт все-таки вносить не стали: возможность угодить Кузькиной матери нашли и так. Полный псевдоним, который она себе взяла, звучал – в контексте – следующим образом:

Galya Ili Valya,
новый идол Парижа из Вышнего Волочка,
представляет весеннюю коллекцию Жан-Плода-Труда!

Конечно, за хлопотами, связанными с презентацией нового идола Парижа, как Ближний, так и Сын Бернар, совершенно потеряли головы. Между прочим, ни тот, ни другой не могли вспомнить, где именно они их потеряли, и только хохотали, когда их об этом спрашивали. Правда, желающих найти их головы оказалось так много, что ежедневно по утрам возле арендованного Жан-Плодом Труда особняка на Рю де да Репюблик выстраивались очереди – из людей со свертками: в свертках были самые разнообразные головы, найденные по всему Парижу. К сожалению, ни одна из голов (многие, кстати, были несвежими) не подходила ни Ближнему, ни Сын Бернару, что тех, впрочем, нимало не трогало: они опять хохотали да приговаривали: «Наплевать-то какая!»

Между тем Galya Ili Valya стремительно завоевывала сердца прихотливой парижской публики. Обложки модных журналов ломились от изображений нового идола Парижа из Вышнего Волочка в самых разнообразных позах: с туловищем, просунутым между ко-

лен израилевых; с руками, заломленными французской полицией; с бедром меж ребер и с ребром меж бедер... парижские фотографы работали на славу! В конце концов Galya Ili Valya окончательно утратила пропорции и теперь напоминала тряпичную куклу, сшитую слепым неврастеником: части тела парижского идола располагались друг относительно друга как враг относительно врага, то есть конфликтуя напропалую.

Парижские модницы, чтобы хоть отчасти напоминать обожаемую супермодель, готовы были на все: они ложились на рельсы перед проносящимися на бешеной скорости поездами, прыгали на асфальт с небоскребов, бросались в горные ущелья – калеча себя как только возможно и где только возможно. Тех, кому удавалось выжить, сшивали сикось-накось, *á la Galya Ili Valya*, и – к невыразимой их радости – отправляли домой, где они, исполосовав лица ножницами для кройки и вымазавшись кто в грязи, кто в косметике, учились сморкаться в подол, не мыться неделями и постоянно сравнивали себя с Galya Ili Valya...

Но до нее им было, увы, далеко.

Сама же Galya Ili Valya, казалось, так прямо и родилась супермоделью: бремя внезапной славы она несла легко и естественно. Раздавая интервью, как подзатыльники, Galya Ili Valya все время подчеркивала, что *быть показываемой* было и есть для нее самое привычное дело, что это ее призвание, и что в этом ей нет равных. Причем, ты-то понимаешь, мой драгоценный читатель, она ничуть не лгала.

Головы Ближнего и Сын Бернара обнаружились случайно: в подполе одного парижского буржуа. Откуда они у него взялись, парижский буржуа объяснить не смог и все ссылался на Русалочку, которой-де в Копенгагене тоже постоянно отрезают голову. В ходе следствия выяснилось, что подозреваемый был фэном нового идола из Вышнего Волочка, а потому возможность завладеть такими сувенирами, как головы продюсера и питомца Gali Ili Vali, оказалась для него искушением непреодолимым. Когда головы обнаружили и водворили на места, над парижским буржуа (его звали Мишель-Луиза) был произведен показательный суд. Мишеля-Луизу приговорили к расстрелу, причем прямо в зале суда, – приговор привели в исполнение незамедлительно. Шумиха вокруг голов Ближнего и Сын Бернара настолько обострила и без того острый, как штык, интерес к весенней коллекции Жан-Плода Труда, что день ее предъявления миру объявили национальным праздником Французской Республики.

– Смотрите, – сказала Марта Рединготу, когда они подлетали к Парижу однажды весной, – смотрите, как украшен город! Наверное, мы угодим в какие-нибудь торжества...

– По мордасам бы им надавать, виновникам этих торжеств, – проворчал в никуда Редингот, левой рукой придерживая в груди рвущееся от гнева наружу сердце-вещун. – Они тут своими глупостями все величественные контуры настоящего художественного произведения заслонили!

ГЛАВА 24
Образ автора практически сливается с личностью писателя

Самых искушенных мною читателей такое название главы, разумеется, не застало врасплох: соответствующая тенденция просматривалась уже давно, попирая – причем чуть ли не ногами – те из бессмертных строк одного великого разночинца, в которых великий этот разночинец дал достойный левого резца Родена отпор сразу всем одночинцам, заявив, что не стоит думать, будто всякое *я* в «художественной пиесе» (так некрасиво называл он иногда произведение искусства – к счастью, не наше произведение) тождественно личности писателя. Великий разночинец грубо доказал всем одночинцам, что *я* «художественной пиесы», с одной стороны, и личность писателя, с совершенно другой стороны, ничего общего между собою не имеют.

Конкретно это может выглядеть, например, так: писателю, все время выступающему в «художественной пиесе» от имени *я*, на самом деле до этого «я» семь часов на падающем самолете. Более того, бесстыдно злоупотребляя данным «я», писатель всегда делает вид, что говорит как бы от своего имени, но – осторожнее! Писатель

чаще всего и вообще рядом с «я» не лежал - иногда он даже и писателем-то не является никаким, являясь просто вором, укравшим чужое «я». Схватишь его, бывает, покрепче за это «я», а он – в сторону и был таков: не мое это, дескать, «я», мое «я» тут вообще ни при чем! Мое «я» к данной художественной пиесе решительно никакусенького отношения не имеет. Припрешь такого писателя к стенке вопросом: «Но художественную-то пиесу кто написал?» – так он не ровен час возьмет да и скажет: «Не знаю кто! И почему Вы об этом *меня* спрашиваете?» – «Да Ваше же имя на обложке художественной пиесы стоит!» – «Ну так и что с того? Имя мое, а художественная пиеса не моя: она принадлежит народу!» Вот и поговори с ним после этого: ни малейшей ответственности!

В нашем же с Вами случае дело совсем не так обстоит. Автор настоящего литературного произведения не раз уже прозрачными, как водка «Смирнофф», намеками давал понять тебе, о читатель, что ответственности за содеянное с себя отнюдь не снимает и вовсе не ускользает в придорожные кусты всякий раз, когда совесть читателя призывает его к ответу! Смело хватай меня за любое мое «я» и будь уверен, что не промахнешься: автор художественного произведения тут же и оказывается перед тобой – чего, дескать, изволите? Ровно золотая какая рыбка!.. Пожелай только: не хочу, например, быть полевою крестьянкой, а хочу быть столбовою дворянкой, – и станешь! И сама золотая рыбка будет у тебя на побегушках, вот оно тут у нас как! Все на благо человека... коммунизм в большом и малом.

Конечно, не то чтобы автор настоящего художественного произведения был совсем уж бескорыстен (он, доложу я Вам, тоже своего не упустит!), однако такие слова, как «честь», «совесть», него не пустой звук. Виноват – отвечай! – таков, стало быть, его принцип. И никаких тебе уворачиваний, никаких отнекиваний: я, допустим, не я и кобыла не моя! Напротив: я – это я, и кобыла – моя неотъемлемая часть!

С открытым всем ветрам забралом идет, стало быть, автор настоящего художественного произведения на тебя, о читатель: того и гляди растопчет тебя копытами своей неотъемлемой кобылы, а там и поминай тебя как звали! Ибо такова мера личной вовлеченности творца в широкой панорамой разворачивающиеся перед тобой события. Ты думаешь, кто такая Марта? Это я! А Редингот кто такой? Тоже я! А Кузькина мать или женщина-враг? Увы... тоже я! Мне до всего есть дело – и я за все в ответе. Что говорю, то и говорю. Режьте, говорю, режьте, паразиты, мое тело на куски: мое тело не капуста, не повалятся листки, – как мудро замечает россиянин в своем устном народном творчестве.

Вот, дорогой мой... впрочем, забудь обо всем этом. Это я так, сдуру расхорохорился. В предвестии неприятной одной сцены, которую и начинаю изображать – будучи в полном уме и твердой, как позавчерашний хлеб, памяти.

В неприятной сцене участвовали трое: Личность, Служитель Культа Личности и женщина-враг – легкая, как пробковый шлем, на помине. Почему они оказались вместе, нетрудно понять: худое всегда к худому тянет. Это-то притяжение к худому и чувствовала женщина-враг, живя с Ближним своим.

– Ты слишком толстый, – зачастую говорила она.

– И что ж с того? – простодушно интересовался Ближний. – Мы, мертвые, всегда полнеем – из-за недостатка физической активности!

– Меня к тебе не тянет, – признавалась женщина-враг, связанная, как помнит (или забыл уже?) читатель по рукам и ногам. – Меня к худому тянет.

– Будет об этом! – отрезал (ударение на последнем слоге) Ближний. – Чего тебе не хватает?

Женщина-враг отвечала по-разному. Скажем, так:

– Мне не хватает калорий.

Или так:

– Мне не хватает воздуха.

А иногда так:

– Мне не хватает простора для самореализации.

Однако на самом-то деле женщине-врагу, конечно же, не хватало только одного – худого. Ее подсознательно тянуло к худому – причем ради худого она была готова практически на что угодно. Даже на то, чтобы бросить Ближнего своего – причем бросить на

съедение хищным зверям. Она уже хотела было так и поступить, но в последнюю минуту передумала и, разогнав собравшихся вокруг к этому времени хищных зверей грубыми окриками, ограничилась тем, что просто бросила Ближнего своего в одиночестве, а сама бежала навстречу худому – разумеется, в Париж, куда ты, неразумный читатель, так стремишься и куда ты в конце прошлой главы угодил-таки... Впрочем, бежала – это сильно сказано. Будучи связанной по рукам и ногам, она, скорее, не бежала, а ползла – извиваясь по земле, будто какая-то гадина.

Личность и Служитель Культа Личности встретили ее с распростертыми во все стороны объятиями, но, к сожалению, забыли развязать. А сама женщина-враг не решилась попросить их об этом – так и жила она с ними связанной по рукам и ногам, на что, впрочем, ни Личность, ни Служитель Культа Личности не обращали никакого внимания: им это не мешало.

Среди парижан Личность, Служитель Культа Личности и женщина-враг получили меткое прозвище «Пресловутая троица». Прозвище оказалось таким метким, что выбило Личности правый глаз, от чего внешность Личности, кстати, только выиграла: правый глаз Личности был серым, в то время как левый – карим, и это многих смущало. Теперь внешность Личности украшала элегантная черная повязка – и он напоминал отчасти морского разбойника, отчасти – одноглазую гиену (поскольку гиену он уже и раньше напоминал,

еще тогда, когда у него было два глаза: гиен, кстати, вообще не глазами напоминают, а мерзкими повадками).

Пресловутая троица не занималась ничем иным, кроме вредительства делу построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Вредительство осуществлялось по мере сил и возможностей. Особенно много сил вредить было у женщины-врага, особенно много возможностей – у Личности. Что касается Служителя Культа Личности, то у него практически не было ни сил, ни возможностей, поскольку он всецело посвящал свою жизнь отправлению культа. Впрочем, его помощи и не требовалось: женщина-враг и Личность хорошо справлялись сами. Ведь точкой приложения их деятельности была Франция, где строительство Правильной Окружности из спичек даже еще и не начиналось, а вредить не начатому делу – кто ж не понимает! – до крайности легко.

Ползая по Парижу, как инфекция, женщина-враг – с коробкой цветных мелков в зубах – испещряла стены французской столицы компрометирующими великую идею скабрезными надписями в стиле граффити. Надписи были в стихах: женщина-враг любила поэзию. Постоянным персонажем стихотворных композиций был собирательный образ «голые бабы», который придавал циклу поэтических творений женщины-врага структурную целостность.

Вот лишь несколько примеров того, что из творчества женщины-врага на правах пословиц прочно вошло в повседневную жизнь парижан:

Эй ты, окружности прораб,
Переключись на голых баб!

Чем ползать по земле, как краб,
Приди в объятья голых баб!

Тот, кто одной идеи раб,
Теряет кучу голых баб!

Надо ли говорить, что стихотворения женщины-врага разлагающе действовали на парижан – разумеется, той их части, которая предварительно еще не была разложена чем-нибудь другим? Стихотворения эти даже называли «тлетворениями» – настолько тлетворным было их влияние. Интервьюируемые на улицах люди в слезах рассказывали о том, как целомудренны они были до знакомства с виршами женщины-врага и в какую бездну порока они погружены в настоящее время. Интервью с несовершеннолетним Паскалем Н. обошло пешком все французские газеты и журналы: подросток откровенно рассказывал о том, насколько он теперь испорчен.

«*– Скажи, Паскаль, насколько ты теперь испорчен?*

– Я теперь испорчен целиком и полностью. Голые бабы стали смыслом моей жизни.

– Замечал ли ты голых баб вокруг себя, скажем, десять лет назад? (Подросток горько смеется.)

– Да я до самого последнего времени и представления не имел о том, что на свете существуют голые бабы! Но из стихов женщины-врага я узнал, как их много и как они привлекательны в своей порочности... И в

настоящее время я так низок, что вместо прежнего принципа “чем больше надежных друзей, тем лучше” исповедую принцип “чем больше голых баб, тем лучше”.

– Ты действительно так считаешь, Паскаль?

– Увы...

– А что ты можешь сказать о своем отношении к идее построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек?

– Эта идея становится мне все более омерзительна, в то время как голые бабы для меня все более соблазнительны. Когда я сегодня сравниваю Абсолютно Правильную Окружность из спичек с голыми бабами, я просто не могу понять тех, кто предпочитает первую последним. Окружность из спичек совсем не возбуждает. А вот голые бабы... они такие голые и такие бабы, что просто дух захватывает! Если я вижу одну или нескольких голых баб, я вообще забываю слово “окружность”!»

Стало быть, женщина-враг могла торжествовать победу: даже те французы, для которых идея построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек что-то значила, распрощались с ней ради голых баб. Впрочем, нельзя сказать, что после этой победы от Личности уже вообще ничего не требовалось. От Личности еще много чего требовалось – правда, не по счету французской нации, а по счету Редингота и Марты. Точнее говоря, Редингота, Марты и иже с ними... Притом, что этих иже с ними было навалом – ижее уже просто некуда.

В настоящий момент Личность сидел на кухне и крутил ручку маленького транзистора, за хвосты ловя радиостанции мира. Сведения из стран, вовлеченных в проект построения Абсолютно Пра-

вильной Окружности из спичек, были, с точки зрения Личности, неутешительными: почти везде отрезки Окружности худо-бедно достраивались – праздничные наряды (белый верх – темный низ) полицейского патруля денно и нощно контролировали уже готовые участки, чтобы какому-нибудь маньяку не пришло в голову разрушить великое сооружение человечества.

Маньяков же было хоть пруд ими пруди. Самого страшного поймали в Малайзии. В народе его звали Многорукий Оранг-Булунган, потому что принадлежал он к западнокалимантанской группе малайцев – оранг-булунганам, от представителей которой его отличало, однако, дикое множество рук, росших на нем где попало. Прочие оранг-булунганы имели нормально лишь по две руки, как и полагается цивилизованным людям.

Многорукий Оранг-Булунган крал – причем крал все, что плохо лежало. Однажды украл даже престарелую малайскую леди из какой-то больницы на Куахе, потому что та, на вопрос, хорошо ли она тут лежит, имела неосторожность ответить не подумав: «Плохо я тут лежу!» Случайно услышав об этом от одного торговца суходольным рисом на рынке перешейка Кра, Многорукий Оранг-Булунган с наглой ухмылкой заявил во всеуслышание: «Это как раз для меня!» – и глаза его алчно засверкали. Ночью он прокрался в больничную палату, украл оттуда престарелую малайскую леди своими многочисленными руками и присвоил ее. А когда знакомые Многорукого Оранг-Булунгана встречали его с престарелой малайской

леди в многочисленных руках и, пристально вглядевшись в нее, говорили: «Это же не твоя престарелая малайская леди, сразу видно!» – он хитроумно отвечал: «Как же не моя, когда моя!» Такой ответ ставил знакомых Многорукого Оранг-Булунгана в тупик. Когда в этом тупике собралось достаточно много народу, Многорукий Оранг-Булунган, на минуту ссадив престарелую малайскую леди на землю, поджег тупик, и все его знакомые заживо там сгорели. У этой страшной истории была только одна хорошая сторона: престарелая малайская леди, ссаженная на землю, воспользовалась моментом – и уже через минуту ее можно было увидеть за километры и километры отсюда, на острове Пинанг, владелицей небольшой кофейной лавки под названием «Небольшая кофейная лавка престарелой малайской леди, бежавшей от Многорукого Оранг-Булунгана и открывшей небольшую кофейную лавку на острове Пинанг».

Даже на примере одной этой истории со всей непреложностью видно, что Многорукий Оранг-Булунган был не кто иной, как вор. Так что горе всему, что плохо лежало в Малайзии. Кстати, здесь, в Малайзии, многое лежало так себе... Между прочим, и спички в составе Окружности так себе лежали.

Получилось это следующим образом. Когда строительство было в самом разгаре, руководители проекта с малайской стороны все время говорили рабочим:

– Кладите спички лучше – чего вы спички-то так плохо кладете?

Но рабочие ничего не отвечали, а только распевали свои малайские песни и били в барабаны. А некоторые даже нахально говорили:

– Нам ваши спички по барабану.

Конечно, трудно было ожидать, что при таких обстоятельствах спички в конце концов будут лежать хорошо. Зато легко было ожидать, что спички будут лежать плохо. Так они в конце концов и стали лежать. Этого-то Многорукому Оранг-Булунгану только и было нужно. Едва заметив, что спички плохо лежат, он принялся всеми своими руками красть их – и украл бы чертову прорву, не будь малайская полиция такой бдительной. Запасшись несколькими сотнями наручников, праздничный наряд полиции (белый верх – темный низ) пришел на место преступления и застал там Многорукого Оранг-Булунгана, вовсю крадущего спички.

– Ты спички-то не кради – ты чего спички-то крадешь? – спросил его праздничный наряд полиции (белый верх – темный низ).

Но Многорукий Оранг-Булунган ничего не отвечал, а только крал и крал, как сумасшедший.

Тогда на него надели принесенные с собой наручники и заточили в тюрьму, где кормили одним рисовым хлебом и поили одним рисовым отваром. От этого у Многорукого Оранг-Булунгана случился запор, и в течение восьми лет не было стула.

Так был наказан Многорукий Оранг-Булунган. Из тюрьмы он вышел настолько другим человеком, что никто из малайцев его

больше не узнавал. В нем изменилось все – от цвета глаз до количества рук. Правда, однажды какой-то малайский старожил очень сильно прищурился и, глядя на Многорукого Оранг-Булунгана, громко сказал:

– Не Многорукий ли это Оранг-Булунган передо мною?

Но все вокруг только громко рассмеялись:

– Да ты в своем ли уме, дед? Не видишь разве, что это совсем другой человек!

Даже когда Многорукий Оранг-Булунган опять пришел к тому месту, где он в прошлый раз крал спички, праздничный наряд полиции (белый верх – темный низ) не обратил на него никакого внимания, настолько Многорукий Оранг-Булунган изменился. Впрочем, спичкам на сей раз ничто не грозило, поскольку за то время, пока Многорукий Оранг-Булунган сидел в тюрьме, отрезок Окружности переложили заново – и теперь спички лежали просто на удивление хорошо. Тяжело вздохнув, Многорукий Оранг-Булунган понял, что для воровства в Малайзии больше нет исторической почвы, и нанялся почтальоном в одно почтовое отделение. Там он стал передовиком производства в сортировочном цехе, ибо никто из двуруких не мог сортировать почту с такой скоростью, как Многорукий Оранг-Булунган.

Слушая по малайскому радио эту правдивую историю, Личность чертыхался и пихал острым носком ботинка тупого Служителя Культа Личности. Тот корчился, но не издавал ни звука, ибо по-

нимал причины гнева Личности: Абсолютно Правильная Окружность из спичек становилась грубой реальностью, которую – в довершение всего нехорошего! – еще и пристально охраняли.

Прочие маньяки, время от времени посягавшие на Окружность в других странах, были менее колоритными – и истории их поимки и обезвреживания обычно не заслуживали внимания радиожурналистов. В радиосводках лаконично сообщалось, что там-то и там-то на месте преступления был задержан очередной вредитель. Судьба каждого из вредителей была ясна международной общественности: в соответствии с заключенным между странами-участницами проекта договором вредителя направляли в одну из многочисленных тюрем Малайзии, где кормили одним рисовым хлебом и поили одним рисовым отваром до тех пор, пока у него не случался атонический или спастический запор. После любого из таких запоров вредители выходили из тюрьмы совершенно другими людьми и, как правило, заканчивали свои дни в том или ином отделении связи сортировщиками почты.

Неудивительно, что при таком раскладе от Личности требовались незамедлительные действия – причем не в пределах Франции, чье население благодаря усилиям женщины-врага было совершенно деморализовано стихами о голых бабах, но в пределах – увы! – всего восточного полушария. Впрочем, план действий давно уже созрел в преступном мозгу Личности. Когда пришла пора снимать плоды, Личность позвал Служителя Культа Личности в городской парк на

побережье Сены и, снимая с себя плоды, напомнил ему о давно уже напечатанном объявлении в провинциальной французской газете:

«ВСЕ, КОМУ ДОРОГА СУДЬБА ПРАВИЛЬНОЙ ОКРУЖНОСТИ ИЗ СПИЧЕК, ВСТРЕЧАЮТСЯ В ПАРИЖЕ».

Поедая противные на вкус плоды и время от времени смачно сплевывая, Служитель Культа Личности, наконец, сильно хлопнул себя по лбу (от чего лоб провалился настолько глубоко в череп, что его еле достали) и сказал:

– Ну, конечно, – было объявление!

– Так вот, – значительно продолжал Личность в усы. – По объявлению этому в Париж скоро прибудет основная масса идеологов и строителей Окружности. Тут-то им и конец.

– Это с чего же им конец? – незаметно выбрасывая последний плод в Сену, не понял Служитель Культа Личности.

Личность рассмеялся, потирая жирные руки о жирные ноги:

– Ясное дело, с чего! Отсюда они отправятся прямиком к Ядрене Фене.

– Сможет ли Ядреня Феня принять так много идеологов и строителей Окружности? – озаботился Служитель Культа Личности.

– Ядреня-то Феня? – с победоносной улыбкой переспросил Личность. – А вот мы сейчас у нее и поинтересуемся.

Личность взялся за небольшой рог – один из двух, которые произрастали у него на висках, – и затрубил в него как положено.

На звук рога из Сены вышла небольшая Ядреня Феня, покрытая чешуей речных рыб. Очистившись от чешуи, она сказала:

– Ну, здравствуйте.

– Здравствуй, коли не шутишь! – сказал Личность.

– Шучу! – обиженно сказала Ядреня Феня и начала снова исчезать в темных водах реки.

– Постой! – крикнул Личность. – Я не хотел тебя обидеть.

– А выглядело так, будто хотел! – укорила Ядреня Феня и нехотя вернулась на берег.

– Ядреня Феня, – без обиняков спросил ее Личность. – Ты сколько там у себя сможешь принять?

– Да сколько хошь, – буркнула Ядреня Феня. – No limits.

– Порядка нескольких тысяч – сможешь?

– Да говорю же: no limits! Непонятно, что ли?

– А условия там какие? – сдуру спросил Служитель Культа Личности.

– Условия? – Ядреня Феня хмыкнула. – Хорошие условия... спартанские. Живым не всякий раз вернешься.

– Что нам и требуется! – опять запотирала жирные руки о жирные ноги Личность.

– Я пойду тогда, – сказала вдруг Ядреня Феня. – А то мне пора.

– Может... в кафе зайдем – тут поблизости, кофеечку выпьем? – ни к селу ни к городу сказал Служитель Культа Личности.

Личность взглянул на вассала глазами вареного рака и, отведя его в сторону, поинтересовался:

– Ты сбрендил, что ли, Служитель Моего Культа? Раньше за тобой такого не замечалось.

– Понравилась она мне, – потупившись, признался Служитель Культа Личности. – Ядреная такая... А что плохого в том, чтобы кофеечку выпить?

– Сначала кофеечек, потом телефончик, потом номерочек... а там, глядишь, и пропала Ядреня Феня!

– Что Вы имеете в виду, Личность? – спросил Служитель.

– А то, что...

– Я не против, – издалека сказала Ядреня Феня. – Если кафе действительно поблизости.

– Действительно поблизости! – засуетился Служитель.

В кафе все смотрели только на Ядреню Феню: ее хорошо знали. Кое-кто бывал у нее – счастливчики, которым удалось вернуться, другие посылали к ней своих друзей и знакомых, третьи были просто наслышаны о ней.

– Смотри-ка, – сказала одна полнокровная мадам своему малокровному месье, – кто сидит за столиком у стойки!

– Кто? – с ужасом спросил он, разглядывая небольшую плотно сбитую с толку особу в несвежей футболке «Adidas».

– «Кто»! – передразнила мадам. – Вот сходишь к ней разок – узнаешь кто!

– Я не пойду! – предупредил малокровный месье. – Она... она больно уж ядреная!

– В том-то и привлекательность ее, – уже мягче отозвалась мадам. – Только боюсь, что тебе все равно скоро к ней придется... устала я.

Посетители один за другим покидали кафе.

– Ишь, засобирались! – удовлетворенно отметила Ядреня Феня.

– А Вы популярны! – с вообще не скрываемым восторгом прошептал Служитель Культа Личности.

– Еще бы! – ухмыльнулась Ядреня Феня. – Раньше я была просто номер один.

– А кто теперь номер один? – спросил Личность.

– Да вы что – не в Париже, что ли, живете? – обалдела Ядреня Феня. – Теперь только эта выскочка у всех на устах – со странным таким именем, Galya Ili Valya.

– Не слыхал, – признался Личность. – Правда, мне в последнее время ни до чего было. *Сводки тревожили*. А кто такая эта Valya Ili Galya?

– Да говорю же: выскочка! Топ-модель. Под контрактом с ней сам Жан-Плод Труда кровью подписался.

– Красивая? – полюбопытствовал Личность.

– Я бы не сказала... – вздохнула Ядреня Феня. – Но своеобразная – очень. Вся фигура какая-то перекореженная, черты лица асимметричные... декадентская такая! Напоминает картины Пикассо периода кубизма. Фэнов у нее – миллионы. – Тут Ядреня Феня опять вздохнула, причем так глубоко, что чуть не вывернулась наизнанку, и почти выкрикнула: – Вот бы походить на нее!

– Она не в моем вкусе, – зачем-то сказал Служитель Культа Личности.

– Вам я и не предлагаю на нее походить! – ответила Ядреня Феня почти с презрением и повторила: – Фэнов у нее – миллионы. Я и сама... – Ядреня Феня зарделась, – подумываю, не присоединиться ли. Тогда я могла бы называть себя Ядреня Фэня.

– Еще не хватало! – сказала Личность. – У Вас и так красивое имя. И работа хорошая.

– Вот работа действительно хорошая, – частично согласилась Ядреня Феня.

Тут, поднявшись со своего места, в ее сторону пошел какой-то коренастый паучок в очках.

– Видите, – кивнула в его сторону Ядреня Феня. – Еще одного ко мне послали! – Она погладила подошедшего паучка по щетине и сказала: – Забавный ты какой! Но что ж я с тобой тут делать-то буду!.. Тебя кто послал?

– Она вон! – сказал паучок, глазами показывая на красивую сельдь в собственном соку.

– За что послала?

– За голых баб, – вздохнул паучок.

– Интересуешься? – осведомилась Ядреня Феня.

– Голыми бабами-то? Еще как! – признался паучок.

– Ну ладно, пошли тогда... – сказала ему Ядреня Феня.

– Можно и мне с Вами? – Это Служитель культа Личности не придумал ничего остроумнее.

– Добровольно? – опешила Ядреня Феня. – Или... Вас кто-то ко мне давно уже посылал, а Вы не шли?

– Добровольно, – нервически пискнул Служитель Культа Личности. – Я, собственно, посмотреть только, как у Вас там всё...

– Пусть посмотрит, – злобно сказал вдруг Личность, крутя ус, точно пропеллер. – А то он в последнее время совсем не отправляет культа! Я даже сам могу послать его к Вам!

И Личность не без удовольствия послал Служителя к Ядрене Фене.

Подхватив обоих посланных к ней за локти, Ядреня Феня поволокла их за собой. Уже сейчас было видно, что Служитель Культа Личности жалеет о поспешном решении.

Личность допил свой кофе, потом – кофе Служителя и, наконец, – кофе Ядрени Фени.

– Чей-нибудь еще кофе? – расплылась в улыбке и исчезла из виду официантка.

Ответ Личности ошарашил прежде всего самого Личность, никак не ожидавшего от себя ничего подобного:

– Кофе больше не надо. А вот голых баб штуки три – хорошо бы!

– Как Вы сказали? – уже без улыбки снова возникла в пространстве официантка.

– Простите... – смутился Личность. – Кажется, я заболеваю, – и сорвался с насиженного места, и бросился к выходу, ощущая по пути колющие боли в этом самом насиженном месте.

Не будем спешить за Личностью, читатель: нам все равно не угнаться! Посмотримте-ка лучше на то, что происходит у Редингота и Марты, давно уже прилетевших в Париж и поселившихся в маленькой гостинице при Кафе де ла Пэ. Тем более что у них там паника.

Редингот ходил взад-вперед... то есть как бы и не ходил вовсе, то есть как бы оставался на месте. Марта встревоженно смотрела на него: в таком волнении она Редингота не видела никогда. Самое ужасное, что он ничего не говорил, а в ответ на все вопросы Марты повторял только:

– Ой, Марта, погодите, дайте собраться с мыслями в дорогу!

И Марта умолкала, пряча озабоченность в один из ящиков старинного шкафа – главного украшения гостиничного номера. Когда ящик перестал закрываться, она не выдержала и заглянула Рединго-

ту в глаза – причем заглянула так глубоко, что увидела мозжечок. Ужаснувшись мозжечку, который она в этот момент вообще была не готова увидеть, Марта заплакала от отчаяния... тут-то Редингот и принялся залпом отвечать на все ранее заданные ею вопросы. Ответы он для удобства нумеровал, чтобы Марта могла следить за тем, на какой из ее вопросов он в данный момент отвечает. Самих вопросов Редингот из экономии времени не повторял.

– Первое, дорогая моя Марта. Уж от кого-кого, а от Сын Бернара я такого преступного легкомыслия никак не ожидал. Я полагался на него, как на себя, оставив его в Змбрафле, чтобы он оттуда осуществлял руководство построением Окружности! Он же бросил Змбрафль и черт знает зачем находится в Париже: я видел его сегодня утром из окна гостиницы!

Второе. Ближний тоже был послан в Змбрафль – Сын Бернару на подмогу. И что? Его я тоже видел из окна гостиницы: идет мимо Кафе де ла Пэ и пожирает багет! В Змбрафле ему, видите ли, багетов не хватает!

Третье. Самое страшное! Что Вы скажете о новом идоле Парижа по имени Galya Ili Valya? О, не отвечайте, я отвечу за Вас: она до умопомрачения напоминает Кузькину мать – только обезображенную вмешательством злого рока и косметикой. Ту самую Кузькину мать, которая тоже, казалось бы, должна была уже добрести до Змбрафля!

Каким образом они все оказались тут? Кто в Змбрафле? Под чьим наблюдением находится проект в целом?

– Почему Вы не окликнули Сын Бернара или Ближнего, когда увидели их из окна? – спросила Марта.

– Я отказывался верить глазам своим! Несмотря на то, что мое сердце-вещун настаивало: «Верь глазам своим!» – я отказывался и говорил ему: «Молчи, проклятое!» И оно замолчало.

– Так и молчит с тех пор? – Марта испуганно посмотрела Рединготу на грудь.

Рединготкивнул.

Марта приложила ухо к его груди. Сердце не билось.

– Милый Рединготнадо что-то делать: организм не может функционировать, если сердце перестает биться...

– Только не мой организм! – с гордостью сказал Рединготм. – Мой организм будет функционировать даже тогда, когда девяносто девять целых и девять десятых органов выйдет из строя.

– Что же тогда в Вашем организме останется? – растерялась Марта.

– Мне достаточно, чтобы остался мозжечок, – быстро ответил Рединготм. – Ибо, пока я в состоянии координировать мои движения, спички будут ложиться точно... а больше мне в жизни ничего не надо!

– Ничего? – опешила было Марта, но тут же и прикусила язык – к несчастью, так сильно, что Рединготу пришлось срочно

пришивать откушенную часть хирургической иглой и специальными нитками: такие необходимые в обиходе вещи всегда имелись у него с собой в походной аптечке под названием «Турист-хирург». Когда операция была закончена, к Рединготу снова вернулось раздражение, покинувшее его на время операции и навестившее за это время бармена Кафе де ла Пэ. В течение, стало быть, часа или даже чуть более часа (именно столько продолжалась операция) раздраженный бармен Кафе де ла Пэ успел ошеломляюще много: он убил всех завсегдатаев Кафе де ла Пэ, обратился в парижскую мэрию с требованием выделить ему безвозмездно два с половиной миллиона новых до хруста франков на сооружение современного кладбища под Парижем и, получив эти деньги, действительно соорудил премилое кладбище в местечке Пти Шармань, на котором быстро и с большими почестями захоронил всех убитых им завсегдатаев. После похорон бармен вернулся в Кафе де ла Пэ, а раздражение, как выше уже было указано, – назад к Рединготу.

– Я раздражен так, – сказал тот, – что отправляюсь выслеживать Ближнего, Сын Бернара и Кузькину мать! Цель моя – поймать их на нарушении гражданского долга и заклеймить презрением. Потом я разберусь с пресловутой троицей и срочно уеду в Змбрафль. – Тут Рединготт вынул из всегда имевшегося у него под рукой дорожного набора «Турист-юрист» большую круглую печать презрения, сунул ее в карман и вышел, не оглядываясь.

– Подождите меня! – едва ворочая только что прооперированным языком, вскричала Марта, которая не хотела оставлять Редингота одного в раздражении, и, найдя в его дорожном наборе маленькую треугольную печать прощения, припустилась вслед за ним. Не следовало ведь забывать, что в данный момент сердце Редингота молчало, а это значило, что у Редингота как бы не было сердца!

– Вам в этой процедуре участвовать не обязательно, – бубнил по дороге Редингот, – у Вас нервы слабые!

– Ничего, – приговаривала Марта, – справлюсь! Не впервой!

По пути она все-таки уговорила Редингота переодеться, чтобы Ближний и Сын Бернар не сразу их заметили и, чего доброго, не дали бы деру. Редингот переоделся римским гладиатором, дабы продолжать оставаться без брюк, как он уже привык (Боже, Боже, наскучит ли мне, автору настоящего художественного произведения, – наскучит ли мне когда-нибудь повторять это!), а Марта переоделась швейцарской молочницей. Посмотрев на нее, Редингот весь обзавидовался, настолько колоритно выглядела в пейзанском Марта. В конце концов он не выдержал и снова переоделся: теперь он был не римским гладиатором, а швейцарским молочником, и Марта принялась держать его в руке. Поскольку Редингот, таким образом, переоделся дважды, узнать его теперь уже было совсем невозможно.

Они застали Ближнего и Сын Бернара в открытом всем ветрам маленьком ресторанчике за постыдным занятием: те ели.

– Приятного аппетита! – зловеще сказал швейцарский молочник, обращаясь к едокам.

– Спасибо, – ответили Ближний и Сын Бернар с набитыми ртами и удивленно воззрились на говорящий предмет кухонной утвари в руках у прехорошенькой пейзанки.

– И не стыдно Вам вот так вот тут сидеть и поедать еду? – спросил швейцарский молочник, сжимая в кармане печать презрения.

Игнорируя наглый говорящий предмет кухонной утвари, простодушный Сын Бернар обратился к прехорошенькой пейзанке:

– Присоединяйтесь к нам, прехорошенькая пейзанка! У нас с собой много денег, и мы закажем Вам горячий шоколад с круассанами. Не сочтите такое предложение развязным: дело в том, что мы совсем одиноки в мире и потому занимаемся всякими глупостями – типа построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Но может случиться так, что Вы полюбите кого-нибудь из нас, – тогда одним одиноким на земле будет меньше!

Рединготспрыгнул с рук Марты и выхватил из кармана печать презрения.

– Я догадывался, что в Вашем предательстве Вы зашли далеко... но чтобы *так* далеко!.. – И он занес печать презрения над широким лбом Сын Бернара.

При этих его словах образ автора полностью слился с личностью писателя – и писатель этот зажмурился от ужаса происходящего.

ГЛАВА 25
Некоторые из героев окончательно выходят из-под контроля автора и попадают под контроль санэпидстанции

Не нужно доказывать, что... Здесь поставлено многоточие, а зря. Потому что этот знак препинания следовало бы поставить на одно слово раньше – причем не многоточие поставить, а точку. Чтобы предложение выглядело следующим образом:

Не нужно доказывать.

Сказать так вполне достаточно – причем сказать и заткнуться навсегда. Ибо доказывать действительно не надо. Никому, никогда и ничего. И, даже если кто-то однажды холодной зимней ночью упадет перед вами на колени и, показывая пальцем на нечто еще не доказанное, примется умолять: «Докажите мне это, докажите ради всего святого!» – вам следует только пожать плечами и заметить в сторону моря: «Причем тут все святое, не понимаю…»

Такой, стало быть, совет я, твой дорогой писатель, даю тебе, мой дорогой читатель. Даю – и при этом страстно, как Ромео, клянусь: сам я никому никогда ничего не доказываю. Даже когда вчера утром, между пятью и шестью, ко мне в спальню ввалился журна-

лист, разгоряченный, что твой утюг, и сначала прожег дыру в пододеяльнике, а потом спросил: «Чем Вы можете доказать, что все, о чем Вы пишете, правда?» – я только повернулся на другой бок и засвистел, как сурок. Данный свист можно было бы – в крайнем случае! – счесть за уклончивый ответ, но – присягаю у мавзолея В. И. Ленина! – ни в коем случае не за доказательство. Ибо и тогда, когда я лежу в постели и сплю, я продолжаю оставаться глубоко убежденным: доказывать что бы то ни было бесполезно. Нечто существует или не существует – в обоих случаях доказательства излишни. Я, конечно, мог бы попросить у Марты ее трусики в горошек и стремительно выхватить их из-под одеяла в ответ на вопрос докучливого журналиста, но посудите сами: *что* бы я доказал таким образом? Да ничего! Или бы *такое* доказал, о чем лучше и не упоминать на целомудренных страницах настоящего художественного произведения... Так что пусть либо верят, либо не верят – это дело, так сказать, интимное.

А то, что тут у меня некоторые животные и – еще хуже – отвлеченные понятия разговаривают... и что ж с того? Ну, разговаривают. Они же строго между собой разговаривают, а не между нами! Доказывать их право *быть* так же глупо, как доказывать право *быть*... да вот хоть и того, кто пишет эти скупые строки, особенно если учесть (а этого никак нельзя не учесть!), что он умер давно. Хотя, с другой стороны, подумаешь... умер! Он умер, а дело его живет – так ведь бывает, мы знаем. И другое выражение есть известное: «Его герои

живут в наших сердцах»... чего ж тут доказывать-то? Заглянем просто в наши сердца: там они и находятся все... Марта, Рединготт, Детткин-Вклеткин, Сын Бернар, Случайный Охотник... Кузькина мать, наконец.

Разумеется, Эдуард и Кунигундэ – тоже. Правда, о них давно уже ни слуху ни духу, но они тоже где-то тут, в сердце… Это, наверное, потому, что Парижу на свои отбросы плевать, а благородный Эдуард и неверная Кунигундэ сейчас суть его отбросы, ибо, связавшись со сволочами, благородный Эдуард, как сумасшедший, торгует наркотиками и собирает деньги в мошну, неверная же Кунигундэ без остановок, как скорый поезд, проституирует.

Встретившись с неверной Кунигундэ за завтраком однажды в июле, благородный Эдуард на несколько секунд утратил свое благородство и внезапно сказал неверной Кунигундэ, ударив мошной по ее красивому лицу:

– Хорош проституировать!

– А ты хорош наркотиками торговать! – не растерялась неверная Кунигундэ и размазала по его некрасивой морде паштет, поданный к завтраку одной сволочью. Сволочи давно были наняты благородным Эдуардом и неверной Кунигундэ поварами и ходили в белом с ног до головы.

После этого благородный Эдуард и неверная Кунигундэ расплакались, неожиданно осознав, как низко они пали.

– Вот попроституирую сегодня последний раз, – всхлипывая, сказала неверная Кунигундэ, – и даю зарок: больше ни за что не буду!

– Да и я... – облизывая морду длинным своим языком, пообещал благородный Эдуард, – продам сегодня последнюю партию наркотиков и покину отрасль.

– А красиво жить на что будем? – заорали сволочи в белом.

– Красиво жить больше не будем, – строго ответили благородный Эдуард и неверная Кунигундэ. – Отныне будем жить некрасиво. – И с пониманием уточнили: – Увы.

Жить некрасиво начали прямо со следующего утра, когда благородный Эдуард и неверная Кунигундэ, действительно выполнив свои обещания, снова – на сей раз в саду – встретились за столом, накрытым к завтраку серебряно-голубой шелковой скатертью. Критически посмотрев на скатерть, неверная Кунигундэ сказала:

– Слишком красиво... ненавижу!

После этого она плюнула на скатерть, угодив точно в середину.

– Напрасно в середину, – заметил благородный Эдуард. – В некотором смысле это тоже слишком красиво.

Тут он собрал с земли сухие птичьи испражнения и в беспорядке разложил их по скатерти.

Сволочей в белом, вошедших с подносами, при виде загаженной скатерти скривило на одну и ту же сторону – на сторону истца, который строго в этот момент воровал в саду чайные розы. Бросив-

шись к нему, сволочи вознамерились было сильно ударить его в солнечное сплетение, но их остановил голос неверной Кунигундэ:

– Оставьте истца! Пусть ворует. Нам теперь розы не нужны. Мы избавляемся от всего красивого.

– А что у вас еще есть – из красивого? – осторожно спросил истец, запихивая чайные розы в большой контейнер, который он на всякий случай специально поставил возле клумбы.

– Да у нас, к сожалению, почти все красивое, – сознались благородный Эдуард и неверная Кунигундэ маленьким хором.

– А есть у вас такая красивая шкатулка, которую открываешь, а там – балерина в марлевой пачке стоит на одной ноге и кружится под музыку? – загорелся синим пламенем истец.

Неверная Кунигундэ вздохнула как из-под земли и печально сказала:

– К сожалению, таких шкатулок у меня целых двадцать четыре... и сломанных три.

– Можно я возьму одну сломанную? – взмолился истец.

– Возьмите все – как целые, так и сломанные, – махнула рукой Кунигундэ.

– Ой… – сказал истец, начиная чувствовать себя в раю. – А есть у Вас такой альбом со старыми фотографиями красивых актеров прошлого – и чтобы у актеров губы были раскрашены красным, а глаза – голубым?

– Таких у меня целых сорок, плюс разорванный – один.

– Зачем Вы его разорвали? – с болью спросил истец.

– Ярилась, – просто объяснила Кунигундэ. – Пойдите в дом и заберите, сколько нужно. Я остальные все равно сожгу: мы теперь враги красивой жизни!

– Спасибо, – размазывая слезы, прошептал истец. – Я тогда сорок целых возьму... и разорванный тоже. А есть у вас такие красивые стеклянные шары небольшие... они обычно заполнены желтой жидкостью, похожей на старую мочу, – и в ней плавают разные фигуры: например, пионер, рыба и куст?

– Увы, и такие есть... около ста.

– С пионерами? – заломил руки и вскрикнул от боли истец.

– Все как один! – устало сказала неверная Кунигундэ. – Пойдите же в дом... Что покажется Вам красивым, то и Ваше.

– Не может быть! – совсем зашелся истец, предвкушая долгожданную встречу со ста пионерами, и бросился к дому.

Сволочи в белом устремились за ним.

– А вы куда? – остановила их неверная Кунигундэ.

– Мы... мы... – залепетали сволочи в белом и признались под пытками плетьми, что всего-то лишь и хотели взять себе по одному стеклянному шару с пионером, рыбой и кустом, ибо жалко, если такая красота целиком попадет в чужие руки.

Но истец уже грузил в контейнер содержимое дома...

– Конец красивой жизни! – зарыдали сволочи в белом, причем одна из них наложила на другую руки.

– Одной сволочью в белом меньше, – задумчиво сказал благородный Эдуард, перебирая чуткими пальцами сухие птичьи испражнения на скатерти.

Истец между тем снова бежал от контейнера к дому, на ходу отчитываясь:

– У вас еще кровать очень красивая... я ее возьму с балдахином вместе, и зеркало в виде большого сердца.

– Это сердце Ричарда Львиное Сердце, – равнодушно откомментировал благородный Эдуард, – так мне антиквар сказал... в антикварiате, где зеркало куплено.

– Я сразу понял, – таща зеркало на спине, признался истец. – И еще унитаз в форме лотоса мне понравился... тоже возьму, пожалуй!

– Как же мы без унитаза-то... – сокрушились лежащие на земле живые сволочи в белом. Мертвая сволочь в белом смолчала.

– Запросто, – сказала неверная Кунигундэ. – Естественные потребности будем отправлять теперь в естественной среде.

И, экстатически воскликнув: «Назад к природе!» – она сорвала с себя одежду и обувь и тут же отправила все свои естественные потребности.

Благородный Эдуард последовал было ее дурному примеру – не оставив на себе ничего, кроме большой мошны, висевшей на шее.

– Постой... – сказала вдруг неверная Кунигундэ, тем самым фактически мешая благородному Эдуарду отправить его естествен-

ные потребности и некрасиво топча босыми ступнями страусиные яйца, запоздало поданные к завтраку. – Что это у тебя на спине?

– Адресок один... с телефончиком, – усмехнулся благородный Эдуард.

– Красиво-то как они вытатуированы, – с нарочитой небрежностью отнеслась неверная Кунигундэ, снова плюнув на скатерть – и, к сожалению, опять в самую середину. – Кто татуировал?

– Я с этой татуировкой родился, – сказал благородный Эдуард, большим пальцем разъединяя плевки Кунигундэ и размазывая их по скатерти. – А что – действительно так красиво?

Неверная Кунигундэ вздохнула:

– Ну, сам посуди: две розы в колючей проволоке, а внутри – адресочек с телефончиком в клюве голубки, несомой драконом.

– Куда несомой? – вяло полюбопытствовал Эдуард.

– Так по адресочку с телефончиком и несомой! – удивляясь несообразительности благородного Эдуарда, ответила неверная Кунигундэ.

– Фу! – сказал благородный Эдуард. – Давай-ка, знаешь что... испорть мне там всю эту красоту долбаную!

– С удовольствием, – неподдельно обрадовалась неверная Кунигундэ. – Давай, я тебе прямо поверх нее что-нибудь безобразное вытатуирую?

– А что ты умеешь вытатуировывать?

Неверная Кунигундэ ответила быстро: видно было, что ответ хорошо подготовлен:

– Я умею вытатуировывать «Переход Суворова через Альпы» и «Сусанна и старцы».

– Это не годится, – поморщился благородный Эдуард. – Это практически на каждой спине вытатуировано. А больше ты ничего не умеешь?

– Больше ничего, – покраснела неверная Кунигундэ и задумалась. Потом нервно добавила – через силу и все еще красная, как этикетка с распродажи: – Ну, можно, конечно, пофантазировать...

– Пофантазируй, – поощрил благородный Эдуард.

Неверная Кунигундэ молча пофантазировала и предложила:

– Хочешь, я вытатуирую тебе «Переход Сусанны и старцев через Альпы»?

– Вытатуировывай, – безнадежно вздохнул благородный Эдуард: границы фантазии неверной Кунигундэ явно не простирались далеко.

– Это будет на самом деле безобразно! – воодушевилась неверная Кунигундэ. – Потому что Сусанна – она же голая, а старцы противные такие... в то время как Альпы покрыты льдами! – При последней подробности неверная Кунигундэ засмеялась как чокнутая и тут же сказала: – Прости, что я так засмеялась!

– Бывает, – сказал благородный Эдуард и лег в грязь на живот.

Неверная Кунигундэ достала из кустов кстати оказавшиеся там татуировальные принадлежности в пластиковом пакете и смазала спину благородного Эдуарда свиным жиром: свиной жир всегда был у нее с собой в большом золотом медальоне на груди.

– Я теперь как свинья, – отчитался благородный Эдуард, нежась в грязи.

– Это точно! – подали голос сволочи в белом.

– Заткнитесь, – беззлобно отозвался благородный Эдуард и бросил в сволочей в белом комок грязи. Те (кроме мертвой сволочи в белом) с визгом разбежались по окрестным деревням. Больше о них никто никогда не слышал. Что касается мертвой сволочи в белом, то она, не дождавшись погребения, так и продолжала лежать и разлагаться у всех на виду.

А неверная Кунигундэ истово татуировала – до тех пор, пока спина благородного Эдуарда не стала похожа на некий гобелен, под которым навеки скрылись как адресок с телефончиком, так и розы в колючей проволоке, а вместе с ними и голубка, несомая драконом.

– Некрасиво стало? – с надеждой спросил благородный Эдуард по окончании процедуры.

– Конечно, некрасиво! – заверила его неверная Кунигундэ. – Еще как некрасиво-то! Я же первый раз в жизни татуирую. – Тут она захихикала: – Сусанна напоминает Суворова, а старцы – Сусанну! И все плавают в крови... твоей причем. Можешь себе представить?

– Не могу, – после нескольких неудачных попыток представить себе все это признался благородный Эдуард.

На дорожке сада нарисовались чиновники из коммуны, приехавшие по вызову соседей, которым показалось, что в саду благородного Эдуарда и неверной Кунигундэ происходит надругательство неверной Кунигундэ над телом благородного Эдуарда.

– Не происходит ли здесь надругательства неверной Кунигундэ над телом благородного Эдуарда? – прямо спросили чиновники, подойдя совсем близко к распростертому на земле и истекающему кровью благородному Эдуарду.

– Именно что происходит! – с радостью подтвердила криминальная пара.

– Можно я еще тапочки возьму? – раздался из дома голос истца. – Они тоже красивые очень... на них потому что вытканы фрагменты из «Книги перемен»...

– Берите! – откликнулись благородный Эдуард и неверная Кунигундэ.

– Что тут вообще происходит? – спросили коммунальные чиновники.

– Мы прощаемся с красивой жизнью... – начал объяснять благородный Эдуард, истекая кровью.

– ...ибо решили жить некрасиво, – подхватила неверная Кунигундэ и, злобно глядя на одного из коммунальных чиновников, доба-

вила – обращаясь как бы лично к нему: – Некрасиво жить не запретишь!

– А вот и запрещу! – тут же взревел коммунальный чиновник. – Красиво жить не запретил бы, а некрасиво – запрещу! Запрещаю!

– Да пошел ты знаешь куда... – задумчиво сказал благородный Эдуард.

– Куда? – заинтересовался коммунальный чиновник.

– Куда подальше, – не особенно мудрствуя, закончил благородный Эдуард.

Коммунальный чиновник отошел далеко как мог и оттуда крикнул:

– Что это тут за труп в белом?

– Да сволочи одной труп, – не глядя в его сторону, объяснила неверная Кунигундэ.

– Он же разлагается! – укорил ее коммунальный чиновник.

– Ты бы на его месте тоже разлагался, – заверила его неверная Кунигундэ.

– С каких это пор мы на «ты»? – запоздало, как весна, спросил коммунальный чиновник.

– С момента твоего прихода, – напомнила ему неверная Кунигундэ. – Вспомнил теперь?

Коммунальный чиновник кивнул и вскричал:

– Да в нем уже черви завелись!

– В тебе бы на его месте тоже завелись! – последовательно продолжила аналогию неверная Кунигундэ.

– Хватит меня с ним сравнивать, – издалека обиделся коммунальный чиновник. – Он все-таки мертвый, а я все-таки живой!

– Да какой же ты живой, – рассмеялась неверная Кунигундэ, – когда все коммунальные чиновники мертвые: живых там не держат!

Остальные коммунальные чиновники, не участвовавшие в разговоре, переглянулись и спросили друг у друга что-то насчет того, как они выглядят. Видимо, получив неожиданные ответы, они запечалились и стали стоять дураки дураками – хоть на чайники их сажай.

Внезапно они повернули головы к незнакомцу, с унитазом в руках оказавшемуся рядом с ними.

– Вы кто такой? – строго спросили коммунальные чиновники.

– Истец, – отчитался незнакомец.

– Как Вы здесь оказались? – еще строже спросили коммунальные чиновники.

– Подкрался незаметно, – честно, словно перед судом, отвечал истец.

– Так мы и думали, – покачали головами коммунальные чиновники. – А Вы всегда с унитазом в руках?

– Какой глупый вопрос! – не удержался истец и обернулся к неверной Кунигундэ: та, успев уже сколотить огромный транспарант,

писала на нем плакатным пером: «Некрасиво жить не запретишь!» – Так я забираю унитаз-то?

– Конечно, забирайте! – не отвлекаясь, сказала неверная Кунигундэ.

– Чего это он тут все у Вас забирает? – разволновались коммунальные чиновники.

– Вы тоже можете забирать, если найдете что по вкусу, – сказала неверная Кунигундэ, все так же не отвлекаясь. – Только ничего некрасивого прошу не трогать: некрасивого у нас и у самих мало.

Коммунальные чиновники без звука бросились в дом... правда, один все-таки издал звук... осторожный и глухой – плода, сорвавшегося с древа (в точности, как сказано у Мандельштама). Растерянный истец поставил унитаз на землю и, крикнув благородному Эдуарду: «Стерегите!» – исчез вслед за чиновниками. Через некоторое время из дома послышались ругань и громкие удары кулаков о морды.

– Такое впечатление, что у нас в доме просто все красивое, – скривился благородный Эдуард. – Как в музее жили... противно вспомнить! Мне можно встать?

– Вставай, – сказала неверная Кунигундэ. – Кровотечение прекратилось, вроде.

Благородный Эдуард легко вскочил на резвые ноги и принялся распихивать этими ногами цветочные горшки с орхидеями у входа в сад. Неверная Кунигундэ, покончив с транспарантом, размазала по нему несколько комков грязи и собственноручно водрузила транспа-

рант над домом. Посмотрев вокруг, она решительно подошла к сильно красившему дворик небольшому фонтану и легким молотком принялась откалывать у стоявшего в центре фонтана каменного мальчика нос и ухо. Потерпев немного, сдвинутый с места каменный мальчик принялся сначала писать в ее сторону, потом уронил обломок камня прямо на ногу неверной Кунигундэ и, улюлюкая, убежал на улицу. А неверная Кунигундэ, радуясь своей хромоте, поспешила на помощь благородному Эдуарду, который давно уже начал, но так пока и не закончил разбивать ступени, ведущие в дом. Потом неверная Кунигундэ большой лопатой прикопалась к двум каменным сфинксам по бокам лестницы и повалила их на землю, а повалив, стала надругиваться над ними, поливая сфинксов грязью. Когда сфинксы сделались похожими на свиней, неверная Кунигундэ принялась помогать благородному Эдуарду, который в это самое время бил одно за другим оконные стекла.

Из дома с награбленным добром выскочили коммунальные чиновники, преследуемые истцом, – все они, кроме истца, оступившись на развороченной лестнице, поломали руки и ноги и замерли в некрасивых позах у входа в особняк. С удовольствием слушая их стоны, неверная Кунигундэ сказала благородному Эдуарду:

– Ты только посмотри на их некрасивые позы! Это как раз то, что нам нужно. А когда они тут все окончательно загнутся и начнут разлагаться, зрелище станет совсем омерзительным, не правда ли, дорогой?

– Чистая правда! – подтвердил благородный Эдуард, и, пользуясь специальными пульверизаторами, стал перекрашивать волосы корчащимся на лестнице коммунальным чиновникам – кому в зеленый, кому в голубой, кому в красный цвет.

Истец же, осторожно переступая через увечных, собрал в узел награбленное ими добро и, погрузив его в свой бездонный контейнер, исчез вместе с контейнером так же незаметно, как и подкрался.

Оставив коммунальных чиновников подыхать в корчах, благородный Эдуард и неверная Кунигундэ принесли из-за дома ящики с тухлыми помидорами, которых там всегда было в избытке, и стали разбрасывать их в разные стороны с таким остервенением, что многие перелетали через живую изгородь и падали на улице, причем на проезжей части дороги. Живая изгородь чуть не умерла от ужаса, когда в нее полетели давно протухшие плоды, но прикинулась мертвой – и все обошлось. Прохожие на улице шарахались кто куда, и некоторых давили не успевшие притормозить на помидорах машины… только – Бог с ними, с прохожими: судьба случайных людей мало кого интересует в настоящем художественном произведении.

Понятно, что дворик и часть прилегавшей к нему улицы уже через короткое время напоминали овощную базу в Советском Союзе времен Советского Союза. Тошнотворный запах пытался повалить с ног, но под ногами пузырилось и чавкало – нет, лучше пузырилось Чавкало... так что только благородный Эдуард с неверной Кунигундэ и находили удовольствие валяться во всем этом, время от

времени начиная бороться: борьба в грязи как вид состязаний интересовала их всегда. Неверная Кунигундэ часто побеждала благородного Эдуарда, потому что была женщиной.

К вечеру вокруг дома начали собираться столичные искусствоведы. Привлеченные лозунгом неверной Кунигундэ «НЕКРАСИВО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ!», они усмотрели в этом лозунге новую эстетическую платформу и прямо тут же, возле дома, сообща предались ее осмыслению.

«*Эстетика безобразия…* –

строчил в своем блокноте наиболее прыткий,

– *…была открыта не сегодня, не вчера и не позавчера. Она была открыта еще нашими пещерными предками, которые, как известно сегодня, выглядели просто безобразно: немытые, покрытые шкурами диких зверей и пожирающие сырое мясо, они увековечили себя в отвратительных современному человеку скульптурах и наскальных надписях, каковые кое-кто из нас вплоть до самого последнего времени считал исполненными редкой красоты. Однако вглядимся в эти хари попристальней и зададим себе вопрос: так ли уж они в действительности прекрасны?*»

Поставив вопросительный знак в конце вопросительного же предложения, пишущий распихал руками и ногами сгрудившихся вокруг него других искусствоведов, которые слово в слово беззастенчиво списывали все, что выходило из-под его бойкого пера, и тут же публиковали списанное в лучших французских журналах... растолкал их, стало быть, руками и ногами и стал писать по-датски, да

еще и соблюдая принципы старой орфографии, чтобы никто уже не смог ни списать, ни понять того, что он пишет.

«Lad os saa kigge paa alle de forfaerdelige Ansigter – er de ikke grimme? Mange af dem er saa disproportionerede, at det Eneste, de kan bruges til, er at goere Boernene bange. Men spoerger vi nogle af de saa kaldte Kunsthistorikere, om ogsaa de anser Ansigterne for grimme, lyder deres Svar helt anderledes. "Ansigterne er utroligt koenne!", – siger Kunsthistorikerne. Det er da Loejn, mine Damer og Herrer! Hvor laenge vil vi lade os narre med alle de usandfaerdige Paastande? Er vi virkelig saa dumme eller saa blinde for ikke at se Sandheden? Vaemmes vi ikke, naar vi betragter disse Misforstre? Proev at taelle en Gang, hvor mange Ojne eller for den Sags Skyld hvor mange Oeren... – for ikke at tale om andre Organer! – de har, det er da til at braekke sig over... – og under!».

Тут некоторые из тех, на кого намекал искусствовед, почуяли недоброе, подошли к нему, сняли с него штаны и надрали ему задницу... да так, что ни на какую сидячую должность он отныне уже не годился и вынужден был найти себе работу в МакДоналдсе, куда его вскоре приняли на временную должность Большого Мака. Прочих искусствоведов не тронули, и они продолжали писать – самостоятельно и никуда более не заглядывая – правда, писали все остальное время уже только по-турецки.

В один прекрасный, как картина Куинджи... то есть не сказать чтобы совсем уж прекрасный, день появился среди искусствоведов некто явно не искусствовед. У него был только один глаз.

– Вы прямо как не искусствовед! – встретили его искусствоведы.

– Скажете тоже – не искусствовед, очень даже искусствовед! – воскликнул пришелец, и всем сразу стало понятно, что он нагло врет.

– А покажите список публикаций! – попросили искусствоведы.

Пришелец вынул из кармана список публикаций и потряс им в воздухе.

– Можно поближе посмотреть? – заулыбались коварными улыбками искусствоведы.

Пришелец неохотно протянул список.

Список состоял из заголовков типа «Всем и каждому», «Риму и миру», «Ни себе, ни людям», «Всем сестрам по мозгам», «Каждой твари по харе»...

– Вы о чем, собственно, пишете? – поинтересовались искусствоведы.

– Об искусстве – непонятно разве? – в свою очередь (все происходило по очереди) поинтересовался пришелец.

– А почему все заголовки – в дательном падеже? – поинтересовались искусствоведы, когда настала их очередь.

– Разве это запрещено? – дождавшись своей очереди, поинтересовался пришелец.

Так они долго по очереди интересовались разными вещами, но интерес их остался неудовлетворенным. Тогда искусствоведы раздели пришельца, внимательно изучили строение его тела, снова одели и заключили:

– У искусствоведов не такое строение тела.

– А какое? – спросил он.

– Вот такое, – сказали искусствоведы и показали ему, как должны выглядеть тела искусствоведов.

– Ничего не понятно, – сказал пришелец. – У вас у всех разное строение тела.

– Разное-то разное, – согласились искусствоведы. – Но у наших тел есть одна общая черта. Это красивые тела.

– Я бы не сказал, – осторожно заметил пришелец.

– Ну и пошел к черту! – обиделись искусствоведы и начали щеголять своими телами друг перед другом.

А пришелец стал делать то, зачем пришел. Он припал к живой изгороди, которая с возмущением отпрянула от него и громко сказала: «Пошел отсюда, противный!» Но пришелец схватил живую изгородь за что-то такое – и она, вскрикнув, умолкла: многие даже подумали, что навсегда и что пришелец убил живую изгородь насмерть. Во всяком случае, теперь он одним своим глазом мог пристально наблюдать сквозь не то живую, не то мертвую изгородь за боровшимся в грязи благородным Эдуардом, так и норовя увидеть его спину.

– Почему Вы не смотрите на *мою* спину? – вдавливая морду благородного Эдуарда в самую тухлую жижу, обратилась к пришельцу неверная Кунигундэ.

– Я вообще не смотрю ни на чью спину! – сказал пришелец, сделав вид, что его интересует только книга Редьярда Киплинга «Отчего у кита такая глотка», которую он тут же принялся читать. Когда ему показалось, что неверная Кунигундэ снова охвачена азартом борьбы, пришелец отбросил книгу и с новыми силами впился глазами в спину благородного Эдуарда.

– Откуда у Вас новые силы? – крикнула охваченная азартом борьбы неверная Кунигундэ. – Всего лишь миг назад, читая книгу Редьярда Киплинга «Отчего у кита такая глотка», Вы выглядели совсем измотанным...

– Так в книге я и почерпнул новые силы! – не растерялся пришелец.

– Киньте-ка тогда Вашу книгу сюда, Вы, пришелец! – распорядилась неверная Кунигундэ.

– Я лучше принесу ее, – ответил тот и полез в сад через полумертвую изгородь, теперь уже совсем не отрывая глаз от спины благородного Эдуарда.

– Что я вижу? – вскричал он приблизившись. – Это же переход Сусанны и старцев через Альпы... на его спине!

– Именно, – хватая книгу и не прекращая борьбы в грязи, ответила благородная Кунигундэ. – Мне льстит, что Вы распознали сюжет. Это я его вытатуировала!

– Прямо по... по живому? – оторопел пришелец.

– Зачем же по живому? – поддержала разговор неверная Кунигундэ. – По мертвому! Там уже было вытатуировано до фига чего! Голубка, несомая драконом... розы в колючей проволоке... адресочек с телефончиком.

– Какой адресочек с каким телефончиком? – выпалил пришелец, буравя единственным своим глазом спину благородного Эдуарда, на которой от этого даже опять выступила кровь, тут же, впрочем, смешавшись с грязью.

– Да кто ж Вам теперь скажет, какой адресочек с каким телефончиком! – рассмеялась неверная Кунигундэ. – Разве их разглядишь после моих художеств от слова «худо»! И она углубилась в чтение книги, по мере того, как тело благородного Эдуарда углублялось в грязевую ванну.

Пришелец стоял словно громом порожденный.

– Пропало... дело всей жизни пропало! – через некоторое время забормотал он, как беззубый, а потом принялся орать на неверную Кунигундэ, при этом понося ее.

Та подняла от книги глаза и спросила:

– Вы, в сущности, чего разорались-то?

Тут, потеряв контроль над собой, пришелец и признался в том, что он Личность и что делом всех последних месяцев его жизни было выведать адресочек с телефончиком того мозгового центра, из которого исходит руководство построением Абсолютно Правильной Окружности из спичек... и что теперь, стало быть, адресочек с

телефончиком затерялись в Альпах, через кои Сусанна и старцы осуществляют переход.

– Тогда мне, конечно, понятно, – сказала Кунигундэ, – чего Вы так разорались! Если бы дело всех последних месяцев моей жизни потерпело такое фиаско, я еще сильней разоралась бы: я эмоциональная очень. Я бы вот так разоралась...

Тут Кунигундэ разоралась так, как если бы разоралась в соответствующем случае.

– Вы неплохо разорались, – с легкой завистью похвалил Личность (теперь-то мы точно знаем, что это была она... то есть он). – Впрочем, я еще и посильнее разораться могу.

И он действительно разорался гораздо сильнее прежнего: получилось не хуже, чем у неверной Кунигундэ.

– Если я как следует постараюсь... – издалека начала неверная Кунигундэ и совсем вблизи закончила: – ...я еще и посильней Вашего разорусь.

– Ну, положим, посильнее моего Вы вряд ли разоретесь... – усомнился Личность.

– А вот разорусь! – пообещала неверная Кунигундэ, постаралась и разоралась так, что соседи, настучавшие на благородного Эдуарда и неверную Кунигундэ коммунальным чиновникам, сразу стали выносить из дома немыслимо изможденных пожилых людей и сбрасывать их через забор во двор благородного Эдуарда и неверной Кунигундэ. Люди кряхтели, вздыхали и истово молились, падая в

грязь и не будучи в силах подняться. Когда их набралось в грязи около двадцати, вынос прекратился.

– Больше у вас нету таких? – крикнула через забор неверная Кунигундэ.

– Больше нету, кончились! – ответили через забор – и двери соседнего дома захлопнулись.

Неверная Кунигундэ подошла к валявшимся под забором и строго спросила:

– Кто такие?

– Святые, – представились люди.

– Пусть расскажут о себе подробнее! – сдавленно прохрипел из грязи благородный Эдуард.

– Расскажите о себе подробнее, – повторила неверная Кунигундэ.

– Мы девятнадцать святых, – охотно начали святые. – До самого последнего времени мы все тихо сидели в соседнем доме и ничего не делали, потому что святые обыкновенно так себя и ведут. На нас обращали внимание только тогда, когда приходили гости. Гостям обычно говорили: «Это святые», – и гости отвечали: «Понятно». Так проходила наша жизнь. Но в самое последнее время Вы так сильно разорались, что некоторых из нас начали выносить. Потом младший сын спросил главу семьи: «Всех святых выносить?» – «Конечно, всех! – ответил глава семьи. – Куда они нам?» – И вот мы здесь…

Неверная Кунигундэ вытащила из-под себя благородного Эдуарда и задала ему следующий вопрос:

– Что со святыми делать будем?

– «Что делать», «что делать»... – некрасиво передразнил ее благородный Эдуард, поправляя мошну, из-за борьбы съехавшую с его шеи на его же (к счастью) плечо. Потом спросил у святых: – Вы голодные, святые?

– Конечно, голодные, – признались святые.

– Тогда, – сказал благородный Эдуард, – надо отнести их в кухню: пусть поедят.

Тут благородный Эдуард и неверная Кунигундэ стали вносить всех святых в дом и оставлять там. При этом Личность стоял в стороне и хлопал глазом, словно полфилина.

Когда с этим было покончено, неверная Кунигундэ вышла в сад в последний раз, чтобы забрать из грязи книгу Редьярда Киплинга «Отчего у кита такая глотка». Однако вместо того, чтобы схватить книгу и убежать, она прямо в грязи увлеклась чтением, в силу чего сразу же и произошло существенное изменение в структуре нашего художественного целого.

О предстоящем изменении заявил, прежде всего, странный взгляд, брошенный Личностью на неверную Кунигундэ. Не отрываясь от совсем захватившего ее чтения, неверная Кунигундэ спросила Личность:

– Чего это Вы так на меня так смотрите?

– Вот смотрю я, – задумчиво сказал Личность, – и думаю: а ведь Вы, в сущности, голая баба, до которых я внезапно стал так охоч! Мне кажется, имеет смысл овладеть Вами.

– Ха-ха! – пристально глядя в книгу, ответила неверная Кунигундэ. – Я не из таких.

– Вы же проституировали, – напомнил Личность. – Об этом весь Париж знает.

– Да, я проституировала, – с чувством собственного достоинства сказала неверная Кунигундэ. – Но больше никогда не буду.

Тут Личность сорвал с себя одежды и бросился в грязь – прямо на неверную Кунигундэ, – крича что было сил:

– Еще как будешь!

Благородная Кунигундэ, спокойно дочитав предложение, схватила Личность за шею и, окунув в грязь, подержала там. Личность захлебнулся практически сразу. Отнеся труп Личности к трупу давно разлагавшейся сволочи в белом, неверная Кунигундэ вернулась за книгой, вытерла ее о траву и ушла в сарай. Там она вынула из чана с грязным бельем рацию и мгновенно связалась по ней с нужным лицом.

– Операция «Некрасиво жить не запретишь!» завершена, дорогой Редингот. Причем благородный Эдуард так ничего и не понял, – отбарабанила неверная Кунигундэ.

– Спасибо, дорогая неверная Кунигундэ! Вы в очередной раз показали, что способны справляться с самыми трудными заданиями, – отбарабанил в ответ Редингот.

– Чего поделываем? – отбарабанила неверная Кунигундэ.

– Да вот... принимаем всех, кому дорога судьба Правильной Окружности из спичек.

– Которых Личность собирался послать к Ядрене Фене?

– Именно! А вы чего там поделываете?

– Мы пока всех святых кормим... Но, кажется, у нас проблемы.

Неверная Кунигундэ выглянула в обезображенный сад. Вызванные бдительными соседями сотрудники санэпидстанции, похожие в своих скафандрах на космонавтов, со всевозможными предосторожностями отворяли потихоньку калитку.

ГЛАВА 26
Истинная кульминация на фоне страшной смерти главного героя

Ну что ж... Иногда приходится нести утраты, о мой читатель. Крепись. В этой главе протагонист (так я звучности ради назову, пожалуй, главного героя) умрет на твоих глазах. Не без удовольствия замечу, что это очистит тебя, о мой читатель. Во всяком случае, освежит. И то сказать, какое ж настоящее художественное произведение без катарсиса? Это только поверхностные американцы любят хэппиэнды. А мы не только глубокомысленные европейцы, но еще и азиаты мы с раскосыми и жадными очами, как о нас давно уже сказал один умный человек. Так что настало время чьему-нибудь скелету хрустнуть в тяжелых, нежных наших лапах. Да так хрустнуть, чтоб хруст от него прошел по всей Руси великой... это тоже недурственное выражение, хоть и употребленное автором всуе. Однако всуе употребленное выражение, осознаваемое как употребленное всуе, есть выражение, употребленное к месту. К какому месту, автор вынужден умолчать: хороший автор не открывает карты до срока.

Так вот, стало быть. Мы люди закаленные, о мой читатель! Уж кто-кто, а мы-то способны не потерять рассудка при виде страшной

гибели главного героя. Мы даже готовы к этому – практически каждую секунду. Положи, о мой читатель, сердце на руку и скажи мне честно: разве не казалось тебе время от времени, что следующей строчкой, к которой ты опустишь красивые свои глаза, будет строчка: «Тут Редингот внезапно погиб» – или: «Тут Деткин-Вклеткин неожиданно скончался» – или: «Тут Марта стремительно усопла»... Все ведь к этому шло – чего уж греха-то таить? Допускаю, конечно, что ты, о мой читатель, едва ли ожидаешь чего-нибудь вроде: «Тут Редингот, Деткин-Вклеткин, Марта и все остальные герои ни с того ни с сего дали дуба»... серийным убийцей автор настоящего художественного произведения себя, наверное, в твоих глазах пока не зарекомендовал! Пусть даже (признаюсь тебе, о мой читатель!) не раз он – автор этот, успевший и сам сыграть в ящик за время лепки художественного целого, – был обуреваем (в прямом и, замечу без ложной скромности, величественном смысле этого слова) отчаянной мыслью замочить их тут всех наконец одним брутальным росчерком пера... Но заметил ли ты, мой ненаблюдательный читатель, что, каждый раз беря себя в руки, автор все-таки воздерживался и не замачивал без необходимости? И что все сколько-нибудь дорогие тебе персонажи *в принципе* пока еще живут и побеждают на страницах данного художественного произведения? А теперь сам посуди: не значит ли это, что автор похвальным своим воздержанием уже заслужил себе право прикончить кого-нибудь из первых рядов? Ответ твой будет прост и беспощаден: значит.

Вот, стало быть, и договорились. И помня о том, что гибель, причем в этой самой главе, уже объявлена автором, задумайся о том, кто из ранее известных тебе и любимых тобой писателей был так осторожен, так щадил хрупкую твою душу? Да никто, по совести-то говоря! И... давай-ка назовем тут все наконец своими отвратительными именами: писатели-гуманисты прошлого убивали главных героев просто как бандиты. Перелистываешь себе спокойно, попивая чаек с вареньицем, очередную страницу, а там – бац! Главный герой валится, как свежескошенный сноп – и хоть бы писателю хны! Без предупреждения, без каких бы то ни было заранее предпринятых мер предосторожности, даже без намека где-нибудь в предшествующей главе – дескать, я, конечно, ничего не обещаю, но очень может быть, что данного героя мы с вами видим в последний раз... Какое там! Хлобысть да и все... Что случилось? Убили! Как убили? Да так вот... на-по-вал. Никакой, между прочим, нервной системы на такие перепады художественного давления не хватит. А то ведь еще и хуже бывает: ты, наивный, все еще продолжаешь считать главного героя живым – и вдруг тебе как снег на голову: герой-то, оказывается, уже и умер... с месяц тому назад, и захоронен, и над могилой его надругались пьяные подростки.

Никуда это все, дорогие мои, не годится! Подлинным гуманистом может считать себя лишь тот писатель, который, заранее все обдумав, медленно и настойчиво готовит своего читателя к торжественной процедуре прощания с главным героем. Как врач. Сядьте,

пожалуйста, чтобы не упасть, достаньте носовой платок и успокойтесь, сейчас я сообщу Вам одну страшную новость. Помните своего брата? Хорошо. Попытайтесь представить себе, что с ним сейчас. Нет, холодно... холодно... холодно... Какая Вы, право, недогадливая, будто у нас разговор и не в больнице происходит! Давайте-ка я Вам валерьянки на всякий случай накапаю... Что Вы говорите? Да нет же, повторяю, холодно! Хорошо, я помогу Вам: он только что умер.

Вот так это делается, дорогие мои, так и только так! Никаких стрессов – мужественно, сосредоточенно, делово. А прежде всего – гу-ман-но. Так, стало быть, и поступим, начав повествование о смерти главного героя издалека, чтобы должным образом приготовиться к встрече с этой неизбежной (я подчеркиваю, неизбежной!) бедой.

Положив последнюю спичку на лед, Деткин-Вклеткин оправил двойной тулуп, еще Бог весть когда пошитый Карлом Ивановичем, внутренним эмигрантом (для себя лично... для двух себя) и посмотрел на стройную линию из спичек, безупречно тянувшуюся по ледяной поверхности куда хватало глаз... Ну что ж, его историческая миссия выполнена: вверенная ему часть Окружности – ценою крайнего напряжения всех внутренних сил Деткин-Вклеткина и всех внутренних сил читателей – построена.

Он распустил дрессированных белых медведей по домам и с нежностью посмотрел на переминавшегося с ноги на ногу Слу-

чайного Охотника. Образованный эскимос Хухры-Мухры отлучился куда-то – как он своевременно предупредил – по крайней нужде.

– Вот, друг... – сказал Деткин-Вклеткин Случайному Охотнику, и голос его дрогнул. – Историческая миссия выполнена.

– Что это значит? – робко спросил Случайный Охотник.

Деткин-Вклеткин по-доброму рассмеялся:

– Это значит, что больше история не требует от нас ничего.

Случайный Охотник поежился... потом поежился еще – он так и ежился бы без остановки, если б Деткин-Вклеткин вдруг не спросил:

– Вы чего поеживаетесь-то все время?

– Как же мне не поеживаться? – вопросом на вопрос ответил Случайный Охотник, но такого ответа Деткин-Вклеткин не зачел.

– Ну, что Вам сказать... – вынужден был объясниться Случайный Охотник, – я думал, мы спички-то выложим до конца и встретимся с другими строителями, которые с той стороны идут... А тут пресса подоспеет, цветы, шампанское, женщины, представители...

– Представители – чего? – оторопел Деткин-Вклеткин.

– Представители... общественности – широкой общественности! – нашелся Случайный Охотник.

Деткин-Вклеткин покачал головой и завязал Случайному Охотнику веревочки на куньей шапке – тоже доставшейся в наследство от Карла Ивановича, внутреннего эмигранта.

– Вы прямо как дитя! – сказал он Случайному Охотнику. – Мы ведь не для славы Окружность строили...

– Я для славы... – вдруг признался Случайный Охотник и заплакал, приговаривая: – Я думал, что мы уже знаменитые... что про нас все газеты напишут! Уже так и представлял себе нашу газету... «Свет Заполярья», где на первой полосе, например, фотография Мадонны с одной стороны, а с другой – моя.

– Это чего же Вы такого необычного сделали-то, чтобы так прямо рядом с Мадонной... да еще и в «Свете Заполярья»? – мягко поинтересовался Деткин-Вклеткин.

– А она чего необычного сделала, что ее везде суют? – придрался Случайный Охотник.

– Ах... – махнул рукой Деткин-Вклеткин. – Оставьте миру его игрушки! Подлинные герои безымянны и одиноки.

– Как мы? – уточнил Случайный Охотник.

– Как Вы, – ограничил его Деткин-Вклеткин.

– А Вы? – обалдел Случайный Охотник.

– Я тут ни при чем. Я не герой: я просто выполнял свой долг, – скромно, как доходы интеллигенции, ответил Деткин-Вклеткин.

Случайный Охотник вздохнул и отчетливо повторил на все ледяное безмолвие:

– Я безымянен и одинок.

– Ни фига Вы не одиноки! – раздался голос Хухры-Мухры, тащившего на горбе (Хухры-Мухры был от рождения горбат) юрту. Поставив юрту с подветренной стороны, он повторил:

– Ни фига Вы не одиноки. Потому что тут метрах в пятистах от нас Массовый Читатель шагает и такое несет!

– Как шагает? Как несет? – забеспокоился Деткин-Вклеткин. – Он ведь в Париже!

– Дожидайтесь! – сказал Хухры-Мухры, запахивая полог юрты снаружи.

Они пошли вдоль спичечной траектории и действительно увидели бодро шагающего на месте Массового Читателя. И скандирующего:

За ок-ном про-се-лок хму-рый
Да кро-та-ми взры-тый луг.
Я – пол-пред ли-те-ра-ту-ры
На пят-над-цать верст во-круг

– и так далее...

– Что это? – подойдя к нему вплотную, спросил Деткин-Вклеткин.

– Стихи, – подготовленно ответил Массовый Читатель.

– Кто написал? – строго отнесся Деткин-Вклеткин.

– Николай Дмитриев, – признался Массовый Читатель и покраснел.

Ситуация сделалась постыдной.

– Я лирику люблю, – из глубины души сказал Массовый Читатель. Потом застраховался: – И эпос.

– А лироэпос? – злобно вмешался не терпевший половинчатости Хухры-Мухры.

– И лироэпос, – пришлось сказать Массовому Читателю.

Тогда, подойдя к нему ближе некуда и заглянув в самые его глаза, беспорядочно разбросанные по лицу, Хухры-Мухры донельзя проникновенно поинтересовался:

– Любите ли Вы театр? – И, не дав себя перебить, строго добавил: – Любите ли Вы его так, как я люблю его, то есть всеми силами души Вашей?

Испугавшись возложенной на него ответственности, Массовый Читатель переспросил:

– Так, как ты?..

– «Как ты»... – передразнил Хухры-Мухры. – Не как я, а как... Виссарион Григорьевич Белинский, Сивка Вы Бурка!

Не поняв присутствия Сивки-Бурки, Массовый Читатель обвел своими многочисленными глазами всю честную компанию и с сожалением сказал:

– Я думал, вас уже медведи сожрали...

– А мы думали, Вы в Париже давно – и парижский воздух закружил Вам голову! Вы же… простите за выражение, посланы были… в Париж! Мановением руки... – с отчаянием напомнил Детки-Вклеткин.

– Дожидайтесь! – Массовый Читатель так и продолжал маршировать на месте. – Мановением руки... Да кое у кого руки коротки – в Париж меня посылать! Я сам кого хошь в Париж послать могу.

– Пошлите меня! – попросил доверчивый Случайный Охотник.

– А тебе зачем в Париж? – поинтересовался Массовый Читатель, как начальник ОВИРа.

– В Лувр бы сходил... – смутился Случайный Охотник

– Ты? – даже прекратил маршировать Массовый Читатель. – Ты – и Лувр... Ну, сам-то подумай!

Случайный Охотник отступил на шаг и честно, хоть и не очень впопад, произнес:

– Более противной морды, чем у Вас, я еще ни у кого не видел!

– Ну вот... грубить... – разочаровался Массовый Читатель. Он снова обвел глазами присутствующих и вздохнул: – Все-таки какие-то вы... недоделанные. – И тут же снова бодро замаршировал на месте и заскандировал:

Мно-го те-ми, мало ле-су,
Все труд-ней про-хо-дят дни,
А в дип-ло-ме что там ве-су!
Толь-ко ко-роч-ки од-ни...

– и так далее.

– Вы, позвольте спросить, почему маршируете все время? – осведомился Деткин-Вклеткин, беззастенчиво вторгнувшись в поэтический текст.

– Так чтоб не замерзнуть! – практично объяснил Массовый Читатель, легко переходя на прозу. – Северный ведь полюс.

– Не удалиться ли нам отсюда... в юрту? – предложил Хухры-Мухры. – Он тут и без нас окоченеет.

– Он никогда не окоченеет, он будет всегда, – заверил его Деткин-Вклеткин и вздохнул. – Если уж даже кое-кому, как он выразился, не удалось отправить его в Париж...

– Вы перестаньте-ка таким несчастным выглядеть! – строго пресек его печали Случайный Охотник. – Было бы из-за чего! Подумаешь, не удалось кое-кому его в Париж отправить... отправим его на тот свет – сами, делов-то воз!

Деткин-Вклеткин рассмеялся и спросил:

– Не Вы ли отправите его на тот свет?

– А хоть и я! – задорно сказал Случайный Охотник и вскинул ружье.

– Ну-ну... – поощрил Деткин-Вклеткин.

– Разрешаете? – оторопел Случайный Охотник, не подозревавший в Деткин-Вклеткине такой кровожадности.

– Конечно! – беззаботно улыбнулся тот.

Случайный Охотник прицелился. Хухры-Мухры зажмурил глаза и жалобно проговорил:

– Может, рано еще... сыро еще – как писал Пастернак?

– Да ладно, Пастернак! – махнул рукой Деткин-Вклеткин. – Пусть Случайный Охотник стреляет!

Хухры-Мухры открыл глаза и вгляделся в Деткин-Вклеткина с ужасом.

– Я... я не узнаю Вас, – пролепетал он. – Вы же тонкий были!

– Был, – подтвердил Деткин-Вклеткин и бросил на Массового Читателя взгляд, от тяжести которого тот чуть не потерял равновесие. – До встречи вот… с ним!

Хухры-Мухры покосился на Деткин-Вклеткина и подошел к медленно спускавшему курок Случайному Охотнику.

– Я против, – мужественно сказал он.

– Против чего? – прекращая спускать курок, отвлекся Случайный Охотник.

– Я против убийства, – вскинул голову Хухры-Мухры. – Мы не для того спички выкладывали, чтобы... чтобы оказаться такими!

– Какими? – опять не понял Случайный Охотник. – При чем тут спички-то?

– Каждый, кто выкладывал спички... – попытался, видимо, построить общеутвердительный силлогизм Хухры-Мухры, но построил только одну посылку: – ...человек! – Тут он основательно задумался: логика не была его стихией.

– Да не мучьтесь Вы, коллега, – помог ему Случайный Охотник и резво повторил:

Каждый, кто выкладывал спички, – человек.
Хухры-Мухры выкладывал спички.

Хухры-Мухры – человек.

– Я не о себе! – замотал головой Хухры-Мухры и кивнул в сторону Массового Читателя.

– А о нем... о нем чего же? – Случайный Охотник потрепал Хухры-Мухры по плечу, с которого тут же слетела сидевшая там полярная совка. –

Каждый, кто выкладывал спички, – человек.
Массовый Читатель не выкладывал спички.

Массовый Читатель не человек!

– Правильно! – сказал Деткин-Вклеткин на расстоянии. – Значит, давайте приканчивайте – и пошли в юрту.

– Да опомнитесь же Вы! – подбежал к нему Хухры-Мухры и схватил Деткин-Вклеткина за грудки, спрятанные под двойным тулупом. – Как можно! Мы ведь кто...

– Мы ведь кто? – заинтересовался Деткин-Вклеткин, отбирая и пряча грудки в двойной тулуп.

– Мы ведь... эти! Мы ведь гуманитарии!

– Ой, да бросьте Вы, в самом деле! – замахал руками Деткин-Вклеткин. – Какие же мы гуманитарии? Гуманитарии – они в очках и хороши собой. А мы без очков и уродливы. Так что мы технари.

Отойдя от Деткин-Вклеткина с непечатным выражением лица, Хухры-Мухры решительно приблизился к Массовому Читателю, встал между ним и Случайным Охотником и сказал:

– Стреляйте!

Случайный Охотник снова опустил вскинутое было ружье:

– Вы, Хухры-Мухры, ведете себя прямо как оппортунист... Ну, сами посудите: Вы предпочитаете смерть в обществе этого полярного слизняка жизни в нашем обществе!

– Ваше общество мне стало чуждо, – пламенным голосом сказал Хухры-Мухры. – Это общество убийц. – Тут он сделал паузу и ни с того ни с сего добавил: – Убийц и совратителей малолетних.

– А за последнее, – строго заметил морально стойкий Случайный Охотник, – я бы даже съездил Вам по ряхе.

– Вот и съездите, – нейтрально посоветовал Деткин-Вклеткин.

Позабыв защищать Массового Читателя, все еще бодро маршировавшего по снегу с Николаем Дмитриевым на пухлых устах, впечатлительный Хухры-Мухры снова бросился к Деткин-Вклеткину и снова взял его за грудки.

– Дались Вам мои грудки! – недовольно сказал Деткин-Вклеткин, опять надежно пряча грудки.

– Что с Вами случилось? – вскричал Хухры-Мухры. – Вы же были свет очей моих!

– Мне сначала ему по ряхе съездить или Массового Читателя застрелить? – поинтересовался Случайный Охотник.

– Все равно в каком порядке, только скорее уже, – попросил Деткин-Вклеткин.

Случайный Охотник подумал и, осуществив выбор, подошел к Хухры-Мухры. Он занес руку высоко над его ряхой и, как бы между прочим, заметил, что на этой мужественной ряхе не дрогнул ни один мускул.

– Бейте, – сказал Хухры-Мухры, отпуская грудки Деткин-Вклеткина. – Зря я все-таки Вас, Случайный Охотник, изо льда высек!

Случайный Охотник вздохнул и отправил кулак в направлении ряхи Хухры-Мухры. Кулак летел как камень – собранно, деловито и точно. Курс был определенно на область переносицы. Однако, замерев в миллиметре от нее, кулак вдруг начал падать вниз и – упал, не коснувшись Хухры-Мухры. Последний с удивлением проследил полет кулака раскосыми эскимосскими глазами.

Случайный Охотник опустил голову и внимательно рассмотрел кулак.

– Нормальный кулак... – заключил он. – Крепкий и эффективный. А летит плохо... Почему?

– Попытайтесь еще раз – или несколько раз, – порекомендовал Деткин-Вклеткин.

Крепкий и эффективный кулак опять устремился в область переносицы Хухры-Мухры – Хухры-Мухры даже подался вперед, чтобы кулаку не пришлось лететь особенно долго. И кулак некоторое время действительно порождал оптимизм, но в последний момент снова не оправдал ожиданий никого из присутствовавших.

– Может, Вы другой рукой?.. – посочувствовал ему Хухры-Мухры.

– Другой! – усмехнулся Случайный Охотник. – Другая у меня – знаете, какая слабая? Вы просто ничего не почувствуете!..

– Тогда опять пробуйте... – вздохнул Хухры-Мухры и подвинул ряху еще ближе к тому месту, где, как ему казалось, кулак пролетит на сей раз.

Надо ли говорить, что кулак проследовал прежней траекторией, не задев ряхи?

Если не надо говорить, то и не говорю.

В конце концов, Случайный Охотник рассмеялся:

– Просто не понимаю, что происходит! Я столько рях за свою жизнь поразбивал – вспомнить страшно. Но эта ряха... прямо всем ряхам ряха.

– Ну и оставьте ее, переходите к Массовому Читателю, – нетерпеливо сказал Деткин-Вклеткин.

Случайный Охотник вскинул ружье и без лишних слов начал спускать курок. Курок не спускался.

Массовый Читатель маршировал на месте и скандировал Николая Дмитриева:

И дев-чон-ка (вы уч-ти-те),
Лишь под ве-чер свет вклю-чу,
«Вы-хо-ди, – кри-чит, – у-чи-тель,
Це-ло-вать-ся на-у-чу!»

Закончив скандировать и, видимо, что-то живо представив себе, Массовый Читатель засмеялся похабным смехом, после чего сосредоточился и сдвинул брови – явно пытаясь вспомнить еще какую-нибудь лирику.

– Вы пальцем-то на курок указательным жмите! – чуть ли не рассердился Деткин-Вклеткин.

– А я чем, по-вашему, жму? Я пальцем и жму! Чем же еще можно жать – скажите на милость! – Теперь Случайный Охотник чуть не плакал. Он подошел совсем близко к Массовому Читателю и приставил дуло ружья к его виску.

Курок не спускался.

Неожиданно Случайный Охотник повернулся вправо – и выстрелил в пустое пространство. Ненароком оказавшийся там марал свалился на снег. Резко вернувшись в прежнюю позицию, Случайный Охотник снова занажимал курок.

Курок не спускался.

– Ну и жизнь настала... ни тебе по ряхе съездить, ни застрелить кого! – сказал Случайный Охотник с отчаянием.

– Что и требовалось доказать! – неожиданно расхохотался Деткин-Вклеткин.

Случайный Охотник и Хухры-Мухры посмотрели на него с интересом и недоверием.

– Да, да, да! – горячо заговорил Деткин-Вклеткин – так горячо, что под ногами у него захлюпало. – Тот психологический эксперимент, в котором мы все некоторое время участвовали, можно было назвать «Вот что делает с человеком приобщение к великой идее!» – Он выразительно, как Леонардо ди Каприо, посмотрел на Случайного Охотника. – Теперь, дорогой мой, Вы и сами видите, что Вы уже не прежний Случайный Охотник, стреляющий напропалую и поражающий случайными пулями кого придется! Теперь Вы не убиваете без необходимости... Охота для Вас теперь – это только средство не умереть от голода...

– А как быть с маралом, подстреленным без необходимости? – придрался без необходимости Хухры-Мухры.

– Я сейчас съем его, – пообещал Случайный Охотник и принялся освежевывать тушу. Освежевав ее, Случайный Охотник начал солить маралье мясо и, засолив, съел все без остатка. Шкуру животного Случайный Охотник высушил, свернул в рулон и протянул рулон Хухры-Мухры: – Вот. Будете нежиться... – сказал он, стесняясь своей щедрости.

– Спасибо, – растроганно сказал Хухры-Мухры. – Я всегда мечтал нежиться на шкуре, только я не умею этого... нежиться.

– Я покажу как, – пообещал Случайный Охотник и осмотрительно добавил: – Не здесь...

Хухры-Мухры благодарно кивнул и спросил Деткин-Вклеткина:

– А он, Случайный-то Охотник, что ж... больше и в голову мне стрелять не будет? У меня ведь уже вся голова как решето...

– Больше не будет, – твердо пообещал Деткин-Вклеткин. – У него теперь другие ценности.

– Точно, – сказал Случайный Охотник, – другие! Я это и сам чувствую.

– Какие же теперь у Вас ценности? – не без подозрительности спросил Хухры-Мухры.

– Более всего, – охотно отчитался Случайный Охотник, – я ценю равенство, братство и счастье всех народов на земле!

– *Всех* народов? – сраженный масштабностью обобщения, переспросил Хухры-Мухры.

– Всех без исключения, – подтвердил Случайный Охотник и на всякий случай добавил: – В том числе и многострадального эскимосского народа.

– А как насчет желания славы? – хитро подмигнул Деткин-Вклеткин.

Случайный Охотник вздохнул:

– Вот с этим по-прежнему проблемы. Хочется славы-то! Чтобы на одной стороне полосы – Мадонна, а на другой – я...

– Лучше я! – возразил Хухры-Мухры, тоже имевший с Мадонной личные счеты.

– С какой это стати – Вы? – заупрямился Случайный Охотник.

Оставим их, дорогой читатель, разбираться в том, кто из них более подходит в качестве спутника Мадонне, – оставим их!.. Они, так сказать, в своей стихии: привычные к морозу, умеющие позаботиться о себе... крепкие, как орешки-2, индивиды… Орудующие ледорубами и ружьями. Пожирающие маралов, песцов, нерп... Они разберутся с Мадонной и заживут себе дальше – орудуя, как ледорубами и ружьями, новыми своими ценностями: равенством, братством и счастьем *всех* без исключения народов на земле!

Но где же Деткин-Вклеткин? Тот самый Деткин-Вклеткин, который и есть главный герой нашего художественного произведения? Где он, спрашиваю я тебя, о мой читатель? Помнишь ли ты, о забывчивый, что он в последний раз Бог знает когда вкусил духовной пищи – и с тех пор ходит на тощий желудок? Поставь себя на его место... нет, положи себя на его место, ибо Деткин-Вклеткин уже прилег на лед, не в силах больше стоять на ногах. Положи себя на его место и себя же спроси: так ли уж неисчерпаемы человеческие силы?

Деткин-Вклеткин лежал на снегу. Картины детства возникали перед его глазами... Ленинград, брега Невы – причем левый и правый одновременно. И бегущая по брегам Невы на зов девочка в трусиках горошком... девочка по имени Марта. Зеленая Госпожа. Кро-

хотная фея необозримой Окружности из спичек. Это для нее он здесь... хотя, казалось бы, что́ Деткин-Вклеткину она, девочка в трусиках горошком? Это когда-то совсем давно, в незапамятные времена, единственной насущной необходимостью казалось ему найти ее и рассказать ей о том, что ничего другого, кроме Марты, Марты, Марты, не было в его жизни, но теперь... теперь это уже ни к чему. Их навеки связало общее дело – но его, Деткин-Вклеткина, роль в этом деле только что сыграна. Крохотная фея необозримой Окружности из спичек и ее беспокойный спутник в старомодном пальто будут довольны им... вот и славно! Деткин-Вклеткин закрыл глаза (внимание, читатель!).

– Опять и опять взываю к Вам: что Вас так гнетет? Чувствуете себя неважно? – Хухры-Мухры, теряя терпение, уже битую четверть часа тряс Деткин-Вклеткина за грудки.

Деткин-Вклеткин, из последних сил в третий раз пряча зябкие свои грудки под двойной тулуп, улыбнулся еле заметной улыбкой: такими улыбками улыбаются в предчувствии близкой смерти (внимание, читатель!).

– Да нет... Чувствую-то я себя отлично! – солгал Деткин-Вклеткин. – А гнетет меня то, что я уж, наверное, и не увижу (внимание, читатель!) – плодов труда тех, кто должен был двигаться нам навстречу. Не то работают они слишком медленно, не то сбились с пути. Но они будут здесь: они дотянут конец своей линии до начала

нашей, и тогда... – Тут силы оставили Деткин-Вклеткина, и он... (последнее предупреждение, читатель: потом не до того будет!) умолк.

– Вы погодите... это! – сказал Хухры-Мухры.

Деткин-Вклеткин не ответил: он лежал с закрытыми глазами.

– Вы... Вы почему не отвечаете-то, не отвечаете-то почему? – совсем встревожился Хухры-Мухры.

– Разве Вы что-нибудь спросили? – синими губами произнес Деткин-Вклеткин.

– Нет-нет... это я так, – пробормотал Хухры-Мухры и тяжело вздохнул.

Случайный Охотник, за время этого короткого разговора подстреливший и повяливший голубого песца, подошел к лежащему на снегу Деткин-Вклеткину и пригрозил:

– Если Вы сейчас же не съедите кусок мяса, я сам запихаю его в Вас!

– Вы стали человеколюбивым, – приоткрыл глаза Деткин-Вклеткин. – Но так и остались тупым.

– Вот-вот, – обрадовался Хухры-Мухры. – Я всегда говорил, что он тупой.

– Я не тупой, – обиделся Случайный Охотник. – Я просто недоверчивый.

– Как Вы связываете эти понятия? – слабо удивился Деткин-Вклеткин.

– Напрямую, – не мудрствуя лукаво ответил Случайный Охотник. – Я не верю, что можно наесться искусством... Я, в крайнем случае, готов поверить, что это хороший десерт, но в качестве основного блюда – не верю!

– Вы прямо как Станиславский! – провел тонкую аналогию образованный Хухры-Мухры.

– И пусть! – упрямо сказал Случайный Охотник. Потом он с состраданием посмотрел на Деткин-Вклеткина, потоптался около него со своим вяленым песцом и вдруг махнул рукой, положил вяленого песца на снег и хриплым фальцетом запел – причем на удивление точно:

Та-та-та-та, та-ра-ра, та-та,
Та-та-та-та, та-ра-ра, та-та,
Та-та-та-та, та-а-а-а-а,
Та-та-та-та, та-а-а-а-а...

Деткин-Вклеткин даже приподнялся на локте: он посмотрел на Случайного Охотника практически с ужасом. То, что пел Случайный Охотник, был фрагмент из «Лебединого озера».

Случайный Охотник потупил взор, сбросил унты и снял штаны из шкуры. Старые голые колени Случайного Охотника, мгновенно покрасневшие на морозе, выглядели некрасиво.

– Свихнулся, – констатировал Хухры-Мухры.

Случайный Охотник, не поднимая глаз, помотал головой, вздохнул как перед прыжком в воду и тихо сказал:

– Я «Танец маленьких лебедей» умею... петь и танцевать.

– Откуда... откуда? – только и выдохнул Деткин-Вклеткин.

– Меня семилетним на большую землю возили... один раз. Я там «Танец маленьких лебедей» по телевизору посмотрел. И запомнил...

Тут он смело взглянул Деткин-Вклеткину прямо в вытаращенные теперь глаза и с мукой сказал: «Ешьте... пожалуйста», – после чего быстро пошел по снегу на носочках, снова начав старательно выводить:

Та-та-та-та, та-ра-ра, та-та,
Та-та-та-та, та-ра-ра, та-та,
Та-та-та-та, та-а-а-а-а,
Та-та-та-та, та-а-а-а-а...

Его некрасивые коленки сгибались плохо, руки были неестественно вытянуты в правую сторону, как будто там, рядом с ним, стоял другой маленький лебедь... такого же преклонного, как и он сам, возраста, а за ним еще и еще один, общим числом четыре – их можно было чуть ли не всех разглядеть на ледяной поверхности... И они подпрыгивали под тоненькую хриплую музыку, старательно долбя пальчиками лед и с грациозным упорством перемещаясь – четыре шага вправо, четыре влево... как полагается у маленьких лебедей.

Танцовщик напряженно смотрел прямо перед собой, стараясь ни в коем случае не сбиться и не замечая, что пальцы его давно раз-

мочалены в кровь и что танцует он по тонюсенькой алой полоске, ни разу не оступившись ни вперед, ни назад.

Закончив танец, он совсем смутился, натянул штаны и унты, отошел в сторону и сел на снег, тяжело хватая ртом ледяной воздух. Потом медленно скосил глаза – в ту сторону, где лежал Деткин-Вклеткин.

Никакого Деткин-Вклеткина там больше не лежало. С тревогой вскинув голову, Случайный Охотник увидел, что разрумянившийся Деткин-Вклеткин уже стоит рядом с ним, на твердых ногах, – и глаза его блестят, как звезды.

– Спасибо... спасибо! – полным голосом сказал Деткин-Вклеткин. – Никогда в жизни, слышите, никогда я не получал такого... такого высокого эстетического наслаждения! И никогда не видел, чтобы Душа *так* танцевала. Мне этого, знаете ли, надолго теперь хватит...

– На сколько? – осторожно спросил Случайный Охотник.

Деткин-Вклеткин улыбнулся, ничего не ответив. Улыбка была кроткой.

Он подал Случайному Охотнику руку и повел его, прихрамывающего, по снегу – туда, где в отдалении от них сидел и плакал образованный эскимос Хухры-Мухры.

– Вы чего? – спросил Случайный Охотник.

– От радости, – сказал тот и бережно поправил последнюю спичку, завершавшую линию. – От радости, что это я высек Вас... тебя! – изо льда.

Обнявшись, они смотрели вдаль, откуда должна была тянуться встречная спичечная линия.

Вдали ничего не было. Кроме далекого белого льда.

– Мы проживем... – сказал вдруг Хухры-Мухры. – Мы дождемся. А если что... – тут он подмигнул Случайному Охотнику, – если что, так у меня тоже кое-что есть... в пищу. У меня в юрте есть девочка вышитая – с глазками, с носиком – как живая. А волосы – из шерсти песца. И муфта из шерсти песца... Тоже искусство, Вы не говорите!

– Мы и не говорим! – в один, причем все равно тихий, голос сказали Деткин-Вклеткин и Случайный Охотник.

Позади них раздался слабый крик. Обернувшись, они увидели Массового Читателя, о котором совсем забыли. Тот лежал на снегу, доскандировывая, видимо, опять Николая Дмитриева:

Ес-ли б не и-мел я слух и зрень-е –
Ро-ди-на б за-пом-ни-лась та-кой!

Пришлось броситься к нему и констатировать, что он при смерти.

– Он при смерти! – так и констатировал, правда, с какой-то странной интонацией, Хухры-Мухры. Потом спросил умирающего: – Да что с Вами?

– Не вынесла душа – поэта! – торжественно признался Массовый Читатель и тихо умер.

Вот как оно неловко, стало быть, получилось... Пришла-таки беда, откуда не ждали.

Ну и ладно, что ж делать теперь! Не всегда все выходит правильно – и ничего тут не попишешь. Хотя... кто ж знает, как оно правильно? Если прислушаться, например, к Ролану Барту, то очень даже начинает казаться, что читатель-то, собственно, и является главным героем художественного произведения. «Так обнаруживается целостная сущность письма, – утверждает Ролан Барт в статье под неприличным названием «Смерть автора», – текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является... читатель... сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст».

Автор художественного произведения приносит извинения за приведенный – в исполнение – фрагмент вышеупомянутой бартовской статьи... Зато теперь понятно, *какую* утрату мы с Вами понесли и почему именно с этого момента художественное целое неминуемо начинает разваливаться. Но тут что скажешь... всякое художественное целое обречено, ибо, увы, – не вечно!

ГЛАВА 27
Автор начинает осторожно закругляться, но так и не закругляется

Любой дурак знает, как это важно – вовремя уйти со сцены. Знает, а не уходит: стоит себе на сцене, стало быть, – (любой) дурак (любым) дураком и все чего-то медлит. Ему говорят: «Пошел вон со сцены!» – а он ни в какую! Этим любой дурак, собственно, и отличается от автора настоящего художественного произведения. Автор настоящего художественного произведения никогда не доводит ситуацию до критического состояния, ибо автору настоящего художественного произведения что важно? Чтобы его любили! А о какой же любви может идти речь, когда тебе говорят: «Пошел вон со сцены!»? О любви тогда идет речь, когда просят: «Не уходи со сцены! Останься хоть на миг!» В ответ же следует так вот равнодушно пообещать: «Ну, если только на миг...» – но обещания ни за что не выполнить.

Тут – незадолго до написания последнего (в жизни) предложения – автору настоящего художественного произведения сделали выговор: «Вы исчезаете, не успев появиться!» Но автор настоящего художественного произведения выговора не услышал, ибо к момен-

ту его произнесения давно исчез, оставив после себя запах сигареты «Lucky Strike», букет ни живых ни мертвых цветов, обертку от шоколадного батончика «Mars», отпитый кофе, ручку с отгрызенной ножкой, ножку с отгрызенной ручкой, тонкую фразу «Спойте что-нибудь» и хорошее впечатление. На улице была зима и падали крупные кукурузные хлопья.

Автор точно так же мог бы поступить и сейчас... но спокойствие, любезный читатель! Точно так же автор сейчас не поступит, ибо одно дело – частное лицо с выговором на губах и совсем другое дело – ты, любезный читатель. Для автора по большому счету не имеет значения, любит ли его частное лицо с выговором на губах, в то время как значение того, любишь ли автора ты, о мой читатель (см. выше – всё выше, и выше, и выше!), трудно переоценить. Я, конечно, могу *попытаться* переоценить... Например, следующим образом: значение того, любишь ли ты автора, так велико, как туфли сорок четвертого размера, надетые на ногу тридцать шестого. Как шляпа сомбреро, надетая на голову пигмея. Как макси-пальто, надетое на нового русского. Но – нет, нет и нет! Ничто не годится для сравнения, ибо значение того, любишь ли автора ты, о мой читатель, еще более велико. Оно в принципе неизмеримо. Оно несопоставимо ни с чем. И за то, чтобы ты, читатель, любил автора, тот готов расстаться с последней сорочкой – той самой, в которой родился и которой с тех пор не снимал... она, кстати, и стала темой одного широко известного впоследствии куплета:

«Хороша его сорочка
ровно песня – к строчке строчка!»

Даже *такой* сорочки не пожалеет автор ради читательской любви: чего не отдашь за нерешительно топчущуюся у твоих дверей с букетом нежных орхидей и без шапки в сорокаградусный мороз щуплую фигурку того, кто пришел принести тебе свою благодарность! Вот он, стало быть, заблаговременно сняв обувь и носки у входа в подъезд, босыми ступнями переминается у роковой черты и нервно сжимает в кармане измятый листок рыхлой тетрадной бумаги, на котором дрожащим почерком написано нехитро зарифмованное признание в любви к тебе, автору, – такого вот приблизительно содержания:

Писатель, я тебя люблю
и искренне тебя молю:
ты не ложи на стол пера
до позднЯ-вечера с утра!
Когда читаю я тебя,
то забываю я себя
и среди разных персонажей
рыдаю я, ловец мира́жей,
над блеском твоего ума –
небезграничного весьма.
А говорить о сердце коль,
то в твоем сердце – всех нас боль:
читаю – и как вновь рожусь,
но все никак не наслажусь,
и, словно айсберг, холодею –
воспринимая всей душой
твою идею!
Твой скромный почитатель

Уже просто вообразить, что это тебе, тебе одному – причем покойному, посвящает сей скромный почитатель свои простые строки, вполне достаточно, чтобы в голову бросилась – как обесчещенная девушка в омут – кровь!.. Даже притом, что внешне тебе, любимому писателю, в таких случаях пристало сохранять полное спокойствие, если не сказать равнодушие, отделываясь от – якобы! – докучливого поклонника заранее заготовленными на зиму нейтральными фразами типа: «Ну что Вы, право...», «Я этого не заслужил...», «Да ладно Вам!», «Скажете тоже!», «Вы еще тут рыдать начните!», «Ну всё, хватит!», «Хорош базарить», «Отвали, моя черешня!», «Иди отсюда, рогач!»... и другими подобными. В то время, как *на самом деле* ты почти не в силах сопротивляться горячему – как утюг с терморегулятором, поставленным на «лен», – желанию завалить сего скромного почитателя прямо тут, на пороге – и целовать его, целовать, целовать...

Каких только картин высокой страсти подчас не рисует развитое творческое воображение!

Ладно, оставим это... тем более что настоящее художественное произведение давно начало подходить к своему концу, и время закругляться. Между тем как тут у автора открытых сюжетных линий еще пропасть... кто ж их за него закрывать будет, Пушкин? Пушкин не будет: Пушкин и «Евгения Онегина»-то не дописал... Так что, кроме самого автора, закрыть доселе открытые сюжетные линии некому. Ну, тогда... автор сам за собой всё и закроет – причем сию же

минуту и начнет. И как примется закрывать одну сюжетную линию за другой – только щепки полетят!

Очнувшись после неудачного – или, наоборот, удачного, это с какой стороны посмотреть! – харакири, Умная Эльза сказала зрителям: «Концерт окончен», – скользнула счастливым взглядом по мертвому мужу с саблей в брюхе, весело улыбнулась и отправилась в Токио, на чайную церемонию, о которой она неделю назад прочитала в местной газете. Чайную церемонию объявляла жившая в столице дама в сиреневом кимоно, мать сорока детей. Причем объявляла ее только и исключительно для Умной Эльзы. В местной газете так и было сказано: «Чайная церемония в Токио только и исключительно для Умной Эльзы».

«Невежливо не пойти», – сказала себе Умная Эльза, согласилась с собой и поехала в Токио, купив на вокзале чипсов и, наконец, наевшись ими до отвала от платформы.

Дама в сиреневом кимоно встретила гостью не широко, но уютно распахнутыми объятьями. В них и упала Умная Эльза. Когда она очнулась, дама в сиреневом кимоно смотрела на нее влажными глазами.

– Расскажите мне о Нем! – попросила она.

– Что ж тут рассказывать? – усмехнулась Умная Эльза. – Он Бог.

– Я знаю, – сказала дама в сиреневом кимоно и вздохнула. – Я потому и не смогла с Ним жить. Жить с Богом – это кощунственно. Вы бы тоже не смогли.

– Я бы смогла, – зарделась Умная Эльза. – Тем более что я уже подготовилась: я посвятила себя Богу.

– Вы расчетливы, – улыбнувшись неестественной улыбкой, сказала дама в сиреневом кимоно.

– Да бросьте Вы! – улыбнулась естественной улыбкой Умная Эльза. – Кто ж рассчитывает на Бога?

– Что это мы с Вами все топчемся да топчемся! – захлопотала дама в сиреневом кимоно. – Присядьте, пожалуйста! На корточки.

– Прямо здесь? – смутилась Умная Эльза.

– Зачем же здесь? – укоризненно покачала головой дама в сиреневом кимоно. – Пройдите в дом... там и присядете на плоской подушке. Вы прямо как не японка!

– А я и... я не японка, – совсем смутилась Умная Эльза.

Воспитанная дама в сиреневом кимоно – в соответствии с древней японской традицией – сделала вид, что ничего не произошло, однако о ее подлинном отношении к высказыванию Умной Эльзы можно было судить по некоторым незаметным глазу европейца деталям: в частности по тому, с какой яростью она разодрала на себе кимоно... – и не только на себе, но и на Умной Эльзе, а также

на двух соседках, которых специально для этой цели быстренько навестила.

Отлично понимая: даме в разодранном сиреневом кимоно было бы неприятно сознавать, что гостья оказалась невольной свидетельницей ее гнева, – Умная Эльза (словно бы действительно ничего не случилось!) вошла в дом, отыскала плоскую подушку, измазанную чем-то сладким, и – чтобы не садиться непосредственно на гадкую эту подушку – присела на корточки рядом с ней, вперив взгляд во внешнюю, повернутую к ней, сторону бумажной ширмы ручной работы. На ширме, как об этом свидетельствовала надпись, был изображен третий глаз. «Первый и второй глаз, – следовало из той же надписи, – при желании можно увидеть на внутренней стороне ширмы».

– Какая прелесть! – сказала Умная Эльза, стараясь поскорее забыть о третьем глазе, взгляд которого переворачивал в ней все ее естество.

– Это мой... *наш* младший написал, Кикимото, хотя бумагу вощила я, – конфузливо потупилась дама в разодранном сиреневом кимоно. – Для рисунка на ширме он воспользовался тонкой кистью из волосков с затылочно-височной части годовалого хорька, обитающего в юго-западной части провинции Ю, а также органическим красителем, добытым Кикимото во время сражения на острове Сикоку из собственной крови... У него голубая кровь, – с достоинством закончила она.

– А Кикимото помнит... Его? – осторожно, стараясь не разрушить тихой поэзии вяло текущего мгновения, спросила Умная Эльза.

– Забудешь Его, дожидайтесь! – оглушительно расхохоталась дама в разодранном сиреневом кимоно. – Наплодил сорок человек детей и пустил по миру! Я тут одна из кожи вон лезла, чтобы дать всем им приличное образование... Тридцать девять адвокатов и один художник – это Вам не шутки!

Тут дама в разодранном сиреневом кимоно опять захлопотала:

– Ой, что же Вы чай-то совсем не пьете! – И из специального чайника она осторожно капнула зеленого чаю в чашку, стоявшую перед Умной Эльзой, – только одну каплю. Изловчившись, Умная Эльза просунула язык в чашку – и кончиком языка ей, в конце концов, удалось коснуться капли. Напиток был ароматным и обжигающим.

С ожогом третьей степени Умную Эльзу доставили в ближайшую больницу. Ею оказалась Центральная Токийская. Дама в разодранном сиреневом кимоно любезно проследовала за Умной Эльзой в палату. Там она сразу же украсила стены множеством небольших букетов скромных полевых цветов, заботливо собранных ею по пути.

– Как мило, правда? – залюбовалась дама в разодранном сиреневом кимоно плодами своего титанического труда.

– Мило, – с трудом ворочая распухшим языком, промычала Умная Эльза.

– А я ведь тоже видела Его недавно... издалека, – продолжая прерванный врачами разговор, вернулась к ускользнувшей было теме дама в разодранном сиреневом кимоно. – Он такой же, как и прежде... Боги, они все одинаковые!

– Как Вас зовут? – изловчилась спросить Умная Эльза.

– Ы Е, – запоздало представилась дама в разодранном сиреневом кимоно. – На диалекте токусю буракумин мое имя означает «*Тогда, когда мясистые сорняки целиком заполонили собой пространство старого сада, трудно ожидать, что на заросших клумбах вскоре поднимутся крепкие стебли цветов невиданной красы, ибо красота не есть нечто, возникающее само собою, – она представляет собой результат долгого и кропотливого труда многих и многих поколений заботливых рук и любящих сердец*».

– Красивое имя! – щедро оценила перевод Умная Эльза.

– Ему бы тоже понравилось, я уверена, – потупилась Ы Е. – Боги такое любят... – Она подпрыгнула до потолка и осторожно поправила один из букетов на гребне восточной стены палаты. – А знаете, почему я не подошла к Нему, когда Он приехал в последний раз, и я была всего в каких-нибудь двух шагах от Него? Я потому не подошла, что подумала: «Да на кой Он мне сдался!»

– Хорошая мысль... – Умная Эльза едва заметно вздохнула про себя.

– Почему Вы едва заметно вздохнули про себя? – тут же спросила наблюдательная Ы Е.

– Да так... – поспешила откликнуться Умная Эльза и, как бы извиняясь, заметила: – Язык очень болит, говорить немножко трудно.

– Так у всех после моего чая бывает, – успокоила ее Ы Е. – Я в эту палату уже как на работу прихожу. Мне даже деньги платить недавно начали – за то, что я ухаживаю за жертвами.

Тут она забралась в рот Умной Эльзы и промыла ей язык настоем полевой ромашки. Потом спросила:

– А Вы с Ним давно знакомы?

Умная Эльза помотала головой.

– Целовались?

Умная Эльза кивнула.

– Язык бы Вам за это оторвать! – гневно крикнула Ы Е и опять полезла в рот Умной Эльзе, но та сжала зубы и на сей раз Ы Е не пустила.

– Мы только... Он только один раз меня поцеловал, – сказала Умная Эльза, заливаясь малярной краской стыда. – И то в письме. Он написал: «Целую».

– Каков подлец! – посочувствовала не то Умной Эльзе, не то себе самой Ы Е. – Детей, надеюсь, Он Вам в письме не наделал?

– Пока нет, – тяжело вздохнула Умная Эльза. – Но я бы очень хотела от Него ребеночка... хоть маленького!

– А Вам зачем ребеночек – тем более маленький? – подозрительно поинтересовалась Ы Е.

Умная Эльза задумалась.

– Мальчик для дела, – сказала она через некоторое время, – а девочка для развлечения.

– Как – для развлечения? – возмутилась Ы Е. – Девочку тоже в дело пустить можно: пусть шьет чего-нибудь, стряпает...

– Вы практичная, – сказала Умная Эльза. – Странно, что не все сорок Ваших детей стали адвокатами. Или зубными техниками... тоже хорошая практика.

Ы Е посмотрела на нее с удивлением:

– Вы говорите, как Он... причем слово в слово! Однажды, много лет назад, пристально посмотрев сначала на меня, а потом на сорок наших детей, Он тоже вдруг сказал: «Настанет время – и все они станут адвокатами. Или зубными техниками... тоже хорошая практика». Тогда все и началось... А потом появилась она!

– Кто?

– Да так... вертихвостка одна!

– Красивая? – через силу поинтересовалась Умная Эльза.

– Какое там!.. – махнула рукавом разодранного сиреневого кимоно Ы Е. – Обычная вертихвостка. Единственное, чем она отличалась от других, было то, что она жила под крышей.

– В принципе... все живут под крышей, – попыталась оправдать неизвестную ей особу Умная Эльза.

– Да, но не все летают! – раздраженно ответила Ы Е.

– Она... она летала? – чуть не проглотила опухший язык Умная Эльза.

Ы Е сокрушенно кивнула.

– И не просто летала... но летала как сумасшедшая! Особенно перед дождем.

– Я не умею летать... – По щеке Умной Эльзы сбежала в неизвестном направлении слеза.

– Он тоже не умел – и страшно мучился. Бывало, впадет в задумчивость – и сидит в таком состоянии часами. Спросишь Его: «В чем дело?» – а Он в ответ: «Я не умею летать!»

– Как я Его понимаю! – скосив глаза к носу и внимательно следя за направлением побега следующей слезы, сказала Умная Эльза.

– А я не понимала! – взбудоражилась Ы Е. – У нас было сорок детей по лавкам – младшему было тогда шесть лет, а старшему пятнадцать!

– Как же так случилось? – попыталась сделать необходимые расчеты и тут же отказалась от этой затеи Умная Эльза.

– Я же не по одному их рожала! – почти обиделась Ы Е. – По одному рожать – это никакой жизни не хватит!

– Извините... – извинилась Умная Эльза и замолчала.

Что касается Ы Е, то она отнюдь не замолчала. Раздирая на входящих и выходящих белые халаты, что безмолвно свидетельствовало о ее душевном волнении, Ы Е продолжала свое бесстрастное повест-

вование о том, как сначала в доме кончились все овощи и все фрукты, потом все молоко, весь кефир и все масло, потом все мясо и вся рыба, потом все печенье и весь шоколад, потом все крупы и вся мука и, наконец, все сухари с маком... Осталась только острая приправа в порошке – порошком этим, разбавляя его в холодной воде, мать и кормила детей. Особенно тяжело приходилось младшему. «Видимо, потому он и не стал адвокатом... Он всегда немножко отставал в развитии», – пояснила мать-героиня, сохраняя внешнее спокойствие, но раздирая при этом рубашку на случайно вошедшем в палату главном враче.

Младшего мутило от острой приправы, разбавленной холодной водой, но положение оставалось еще до какой-то степени терпимым... Однако вскоре оно перестало быть таковым: когда в один страшный день мать увидела, что ни ей, ни детям больше нечем прикрыть бренные их тела. А Он... этот всеобщий любимец Он! – Он ничего не замечал. Ему, видимо, казалось, что так оно и должно быть – и что если уж Ему самому все равно, есть или не есть, носить одежду или не носить, то и всем остальным это должно быть безразлично. Из школы, где учились дети, начали приходить учителя: интересовались, почему мальчики являются на занятия нагими... Он отвечал учителям, что красота детского тела всегда была источником вдохновения великих художников прошлого, и извинялся перед учителями за то, что Его собственное голое тело, которое Он предъявлял им, уже давно не детское. Учителя и Он говорили на разных

языках... они – по-английски, а Он – на латыни... причем иногда на вульгарной. Некоторое время спустя все вокруг начали судачить о том, что детей лучше отдать в детский дом, а родителей – во взрослый. На бесконечные просьбы сделать хоть что-нибудь Он отвечал смешками – или вообще ничего не отвечал, а в одно осеннее утро раздал домашним по паре бумажных крыльев, которые почти три года вырезал и приспосабливал к законам аэродинамики. Он сказал, что сейчас – прямо на новых крыльях – все они улетят на юг, и показал, как надевать крылья и как летать...

– Но я-то не дура была... – вдруг призналась в сокровенном Ы Е, – я понимала, что эта катавасия с крыльями нужна только для того, чтобы всей семьей лететь за Его капризной вертихвосткой, которую, видите ли, перестала устраивать местная погода! И я запретила мальчикам пользоваться крыльями, хотя некоторые из них – в основном малыши – уже нацепили их на спины и приподнялись над землей. Он, помню, сказал тогда, что наши мальчики напоминают ангелов... Но я быстро ссадила детей на землю, сорвала крылья, разодрала их в клочья и растоптала! А Он, прижимая к груди крылья, вырезанные Им для себя, смотрел на меня такими глазами, как будто я раздирала в клочья полотна Лукаса Кранаха Старшего... Потом я сказала детям: «Мы уходим, дети. Но не на юг, а на восток... чтобы больше никогда не видеть это чудовище». Дети сильно плакали: они, по молодости, очень любили Его. Но Богов все любят, в этом нет ничего удивительного. А дальше... дальше мы прибыли в

Японию, ибо ничего восточнее Японии в мире нет, и я устроилась уборщицей, а уже через несколько лет получила высокую награду – медаль, на которой было выгравировано «Уборщица Всей Японии».

– Вы одна убирали *всю* Японию? – против воли перебила Ы Е Умная Эльза.

– А чего ее убирать-то особенно? – рассмеялась Ы Е. – Она и так чистая!

Они помолчали.

– Я ненавижу Вас, – вдруг сказала Умная Эльза, на сей раз прекрасно справившись с распухшим языком.

– За что? – удивилась Ы Е.

– За все такое, – честно ответила Умная Эльза.

– Ну, за это меня многие ненавидят! – рассмеялась Ы Е. – Вот и Кикимото тоже...

– Чем он сейчас занимается? – спросила Умная Эльза.

Ы Е покраснела, как балерина из балета Бориса Асафьева «Пламя Парижа».

– Совестно сказать... – вздохнула она, но сказала: – Кикимото где-то за границей, работает над первым в своей жизни монументальным проектом, громадной инсталляцией под названием «Купол Европы»... – Тут Ы Е – против японских традиций – зажмурилась и, глотая слезы стыда, закончила: – ...из яичной скорлупы. – Не в силах долее сдерживать себя, она почти выкрикнула: – Из скорлупы десяти тысяч семисот пятидесяти биллионов яиц!

Умная Эльза с облегчением вздохнула. Жизнь вдруг показалась ей бесконечно прекрасной. В проеме двери она увидела главного врача в новой с иголочки рубашке, делавшего ей какие-то знаки. Умная Эльза сразу поняла, что ее выписывают и что теперь она вольная птица.

– Я вольная птица, – сказала она Ы Е, – и я улетаю от Вас!

– Погодите! – закричала Ы Е. – Вы же еще не рассказали мне про Него... как Он сейчас? Что он делает?

– Он так и остался Богом... Японским Богом, – откликнулась Умная Эльза с подоконника и сиганула вниз с седьмого этажа Центральной Токийской Больницы.

Летать Умная Эльза не умела.

Уже во время падения она вспомнила об этом... об этом и многом другом, пережитом ею, – и непосредственно перед смертью задала себе вопрос: «А не напрасно ли прожита моя жизнь?» Вопрос был трудным, ибо состояние отрезка Абсолютно Правильной Окружности из спичек на территории Японии явно оставляло желать лучшего. Монументальная композиция из спичек «Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную», украшающая Национальный Парк, вне всякого сомнения, была самим совершенством, но при этом явно не тем, чего ждал от Умной Эльзы Японский Бог, командировав ее сюда... Может быть, задуманное ею самое красивое харакири в истории Японии и в самом деле убедило бы Японского Бога в том, что композиция из спичек в Националь-

ном Парке способна соперничать с Правильной Окружностью из спичек, но теперь... что ж теперь говорить о харакири! И все-таки, все-таки, все-таки... как посмела она, Умная Эльза, настолько забыться, настолько поддаться творческому экстазу, чтобы принести в жертву пусть и совершенной композиции самую величественную из идей человечества – идею Абсолютно Правильной Окружности из спичек?

Почти касаясь асфальта целым еще черепом (а она летела черепом вниз), Умная Эльза никак не могла найти ответа на мучительный свой вопрос. Она с трудом опустила глаза к небу, словно надеясь прочитать ответ там – среди белых облаков, сосредоточенно плывших над Токио. Но ответа не было и в облаках.

Тогда Умная Эльза решила за оставшееся от ее непонятной жизни время написать Японскому Богу письмо и честно рассказать ему в этом письме о том, насколько сильно повлияла на нее своеобразная японская культура и как своеобразная эта японская культура изменила все ее представления о должном. Изловчившись на лету, Умная Эльза выхватила из широких складок кимоно небольшую пачку рисовой бумаги, баночку с тушью, новую кисть и принялась выводить по гладкой рисовой поверхности:

«О, Японский Бог!

В каких же все-таки странных условиях происходит иногда эпистолярный контакт!

Я вспоминаю Тебя, когда-то писавшего мне на спине Марты в полете к Парижу... Теперь – моя очередь, и уже в первых строках моего письма я должна извиниться перед Тобой за мой, может быть, не очень разборчивый почерк: дело в том, что в настоящий момент я уже практически касаюсь черепом асфальта, ибо сиганула с седьмого этажа Центральной больницы города Токио, почувствовав себя вольной птицей, но забыв о том, что не умею летать. Впрочем, я все же надеюсь, что то положение, в котором сейчас находится мое тело, необязательно так уж пагубно отразится на моем с детства красивом почерке, чтобы он сделался совсем нечитаемым...

Падая вниз, я успела хорошенько поразмыслить о многом, многое пережить заново и многое понять...

Моя безбедная, но пустая жизнь в родном городке, моя маленькая должность телеграфистки волею судеб приняла в один прекрасный – я повторю это слово: прекрасный! – день совершенно неожиданный оборот. Величайшая из идей человечества – идея построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек – ворвалась в мою жизнь и осенила ее – сначала своим крылом, а потом – Твоим поцелуем, Японский Бог... Смыслом моего земного существования и стала с тех пор она – Абсолютно Правильная Окружность из спичек в масштабе восточного полушария. О, я была по-настоящему счастлива, ощущая величие возложенной на меня миссии – отвечать за японскую часть Окружности.

...

Когда Ты снова посетишь Японию, о Японский Бог, ты увидишь, какой своеобычный вид приняла эта идея, величайшая из всех идей человечества, здесь, в местных условиях... "Что же случилось?" – спросишь Ты себя, созерцая бескрайнюю композицию "Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную" в Национальном Парке Токио. "Что же случилось, – повторишь Ты, – и куда смотрела командированная мною в Японию Умная Эльза в те долгие месяцы, когда вместо отрезка Правильной Окружности из спичек японцы выкладывали из тех же спичек композицию "Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную"? Отвечаю Тебе, о Японский Бог: в те долгие месяцы, когда вместо отрезка Правильной Окружности из спичек японцы выкладывали из тех же спичек композицию "Никогда и ни при каких обстоя-

тельствах не забудем мать родную", Умная Эльза пристально смотрела в глубины японской души. И там, в глубинах японской души, видела Умная Эльза неизбывный творческий потенциал великого японского народа, от веку не повторявшего путей других народов мира.

Много бессонных ночей провела я в раздумьях над тем, имею ли я право пойти вразрез с национальными традициями и принудить японцев к исполнению пусть и божественной, но в корне непонятной им воли? Прости, Японский Бог... я не дала себе такого права. И, когда в ответ на мое распоряжение построить прямую линию, концы которой должны совпасть с концами других, тянущихся с обеих сторон прямых, японский народ осторожно переспросил меня: "Прямую линию – или... или то, что мы понимаем под прямой линией?", – у меня не хватило духу повторить свое распоряжение, и я просто сказала: "Построй то, что ты понимаешь под прямой линией, великий японский народ". Сердце мое обливалось при этом слезами, ибо я доподлинно знала, что великий японский народ все понимает не так, как другие...

Почти ударившись уже черепом об асфальт, я молю Тебя, Японский Бог: вглядись в то, что построил великий японский народ! Не подходи к композиции "Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную" предвзято – и тогда, я уверена, ты увидишь, как вижу сейчас и я: то, что украшает поверхность Национального Парка в Токио, и есть безупречная линия... причем в самом высоком и торжественном смысле этого слова. Пусть концы ее в грубой земной реальности никогда не совпадут с концами других линий, но в той высшей, трансцендентной реальности, ради которой, может быть, только и стоит жить и умирать, композиция из спичек "Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную" окажется идеальным средостением тянущихся к Японии с севера и юга прямых.

Мир Тебе, Японский Бог, и... прости, если я не оправдала Твоих ожиданий.

Твоя Умная Эльза»

Выхватив из широких складок кимоно конверт и почтовую марку, Умная Эльза поспешно приклеила марку к конверту и надписала адрес: «Париж...» и так далее.

Но когда письмо уже полетело в Париж, а тело Умной Эльзы находилось всего в каких-нибудь миллиметрах от твердой поверхности асфальта (притом, что голова уже практически лежала на нем), она вдруг подумала, что не дождаться ответа Японского Бога будет ужасным хамством с ее стороны... В ту же самую минуту – по *удивительно* счастливому совпадению – подумал кое о чем и автор настоящего художественного произведения! А подумал он о том, что закруглиться прямо здесь было бы, в свою очередь, ужасным хамством с его стороны.

ГЛАВА 28
Стремительная развязка – причем развязывается отнюдь не то, что было завязано

...как оно, в общем, всегда и бывает! Ибо то, что действительно было завязано, потом уже обычно не развязать никакими лошадиными силами.

Приведу только один пример.

Когда в далекие времена только что рожденному тогда автору настоящего художественного произведения завязали пупок, автор не сразу понял, что это уже на веки вечные, и незамедлительно принялся его развязывать своими еще слабыми и не очень цепкими пальцами. Противный пупок выскальзывал и не давался. Разумеется, автору настоящего художественного произведения так и не удалось в тот день развязать пупок. Однако самое примечательное – что не удалось ему развязать его и никогда впоследствии, хотя соответствующие попытки предпринимались им на протяжении всей его многострадальной жизни, причем не сказать чтобы редко – даже напротив, весьма часто: раз в сутки на тощий желудок, если быть точным. Последняя из таких попыток была предпринята незадолго перед смертью: тогда автор настоящего художественного произведе-

ния бросил уже просто все свои оставшиеся силы на пупок, но тот только усмехался и время от времени хмыкал: знай, мол, наших! Отчаявшись, автор пригрозил противному пупку кухонным ножом-пилой для резки сырого мяса, но пупок только покрутил пальцем у виска, что означало приблизительно следующее: а в своем ли ты, дескать, уме, толстолобик? И автор снова вынужден был признать себя побежденным в битве с пупком.

На примере этого противного пупка легко увидеть, что рассчитывать на удачу при развязывании ранее завязанного практически не приходится. Однако вполне можно рассчитывать на то, что именно при развязывании ранее завязанного – случайно! – удастся развязать нечто совершенно иное.

Вернемся опять к пупку. В процессе его последнего развязывания (неудачного, как уже сказано выше), автор настоящего художественного произведения совершенно неожиданным для себя образом развязал руки двум преступникам, которым хватило нескольких минут, пока автор занимался противным пупком, чтобы ограбить местное отделение Унибанка и незаметно ускользнуть в машине марки Фиат Пунто под красивым номером УХ 66 666 с несколькими десятками тысяч крон от восхищенных глаз правосудия.

Вот почему автор настоящего художественного произведения, приступая к развязке, отнюдь не намеревается ставить перед собой нереалистической цели развязать то, что было ранее завязано – причем им же самим. Он, конечно, попытается – как в случае с пре-

словутым противным пупком – сделать это, однако прекрасно отдает себе отчет и в том, что попытки его не увенчаются успехом, и в том, что в ходе попыток этих им будет спонтанно развязано нечто на стороне. Даст Бог, на родной стороне... на родной сторонке!

Новый идол Парижа, восхитительная Galya Ili Valya, медленно шла по подиуму, непринужденно помахивая по лицам парижской богемы турнюром от Жан-Плода Труда. Из первого ряда – неизвестно как прорвавшись сюда – на нее с обожанием смотрела Ядреня Феня, стилизованная под Galyu Ili Valyu столь искусно, что трудно было сказать, кто из них настоящая: та, что помахивает по лицам парижской богемы турнюром от Жан-Плода Труда, или та, что с обожанием смотрит на нее из первого ряда.

– Интересно, кто из нас настоящая? – спросила помахивающая по лицам парижской богемы турнюром от Жан-Плода Труда сидящую в первом ряду и сама себе ответила: – По-моему, скорее, ты, чем я!

– А по-моему, – ответила сидящая в первом ряду помахивающей по лицам парижской богемы турнюром от Жан-Плода Труда, – скорее, ты, чем я!

Среди парижской богемы началось легкое замешательство: парижская богема перестала знать, на кого смотреть, и растерянно переводила глаза с помахивающей по лицам парижской богемы турнюром от Жан-Плода Труда на сидящую в первом ряду. Наблю-

давшему за беспорядками из-за кулис Жан-Плоду Труда все это нравилось меньше, меньше и меньше – до тех пор, пока не разонравилось полностью.

Он подошел к сидящей в первом ряду и хотел сказать «Ну вот что, милочка!», но сказать «Ну вот что, милочка!» не смог, ибо внезапно понял, что язык у него не поворачивается произнести «Ну вот что, милочка» сидящей в первом ряду. Ибо сидящая в первом ряду была... Galya Ili Valya! Поэтому вместо того, чтобы сказать «Ну вот что, милочка!» он сказал: «Ну вот что, Galya Ili Valya», – окончательно запутав парижскую богему.

В этот момент помахивающая по лицам парижской богемы турнюром от Жан-Плода Труда громко расхохоталась – и, повернув к ней лицо, Жан-Плод Труда неожиданно для себя повторил: «Ну, вот что, Galya Ili Valya», – сделав ситуацию совсем безнадежной.

Тут, как будто только и дожидаясь, когда кто-нибудь сделает ситуацию совсем безнадежной, мириады Gal' Ili Val' повскакали со своих мест в зале и кинулись к подиуму.

– Какая, какая же из них моя? – психически невменяемо вскричал Жан-Плод Труда, начисто забыв о том, что на *его* Galya Ili Valya был сработанный им на славу турнюр.

– Мы все твои! – ответили хор Gal' Ili Val', и они опрометью бросились к Жан-Плоду Труда: обнимать и целовать.

– Это профанация моей неповторимости, – сказала подлинная Galya Ili Valya, но никто ее не услышал, ибо то, что она подлинная, находилось теперь под большим вопросом.

– Забудьте о своей неповторимости, – услышала она около себя знакомый голос. – Ваша неповторимость растиражирована массовым вкусом. Пора уносить ноги, пока парижская богема не разгундосилась.

Предложение было сделано как нельзя более вовремя: один из представителей парижской богемы уже практически разгундосился... дескать, пригласили смотреть неповторимое, а какое же это неповторимое, когда такого неповторимого полон зал!

Не оборачиваясь, Galya Ili Valya позволила сильной руке, державшей ее за локоть, вывести себя из зала. Уже на улице, далеко от места происшествия, она посмотрела на спутника. Перед ней стоял Редингот. От смущения Galya Ili Valya уставилась в небо: по небу плыла мрачная туча. Сравнив мрачность тучи с мрачностью Редингота, Galya Ili Valya сказала:

– По-моему, Редингот, Вы мрачнее тучи!

– Определенно мрачнее! – от всей души согласился Редингот.

– А чего так? – наивно, как пичуга, спросила Galya Ili Valya .

– Вы где сейчас должны быть? – вопросом на вопрос не ответил на вопрос Редингот.

Galya Ili Valya соединила брови на переносице (прибегнув к помощи пальцев, ибо брови у нее были короткие, как штанишки до-

школьника), потом в отчаянии ударилась о сыру землю и обернулась Кузькиной Матерью. Обернувшись же ею и с ужасом осознав, как низко она пала, Кузькина мать с тем же ужасом произнесла:

– Боже, как низко я пала!

– Где спички? – брезгливо спросил Редингот: он не выносил истерик.

– Спички... – Кузькина мать закусила губу и поспешно проглотила ее.

– Вы язык, смотрите, не проглотите, – предупредил Редингот. – А то отвечать будет нечем перед судом истории.

Только что собиравшаяся поступить именно таким образом, Кузькина мать все же убоялась стоять перед судом истории чуркой бессловесной.

– А на какое число назначен суд истории? – с испугом спросила она, стараясь избегать губно-губных звуков.

– На сегодняшнее, – сказал Редингот.

– Я не готовилась, – предупредила Кузькина мать.

– По дороге подготовитесь, – утешил ее Редингот и повел в направлении Зала Суда Истории. Кузькина мать непристойно дрожала всем телом. Редингот не выдержал и пяти минут:

– Вы чего дрожите всем телом?

Кузькина мать расхохоталась:

– Вот поистине странный вопрос… суда истории боюсь – потому и дрожу всем телом!

– Суда истории кто ж не боится? – неуклюже утешил ее Редингот.

– И Вы боитесь? – задрожав от такого признания не только всем телом, но и всей душой, прошептала Кузькина мать.

– Еще бы! – засмеялся Редингот. – Правда, меня на него пока не вызвали. В отличие от Вас, – мелочно подчеркнул он, хоть от природы, как мы знаем, и не был мелочным.

– От меня одной? – уточнила Кузькина мать.

– Да нет, с сообщниками…

– Не было, не было у меня никаких сообщников! – колоратуркой запричитала Кузькина мать, испытав приступ любви к Ближнему и Сын Бернару.

Редингот промолчал – из нелюбви к колоратурному сопрано как к таковому.

В Зал Суда Истории набилось столько народу, что подсудимых практически не было видно.

– Простите, тут случайно не Вас судят? – вежливо обращались друг к другу собравшиеся, но выяснить, кого судят, так и не могли. Во всяком случае, до появления Редингота с Кузькиной Матерью. В ней парижане без труда опознали своего нового идола и закричали:

– Да это ж Galya Ili Valya! Ее судить будут! Допрыгалась, значит, стерва.

Такой резкий переход парижан от их непонятной любви к их же непонятной ненависти ничуть не удивил Кузькину мать: она знала, что от любви до ненависти один шаг.

– Погодите, погодите! – внес ясность Редингот. – Судить будут не только ее. Судить будут и других тоже. Разве их не доставили?

– Доставили! Только нас плохо видно среди человеческих масс… – откуда-то отозвались Ближний и Сын Бернар.

Человеческие массы покраснели от стыда и поспешно расступились – отчасти чтобы Ближнего и Сын Бернара стало лучше видно, отчасти – чтобы кого-нибудь случайно не засудили вместо этих двоих.

Подведя Кузькину мать к Ближнему и Сын Бернару и поставив ее рядом с ними, Редингот сказал:

– Ну, вот… А где Марта?

– Ее тоже судить будут? – заломила ноги Кузькина мать, от ужаса перепутав их с руками.

– Вы что – совсем с ума сошли, Кузькина мать? – возмутился Редингот. – Во-первых, заломите то, что следует заломить, в противном случае Вы сейчас упадете, а во-вторых, за что ж Марту-то судить, сами подумайте… Она ведь Зеленая Госпожа!

– Это ничего не значит, что Зеленая Госпожа! – пробившись к Рединготу сквозь человеческие массы, гневно возразила Марта. – Пусть и меня судят вместе с ними…

Человеческие массы зашушукались. Потом воцарилось напряженное молчание.

– С Вами все в порядке? – глядя Марте прямо в глаза, осторожно спросил Редингот.

– Не всегда, – как на духу ответила Марта. – Иногда мне кажется, что… – Тут она разрыдалась.

– А я знаю, *что* ей кажется! – нагло влезла в этот интимный, в общем-то, разговор Кузькина мать.

– Вас не спрашивают! – напомнил ей Редингот.

– Да меня никогда не спрашивают, – вздохнула Кузькина мать, повернулась к Марте, и, обняв ее, спросила: – За Вас продолжить, голубка моя?

Марта кивнула и зажмурилась.

– Марте иногда кажется, – не заставила себя дожидаться Кузькина мать, – что она беременна.

Человеческие массы в недоумении переводили глаза с пупка Марты на губы Кузькиной матери и, в конце концов, спросили:

– Вы-то откуда знаете?

– Я мать, – просто объяснилась Кузькина мать, – и потому знаю все.

В воздухе вдруг чем-то сильно запахло – впоследствии оказалось, что это был запах скандала. Стараясь не вдыхать, Редингот приблизился к Марте и, неизвестно зачем, потрогал серьгу в ее ухе.

– Утеша-а-ает, – умилились человеческие массы и тут же примилились обратно.

Внезапно на весь зал раздался тихий голос собаки:

– Не стыдно Вам, Редингот?

Сказав так, Сын Бернар вперил в Редингота взгляд прокурора.

– Здесь, простите, все-таки кого судят, – поинтересовались человеческие массы, – и за что?

– Да теперь уж трудно сказать, – поспешил им на помощь Ближний. – Сначала, вроде, хотели меня и вон его, – Ближний кивнул на Сын Бернара, – ну, и Кузькину мать еще. Нас троих предполагалось судить за измену величайшей идее человечества…

– А какая у человечества величайшая идея? – заодно уж снова поинтересовались человеческие массы.

Ближний помялся, как вафельное полотенце, запихнутое в школьный пенал, и публично признался:

– Я забыл.

– Как насчет двух других? – осведомились человеческие массы. – Они тоже забыли?

Ближний кивнул всем телом: это, вне всякого сомнения, означало «да» – и даже «о, да!».

– Стыдно должно быть не Рединготу, а мне! – вернулась к прерванной теме Марта.

– Нет, Рединготу! – прорычал Сын Бернар, не спуская с Редингота прокурорского взгляда. – Я с самого начала настоящего художе-

ственного произведения знал, что это прыгание без штанов по страницам романа небезопасно!

– Но я не от Рединготa беременна! – воскликнула Марта, не столько защищаясь, сколько защищая.

– Простите, суд уже идет? – опять вмешались в щепетильную ситуацию человеческие массы.

Это окончательно вывело Рединготa из себя.

– Человеческие массы, – рявкнул он так сильно, что человеческие массы чуть не превратились в каловые, – заткнитесь пока! Тут и без Вас тошно.

Человеческие массы на время заткнулись.

– Как это не от Рединготa? – чуть не подавился своим же вопросом Сын Бернар. – Вы же с ним с самого начала… как попугаи-неразлучники!

– Не все попугаи-неразлучники находятся в половых отношениях! – вступилась за соответствующий класс птиц Кузькина мать с такой страстью, словно сама была представительницей того же класса.

Щепетильная ситуация сделалась безвыходной. В поисках выхода Сын Бернар задал прямой вопрос:

– От кого же Вы беременны, Марта?

– Можно узнать, кто тут кто? – опять встряли человеческие массы. – Какой-то совершенно ненормальный судебный процесс: неиз-

вестно даже, кто судья, кто прокурор, кто адвокат, кто обвиняемый, а кто присяжные заседатели!

Игнорируя потребности человеческих масс в знании, Марта с огорчением взглянула на Сын Бернара:

– Вы, дорогой мой Сын Бернар, страшно опростились за последнее время. Раньше Вы никогда бы не задали такого личного вопроса… Вы раньше деликатный были.

Повернувшись мордой к Ближнему и Кузькиной матери, Сын Бернар взревел:

– Слышите? Я раньше деликатный был! Это вы опростили меня. Правильно говорят: с кем поведешься, от того и наберешься.

Пристыженные, Ближний и Кузькина мать смотрели в пол.

– А какой бы вопрос я задал… раньше, когда еще деликатный был? – ностальгически спросил Сын Бернар, не решаясь повернуться мордой назад к Марте.

Марта как следует подумала и сказала:

– Вы могли бы, например, спросить меня: с кем же, с кем, о Марта, делили Вы свои веселые часы?

Сын Бернар всхлипнул:

– Неужели я мог бы задать этот вопрос? Неужели я действительно был так деликатен, пока… пока не связался с этими вот?.. – Сын Бернар с ненавистью посмотрел на совсем потерянных Ближнего и Кузькину мать.

– …и я бы тогда ответила Вам, – продолжала мечтать Марта, – что ни с кем я своих веселых часов не делила – а забеременела просто и не знаю как.

– Так не бывает, – сказали опытные человеческие массы.

Марта посмотрела на них с жалостью:

– С вами, может быть, и не бывает, человеческие массы… со мной же – практически на каждом шагу бывает. Не то чтоб, конечно, беременеть на каждом шагу, а… ну, всякое, в общем, бывает.

– Всякое, может быть, и бывает, – не сдавались человеческие массы, – а вот насчет забеременеть – это увольте!

– Увольняю, – воспользовалась предложением Марта и уволила человеческие массы навсегда. Рединготу же сказала: – Если Вы Ближнего, Сын Бернара и Кузькину мать судить начинаете – начинайте и меня. Потому что я ничем не лучше их: вот видите, забеременела…

– Мы не забеременели, – уязвленно обособилась троица, – зачем так уж сравнивать-то?

– Да какая разница – забеременели, не забеременели!.. – Марта вздохнула. – Каждый из нас по-своему предал величайшую из человеческих идей: как мог, так и предал. Ближний с Сын Бернаром – своими кутежами, Кузькина мать – уйдя на подиум, я – забеременев… Куда мы теперь такие годны? Только Вы один и чисты, – Марта с восхищением взглянула на Редингота. – Чисты, как в самом начале романа. Чисты и одиноки...

– Я чист и одинок, – повторил Редингот, будто под гипнозом.

– Все чистые одиноки, – обобщила Кузькина мать. – А все грязные вместе: так сообща и валяются.

Редингот смотрел на Марту глазами участкового врача.

– И давно это у Вас... началось?

Ответ Марты прозвучал как подготовленный:

– Когда мы к Парижу подлетали. Вы тогда еще писали письмо у меня на спине.

– Вот от этого дети и бывают! – не сдержался Сын Бернар.

– Ох, Сын Вы Бернар, – вздохнула Марта. – Сколького Вы еще не знаете!.. Дети вовсе не от этого бывают. Дети бывают от того, что люди глубоко задумываются.

– Вы – *задумались*? – с ужасом спросил Редингот, чувствуя, что из-под ног его выбивают последний камень. – Эх, Марта, Марта! Говорил же я Вам: величайшие идеи человечества осуществляют не задумываясь...

– Не говорили Вы мне этого, Редингот, – простонала Марта, – видит Бог, не говорили!

Редингот выглядел хуже некуда, а лучше есть куда.

– Может, и правда не говорил... Может, только собирался. Я ведь и раньше замечал, что Вы задумывались... О том, кто сидел на брегах Невы.

Марта кивнула, глотая крупные, как виноград, слезы.

– Но я-то, я-то, – разводил руками Редингот, – я-то ведь не Сын Бернар! Я-то ведь знал, от чего бывают дети... у самого их сорок! Было время, – он виновато заглянул в прошлое, – когда и я задумывался. Сорок раз задумывался вот… греховодник старый.

– А я сначала задумывалась просто так, без последствий... Но когда задумалась в последний раз, поняла, что беременею. И забеременела.

– Наверное, такой уж момент был, – обреченно развел руками Редингот, – ...самый неподходящий момент задумываться. Потому что именно тогда, наверное, задумался и тот, кто когда-то сидел на брегах Невы. Чему ж удивляться?

– А чем нам мешает строить Правильную Окружность из спичек то, что мы теперь не чисты и не одиноки? – вдруг спросил Ближний, молчавший все это время.

– Вы просто дурак, Ближний, – сказала Кузькина мать.

Все с ней согласились.

Через некоторое время Редингот с несвойственной ему нерешительностью произнес:

– Что меня еще смущает во всем этом, так это участие Деткин-Вклеткина.

– Причем тут Деткин-Вклеткин? – задал глупый вопрос так ничего и не понявший Сын Бернар.

– Экий Вы… – поморщилась Кузькина мать. – Это же он задумался в тот самый момент, когда задумалась Марта! А значит, он отец будущего ребенка…

– Слава Богу, что я никогда не задумывался! – возблагодарил судьбу Сын Бернар.

– Значит, Вы и не отец ничей, Вам же проще, – подвела утешительный итог Кузькина мать. Потом она с тревогой посмотрела на Редингота.

Марта поймала ее взгляд в подол и спросила Редингота, взяв его за локоть:

– Вам очень больно, что мы такие?

– Очень, – признался тот. – Вы все были моей опорой. – Тут он вздохнул и добавил: – Ну, что ж… пора, значит, кончать суд истории.

– Как это – кончать суд истории? – влетели в зал взбудораженные человеческие массы, подслушивавшие за дверью.

– Я же уволила вас! – напомнила им Марта.

– И, что, нам теперь слова сказать нельзя? – еще больше взбудоражились человеческие массы и заявили, что не уйдут из Зала Суда Истории, пока не будет оглашен окончательный приговор.

– Ну и оставайтесь тогда, а мы пошли, – махнул рукой Редингот и направился к двери. За ним потянулись и остальные.

Однако человеческие массы стояли стеной, никого из зала не выпуская, и как-то подозрительно чавкали.

– Или оглашайте приговор, или мы поглотим вас всех! – предупредили они.

Перспектива быть поглоченным человеческими массами не устроила никого. После непродолжительного совещания вперед выступил Редингот:

– С глубоким прискорбием сообщаю… – начал он.

– Приговор с глубоким прискорбием не выносят! – поправили его человеческие массы. – Приговор выносят нейтрально!

Прислушавшись к этой поправке, Редингот сразу же вынес нейтральный приговор:

– В происшедшем виноваты все без исключения, – сказал он строго.

И, решительным жестом смахнув со щеки мелкую, как пакость, слезу, он отправился строить Абсолютно Правильную Окружность из спичек один.

Остальные увязались за ним.

ГЛАВА 29
Вставная, как зубной протез, новелла о простодушной Паките

Изготовить полноценное художественное целое без вставной новеллы, скажу вам со всей ответственностью, совершенно невозможно. Только не спрашивайте меня почему – спросите лучше литературных критиков, это воронье, слетающееся на поживу всякий раз, когда благовонный доселе труп писателя начинает сдаваться под беспощадными ударами времени. И литературные критики тотчас ответят: да как же, ответят они, мыслимо полноценное художественное целое без вставной новеллы? И главное, что возразить им вы, конечно, не сможете, ибо подобные аргументы бьют наповал и правых, и виноватых, а также – просто для порядка – случайных свидетелей.

Попробуй Николай Васильевич Гоголь, например, не вставить в текст романа «Мертвые души» свою «Повесть о капитане Копейкине» – знаете, что литературные критики с ним бы сделали? Они бы ему руки-то по самые ноги поотрывали! Прочитали бы «Мертвые души», похвалили бы для приличия, а потом вздохни да и скажи: «Чего-то тут явно не хватает...» Чувствуют они, литературные крити-

ки, всякую слабинку в структуре художественного целого, не отнимешь у них этого!

Ну, писатель, Гоголь-то Николай Васильевич, он бы, конечно, сразу надулся как мышь на крупу и начал бубнить: «Чего-то не хватаааает, чего-то не хватаааает!.. Сами тогда садитесь да пишите – вместо того, чтобы других критиковать. На мой же, великого русского писателя, взгляд, всего хватает – и даже кое-чего больше чем достаточно!» Тогда критики – ему: «А “Повесть о капитане Копейкине” у Вас где?»

Тут бы Николай Васильевич Гоголь смутился и спросил: «О каком это Копейкине? Кто такой Копейкин, мать вашу?» На что критики бы ему сразу возмущенно и ответили: «Копейкин, дорогой Вы наш Гоголь, есть герой Отечественной войны 1812 года, а не кто такой!»

Тогда Николай Васильевич Гоголь, понятное дело, совсем бы опупел и взревел: «Да при чем тут война 1812 года-то? Я вообще послевоенное время описываю!.. И потом, на фига мне в таком гармоничном романе всякие случайные персонажи? Вы бы еще меня упрекнули в том, что я Чингисхана на коне в “Мертвые души” не ввел!» – «Ерничать не по делу, дорогой Вы наш Гоголь, совершенно ни к чему, – сделали бы справедливое замечание литературные критики, – а вот что касается случайного персонажа, тут уж Вы сказали, мягко говоря, не подумав! Капитан Копейкин, между прочим, только на первый взгляд кажется случайным, необязательным и ничем

не мотивированным. На самом же деле роман Ваш, “Мертвые души”, без него просто бессмыслен. Ибо “Повесть о капитане Копейкине” – ключ к тексту романа. Не ввели Вы капитана Копейкина – все равно что ключ взяли, да и выбросили в реку! Ну и как теперь прикажете этот Ваш бред на четырехстах страницах понимать?»

На такой гневный упрек Николай Васильевич Гоголь вообще бы не знал, как ответить: ему бы в минуту стало понятно, что отсутствие в структуре якобы гармоничного романа «Повести о капитане Копейкине» сводит на нет весь его титанический труд. И зарыдал бы он тогда в голос и стал бы рвать на себе длинные и черные как смоль волосы.

А безжалостные литературные критики продолжали бы: «Вы прямо какой-то недоделанный, дорогой наш писатель Гоголь! И роман Ваш недоделанный – вроде Вас самого. Композиционно “Повесть о капитане Копейкине” – смысловой фокус романа “Мертвые души”. У Вас же роман не в фокусе весь – не видите, что ли? Глаза-то разули бы тогда... хохол!»

Ну, Николай Васильевич Гоголь, мир его праху, со стыда сразу бы и концы отдал. А перед тем, как их отдавать, схватил бы «Мертвые души» и сжег – тогда бы у нас с вами не только второго тома, но и первого не было. И теперь вот скажите: много ли великая русская литература от этого выиграла бы? То-то и оно... Потому и вставил Николай Васильевич Гоголь «Повесть о капитане Копейкине» в ху-

дожественную ткань повествования: сохранив, таким образом, для потомков всю величественную картину быта и нравов русского помещичества своего времени. Второй же том романа – сжег, и дело тут вот в чем: когда второй том уже готов был, оказалось, что вставить в него совершенно нечего.

А литературные критики, взяв в руки первый том, сразу сунулись проверять, не забыл ли Николай Васильевич Гоголь поместить туда вставную новеллу «Повесть о капитане Копейкине», – листали, листали роман и вдруг – бац: «Повесть о капитане Копейкине», черным по белому! Стоит на своем месте и является ключом ко всему тексту романа. И в ней, как в фокусе, сходятся все сюжетные линии!

Николай же Васильевич Гоголь тут как раз подоспел и говорит: «Что, скушали?»

И встряхнул своими длинными и черными как смоль волосами.

И победоносно улыбнулся: знай, дескать, наших! И защитил честь мундира великого русского писателя.

Как всегда в последнее время, яичная скорлупа крошилась под неловкими пальцами простодушной Пакиты. Кикимото был не только вне себя, но даже и вне Кадиса, где в данный момент находился. Величественное сооружение, Купол Мира, никак не начинало обретать свою форму. Да и чужую форму, которая Кикимото, может быть, теперь и устроила бы, обретать не начинало. Виной тому

были неловкие пальцы простодушной Пакиты: хватаясь за очередную скорлупку, она обязательно разрушала ее – и скорлупку оставалось только выбросить. Справа от простодушной Пакиты уже высилась гора таких выброшенных скорлупок, по высоте напоминавшая могильный холм над братским захоронением. Слева от простодушной Пакиты – там, где был Кикимото, – лежали только три скорлупки, склеенные вместе чуткими пальцами любимого и явно уцелевшие чудом.

Очередная скорлупка треснула и развалилась. Простодушная Пакита, как всегда в последнее время, потупила глаза.

– Это уже четыре миллиона двести тысяч сто сорок третья, – попрекнул Кикимото. – Любой на твоем месте давно научился бы передавать скорлупки! У тебя не пальцы, а какие-то грабли…

– Ты уже говорил это четыре миллиона двести тысяч сто сорок два раза, любимый, – с обидой выкрикнула простодушная Пакита. – Как умею – так и передаю! Не нравится – передавай сам, а я тогда клеить буду…

– Ты – клеить? – чуть не лишился, но не лишился рассудка Кикимото. – Да начни ты клеить – тут бы и трех готовых скорлупок не лежало! Одни убытки от тебя.

Простодушная Пакита, как всегда в последнее время, обиделась.

– Знаешь, что, любимый, – сказала она, – не надо на меня наговаривать! Все, что я разрушила, я же и возмещу.

– Это ты когда-а-а еще возместишь, – саркастически заметил Кикимото, – а на данный момент ты разрушила четыре миллиона двести тысяч сто сорок три скорлупки – возместила же только пять тысяч сто сорок три.

– Я не в состоянии съедать больше пятидесяти яиц в сутки! – гневно отпарировала простодушная Пакита. – В конце концов, ты – в крайнем случае! – тоже мог бы съедать хотя бы по одному яйцу на завтрак.

– У меня на них аллергия, ты же знаешь! – чуть ли не с кулаками бросился на нее Кикимото.

– Если у тебя на яйца аллергия, то нечего было задумывать величественное сооружение из яичной скорлупы! – отомстила, как всегда в последнее время, простодушная Пакита и добавила: – Ты напоминаешь мне пекаря – у которого аллергия на муку, живописца – у которого аллергия на краски, пожарника – у которого аллергия на воду, и, наконец, сапожника – у которого аллергия на молоток!

– На молоток аллергии ни у кого не бывает, – резко оборвал ее Кикимото.

Простодушная Пакита расхохоталась и со знанием дела ответила:

– Аллергия на все бывает, любимый! Я даже знаю одну молодую да раннюю мать, у которой аллергия на пеленки собственного младенца. Но она не берется строить из пеленок Купол Мира – в отличие от тебя!

– Я тоже не берусь из пеленок строить, – напомнил Кикимото. – Я из яичной скорлупы строю! На которую у меня аллергии нету. У меня аллергия только на собственно яйца.

– Ну вот! – развела руками простодушная Пакита. – Ты опять совершаешь ошибку правила вывода… Если следовать твоей логике, то получается, что белок и желток – это собственно яйцо, а скорлупа – непонятно что. Между тем достаточно выйти на улицу и спросить там любого дурака, чтобы понять: яйцо – это белок, желток и скорлупа *вместе*.

Не поверив словам простодушной Пакиты, Кикимото тут же вышел на улицу и спросил любого дурака, так ли это. Любой Дурак, поразмыслив, сказал, что ему все равно, но увязался за Кикимото в мастерскую.

– Это Любой Дурак, – представил Кикимото своего нового знакомого.

– Я вижу, – ответила простодушная Пакита и поинтересовалась: – А зачем нам здесь Любой Дурак?

– Чтобы всякий раз на улицу специально не бегать, – объяснил Кикимото. – Пусть сядет где-нибудь в сторонке и сидит.

– Пусть, любимый, – безропотно согласилась простодушная Пакита.

– А почему Вы называете этого человека «любимый»? – спросил Любой Дурак.

– Потому что я люблю его – не видно разве? – удивилась простодушная Пакита.

Любой Дурак пригляделся и сказал, что видно, но поинтересовался за что.

– За то, – объяснила простодушная Пакита, – что он умеет строить из яичной скорлупы Купол Мира.

– А я могу сделать из дерьма конфетку, – похвастался Любой Дурак.

– Так сделайте и съешьте, – распорядился Кикимото и обернулся к простодушной Паките: – Ну и о чем мы говорили?

– Об аллергии, – напомнила та.

– У меня аллергия на бессмертные полотна Веласкеса, – признался вдруг Любой Дурак, делая конфетку из найденного им под ногами дерьма.

– Видишь теперь? – укоризненно посмотрела на Кикимото простодушная Пакита. – А ты сказал, на молоток аллергии не бывает! – Тут она обернулась к Любому Дураку и уточнила: – У Вас аллергия на содержание бессмертных полотен Веласкеса или на форму?

– Форма и содержание едины! – выкрикнул Любой Дурак.

– Что и требовалось доказать, – сухо заметила простодушная Пакита, с отвращением следя за тем, как изготовленная на их глазах конфетка исчезает во рту Любого Дурака и тем самым как бы демонстрирует наглядный пример единства формы и содержания.

Сраженный недюжинным умом простодушной Пакиты Кикимото, как всегда в последнее время, задал следующий вопрос:

– Что ты всем этим хочешь сказать? Что у меня не должно быть аллергии на яйца или, наоборот, должна быть аллергия и на яичную скорлупу?

– Как хочешь – так и понимай, – отвечала простодушная Пакита, – а мне пора яйца есть, иначе я не успею столько, сколько на сегодня запланировала.

– У вас тут секта какая-нибудь, что ли? – спросил Любой Дурак.

– Почему Вы об этом спросили? – Кикимото любовался маленькой композицией из трех склеенных вместе скорлупок.

– Да вот… разговоры об одних только яйцах.

– Разве наличие секты предполагает разговоры о яйцах? – в голосе Кикимото был сарказм.

– Это смотря что за секта, – поделился опытом Любой Дурак. – Какая секта на чем зациклится – та про то и говорит.

– А Вы любите яйца? – спросила Любого Дурака простодушная Пакита, чайной ложечкой выедая середину сваренного всмятку яйца и стараясь не слишком задевать скорлупу.

– Яйца? Люблю, – признался, словно в постыдном, Любой Дурак.

– Тогда не могли бы Вы к нам приходить яйца есть?

– По вечерам? – задал глупый вопрос Любой Дурак.

– Почему же по вечерам? Можно и раньше.

– Я в полседьмого встаю, – предупредил Любой Дурак.

– Вот без четверти семь завтра и приходите! А пока… тут десяток яиц всмятку – не съедите прямо сейчас?

– Съем – чего ж не съесть?

– Вы осторожно ешьте – чтобы скорлупу на макушке только повредить. А то ему, – простодушная Пакита кивнула на Кикимото, – скорлупа требуется.

– Извести в организме не хватает? – сочувственно осведомился Любой Дурак, с удовольствием приступая к первому яйцу.

– Да нет, – рассмеялась простодушная Пакита. – Я же говорю: он из скорлупы Купол Мира построить собирается.

– Хорошее дело. Стоящее. – Любой Дурак вгляделся в лицо Кикимото, причем вгляделся с уважением.

Как ни удивляло Кикимото, что Любой Дурак его понимает, он покраснел от смущения. Шутка ли: первое публичное признание его идеи – идеи, которую он вынашивал все последние годы, а совсем недавно выносил-таки и теперь рожает! Правда, рожает в муках – но всё из-за неловких пальцев этой простодушной Пакиты…

– Ешь давай быстрее! – сказал он ей. – Пора дальше строить.

Когда яйцо было съедено, простодушная Пакита вскочила и вытерла неловкие пальцы о ситцевое платьице.

– А мне продолжать есть? – спросил Любой Дурак.

– Ешьте все время, – скомандовал Кикимото и сверкнул глазами в сторону простодушной Пакиты: та медлила.

– Я боюсь, – вдруг сказала она. – Они такие хрупкие… Может быть, ты из чего-нибудь другого Купол Мира построишь?

Кикимото посмотрел на нее с омерзением. Все-таки она курица, эта простодушная Пакита! Как же можно не понимать куриными своими мозгами, что, если имеет смысл строить Купол Мира, то не из досок, не из кусков оцинкованного железа, не из бетонных плит, а только и единственно из самой хрупкой на свете субстанции – яичной скорлупы? Ибо Купол Мира не есть его защита: это только символ – символ ненадежности, обреченности, бренности всего, что есть под этим небом.

– Давай скорлупку, – скомандовал он. – Только осторожно – не то убью!

Стуча зубами от страха, простодушная Пакита протянула ему дрожащими пальцами четвертую скорлупку. Однако, перекладывая ее в руку Кикимото, вздрогнула всем телом – и скорлупка хрустнула.

– Убиваю, – предупредил Кикимото, но опять не убил простодушную Пакиту – только тяжело вздохнул.

– А пинцетом не пробовали? – начиная есть десятое яйцо, спросил Любой Дурак. – У меня тут вот пинцет с собой. Смотрите, как это просто!

Тут он аккуратно поддел пинцетом яичную скорлупку и без труда передал ее совсем уже поникшему было Кикимото. Потом еще одну. И еще одну. И еще.

Купол мира рос на глазах.

– Смотри! – ликовал Кикимото, бросая быстрые взгляды на простодушную Пакиту. – Десять скорлупок за последние пять минут! А с тобой – за последние шесть месяцев – только три!..

– Ну, я пошел теперь, – сказал Любой Дурак, стремительно доев десятое яйцо и пряча пинцет в карман.

– Стоять! – рявкнул Кикимото.

– Это, то есть, как – стоять? – озадачился Любой Дурак.

– Оставаться на месте и передавать мне скорлупки! Пока все не передадите – не уйдете.

Любой Дурак взглянул на белоснежные горы, простиравшиеся в мастерской и за ее пределами куда хватало глаз, и испуганно сказал:

– Да мне ж на это жизни не хватит…

– Сколько хватит, столько и хватит, – смилостивился Кикимото. – Ваши дети достроят за Вас.

– У меня нет детей, – радостно возразил Любой Дурак. – Как насчет Ваших детей?

– У меня тоже нет, – признался Кикимото.

Ситуация выглядела безнадежной.

– Что делать будем? – через некоторое время спросил Любой Дурак.

– «Что делать, что делать»!.. – передразнил его Кикимото. – Детей рожать будем, вот что делать!

– Сами… вдвоем? – испугался Любой Дурак.

– Почему вдвоем? Втроем рожать будем. Вот она, – Кикимото кивнул на Пакиту, – поможет. Хоть детей-то умеешь рожать?

Вопрос не поставил простодушную Пакиту в тупик.

– Рожу не хуже других, – сдержанно пообещала она. – Вам сколько?

– Мне двоих, – заторопился Любой Дурак. – Мальчика и девочку… – тут он мечтательно улыбнулся. – С бантами!

– С бантами не гарантирую, – предупредила Пакита и повернулась к Кикимото: – А тебе?

– Мне чем больше, тем лучше, – алчно откликнулся тот и победоносно посмотрел на Любого Дурака: дескать, скушали?

– Не больше трех в одни руки, – завыкобенивалась вдруг Пакита.

– Тогда мне тоже трех! – быстро нашелся Любой Дурак. – Мальчика, девочку без бантов и… и еще одну девочку без бантов.

– Девочек-то Вам куда ж столько? – приструнил его Кикимото. – Родятся в мать… все с неловкими пальцами!

– Ну, хорошо, – нехотя согласился Любой Дурак. – Пусть будет одна девочка с неловкими пальцами и два мальчика – с ловкими.

– Ресурсы разбазаривает только! – обозлился Кикимото и от злости заказал трех мальчиков, хоть втайне и сам мечтал хотя бы об одной девочке. – Мальчиков пусть зовут Хорхе, Луис и Борхес.

– Борхеса рожать не буду, больно трудно, – сразу разгадала маневр Кикимото простодушная Пакита. – А Хорхе и Луиса – рожу.

Любой Дурак довольно потер руки: ему удалось-таки опередить Кикимото.

Кикимото же совсем потерял власть над собой. Он надулся как мышь на крупу и грубо приказал простодушной Паките:

– Рожай давай! Чего время тянешь?

Простодушная Пакита рассмеялась до икоты.

– Сначала формальности, – сказала она, дождавшись этой самой икоты, – а потом дети.

Кикимото и Любой Дурак заторговались о порядке формальностей. Простодушная Пакита терпеливо икала в стороне.

Уже через короткое время соперники вступили в кровавую драку. Со стороны маленького и щуплого Кикимото это казалось безумием: Любой Дурак настолько превосходил его в весе, что исход драки был заранее предрешен. Впрочем, весь окровавленный, качающийся на пока еще двух тонких ногах Кикимото как будто и не думал сдаваться.

– Вы вообще-то дрались когда-нибудь? – поинтересовался Любой Дурак в ходе поединка, взглянув на Кикимото со жгучим, как нахо, состраданием.

– Не дрался, а боролся! – с достоинством поправил его Кикимото. – Только такого глупого вида борьбы, как этот, у нас на Востоке не знают.

– А какие виды знают?

– Да мало ли какие знают! – выкрикнул Кикимото в запальчивости. – Но все они – так называемые восточные единоборства, когда в борьбе участвует один-единственный человек.

– То есть? – оторопел Любой Дурак. – Он сам с собой, что ли борется?

Кикимото вздохнул и устало покачал проломленной в нескольких местах головой.

– Борьба с собой, – только и сказал он, – есть самый беспощадный вид борьбы. Победить себя всего труднее.

Любой Дурак остолбенел от мудрости Кикимото, а тот, улучив момент, сильно ударил его ниже пояса одной из двух своих тонких ног. Согнувшись строго пополам, Любой Дурак непонимающе уставился на Кикимото.

– Вы, позвольте спросить, – спросил он, не дождавшись позволения, – не забыли, *за что* именно мы боремся? – Тут он с интересом посмотрел в сторону простодушной Пакиты, которая продолжала бесстрастно икать.

– Мы не боремся, а деремся, – поправил его Кикимото. – Мы деремся за то, кто будет обладать простодушной Пакитой первым. Как самцы.

– Еще один такой удар ниже пояса – и обладать простодушной Пакитой придется Вам одному… самец, – интимно, в самое окровавленное ухо, предупредил Любой Дурак Кикимото.

– Одному – ни за что, – определился тот, пообещал впредь от подобных ударов воздерживаться и действительно воздерживался.

Подравшись часа два-три и надравшись, таким образом, как следует, но так и не выявив победителя, противники бросились к простодушной Паките вдвоем.

– Ни-ни! – воскликнула она, разгадав их гнусные намерения. – Только в порядке очереди.

– *Живой* очереди? – на всякий случай спросил Любой Дурак, с надеждой поглядывая на полумертвого Кикимото.

– Живой, – беспощадно потребовала простодушная Пакита.

Кикимото немножко подобрался, чтобы хоть отчасти напоминать живого. Только после этого простодушная Пакита разрешила ему стать в очередь – причем в начало, опасаясь, что иначе Кикимото просто не достоит.

– Приступаем к формальностям, – голосом вагоновожатого объявила простодушная Пакита и легла на пол мастерской.

С формальностями покончили быстро: ни у одного из противников душа уже не лежала к тому, за что боролись и на что напоролись.

Поднявшись с пола и с презрением посмотрев на будущих отцов, простодушная Пакита предупредила:

– Дети получатся вялыми и болезненными, только ко мне чтобы никаких претензий!

– А выживут? – с блеском надежды в заплывших глазах спросил Кикимото.

– Выжить выживут, но пользоваться ими будет нельзя, – уклончиво ответила простодушная Пакита и, не попрощавшись, отправилась вынашивать детей. В дверях она разминулась с кем-то, отдаленно напоминавшим человека. Это был инспектор.

– Я инспектор, – так и представился он, войдя.

Кикимото демонстративно отвернулся к окну, как если бы никто ничего не сказал. Любой Дурак на всякий случай последовал его примеру.

Удивившись, что его не заметили, инспектор зашел с другой стороны и представился снова.

Подозрительно оглядываясь по сторонам, но явно избегая смотреть на инспектора, Кикимото спросил Любого Дурака:

– Кто-нибудь что-нибудь сказал?

– Нет-нет, – зачем-то подыграл ему Любой Дурак, при этом воззрившись на инспектора в упор. – Никто ничего не сказал.

– Значит, послышалось, – констатировал Кикимото и оглушительно запел популярный японский романс «Банзай меня, твои банзанья...» К концу романса Любой Дурак разрыдался.

– Как вы ни пытаетесь игнорировать мое присутствие, – сказал инспектор, когда сначала пение, а потом рыдание подошли к концу, – а я, тем не менее, здесь. Это и любому дураку видно.

Любой Дурак вздрогнул, словно застигнутый на месте преступления, – тем самым выдав себя. Инспектор злорадно захохотал и сказал:

– Попались, голубчики!

Кикимото тут же наделал в штаны, но признался в этом только автору. Автор не нашел, что сказать в ответ.

А инспектор тем временем достал из бывшего у него при себе портфельчика пачку накладных и, заполнив одну, протянул ее Кикимото.

– С Вас четыре миллиона двести тысяч сто сорок три японских иены, по одной иене за каждое яйцо, – бросил он небрежно. Брошенного никто не поднял.

– Вы украли у него яйца? – шепотом спросил Любой Дурак Кикимото.

– Да на кой мне его яйца! – крикнул Кикимото. – Яйца – мои собственные. Они были куплены в супермаркете, причем на мои же кровные! Можно сказать, за каждое яйцо заплачено кровью.

– Вы слышите? – проникся Любой Дурак, грозно нависая над инспектором. – За яйца уже заплачено кровью, так что это яйца Кикимото.

– Мне безразлично, чьи это яйца, – холодно и сыро сказал инспектор. – И я здесь совсем не затем, чтобы отнимать у кого бы то ни было яйца. Я здесь затем, чтобы пресечь беззаконие.

От последней фразы Любого Дурака зазнобило. Увидев на спинке кресла теплый плед, он уютно завернулся в него и выжидательно посмотрел на инспектора. Инспектор молчал. Тогда Любой Дурак, осторожно поощряя его к дальнейшему разговору, дружественно произнес:

– Ну и?..

– Ну и всё! – бесцветно закончил инспектор.

Присутствующим сделалось неловко.

– Не очень понятно, за что же все-таки платить такие деньги, – нашелся наконец Любой Дурак.

– За самовольное строительство закрытого помещения, – голосом закона ответил инспектор и расстегнул небольшой кошелек.

Это рассмешило Любого Дурака.

– Интересно, – сказал он, – как Вы туда намерены четыре миллиона двести тысяч сто сорок три японских иены упихать. Они же не войдут!

– А вот спорим, что войдут? – захорохорился инспектор.

– А вот спорим, что не войдут? – уперся Любой Дурак.

Инспектор выглядел разъяренным.

– Есть у Вас четыре миллиона двести тысяч сто сорок три японских иены? – обратился он к Любому Дураку.

Конечно, у любого дурака всегда есть при себе четыре миллиона двести тысяч сто сорок три японских иены. Достав их из рюкзака,

болтавшегося за спиной, Любой Дурак протянул деньги инспектору, но отдать не успел, потому что на пути денег горой стал Кикимото.

– Откуда у Вас иены? – заорал он на Любого Дурака.

– С родины, – пролепетал тот. – Я родом из Японии…

– Чего ж тогда не живете на родине? – упрекнул его Кикимото.

– А того… – обиделся Любой Дурак. – Я считаю, что жить на родине значит проявлять чрезмерный патриотизм. Сами-то Вы чего на ней не живете?

– Я же Купол Мира над Европой возвожу! – веско напомнил Кикимото. – Вот возведу – и…

– Не возведете, – вмешался инспектор. – Ибо Вы оштрафованы мною за самовольное строительство закрытого помещения. И не говорите, будто не знали, что надо подавать заявку заранее.

– Я же не крытый рынок строить собрался! – рассвирепел Кикимото. – Я же произведение искусства создаю! Вы бы еще Леонардо обязали заявку заранее подавать – перед тем, как он писать Мону Лизу решил…

– Леонардо тут ни при чем. Он давно умер. И он был гений. А Вы – Кикимото.

Кикимото подошел к инспектору и с размаху ударил его по роже: удар получился неловкий.

– Дайте-ка я, – сказал Любой Дурак и отвесил инспектору такую оплеуху, что тот рухнул на пол мастерской глыбой неотесанного мрамора, чуть не проломив пола.

Покуда инспектор лежал без сознания и бытия, Любой Дурак сказал:

– Пора нам отсюда сматываться.

– А как же материалы? – растерянно спросил Кикимото. – Когда я еще наберу столько яичных скорлупок?..

– Да я Вам столько и даже больше за неделю наем, – пообещал Любой Дурак. – Были бы яйца – едоки найдутся!

– Если Вы думаете, что я умер, то глубоко ошибаетесь, – вдруг произнес инспектор вполне сознательно и бытийно. – Я жив и здоров. А Вам придется ответить перед законом. За самовольное строительство закрытого помещения и за оскорбление официального лица… даже за разбитие официального лица при выполнении одной служебной обязанности. – И он приложил к своему официальному лицу смоченный кровью носовой платок.

– Вот ведь привязался! – вздохнул Любой Дурак. – А подкупить Вас можно?

– Я неподкупен, – исчерпал вопрос инспектор.

Перестав вертеть в руках деньги, Любой Дурак снова спрятал их в рюкзак и сказал:

– А я вот подумал… мне-то чего здесь надо? Пойду я.

И он ушел, оставив присутствующих в полном недоумении.

– По-моему, Вы обидели его своей неподкупностью, – с грустью сказал Кикимото.

– Не может быть! – схватился за голову инспектор. – Что же теперь делать?

Кикимото пожал плечами. Потом сосчитал склеенные скорлупки и вынул бумажник.

– Значит, так, гадюка, – сказал он инспектору. – Или бери тринадцать иен, или проваливай.

– Почему тринадцать? – выпучил глаза инспектор.

– Потому что закрытое помещение, за которое ты намерен меня оштрафовать, построено пока не из четырех миллионов двухсот тысяч ста сорока трех скорлупок, как ты сказал, а всего из тринадцати. Остальные четыре миллиона двести тысяч сто тридцать скорлупок с закрытым помещением ничего общего не имеют, а являются просто строительными отходами.

– Какие же они отходы, – завозмущался инспектор, – когда они все целенькие?

– Сейчас целенькие, а через минуту уже не целенькие будут!

С этими словами Кикимото бросился топтать скорлупки, приговаривая:

– Заявку ему подавай! Ишь, мерзавец! Ты бы заявку у Родена спрашивал, когда он «Мыслителя» ваять начинал! Или у Моцарта, когда тот приступал к сороковой симфонии! Или у великого русского народа – накануне создания им сказки «Финист ясный сокол»!

Страшный хруст четырех миллионов двухсот тысяч ста тридцати скорлупок сотрясал южную оконечность Испании. Люди выбега-

ли из домов, подозревая начало землетрясения, и бежали в сторону моря. Только простодушная Пакита бежала в обратную сторону: она рвала на себе редкие волосы и кричала:

– Спасайся, любимый! Уходи к побережью…

Однако, влетев в мастерскую и поняв, в чем причина шума, она перестала рвать на себе редкие волосы и спросила с болью в правом подреберье:

– Что с тобой, любимый?

– Я крушу тут все к чертовой матери! – хохоча безумным смехом, отвечал Кикимото. – Шиш вам всем, а не Купол Мира! Хрен вам всем собачий!

– Как это – «хрен собачий»? – заинтересованно спросил инспектор.

– Не ищите, не ищите логики в его высказываниях! – вскричала простодушная Пакита. – Он сошел с ума. Так или приблизительно так ведут себя все великие художники, отвергнутые современниками.

– Разве он отвергнут современниками? – удивился инспектор.

– Конечно, отвергнут! Неужели Вы не понимаете, селезень, что Вы один из них? У Вас же на руках его кровь!

– У меня на руках моя собственная кровь, – защитился инспектор. – Из моей же рожи, разбитой Вашим любимым на пару с Любым Дураком.

– А где Любой Дурак? – огляделась простодушная Пакита.

– Обиделся на меня и ушел, – смутился инспектор.

– Вы просто какой-то гонитель всего чистого и светлого! – разъярилась простодушная Пакита.

– Разве Любой Дурак был чистым и светлым? – Инспектор выглядел изумленным.

– Как же Вы быстро его забыли! – покачала головой простодушная Пакита. – Так же быстро Вы забудете и вторую свою жертву – Кикимото, умирающего у Вас на глазах.

Бросив поспешный взгляд на Кикимото, инспектор с ужасом увидел, что тот действительно при смерти. Он лежал на вершине ослепительно белой горы посиневшим – и предсмертная судорога сводила его члены предложения.

– Вызывайте врача! – закричал инспектор.

– Поздно, – голосом судьбы откликнулась простодушная Пакита. – Поздно и ни к чему. Дайте ему и в этом разделить судьбу всех великих художников. Ни один из них не остался в живых. Возьмем хоть Веласкеса или... – Простодушная Пакита явно хотела взять еще кого-нибудь, но слезы чуть не задушили ее, и она замолчала. Впрочем, тут же непроизвольно рассмеялась, – увидев, что инспектор принялся делать массаж сердца уже практически мертвому Кикимото. Слабой рукой Кикимото с силой отпихнул от себя нависшую над ним тушу инспектора и опочил навеки.

– Мир его праху! – сказал инспектор.

– Да какому праху! – до глубины души возмутилась простодушная Пакита. – Он же только что умер... а Вы говорите о нем так, словно он давно разложился весь! Посмотрите на него: какой свеженький лежит…

Тут она нечаянно уронила на уже окаменевшее тело Кикимото темноволосую голову, чуть не разбив себе череп, и завыла традиционным для этих краев воем под названием «Вой девушки, у которой умер возлюбленный». От этого воя внутри у инспектора похолодело.

– Не простудитесь! – проявила заботу простодушная Пакита, не переставая выть. – Кстати, почему бы Вам вообще не уйти туда, откуда Вы пришли?

– Да я уже и не помню, откуда пришел, – растерялся инспектор.

– А Вы помните, кто Вы и куда идете? – воя, задала философский вопрос простодушная Пакита.

Инспектор помотал головой, державшейся у него на липочке.

– Вы – что, вообще не помните ничего про себя? – Вдова пристально поглядела на инспектора, словно желая внушить ему идентитет.

Через паузу Станиславского инспектор сказал:

– Почему же… помню кое-что!

Тут он подошел к трупу и, грубо оттолкнув простодушную Пакиту, схватил мертвого Кикимото за руку. Разжав ему пальцы,

инспектор извлек на свет тринадцать иен и опустил в карман пиджака.

– Помню вот, должок у покойного передо мной был… тринадцать иен. Вот теперь всё. До свидания.

Инспектор осторожно улыбнулся и ушел, оставив простодушную Пакиту наедине с ее горем.

– Все инспекторы сволочи! – про себя обобщил мертвый Кикимото.

Простодушная Пакита похоронила его во дворе мастерской, вырыв возле одной из стен просторную могилу. Из раздавленной яичной скорлупы она соорудила над могилой высокий белый холм.

– Ну, чем не Купол Мира! – похвалила себя простодушная Пакита и села у подножия холма.

В ее чреве уютно копошилось потомство: четыре мальчика и одна девочка без бантов. Уже были отчетливо слышны их счастливый смех и добродушные пререкания. Особенно радовали будущую мать голоса Хорхе и Луиса – она даже пожалела, что так настойчиво отказалась рожать Борхеса: было бы еще веселее!

– Чего сидишь-то? – покачала головой проходившая мимо ворчливая соседка Мерседес последней модели. – Нагуляла пять пуз себе и сидит!

Простодушная Пакита не знала, как ответить на заданный ей вопрос, и только улыбнулась светлой улыбкой.

Плюнув в ее сторону, ворчливая соседка Мерседес последней модели опять покачала головой и сказала:

– Вот уж воистину простодушная! Недаром народ Испании прозвище тебе такое дал…

И, осторожно трогаясь с места, Мерседес последней модели с бархатным звуком отъехала в направлении местного рынка покупать сельдерей.

А простодушная Пакита легко вздохнула и задумалась о том, до чего же все-таки прекрасна жизнь со всеми ее радостями и горестями.

ГЛАВА 30
Сильный рывок вперед, не ломающий гармоничной структуры художественного целого

Те из нетерпеливых читателей, которые, начиная уже с первой главы, упрекали автора данного произведения в постоянном топтании на месте, неправы в корне зуба – и мне жаль их. Тупые, недальновидные, они и понятия не имеют о том, какие необозримые дали были открыты им на протяжении, и протяжении, и протяжении последних двадцати девяти глав. Структура художественного целого во всем своем великолепии оказалась развернутой перед ними вширь: гуляй не хочу! Причем, прошу заметить, никаких угроз: дескать, направо пойдешь – Рединготa потеряешь, налево – Деткин-Вклеткина, назад – Марту, а пойдешь вперед – хлопнут тебя сицилианские мафиози без суда и следствия так, что мало не покажется… Отнюдь и отнюдь, доложу я вам: личная безопасность читателя и безопасность его близких для автора настоящего художественного произведения всего дороже.

А что иной писатель идет вширь, но не вглубь, так это только вопрос его идиостиля – хоть Цветана Тодорова спросите, если найдете. Бывают, например, писатели с панорамным типом мышления

(замечу в скобках, что как раз он-то и присущ хоть и покойному, но от природы своей все-таки весьма и весьма беспокойному автору данного произведения): таких писателей, как правило, тянет к развернутой монументальности. Откуда подобные берутся, спросите вы меня? Отвечу вам: подобные берутся из гущи самой жизни. Иногда бывает достаточно просто запустить в эту гущу пятерню – и тотчас же вытащишь на свет Божий пару-тройку художников слова с панорамным типом мышления, причем одним из них обязательно будет ваш покойный слуга.

Что же предполагает он, панорамный тип мышления? А предполагает он склонность художника слова к отображению в бессмертных своих творениях широкого, как монголоидное лицо, среза жизни на данный момент времени. Образно говоря, берет художник слова огромный нож и начинает резать прямо по живому – что твой хирург. И тогда уж – кто не спрятался, я не виноват, а уже через минуту внутренности мира вывернуты наружу – подходи, читатель, любуйся… совершай, так сказать, анатомический анализ жизни. Если же задели кого неосторожным движением – отсекли ручку, ножку, головку, так... не без этого: срез он срез и есть, не убережешься! И не надо говорить, что вокруг слишком много изувеченных… правда эпохи выше кривды всех изувеченных.

Я думаю, ни для кого тут особенно не секрет, что именно такой вот срез жизни и был предложен бесконечно и безнадежно любимым мной читателям в предшествующих главах. Но неймется неко-

торым из бесконечно и безнадежно любимых мною читателей. Режь смелее, – требуют они, – забирай глубже, дорогой художник слова! И ничего не бойся, ибо мы с тобой. Ах, соблазнительны сладкие эти речи – соблазнительны, да опасны... Или я не знаю вас, бесконечно и безнадежно любимые мои? Со мной-то вы со мной, но это лишь до тех пор, пока я держу себя в руках. А чуть послабление какое – поминай вас как звали! Предадите вы меня и продадите за полпакетика сухариков с чесноком... И потом будете всей разъяренной толпой топтать ногами мой плоский, как расхожая шутка, компьютер да приговаривать: «Вот тебе, дорогой художник слова, от благодарных современников!» Ибо такова уж ваша читательская природа, бесконечно и безнадежно любимые мои: сегодня нежно приласкать, а завтра грубо отпихнуть от себя, чтобы прямо тут же, без всякого стеснения, уйти в кусты с каким-нибудь Иваном Петровичем Сидоровым-Бек из города на Оби, описавшим без прикрас, но с подробностями половую жизнь несовершеннолетнего малярийного комара. Она-то, на самом-то деле, и интересует вас в первую очередь. Впрочем, в вину вам это, конечно, ставить глупо: откуда же было взяться у вас панорамному мышлению, которое только у писателя и может быть?

А стало быть, не клянитесь мне в верности: верных читателей не бывает на свете! И не просите меня ни резать смелее, ни забирать глубже – давайте я уж сам разберусь и насчет резать, и насчет забирать. Как-нибудь да разрежу, куда-нибудь да заберу: мне, прошу по-

верить, оно не впервой – резать и забирать! На моей совести этих порубанных уже и не счесть. Впору песню затягивать: «Сколько я зарезал, сколько я убил!» А совесть все равно кристально чиста – что твой родник, ибо высокие, как башни, цели искусства оправдывают его же низкие, как табуретки, средства.

Так что не привередничайте-ка вы в пути, бесконечно и безнадежно любимые мои. Я-то уж дорогу знаю. А придет время – так вперед скакну, как вам вперед скакать и не снилось! Вот прямо сейчас уже скакну – предупреждаю тех, у кого ноги слабые. Потому что у меня лично ноги сильные – ровно у страуса. Не успеете оглянуться, как я уже сильными этими ногами всех вокруг истоптал, а сам впереди – прогуливаюсь по земляничной поляне!

Вися посреди Токио в миллиметре от тротуара, Умная Эльза ожидала ответа Японского Бога. Но дни проходили за днями, недели за неделями – молчал Японский Бог. «Чтоб ему пусто было! – время от времени думала Умная Эльза. – Это просто неприлично – так долго задерживать ответ… Некоторые все-таки ужасно неаккуратны в переписке: пошлешь им срочное письмо, а они – ни гу-гу, причем годами! Интересно, со всеми богами так переписываться или только с этим?»

Вися посреди Токио в миллиметре от тротуара, Умная Эльза сильно мешала прохожим. Некоторые из них – те, которым полагалось ходить по соответствующей улице чаще других, – постоянно

возмущались, по-японски спрашивая Умную Эльзу, чего это она тут развиселась. Но она висела себе и в ус не дула (за время висения у нее выросли густые кавалерийские усы), потому что у нее было дело: Умная Эльза ждала письма. Кстати, некоторым прохожим – тем, что повежливее, – она прямо так и отвечала: жду, говорила, письма, непонятно, что ли? Кто понимал, кто нет, но уж до этого-то Умной Эльзе совсем дела не было.

На третий день к месту висения Умной Эльзы пришла Ы Е. Пришла и отныне стала приносить Умной Эльзе всякие японские гадости в горшочках – от этих японских гадостей у Умной Эльзы постоянно болел живот. Время от времени она просила Ы Е приносить ей что-нибудь другое, раз все равно, дескать, взялась приносить, но Ы Е как носила одни японские гадости, так носить их и продолжала. В этом специфика национальной кухни, любила говорить она, – и Умной Эльзе приходилось смиряться, с трудом пережевывая длинные вязкие водоросли и компактные хрусткие тельца юных морских коньков-горбунков.

Так и шло время, пока однажды к висящей над тротуаром Умной Эльзе не подошел один милый прохожий и не предупредил ее, что Ы Е обожает травить собственноручно приготовленными ядами кого ни попадя. Умная Эльза сразу же смело предположила, что японские гадости, которыми кормила ее коварная Ы Е, были отравлены. Чтобы предотвратить дальнейшее воздействие ядов на организм, Умная Эльза – воспользовавшись щедро предложенной помо-

щью и зондами незнакомца – быстро, но тщательно сделала себе промывание желудка, и опасность отступила на второй план. Когда опасность это сделала, на первый план немедленно выступил гнев в адрес Ы Е. И стоило только Ы Е в очередной раз поднести Умной Эльзе горшочек с зельем, та сказала ей буквально следующее:

– Катись-ка ты отсюда со своими ядовитыми горшочками, старая жаба!

Сладко, как полагалось по японским традициям, улыбнувшись, Ы Е горько заплакала. Ей было страшно неловко, что ее разоблачили. Коварные же поступки свои Ы Е поспешно объяснила воскресшей в ней любовью к Японскому Богу и тем, что она вдруг расхотела делить его с кем бы то ни было.

– Ну и собственница же Вы! – презрительно сказала Умная Эльза. – Бог – он общий, то есть никому в отдельности не принадлежит, и закрывать людям доступ к Богу есть обскурантизм.

Не согласившись с ней, Ы Е заметила, что Умная Эльза, скорее всего, не знает значения слова «обскурантизм». По мнению самой Ы Е, обскурантистом следовало считать как раз того, кто открывает людям доступ к Богу, в то время как того, кто закрывает такой доступ, имеет смысл называть поборником просвещения, или светочем разума. Из рассуждений Ы Е непреложно следовало, что светоч разума – это она сама, а вот Умная Эльза обскурантист, или мракобес, более того – обскурантистка и мракобеска. Разошедшись вконец,

Ы Е даже принялась бесстыдно дразнить Умную Эльзу в таком вот духе:

Эльза – мракобеска,
В заднице стамеска!

Но, хотя и трудно было придумать что-нибудь более обидное, Умная Эльза не обратила на отвратительную присказку ни малейшего внимания.

– Да какой Вы светоч разума! – только и улыбнулась она. – Вы, скорее, плевок, блестящий в лунном свете. Неужели Вы всерьез полагаете, что Бог и просвещение несовместимы?

– Полагаю, полагаю, полагаю! – нагло выкрикнула Ы Е трижды.

– О, несчастная... – от всей души пожалела ее Умная Эльза.

– Не смейте жалеть меня, жалость унижает! – взвизгнула Ы Е и от злости принялась толкать Умную Эльзу в направлении земли, чтобы та упала и разбилась. А все дело в том, что Ы Е давно уже собралась сжить Умную Эльзу со свету и, оставшись на ее месте, получить письмо от Японского Бога в собственные руки. Читать это письмо она, разумеется, не намеревалась: будучи воспитанным человеком, Ы Е никогда не читала писем, адресованных не ей. Она намеревалась только порвать его на мелкие клочки, а клочки проглотить. В невежестве своем Ы Е полагала, что это придаст ей значительности в глазах окружающих и что окружающие примутся говорить: «Она

проглотила письмо от Японского Бога и теперь хранит в своем чреве великую тайну!» Ы Е даже не исключала, что ей могут начать поклоняться.

Впрочем, каким бы образом ни рисовалось Ы Е будущее, настоящее обманывало всякие ожидания: Умная Эльза висела непоколебимо. Тогда Ы Е решила призвать на помощь сорок своих сыновей для того, чтобы они общими усилиями спихнули Умную Эльзу на мостовую.

Тридцать девять сыновей не заставили долго себя звать и уже через миг собрались в небольшом токийском кафе – прямо напротив того места, где над тротуаром висела Умная Эльза.

Ы Е даже не надо было пересчитывать сыновей, чтобы понять, кто отсутствовал. Впрочем, она знала заранее: Кикимото не явится на ее зов.

– Дети! – обратилась ко вновь прибывшим Ы Е, и на глазах ее выступили слезы.

– Что, мать? – прочувствованно спросили тридцать девять сыновей.

– А вот что, дети, – справившись со слезами, продолжала Ы Е. – Помните ли вы отца своего?

– Нет, не помним, – ответили тридцать девять сыновей в один голос. – Его светлый образ давно выветрился из нашей коллективной памяти.

– Значит ли это, дети, – с ужасом спросила Ы Е, – что вам не дорог отец ваш?

– Да, значит, – был ответ. – Отец наш не дорог нам.

– Зачем же я тогда вызывала вас, дети? – воскликнула Ы Е.

– Мы не знаем, мать, – пожали плечами тридцать девять сыновей.

– Может быть, хоть я, мать ваша, дорога вам, дети? – схватилась за соломинку Ы Е.

– Да, мать наша, ты дорога нам как память, – признались они.

– Благодарны ли вы мне за ваше счастливое детство? – приободрилась Ы Е. – Готовы ли вы расплатиться за него со мной?

– Мы на все готовы, мать, – мрачно сообщили дети.

После этого ответа Ы Е запрыгала от радости, а напрыгавшись вволю, стала подстрекать тридцать девять сыновей выйти на улицу и сбросить Умную Эльзу на асфальт. Дети быстро, как сперматозоиды, сгруппировались в стаю и медленно, как зомби, двинулись к выходу. Оказавшись в непосредственной близости от Умной Эльзы, они сказали:

– Мы знаем, что Вас зовут Умная Эльза, и сейчас сбросим Вас на асфальт.

В ответ на такие слова Умная Эльза расхохоталась, а потом ответила:

– Если, конечно, у вас получится.

– У нас все получится, – пообещали дети и начали было сбрасывать Умную Эльзу на асфальт, от которого ее отделял один миллиметр, но у них ничего не получилось.

– В чем Ваша загадка? – спросили они Умную Эльзу.

Та охотно пришла им на помощь, гордо ответив:

– А загадка моя в том, что я сильнее всех на свете.

– Как же это случилось? – заинтересовались они.

И тогда Умная Эльза коротко рассказала им долгую историю своей жизни:

– Я родилась и выросла в маленьком городке под названием Змбрафль. До восемнадцати лет я была ребенком, но потом устроилась на работу. Я работала на почте, и жизнь моя была пуста.

– Жизнь пуста не только на почте, она везде пуста, – со знанием дела сообщили ей тридцать девять сыновей Ы Е. – Например, здесь, в центре Токио, в миллиметре от тротуара, Ваша жизнь тоже пуста.

– Не соглашусь с вами, – мягко пообещала Умная Эльза и не согласилась: – Здесь, в центре Токио, в миллиметре от тротуара, жизнь моя не пуста, но исполнена смысла. Однако позвольте мне начать сначала. Я родилась и выросла в маленьком городке под названием Змбрафль. До восемнадцати лет я была ребенком, но потом устроилась на работу. Я работала на почте, и жизнь моя была пуста. – Сделав в этом ответственном месте монолога жест, отклоняющий всякие комментарии, она продолжила: – Внезапно меня поцеловал Бог. – Тут Умная Эльза приняла безразличный вид, словно произне-

сла нечто заурядное, однако было видно, что она ждала реакции слушателей.

– Продолжайте, – сказали слушатели.

– Вас не удивляет, что перед вами человек, которого поцеловал Бог? – опешила Умная Эльза.

– Нет, не удивляет, – последовал ответ. – Бог и нас целовал, причем неоднократно. Ибо перед Вами дети Бога.

– Все мы в известном смысле дети Бога, да не всех Бог целует, – афористически высказалась Умная Эльза.

– Не знаем, как там всех, – определились дети Бога, – но вот нас, конкретно, Бог целовал практически беспрестанно… в детстве. Соберет, бывало, в группы и прямо так и целует – группами, чтобы скорее получалось. Сорок детей иначе и не перецелуешь.

Услышав «сорок», Умная Эльза даже забыла, что ждет письма, и чуть не треснулась об землю черепом, но призвала на помощь самообладание и, когда оно пришло, сказала:

– Так вот вы какие!

– Да, мы такие, – подтвердили дети Бога.

Умная Эльза сосчитала присутствующих и с укоризной заметила:

– Вы здесь не все.

– Не все, – согласились дети Бога, – один из нас строит Купол Мира над Европой.

– Уже не строит, – поправила их Умная Эльза. – Он умер. Вы – что, предшествующей главы не читали?

Оказалось, что дети Бога не только предшествующей главы не читали, но и вообще ничего не читали в своей жизни, кроме юридической литературы. Такое положение дел возмутило Умную Эльзу.

– Никоим образом не желая умалить огромного познавательного значения юридической литературы, – сказала она, – отмечу, что потреблять одну только ее значит потреблять одну только рыбу.

– Разве рыба и юридическая литература – одно и то же? – усомнились дети Бога.

– Почему одно и то же, – возмутилась Умная Эльза, – вовсе нет! Но как же вы так можете – жить и не знать, что происходит вокруг вас?

– А что происходит вокруг нас? – с испугом спросили дети Божьи.

– Да много чего! Карл Иванович, внутренний эмигрант, и Баба с большой буквы навеки заснули во льдах, между тем как Деткин-Вклеткин, эскимос Хухры-Мухры и Случайный Охотник, занесенные снегом, с тоской глядят на юг в ожидании спешащих им навстречу строителей. Ядреню Феню, перепутав ее с новым идолом по имени Galya Ili Valya, терзают на подиуме в Париже. Благородный Эдуард и неверная Кунигундэ убили Служителя Культа Личности, тоже в Париже. Редингот в растерянности смотрит на Марту, Ближнего, Сын Бернара и Кузькину мать, тоже в Париже.

– Кто они все и какое нам до них дело? – возопили дети Божьи. – Особенно до тех, кто в Париже!

– Разве имя «Редингот» ничего не говорит вам? – изумилась Умная Эльза.

Те посовещались и ответили:

– Нет, имя «Редингот» нам ничего не говорит.

Умная Эльза чуть не упала на асфальт сама.

– Как же так не говорит, когда он ваш отец и Бог!

Дети Божьи снова принялись совещаться, однако, ни до чего не досовещавшись, призвали на помощь Ы Е. Та отвела их в сторону от Умной Эльзы и там, в стороне, наотвешивала им оплеух. Вернувшись назад к Умной Эльзе, дети Божьи сказали:

– Мать наша наотвешивала нам оплеух – и мы теперь озлоблены на весь мир.

В ответ на это признание Умная Эльза расхохоталась:

– На весь мир! Да что вы обо *всем* мире знаете?

– Мы знаем, что весь мир велик! – отчитались дети Божьи.

Умная Эльза перестала хохотать и заявила:

– Вы просто кретины и позорите своего отца и Бога.

В этот момент ей как раз и пришло письмо от Редингота. Расписавшись в получении письма, Умная Эльза тем самым навсегда лишила Ы Е возможности порвать его и съесть. Почувствовав, что проиграла, Ы Е позеленела от злости – приняв ее за выросшее на тротуаре дикое деревце, зеленый патруль изрубил Ы Е на куски и

сжег. Вмиг оставшись круглыми, как апельсины, сиротами, тридцать девять сыновей Ы Е и Рединготa запричитали в один голос и утратили вкус к жизни.

– Я помогу вам обрести его снова, – заметив это, пообещала им Умная Эльза. – Только вот сначала письмо прочитаю.

И Умная Эльза принялась за чтение письма – причем вслух, чтобы дети Божьи не скучали.

«Дорогая Умная Эльза!

Ваш подробный рассказ о том, что произошло в Японии, разбил мое сердце – и я начал было раскаиваться в том, что однажды в письме поцеловал Вас. Обращаясь к себе самому, я даже сказал: "Сейчас по губам получишь!" – но угрозу в исполнение не привел.

Ночью я спал плохо. Мне снились разные страшные способы злоупотребления спичками – типа навставлять их в рот между верхними и нижними зубами и пытаться произнести скороговорку «Сшит колпак, да не по-колпаковски…»

Я проснулся весь в поту и в крови.

Утром же, которое, слава Отцу Небесному, оказалось не в пример мудренее вечера, описанная Вами картина предстала моему мысленному взору в новом свете. Спешу сказать, что то был свет разума. В одно мгновение понял я высокий смысл случившегося и возблагодарил Провидение такими торжественными словами: "О, Провидение, спасибо тебе за то, что с глаз моих спала пелена и я увидел Окружность не как глупую замкнутую кривую, все точки которой одинаково удалены от точки, именуемой центром, но как полет мысли над бескрайними просторами необъятной Вселенной".

Выразившись так образно, я упал в траву (в тот момент я находился уже в саду) и долго плакал.

Я вернулся домой просветленным: вся в слезах и в соплях, душа моя давно уже парила где-то далеко от меня, в то время как сам я схватил перо и бумагу и принялся за ответ Вам, дорогая Умная Эльза.

Раскаиваюсь ли я теперь в том, что однажды в письме поцеловал Вас? Нет, нет и еще раз нет! Ибо сердце мое тогда уже знало, какое сокровище получило в Вашем лице многострадальное человечество. Кто, если не Вы, смог бы так просто и наглядно объяснить ему, многострадальному человечеству, что не геометриею заняты лучшие умы его, но музыкою?

Сейчас я выражаюсь неясно, что обычно мне не свойственно, – простите! Воодушевление мое столь велико, а понимание сущности нашей идеи столь остро, что подобрать нужных слов я не в состоянии... экстаз переполняет меня – и я покрываю поцелуями Вас всю, дорогая Умная Эльза, – только не поймите меня превратно.

Искренне и навеки Ваш,
Рединготъ».

Дочитав письмо, Умная Эльза со всевозможной осторожностью перевернулась в воздухе и, легко коснувшись асфальта кончиком босой ступни, медленно перенесла на нее тяжесть своего тела. Разбиваться о мостовую после такого письма было бы просто безумием. Почва под ее ногами облегченно вздохнула.

Роскошные кавалерийские усы, выросшие у нее, отвалились сами собой и, никому не нужные, лежали на тротуаре, пока их не унес ветер.

Умная Эльза обвела мироздание пьяными от счастья глазами и словно бы впервые увидела вокруг себя детей Божьих.

– Кто вы? – спросила она.

– Мы адвокаты, – напомнили ей они.

– А-а-а... – протянула Умная Эльза. – Все ли вы поняли из прочитанного, адвокаты?

Те покраснели, как тридцать девять раков, и признались:

– Мы ничего не поняли. А если что-то и поняли, то превратно.

– Это потому, что вы адвокаты, – объяснила им Умная Эльза. – Адвокаты все всегда понимают превратно.

Те совсем смутились: Умная Эльза попала в точку (сборки, – заметил автор). Однако, не в силах больше сдерживать себя, они начали приставать к Умной Эльзе с вопросами:

– Почему автор письма проснулся весь в крови?

– Он не в крови *как таковой* проснулся, – рассмеялась Умная Эльза, – он проснулся в крови, которая хлынула, когда душа его отделилась от тела и принялась парить по воздуху. В символической крови, то есть…

– Это какая же такая кровь – символическая? В нас такой крови не течет… – растерялись адвокаты.

– В вас не течет, а в нем течет! – усугубила Умная Эльза.

– А в Вас течет? – перешли на ее личность адвокаты.

– Во мне течет, – нехотя призналась Умная Эльза.

Тут адвокаты стали изо всех сил просить Умную Эльзу, чтобы она пустила кровь: им было интересно посмотреть, какая это такая кровь – *символическая*.

Умная Эльза выхватила из-под подола длинную саблю, случайно находившуюся там, и произвела надрез кожной поверхности в области предплечья. Густая горячая кровь обагрила сырую землю.

– Видите кровь? – спросила Умная Эльза.

Адвокаты поползали по земле, взяли немного крови на пальцы, понюхали ее, лизнули и заключили:

– Кровь как кровь. Обычная, а никакая не символическая. Второй группы, резус положительный.

– Так я вам символическую еще не пустила – я вам для сравнения сперва обычную пустила, – покачала головой Умная Эльза. – Теперь, смотрите: пускаю символическую.

Тут она перерезала себе горло, подождала немного и улыбнулась:

– Ну, как – есть разница?

Адвокаты смотрели на нее в полном остолбенении: крови они не видели.

– Резаните-ка еще раз, – предложили они.

– Спешу и падаю, – съязвила Умная Эльза. – У меня и так голова чуть не отвалилась – мало вам, что у меня все кимоно символической кровью залито?

– Это где ж оно залито, – заторговались адвокаты, – когда не залито!

Умная Эльза посмотрела на них с ужасом.

– Вы, получается, символической крови *не можете* видеть… Вы, получается, только обычную видеть можете, – сказала она.

– Да что ж мы за ущербные-то за такие! – вскричали адвокаты, окончательно разочаровываясь в себе. – Мало того, что в нас самих символической крови не течет, так мы еще и символической крови других видеть не можем…

– Плохи ваши дела, – подытожила Умная Эльза и осторожно поинтересовалась: – Что делать будем?

– А что в таких случаях *обычно* делают? – обратились к ней за советом адвокаты.

– Ну… – в замешательстве начала Умная Эльза, – обычно в таких случаях… *обычно* в таких случаях не живут.

– Нам не жить? – с готовностью спросили адвокаты.

– Почему… – совсем уже смутилась Умная Эльза, – живите! Живите, как и раньше жили.

– Жить так, как раньше жили, мы не можем, – приуныли адвокаты. – Ибо, выходит, раньше мы жили неправильно.

– Конечно, неправильно! – подхватила Умная Эльза. – Жить правильно – это жить как птицы небесные!

– Мы так не жили, – признались адвокаты и тут же сдались. – И у нас так не получится. А потом… мы же ведь потеряли вкус к жизни после смерти матери.

– Да погодите вы про вкус! – воскликнула Умная Эльза. – Если у вас не получится как у птиц – живите тогда как… как стрекозы, как бабочки, как мотыльки, как кузнечики, наконец!

Адвокаты посовещались и отчитались:

– Мы тут посовещались… Ну, и сообща решили, что как стрекозы, бабочки и мотыльки мы тоже не можем жить. Мы можем только как кузнечики.

– Этого и хватит! – воодушевилась Умная Эльза. – Живите, *по крайней мере*, как кузнечики – и вы снова обретете вкус к жизни.

Тут адвокаты зажили как кузнечики, а Умная Эльза за ними наблюдала. Через некоторое время она сказала:

– Теперь Вы почти правильно живете, только почему-то в воздух совсем не поднимаетесь.

– Мы бы с удовольствием поднялись, – сказали кузнечики, – но нам это зачем?

– Могли бы Кикимото проведать! – нарисовала перспективу Умная Эльза. – Он показал бы вам, что это такое – жить как птицы.

– Кикимото же умер! – загудели кузнечики. – Вы сами сказали…

– Ну, и что – «умер»? – возразила Умная Эльза. – В этом романе половина действующих лиц и их исполнителей – мертвые, не говоря уж об авторе, и – ничего! Трудятся ведь… помогают по мере сил в общем деле. Подумаешь – «умер»! Нашли о чем говорить… Вы прямо как дети малые, а не взрослые кузнечики.

Те еще немножко погудели и сказали:

– У нас и другие вопросы есть… по письму. Кто такой Редингот все-таки – кроме того, что он наш отец и Бог? И чем он занимается… когда не покрывает поцелуями Вас всю?

– Он меня только первый раз поцелуями покрывает всю, – уточнила Умная Эльза. – Так что это не основное его занятие. Основное же его занятие – руководить построением Абсолютно Правильной Окружности из спичек в масштабе всего восточного полушария. Вы, кузнечики, можете гордиться таким отцом и таким Богом.

– На такого отца и на такого Бога нам наплевать, – сказали кузнечики. – А вот как на данный момент обстоят дела с Абсолютно Правильной Окружностью?

– Прекрасно обстоят, – злясь на кузнечиков за то, что они не помнят родства, ответила Умная Эльза. – Например, прямо на *совсем* данный момент – я же прочитала вам письмо вслух! – в сознании Редингота произошла революция. Благодаря мне… – добавила она и потупилась. – Редингот прозрел и понял, что Правильная Окружность – это вовсе не правильная и вовсе не окружность: она – музыка.

– Кто – музыка? – озадачились кузнечики.

Умная Эльза вздохнула: непонятливые кузнечики все больше раздражали ее.

– Кто, кто… Правильная Окружность – вот кто!

– Минуточку! – запротестовали кузнечики. – Вы же только что сказали, что она теперь не правильная и не окружность… То есть,

ее – этой «ее»! – получается, и нету. А теперь Вы говорите, что она – эта «она», которой нету, – не только есть, но и... музыка!

Кузнечики, в прошлом адвокаты, выглядели раздосадованными: они еще могли позволить себе потерять родовую принадлежность, но не могли позволить себе потерять профессиональную логику.

Умная Эльза бросила на них взгляд, настолько переполненный состраданием, что он чуть не убил всех тридцать девять кузнечиков сразу.

– Милые кузнечики! – сказала она и вздохнула – обреченно, как висельник на виселице. – Милые кузнечики… Мне приходится с грустью констатировать, что вы просто-таки космически глупы. И не понимаете самой сущности музыки… Музыка – она ведь и есть то, чего нету!

– Та-а-ак… – протянули кузнечики. – Вот и поговорили. Это как же у Вас получилось, что музыки-то нету, когда она есть?

– Где? – рассмеялась Умная Эльза. – Покажите мне ее! Подведите меня к ней и представьте ее мне: «Это – музыка». И я обниму ее и расцелую. И возьму за руку. И поведу к себе в гости – пить чай и есть печенье.

– Вы еще попросили бы воздух Вам показать! – надулись кузнечики.

– И попрошу, – подхватила Умная Эльза, – покажите мне воздух, милые кузнечики! Покажите мне воздух, который я тоже могла бы обнять и расцеловать... Покажите мне судьбу, чтобы я пригласила ее в гости. Подведите меня к свету, подведите к тьме! У самых важных в мире вещей нет признаков существования. Они – фантомы. Фантом музыки, фантом судьбы…

– Нам это сложно всё, мы кузнечики, – напомнили кузнечики.

– Вы сами назначили себя кузнечиками, – в свою очередь, напомнила Умная Эльза. – У вас был выбор! Между птицами, стрекозами, бабочками, мотыльками и кузнечиками. Вы предпочли последнее. Все всегда предпочитают последнее.

– А если бы мы назначили себя птицами или стрекозами, – задним числом и местом озаботились кузнечики, – Вы думаете, мы понимали бы такие вещи?

Умная Эльза кивнула.

– Конечно, понимали бы. Но вы *уже* кузнечики. Так что отправляйтесь к мертвому Кикимото.

Кузнечики пострекотали между собой и сказали:

– Так далеко мы не можем отправиться...

– Всё вы можете, – не согласилась Умная Эльза. – После того, как зеленый патруль изрубил и сжег вашу мать, вы – кузнечики своего счастья!

– Это новое для нас ощущение, – сказали кузнечики своего счастья. – Мы еще не знаем, как к нему отнестись.

– Автор настоящего художественного произведения объяснит вам, – опрометчиво пообещала за других Умная Эльза. – А сейчас отстаньте от меня: я вся покрыта поцелуями и чувствую приятную истому!

ГЛАВА 31

Неожиданные метаморфозы с действующими лицами и их исполнителями

Ни одно настоящее художественное произведение немыслимо без внезапных метаморфоз с действующими лицами и их исполнителями. Говорят, что именно это отличает полноценное художественное произведение, богатое белками, жирами и углеводами, от неполноценного, небогатого всем вышеуказанным. Дескать, если неожиданные метаморфозы не имеют места быть, действующие лица и их исполнители оказываются ходульными. Что это такое – «ходульные», автор, увы, не понимает, хоть и пользуется соответствующим словом направо и налево. Но подобным образом и все вокруг поступают: значений слов не понимают, а словами пользуются, – так что автор, одинокий во всех остальных отношениях, в этом отношении отнюдь не одинок. Впрочем, данное заключение отношения к делу не имеет – и я не о том.

Я о том, что в художественном произведении, претендующем на звание полноценного, любой характер – дабы не стать в конце концов ходульным, – должен находиться в развитии.

Например, только совсем уж никудышный писатель позволит герою, заявленному в начале романа как подлец и негодяй, остаться таким до скончания дней. Хороший писатель проведет подлеца и негодяя через горнило нечеловеческих испытаний, чтобы эта мразь воочию увидела свою низость и горько раскаялась на глазах у благодарных читателей. Подобная перемена в поведении героя называется «ломка характера». Результатом такой ломки является в художественном произведении превращение подлеца и негодяя в добряка и душку. Если в начале романа он убивал, насильничал, грабил, ненавидел женщин, стариков и детей, то в конце романа он ведет себя совершенно иначе: спасает из силков беззащитных зверушек, защищает слабых, варит похлебку нищим, обожает женщин, стариков и детей и уступает им место в общественном транспорте. Эволюция характера налицо.

Не иначе обстоит дело и с положительными героями. Поскольку в настоящем художественном произведении нет и не может быть никакой статики, а только одна беззастенчивая динамика, положительные герои в структуре литературного целого тоже эволюционируют как заведенные. Если на первых страницах романа они совершают трудовые подвиги, сажают цветы и деревья, спасают все живое, то на последних страницах мы видим их гадкими и разложившимися морально: они бесчинствуют в садах и огородах, мучают зверей и птиц, засоряют источники и отравляют окружающую среду своим зловонным дыханием. Иными словами, из добряков и

душек они все как один превращаются в подлецов и негодяев, ибо такова неумолимая логика художественного созидания.

Отсюда следует, что плох тот роман, который состоит из исключительно положительных и исключительно отрицательных героев. Давайте быстро рассмотрим в этом отношении великую «Войну» и великий «Мир» Льва Толстого: здесь все герои развиваются прямо на наших глазах. Я позволю себе привести лишь один яркий классический пример. Главная героиня упомянутой гениальной эпопеи, Наташа Ростова, выглядит сперва как полная идиотка, которая или сидит на окне, поджав колени, или трясется, как овечий хвост, отправляясь на бал, но потом превращается в умную и самостоятельную женщину, которая отдает подводы раненым и показывает окружающему ее мужу пеленки с детскими испражнениями.

Так и должно быть в литературном произведении, главная задача которого – изобразить жизнь во всей ее сложности и противоречивости. Похожая – и даже просто та же самая – задача стоит и перед вашим покойным слугой. А значит, не дело ему забивать вашу голову прелестями Марты и Умной Эльзы, разворачивать перед Вами сильные стороны характера Редингота и истекать слюной по поводу цельности натуры Деткин-Вклеткина, неистребимой порядочности Случайного Охотника, этнического совершенства эскимоса Хухры-Мухры или благородства благородного Эдуарда. Нужно показать, что если не все они, то хотя бы некоторые из них могут быть такими же мерзавцами, как и любой из вас. И пусть все

наконец прочувствуют, что не отвлеченные понятия изображает в сем настоящем художественном произведении здравомыслящий автор, но существ из плоти и крови, которым свойственны те же гнусные пороки, что, например, и тебе, любезный читатель. Ибо ты, с одной стороны, и все упомянутые действующие лица и исполнители, с другой, – одного поля ягоды.

– Не думаешь ли ты, неверная Кунигундэ, – истребив представителей санэпидстанции и чисто вымыв после этого руки, сказал благородный Эдуард, – что Рединготна самом деле большая скотина?

– Ты преувеличиваешь, – отозвалась неверная Кунигундэ, пакуя чемоданы. – Он, конечно, скотина, но не такая уж большая. Во всяком случае, не больше, чем ты или я... Мне татуировальные принадлежности тоже паковать?

– Да на что они теперь! – махнул рукой благородный Эдуард. – Поверх той татуировки, которую ты сделала на моей спине, уже, небось, ничего и не вытатуировать.

– И то правда, – согласилась неверная Кунигундэ и выбросила татуировальные принадлежности в окно. Они упали на лысину прохожего обывателя и по-быстрому вытатуировали там одно совсем короткое неприличное слово.

Уезжая куда подальше, благородный Эдуард и неверная Кунигундэ рассчитывали еще успеть на суд истории, который должен

был вот-вот состояться. Не то, чтобы суд сам по себе так уж интересовал их – им просто надо было увидеться с Рединготом перед отъездом, поскольку ясности в том, чем им теперь предстояло заниматься, ни у кого из них не было.

– А нужна ли нам такая ясность? – спросил вдруг благородный Эдуард.

Неверная Кунигундэ посмотрела на него с укором. И напрасно, ибо что с него было спрашивать, с благородного Эдуарда? Откуда ему, несмышленышу, знать, что с тех пор, как неверная Кунигундэ однажды на улице ненароком изменила благородному Эдуарду с Рединготом, идея построения Правильной Окружности из спичек сразила ее наповал? И что делом всей ее жизни отныне стало выполнять приказы Рединготa, не задумываясь и не пререкаясь...

– Ты, благородный Эдуард, вот что... расслабься, – сказала неверная Кунигундэ. – Один участок Правильной Окружности из спичек тут, во Франции, уже завалили – благодаря, в частности, и нашей с тобой нерасторопности. Но есть еще много участков в восточном полушарии, которые ждут крепких умов и рук. Ты хоть последние сводки-то слышал?

– Сводки о чем? – не понял благородный Эдуард.

– Да о том, как обстоят дела с Окружностью в большом мире! – почти выкрикнула неверная Кунигундэ.

– А где бы мне эти сводки услышать? – опять не понял благородный Эдуард, не обращая внимания на возбужденное состояние неверной Кунигундэ.

– В сердце своем! – насилу справившись с гневом, ласково укорила его она.

– Мне мое сердце никаких сводок на эту тему не поставляет, – признался благородный Эдуард. – А тебе твое поставляет?

– Не-пре-стан-но! – отчеканила неверная Кунигундэ. – На данный момент, скажем, оно говорит мне, что проблемы с построением Правильной Окружности из спичек наблюдаются на Филиппинах, в Ливии и на северной оконечности необъятной родины автора настоящего художественного произведения.

– А кому тут какое дело до автора настоящего художественного произведения? – развязно спросил благородный Эдуард.

Вот вам, стало быть, и положительный герой! Просто стервец какой-то, а не положительный герой... Самое бы время послать его к Ядрене Фене, да та, похоже, навсегда уже выбыла из структуры художественного целого, смешавшись с толпой растерзывающих Жан-Плода Труда на парижском подиуме. В то время как все посланные к ней неприкаянно разбрелись по белу свету – и теперь их днем с огнем не найдешь!

Ладно, пропустим вопрос благородного Эдуарда мимо ушей.

– Я пропускаю твой вопрос мимо ушей, – сказала неверная Кунигундэ и пропустила: вопрос благородного Эдуарда со свистом

умчался в неизвестном направлении. – Но я заявляю тебе, мой дорогой, что, если ты станешь между мною и Правильной Окружностью из спичек...

– А вот стану! – еще развязнее сказал благородный Эдуард, не дослушав неверную Кунигундэ. – Выбирай: или я, или Правильная Окружность из спичек!

Гримаса страдания исказила лицо неверной Кунигундэ: было видно, что выбор, обозначившийся перед ней, непрост. С одной стороны, она твердо знала, что второго такого, как благородный Эдуард, дурака, готового терпеть ее непрерывные измены, нет в мире. А это значило: прощай навсегда, целомудренность духовной связи, прощай навсегда, семейный очаг, прощай навсегда, старинная немецкая песенка! Ничему этому больше не бывать... С другой стороны, неверная Кунигундэ отдавала себе отчет в том, что счастье в личной жизни несовместимо с успехами в труде на благо человечества и что только глупые люди желают на поздравительных открытках и того, и другого сразу: дескать, счастья вам в личной жизни и успехов в труде! Тут уж, как она понимала, или – или. Имеешь счастье в личной жизни – не видать тебе успехов в труде. Имеешь успехи в труде – забудь о счастье в личной жизни. Теперь ей предстояло решить эту проклятую дилемму: выбрать счастье в личной жизни – благородного Эдуарда – или успехи в труде – построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек.

«Вот еще тоже ублюдок! – подумала она о благородном Эдуарде. – Хорошо ему говорить: “Выбирай!”... когда тут вообще никакой альтернативы не намечается». А вслух сказала:

– Уверен ли ты, дорогой мой, что ты и Правильная Окружность из спичек образуете альтернативу?

– Конечно, образуем! – взревел этот теперь уже отрицательный персонаж, поймал пролетавшую над головой невинную сойку и, грубо свернув ей шею, демонстративно бросил бездыханное тельце к ногам неверной Кунигундэ.

Захоронив сойку вблизи от себя, неверная Кунигундэ презрительно сказала недавно еще положительному персонажу:

– В тебе не осталось ничего человеческого. Ты изменился полностью... я не узнаю тебя.

– И что с того? – отвратительным смехом рассмеялся благородный Эдуард. – Я и сам не узнаю себя, но мне от этого только бесконечно приятно.

Тут он бросился к неверной Кунигундэ с противоестественным для себя желанием впервые в жизни овладеть ею. Сердцем угадав это его желание, неверная Кунигундэ подхватила чемодан, выбежала из дома в сад и вместе с чемоданом проворно взобралась на старую грушу. Вслед за ней, поигрывая топором, бросился в сад и благородный Эдуард.

Молча наблюдавшие за развитием всех этих страшных событий все святые сами вынесли друг друга из дома и в страхе побежали по улице.

А давно уже не благородный, но низкий и коварный Эдуард принялся с остервенением рубить старую грушу. В слезах глядя на того, кто всего лишь несколько минут назад делил с ней пищу и кров, неверная Кунигундэ спрашивала себя: «Что, что я нашла в этом чудовище?» И когда почти уже срубленная старая груша вскрикнула человеческим голосом, неверная Кунигундэ сделала наконец свой выбор.

– Я выбираю Абсолютно Правильную Окружность из спичек, а отнюдь не Вас! – громко произнесла она, с бешеной, как собака, скоростью переходя на «вы».

Когда-то благородный, Эдуард замер с топором в руках. Стало понятно, что такого поворота он никак не ожидал.

– Прошу объяснить этот выбор, – раздался его ледяной голос.

– Значит, так, – начала неверная Кунигундэ, опасно раскачиваясь на практически срубленной старой груше. – Из добряка и душки Вы, Эдуард, на моих глазах превратились в подлеца и негодяя, как сказано в предисловии к этой главе. Конечно, на протяжении всех последних эпизодов в Вас уже можно было заметить некоторые отдельные недостатки...

– В Вас и самой их было хоть отбавляй, шлюха! – тоже перейдя на «вы», напомнил неприятный собеседник.

– ...некоторые отдельные недостатки, – продолжала, не дав себя перебить, неверная Кунигундэ. – Но эти отдельные недостатки не портили благоприятной картины в целом. Однако со временем количество негативных черт Вашего характера перевесило количество черт позитивных – и на данный момент Вы, вне всякого сомнения, являетесь отрицательным действующим лицом и исполнителем.

– Значит, в этом и есть причина Вашего предпочтения Абсолютно Правильной Окружности из спичек – мне? – прозвучал в тишине сада горький вопрос.

– Нет-нет, что Вы! – боясь ненароком ранить его, поспешила с ответом неверная Кунигундэ. – Причина не в этом! Она в том, что я всем своим сердцем предана идее построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек. А отрицательного персонажа, кстати, можно любить так же страстно, как и положительного, – в мировой литературе масса тому примеров. Взять хотя бы Евгения Онегина – как его любила Татьяна Ларина!

– Я бы не назвал Евгения Онегина отрицательным персонажем – подобным, например, мне: с моими развязными замечаниями, быстрой сменой настроений, упорным желанием спилить ни в чем не повинную старую грушу и овладеть Вами. Все это характеризует меня как человека, у которого нет ни ума, ни сердца. Но вспомните, что говорит Евгению Онегину сама Татьяна Ларина: «Как с Вашим сердцем и умом, – говорит она, – быть чувства мелкого рабом?» То есть, Татьяна Ларина отнюдь и отнюдь не отказывает Евге-

нию Онегину в наличии сердца и ума – Вы согласны? А значит, он положительный герой.

Неверная Кунигундэ решительно помотала головой:

– Нет, не согласна. Татьяна Ларина действительно говорит, что у Евгения Онегина есть сердце и ум, но, если разобраться, сердце и ум есть у каждого – и по этому признаку Евгений Онегин ничем не отличается от других представителей человечества. Был бы он положительный герой, она бы сказала: «Как с Вашим добрым сердцем и выдающимся умом быть чувства мелкого рабом?»

– Так в размер не влезло бы – Вы что, с ума сошли? – ни с того ни с сего разорался благородный Эдуард. – Они же там все четырехстопным ямбом разговаривают!

– Причем тут метрика-то? – обалдела неверная Кунигундэ. – По-вашему, поэт вложил в уста Татьяны Лариной эти слова только потому, что иначе с четырехстопным ямбом не справился бы? Уж не сомневаетесь ли Вы в мастерстве Пушкина?

– Сомневаюсь, – нагло ответил благородный Эдуард.

– Ну и дрянь же Вы после этого! – с обидой за солнце русской поэзии бросила ему в лицо неверная Кунигундэ, лица, впрочем, не повредив.

Тут старая груша под ней хрустнула, и неверная Кунигундэ упала на землю – прихлопнутая тяжелым чемоданом.

– Вот теперь-то я и овладею Вами! – с низкой страстью прошептал благородный Эдуард и, ногой отшвырнув чемодан, стремительно изнасиловал неверную Кунигундэ.

Впрочем, та, казалось, не обратила на это никакого внимания.

– Я изнасиловал Вас, – уточнил благородный Эдуард растерянно.

– Ничего подобного, отщепенец! – в лицо ему рассмеялась неверная Кунигундэ. – Я отношусь к только что произошедшему всегонавсего как к очередной измене благородному Эдуарду… – на сей раз с одним маньяком вроде Вас.

Это заявление поставило благородного в кавычках Эдуарда в тупик: подлец перестал понимать, кто он такой. Однако через некоторое время он догадался, что неверная Кунигундэ нарочно расщепила его индивидуальность, чтобы сохранить в себе светлую память о былом.

– Какая же Вы изобретательная… – произнес он и нехотя покинул тупик, в котором находился: положительный персонаж, на глазах переродившийся в отрицательного, теперь уже противный всем.

Неверная Кунигундэ облегченно вздохнула и встала с земли. Поправив на себе платье и подхватив чемодан, она с радостью осознала, что зовут ее теперь просто Кунигундэ, ибо быть неверной ей больше некому.

– Слава Богу! – вслух сказала Кунигундэ. – А то я уже начинала уставать от беспорядочных контактов…

И она отправилась на суд истории – к тому времени уже, увы, закончившийся. Подойдя к зданию суда истории, Кунигундэ увидела, как из него выходит постаревший века на три Редингот.

И Париж поплыл у нее перед глазами, а потом и вовсе уплыл куда-то на север...

Когда Кунигундэ очнулась, Редингот, мягко придерживая, вел ее куда-то.

– Где я? – спросила она.

– Вы в небольшом городе Змбрафле, – ответил Редингот.

– А что я тут делаю?

– Вы только что пришли в себя, – отрапортовал Редингот. – И теперь я сопровождаю Вас на чрезвычайное собрание, куда приглашены все желающие и не желающие.

– Когда же я успела выразить желание и нежелание? – озадачилась Кунигундэ.

– Вы не успели ничего выразить, – сказал Редингот. – За Вас это сделали миллионы.

В тот же момент к Рединготу подбежала девочка: Кунигундэ бросилось в глаза ее яркое платьице в красный горошек. Редингот поднял ребенка на руки.

– Это дочка Марты, ее зовут Татьяна и Ольга, – объяснил Редингот, – в честь героинь романа «Евгений Онегин».

– Красивое имя, – улыбнулась Кунигундэ. – Сколько ей?

– Три года. Ровно столько, сколько Вы приходили в себя.

Они ступили в зал – и взору Кунигундэ, даже не успевшей произнести «как долго я спала!» – предстали миллионы.

– Здравствуйте, миллионы, – громко поприветствовала она их.

Миллионы – вопреки ее и моему (*замечание автора*) ожиданию – ничего не ответили.

Между тем Рединготуже подводил ее к одному из двух свободных мест в последнем ряду. Кунигундэ опустилась в кресло – Рединготосторожно уселся во второе свободное, расположив на коленях до умопомрачения тихую Татьяну и Ольгу.

Кунигундэ пыталась рассмотреть тех, кто сидел на сцене. Видно было плохо.

– Почему у нас такие скверные места? – шепотом спросила Кунигундэ Редингота.

– Такие выделили. – В голосе Рединготазвучала незнакомая Кунигундэ покорность. – Карл Иванович выделил.

– Внутренний эмигрант? – со смехом спросила Кунигундэ: о Карле Ивановиче она знала по рассказам Редингота.

– Тш-ш-ш... – только и успел сказать Рединготот, после чего к Кунигундэ тут же подошли два каких-то увальня и, встав по обеим сторонам кресла, представились:

– Увальни.

И добавили:

– Пройдемте.

Татьяна и Ольга заплакала – Рединготв испуге зажал ей рот ладонью.

– Это куда ж такое «пройдемте»-то, увальни? – иронично взглянула на увальней Кунигундэ. Они не ответили.

Кунигундэ растерянно поднялась и посмотрела на Редингота.

– Что происходит? – спросила она глазами.

Взгляд Рединготабыл спокойным и усталым. «Не сопротивляйтесь, – прочитала Кунигундэ в этом взгляде. – Просто следуйте за увальнями. Вам, скорее всего, сделают внушение и отпустят, только не дерзите им, как Вы любите. Они все мертвецы. Сюда уже не возвращайтесь: опасно. Встретимся в супермаркете “Упокой”, отдел “Колготки”, в половине шестого вечера».

Увальни мягко, но крепко взяли Кунигундэ под руки и начали выводить из зала. Она успела увидеть, как на трибуну бодрой походочкой поднялся упитанный старик в соболях. «Карл Иванович!» – догадалась Кунигундэ. Зал аплодировал новоприбывшему стоя. Кунигундэ обернулась к Рединготу. Тот тоже привстал.

В горнице, куда ввели Кунигундэ, не оказалось ни окон, ни дверей (она даже удивилась, как сюда вообще можно ввести!), но зато горница была полна людей. На стене висел портрет Карла Ивановича: внутренний эмигрант изображался в рост Гулливера и имел в одной руке ружье, в другой – державу. Кунигундэ усмехнулась в сердце своем. Ее усадили за стол и велели ждать. Она прождала с полчаса и уже начала не на шутку, как тот садовник, которому все цветы

надоели, сердиться, когда прямо перед ней возник смертельно бледный человек в очках, в котором читатели, а также автор настоящего художественного произведения без труда могли бы узнать – и узнали – Нежданова. Кунигундэ же, понятное дело, Нежданова не узнала, потому что в той главе, где он ошивался, ее не было.

– Нежданов, – отрекомендовался вошедший.

– Скорее, Жданов, – зачем-то сострила Кунигундэ и усугубила: – Причем целых полчаса Жданов.

– Невесело как разговор начинается, – ответил Нежданов и бесцеремонно спросил: – Вы откуда такая?

– Из одной немецкой песни, – не солгала Кунигундэ. – А Вы откуда такой?

– Да я-то местный, – нехорошо улыбнулся тот, – из четвертой главы.

– *Настоящего* художественного произведения? – усомнилась Кунигундэ.

– А то какого? – еще хуже улыбнулся Нежданов.

– Странно… – сказала Кунигундэ, смерив собеседника взглядом и записав результаты измерений в маленький блокнот, всегда бывший при ней. – Я думала, тут такие не водятся.

– Тут всякие водятся, – уклончиво заметил Нежданов. – Даже такие осведомленные, как Вы.

– В чем же я, по-вашему, осведомлена? – продолжала наступать Кунигундэ (глупая Кунигундэ! – *Авторская ремарка*).

– Ну, например, в том, что о Карле Ивановиче распускают слухи, будто он внутренний эмигрант. Вам это кто сказал? – Голос Нежданова звучал безразлично.

– Мне это… – начала было Кунигундэ, но, слава Богу, в том же духе не продолжила (ибо не совсем она простушка-то… – *Авторская ремарка*), а вдруг посмотрела на Нежданова в упор и закончила: – … одна французская сволочь сказала. По имени Эдуард. Долгое время я считала его благородным. Но после того как он назвал Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, внутренним эмигрантом, я перестала считать Эдуарда благородным и порвала с ним отношения на мелкие кусочки.

Нежданов, и без того смертельно бледный и в очках, стал еще более смертельно бледным и еще более в очках.

– Похоже, Вы действительно не совсем простушка, как только что позволил себе выразиться автор настоящего художественного произведения и как вслед за ним позволю себе выразиться я…

– Автор настоящего художественного произведения, – четко произнесла Кунигундэ, – может позволить себе все, что хочет – в отличие от Вас. Ибо он тут главная власть. Или Вы со мной не согласны? (Автор сердечно благодарит Кунигундэ за произнесенное.)

– Согласен, согласен! – заюлил Нежданов. – Только вот не надо так больше – ни насчет Карла Ивановича, ни насчет благородного Эдуарда… договорились? Иначе Вы сделаете мне больно!

– Ранимый Вы! Странно только, что и упоминание Эдуарда вас ранит, – усмехнулась Кунигундэ.

– А Вы-то сами из *настоящего* художественного произведения? – усомнился вдруг Нежданов.

– Из настоящего, – заверила его Кунигундэ. – Просто я спала три года.

– Как Спящая Красавица? – расщедрился на комплимент Нежданов.

– Нет, как дура! – отклонила комплимент Кунигундэ.

Нежданов явно обиделся, что его комплимент не принят, и сухим, как паек, голосом сказал:

– Ну… мне кажется, инцидент исчерпан. Вы свободны – просто думайте в следующий раз хорошенько, когда говорите, – во всяком случае, когда говорите вслух.

– Мне можно вернуться в зал?

– Не стоит, – сказал Нежданов. – Лучше встретьтесь с Рединготом там, где договорились: в супермаркете «Упокой», отдел «Колготки», в половине шестого вечера.

– Вы читаете мысли? – не утерпела съязвить Кунигундэ.

– Я читаю книги, – возразил Нежданов. – Особенно те, в которых сам фигурирую. До скорого!

– До скорого, – сдалась Кунигундэ и оказалась на улице, неизвестно как туда выйдя.

Постояв у одной случайной витрины, в которой были выставлены саваны сезона, она на этот раз хорошенько подумала, прежде чем говорить вслух, и сказала вслух: «Что-то случилось с настоящим художественным произведением, пока я спала…»

И надо признаться, в этом она была совершенно права. По-другому, кстати, и быть не могло: давно прошли те времена, когда спящие красавицы имели право засыпать на годы, а потом просыпаться – и видеть, что вокруг ничего не изменилось! Причем просыпаться от поцелуя принца… хватит нам этих приятных пробуждений. Пусть пробуждения отныне будут ужасными, потому как нечего спать, когда другие действующие лица и их исполнители работают в поте лица своего (действующего). А то – ишь, привыкли: проспать тридцать лет и три года – и очнуться все еще семнадцатилетней в объятиях какой-нибудь особы царствующего дома. Нет уж! Теперь мы будем расплачиваться за свое спанье – и расплачиваться, так сказать, по-крупному. Проспал – приспосабливайся к новому и не обязательно комфортному пространственно-временному континууму, а не можешь приспособиться – вон из структуры художественного целого!

Но это я так образно, конечно, говорю: Кунигундэ никто из структуры художественного целого выбрасывать не собирается. Тем более что она – как показала нам предшествующая сцена – уже и приспособилась: молодец. То есть поняла, что так финтить, как она

тут финтила, ей, скорее всего, больше не удастся. А почему – потому что Рединготт (главный ее покровитель), например, давно в немилости. Хоть – пока – и не у автора настоящего художественного произведения, но уж у других-то действующих лиц – во всяком случае. Или у их исполнителей, ибо каждый знает, что это не одно и то же.

По улицам Змбрафля разгуливали мрачные мертвецы.

– Вы чего такие мрачные? – спросила их Кунигундэ.

– Вот умри сама – и поймешь, – пошутили те.

– А если серьезно? – сказала она.

– Если серьезно, то говорить надо не здесь, – шепотом сказали мертвецы и повели Кунигундэ на специальную явочную квартиру в самом центре Змбрафля.

Квартира оказалась пустой.

– Никто не явился, – смущенно объяснили мертвецы.

– Тогда не надо было называть квартиру явочной, – придралась Кунигундэ. – А кто должен был явиться?

– Все должны были явиться, – напустили туману мертвецы, однако тут же туман и развеяли: – Все подпольщики.

– А кто у нас теперь главный среди подпольщиков? – задала прямой вопрос Кунигундэ и получила прямой ответ:

– Среди подпольщиков у нас теперь главный… главная, – тут мертвецы ненадолго замялись, но разгладились, – …собака одна!

– Сын Бернар! – вспомнила Кунигундэ: как-то, находясь за пределами структуры настоящего художественного целого, Рединготрассказывал ей о Сын Бернаре.

– Точно, – сказали мертвецы. – Вы тоже из наших?

– А сами-то вы подпольщики? – задала запоздалый вопрос Кунигундэ.

– Все мертвецы – подпольщики по определению, – сказали мертвецы.

– Так это по определе-е-ению… – разочаровалась Кунигундэ. – А в реальности?

– В реальности настоящих подпольщиков, как мы, конечно, мало, – признались мертвецы. – И за ними охотятся, чтобы их убить. Но им – нам, то есть, – на это наплевать.

– Как так может быть? – удивилась Кунигундэ.

– А так… – улыбнулись мертвецы. – Знаете пословицу: «Двум смертям не бывать»?

– Знаю, – сразу все поняла Кунигундэ и тоже улыбнулась мертвецам. Потом вздохнула: – Давайте рассказывайте тогда… как вы дошли до смерти такой.

– И сами не знаем, – развели руками мертвецы. – Сначала все было хорошо: мы умерли и стали спокойно жить на том свете. Но потом оказалось, что некоторым и на том свете спокойно не жилось. И они, эти некоторые – сначала их было мало – сгруппировались вокруг совсем свеженького покойника по имени Карл Иванович. Он

оказался женатым покойником, баба у него имелась, с большой буквы… они вместе где-то во льдах умерли, года три назад. Ну, и… вот.

Кунигундэ подождала продолжения, но не дождалась.

– Что – «и вот»?

– Говорите, Вы из наших, а сами не знаете ничего! – возмутились мертвецы. – Спали, что ли, все это время?

– Спала, – призналась Кунигундэ и покраснела. – Три года спала.

– Соня! – отнеслись мертвецы. Потом облизнулись: – Какая Вы аппетитная, когда краснеете! Можно из Вас крови попить?

– Так и быть, попейте, – сказала Кунигундэ и брезгливо отвернулась в сторону. – Только не всю.

Мертвецы попили крови и продолжали:

– Ну, и… вот. Карл Иванович сумел увлечь подавляющее большинство мертвецов своими смелыми идеями… – мы думаем, это потому, что мертвецам так и так от веку делать нечего. И мертвецы пошли за ним.

– Так какими же идеями-то? – нетерпеливо спросила Кунигундэ.

– Да глупости одни! – вздохнули мертвецы. – Абсолютно Правильную Окружность из спичек на том свете строить.

– А на этом свете ее, что, уже построили? – обомлела Кунигундэ, практически сразу проигнорировав тот свет.

Это не понравилось мертвецам-подпольщикам, но они не подали виду и задумчиво сказали:

– Как бы это получше выразиться… построить-то построили. Но не совсем.

– Минуточку... есть уже Окружность или ее нет?

– И есть, и нет, – сказали мертвецы.

– Так не бывает! – воскликнула Кунигундэ. – Ответ не засчитываю! Или Окружность есть, или Окружности нет.

– Ну-ну-ну… – притормозили ее мертвецы: Кунигундэ даже чуть лоб себе не расшибла. – Это так, как Вы говорите, не бывает: или есть, или нет! А так, как мы говорим, – так только и бывает, ибо безоговорочно ничто в мире не существует. Всё – есть, но с оговорками, что – нет.

– Мне это сложно! – позволила себе протест Кунигундэ.

Протест был отклонен:

– Значит, напрягитесь! Напрягитесь – и поймите. Да, Окружность на этом свете построена. Но построена *в основном.*

– Как это – «в основном»? – Кунигундэ от перевозбуждения даже задрожала, что твой осиновый лист на ветру. – Окружность не может быть построена «в основном»: это замкнутая кривая! Если кривая не замкнута – она не окружность.

– Вы прямо как мертвый тинейджер, – засмеялись мертвецы. – «В основном» это и значит «в основном»… в общих чертах, то есть. В

общих чертах окружность и построена. Но не полностью. И не окончательно.

– Так, – сказала Кунигундэ, – давайте разберемся с деталями…

– Давайте не будем! – взмолились мертвецы. – Мы с ними каждый день по просьбе Сын Бернара разбираемся, а всё без толку…

– Ничего, один раз можно и по моей просьбе разобраться! М-м-м... что мы имеем на данный момент – если по-честному?

– Вот это вот «по-честному»… – скривились мертвецы. – Если по-честному, то можно сразу и закончить: по-честному – мы ничего не имеем. Лучше всего обстоят дела в Северном Ледовитом океане и в Швейцарии, но и там дела обстоят плохо.

Если бы глаза у Кунигундэ еще не были вытаращены, она обязательно вытаращила бы их сейчас:

– Вы же сказали, «в основном» и «в общих чертах» все готово!

– Так всегда говорят… это устойчивый оборот. Но сегодня и на это «в основном» уже взгляд пересмотрен. Теперь полагают, что Абсолютно Правильную Окружность из спичек можно будет считать полностью и окончательно построенной лишь тогда, когда ее проложат по всему миру. А тут еще Карл Иванович и иже с ним: он заявил, что и это не будет полное и окончательное построение Окружности – что для полного и окончательного ее построения требуется включение в проект и того света тоже. И что тот свет даже важнее, чем этот, и что…

– Погодите! – остановила словоизвержение Кунигундэ. – Какая-то дурацкая получается логика. Масштабы Абсолютно Правильной Окружности из спичек были ведь заданы изначально – с поправкой на то, что мы будем считать результат достигнутым, несмотря на некоторое несовершенство периметра… Даже несмотря на своеобразный вклад в дело построения Окружности, сделанный Японией!

– Вот именно: с поправкой, – нудно сказали мертвецы. – А теперь все поправки отменены: говорят, нельзя называть «абсолютным» то, что не абсолютно.

– Но ведь ничто же не абсолютно! – просто уже криком закричала Кунигундэ. – Тут как с горизонтом: достигнутая линия горизонта – уже не линия горизонта, но это никому не мешает пользоваться понятием «горизонт»…

– Понятием горизонта – не мешает, а понятием окружности – мешает. Карлу Ивановичу мешает.

– А почему это вдруг все так озабочены тем, чтобы удовлетворять требования Карла Ивановича? Он кто, в сущности, такой?

– Он вождь, – просто сказали мертвецы. И вздохнули.

– Его выбрали вождем? – уточнила Кунигундэ.

– Вождей не выбирают. Это вожди выбирают нас. Карл Иванович пришел с того света – весь в мехах – вместе с бабой своей, с большой буквы, тоже в мехах, и сказал: «Я ваш вождь, идите за мной». И все пошли.

– Просто каменный век какой-то! – возмутилась Кунигундэ. – И что – Редингот тоже пошел? Редингот же сам был вождь!

– Редингот не вождь, а бог – различать такие категории надо. Во всяком случае, Японский Бог. И он сказал, когда такой дележ пошел: богу, говорит, богово, а кесарю – кесарево. И освободил Карлу Ивановичу дорогу.

– А сам с чем остался?

– С чем и был – ни с чем. Остальные же, кто около него начинал, уже до этого сошли с круга.

– Как это – «сошли с круга»?

– Ну, как… Марта забеременела, Кузькина мать возжаждала земной славы, Ближний и Сын Бернар занялись поисками человеческих ценностей… Только одна Умная Эльза осталась прежней, но Редингот запретил ей покидать Японию, когда тут все это началось.

– А Деткин-Вклеткин? Мне Редингот про него тоже рассказывал… во время случайной близости.

– Деткин-Вклеткин-то… Он, вроде, потерялся в ледяных просторах – вместе с эскимосом Хухры-Мухры и Случайным Охотником. От них долго не было вестей: наверное, они замерзли насмерть. Так что Редингот оказался совсем один – и сказал всем своим: «Ну, живите как знаете, а я оставляю себе только Татьяну и Ольгу, ибо она чиста и невинна, как все дети».

– И Марта согласилась?

– Конечно! Потому что ее и Ближнего с Кузькиной матерью как раз в этот самый момент арестовывал Карл Иванович. И арестовал. За измену идее. И многих других арестовал, за то же самое. В общем, как всегда: репрессии, облавы… сами знаете! Только вот Сын Бернар, говорят, убежал и подался в партизаны. Но ведь от благородного Эдуарда не уйдешь…

– Так вот, значит, с кем благородный Эдуард спелся! – воскликнула Кунигундэ.

И добавила:

– Ну ладно…

И глаза ее, давно уже вытаращенные, сверкнули как две шаровых молнии.

ГЛАВА 32
Пейзажная зарисовка ни к селу ни к городу

Традиционный литературный прием отжил свое – это вам любой мало-мальски пристойный современный писатель скажет. Попроси такого писателя украсить выходящее из под его пера творение пейзажной зарисовкой – он тебе все глаза выцарапает. И пойдешь ты слепым по белу свету, проклиная каждую невидимую (тебе) былинку: дескать, будь ты неладна – и чтоб ты загнулась ближайшей холодной ночью! А писатель отправится за тобою следом, ухмыляясь как ни в чем не бывало и сознавая свое превосходство. Превосходство его – да и всей писательской братии – прежде всего в том, что такими ветхими категориями, как пейзажная зарисовка или портрет персонажа, они давно уже не мыслят. Чем же они мыслят? – спросите вы меня. Но в ответ на ваш вопрос я только загадочно улыбнусь и ничего не скажу. Догадайтесь сами.

Для этого достаточно взять любое сегодняшнее произведение – причем ни в коем случае не читать, а только пробежать глазами четверть странички, и все! Уверяю вас, что на этой четверти странички успеет произойти масса всего (действие, действие, действие!): дочь покинет отчий кров вместе с шейхом из арабских эмиратов, сын свя-

жется с наркоманами, от чего мать сляжет, потеряв память и видом своим вогнав в могилу отца, на плечах которого крупное предприятие, каковое немедленно перейдет в руки соперницы матери, на ваших глазах отравившей местное озеро испражнениями инопланетян, хранимыми ею в пуленепробиваемом сейфе с тех самых пор, когда вышеозначенная мать увела у нее из-под носа хорошенького пришельца, произведшего на свет вышеозначенного сына, чьи дружки отмывают деньги, вкладывая их в очистительные сооружения, в то время как основные доходы отдаются вышеозначенному шейху, на поверку оказывающемуся владельцем заводов, газет, пароходов, нефтяной компании, а стало быть – виновником сброса отходов производства в вышеозначенное местное озеро да еще и трансвеститом.

Что поделаешь, дорогие мои, искусство письма есть искусство ин-три-ги! Нету интриги – не дадут и денег. Вот почему те, кому нужны деньги, изо всех сил стараются, чтобы интрига была и чтобы ее было много. Но *покойному* автору настоящего художественного произведения деньги уже не нужны – так что он смело может позволить себе чуть-чуть урезать интригу и украсить выходящее из-под его пера творение (автор пишет его именно пером – и не из эстетства, а дабы оное творение впоследствии не вырубили топором, как девственный лес) величественным пейзажем, пополнив тем самым сокровищницу мировой литературы еще одним бессмертным опи-

санием вечно живой природы, по которой так стосковалась душа как отечественного, так и зарубежного читателя.

Совсем недавно, кстати, автор получил закапанное слезами письмо от одного отечественного читателя, несколько лет пытавшегося найти хоть какую-нибудь пейзажную зарисовку в родной литературе. И что же вы думаете – не нашел! Даже обращение к библиотекарю не помогло, ибо библиотекарь уставился на читателя как баран, в невежестве своем уподобив читателя новым воротам (!), и вообще не мог вспомнить значений таких, например, слов, как «небо», «солнце», «дерево», «птица» и других подобных… Выветриваются из сознания современника эти простые ценности. Далее в письме читателя значилось, что отныне вся надежда у него – на покойного автора настоящего художественного произведения, который якобы один-одинешенек отвечает за присутствие матери-природы в художественном дискурсе эпохи.

Обремененный столь высокой ответственностью, покойный автор взял на себя задачу не оплошать и вот… собирается это сделать (то есть не оплошать) прямо сейчас и здесь. А чтобы у иных коварных читателей не было искушения пропустить данную главу за ненадобностью, он так умело встроит ее в повествовательную ткань художественного целого, что пропустившие эту главу навеки потеряют ориентацию в пространственно-временном континууме текста и, даже если – опомнившись! – вернутся сюда позднее, то никогда не

смогут найти в ней того, что в свое время дало бы им внимательное и вдумчивое ее прочтение, ибо – *будет* уже поздно.

Ну, что ж…

Робкое утреннее солнце, осторожно выглядывающее на свет Божий, только начинало золотить верхушки окрестных дубов, буков, грабов, кленов, ясеней, лип, елей, ив, рябин, ольх, баобабов, а также наиболее высоких кактусов. Просыпающиеся птицы – жаворонки, ласточки, скворцы, грачи, пеночки, синицы, снегири, сороки, вороны, аисты, попугаи, орлы, ястребы-их-мать и коршуны – приноравливались к тому, как и где им взять первую ноту (до, ре, ми, фа, соль, ля, си, до второй октавы) последнего летнего дня, в то время как лесная живность – белки, зайцы, лисы, медведи, волки, кабаны, муравьи и обезьяны – либо уже приступили к своим повседневным заботам, либо заканчивали бурную ночную жизнь и отправлялись на тяжело заслуженный отдых.

На траве как общем понятии блестели капельки и капли росы, по которой еще не прошлась коса пахаря, ибо в лесах, как всем известно, не косят, а косят на полях и лугах. Что касается полей и лугов, а заодно уж и полян, долин, просек, делянок и прочих открытых взору мест, то на них тоже еще не косили, но уже собирались косить: издалека доносились песни косцов. Однако, поскольку люди (в данном случае – косцы) не принадлежат к понятию «пейзаж», не будем о них. А вот тучные злаки – овсы, ржи, пшеницы, ячмени и

другие – уже совсем склонились к щедрой земле, словно шепча: «Пора, пора сжать нас – и сжать как можно крепче!» Впрочем, жнецов поблизости и в помине не было – были только косцы, о которых мы договорились молчать. Так что на задушевный шепот злаков ответить было фактически некому. Могли бы, конечно, ответить вышеперечисленные птицы (звери и насекомые – едва ли), однако они тут как-то ни при чем.

Между тем начало светать, причем довольно сильно. Теперь стало видно все, что в предрассветном сумраке обычно ускользает от взгляда наблюдателя природы. Буйные, как психбольные, заросли папоротников, мхи и лишайники предъявили все мыслимые и немыслимые оттенки зеленого – малахитовый, изумрудный, нефритовый, муаровый, бутылочный, салатовый, фисташковый, оливковый, хаки, болотный... Такое многообразие оттенков можно видеть лишь на рассвете, когда краски особенно ярки: мир словно умыт дорогим туалетным мылом и выполоскан в реке. Вон, кстати, и река: она ослепляет своим блеском – и лишь закрыв глаза можно видеть, как играют в ее волнах рыбки: караси, плотва, щуки-с-руки, сомы, камбалы, салаки, дельфины, акулы, пираньи. На берегу беззаботно (и действительно... какие у них заботы?) нежатся нерпы, морские котики и такие же львы. Деловой походкой идут к воде пингвины, принимают утренний душ слоны. Тут и там мелькают, как медсестры в реанимации, бабочки: капустницы, лимонницы, крушинницы, желтушки шафранные, махаоны, цирцеи, икары, павлиньи глаза (днев-

ные), медведицы (геры и четырехточечные)... Разноцветными сачками ловят их бесстрашные дети, с веселым визгом уворачиваясь от кобр, гремучих змей, анаконд и питонов, а также от выползших далеко на сушу крокодилов и аллигаторов. Детям здесь настоящий рай: залезая на деревья, они лакомятся яблоками и грушами, бананами и апельсинами, кокосами и манго, дразня прячущихся в тенистых кронах рысей, пантер и пум. Впрочем, дети тоже не составляют предмета пейзажа – забудем о них.

А вот грибы и ягоды – составляют. И, между прочим, их тут видимо-невидимо: просто куда ни плюнь – либо в гриб, либо в ягоду попадешь. Поэтому все грибы покрыты шляпками, а ягоды – листиками: чтобы не заплевали. Терпкий запах грибов и ягод столбом стоит над лесом, валя с ног снующих мимо косуль, оленей, лосей и зубров. Одурманенные этим запахом, косули, олени, лоси и зубры лежат, не шевелясь и напоминая битую дичь на старинных фламандских натюрмортах.

Каждая былинка славит Создателя – хор чистых голосов поднимается к самым облакам и пропадает в неведомых сферах: там, где синева и золото разгорающегося над землей солнечного диска. День будет славным.

«День будет славным!» – так и думал Деткин-Вклеткин, идя вперед, но успевая замечать вокруг себя красоту окружающего мира и изредка делясь впечатлениями со Случайным Охотником и эски-

мосом Хухры-Мухры. Те отвечали ему голосами, исполненными благоговения, ибо давно уже преодолели в себе потребительское отношение к матери-природе: застрелить, освежевать, съесть. Дуло ружья Случайного Охотника затянула паутина...

Они уже не помнили, когда тронулись в путь и сколько прошли. Вообще говоря, идти – это была идея Деткин-Вклеткина: она осенила его после того, как ожидание идущих навстречу строителей Абсолютно Правильной Окружности из спичек затянулось совсем уже непростительно – просто в узел затянулось! Разрубив узел ледорубом, позаимствованным у Хухры-Мухры, Деткин-Вклеткин сказал:

– Всё. Пора в путь. Пойдем навстречу тем, кто идет навстречу нам, – и, если там запарка, поможем им прокладывать траекторию вплоть до того участка, на котором мы остановились. Это лучше, чем ждать-прохлаждаться!

Эскимос Хухры-Мухры и Случайный Охотник, у которых от вынужденного прохлаждения уже начали отмерзать конечности, от всего сердца согласились, что прохлаждаться дальше не только не имеет смысла, но и просто опасно. Деткин-Вклеткин, хоть и обрадовался их согласию, все же позволил себе высказать удивление по поводу отмерзающих конечностей.

– Вы же северные люди, – сказал он соратникам, – и должны быть приспособлены к местным температурам!

– К температурам мы приспособлены, – ответили те, – мы к бездействию не приспособлены. Раньше-то как было… мы ходили себе дичь постреливали да поедали, да жир подкожный накапливали… а теперь мы всего этого не можем больше и от дичи нас тошнит. Мы же переродились, причем на Ваших глазах! И отныне не видим смысла в нашей прошлой жизни, а видим смысл лишь в Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Вот и замерзаем.

– Опять непонятно! – возразил Деткин-Вклеткин. – Если вы теперь этой идеей живете, то она должна вас греть – как меня греет! Потрогайте, какой я теплый.

Случайный Охотник и Хухры-Мухры потрогали: Деткин-Вклеткин действительно был теплым, что твой самовар.

– Ух ты! – восхитились они. – Вы правда очень теплый… Это потому что в Вас сознания много. А в нас сознания еще не так много – отсюда и отмороженные конечности.

– Так вы не жир накапливайте, а сознание! – пожурил их Деткин-Вклеткин. – Чего сознание-то не накапливаете?

– Да мы накапливаем… только медленно.

После этого честного разговора и других подобных ему честных разговоров решено было отправиться вперед.

– Вас не интересует, куда именно вперед? – на всякий случай осведомился Деткин-Вклеткин.

– Нет, нет, не интересует, – закричали Случайный Охотник и Хухры-Мухры, – лишь бы вперед!

И они пошли вперед. Тундра сменялась степью, степь – пустыней, пустыня – саваннами, саванны – джунглями, джунгли переходили во что-то уже совершенно географически аморфное, а они все шли и шли. Останавливались лишь один раз, причем в самом начале. Тогда Деткин-Вклеткин неожиданно вздрогнул и сказал:

– Я только что стал отцом.

Случайный Охотник и Хухры-Мухры внимательно посмотрели сперва на него, потом по сторонам, но никакой перемены не увидели и спросили:

– В чем это проявилось?

– Замечательно глупый вопрос! – оценил Деткин-Вклеткин, но на вопрос ответил: – Проявилось это в том, что у меня родился ребенок.

Случайный Охотник и Хухры-Мухры опять внимательно посмотрели сначала на него, затем по сторонам и ужасно сильно опечалились.

– Вы чего так опечалились? – поинтересовался Деткин-Вклеткин.

– Закат интеллекта, – в один голос ответили ему два собеседника, – есть зрелище удручающее.

Деткин-Вклеткин помолчал, пытаясь соотнести высказывание с ситуацией, но, не сумев, заключил:

– Сказано красиво… только ни к селу ни к городу, как пейзажная зарисовка в начале главы. Впрочем, в этой главе и всё так, – вздохнул он.

– Нечего сваливать на главу то, что к главе никакого отношения не имеет! – сделали замечание опечалившиеся. – Если художественное произведение настоящее, в нем все уместно.

– Вы уверены? – с внезапной тоской воззвал к ним Деткин-Вклеткин. – Потому что… потому что появление ребенка не входило в мои планы.

– У Вас он и не появился, – сообщили ему в ответ. – Вы просто бредите. Отцами становятся – и дети рождаются – не в сознании, а в действительности.

– Это одно и то же, – быстро возразил Деткин-Вклеткин.

– Вы хотите сказать, что сознание и действительность суть одно и то же? – захотели строгости философских дефиниций Случайный Охотник и Хухры-Мухры (получалось, что они все время говорили дуэтом, как братья Гонкуры).

Деткин-Вклеткин поморщился: его смущала всякая примитивность.

– Я хочу сказать, – жирно подчеркнул он, разгадав замысел братьев Гонкуров, – что действительность сознания и действительность бытия суть одна и та же действительность… если вам так необходима строгость философских дефиниций!

От этой совсем уж большой строгости философских дефиниций у Случайного Охотника и Хухры-Мухры засосало под ложечками: справиться с такой культурой мышления ни одному из них явно было не под силу. Правда, они поднатужились лететь, но тут же замертво упали на землю, предварительно спросив:

– Что Вы *практически* имеете в виду, Деткин-Вклеткин?

– Практически, – снизошел тот, – я имею в виду следующее: *в действительности* я только что стал отцом, каковым до этого не был. Эту перемену во мне и зарегистрировало мое сознание… чуткое к подобного рода вещам.

– И что же конкретно сказало Вам Ваше чуткое к подобного рода вещам сознание? – не отставали Случайный Охотник и Хухры-Мухры.

– Конкретно оно сказало мне: ты только что стал отцом! – уже с раздражением ответил им Деткин-Вклеткин. – *Это* конкретно оно и сказало мне, даже не позаботившись о том, чтобы подготовить меня к такому повороту событий.

– Хорошо, – согласились приставучие собеседники, – зайдем с другой стороны. – Как отразится этот поворот событий на Вашей и на нашей с Вами жизни?

– Никак, – вздохнул Деткин-Вклеткин.

– Но разве перемены в личной жизни не всегда отражаются на общественной деятельности? – совсем далеко зашли в своем любопытстве Случайный Охотник и Хухры-Мухры.

Тут уж настало время Деткин-Вклеткину оторопеть. Оторопев, он спросил:

– Что Вы называете «общественной деятельностью»?

– Так… построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек, – растерялись собеседники, – разве это для Вас не общественная деятельность?

Деткин-Вклеткин предусмотрительно схватился за бока – и только после этого расхохотался:

– Во-о-от вы о чем! Ну нет, дорогие мои… построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек никогда – слышите, никогда! – не было для меня сферой общественной деятельности, что я и попросил бы Вас зарубить друг у друга на носах. Фигурально, конечно, выражаясь! – добавил он, заметив опасное движение Случайного Охотника в сторону висевшего у него на поясе ледоруба.

Случайный Охотник отпустил ледоруб, но не проследил за челюстью – и челюсть у него отпала. У Хухры-Мухры тоже отпала, но он справился с ней быстрее, чем Случайный Охотник, и спросил:

– То есть… как же… не было сферой общественной деятельности? Что же это, если не труд во славу величайшей из идей человечества, от имени которой Вы мою юрту сносить хотели? – Хухры-Мухры внезапно очень захотелось начинать жалеть свою юрту, хоть и давно пропавшую из виду.

– Величайшая из идей человечества… – вздохнул Деткин-Вклеткин, – всегда была для меня воплощена в Марте. Так что Абсо-

лютно Правильная Окружность – мое сугубо личное дело. Это ради Марты я шел за идеей и хотел сносить вашу юрту.

– Ради женщины… бабы! – взревел эскимос Хухры-Мухры, тонко воспроизведя интонацией этически сложный фрагмент русской народной песни «Из-за острова на стрежень» (а именно фрагмент «нас на бабу променял!» – если кто-то не понял того, на что я так прозрачно намекаю).

Эскимосу Хухры-Мухры показалось, будто чужая земля уходит из-под его ног.

– Вы… Вы… – зашелся он, – Вы же вот сейчас стоите и … стоите и лишаете меня единственного, что у меня есть!

– А что у Вас есть? – ради интереса спросил Деткин-Вклеткин.

– Возможность мыслить *масштабно*, вот что! – взлетел под небеси Хухры-Мухры.

– Подумаешь… – не осознал размеров трагедии Деткин-Вклеткин. – Невелика потеря!

– Да Вы же… Вы же кто – после этого? – Было понятно, что Хухры-Мухры задал этот вопрос самому себе. От него самого присутствовавшие и ждали ответа, который последовал непродолжительное время спустя и имел вид приговора: – Вы же после этого на-се-ко-мо-е!

Деткин-Вклеткин попытался примерить на себя новый идентитет, но идентитет не налезал.

– Придется объясниться, – смущенно сказал он эскимосу.

– И объяснюсь! – крикнул тот и немедленно впал в риторику. – Я думал, что Вы титан! Я думал, что Вы колосс! Я думал, что Вы… атлант, который держит на себе мироздание! Который управляет светилами и стихиями… Устами которого глаголет универсум… И мощной дланью которого я, заполярное ничтожество, причислен к клану небожителей. До Вашего прихода жизнь моя была пуста и бесцветна. Вы дали ей содержание, дали краски, Вы раскрыли мне глаза на то, что не единой вяленой нерпой жив человек, но и идееею-ююю… – Тут Хухры-Мухры запутался в гласных, упал в степную траву и зарыдал.

– Вон как убивается, – подал голос Случайный Охотник и с интересом инженера человеческих душ уставился на сотоварища. – Мне бы так ни в жисть не убиться!

Эскимос выл и катался по степной траве.

– Я только не понимаю, чего он так… – поделился недоумением Деткин-Вклеткин.

– Ну, как же – чего… – взял на себя роль толкователя Случайный Охотник. – Он-то думал, что для всего универсума старается, а выходит, что для ба… подружки Вашей одной!

Деткин-Вклеткин надолго задумался. Потом сказал:

– А вот и не выходит так, как Вы говорите. Куда ни повернуть – Марта есть часть универсума.

– Да никто и не сомневается, что она часть универсума, – заторопился Случайный Охотник. – Часть, но не *весь* универсум!

– *Весь* универсум больно абстрактен, чтобы жертвовать для него жизнью, – твердо и строго сказал Деткин-Вклеткин. – И тот, кто не понимает этого, – дурак.

– Ну вот, – приняв последнее заявление на свой счет, отвлекся выть и кататься по степной траве Хухры-Мухры, – он меня еще и дураком называет!

– Дураком я называю не Вас, – уточнил Деткин-Вклеткин. – Дураком я называю Случайного Охотника. – А Вас я пока никак не называю. Но сейчас назову. Я называю Вас расчетливой тварью.

Услышав такое, эскимос Хухры-Мухры даже привстал с травы. Чрезмерность оскорбления сделала свое дело: он на секунду лишился дара речи. Не дождавшись окончания этой секунды, Деткин-Вклеткин сказал:

– Если Вас интересует, почему я так Вас называю, то... как же Вас иначе называть?

– Некоторые в прежние времена называли меня зайкой... – вновь обретя дар речи, поделился воспоминаниями Хухры-Мухры.

– Вот и избаловали Вас, – развел руками Деткин-Вклеткин.

Помолчали.

– А что делает меня расчетливой тварью? – поинтересовался наконец Хухры-Мухры.

– Объясню Вам, – терпеливо начал Деткин-Вклеткин. – Расчетливой тварью делает Вас прежде всего то, что Вы, если и готовы постараться, то никак не меньше, чем для мироздания в целом. Часть

универсума для Вас ничто – Вам весь универсум подавай, иначе Вы и пальцем не пошевельнете. – На этом месте терпение Деткин-Вклеткина вдруг лопнуло с характерным треском, и, схватив эскимоса за шкирку, Деткин-Вклеткин разразился уже просто бранью в его адрес: – Мыслит он теперь масштабно, видите ли! И разговаривает только с титанами – как минимум. А с кем помельче – ни-ни... эх! Вот зарвался-то, прости-Господи! Нет уж, голубчик, как были Вы заполярным ничтожеством – так заполярным ничтожеством и остались. Титаны не торгуются! Титанам все равно, жертвовать собой для универсума или для кого-нибудь одного.

– Отпустите шкирку, – хрипло сказал Хухры-Мухры, – задушите ведь!

С гневом и презрением Деткин-Вклеткин отшвырнул эскимоса от себя далеко в степь. И – отряхнул руки.

– Здесь его и бросим? – с едва слышной жалостью спросил Случайный Охотник.

– Да не бросим, конечно, – успокоил его Деткин-Вклеткин. – Но стоило бы! А то – ишь: титаны, колоссы, атланты... мания величия просто!

– У меня тоже мания величия была, помните? – косвенно защитил друга Случайный Охотник. – Когда я себя в «Огнях Заполярья» рядом с Мадонной видеть хотел. Но вот же... я раскаялся в своих притязаниях на Мадонну – и теперь стал простым смертным.

Деткин-Вклеткин бросил на него подозрительный взгляд:

– Только помните и дальше, что Вы простой смертный... а то иногда Вы тоже на атланта смахиваете!

– Это я так, – улыбнулся Случайный Охотник, – по привычке. – Потом он с опаской посмотрел на Деткин-Вклеткина и голосом опытного психиатра, собеседующего с неопытным психбольным, спросил: – Ребенка-то Вашего куда девать будем?

Деткин-Вклеткин расхохотался:

– Вы тут где-нибудь ребенка видите?

– Ну как же... – огляделся по сторонам опытный психиатр, – бегал, помнится, один такой... маленький!

– Вы, Случайный Охотник, ерунду-то не пороли бы, – вдруг устал от него Деткин-Вклеткин. – Не поняли ситуации – не лезьте в нее! Факт рождения от меня ребенка где-то далеко отсюда решительным образом не меняет ничего вокруг Вас лично.

Случайный Охотник вздохнул так облегченно, что его чуть не унесло налетевшим невесть откуда порывом ветра.

– Ну, слава Богу! – справившись с ветром, воскликнул он. – А то я думал, Вы с ума сошли: у меня, дескать, ребенок родился! Вы же это так сказали, как будто прямо перед собой его увидели...

– И увидел! – Деткин-Вклеткин не понял сути прозрения Случайного Охотника.

– Да, но *внутренним* взором увидели! – возликовал тот.

– Понятно, что внутренним... Вы прямо как... как идиот от рождения! – не выдержал Деткин-Вклеткин.

Даже не заметив нанесенной ему обиды, Случайный Охотник вмиг все наконец понял и сказал с давно не свойственным ему похабным смешком.

– Это Вы когда... когда за спичкой в пятой главе отправились, ребеночка-то кое-кому сделали?

Лицо интеллигентного Деткин-Вклеткина от этого высказывания перекосило так, что Случайному Охотнику, явно вознамерившемуся получить ответ, пришлось зайти сбоку. Там он и услышал то, что заслужил:

– Пошляк.

Случайный Охотник вернулся назад и задумался. Сказанное ему – пусть и заслуженно – явно не годилось в качестве ответа.

– Дурак ты, дурак! – прошептал приползший из степи Хухры-Мухры, который все понял там, на отшибе. – Он, – эскимос едва заметно кивнул в сторону Деткин-Вклеткина, – детей совсем не так делает, как мы подумали!

– А как? – тоже шепотом спросил Случайный Охотник, фантазии которого не хватало на более чем один способ делания детей.

Эскимос Хухры-Мухры быстро показал себе на голову.

– Голово-о-ой? – сорвался на крик Случайный Охотник.

Хухры-Мухры скорбно кивнул. И почти неслышно добавил:

– Как он и все остальное делает.

– Бедный! – пожалел Деткин-Вклеткина Случайный Охотник.

Вдвоем Случайный Охотник и Хухры-Мухры снова перешли на ту сторону, куда перекосило лицо Деткин-Вклеткина и, заглянув в его добрые глаза, смущенно сказали:

– Примите наши запоздалые поздравления!

– Примите мою запоздалую благодарность, – ответил Деткин-Вклеткин и вздохнул: он не понимал, надо ли было поздравлять его с этим.

А между тем поздравлять его, вне всякого сомнения, надо. Во-первых, родителей с рождением детей всегда поздравляют (вне зависимости от того, кем становятся дети потом), во-вторых, можно ли не приветствовать на страницах настоящего художественного произведения такую любовь – любовь, не знающую границ между главами? Ибо только о любви и говорю я сейчас – о любви между мужчиной и женщиной, которая одна имеет право на существование, поскольку она одна кончается рождением детей. А какая же любовь – без детей? Если партнеры внутренне чужды друг другу, если постель, которую они делят, напоминает поле боя с окопом посередине, и если с обеих сторон этого окопа не слышно ничего, кроме грязных ругательств и проклятий, – тогда, в какую бы беззастенчивую близость партнеры ни вступили, детей им не видать как своих ушей.

А то вот еще многие считают, будто однополая взаимность – это тоже любовь. Однако какая же она, извините, любовь, когда от

нее детей не бывает? Сколько находящиеся в отношениях однополой взаимности ни лезут из кожи вон, стараясь доказать всему миру, что и между ними возможна любовь той же силы, как между мужчиной и женщиной, они постоянно терпят фиаско, ибо главного доказательства любви – детей – предъявить не могут. И когда им говорят: «Вот вы тут очень много говорите о силе вашей любви. Однако, если она и впрямь настолько сильна, – где же дети?» – им остается лишь опустить бесстыжие глаза и скорбно признаться: «Увы, детей у нас никак не получается». Тогда все со смехом начинают показывать на них пальцами и кричать: «Вы только взгляните на этих двух представителей однополой взаимности: они возомнили, будто могут любить так же сильно, как и мы. А того не понимают, что мужчина и женщина – это две половинки единого целого!» Тут представители однополой взаимности начинают с ужасом вглядываться друг в друга и видят, что никакие они не две половинки единого целого, а совсем даже наоборот – два безобразных целых. И, испытав приступ отвращения друг к другу, разбегаются в совершенно разные стороны, раз и навсегда поняв бессмысленность и бесплодность своего противного человеческой натуре мезальянса.

Но – спокойно, мой читатель! В настоящем художественном произведении ничего подобного случиться, конечно же, не может. Автору претила бы и сама мысль выписывать, например, разгорающуюся страсть Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, к Ближнему или становящееся все более явным влечение Ядрени Фени к Кузь-

киной матери... ни к чему все это, мой читатель! Нам ли с тобой идти на поводу у модных литературных веяний, уподобляясь тем мужчинам, которые со знанием дела описывают безрадостную жизнь лесбиянок, и тем женщинам, которые поднаторели на жалостливых рассказах о гомосексуалистах? Зачем, о мой читатель, тебе и мне выносить их сор из нашей избы? Ведь в настоящем художественном произведении что самое привлекательное? Самое привлекательное в нем – целомудрие, которое просто хлещет водопадом с безыскусных этих страниц. Впрочем, целомудрие, конечно, есть отнюдь не единственное достоинство настоящего художественного произведения – не понаслышке знакомы автору и приступы любви невиданной силы: как приступ, только что продемонстрированный на примере Деткин-Вклеткина. Любви, именно и нашедшей свое неоспоримое доказательство в появлении на свет вышеназванного плода – нежданно-негаданно сорвавшегося наземь с благоуханного древа!

А потому от всей души поздравим Деткин-Вклеткина – и вместе с ним ту, чьего имени мы с тобой, о мой читатель, не назовем! Впрочем... вот как интересно получается: мы этого имени *кому* не назовем? Явно ведь не Деткин-Вклеткину: он-то точно знает, что любит только одну женщину – и никого другого, а значит, никто другой (во всяком случае, в этом произведении!) от него родить не должен. И уж тем паче – не Марте, которая (как мы знаем из предшествующей главы) давно родила, так что скрывать сей факт от нее

самой уже поздно. Поздновато скрывать его и от других действующих лиц и их исполнителей... типа Редингота или Кунигундэ, которым болтливый автор настоящего художественного произведения даже представил вышеозначенный плод по имени (даже по двум именам: Татьяна и Ольга). Но все равно… что бы там ни было, а имени матери мы не назовем – имеем полное право! Имени не назовем, а обладательницу имени – вместе с Деткин-Вклеткиным, как сказано, – поздравим: поздравляем, дескать, вас обоих – так держать!

Ну, и… бросив мать с ребенком, пойдем дальше – куда шли, уже без остановок. А придем внезапно… опять, получается, в Японию – терпи, читатель: на сей раз это Деткин-Вклеткин сюда нас завел, он уже, стало быть, весь земной шар обогнул. Выходит, что не в ту сторону бедолага пошел, в какую ему следовало, – да только с кем не бывает!

У самого входа в Японию Деткин-Вклеткина встретила Умная Эльза. Она никогда не видела его прежде, но, увидев, сразу узнала и громко сказала:

– Здравствуйте, мой дорогой Деткин-Вклеткин, и добро пожаловать!

С этими трогательными словами она протянула Деткин-Вклеткину хлеб-соль на тут же проворно вытканном ею рушнике.

Приняв хлеб-соль и страстно поцеловав их в губы, Деткин-Вклеткин прослезился и спросил:

– Что мне с этим делать?

– Съедите на досуге, – нашлась Умная Эльза, но, вспомнив откуда-то, что Деткин-Вклеткин питается только духовной пищей, схватила себя за язык и чуть не вырвала его с корнем, вскричав: – Язык мой – враг мой!

Деткин-Вклеткин едва успел остановить ее, не то, конечно, плакал бы язык Умной Эльзы горючими слезами. А так язык весело рассмеялся и продолжал функционировать, сказав:

– Имелось в виду, разумеется, не съесть, а отдать Марте – чтобы она сделала голубя или голубицу из хлеба-соли.

– Где ж мне сейчас Марту-то взять? – озаботился Деткин-Вклеткин.

– Имелось в виду, – незамедлительно исправился язык, – не сейчас отдать, а при случае!

– Так… зачерствеет же хлеб! – растерялся Деткин-Вклеткин. – Голубей и голубиц только из свежего лепят… Соль же при этом вообще не добавляют, ибо слепленного не едят – им любуются.

– А-а-а… – протянул язык и замолчал, вспомнив вкус заживо съеденной им в далеком прошлом голубицы из хлеба.

– Тут вот два спутника со мной, – опомнился представить Случайного Охотника и Хухры-Мухры Деткин-Вклеткин, возвращая хлеб-соль Умной Эльзе.

Спутники расшаркались.

– Хорош шаркать! – воскликнула Умная Эльза, не выносившая шаркунов, и быстро проглотила хлеб-соль, чтобы больше не говорить о хлебе-соли ни слова.

Случайный Охотник и Хухры-Мухры притихли и затравленно посмотрели на Умную Эльзу.

– Строители-то где? – бодрым голосом поинтересовался Деткин-Вклеткин, чтобы сгладить неловкость.

– Это кого конкретно Вы имеете в виду? – вроде как невпопад спросила Умная Эльза.

– Тех, кто строит Абсолютно Правильную Окружность из спичек. – Деткин-Вклеткин был, как всегда, наготове.

– Ах, те-е-ех… Их больше нет с нами.

– Умерли? – ужаснулся Деткин-Вклеткин.

– Не все, кого нет с нами, умерли, – подвела под свой ответ логическую основу Умная Эльза. – Например, Сын Бернара тоже нет с нами, но это не означает, что он умер. Что же касается строителей, то они, закончив работу, разбрелись кто куда.

– Как это – «закончив работу»? – оторопел Деткин-Вклеткин. – Они ведь должны были линию из спичек до нас дотянуть… а не дотянули! И потому мы здесь.

– Так Вы разве не в Северном Ледовитом океане строили? Если да, то вам навстречу двигались не из Японии, а с севера России… Из Японии же навстречу никто никому не двигался – и к Японии никто не двигался. Япония суверенно Окружность строила.

Деткин-Вклеткин стоял и хлопал глазами в ладоши: получалось, что он, Деткин-Вклеткин, в данный момент якобы находился в Японии.

– То-то мне показалось, – признался он, – что шли мы больно долго… Я думал, здесь север России и есть!

– Здесь Япония, в которую Вы с юга пришли, подобно одному из патриархов, – сообщила памятливая Умная Эльза. – Я так полагаю, Вы весь земной шар обогнули... как тот маленький-горбатенький, который все поле обскакал.

– Что за маленький-горбатенький? – Образ определенно не понравился Деткин-Вклеткину.

– Да серп! – добродушно рассмеялась Умная Эльза. – Не понимаю, чего Вам не нравится... Красивый образ!

– Краше некуда, – огрызнулся Деткин-Вклеткин. – А кто дал Японии право Окружность строить – тем более суверенно?

– Право строить Окружность дал Японии Японский Бог. Право же строить *суверенно* дала Японии я.

– Ох, ни фига себе! – вырвалось у Случайного Охотника. – Ну, Японский Бог – дело понятное, а Вы-то Японии кто такая?

– Я Японии – защитница! – не обращая внимания на хамство, с гордостью сказала Умная Эльза.

– Покажите мне то, что тут построено, – с угрозой в голосе произнес Деткин-Вклеткин.

Умная Эльза испугалась угрозы.

– Не покажу. Вам этого не понять. Потому что Вы фанатик.

– Откуда Вы знаете, что фанатик? – смутился Деткин-Вклеткин.

– По глазам видно. У Вас в глазах блеск такой нездоровый появляется, когда Вы про Окружность говорите.

– Какая она наблюдательная! – шепнул Хухры-Мухры Случайному Охотнику. – Меня тоже глаза Деткин-Вклеткина всегда пугали...

– У Деткин-Вклеткина нету глаз. У него один дух! – пристыдил Случайный Охотник товарища, а Умной Эльзе, которая явно не пришлась ему по сердцу, сказал: – Вы как с патриархом разговариваете?

– Никакой он не патриарх, – обиделась за Деткин-Вклеткина Умная Эльза. – А наоборот даже – мужчина в самом собственном соку!

– Гаже не скажешь, – вяло отнесся Деткин-Вклеткин, вглядываясь в даль. Из дали уже спешила к нему компактная толпа в несколько миллионов японцев, причудливым образом прослышавшая о пришествии с юга очередного патриарха. По пути японцы спорили:

– И вовсе это не новый патриарх, а все тот же. Он просто второй раз с юга пришел, чтобы испытать нас!

– Да бросьте Вы! Была ему охота нас испытывать… патриархи испытаниями не занимаются! Испытатели занимаются, а патриархи – нет. Патриархам все по фигу, на то они и патриархи.

– По фигу все пофигистам, а не патриархам – Вы понятия-то разводите, что ли, как-нибудь…

– Пофигисты и патриархи – одно и то же. Каждый патриарх пофигист!

– Но не каждый пофигист – патриарх. Я вот знаю одного пофигиста – так ему до патриарха еще миль сто просветленным дерьмом плыть!

– Я не патриарх! – крикнул им навстречу Деткин-Вклеткин, чтобы снизить эффект неоправданного ожидания.

– Что он говорит?

– Он говорит, что не патриарх…

– А Вы слушайте больше! Ни один патриарх никогда не скажет, что он патриарх. Ибо главное отличие настоящего патриарха от ложного в том, что настоящий всегда говорит: «Я не патриарх».

– В этом не патриархов отличие друг от друга, а сумасшедших!

– Сумасшедший и патриарх – одно и то же.

– Да упорядочьте же Вы Ваш понятийный мир! То у Вас патриарх и пофигист – одно и то же, то патриарх и сумасшедший – одно и то же!

– У меня, между прочим, пофигист и сумасшедший – тоже одно и то же. У меня всё – одно и то же, ибо я преодолел тщету этого мира и не различаю добра и зла.

Так, весело пререкаясь, несколько миллионов японцев и подошли к Деткин-Вклеткину, чтобы остановиться подле него и преклонить головы.

Увидев столько много преклоненных голов, Деткин-Вклеткин спросил:

– Что мне с ними делать?

– Подзатыльников надавайте – все сразу и уберутся, – посоветовала Умная Эльза.

– А мы чем займемся? – поинтересовался Деткин-Вклеткин.

– А мы пойдем Окружность смотреть. Я все-таки решила показать ее Вам, раз Вы патриарх.

– Я не патриарх! – взорвался Деткин-Вклеткин и надавал подзатыльников миллионам японцев. Те действительно убрались – причем в благоговении.

– Ни один патриарх никогда не скажет, что он патриарх, – с кроткой улыбкой повторила чужую мудрость Умная Эльза, и все вместе они отправились в национальный парк.

Подойдя к величественной композиции «Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную», Деткин-Вклеткин схватился за сердце и, с болью глядя на Умную Эльзу, произнес посиневшими губами:

– Что… это… у вас… тут?

ГЛАВА 33
Автор вводит лишнего человека в рамки художественного целого и выводит его за эти рамки

Я хорошо пойму тех, кто, прочитав название этой главы, истошно воскликнет: «Ну, слава Тебе, Господи! Наконец-то!» Ибо наличие лишних людей в современной русской литературе, вне всякого сомнения, следует отнести к главным ее завоеваниям. Давным-давно миновали те скучные времена, когда лишних людей по пальцам можно было пересчитать, даже бы восемь свободных пальцев осталось, потому что лишних этих людей и имелось-то всего два – их обоих почему-то назвали в честь северных русских рек: Онегин да Печорин. Однако после безвременной кончины как одного, так и другого дефицит лишних людей еще долго наблюдался в отечественной изящной словесности – и многие читатели даже начали утверждать, что отныне лишних людей нам не видать уж больше. Только это было поспешное утверждение, потому как впоследствии количество лишних людей не только не сократилось (да и куда ж ему еще-то было сокращаться?), но, наоборот, увеличилось, ибо с определенного момента просто *все* новые персонажи попадали исключительно в разряд лишних людей, и наша литература стала

даже известна всему миру как литература лишних людей. В конце концов это сделалось ее отличительным признаком.

Итак, если тот или иной продукт литературного творчества хочет претендовать на высокое звание *отечественного художественного произведения,* в нем непременно должен быть, по крайней мере, один лишний человек. Этот лишний человек вовсе не обязан играть в рамках художественного целого какую-либо конструктивную роль, поскольку задача его не в этом. Его задача (и она у него одна-единственная) – опережать свое время, больше от лишнего человека ничего не требуется. За это, кстати, все лишние люди попадут в рай. «Чем занимался ты в земной жизни?» – строго спросит каждого из них апостол, например, Петр и услышит в ответ: «Я опережал свое время!» Тут апостол Петр скажет: «Вот молодец!» – и сразу распахнет перед таким лишним человеком золотые врата.

До сих пор в настоящем художественном произведении никто еще не опередил своего времени. Большинство из тех, с кем ты, о мой читатель, знаком, наоборот, шло в ногу со временем, чеканя шаг. Может быть, кому-то из них и удалось бы опередить свое время, если бы путающиеся у них под ногами отдельные индивиды не пытались повернуть время вспять. Так что все силы персонажей, которые в принципе могли бы опередить свое время, уходили не на то, чтобы опередить свое время, а на то, чтобы воспрепятствовать его движению назад. И это, надо сказать, персонажам прекрасно удавалось: загляните просто в любую из уже прочитанных глав! Вы увиди-

те, что ни в одной из них время не двигалось вспять – в худшем случае оно топталось на месте… пару раз, правда, опасно качнулось в обратную сторону, но и только.

Теперь же час пробил насквозь – и пора, совсем пора ввести в настоящее художественное произведение лишнего человека, дав ему поручение опередить свое время.

– На сколько опережать-то… намного? – недовольно спрашивает появляющийся в рамках художественного целого Лишний Человек (от природы, видимо, ленивый). Причем по лицу его видно, что ему свое время не только намного опережать не хочется, но и вообще ни на сколько не хочется.

– Вот чего Вы, интересно, тут появились – с такой физиономией? Не хотите опережать – не опережайте. И без Вас найдется, кому опережать!

– Какого лешего так сразу конфликтовать-то? – миролюбиво интересуется новоприбывший. – Уж и вопроса задать нельзя! Да опережу я Вам свое время, опережу, не бойтесь! На сколько надо – на столько и опережу. Дней на… пять хватит?

– Знаете что, Лишний Человек!.. – упирается автор. – Ради пяти дней Вас в настоящее художественное произведение и вводить не стоило бы: себе дороже. А потом, на пять дней Вам кто угодно свое время опередит: невелик труд!

– Вот Вы сначала опередите свое время на пять дней, а потом говорите, – бурчит Лишний Человек.

– И опережу! – в порыве запальчивости отвечает ему автор, но, конечно, не опережает.

– Так на сколько опережать-то? – идет на попятную Лишний Человек.

– Ну… лет на пятьдесят как минимум.

– На пятьдеся-а-ат? – полуофонаревает Лишний Человек и решительно говорит: – Нет, если на пятьдесят – тогда другого лишнего ищите. А я больше чем на два года не согласен... и на два-то года – много!

– Стоп-стоп-стоп, – начинает кипятиться автор, – что это за торговлю Вы мне тут, извините, устраиваете? Сначала на пять дней, потом на два года… – есть ведь какая-то разница между пятью днями и двумя годами? В двух годах таких пяти дней – сколько?

– *Сто сорок шесть* таких пяти дней в двух годах, – мгновенно подсчитывает в уме Лишний Человек. – *Сто сорок шесть*, но не *три тысячи шестьсот пятьдесят два с половиной раза* по пять дней, как в пятидесяти годах, если учитывать високосные… Вы тоже думайте маленько, когда опережать предлагаете!

Тут автор как следует подумал, но сказал не подумавши:

– Тогда опередите на пять лет. Меньше пяти лет – никак не годится. Или на пять лет опережайте – или я тогда другого ищу.

– Это где же Вы другого-то найдете? – с ехидцей спросил Лишний Человек. – Мы, лишние люди, у современных писателей ой каким спросом пользуемся! Вон один писатель из Кривого Рога перед приятелем моим, тоже лишним человеком, на коленях просто стоял, чтоб тот свое время на два часа опередить согласился.

– Я перед Вами на колени не стану, – с гордостью отозвался автор и усугубил: – Я вообще ни перед кем на колени не стану! Тем более что я не из Кривого Рога.

– Я Вам и не предлагаю передо мной на коленях стоять, – уступил Лишний Человек, – и не говорю, что Вы из Кривого Рога. Я просто пример привожу – чтоб Вам понятнее было, с каким уважением к нам, лишним людям, другие относятся. Вот… стою перед Вами и добром предлагаю опередить свое время на два года – на два года, не на два часа! А Вы вместо того, чтобы спасибо сказать, кобенитесь.

– Выражения выбирайте, – посоветовал автор. – Мы с Вами все-таки интеллигентные люди.

– Так не из чего же выбирать! – возмутился Лишний Человек, но тут же и сдался: – Ладно, не буду мелочиться: опережу на два года и четыре с половиной месяца, черт с Вами!

– Опережайте! – махнул рукой автор и принялся исчезать в облаке дыма отечества.

– Погодите, – крикнул ему вслед Лишний Человек, – зовут-то меня как?

– Зовут Вас Ладогин, – раздалось из облака, – сравните с Онегиным и Печориным!

– А занимаюсь я чем?

– Оказанием первой медицинской помощи потерпевшим... – еле слышно донеслось до него.

Лишний Человек Ладогин вздохнул и нехотя начал опережать свое время. Некоторые не очень умные индивиды увязались за ним, чтобы вместе с ним опережать, но Ладогин остановил их властным жестом и сказал:

– Отвалите от меня, некоторые не очень умные индивиды! Опережать свое время – не в бирюльки играть: это дело опасное и сосредоточенное.

Сразу все поняв, некоторые не очень умные индивиды остались в далеком прошлом, в то время как сам Ладогин уже переместился приблизительно на два с половиной года вперед. Относительно чего же это вперед-то, получается… получается, что относительно тридцать второй главы – вы следите за ходом моих мыслей?

Там, куда Лишний Человек Ладогин переместился, кипела работа – и Ладогин сразу заскучал: работа в качестве способа времяпрепровождения ему не нравилась. Как и всем лишним людям в русской литературе, ему нравилось влюбляться в недоступных женщин, скакать верхом да постреливать из пистолета. К сожалению, ни одной недоступной женщины в будущем не обнаружилось, а ска-

кать верхом и постреливать из пистолета от него не требовалось. Кстати, оказывать первую медицинскую помощь потерпевшим тоже было пока рано, ибо никто, со всей очевидностью, не терпел.

Лишний Человек Ладогин с тоской огляделся по сторонам, решительно не зная, чем заняться.

– Эй, ты, – услышал он чей-то внезапный окрик, – чего стоишь на дороге?

Окрик по праву принадлежал бригаде строителей, шедших со смены.

– Где хочу, там и стою! – пошел на конфликт Лишний Человек Ладогин, как у них, лишних людей, принято.

– А в рыло? – лаконично поинтересовалась бригада строителей.

– В рыло… – задумался было Ладогин, – не, в рыло не надо. Вы лучше, мужики, скажите, чего тут вообще происходит.

– Ты журналист, что ли? – расхохотались те.

– Журналист, – соврал Лишний Человек Ладогин.

– А-а-а… – уважительно отнеслась бригада строителей. – Ну, тогда… тогда ладно. Тебя что конкретно интересует?

– Трудовые будни, – опять соврал Лишний Человек Ладогин.

Бригада строителей задумалась.

– Мы тут, видишь ли, будни и праздники не различаем. Мы просто выполняем свой долг.

– А кому вы должны? – нашелся журналист.

Строители посовещались.

– Получается, что предкам нашим…седым.

– Это как?

– Да что ж ты за журналист-то такой? – возмутилась бригада строителей. – Руку на пульсе истории, что ли, не держишь?

– Держу… – покраснел Ладогин, специалист по оказанию первой медицинской помощи потерпевшим, – да только вот пульса нащупать не могу. Неопытный…

– Ну, тогда тебе много чего узнать придется! – пообещала бригада строителей и дала Ладогину интервью, от которого Ладогин почувствовал себя так, словно ему дали-таки в рыло.

Оказалось, что седые предки накрутили-навертели, а потомкам теперь разбирайся… Конкретно же дела обстояли таким образом, что седые предки якобы построили Абсолютно Правильную Окружность из спичек, но построили плохо – и потомкам приходится всё перестраивать.

– Так *все* перестраивать – или только Окружность? – не понял Ладогин.

– Да причем тут Окружность уже? – озадачили его потомки.

– Как это – «причем»? – смело взглянул в глаза потомков Ладогин. – Если седые предки именно Окружность плохо построили, то Окружность и перестраивать надо… а все-то зачем тогда перестраивать?

Бригада строителей махнула руками:

– Нам легче все перестроить, чем с Окружностью этой тетеньканться! Кстати, года полтора назад выяснилось, что седым предкам надо и вообще было не окружность, а четырехугольник строить. Ну и…

– Я в туалет схожу, – перебил бригаду строителей Лишний Человек Ладогин, но на самом деле сходил не в туалет, а в предшествующие главы, ибо установил, что знаний о настоящем художественном произведении у него недостаточно.

Вернувшись, Лишний Человек заявил:

– Значит, так… Вы, потомки, как я вижу, самой идеи не поняли. А идея в том, чтобы построить из спичек именно Окружность! Потому что спички – прямые, а Окружность – изогнутая. Четырехугольник же из спичек любой идиот построит.

– Ты, это… не груби! – приструнила его бригада строителей. – Что же касается Окружности, то… даже дошкольнику ясно, что из прямых не построишь окружности. Надо быть по самые икры деревянным, чтобы этого не понимать.

– Выходит, ваши седые предки по самые икры деревянными были? – поймал строителей на слове и не пустил их дальше Ладогин.

– Что-то вроде этого… – затопталась на месте бригада строителей.

– Не уважаете вы своих седых предков! – бросил им в лицо Ладогин.

Строители поочередно вытерли лицо за лицом и сказали:

– Почему же не уважаем, когда уважаем? Просто они наивные были – и кое-чего недопонимали. А мы пришли на их место и допоняли.

– Отчитайтесь в допонятом! – распорядился Ладогин силою вверенной ему ответственности.

И бригада строителей отчиталась. Выяснилось, что допоняли строители следующее: какою бы красивой ни считалась идея построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек, идея эта была совершенно романтической, ибо только безнадежным мечтателям может прийти в голову строить что бы то ни было, игнорируя природные качества строительного материала. Нельзя построить гидроэлектростанцию из пуха. Нельзя построить железную дорогу из фантиков. Нельзя построить судно из сахарной ваты.

– Как много вы допоняли! – восхитился Ладогин. – И… что же вы сделали с допонятым?

– Употребили допонятое в дело, – отрапортовала бригада строителей.

И рассказала Ладогину о том, что обсуждение идеи перестройки Абсолютно Правильной Окружности из спичек закончилось признанием необходимости построения равностороннего прямоугольника, вершины которого находятся в России, Иране, Китае и снова в России.

Географическая сторона проекта вызвала удивление Ладогина.

– Чем объясняется такой набор стран? – осторожно спросил он.

– Границами возможностей человеческого гения, – ответили ему. – Прошли те времена, когда некоторые недальновидные умы считали возможным прокладывать линию Окружности по воде и горным склонам. Удержать спички на подобных поверхностях, как показал опыт седых предков, не удалось еще никому. Потому-то для построения равностороннего прямоугольника и была выбрана исключительно суша: равносторонний прямоугольник призван покрывать максимально большую территорию восточного полушария таким образом, чтобы ни один из участков прямоугольника не выходил за пределы этой суши.

– И что же… Европа совсем не вовлечена теперь в проект? – осведомился Ладогин.

– Европа? – рассмеялась бригада строителей. – Да кому она нужна, эта Европа! Там, как ни крути, а Средиземного моря ни за что не миновать. Да и вообще… Ты, дорогой журналист, карту мира видел когда-нибудь?

На этот вопрос Ладогин ответил быстро и положительно.

– Ну, а раз видел… – продолжала бригада строителей, – тогда тебе не нужно и объяснять, что ни в хваленой Европе, ни в превозносимой до небес Америке, включая и недоразвитую Южную, ни в чахнущей Африке, ни тем более в занюханной Австралии нет такого внушительного куска суши, не пересекаемого водными акваториями, как в Евразии. Стало быть, за Евразией и будущее.

Тут Лишний Человек Ладогин облегченно вздохнул и сказал в сердце своем: «Хорошо все-таки, что я не зашел еще дальше в будущее!»

Между тем бригада строителей продолжала:

– Наша сила, как видишь, в том, что мы знаем границы возможностей человеческого гения.

– А «человеческий гений», которого вы все время поминаете, – это... – аккуратно начал подкрадываться к самому главному Ладогин.

«Человеческим гением» оказался тот, кого бригада строителей с любовью называла «Шаман Перестройки». Было похоже, что собственного имени Шаман Перестройки не имел. Лишнему Человеку Ладогину удалось с помощью разнообразных уловок выведать, что Шаман Перестройки в сопровождении многочисленных приспешников сравнительно недавно прибыл с севера и, бросив несколько смелых взглядов вокруг, сразу же покорил человечество этими своими смелыми взглядами. Об Абсолютно Правильной Окружности из спичек Шаман Перестройки, казалось, знал все, однако отнюдь и отнюдь не одобрял ни идеи в целом, ни всеобщего воодушевления по ее поводу. Поговаривали даже, что он позволяет себе высказываться о данной идее как о величайшем заблуждении человечества и что сам он видит свою миссию в том, чтобы помочь человечеству расстаться с этим заблуждением.

Шаману Перестройки удалось убедить массы в том, что полуразрушенное сооружение, упорно называемое ими Абсолютно Правильной Окружностью из спичек, таковою не является и вряд ли когда-нибудь явится – во всяком случае, если уже сейчас не начать перестраивать сооружение. Поскольку седые предки строительство попросту за-по-ро-ли. Увы.

Массам идея Шамана Перестройки понравилась не потому, что она позволила им увидеть якобы дефектность Абсолютно Правильной Окружности из спичек, но исключительно потому, что от масс отныне вроде как не требовалось строить – требовалось перестраивать, причем перестраивать непостроенное… а это занятие приятное, поскольку в случае чего дело можно было бросить на полпути и сказать: да ну… как можно перестроить то, что не построено! И умыть руки антибактериальным мылом Safeguard, после чего уже не бояться выходить на улицу. Выходя же на улицу, орать и топать ногами – выражая недовольство тем, что приходится не только доделывать за других недоделанное, но еще и переделывать это недоделанное. Массы обожают выходить на улицы и топать ногами.

По рассказам бригады строителей, Шаман Перестройки получался – по крайней мере, в глазах Лишнего Человека Ладогина – личностью стратегической. Сначала он собрал вокруг себя всех приверженцев Абсолютно Правильной Окружности из спичек и ласкал их своими смелыми взглядами. Разомлев от этих ласк, приверженцы даже начали забывать о внутренних распрях, каковых между

ними тогда имелось предостаточно. Главным противоречием, которое приверженцы на тот момент никак не могли решить, было противоречие в их представлениях о том, когда построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек все-таки следовало считать завершенным. Вечно живой Карл Иванович и компания – в свете якобы острой необходимости проложения линии Окружности еще и по территории того света – требовали немедленного прекращения всех строительных работ на этом, чему отчаянно сопротивлялись Редингот и прочие лучшие умы человечества. Они чувствовали, что дорогая для них идея не только бессовестно украдена группой подозрительных типов, но еще и трансформирована в нечто несуразное.

Однако Шаман Перестройки смог убедить Редингота и Карла Ивановича в том, что между ними нет и не может быть никаких разногласий. Именно Шаману Перестройки и принадлежала к месту ввернутая им однажды цитата насчет того, что богу – богово, а кесарю – кесарево. Прочувствовав силу этой цитаты на себе самом, Редингот в один прекрасный, как Собор Парижской Богоматери, день обратился к массам с такими словами: дорогие, дескать, массы, тут нет ничего моего – и потому я удаляюсь в высшие сферы, где все мое и где, стало быть, полагается находиться богу. Массы сначала плакали и рыдали, но потом прекратили, потому что внезапно увидели в словах Редингота непреходящую правду. Вместе с Редингтом в высшие сферы удалилась Татьяна и Ольга, а также выпущенные из

тюрьмы по амнистии Шамана Перестройки Марта, Ближний и Кузькина мать: они составили свиту Редингота, и отныне народ называл их херувимами. Иногда Редингот в окружении херувимов покидал высшие сферы и спускался к людям, помогая им в их большом и малом.

А вот «кесарева», т.е. принадлежащего Карлу Ивановичу, в этот же прекрасный день на месте вдруг не оказалось. Оглядевшись по сторонам, кесарь не нашел того, чем владел, и спросил Шамана Перестройки:

– Где ж мое-то?

Шаман Перестройки рассмеялся:

– Кесарево, Вы имеете в виду? Минуточку!

Он ударил в бубен – и из-за перегородки вышел большой человек в белом.

– Кесарево, пожалуйста, – вежливо скомандовал Шаман Перестройки.

Повалив Карла Ивановича на заранее приготовленный стол, большой человек в белом выхватил из-за уха бойкий скальпель и с удовольствием рассек Карлу Ивановичу чрево. В чреве не обнаружилось ничего интересного, о чем большой человек в белом так и доложил Шаману Перестройки:

– В чреве ничего интересного.

Шаман Перестройки, конечно, расстроился и разочаровался в Карле Ивановиче, внутреннем эмигранте, хоть и непонятно, чего уж

такого интересного он ожидал найти в его чреве. Зато приятно, что перед тем, как большому человеку в белом халате зашивать Карла Ивановича, Шаман Перестройки опустил тому во чрево колокольчик, дар Валдая, – и потом, оправившись после операции, Карл Иванович, внутренний эмигрант, не мог больше говорить, но зато невыразимо красиво звенел. Его Бабе с большой буквы так нравился этот звон, что, слушая его, она, по рассказам, забывала про все на свете.

Между тем Шаман Перестройки со всего размаху дал информацию о происходящем одному наружному органу массовой информации. Насилу оклемавшись от этого, наружный орган массовой информации распространил сведения о неблаговидном поступке Шамана Перестройки по всему миру, что и послужило началом изменения планов, касающихся построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек.

В варианте для печати неблаговидный поступок Шамана перестройки выглядел так:

«**Наружный орган.** *Вас называют Шаманом Перестройки. За что?*

Шаман Перестройки. А Вас называют Наружным органом. За что?.. Можете не отвечать мне: это я так пошутил! Шаманом же называют меня потому, что по профессии я шаман. Я родился на Крайнем Севере в семье потомственных шаманов. В период полового созревания я неожиданно почувствовал себя очень плохо и понял, что нахожусь не только на грани полового созревания, но и на грани психического нездоровья. Не буду говорить, в чем проявлялось мое половое созревание. Психическое

же нездоровье проявлялось в том, что я бежал людей. Я скрывался от них на ледяных просторах, не принимал пищи и забыл свое имя. Все это означало, что в меня вселился дух деда-шамана, который к тому времени как раз выселился из моего отца-шамана. Мне дали бубен и сказали: «Камлай!» Я не понял, что это значит, но принялся камлать и камлал несколько лет. Через несколько лет выяснилось, что «камлать» значит «посредством общения с духами лечить больных» и что я понял значение слова неправильно, из-за чего большинство из приходивших ко мне умирали. Отец попросил меня немедленно прекратить камлать так, как я камлал, и научил камлать так, как надо. После этого отец стал никому больше не нужен – в том числе и мне. Его с почестями похоронили – и вскоре он отправился в мир иной, где находится и по сей день, – я же начал камлать так, как до меня еще никто не камлал. Уже через короткое время я заметил, что способен на все. Однажды я случайно повстречал в ледяной пустыне голого человека в трусах, делом жизни которого было построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Он оказался чрезвычайно симпатичным внешне, но совершенно чуждым мне внутренне. С той поры меня и захватило непреодолимое желание перестроить то, что строил голый человек в трусах. Покорно идя навстречу этому желанию, я, сам не заметив как, превратился из просто шамана в Шамана Перестройки. Потому-то меня и называют Шаманом Перестройки.

Наружный орган. *Вы хотите сказать, что полностью прекратили камлать и что делом Вашей жизни стала Абсолютно Правильная Окружность из спичек?*

Шаман Перестройки. С чего Вы взяли, что я это хочу сказать? Я хочу сказать как раз совсем другое! Во-первых, я камлал, камлаю и буду камлать. А во-вторых, из того, что меня захватило непреодолимое желание перестроить Абсолютно Правильную Окружность из спичек, отнюдь не следует, что результатом перестройки тоже явится окружность.

Наружный орган. *То есть, Вы хотите сказать, что…*

Шаман Перестройки. Или Вы немедленно прекратите объяснять мне, что я хочу сказать, – или я начну камлать и превращу Вас в полярную совку.

Наружный орган. *Я лучше прекращу объяснять Вам, что Вы хотите сказать, и останусь просто наружным органом.*

Шаман Перестройки. Дело Ваше. Что касается меня, то наиболее Правильная Окружность, с моей точки зрения, есть квадрат.

Наружный орган. *Что Вы хотите этим сказать?*

Шаман Перестройки. Вот корректная постановка вопроса! Этим я хочу сказать, что геометрическая фигура, сдерживаемая исключительно центром и лишенная упорядочивающих пространственное целое вершин, которые целокупно, но каждая в отдельности локализуют продуктивные с точки зрения структурного единства потенции, не может претендовать на конструктивное совершенство.

Наружный орган. *Сложная формулировка.*

Шаман Перестройки. Сами напросились! Теперь Вы видите, что лучше было воспользоваться тем моим высказыванием, которое предложено Вам вначале, не вынуждая меня приводить соображения, стоящие за ним. Тем более, что я, разговаривая с Вами, делаю скидку на ограниченные ресурсы Вашего интеллекта! Итак, вернемся к первоначальной формулировке: Правильная Окружность, с моей точки зрения, есть квадрат.

Наружный орган. *Но разве квадрат не есть квадрат, а окружность – окружность?*

Шаман Перестройки. Нет.

Наружный орган. *Мне приходится настаивать на комментариях.*

Шаман Перестройки. Настаивайте.

Наружный орган. *Я настаиваю на комментариях.*

Шаман Перестройки. И напрасно, Вы все равно их не получите».

Многие из историков, впоследствии занимавшихся исследованием этого знаменитого диалога, замечали, что информация, передаваемая через его посредство, производит на них впечатление либо недоданной, либо недополученной, и пытались объяснить такое свое впечатление тем, что участники диалога даже не попрощались друг с другом. Но согласиться с этой оценкой трудно – и, прежде всего, вот почему. Попробуйте вернуться глазами (но только и исключительно – глазами!) к концу интервью и представить себе, что непосредственно после фразы: «И напрасно, Вы все равно их не получите», – Наружный орган говорит: «Всего доброго, Шаман Перестройки!», а Шаман Перестройки отвечает ему: «Прощайте, Наружный орган!». Притом, что вышеприведенное интервью заканчивается, конечно, не ахти, но такой финал сделал бы его уж совсем идиотским. Тут даже практически безразлично, какую именно форму прощания предпочесть: не менее нелепым для собеседников было бы сказать друг другу: «Чао-какао!» или «Целую в уста и в другие места!», или «Бывай, братан!»

Впрочем, как бы там ни заканчивался злополучный диалог, именно он считается переломным моментом в истории сооружения Абсолютно Правильной Окружности из спичек – в этом мнения утлых членов бригады строителей полностью совпадали. У Лишнего Человека Ладогина не было оснований не согласиться с ними – собственно, поэтому он с ними и согласился и пошел на берег реки, где

решил опережать свое время дальше, но увидел плывущего над рекой Рединготa со херувимами. Они имели вид речного тумана.

– Как Вы могли допустить все это? – без обиняков спросил Ладогин у Рединготa. Проигнорированные обиняки столпились в отдалении и враждебно смотрели на Ладогина.

– Вы о чем и кто Вы? – задал два вопроса Редингот.

– Я об Абсолютно Правильной Окружности из спичек, и я – Лишний Человек, – двумя ответами полностью удовлетворил его любопытство Ладогин.

– Лишних людей не бывает, – сказал Редингот с уверенностью бога. – Любой человек дорог Отцу Небесному.

– А вот об этом Вы лучше с автором настоящего художественного произведения поговорите, – переадресовал его Ладогин. – Или с Отцом Небесным.

Отца Небесного на месте не оказалось, автор же настоящего художественного произведения был слишком занят – так что Рединготу пришлось говорить и дальше с Ладогиным. А херувимы подлетели к обинякам и принялись утешать их как могли.

– Что касается Абсолютно Правильной Окружности из спичек, – вздохнул Редингот, – то она превратилась в квадрат.

– Вот то-то и оно! – с укоризной подхватил Ладогин. – Куда же Вы смотрели?

– Я смотрел в будущее, – ответил Редингот.

– То есть вот сюда... где мы сейчас находимся? – поразился Ладогин.

Редингот устало, как пахарь на закате, улыбнулся:

– Да какое же *тут* будущее? Тут унылое настоящее, дорогой мой! Унылое настоящее и квадрат. А будущее – оно далеко... далеко и округло.

– Вы это Шаману Перестройки скажите! – опять переадресовал его Ладогин.

– Шаману Перестройки это знать ни к чему, – махнул рукой Редингот, незаметно для себя сбив на землю целеустремленно пролетавшую мимо бабочку. – Он пошаманит-пошаманит да уйдет. Мы же – останемся. И будет нам честь и хвала.

– Вы тоже, что ли, время свое опережаете? – подозрительно спросил Лишний Человек Ладогин, подбегая к потерпевшей бабочке, расправляя ей крылья и делая искусственное дыхание, а потом и массаж сердца. Оклемавшись, бабочка шумно задышала, вскочила на крепкие ноги, поблагодарила Ладогина за оказание первой медицинской помощи и продолжила свой целенаправленный полет.

– Чтобы *я* свое время опережал? – продолжал между тем Редингот. – Да никогда в жизни! Я-то как раз иду в ногу со временем. Его нельзя оставлять без присмотра. Не то опередишь его, оглянешься, а они тут такого натворили...

– Они – это кто?

– Герои настоящего художественного произведения – вот кто!

– За этим не Вам следить полагается, за этим автору следить полагается! – упорядочил полномочия Лишний Человек Ладогин.

– На автора надейся, а сам не плошай, – сказал бог по имени Редингот.

Кстати, он был совершенно прав.

И, будучи правым, собрал херувимов, чтобы вместе с ними отправиться дальше. Загрустившие без херувимов обиняки тоже бросились вслед и слились со свитой Редингота. Скоро уже было совсем трудно сказать, кто там вдали – херувим или обиняк...

В этом месте настоящего художественного произведения автор вздохнул и подумал, что пора бы здесь вывести Лишнего Человека за рамки художественного целого, ибо поставленную перед ним задачу – опередить свое время – Ладогин давно выполнил и больше никому не нужен.

– А зачем я опережал свое время? – так ничего и не поняв, интересуется тот, стоя непосредственно у выхода из поля зрения автора.

– Чтобы другим неповадно было, – отвечает автор с хитрецой и, закрывая дверь за Лишним Человеком Ладогиным, говорит, обращаясь теперь уже к истории человечества: – Ну что, история человечества, наделала в штаны?

ГЛАВА 34
Еще одно беспардонное нарушение принципа линейности повествования, уже сто раз нарушенного

Только очень немногие из вас – практически единицы, – разлюбезные мои читатели, догадываются, да и то смутно, что автор – тоже человек. А между тем именно потому автору и не чуждо ничто человеческое – взять вот, например, человеческие слабости, которых у него хоть отбавляй... и отбавляй, и отбавляй. Автор – как, в общем-то, и любой из нас! – груб и невоспитан, глуп и необразован, труслив и малодушен, подл и коварен, лжив и бесстыден, нагл и распущен, зол и несправедлив, жаден и завистлив, себялюбив и корыстен, расчетлив и низок, гадок и омерзителен, хищен и бессердечен, дряхл и уродлив, молод и наивен, сер и невыразителен, аляповат и безвкусен, худ и изможден, толст и неповоротлив, вял и безынициативен, нервен и раздражен, наг и сир, надменен и заносчив, жалок и одинок, мелочен и отвратителен, нищ и обездолен, страшен и чудовищен, болен и немощен... Но главное – совершенно беспринципен. Иной раз подойдет к нему какой-нибудь дотошный гражданин вселенной и скажет с укором:

– Что у Вас человеческих слабостей хоть отбавляй – это я вижу. Но меня интересуют Ваши сильные стороны – в частности, Ваши принципы: принципы хоть какие-нибудь есть у Вас?

А беспринципный автор в ответ:

– Да что Вы такое говорите-то, дорогой дотошный гражданин вселенной... конечно, у меня есть принципы, у меня ужасно много принципов!

– И что же Вы с ними делаете? – саркастически интересуется дотошный гражданин вселенной.

Тут припертый к стенке беспринципный автор начинает юлить: дескать, ничего особенно я с ними не делаю, просто имею – и все, но тогда дотошный гражданин вселенной садится в позу лотоса и, излучая неземной свет, бесполым голосом Абсолюта произносит:

– Мало иметь принципы – им надо еще и следовать.

После этого чашечка лотоса захлопывается и уплывает по большой воде, а автор остается один на один со своею совестью.

Ничего хуже этого представить себе нельзя, ибо совесть автора имеет садистские наклонности. Причем ей совершенно наплевать, имеет ли автор мазохистские наклонности, – ей даже наоборот приятнее мучить того, кто удовольствия от этого не получает.

– Ну-с, – говорит совесть, поигрывая хлыстом, – докладывай.

А что тут доложишь, разлюбезные мои... что принцип жизнеподобия мхом порос? Что принцип историзма приказал долго

жить? Или что принцип линейности повествования – причем уже который раз – коту под хвост... бедное, между прочим, животное!

Короче, доложить, значит, нечего – в чем подлая совесть, кстати, ни на минуту и не сомневается, ибо сама была свидетельницей всему происходившему в настоящем художественном произведении: не без совести же авторы творят и созидают!

– Та-а-ак, – резюмирует совесть, не дождавшись ответа и совершенно хулиганским образом свистит в два пальца. На свист этот со всех сторон начинают сбегаться ее сестры: сначала, конечно же, честь, потом – справедливость, искренность, гуманность, достоверность, правдивость, решительность, бескомпромиссность, терпеливость, стойкость, непоколебимость, бесстрашность... Все они имеют вид кровожадных девиц – и каждая кто с чем: одна с ремнем, другая с плеткой, третья с дубиной. Последней на свист прибегает запыхавшаяся младшенькая – краткость, таща за собой упирающегося братца, который орет благим матом.

Собравшись все вместе, сестры подозрительно долго шушукаются между собой, после чего плотным кольцом окружают автора и начинают поочередно наносить ему удары: хлыстом, ремнем, плеткой, дубиной... но наиболее тяжело переносить побои краткости, орудующей как битой совершенно уже обмякшим и давно безучастным ко всему, но весьма и весьма плотным братцем. Получить таким братцем пару раз по спине – дело далеко не шуточное... При-

том, что братец, хоть и обмякший и безучастный, нарочно продолжает орать благим матом...

Предполагается, что после такого урока беспринципный автор и думать забудет о том, чтобы плевать на принципы... ан – горбатого могила исправит. Весь в синяках и ссадинах, горбатый (он же – автор) вынужден вздохнуть и опять нарушить принцип... принцип линейности повествования – и это в который раз!

То есть, нам придется вернуться туда, где мы уже были... как бы кому из нас ни казалось, что делать там больше нечего!

Покинув явочную квартиру, на которую никто не явился, Кунигундэ лишила решить... то есть, решила лишить Карла Ивановича правой руки. Не в прямом, конечно, смысле, ибо зверем она отнюдь не была – чтобы так вот взять и оторвать кому-нибудь руку. Кунигундэ просто собралась найти Эдуарда, который волею исторических судеб оказался правой рукой Карла Ивановича, внутреннего эмигранта. Найти и убить его. Правда, она совсем плохо представляла себе, как это у нее получится, зато хорошо представляла себе распластанного на сырой – и только на сырой! – земле мертвого Эдуарда, раскаивающегося в своем предательстве.

– Поздно раскаиваться, милый, – скажет ему тогда Кунигундэ. – Поздно, потому что ты давно мертв.

А Эдуард зарыдает в когда-то красивый голос, и его когда-то благородное лицо исказит гримаса отчаяния.

В воображении Кунигундэ картина получалась величественная. Величественная, однако недостаточно кровавая. Размышляя о том, как исправить этот недостаток, Кунигундэ вспомнила о Сын Бернаре и решила, что будет неплохо, если Сын Бернар загрызет Эдуарда и разорвет его тело на мелкие кусочки. Сложив эти кусочки в подобие целого, Кунигундэ обратится к Эдуарду со следующими справедливыми словами:

– Посмотри, что с тобой стало! И так будет с каждым предателем.

Кунигундэ купила вареной колбасы, чтобы приманить Сын Бернара, и пошла по Змбрафлю, громко выкрикивая:

– Сын Бернар! Сын Бернар! К ноге!

Других команд собакам она не знала.

Мертвецы поглядывали на нее как на полоумную, а один сказал:

– Зачем же Вы так публично зовете Сын Бернара, когда всем известно, что он подпольщик? А в настоящее время он и вообще партизанит!

– Если всем известно, что он в настоящее время партизанит, то, может быть, известно и где он партизанит?

– Еще бы неизвестно! – ответили мертвецы. – Он партизанит в лесах.

Кунигундэ окрылило это сведение – и она полетела в леса. Летая над лесами и держа вареную колбасу поближе к земле, Кунигундэ неустанно выкрикивала:

– Сын Бернар! Сын Бернар! К ноге!

– Это как – «к ноге»? – вдруг услышала она из зарослей тута, откуда через некоторое время показалась лохматая голова Сын Бернара.

– О, Сын Бернар! – радостно воскликнула Кунигундэ, спустилась на землю и, отдав ему вареную колбасу, объяснила, что «к ноге» – это когда собака послушно идет рядом с хозяином, возле его правой ноги.

– Вас не дрессировали никогда, что ли? – удивленно спросила Кунигундэ.

Сын Бернар, доедая вареную колбасу, отрицательно помотал головой.

– Надо же! – еще больше удивилась Кунигундэ. – Вы производите полное впечатление дрессированного.

– И Вы такое же впечатление производите, – комплиментом на комплимент ответил Сын Бернар и спросил: – А Вы вообще-то кто?

Тут Кунигундэ во всех подробностях рассказала ему историю своей жизни – до того момента, когда она, проснувшись, поняла, что в структуре художественного целого все изменилось, и решила действовать.

– Давайте тогда действовать вместе, – предложил Сын Бернар, вытирая пасть всегда имевшейся у него белоснежной салфеткой. – Потому что мне одному трудно пускать поезда неприятеля под откос и взрывать мосты.

– Зачем Вы пускаете под откос поезда и взрываете мосты? – поинтересовалась Кунигундэ.

– Это все партизаны делают, – объяснил ей Сын Бернар.

– А если завтра все партизаны топиться пойдут, Вы тоже пойдете? – задала риторический вопрос Кунигундэ. – Поезда и мосты тут вообще ни при чем. Мне кажется, надо сделать государственный переворот, лишив Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, правой руки, то есть Эдуарда. Вы загрызете Эдуарда и разорвете его на мелкие кусочки. И потом мы похороним его как собаку... извините! – обезвредим Карла Ивановича и передадим власть в руки Редингота. Тогда все опять будет как было.

– Как было уже не будет, – вздохнул Сын Бернар, не обратив внимания на дискриминирующую его подробность. – Рединготуже больше не возьмет власть в свои руки. Он очень изменился. Мы все изменились...

– Почему? – с болью спросила Кунигундэ.

– Потому! – тоже с болью ответил Сын Бернар. – Репрессии повсюду...

– Я не боюсь репрессий! – просто сказала Кунигундэ.

– Вы просто никогда не были репрессированы, – напомнил ей Сын Бернар. – Пройдите через это – потом говорите.

– А Вы, что – прошли?

– Лично я – пока нет, – стушевался Сын Бернар. – Но многие прошли, и многие из репрессированных уже сломлены.

– Мне кажется, что вы уже все сломлены, хоть пока и не все репрессированы, – мрачно заключила Кунигундэ. – Сломлены репрессиями, которым были подвергнуты другие. Эффективные такие репрессии... – ломают тех, против кого они направлены, а заодно и всех остальных. То-то, наверное, Карл Иванович, внутренний эмигрант, доволен... он на подобный эффект, небось, и не рассчитывал!

– Кто Вы, вообще-то, есть, чтобы нас судить? – Сын Бернар явно почувствовал себя задетым за живое и здоровое.

– Я Кунигундэ, – спокойно ответила Кунигундэ. – Падшая женщина, которая не то что репрессии прошла – которая огонь, воду и медные трубы прошла. – И, не заметив уважения в лице Сын Бернара, добавила: – На нас, падших женщинах, между прочим, вся мировая литература держится. Обычно это мы выводим человечество из интеллектуальных тупиков. Мы направляем и на путь истинный.

– Хотите сказать, человечество вам подчиняется? – недоверчиво, но почти с уважением спросил Сын Бернар, который время от времени ловил себя на том, что не понимает человечества.

– Конечно, подчиняется!

– Странно, – вырвалось у Сын Бернара против воли. – Вы ведь... Вы ведь падшая и не можете быть таким уж большим авторитетом!

– Наоборот, – возразила Кунигундэ. – Ко мне очень даже прислушиваются. Я, видите ли, кристально... до неприличия, то есть, честна. Не от природы честна, не подумайте! Просто я пала так низко, что могу позволить себе говорить одну правду.

– Если Вы действительно так низко пали, то Вы не только правду говорить – Вы уже вообще все, что хотите, можете себе позволить! Например, беззастенчиво врать Вы тоже можете себе позволить! – Сын Бернар осторожно перешел в наступление.

– Могу, конечно, – подумав, сказала Кунигундэ, – только дело ведь, в конце концов, даже и не в том – позволить, не позволить... Дело в том, что там, внизу, где я нахожусь, как-то уже... не врется.

– Да не может быть, чтобы так-таки совсем не вралось!

– *Совсем* не врется, Сын Бернар. Впрочем, вам, собакам, не понять... – вздохнула Кунигундэ, но сразу опомнилась, – ...ой, простите, ради Бога, я не то имела в виду! Вы, конечно, могли бы понять, почему мне не врется... но для этого Вам следовало бы пасть так же низко, как я. А собаки... животные то есть, так низко не падают.

– Это как же... *так* низко? – Сын Бернара передернуло, словно от сквозняка: он прекратил наступление, впервые представив себе глубину бездны, на дне которой находилась Кунигундэ.

Кунигундэ улыбнулась кроткой улыбкой и потрепала Сын Бернара по лохматой голове:

– Ужасно низко, Сын Бернар. Ниже не бывает.

– И что ж… – Сын Бернар на миг увидел перед собой дно и отшатнулся, – Вы там *одна*?

Кунигундэ полукивнула. Из полукивка этого следовало, что, если не совсем одна, то уж, во всяком случае, и не в толпе себе подобных.

– Видите ли, мой дорогой, – объяснила она, – люди ведь создания пугливые. Вот... карлов ивановичей с эдуардами боятся, репрессий боятся. Совсем уж высоко не залетают и совсем уж низко не падают... стараются, то есть, в поле зрения оставаться: там, дескать, кто-нибудь да спасет в случае чего! – Кунигундэ усмехнулась. – А страх только и существует – в поле зрения. Тем, кто удалился за пределы поля зрения, – не страшно: они выше страха. Или ниже страха – как я.

– А если... если я сейчас возьму и прыгну к Вам в бездну? – ни с того ни с сего спросил Сын Бернар.

– Сначала – огонь, потом вода, потом медные трубы... другого пути в бездну нет.

– Жаль... – поежился Сын Бернар, не любивший в основном воды.

– Да Вы мне в бездне и не нужны, – кристально честно сказала Кунигундэ. – Вы мне тут, наверху, нужнее. Загрызете Эдуарда?

– Если покажете как... – частично пообещал Сын Бернар.

– *Я* покажу? – опешила Кунигундэ и смутилась, тихонько пощелкав зубами. – Боюсь, что *мне* – не показать... его еще на мелкие кусочки разорвать надо!

– *Л*адно, я сам загрызу, – вздохнул Сын Бернар. – И разорву на мелкие кусочки. А Вы потом меня выведете из интеллектуального тупика – на путь истинный?

– И Вас выведу, и остальных, – обнадежила его Кунигундэ. – Мы, падшие женщины, для этого и созданы.

И они отправились загрызать Эдуарда.

Между тем у Эдуарда с самого утра было нехорошее предчувствие. Ему все никак не удавалось отделаться от ночного кошмара, в котором он, Эдуард, приводил в свой дом хорошенькую женщину с панели и начинал предаваться с ней страстной любви прямо у порога. Внезапно женщина в его объятиях превращалась в пса – и пес этот принимался рвать его голое тело.

От кошмара у Эдуарда осталось ощущение острой боли в членах и их сочленениях. Встав с постели, он принял аспирин и позвал тупых телохранителей.

– К чему снятся женщины, превращающиеся в псов, причем в псов, разрывающих твое голое тело? – спросил он у тупых телохранителей.

Тупые телохранители заухмылялись и замычали нечленораздельное. Члены Эдуарда и их сочленения – каждый и каждое по отдельности – ответили на это новыми приступами боли. Прогнав

тупых телохранителей, Эдуард ласково погладил члены и их сочленения, пытаясь успокоить свое настрадавшееся во сне тело, но тело не успокоилось, а принялось ныть – и ныло громко. Тем не менее Эдуарду все-таки удалось расслышать телефонный звонок – а на экране телефона высветилась надпись: «Карл Иванович звонит. Подними трубку, мразь!» Карл Иванович сообщил, что дело швах, отказался как-нибудь прокомментировать свое высказывание и бросил трубку так, что у Эдуарда засвербило в ухе. И без того паршивое состояние Эдуарда превратилось уже просто в отвратительное. Он немедленно пригласил к себе обольстительных наложниц и хотел было вступить в связь с одной-двумя, но внезапно ему показалось, что у всех его обольстительных наложниц песьи головы, и Эдуард – охваченный паникой – выставил их за дверь. Постояв некоторое время за дверью, обольстительные наложницы в конце концов с визгом разбежались кто куда.

– Вас какая-то дама с собачкой спрашивает, – доложил дворецкий.

– Пусть войдет, – сказал Эдуард, в одно мгновение решив бросить вызов судьбе.

В проеме двери обозначилась Кунигундэ. Возле ее правой ноги послушно стояла собачка размером с годовалого быка.

«Ничего себе – “дама”, ничего себе – “с собачкой”!» – злобно подумал Эдуард и приветливо обратился к Кунигундэ:

– Ты по какому вопросу, брошенка?

– По вопросу с лица земли тебя стереть, – призналась дама с собачкой.

– Это за что же такое? – ухмыльнулся Эдуард.

Кунигундэ прошла в комнату и села в кресло. Собачка легла у ее ног.

– За измену!

– За измену тебе, что ли? – Тут Эдуард просто расхохотался. – Кому бы об изменах говорить – с твоим-то прошлым! Ты, пожалуй, мне только с автором настоящего художественного произведения еще не изменила. Или изменила уже?

– Нет еще, – сказала Кунигундэ, не пряча глаз. – Ты прав, мое прошлое темно. В нем много неприятных и даже отвратительных эпизодов. Признаюсь, что я действительно была рабыней своей страсти, хоть и легко могу найти тому объяснения.

– Какие же такие объяснения? – В голосе Эдуарда звучала издевка. Лежавшая у ног Кунигундэ собачка зарычала. – Тяжелое детство? Необходимость зарабатывать на хлеб? Обилие детей, которых надо обуть-одеть?

– Ты стал низким, Эдуард, – с грустью произнесла Кунигундэ, погладив явно нервничавшую собачку. – Знаешь ведь, что я никогда не была практичной. Каждая из моих измен объясняется состоянием влюбленности.

– Нельзя быть влюбленной во стольких мужиков сразу! – с запоздалой на несколько лет обидой воскликнул Эдуард.

– Я никогда не была влюблена в тех, кого ты называешь «мужиками», – с трудом повторила за ним ненавистное ей слово Кунигундэ. – Никакой конкретный индивид ничего для меня не значил и не значит. Я влюблена в пол – только в пол как таковой. В мужской, – уточнила она.

– Так не бывает! – Эдуард нервно заходил по комнате. Собачка приподняла голову и пристально следила за ним.

– А как же те, кто влюблен в определенное время года? – вскричала Кунигундэ. – «Татьяна (русская душою, сама не зная почему) с ее холодную красою любила русскую зиму!»

– Зúму, а не зимý! – с презрением поправил ее Эдуард.

Собачка встала на свои бычьи ноги – и шерсть на ее загривке поднялась.

– Если ты, ублюдок, – четко выговорила собачка, – еще раз в моем присутствии отредактируешь Пушкина, сукина сына, я загрызу и разорву тебя на куски задолго до окончания этого разговора.

– Ой... – чуть не сел там, где стоял, Эдуард. – Собака заговорила.

– Вот видишь? – заметила Кунигундэ, снова кладя собачку на место. – Даже бессловесная тварь – и та не выдержала... Так о чем мы?

– О *моих* изменах! – кривляясь, как клоун, закуражился Эдуард.

– Не об изменах, а об измене! – гневно сказала Кунигундэ. – Я никогда не осудила бы тебя, если бы ты тоже стал рабом своей страсти и предал меня. Но ты предал дело! Этому нет прощения.

Высказывание Кунигундэ явно озадачило Эдуарда.

– Ты какое «дело» имеешь в виду?

– Дело построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек!

В комнате долго было тихо. Слышалось только громкое урчание в животе Сын Бернара. «А собака-то голодная!» – с тоской отметил про себя Эдуард. Потом он устало взглянул на Кунигундэ:

– Дела я никогда не предавал. – И призвал Бога в свидетели.

Бог – в лице Редингота – не замедлил явиться, держа за руку Татьяну и Ольгу, как он теперь делал всегда.

– Редингот! – вскочила с кресла Кунигундэ, а Сын Бернар тявкнул как щенок. – Мы же с Вами через три часа в «Колготках» встретиться договорились...

– Вы уверены? – с непонятной растерянностью спросил Редингот. – Может быть, может быть... Но сейчас у меня другие задачи – я призван Эдуардом в свидетели. И я свидетельствую, что дела он действительно не предавал... хоть во всем остальном действительно мразь порядочная. У него просто изменился взгляд на сущность Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Такое может случиться с каждым.

– Но он же... он же Карла Ивановича правая рука! А репрессии?

Редингот горько усмехнулся:

– Репрессии, увы, проходят под знаком борьбы за чистоту идеи. Так что... к Карлу Ивановичу и Эдуарду не придерешься.

– А я тут Эдуарда загрызть собирался... Загрызть и разорвать на мелкие кусочки, – подойдя к Рединготу, сказал Сын Бернар и хотел было потереться о рединготову ногу, но смутился и не стал.

– Загрызть и разорвать... – эхом откликнулся Редингот. – М-да... такая, вроде бы, красивая идея – А-б-с-о-л-ю-т-н-о П-р-а-в-и-л-ь-н-а-я О-к-р-у-ж-н-о-с-т-ь, – а ничего, кроме вражды и горя, не родит... Почему же оно так получается?

И печальными глазами бога, не узнающего своих творений, взглянул он на Сын Бернара и Кунигундэ. Тихая слеза побежала по его щеке.

– Деда... – скуксилась Татьяна и Ольга, – деда, не плачь, а то я тоже заплачу!

Титаническим усилием воли Редингот тут же взял себя в руки – да так, что бежавшая по его щеке слеза опрометью устремилась в обратную сторону, вверх, к глазу, и, добежав до него, впиталась туда без остатка.

– Здорово! – проследив ее путь, завороженно произнесла Кунигундэ. – Как это у Вас вышло?

Редингот рассмеялся и, гладя Татьяну и Ольгу по русой голове, ответил:

– Чего только не сделаешь – только бы вот она не плакала! Ибо никакая гениальная идея человечества ничего не стоит, если ради нее должна быть пролита слеза хоть одного ребенка...

– Вы прямо Достоевский! – восхитился начитанный Эдуард.

Помолчали, поскольку говорить после такого замечания стало не о чем.

– Мне, что же... не загрызать его? И на мелкие кусочки не разрывать? – кивнул Сын Бернар на Эдуарда.

– Почему эта собака все время разговаривает? – наконец возмутился тот.

– В присутствии бога любая собака разговаривает, – объяснил ему Редингот.

– Она в Ваше отсутствие тоже разговаривала, – насплетничал Эдуард.

– Я и тогда присутствовал, – соврал бог. – Только незримо. – Потом взглянул на растерявшегося Сын Бернара и сказал ему в самое сердце:

– И не загрызать, и не разрывать, Сын Бернар. Вообще... не надо неприязни, не надо кровопролитий.

– Ну, вот! – горько вздохнула Кунигундэ. – Чего ж еще ждать от этой интеллигенции... Эх, Редингот, Редингот! Вас из истории чело-

вечества уже просто невесть куда вытолкали, а Вы все миндальничаете. Дождетесь, что они у Вас на голове канкан плясать будут!

– Когда будут, тогда мы об этом и поговорим, – пообещал Редингот и исчез из виду, унося в объятиях Татьяну и Ольгу.

Эдуард сумрачно взглянул на стоявших в оцепенении гостей и вдруг рявкнул:

– Вон отсюда – пока живы!

Кунигундэ и Сын Бернар выскочили на улицу как две побитые собаки. На улице Сын Бернар сказал:

– Вот видите... я же говорил, что все мы очень изменились!

– Вы изменились, а он, – Кунигундэ с надеждой посмотрела в опустевшее небо, – он остался прежним. Как нам все-таки повезло, что мы знакомы с ним! С этим утесом – единственным утесом в структуре художественного целого...

– Он больше не строит Окружности, Ваш утес! – с обидой произнес Сын Бернар.

Кунигундэ улыбнулась:

– Не строит?

– На спину ко мне! Быстрее! – внезапно скомандовал Сын Бернар, присев на задние лапы.

Повторять и объяснять что-либо не потребовалось: Кунигундэ и сама увидела, как из дома Эдуарда посыпались, будто орехи, телохранители – с явным намерением схватить их обоих.

– Я... словно Василиса Прекрасная... на сером волке! – задыхаясь, поделилась она ассоциацией с Сын Бернаром, уносившим ее в леса.

– Вы не Василиса Прекрасная, а трепло последнее! – раздалось из-под нее. – Ну кто Вас за язык тянул сообщать Эдуарду место и время Вашей встречи с Рединготом – в «Колготках», через три часа! Теперь попробуйте туда явиться – Вам башку-то отвинтят... Мы же с Вами отныне Эдуарду главные враги!

Сын Бернар остановился, ссадил Кунигундэ и в изнеможении опустился на траву.

– Нет, – с досадой сказал он, – все-таки надо было его загрызть и разорвать! Зря я дал себя уговорить...

– Не зря, – тихо отозвалась Кунигундэ. – Рединготу виднее: он бог.

– Только не собачий бог, а человечий, – буркнул Сын Бернар. – А нам, собакам, человечьему богу подчиняться необязательно.

– У Вас, что ли, свой есть бог – собачий?

– Нет, – нехотя признался Сын Бернар. – Собачьего нету.

– Тогда человечьему подчиняйтесь... какой-никакой бог и у собаки быть должен!

– Да должен, конечно... – пришлось согласиться Сын Бернару. – Плохо без Бога.

Они лежали на траве и разговаривали. Сын Бернар собирался сегодня пустить под откос еще два-три поезда неприятеля, но после

наставлений Редингота у него пропало настроение враждовать... Что касается Кунигундэ, то она совершенно не представляла себе, как ей теперь с Редингтом вообще встречаться: если в «Колготках» облава, то отправляться туда, конечно, смысла нет.

– Беда в том, – сказала вдруг Кунигундэ, – что близость к Богу расхолаживает. Если Бог где-то около, если он все время незримо присутствует рядом, то предпринимать, получается, ничего не надо: ситуация, вроде, и так под контролем…

– Вот то-то и оно! – поддержал ее Сын Бернар. – А между тем предпринять много чего надо было бы. Например, Марту освободить из тюрьмы давно пора. Тем более что Татьяна и Ольга без матери растет. И Ближнего с Кузькиной матерью. Да вот еще... запрос насчет Деткин-Вклеткина, Случайного Охотника и Хухры-Мухры сделать бы неплохо. Не могли же три человека так вот совсем бесследно пропасть! Есть ведь какие-то службы розыска!

– Есть, конечно. Но только... если Бог поблизости, службы розыска ни к чему.

– Я вот давно хочу Вам сказать... – Сын Бернар чего-то застеснялся и перешел на шепот. – Вы ведь в курсе того, что о Рединготе иногда говорят? Ну, что он, дескать, никакой не Бог...

– А кто? – приподнялась на локте Кунигундэ.

– ... он, дескать, *Японский* Бог...

– И – что? Вас чем Япония не устраивает?

– Почему сразу – «не устраивает»? – обиделся Сын Бернар. – Просто мне интересно: зачем вообще слово «японский» употреблять? Мне кажется, Рединготa этим унижают!

– Как *этим* можно унизить? Словом «японский» – как можно унизить?

– Да не самим словом «японский»... а тем, что у Рединготa, получается, нет абсолютной власти!

– А зачем Вам надо, чтобы у него абсолютная власть была?

– Ну, как же... – растерялся Сын Бернар. – Я так понимаю: если ты Бог – то, значит, у тебя абсолютная власть.

– У Бога абсолютной власти не может быть. Абсолютная власть только у тиранов бывает. А Бог не тиран, Бог – друг. – Кунигундэ подняла глаза к небу и спросила: – Правильно я говорю?

– Правильно, – послышался сверху голос Рединготa.

– Ой, – вздрогнул Сын Бернар, – Вам ответили! А мне никогда не отвечают... – почему?

– Когда Вы будете падшей женщиной, тогда и Вам ответят, – обнадежила его Кунигундэ.

– А когда я буду падшей женщиной? – вслух задумался Сын Бернар.

– Да боюсь, что в настоящем художественном произведении уже не будете... Разве только в каком-нибудь другом. Но Вы не переживайте: я же с Вами! И только что вывела Вас из интеллектуального тупика на путь истинный.

Сын Бернар задумался.

– Значит, отныне я уже на пути истинном?

– На истинном, на истинном, не сомневайтесь! – Кунигундэ потрепала Сын Бернара по мягкой шерсти. Тот конфузливо переступил с лапы на лапу и сказал:

– Как-то... нет у меня уверенности в этом. Такое ощущение, что я остался там же, где был.

– А оно по-другому и не ощущается, – утешила его Кунигундэ. – Истинный путь – это путь сомнения. Если бы у Вас возникла уверенность: «Я на истинном пути!» – Вы превратились бы в чудовище.

Тут Кунигундэ вынула из висящей у нее на плече сумочки (только что повешенной туда автором) маленький серебряный гребешок и тщательно расчесала им Сын Бернара. Потом достала оттуда же зеркальце и поднесла его к морде Сын Бернара:

– А Вы разве чудовище? Посмотрите-ка на себя! Ну что скажете?

Сын Бернар вгляделся в родные черты.

– Нет, – сказал он смущенно, – я не чудовище. Я прелесть просто!

– Так это как раз и значит, что Вы на истинном пути!

– Правда? – недоверчиво спросил Сын Бернар, теперь уже откровенно любуясь собой.

– Правда, – кристально честно ответила падшая женщина Кунигундэ и водворила гребешок и зеркальце на место.

ГЛАВА 35
Своевременная попытка свести воедино сюжетные нити, не имеющие никакого отношения друг к другу

...ибо время разводить сюжетные нити и время сводить сюжетные нити, как мог бы сказать один более чем почтенный пророк. А пророк зря не скажет. Да и настоящее художественное произведение неуклонно приближается – уже с первой главы начиная! – к своему неизбежному концу. Так что самое время сводить сюжетные линии. А уж имеют они отношение друг к другу или нет – неважно, ибо автор настоящего художественного произведения – сводник опытный, со стажем: он сведет – глазом не моргнет! – даже то, что рядом никогда не лежало.

Признайся честно, сердечный мой друг-читатель: не казалось ли тебе в ходе неспешного этого повествования то и дело, что вон-то-вон с вот-этим-вот мне ну никак не свести? А потом ты и глазом моргнуть не успевал, как вон-то-вон с вот-этим-вот оказывалось сведено! Знай же: нет в литературе таких сюжетных нитей, которые не сумел бы свести автор настоящего художественного произведения. И не хвастовства ради говорю я это, но дабы подарить тебе ощущение надежности, ибо хорош тот писатель, который дает гарантии

читателю своему. Я же как раз и даю тебе гарантии – причем *все* возможные гарантии! А стало быть, не опасайся, что, идя вперед с тою или иною сюжетною нитью в дрожащих руках, забредешь ты, например, в безводную пустыню, где хищные звери и жажда растерзают тебя, или в глухое болото, где комары да пиявки высосут из тебя всю твою молодую кровь, – и никто, никто не найдет твоих бренных останков. Ибо нет в настоящем художественном произведении забытых беспечным автором одиноких тропок, которые никогда не соединятся, – нет, все они, дай только срок, однажды сойдутся, чтобы образовать широкую и светлую дорогу, по каковой решительными шагами зашагает в голубые дали счастливое человечество!

Признаюсь тебе, сердечный мой друг-читатель: с молоком матери впитал в себя автор памятливость – и никогда не потеряет в бурном потоке пространственно-временного континуума ни единой упомянутой тропки, ни единой частности. Будь спокоен, мой дорогой: если в первом акте нашей жизненной драмы на стену повешено ружье, то ружье это уже через миг начнет стрелять в разные стороны, причем без посторонней помощи, – и еще задо-о-олго до последнего акта одного за другим уложит наповал не только всех артистов, но и весь вспомогательный персонал, а также всех зрителей! Чтобы светлой памяти Антон Павлович Чехов от радости крутил в гробу пируэты.

Между прочим, сведение воедино сюжетных нитей не всегда требует от писателя изворотливости – иногда оно требует просто

силы. А уж силы-то автору настоящего художественного произведения – даром что покойному! – как известно, не занимать. Не захотят те или иные нити сводиться – автор их так друг к другу притянет, что мало не покажется. Он и за тем не постоит, чтобы к чертовой матери тут все нити порвать, если они добром соединяться не захотят! И пусть у героев, как у марионеток, головки-ручки-ножки в разные стороны болтаются: не желали друг другу в объятия бросаться – пеняйте на себя. Представь себе, сердечный мой друг-читатель, этакого деревянненького Хухры-Мухры, который заднюю ножку за собой тянет, а она и не поддается... – умора!

Ну да ладно... пошутили – и будет. Не готический все-таки роман выходит из-под этого резвого пера, но роман гуманистический. А в гуманистическом романе калек не бывает: тут нужны люди здоровые и сильные – духом и телом.

Когда тридцать девять кузнечиков своего счастья опустились у могилы Кикимото, случайным свидетелям этой сцены на мгновение показалось, что Испания подверглась нашествию саранчи. Впрочем, недоразумение прояснилось быстро, ибо случайные свидетели скоро узнали в тридцати девяти кузнечиках своего счастья тридцать девять братьев безвременно усопшего Кикимото.

– Если вы к безвременно усопшему Кикимото, – сказали случайные свидетели, хорошо осведомленные о событиях двадцать девятой главы, – то он давно мертв.

– Без вас знаем, – ответили как смогли тридцать девять кузнечиков своего счастья и зарыдали над могилой брата.

Случайные свидетели подошли вплотную к рыдавшим и с интересом спросили:

– О чем вы?

– А вы как думаете? – уставились на них тридцать девять кузнечиков своего счастья.

Случайные свидетели пошептались меж собой, потом вытолкнули вперед наиболее случайного, и тот сказал от имени всех:

– Мы думаем, что вы оплакиваете или своего брата, или самих себя.

Тридцать девять кузнечиков своего счастья как по команде прекратили рыдать и тоже принялись шептаться. Через некоторое время младшенький сделал шаг навстречу случайным свидетелям и произнес – тоже от имени всех:

– Вы поставили нас в тупик своим умным ответом. Мы такого от вас не ожидали... На вид вы гораздо глупее.

– Да и вы на вид не ахти, – поделились наблюдениями случайные свидетели.

После этого тридцать девять кузнечиков своего счастья крепко подружились со случайными свидетелями – и те привели их к небольшой горке раздавленной яичной скорлупы, из которой Кикимото собирался строить Купол Мира.

– Прежде тут гораздо больше этих обломков было, но потом сюда начали приходить те, у кого извести в организме не хватает... – начали грустный рассказ случайные свидетели.

– ...и съели Купол Мира, – закончили за них тридцать девять кузнечиков своего счастья.

Случайные свидетели потупили взоры – словно это *у них* в организме не хватало извести, в чем тридцать девять кузнечиков своего счастья на мгновение их и заподозрили. Впрочем, подозрения были рассеяны сразу же: выяснилось, что Кикимото каждую ночь приходит сюда, хватает любителей извести и уводит за собой в могилу.

– У него такая большая могила?

– Да уж, простодушная Пакита постаралась на славу... – Случайные свидетели опять потупили и опять взоры, после чего промямлили: – Ходят слухи, что могила была и вообще задумана ею как братская...

– В каком смысле – «братская»? – вздрогнули все до одного тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– В прямом, – нехотя объяснили случайные свидетели. (Кстати, чтобы и в дальнейшем не называть их этим абстрактным словосочетанием, сообщу, что их было двое и что фамилии у них были такие же, как у двух великих испанских поэтов XX века, – Мачадо и Эрнандес.) – Простодушная Пакита вырыла могилу и для Кикимото, и для его братьев – для вас, то есть... на случай чего.

– На случай – *чего*? – с возмущением спросили тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Смерти вашей – вот чего, Падре Небесный! – не выдержали Мачадо и Эрнандес. – И не надо так возмущаться, словно вы в первый раз слышите, что умрете... По-нашему, так выкопать могилу для сразу всех сорока братьев – очень даже практичная идея. Трудоемкая, правда...

– А сама-то простодушная Пакита жива еще? – со слабой надеждой спросили тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Жива... что с ней станется! – переглянулись Мачадо и Эрнандес. – Растит себе потомство...

– Кикимотово?

– В частности... – уклончиво ответил Мачадо.

– Кроме прочего... – усугубил Эрнандес.

– Где ее найти?

– Да здесь же и найти! – Мачадо и Эрнандес рассмеялись. – Она сюда каждую ночь на свидание с Кикимото прибегает...

К вечеру у могилы Кикимото прежде других начали появляться любители извести. Они уселись вокруг горки раздавленной скорлупы и принялись молча потреблять ее. Тридцать девять кузнечиков своего счастья, подождав, пока любителей извести наберется побольше, внезапно выскочили из мастерской Кикимото, где устроили засаду, и закричали:

– Куда в вас только лезет! Уже и так весь Купол Мира сожрали...

– Купол Мира задолго до нас сожрали, – обиделись любители извести, – а мы тут первый раз!

– Тогда покажите, что у вас во рту, – потребовали тридцать девять кузнечиков своего счастья.

Любители извести открыли рот – и стало видно, что там у них яичная скорлупа, уже наполовину пережеванная.

– Разве не это требовалось доказать? – воскликнули тридцать девять кузнечиков своего счастья. – Вот же они, остатки Купола Мира в пережеванном состоянии!

– Это как вы так, тридцать девять кузнечиков своего счастья, можете определить по тщательно пережеванной пище ее предшествующие очертания? А тем более увидеть в уже измельченной субстанции – Купол Мира?

Тридцать девять кузнечиков своего счастья, хоть и чувствовали собственную правоту, но не знали, что ответить на иезуитские вопросы любителей извести.

– Если мы, например, видим во рту яблочную кожуру и мякоть... – неуверенно начали они, – то нам нетрудно представить себе, как выглядело яблоко, которое...

– Это вам потому нетрудно, что вы уже до этого яблоки видели и знаете, как они выглядят! – беспардонно перебили рассуждения тридцати девяти кузнечиков своего счастья любители извести,

предвкушая скорую победу всё дальше выдвигаемых ими аргументов над аргументами противников. – А скажите-ка вы нам, пожалуйста, *как* выглядит Купол Мира? Может быть, вы и его когда-нибудь прежде видели?

– Ну, он... – смутились тридцать девять кузнечиков своего счастья, – он... величественный... и ослепительный... и еще он...

– Ха-ха-ха! – злобно рассмеялись им в лицо любители извести. – Из вашего описания следует, что вы и понятия не имеете о Куполе Мира. А говорите, что распознаете его очертания в разжеванной яичной скорлупе у нас во рту!

Тут любители извести демонстративно проглотили разжеванное, открыли рты и высунули языки:

– А-а-а!.. И где же *теперь* Ваш Купол Мира?

– Теперь наш Купол Мира у вас в животе, – пролепетали тридцать девять кузнечиков своего счастья, сраженные подлостью любителей извести.

– Докажите это! – закривлялись те, уже протягивая руки к очередным порциям яичной скорлупы.

Тридцать девять кузнечиков своего счастья в замешательстве посмотрели друг на друга.

– Разрешите мне доказать, – послышался вежливый голос из могилы.

С этими словами взорам всех присутствующих предстал грозный великан в одеждах самурая.

– Кикимото! – с братскими слезами кинулись к нему тридцать девять кузнечиков своего счастья, в то время как любители извести хотели кинуться в прямо противоположную сторону, ибо им было явно не по пути с тридцатью девятью кузнечиками своего счастья... но не успели.

Грозный великан в одеждах самурая одним прыжком настиг любителей извести и, придавив их ладонью к земле, сказал словами Радищева:

– Звери алчные, пиявицы ненасытные! – Здесь, под небом солнечной Испании, эти слова классика великой русской литературы прозвучали как удар грома. – Сегодня вы пожираете раздавленную яичную скорлупу у моей могилы, завтра приметесь грызть сооруженное простодушной Пакитой надгробие, послезавтра вопьетесь зубами в мою могильную плиту, послепослезавтра захрустите досками гроба моего, послепослепослезавтра с урчанием наброситесь на одежду мою и, наконец, послепослепослепослезавтра приметесь раздирать мое пропорциональное тело...

– Это с какой же стати мы так делать-то будем, – послышались (отчасти справедливые – *Авторская ремарка*) протесты из-под ладони, – когда у нас в организме только извести не хватает, а всего остального – в избытке и переизбытке?

– Дело в том, – объяснил им Кикимото, – что одно преступление тянет за собой другое: если ты согрешил в малом – согрешишь и

в большом и никогда уже не перестанешь катиться вниз по наклонной плоскости!

– Да при чем тут это? – закричали любители извести. – Весь наш *так называемый* грех – в том, что у нас в организме извести не хватает!

Кикимото расхохотался – и сначала ему громким гулом ответили Пиренеи, а потом – даже французские Альпы.

– Именно с таких, якобы невинных, вещей все и начинается, поймите! – воззвал он к собеседникам. – На этот раз вы идете навстречу потребностям вашего организма в извести, а чего потребует ваш пресыщенный известью организм в следующий раз? Человеческой крови и человеческого мяса?

– Ну, не надо, не надо, не надо так преувеличивать! – троекратно прозвучало из-под ладони требование любителей извести.

– Пусть преувеличивает! – громко возразили тридцать девять кузнечиков своего счастья. – Не мешайте ему преувеличивать!

– Спасибо, – растроганно кивнул тридцати девяти кузнечикам своего счастья Кикимото. – Только я уже преувеличил все, что мог, и больше мне не смочь. – С этими словами он сгреб любителей извести в кучу и бросил их в могилу. Сперва из могилы были слышны стоны, но потом все стихло.

– Чего это там тихо так стало? – забеспокоились тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Да по тому свету, небось, гулять пошли, – объяснил Кикимото. – Там интересно, на том свете... Ходишь – и на каждом шагу говоришь себе: «О, сколько нам открытий чудных...»

– Они теперь мертвыми считаются – или как? – не дослушав цитаты, поспешили осведомиться тридцать девять кузнечиков своего счастья.

Кикимото посмотрел на братьев с доброй улыбкой.

– Обитатели того света не задаются вопросом, живые они или мертвые. Подобные пустые размышления только на этом свете и в цене.

– А *объективно* они какие – мертвые уже или живые еще?

– На сей счет тоже трудно что-нибудь определенное сказать, – развел руками Кикимото. – Если вы успели заметить, автор настоящего художественного произведения и сам имеет весьма смутные представления о жизни и смерти! Постоянно путается, где у него что, и даже о себе точно не знает, жив он или умер... какая уж тут объективность!

– *Тебе*-то там как – самому? – с запоздалой братской заботой обступили его тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Да спасибо, – растерялся от братской заботы Кикимото, – мне нормально.

– А Купол Мира?.. Мы ведь подумали и решили вот закончить его за тебя, – мучаешься, небось, что не закончил?

– Как – «не закончил»? – изумился Кикимото. – Я закончил!

Остолбенеть от этого сведения тридцать девять кузнечиков своего счастья не успели: держа на руках пятерых детей одного возраста, к могиле приближалась простодушная Пакита. Внезапно дети соскочили с рук матери и запрыгнули в могилу.

От ужаса тридцать девять кузнечиков своего счастья чуть не потеряли коллективное сознание, но из могилы донеслось:

– Па, мы по тому свету побегаем!

– Бегайте, бегайте, разбойники... – ласково крикнул им вслед Кикимото и обнял простодушную Пакиту за талию.

– Здравствуйте, деверья, – улыбнулась новоявленным родственникам простодушная Пакита. – Вот вы и здесь. Не напрасно я, значит, могилу копала!

– Она, жена твоя, на конфликт нарывается или отродясь такая бестактная? – Тридцать девять кузнечиков своего счастья посмотрели на Кикимото не столько в упор, сколько до упора.

– Какая она *отродясь*, я не знаю: мы с ней гораздо позднее познакомились. Но, по-моему, она, наоборот, гостеприимство проявляет... – озадачился Кикимото.

Тридцать девять кузнечиков своего счастья расхохотались:

– Добро пожаловать в могилу!.. Хорошенькое гостеприимство.

Кикимото вздохнул и устало спросил:

– Вы к кому, собственно, тридцать девять кузнечиков своего счастья?

– Как это – к кому? – ошарашились те. – К тебе... Нам казалось, что это, вроде бы, уже понятно было!

– Было, – согласился Кикимото. – Было понятно, а стало непонятно. Потому как... если вы в гости к покойному брату идете, то рассчитывать, что он вас где-нибудь, кроме могилы, принимать станет, по меньшей мере, наивно! Вам и приготовили могилу – что в этом бестактного? Или вы ожидали, что вам постели приготовят – тридцать девять штук?

Тридцать девять кузнечиков своего счастья смутились: насчет тридцати девяти постелей или прочих подробностей быта они, конечно, не думали. Но что в Испании их ждет братская могила – на это они уж точно не рассчитывали!..

– Ты поговори тут с братьями, – решительно сказала простодушная Пакита, обращаясь к Кикимото и как будто нисколько не огорченная ситуацией взаимонепонимания, – а я за детьми присмотрю. – И она, грациозно поведя плечами, исчезла в могиле.

– Безразмерная какая-то могила у тебя! – с неудовольствием заметили тридцать девять кузнечиков своего счастья. – Про́пасть, а не могила...

– Ну, положим, дети и простодушная Пакита много места не требуют, – защитил сразу и семью, и могилу Кикимото. Потом бодро спросил: – Так вы не зайдете? Ну, смотрите сами... Тогда, если у вас *нормальных* вопросов нету, нам, наверное, прощаться пора. – Кикимото выделил слово «нормальных» так, что никаких сомнений

в качестве ранее заданных вопросов у тридцати девяти кузнечиков своего счастья не осталось. Тем не менее, они поспешно задали еще один:

– А вот... ты сказал, Купол Мира закончил, – нам его *где* посмотреть?

Вопрос не то чтобы обескуражил Кикимото... но озадачить явно озадачил.

– Вы, что же... *не видите* Купола Мира? – спросил он осторожно как мог.

Тридцать девять кузнечиков своего счастья с напряженным вниманием осмотрелись вокруг. И признались, заранее стыдясь сказанного:

– Нет, Купола Мира мы не видим.

Кикимото покачал головой. Потом опять покачал ею. И еще раз – ею же. После чего сказал, не глядя на братьев:

– Он же *везде*!

– Из яичной скорлупы? – уточнили тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Из яичной скорлупы!

Тридцать девять кузнечиков своего счастья, незаметно поманив друг друга руками, отошли в сторону.

– Что делать будем? – спросили они сами себя и сами себе ответили: – Не знаем.

После этого полилога, имевшего вид диалога, они опустили тридцать девять взоров одному и тому же долу. Дол покосился на сторону.

Положение становилось остро критическим. В памяти тридцати девяти кузнечиков своего счастья было еще свежо впечатление от символической крови, которой они *не видели* в тридцатой главе. Но символическая кровь – это ладно: не видишь ее – и не надо: достаточно и обычной, которую тоже редко видишь, если ты, конечно, не серийный убийца. Однако не видеть того, что находится *везде*...

– Скажи, Кикимото, – с непередаваемой грустью обратились к брату тридцать девять кузнечиков своего счастья оттуда, где стояли, – может быть, у нас болезнь какая-нибудь... глазная? Вот уже второй раз мы замечаем, что *не видим* того, что видят другие. Первый раз это была символическая кровь Умной Эльзы... ты знаком с Умной Эльзой?

– Лично нет, но... наслышан.

– Ладно, первый раз – это было не так важно: без символической крови можно обойтись, а вот...

– Без символической крови обойтись нельзя, – перерубил предшествующее предложение, словно мерзкую гусеницу, Кикимото. – Без символической крови ничто не имеет смысла.

– Ты хочешь сказать, что без нее нас бы всех не было?

– Да нет, были бы... только в нас не было бы смысла.

– А он в нас... есть разве, смысл? – густо, как резиновый клей, покраснели тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Есть, причем много, – твердо ответил Кикимото и с грустью добавил в сердце своем: – Бедные, бедные заблудшие мои братья, чего бы я только не сделал для вас!

Вопреки его ожиданиям братья услышали сказанное им в сердце своем и поникли, как трава, по которой проехал бронетранспортер.

– Отчего вы *так* поникли? – бросился к ним Кикимото.

– Мы услышали, *что* ты сказал в сердце своем, – отвечали те.

Внезапно Кикимото начал прыгать и скакать, словно умалишенный. Это произвело на братьев впечатление несвоевременной и неуместной выходки.

– Перестань, – попросили они.

– Нет, не перестану! – с ликованием в голосе крикнул Кикимото. – Ибо дикая радость обуяла меня при мысли о том, что не совсем потеряны братья мои! Если вы можете слышать внутренним слухом, то и видеть внутренним зрением можете тоже.

– С чего ты взял, что мы можем слышать внутренним слухом? – подозрительно спросили тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– А чем же еще вы услышали то, что было сказано мною в сердце моем?

Как ни старались тридцать девять кузнечиков своего счастья найти какой-нибудь другой ответ на поставленный перед ними вопрос, им это не удалось.

– Теперь вот что, – заторопился Кикимото, – теперь смотрите внутренним зрением!

Он выхватил из-за пояса дамасский клинок и направил острие в область сердца.

– Не смей! – бросились к нему тридцать девять кузнечиков своего счастья с намерением отдать жизнь свою за то, чтобы не случилось случающегося... – Сто-о-ой!

Однако сердце Кикимото было уже пронзено и истекало кровью. Тридцать девять кузнечиков своего счастья замерли в воздухе – и, казалось, умерли в воздухе. Кровь между тем текла не останавливаясь – жизнерадостной розовой струйкой бежала она по груди Кикимото, постепенно пропитывая белоснежную его рубашку. Старшему из тридцати девяти кузнечиков своего счастья стало дурно, и он рухнул на землю.

Уверенным, как ответ отличника на экзамене, жестом Кикимото остановил кровь и подбежал к рухнувшему. Провел ладонью по лицу его – и тот пришел в себя. Кикимото улыбнулся ему счастливой улыбкой и сказал остальным:

– Опуститесь же наконец и вы на землю, братья мои! Я жив, здоров и невредим.

Облегченно вздохнув, тридцать восемь кузнечиков своего счастья упали в траву, словно спелая гроздь винограда. А когда они снова поднялись и огляделись – везде, куда хватало глаз, простирался над ними и вокруг них Купол Мира... Купол Мира из тонкой до полной прозрачности яичной скорлупы.

– Между прочим, – с обидой сказали тридцать девять кузнечиков своего счастья, – никто и никогда не говорил нам о том, что в подобных ситуациях нужно использовать не внешнее, а внутреннее зрение. Если бы кто-нибудь объяснил это раньше, мы бы еще когда-а-а символическую кровь Умной Эльзы увидели!

– Только в этом случае вы не прилетели бы сюда и не увидели бы меня, – улыбнулся Кикимото.

На это тридцать девять кузнечиков своего счастья не нашли что возразить. Они глядели и глядели на сооружение невиданной красоты – Купол Мира, пока Кикимото не воскликнул:

– Хватит глядеть-то, а то дырки мне в нем проглядите!

Тридцать девять кузнечиков вздрогнули, словно проснувшись:

– Прости!.. Красив он, Купол Мира в сердце твоем.

Кикимото стеснялся, но был явно доволен произведенным впечатлением:

– Он еще и практичный очень: здорово температуру окружающей среды регулирует! Отец, правда, этим недоволен: или, повторяет, ты художник, или терморегулятор!

Тридцать девять кузнечиков своего счастья напряглись, как тридцать девять туристических палаток на восточном склоне горы. Отцовскую тему сыновья не любили.

– Нам наплевать, чем он доволен, чем нет! – грубо сказали они и отвернулись.

– Это не вы говорите! – воскликнул Кикимото.

– А кто? – с ужасом заозирались по сторонам тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Это мать наша в вас говорит.

– Чем же плоха мать наша? – беспечно спросили тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Всем хороша мать наша, только и отец наш не плох. – Кикимото взглянул в небо. – Он бог.

– Как бог он, может быть, и не плох, а вот как отец – ужасен, – не скрывая горечи, накопившейся за многие годы, застрекотали тридцать девять кузнечиков своего счастья. – Он ни разу не сводил нас в зоопарк, ни разу не был с нами на футболе, ни разу не купил нам мороженого...

– ...но он хотел научить нас летать! И это благодаря отцу я смог построить Купол Мира в сердце своем.

Кикимото посмотрел на братьев – и ему стало жаль их. На их усталых лицах глубокими впадинами отпечатались лапы каждого зверя, которого они не увидели в зоопарке, подошвы каждого фут-

болиста, чьему голу им не суждено было порадоваться, следы каждого мороженого, не съеденного в детстве…

– Когда ты в последний раз видел его? – хрипло спросили вдруг тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Вчера, – не солгал Кикимото. – Он проплывал по небу в окружении херувимов, которые пели:

Терморегулятор Кикимото
Человечество спасет от пота! –

А сам он при этом добродушно смеялся и махал мне рукой. Но в последнее время он редко проплывает смеясь. Карл Иванович, внутренний эмигрант, видите ли, окончательно распоясался: взялся Абсолютно Правильную Окружность из спичек на тот свет расширять – и теперь все мысли отца заняты тем, как нейтрализовать Карла Ивановича...

– Кто таков?

Кикимото охарактеризовал Карла Ивановича в предельно коротких и емких словах, употребить которые автор настоящего художественного произведения ни в жизнь бы не решился. Тридцать девять кузнечиков своего счастья крепко задумались: они все еще плохо представляли себе, что такое Абсолютно Правильная Окружность из спичек, но теперь уже хорошо представляли себе, кто такой Карл Иванович. И этот Карл Иванович им не нравился…

Так, задумавшись, и сошли они под землю вслед за Кикимото. А когда наутро из могилы, держа на сильных руках пятерых детей одинакового возраста, бодрым шагом вышла простодушная Пакита, тридцати девяти кузнечиков своего счастья не оказалось рядом с ней. И неудивительно: нашлось-таки, нашлось, чем заняться этим тридцати девяти, разлетевшимся по всему тому свету, над которым распростер свою жирную тень Карл Иванович, внутренний эмигрант, якобы стремясь задействовать мир иной в качестве одного из участков Абсолютно Правильной Окружности из спичек, но на самом деле приторговывая спичками направо и налево... Не знал он, что недолго осталось ему морочить мертвецов, как и того не знал, что с тридцатью девятью кузнечиками своего счастья шутки плохи.

ГЛАВА 36
Автор настоящего художественного произведения занимает критическую дистанцию по отношению к самому себе

Как, вероятно, уже поняли многие, автор настоящего художественного произведения – все-таки далеко не Гоголь. В этом, прежде всего, убеждает только что без сожаления покинутая нами тридцать пятая глава, в которой автор фактически разоблачает себя, показывая читателям, насколько он уступает упомянутому классику. В чем, спросите вы? Да хотя бы в том, что даже вставную новеллу как следует вставить в свое художественное произведение не может... Сначала (см. гл. 29) он хвастливо обещает читателю, что новелла эта не будет иметь ничего общего с художественным целым, в пространстве и времени которого мы находимся, и даже уподобляет данную новеллу зубному протезу, а потом вдруг ни с того ни с сего (см. гл. 35) возвращается к ней и органично встраивает ее в событийную канву романа!

Теперь возьмем Гоголя Н. В. Тот – в отличие от автора настоящего художественного произведения – ничего никому не обещает, а просто вставляет «Повесть о капитане Копейкине» в бессмертные

«Мертвые души» – и как мастерски вставляет! Вот уж воистину вставил так вставил! Тут, кстати, как раз и было бы уместно сравнить вставленное с зубным протезом, ибо до того инородна «Повесть» по отношению к любимому нами с детства роману, что ее с ним даже слепой не спутает.

Вот и получается, что Гоголь Николай Васильевич опережает автора настоящего художественного произведения на целую голову, как бы оно ни было печально.

Но не это самое главное. Самое главное – в том, что автор настоящего художественного произведения продолжает обременять повествовательную канву все новыми перипетиями, хотя настоящее художественное произведение, как уже раз сто сказано, давно и неизбежно приближается к своему концу! И никому не понятно, куда эти новые перипетии девать. Хорошо еще, кстати, что события романа развертываются не только на все-таки довольно ограниченном этом свете, но и на практически безграничном том, – иначе в пространственно-временном континууме было бы не протолкнуться.

Впрочем, даже распространение событий на тот свет не спасает настоящее художественное произведение от перенаселенности действующими лицами и их исполнителями. Любой мало-мальски профессиональный художник слова давно уже нашел бы способ освободить себя от необходимости тащить на своих плечах такую прорву народу, переведя какое-то количество героев во второстепен-

ные и неназойливо заставив драгоценного читателя выбросить их из головы, как кошмарный сон. Но автор настоящего художественного произведения настолько лишен элементарных литературных навыков, что, будучи не в состоянии как-нибудь иначе управиться с силосной массой действующих лиц и их исполнителей, наделяет их всех правами и обязанностями главных – тем самым, между прочим, унижая последних, то есть действительно главных! Он даже, стыдно сказать, не гнушается тем, чтобы – обеспечивая себе свободное (для занятий второстепенными действующими лицами и их исполнителями) время – бросить в тюрьму главных действующих лиц и их исполнителей. Например, Зеленую Госпожу Марту! Последняя, кстати, вот уже восемь глав подряд болтается где придется и начинает казаться людям доброй воли не только не основным действующим лицом и его исполнителем, но просто откровенно бездействующим лицом и его исполнителем. И это – Марта, персонаж, призванный нести на себе одну из львиных долей идейной нагрузки!

Короче говоря, какие бы то ни было представления о пропорциональности распределения в структуре литературного текста сил и средств у автора настоящего художественного произведения полностью отсутствуют. Как грустно!

В конце концов автору настоящего художественного произведения ничего не останется, как со стыдом отступить на задний план, где – если иметь в виду нормальный, то есть классический, литературный текст – ему вообще-то и место, а на передний план вывести

тех, по кому так соскучилась впечатлительная душа читателя. Пожалуйте, стало быть, на передний план, дорогая Марта, Кузькина мать и Ближний: настало ваше время!

...сидя в тюрьме уже второй раз на протяжении довольно все-таки короткой своей жизни, Марта начинала чувствовать себя настоящей преступницей. Отныне во всех анкетах, которые ей предстояло заполнить, следовало в графе «Была ли судима» писать: «Была, была!», в графе «Отбывала ли срок…» – «Отбывала, отбывала!», а в графе «Дополнительная информация» – «В последний раз брошена в тюрьму особенно бесчеловечного режима без суда и следствия». Ибо так оно на самом деле и случилось: подведя Марту к порогу карцера, ее просто бросили туда со всего размаху – на холодный каменный пол. «За что?» – крикнула Марта и услышала в ответ: «За непонимание отличительных особенностей текущего момента!»

Приговор, хоть и неофициальный, прозвучал настолько безнадежно, что Марта разрыдалась, осознав полную невозможность для себя исправиться, то есть понять отличительные особенности текущего момента: момент, который как раз тогда тек, вообще не имел в ее глазах отличительных особенностей, но был вял и рыхл… Уверенная в том, что при таком раскладе ей придется провести в тюрьме особенно бесчеловечного режима остаток жизни и никогда не увидеть дочери (Марта не успела посмотреть на Татьяну и Ольгу, когда родила ее, поскольку рожать пришлось срочно и сразу после этого

садиться в тюрьму), она решила немедленно наложить на себя руки. И наложила – конкретно на область плечевого пояса. Когда руки затекли, но в жизни как таковой заметных изменений не произошло, Марта поняла, что навыков наложения на себя рук у нее недостаточно, и задумалась над тем, что ей вообще светит.

Казалось, ей не светило ничего, ибо в карцере, куда ее бросили (практически швырнули), даже окошка никакого не было. Однако, приглядевшись как следует, Марта обнаружила, что источник света находится в ней самой и что источник этот распространяет лучи на весь карцер. Странно, но лучи оказались холодными. «Свечу, да не грею!» – в сердцах сказала Марта и сразу же накинула на себя плотную черную шаль. Свечение не прекращалось. «Я прямо как вакуумная трубка, обернутая черной бумагой в опытах пятидесятилетнего Вольфганга К. Рентгена 8 ноября 1895 года: испускаю лучи, которые обладают невероятной проникающей способностью», – сказала она себе и улыбнулась.

Установив физическую природу находящегося в ней внутреннего света, Марта озаботилась тем, на что его можно было бы употребить. Насколько она помнила, одна из функций рентгеновских лучей состояла в том, чтобы посредством их осуществлять контроль за качеством изделий и материалов. Если бы Марта не сидела сейчас в тюрьме, она тотчас бы бросилась проверять качество единственного на данный момент интересовавшего ее изделия – Абсолютно Правильной Окружности из единственного на данный момент интересо-

вавшего ее материала – спичек. Но делать это, находясь в тюрьме особенно бесчеловечного режима, было, разумеется, слишком трудно. Тогда она направила сноп света на стену карцера – и Х-лучи сделали свое дело: на стене, как на экране, спроецировались безутешные лица Ближнего и Кузькиной матери, сидевших каждый в своей камере по соседству.

– Киснем? – бодро спросила Марта.

– Киснем, – охотно согласились те. – А какие будут предложения?

– Предложения будут сложные, с сочинением и подчинением, – предупредила она.

– Зачем нам все эти сложности? – полезла на рожон Кузькина мать, но была тут же снята с рожна Ближним.

– Вы, Кузькина мать, хорош капризничать, – сказал он. – Только капризов Ваших сейчас не хватает!.. Не обращайте на нее внимания, Марта.

И Марта, как обещала, начала создавать сложные предложения с сочинением и подчинением, оформившиеся в такую вот небольшую, но прекрасно построенную речь, сопровождаемую щедрыми, но совершенно никчемными комментариями Кузькиной матери, – их до поры до времени Марте удавалось игнорировать:

– Дорогие друзья, – вы, с которыми я поровну делила горести и радости последних дней жизни на свободе и которым я доверяю больше, чем себе!

– Напрасно Вы себе так мало доверяете, надо больше доверять, – строго заметила Кузькина мать.

– Вот мы, наконец, и в тюрьме особенно бесчеловечного режима, – продолжала Марта, – ибо мы, как сказали бы многие, доигрались. Не будем понимать этого буквально: каждый из нас вполне и вполне способен осознать, что глагол «доиграться» в данном случае отнюдь не означает «достичь в игре определенного момента, близкого к ее завершению». В подробности же переносного значения данного глагола давайте лучше не вдаваться…

– Нет, отчего же, давайте вдадимся! – закричала Кузькина мать, но никто не вдался.

– ...поскольку, с любой стороны, очевидно: ни для кого из нас построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек не игра. Да и можно ли назвать игрой то, что является смыслом твоей жизни и что для тебя дороже всего под этим небом?

– Под каким «под этим» – под вот этим вот? – показала, но не попала пальцем в небо Кузькина мать.

– Иногда наши души терзают сомнения – словно бы ища чего-то, мы озираемся по сторонам и говорим себе: ну, не может, не может, не может такого быть, чтобы дороже этой вот пригоршни спичек не было для меня ничего... а жизнь во всем ее многообразии, а дети, а любимые люди? Но жизнь во всем ее многообразии когда-нибудь кончается – как у Ближнего, дети когда-нибудь подрастают – как однажды у Кузькиной матери и у меня, любимые люди когда-

нибудь становятся такими далекими, что почти неразличимы – как... не буду говорить у кого...

– Ну и не говорите, подумаешь... и так понятно, у кого! – не унималась Кузькина мать.

– ...так вот, когда ты остаешься один на один с самим собой – вроде каждого из нас, брошенного в одиночную камеру, то вдруг с леденящей душу отчетливостью начинаешь понимать: единственное, что требуется от тебя в этом мире, – построить отведенный тебе участок Абсолютно Правильной Окружности... в чем бы это ни проявлялось!

– Что значит – «в чем бы это ни проявлялось»? – совсем потеряла питательную почву под ногами Кузькина мать.

– Кузькина мать, – жестким, как кровельное железо, голосом сказала Марта, – или сами произносите речь, или не мешайте другим!

– Мне легче произнести самой, чем другим не мешать, – призналась Кузькина мать. – Только я по-своему, ладно?

И, не дождавшись разрешения, глухо, как в танке, заговорила:

– Кузька... слышишь ли ты меня, Кузька!

– Слышу! – устами отошедшего на задний план автора настоящего художественного произведения отозвался с заднего же плана чуткий Кузька.

Кузькина мать вздрогнула – вероятно, не ожидая такого резонанса в пространственно-временном континууме художественного целого, но мужественно продолжала:

– Вот... повиниться перед тобой хочу. Я ведь, Кузька, давно уже в построении Абсолютно Правильной Окружности из спичек чем могу помогаю, как ты знаешь...

– Знаю и горжусь, мать! – снова донеслось с заднего плана. – Здесь, в Вышнем Волочке, это все знают... и я – за одно то, что являюсь твоим сыном, – пользуюсь среди населения заслуженным уважением.

– *Мною* заслуженным? – с недоверием спросила Кузькина мать.

– Конечно, тобою – не мною же! – расхохотался Кузька.

Некоторое время было тихо. Вежливые Марта и Ближний не решались напомнить о себе.

– Кузька... – вдруг снова позвала Кузькина мать.

– Чего?

– Я ведь не договорила еще...

– Договаривай!

– Ох, тяжело договаривать... Я, в общем, что́ сказать хочу: ты у меня свет в окошке, Кузька!

– Это я знаю, мать, – дальше-то что? – с нетерпением воскликнул с заднего плана Кузька.

– А дальше... дальше то, что бывают в жизни моей отдельные моменты, когда я думаю не только о тебе... эх, зачем я вру – когда я думаю не о тебе... опять вру – когда я не думаю о тебе!

– О ком же ты думаешь? – строго призвал ее к ответу Кузька.

– Да в том-то и дело, что не «о ком»... а «о чем». Я думаю об этой долбаной Абсолютно Правильной Окружности, а не о тебе, Кузька! Но скажу в свое оправдание: это *очень* редко случается, – Кузькина мать так налегла на слово «очень», что практически подмяла его под себя.

– Стыдно, мать! – с горечью отозвался Кузька. – Стыдно и... противно. Тут практически весь Вышний Волочек уверен в том, что мысль об Абсолютно Правильной Окружности из спичек ни на мгновение не покидает твоего просветленного сознания... а ты вóт как о ней: дол-ба-на-я! Не поймет тебя весь Вышний Волочек, мать... не поймет.

– Да наплевать мне на весь Вышний Волочек! – крикнула в направлении Вышнего Волочка Кузькина мать. – Мне важно, чтоб ты, ты один...

– Грех плевать в родное гнездо, и нет этому прощения! – бескомпромиссно произнес Кузька. – Тебе, мать, дорого придется заплатить за это.

– Чем же заплачу я, Кузька? Кровью? – В голосе Кузькиной матери звучала готовность номер один.

– Хуже! – злорадно ответил Кузька и торжественно произнес: – Ты мне больше не мать!

– А кто тебе теперь мать? – машинально спросила Кузькина мать, не желая, чтобы сын оставался сиротой.

– Мать мне теперь та женщина, которая до тебя говорила! И которая сказала, что построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек для нее дороже всего под этим небом... а ты еще, как дура, спросила: «Под каким “под этим” – под вот этим вот?» Прости, что я называю тебя «дура»: я никогда бы не позволил себе такого в адрес моей матери, но, как сказано, ты мне больше не мать! Конец связи.

Сколько Кузькина мать после этого ни обращалась к заднему плану, оттуда не раздавалось ни звука – что, кстати, странно, ибо там должен был бы находиться, по крайней мере, автор настоящего художественного произведения... впрочем, может быть, конечно, он и отлучился. (Как тебе, любезный читатель, такая вот поистине кружевная модальность: *впрочем, может быть, конечно, он и...* – а? Немного найдется в современной литературе писателей, способных обуздать столь сложную гамму отношений к собственному высказыванию!) Внезапно Кузькина мать бросилась к Марте – с недружелюбным намерением от ревности разорвать ее в клочья. Увы, несчастная забыла, что в данный момент она всего лишь проекция на стену карцера Марты – проекция, вызванная к жизни потоком излучаемого Мартой внутреннего света.

– Держите себя в руках, проекция, а то лоб о камни расшибете! – сделал замечание Кузькиной матери Ближний.

– Нет, *Вы* скажите, *Вы* мне теперь скажите, – проекция обращалась прицельно к Ближнему, – чем она Кузьку взяла? Она же не мать... она кукушка! Татьяну и Ольгу – которая, кстати, непонятно от какого отца! – подкинула Рединготу, а сама со строителями якшается... да еще и у других детей ворует!

– Вы... какого сословия? – рафинированным, как сахар, голосом неожиданно спросил Ближний Кузькину мать.

– Мещанского, – ответила та.

– Мещанка, значит... – вздохнул Ближний. И неизвестно к чему добавил: – Ну-ну.

– Что ж, – не слушая его, кипятилась проекция, – мы теперь Марту «Кузькина мать» называть должны? А меня тогда *как* называть – Марта?

– Ну уж нет, – белугой, а также белухой взревел автор настоящего художественного произведения, – Мартой Вас тут никогда называть не будут!

– Но Марта же теперь вроде как Кузьке стала... ох, язык не поворачивается... матерью! Поганец Кузька...

– Не одному Кузьке она мать! – резонно возразил Ближний. – Она еще Татьяне и Ольге мать.

– Вот стерва! – совсем потеряла контроль над собой Бывшая Кузькина мать и, упав замертво, зарыдала.

– Убрать ее из структуры литературного целого? – предупредительным шепотом спросил у Марты автор настоящего художественного произведения. – Она тут без Кузьки, действительно, и не нужна больше – непонятно даже, как ее называть...

Марта ответила холодно:

– У нее, – тут она кивнула в сторону Бывшей Кузькиной матери, – только что отняли самое дорогое в мире – ее дитя. Вот она и ведет себя... как ведет. Вы сначала выбиваете у героя почву из-под ног, а потом удивляетесь, почему он падает!

Автор настоящего художественного произведения *вообще* не понял, чего ради Марта, которой всего-то-навсего только и хотели облегчить жизнь, взялась его отчитывать! Но раз так – дело их: пусть Бывшая Кузькина мать прикончит нынешнюю Кузькину мать в порыве гнева – и дело с концом. Мне, то есть в моем лице – автору настоящего художественного произведения – на-пле-вать.

Между тем Марта направила на лежавшую замертво Бывшую Кузькину мать пучок внутреннего света – соблюдая, кстати, осторожность, ибо рентгеновские лучи при неумеренном использовании, как известно, способны привести к лучевой болезни. Складки на лице Бывшей Кузькиной матери начали разглаживаться...

– Эй-эй, – крикнул Ближний. – Вы там поосторожней, Марта, а то как бы ее в красавицу не превратить! Нам же ее еще показывать. Хотя –продолжайте: она становится такая… неземная!

– Показывать ее едва ли придется, – откликнулась Марта, – настоящее художественное произведение уже почти завершено! Разве только после...

– После – это когда? – растерялся Ближний.

– Тогда! – отчеканила Марта.

– А-а-а, тогда-а-а... – протянул Ближний и улыбнулся (автор настоящего художественного произведения не знает чему).

На Бывшую же Кузькину мать было теперь любо-дорого посмотреть. Правда, сама она еще ничего не знала об ослепительной своей красоте. Исподлобья взглянув на Марту, Бывшая Кузькина мать спросила:

– А Вы... Вы совсем не любите Татьяну и Ольгу?

– Я жизнь за нее отдать готова, – просто сказала Марта.

– Как же Вы тогда говорите, что у Вас Окружность на переднем плане?

– А у Вас у самой Кузька – где? На заднем! – не по делу и неизвестно за что отомстил Бывшей Кузькиной матери со своего заднего плана автор настоящего художественного произведения.

Марта аккуратно бросила на Бывшую Кузькину мать еще один взгляд, полный внутреннего света:

– У всех нас на переднем плане Абсолютно Правильная Окружность из спичек. Только каждый из нас дает ей разное имя. Имя Вашей Окружности – Кузька, моей – Татьяна и Ольга…

– А моей? – задал вопрос на засыпку песком и гравием Ближний, не отрывая, кстати, глаз от преображенной Бывшей Кузькиной матери.

– У Вашей Окружности до последнего времени как будто не было имени… Но я подозреваю, что теперь оно появилось. Это имя – Кузькина мать.

Ближний и Бывшая Кузькина мать вздрогнули – оба.

– Посмотрите на себя в зеркало, – сказал Ближний Бывшей Кузькиной матери и протянул в ее сторону пыльный осколок, который он неизвестно для чего все последнее время сжимал в дрожащей руке.

– Опять унижаете меня… – жалобно сказала Бывшая Кузькина мать. – За что?

Но пыльный осколок зеркала уже пойман был ее испуганным и тут же – счастливым взглядом:

– Там, слава Богу, не видно ничего! Больно пыльное у Вас зеркало.

– Минуточку! – сказал Ближний и стремительно протер зеркало рукавом пиджака.

– Кто это? – спросила Бывшая Кузькина мать, глядя в очищенную поверхность.

– Вы, – зачарованно прошептал Ближний.

– С каких это пор – я? – Бывшая Кузькина мать не поверила нежной правде момента.

– С… минут десяти тому назад. – Ближний закрыл глаза, не в силах видеть эту красоту. – А может, Вы всегда такой были, только никто не замечал. Или – замечал… помните, как мы плыли на доске – Вы, я и Сын Бернар? Вы с Сын Бернаром тогда еще души друг другу показывали… – и потом Вы сказали, что про все человечество начинают думать тогда, когда рядом нет человека, помните?

– Помню, – заалела, словно ясна-зоренька, Бывшая Кузькина мать.

– Вы действительно так считаете? – рассмеялась Марта из своего карцера, с любопытством взглянув на Бывшую Кузькину мать. – А что бывает, когда рядом есть человек? Тогда забывают о человечестве?

Подобного типа вопрос автор настоящего художественного произведения назвал бы уже вопросом ниже пояса… хоть это и неприлично звучит, ибо каждый знает, что ниже пояса, кроме прочего, находятся такие области, которых лучше не касаться. Но это все равно вопрос ниже пояса! Ибо Кузькина мать отнюдь не была задумана как персонаж, призванный справляться с логическими контроверзами такой сложности. Вольно́ Марте предаваться интеллектуальным играм, когда она Зеленая Госпожа! А Кузькина мать – это всего-навсего Кузькина мать... в крайнем случае – Бывшая Кузькина мать. Фигура, введенная в структуру художественного целого для устрашения наиболее строптивых персонажей. Ну, хорошо: преобразовать страшилу в красавицу силою своего внутреннего света (о

происхождении которого автор настоящего художественного произведения даже понятия не имеет!) Марте, может быть, и удалось. Но преобразовать красавицу в умницу – это, извините, еще никому в мировой истории не удавалось! Будь ты хоть и Зеленая Госпожа: зеленым госпожам, кстати говоря, тоже не все по плечу.

– Когда рядом есть человек, – уверенно повторила вслед за Мартой Бывшая Кузькина мать, – тогда забывают о человечестве. Потому как... человек и человечество несовместимы.

А что, прекрасно сказала Бывшая Кузькина мать! Человек и человечество несовместимы. Чем плох афоризм? Ну, простенький, конечно... но и сама-то Бывшая Кузькина мать, с ее зацикленностью на своем Кузьке, отнюдь не сложна! Да и зачем ей лезть в философские дебри? Там и не такие, как она, ноги ломали!

– Совсем уж у Вас все немудрено получается, – вздохнула Марта, – нет рядом человека – вспоминают про человечество, есть человек рядом – о человечестве забывают! Не бывает в мире таких простых закономерностей...

– Это в Вашем мире их не бывает, – возразила Бывшая Кузькина мать. – А в моем мире все закономерности простые. Нету воды – думают о колодце, есть вода – не думают! Нету хлеба – думают об урожае, есть хлеб – не думают. Нету любовника – думают о любви, есть любовник – о любви забывают! Так уж оно издревле меж людей ведется – и нечего тут огород городить.

В Марте от этих умозаключений чуть весь внутренний свет не потух. С трудом предотвратив короткое замыкание, она сказала – мягко как могла:

– Когда рядом есть человек, он превращается для тебя в человечество. И все человечество превращается для тебя в него.

– Вы, может быть, хотите сказать, – Бывшая Кузькина мать пыталась перевести это высказывание на язык своего немудреного мира, – что Кузька и человечество суть одно и то же?

Ответ Марты прозвучал как гром среди ясного неба и убил не только Бывшую Кузькину мать, но и вообще все живое вокруг:

– Да.

Спешу и падаю предупредить: автор настоящего художественного произведения за только что прозвучавшее «да» никакой ответственности не нес, не несет и не понесет – а значит, напрасно только что прозвучавшее «да» бросает на автора настоящего художественного произведения тень забытого предка! Да, автор в ответе за высказывания героев, но только до известных органам безопасности границ. Разделять совсем уж нелепые воззрения героев он ни в коем случае не обязан. Так что, если в глазах Марты и, может быть, Бывшей Кузькиной матери Кузька и человечество действительно суть одно и то же, то в глазах автора настоящего художественного произведения – извините! Почему? А вот почему: автор настоящего художественного произведения готов хоть сию, например, минуту уме-

реть за счастье всего человечества, но умирать за счастье единичного Кузьки – не готов. И в этом, уверяю вас, далеко не одинок. Подойдите к незнакомцу на улице (только выберите, какой поумнее) и задайте ему самый обычный вопрос: «Готовы ли Вы, незнакомец, умереть за счастье всего человечества?» – «Конечно, готов!» – скажет Вам незнакомец и радостно умрет за счастье всего человечества. Потом просто интереса ради спросите его же: «А теперь скажите, незнакомец: за счастье Кузьки Вы тоже готовы умереть?» – «Отнюдь и отнюдь, – ответит он Вам с раздражением. – Во-первых, я уже один раз умер – за счастье всего человечества – и еще раз умирать не собираюсь. А во-вторых, кто он такой, этот Кузька, чтобы за него умирать?»

– Вы не совсем правы, – поправила автора настоящего художественного произведения Марта. – Умерев за счастье всего человечества, Ваш незнакомец *тем самым* умер и за счастье Кузьки, если исходить из того, что Кузька человек.

– Из того, что Кузька человек, – заверила ее Бывшая Кузькина мать, – можно вполне и вполне исходить! Это я Вам как мать Кузьки говорю.

– Вы больше не мать Кузьки, – взревел автор настоящего художественного произведения. – Вы только что прекратили ею быть. Теперь мать Кузьки – Марта.

– Марта, в крайнем случае, может быть только Кузькиной матерью, но матерью Кузьки – никогда, – внесла ясность Кузькина мать. – Ибо я (я, а не Марта!) *уже* родила и *уже* выкормила Кузьку. Стало быть, матерью Кузьки я останусь навсегда – даже прекратив быть Кузькиной матерью! Видите ли, мать Кузьки и Кузькина мать – это две совершенно разные вещи.

– Две совершенно разные вещи или две совершенно разные матери? – неудачно сострил автор настоящего художественного произведения.

– Вообще-то Вы ведь отошли на задний план... – борясь с собой (и побеждая), все-таки отважилась сказать ему Марта. – А ведете себя опять так, будто находитесь на переднем. Хотя, казалось бы, чего уж... отошли так отошли!

– Говорить и с заднего плана не возбраняется!.. – поставил ее в известность автор настоящего художественного произведения.

– Это смотря что говорить, – кротко возразила Марта. – Правильные вещи и из мира иного говорить не возбраняется.

Ее возражение не было ни принято, ни отклонено, ибо уже в следующую секунду автору настоящего художественного произведения стало не до него.

– Кузька!.. – снова глухо, как в танке, произнесла Мать Кузьки – и все присутствовавшие поежились от ее голоса.

– Чего тебе, посторонняя женщина? – обиженно сказали на заднем плане.

– Я многое поняла за последнее время... – отчиталась спрошенная.

– Мне это безразлично, – ответили на заднем плане. – Я не слежу за умственным развитием посторонних женщин.

– ...и теперь знаю, – вопреки всему продолжала Мать Кузьки, – что ты, Кузька, и человечество – одно и то же.

– Как это? – На заднем плане явно обалдели.

– А вот так! – ликующим голосом провозгласила Мать Кузьки. – Умереть за твое счастье, Кузька, значит умереть за счастье человечества – умереть же за счастье человечества, значит умереть за твое счастье, Кузька!

– Ты собралась умереть за меня, посторонняя женщина? – подозрительно сказал задний план.

– Зачем же умереть... Я лучше буду жить для тебя – то есть для человечества! Или для человечества – то есть для тебя! А считаешь ли ты меня при этом своей матерью...

– Не считаю! – напомнил задний план.

– ...так это неважно. Даже лучше, если ты будешь считать своей матерью Марту. В ее руки я могу смело отдать тебя, сокровище мое Кузька!

– Не надо употреблять слово «мое» при слове «сокровище», – упорствовал задний план.

– Если бы я могла подойти к Вам сейчас, – из своего карцера сказала Марта Матери Кузьки, – я бы припала к Вашим стопам. Мне кажется, Вы святая... Вы похожи на рафаэлевскую Мадонну.

– А если бы я... если бы я мог подойти! – почти застонал Ближний, и Марта вместе с Матерью Кузьки в испуге обернулись к нему.

Из дальней камеры смотрело на них счастливое лицо влюбленного мужчины, глаза которого сияли, как два зеркала, – и в каждом из них в полный рост отражалась она, только она одна, рафаэлевская Мадонна!

– Странно! Странно и... приятно чувствовать себя матерью человечества. Человеческой Матерью, – повторяла та. – Странно и приятно, и тревожно. Хочется заключить человечество в объятия, защитить, оградить... хоть вот окружностью из спичек!

Марта облегченно вздохнула и сказала себе:

– Уф... для начала, пожалуй, более чем достаточно.

И глазами проследила за тем, как из камеры Ближнего в камеру по соседству полетела маргаритка. Было непонятно даже не столько то, откуда она взялась у Ближнего здесь, в тюрьме особенно бесчеловечного режима, сколько то, как она сумела пробить каменную стену, сквозь которую в принципе могли проходить только рентгеновские лучи!..

ГЛАВА 37
Восхождение на более высокий уровень художественного обобщения

Приступая к этой новой главе, я решил было ничего не говорить: и самому заботливому автору однажды надоедает возиться с читателем-недоумком, не способным без своевременного комментария и шагу ступить. Пора, думал я, призвать читателя к самостоятельности – учитывая то, что все условия для его ориентации в структуре настоящего художественного произведения давно созданы!

Но я изменил вышеупомянутое решение, здраво поразмыслив и в результате этого поняв, что отпускать читателя пастись на заповедных лугах моей фантазии одного опасно. Он там на этих лугах все у меня пожрет, а потом хватишься чего-нибудь – и нету! Скажем, росла травка на обочине той или иной повествовательной линии – пропала. Где травка? Да читатель пожрал: пасся, видите ли, поблизости. Цветочки смял, деревца обглодал... нет уж!

Я, конечно, не уподоблю художественное целое огороду, а читателя – козлу, упаси Боже... клянусь, что у меня и в мыслях такого нет. Но само же напрашивается! Особенно когда представишь себе

читателя-критика, который то или иное художественное произведение уже прочитал – и давай носиться взад-вперед по прочитанному. Носиться да выспрашивать: тут у тебя, писатель, дескать, что... та-а-ак, а там что... та-а-ак, а вон за тем косогором – та-а-ак... Все истопчет, все истолкует – места живого не оставит, да еще, не ровен час, петуха красного пустит! Спросишь его: что ж ты, стервец, делаешь-то? – и слышишь в ответ: постигаю, стало быть, художественное целое, проникаю в секреты творческой лаборатории! И сколько ты ему ни говори: тут не лаборатория была, тут заповедные луга авторской фантазии были – он все равно по выжженной траве ползает да пробирки ищет...

Потому-то умный писатель как поступает: он нашествия читателя-критика не ждет, он заранее все сам объясняет. Вот у меня, значит, завязочка – видите, красненькая такая, вот кульминация, а вон за тем косогором – развязочка... Здесь одно, тут – другое, а там и там – ничего нету, там у меня луга заповедные. Почему же не погулять... можно и погулять, да только зачем во лугах-то гулять заповедных, когда вот же ведь у нас тропочка, а вот скамеечка... батюшки, да тут и стол накрыт, прямо на природе! Угощайтесь, стало быть, чем Бог послал. Глядишь, читатель-критик напьется-накушается, а потом – под кусток, на бочок и – молчок!

Гроза миновалась, и буря промчалась. Красота!

А пока он спит, можно как раз и начинать подниматься на более высокий уровень художественного обобщения: довольно уже по

мелочам обобщать. Настало время так обобщить, чтоб перед глазами все поплыло: свет ночной, ночные тени, тени без конца, Прозерпина в упоенье, без порфиры и венца... извините.

У Деткин-Вклеткина кружилась голова: он ничего не понимал. Умная Эльза стояла перед ним и несла чушь, смысл которой – смысл чуши, я имею в виду, – был в следующем: монументальная композиция «Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную» (возле нее в настоящий момент сидели и медитировали трое дзен-буддистов) представляет собою один из фрагментов *Абсолютно* Правильной Окружности из спичек.

– Вы, Умная Эльза, значение слова «абсолютный» вообще-то понимаете?

– А то! – воскликнула Умная Эльза. – «Абсолютный» значит «безотносительный к чему бы то ни было, ни от чего и ни от кого не зависящий, непреходящий, вечный».

– Широковато атрибутирует, – поморщился Деткин-Вклеткин и, взглянув на Случайного Охотника и Хухры-Мухры, спросил: – Как, по-вашему?

– Нормально атрибутирует, но трактовка полностью иррелевантна, – заумничали те.

– У Аристотеля, – начал было даже Хухры-Мухры, но махнул рукой и направился в сторону монументальной композиции: – Плевать! Разрушить тут все на хрен – и выложить спички в линию!

– Ни с места! – крикнула Умная Эльза и выхватила из складок кимоно гранату.

От ее крика погруженные в себя дзен-буддисты вздрогнули и вышли из себя, зарычав нижеследующим образом:

Большой дзен-буддист: «Кто вошел в мою медитацию и приостановил ее?»

Средний дзен-буддист: «Кто вторгся в мою медитацию и прервал ее?»

Маленький дзен-буддист: «Кто ввалился в мою медитацию и разрушил ее?»

– Это она, она! – в страхе крикнул Хухры-Мухры, показывая на Умную Эльзу.

Дзен-буддисты поднялись с насиженных мест и, рыча, двинулись к Умной Эльзе угрожающе тяжелыми шагами.

– Вот странные дзен-буддисты! – вырвалось у Редингота. – Они же умиротворенные должны быть...

– Обычные дзен-буддисты умиротворенные и есть, – объяснила Умная Эльза как знаток аборигенов. – Но эти – дзен-буддистские экстремисты.

– А-а-а... Никогда не думал, что такие бывают! – признался Редингот.

– Всякие бывают, – со знанием дела ответила Умная Эльза. – Есть доктрина – будут и фанатики.

Впрочем, пора было спасать Умную Эльзу – и Деткин-Вклеткин бросился наперерез дзен-буддистским экстремистам.

– Зачем Вы это делаете? – обалдели Случайный Охотник и Хухры-Мухры. – Пусть они растерзают ее – нам же забот меньше!

– Как вы можете! Вы же возвышенными стали! – покачал головой Деткин-Вклеткин и заслонил Умную Эльзу тщедушным своим телом, образовав вместе с ней скульптурную группу «Деткин-Вклеткин заслоняет Умную Эльзу тщедушным своим телом». Случайный Охотник и Хухры-Мухры, сраженные величием этого зрелища, устыдились собственной низости.

Между тем дзен-буддистские экстремисты приблизились к скульптурной группе вплотную.

– У меня граната в руке, – предупредила Умная Эльза.

– Нирвана или смерть! – фанатически выкрикнули дзен-буддистские экстремисты.

– Глупая постановка вопроса, – заметил Деткин-Вклеткин. – Какой смысл вы в это вкладываете?

– Каждый, кто мешает нам достичь нирваны, – покойник, вот какой смысл! – ухмыльнулись дзен-буддистские экстремисты.

– Каждый… человек? – поставил ловушку Деткин-Вклеткин.

– Почему человек? – тут же и угодили в ловушку дзен-буддистские экстремисты. – Все равно кто! Муха мешает – муху прихлопнем, собака мешает – собаку заживо сожрем, человек мешает – человека пришьем…

– А если вам в следующей реинкарнации мухами быть? – задал контрольный вопрос Деткин-Вклеткин.

– У нас у троих уже последняя реинкарнация, – сняли вопрос дзен-буддистские экстремисты. – Все мы завершили круг земных страданий и выполнили свою жизненную задачу. Так что никто из нас больше не родится для земного существования.

– Ну, слава Богу… – с облегчением сказал Деткин-Вклеткин.

– Как-то непохоже, что вы выполнили свою жизненную задачу … такие злобные! – сказал Хухры-Мухры.

– Заткнись, недоносок! – бросили ему прямо в лицо дзен-буддистские экстремисты. Брошенное прилипло к лицу.

– Откуда вы знаете, что я недоносок? – отлепляя брошенное и с отвращением выбрасывая его, озаботился Хухры-Мухры, привыкший к тому, что о соответствующем факте, кроме него, никто не осведомлен.

– Мы всё знаем, – общо объяснились дзен-буддистские экстремисты. – Ничто в жизни больше не является для нас загадкой. – Тут они в упор посмотрели на Деткин-Вклеткина. – Освободите дорогу. Мы сейчас по-быстрому придушим Умную Эльзу и дальше медитировать пойдем.

В этот момент Случайный Охотник, долго наблюдавший за событиями со стороны, подошел к большому дзен-буддисту и сказал:

– К сожалению, я не могу залепить Вам по харе физически, потому что, участвуя в деле построения Абсолютно Правильной

Окружности из спичек, полностью утратил агрессивность. Но во мне все еще сохранилась способность залепить Вам по харе вербально. Что я и делаю.

– Я ничего не чувствую, – выждав некоторое время, доложил большой дзен-буддист. – Повтори-ка еще раз, что́ ты делаешь!

– По харе Вам залепляю… вербально, – повторил Случайный Охотник.

Большой дзен-буддист опять выждал некоторое время и растерянно сказал:

– *Так* мне по харе никто еще не залеплял. Я не знаю, как на это реагировать.

– Ну… Вы тоже залепи́те мне по харе, – предложил Случайный Охотник.

– Вербально?

– А как же еще? Я же Вам вербально залепил!

– Что мне для этого надо сделать? – совсем растерялся большой дзен-буддист.

– Произнести слова: «Я залепляю Вам по харе!» Желательно на «вы»… и с прописной.

– Дай *я* ему по харе залеплю! – обрадованно закричал маленький дзен-буддист, пытаясь оттеснить большого.

Он встал на цыпочки и торжественно, как на линейке школьников у портрета президента, провозгласил:

– Я залепляю Вам по харе!

– Ты… это… отойди, ребенок, – попросил его Случайный Охотник. – Видишь ведь: взрослые спокойно разговаривают и залепляют друг другу по харям. А ребенку я даже вербально по харе не залепляю. Да у тебя и хари-то никакой нет.

Маленький дзен-буддист с ревом бросился к среднему:

– Мама, он сказал, что у меня хари нету!

– Не слушай его, мое сокровище, есть у тебя харя – еще какая! – принялась утешать сынка мама, отводя его в сторону.

– Я… залепляю… Вам… по харе! – преодолев внутреннее сопротивление, произнес большой дзен-буддист.

– А я сильной ногой бью Вам в солнечное сплетение.

После *очень* продолжительной паузы большой дзен-буддист спросил:

– Между нами сейчас *что* происходит?

– Между нами сейчас происходит драка, – охотно пояснил ему Случайный Охотник.

– И кто побеждает? – как в бреду спросил большой дзен-буддист.

– Пока я, – скромно ответил Случайный Охотник.

Большой дзен-буддист пристально вгляделся в него:

– А Вы вообще-то кто такой?

– Я… я здесь случайно. Я Случайный Охотник.

– Понятно, – сказал большой дзен-буддист. – Тогда я неожиданно бью Вам в пах.

– Сильно?

– С нечеловеческой силой! – уточнил большой дзен-буддист.

– А я, пока Вы уточняете, уклоняюсь и бью Вас по башке медным тазом! – взревел Случайный Охотник.

– Медный таз-то у Вас откуда? – едва успел спросить большой дзен-буддист, свалившись на землю кулем с мукой.

Мука просыпалась – и ее унес ветер.

– Папка с абсолютом слился! – захлопал в ладоши маленький дзен-буддист, и мать, вся в слезах радости, увела его куда-то со страниц настоящего художественного произведения мелкими, как горох, шагами.

– Вот! – поймал детское восклицание Деткин-Вклеткин и, переглянувшись со Случайным Охотником и Хухры-Мухры, остановил выразительный взгляд на Умной Эльзе. – Вот в этом значении Вы и употребляете слово «абсолют» – прямо как дитя малое!

Умная Эльза покраснела, что твой перезрелый редис… то есть побордовела.

– Когда же *мы* говорим *Абсолютно* Правильная Окружность из спичек, мы просто имеем в виду, что эта окружность совершенна, то есть безупречна, то есть идеальна, то есть… правильна во всех отношениях, понятно?

Умная Эльза покачала головой: понятно ей не было.

Случайный Охотник и Хухры-Мухры вздохнули: дескать, тупая какая…

– Так, душенька моя, – сказал Деткин-Вклеткин и попытался зайти с другой (подветренной) стороны. – Вы любили когда-нибудь?

– Я и сейчас люблю, – с достоинством сказала Умная Эльза, кутаясь от ветра в складки кимоно и опять пряча туда же гранату.

– Прекрасно! – обрадовался Деткин-Вклеткин. – Не кажется ли Вам тот, кого Вы любите, совершенством?

– Не кажется, – обиженно ответила Умная Эльза. – Он *есть* совершенство.

– Ну, этого никак быть не может! – возразил Деткин-Вклеткин. – Уж чего-нибудь в нем обязательно не хватает. Он красивый?

– Сказочно!

– Умный?

– Невероятно!

– Преуспевающий?

– Дальше некуда!

– Внимательный?

– Как патруль!

– Кем работает?

– Богом.

Деткин-Вклеткин поскучнел. Поковыряв небольшим большим пальцем босой ступни каменистую землю Японии и выковыряв оттуда черепок эпохи Ямато, на котором был запечатлен фрагмент Уложения Семнадцати Статей принца Сётоку Тайси, сказал:

– М-да. Тяжелый случай. Прямо не знаю, как и быть. Идею совершенства не объяснишь тому, кто обладает совершенством…

Умная Эльза не знала, чем ему помочь.

– А сами-то Вы как понимаете совершенство? – спросила она, чтобы прервать мучительную паузу.

– Да самым что ни на есть примитивным образом! – воскликнул Деткин-Вклеткин. – Совершенно то, что не нуждается в изменениях!

– И в самом деле примитивно… – разочаровалась Умная Эльза. – Давайте прямо сейчас у Вас какой-нибудь орган вырежем? Вот… ледорубом! – И она направилась к Случайному Охотнику. Тот прижал ледоруб к животу и не отдавал.

– Вы не в себе, что ли? – властным жестом правой руки остановил ее Деткин-Вклеткин. – Зачем у меня орган-то вырезать – чем он Вам помешал?

– Мне – ничем, – обособилась Умная Эльза. – А сами Вы, значит, вполне довольны тем, как в Вас все соединено? И ничего менять не хотите?

– Да нет… спасибо, – перекрестился Деткин-Вклеткин.

– Значит, Вы не нуждаетесь в изменениях. Из этого следует, что Вы совершенство. Тогда я вот что Вам скажу: считать себя совершенством глупо и нескромно.

Деткин-Вклеткин так и сел там, где стоял. Рядом с ним в задумчивости присели и Случайный Охотник с Хухры-Мухры.

– Чего это она… такая? – задал весьма общий вопрос Хухры-Мухры.

Ни у Деткин-Вклеткина, ни у Случайного Охотника столь общего ответа не нашлось.

– А вот теперь, дорогие мои, – сказала Умная Эльза, – *я* расскажу Вам о совершенстве.

– Не надо! – не выдержав психической нагрузки, с ужасом выкрикнул впечатлительный Хухры-Мухры.

– Надо, – непреклонно ответила Умная Эльза. – Надо, ибо вы, трое, заблудились.

– Причем тут это? – спросил (уже глухо, как тетерев, рыдая) Хухры-Мухры.

– Возьмите себя в руки, Хухры-Мухры, – вздрогнув, вышел из столбняка Деткин-Вклеткин. – Возьмите себя в руки и послушайте. Сейчас ее устами говорит Бог.

– Откуда – Бог, какой Бог! – заметался Хухры-Мухры, испуганно глядя по сторонам.

– Тот Бог, который вошел в нее. Я *вижу*. Она права, мы заблудились. Мы заблудились не по дороге сюда, а гораздо раньше. Я понял это давно, еще в Северном Ледовитом океане… подловатом этом океане. Тогда у нас было сколько угодно спичек – и мы храбро шли вперед, но я уже знал, что мы заблудились.

А вот тут автор настоящего художественного произведения наконец теряет терпение и про-те-сту-ет! Во-первых, никто на страницах настоящего художественного произведения никогда не заблуждался: все сознательно выполняли возложенные на них обязанности и медленно, но верно продвигали настоящее художественное произведение к его благополучному завершению. Во-вторых, если кому-то из героев (причем Деткин-Вклеткину – в первую очередь!) было непонятно, куда идти, то следовало спросить об этом автора: он все время находился поблизости и держал в руках сюжетные нити, словно некая парка! Делать же заявления, подобные только что прозвучавшему, и делать их теперь, когда мы, художественно-образно говоря, возвращаемся в родную гавань, – просто неприлично. Видит Бог, я готов был простить Деткин-Вклеткину его социальную непродуктивность, но прощать ему это вот двуличие… Да, двуличие, ибо нельзя вести за собой народ, если не знаешь куда!

– Почему Вы нам раньше не сказали, что мы заблудились? – с отчаянием спросил Случайный Охотник. (Спасибо, Случайный Охотник! – *Авторская ремарка*.) – Вы обязаны были сказать!

– Я и себе самому этого не говорил... права не имел, поскольку отвечал за вас! Зачем сеять сомнения? Надо было спешить, надо было уходить все дальше в будущее, оставляя за собой сантиметры, метры, километры. И смеяться в лицо опасности. И побеждать сти-

хии. И ни на что не отвлекаться в пути, ибо идея звала за собой. Но мы заблудились.

– Да что ж Вы заладили-то, как попугай! – простонал Хухры-Мухры. – Смотреть на Вас больно... Ну, давайте тогда вернемся назад – и выложим новую кривую! Что нам, мастерам! Соберем все спички опять в коробки и – вперед и с песней!

Деткин-Вклеткин помотал головой:

– Мы не в пространстве заблудились, а... здесь. – Указательным пальцем Деткин-Вклеткин показал на голову.

– В Вашей голове заблудились? – опешил Хухры-Мухры, не в силах представить себе, как такое возможно.

– Боюсь, что Вы не там заблудились, – вздохнула Умная Эльза. – Боюсь, что Вы заблудились вот... тут. – И она показала рукой на грудь.

– У Вас в груди заблудились?! – Хухры-Мухры выглядел дурак дураком.

Деткин-Вклеткин потупил острые глаза.

– Расскажите нам о совершенстве, – с грустью попросил он Умную Эльзу. – О совершенстве Окружности. *Абсолютно* Правильной Окружности из спичек.

– Она очень большая... – начала Умная Эльза.

– Это мы и без Вас знаем! – перебил Хухры-Мухры.

– Молчать! – рявкнул на него Деткин-Вклеткин: лев, тигр...

– Она больше, чем мы думаем, – спокойно продолжала Умная Эльза. – Больше, чем восточное полушарие, больше, чем земной шар, больше, чем наша галактика...

– Еще! – неслышно, одними губами, прошелестел Деткин-Вклеткин.

– …она везде – и она совершенна. Нам кажется, что мы просто выкладываем спички – одну за другой, но мы выкладываем не спички... мы выкладываем наши сердца, наши души, наши жизни – мы выкладываем все, что у нас есть. И когда у нас ничего уже не останется – совсем ничего, только тогда можно будет считать, что мы построили наш участок... вверенный нам участок. И Японский Бог посмотрит на нас и улыбнется. И скажет: «Молодцы. Отлично справились!»

Деткин-Вклеткин сидел на земле и смеялся. И слезы текли по его щекам.

– Не пойму, он смеется или плачет? – спросил Хухры-Мухры Случайного Охотника. – Какое-то дезориентирующее поведение...

Случайный Охотник не ответил.

– А почему Бог – японский? – продолжал приставать Хухры-Мухры.

– Мы же в Японии сейчас... вот и японский! Вам-то что за разница – японский бог, не японский? Бог – и ладно: какой бы ни был, все равно ведь Бог!

– Лучше бы наш был... национальный, – тихо сказал эскимос Хухры-Мухры. – То есть, один из наших: например, Торнгарсоак. Но можно, конечно, и Арнаркуагссак.

Случайный Охотник посмотрел на него серьезно:

– Молитесь тому богу, который поблизости. И не привередничайте.

– А дойдет молитва-то? – робко спросил Хухры-Мухры.

– Любая молитва доходит. Любому богу. В любой части света.

Тут Хухры-Мухры закрыл глаза, достал из нагрудного кармана амулет – человеческую пуповину, положил ее перед собой и, приняв молитвенную позу, горячо заговорил в пространство:

– О, Японский Бог… находящийся поблизости! Прости, что я обращаюсь к тебе без посредника, но ни одного шамана нету вокруг – и некому оживить и оседлать бубен, некому ускакать на нем в Верхний мир и принести оттуда весть дорогую. У меня же самого нет ни бубна, ни варгана, ни лука, ни хорошего облачения – да я никогда и не камлал. Тем не менее, я, недостойный, все равно обращаюсь к тебе, о Японский Бог. Ты не знаешь меня. И имя мое – Хухры-Мухры – ничего тебе не скажет… я обычный эскимос, каких миллиарды: высокообразованный, начитанный, интеллигентный, культурный, тактичный. Да вот… нету во мне своего разума. Однако не за себя молюсь я, а за товарищей моих – Деткин-Вклеткина и Случайного Охотника, который, правда, однажды прострелил мне голову дробью, но я давно забыл об этом. Помоги им, Японский Бог! Сохрани их свободные души, закали их души жизни и укрепи их души имени! Ибо, говорят, идут они вслепую и не ведают пути своего... Да не покинут они дорог мира Среднего, да не оступятся ненароком ни в Верхний мир, ни в Нижний, где нечего делать живым! Укажи им верную тропу, Японский Бог, не оставь их милостью своею! А

для себя я у тебя ничего не прошу – и не трать на меня сил и времени. Поскольку я так и так следую за товарищами моими – и, если выйдут они на верную тропу, значит, выйду вместе с ними и я. А не выйдут и погибнут – мне тогда тоже жить незачем.

И стало тихо во всей Японии – так тихо, что слышно было, как возле самой вершины Фудзиямы ползет по склону улитка.

– Не шуми так, с ума сошла? – шикнула на нее Умная Эльза.

Улитка перестала ползти.

– Где вы его взяли, такого чистого? – кивнув на все еще стоящего в молитвенной позе Хухры-Мухры, благоговейным шепотом спросила Умная Эльза, спустя полчаса или больше.

– В юрте сидел... невидимый миру, – сквозь слезы улыбнулся Деткин-Вклеткин.

Улитка снова принялась ползти по склону горы – правда, почти бесшумно.

Хухры-Мухры очнулся и спрятал человеческую пуповину в карман.

– Я помолился, – отчитался он Случайному Охотнику, словно тот мог не слышать его молитвы. – Как Вы думаете, поможет?

Случайный Охотник растроганно обнял его:

– Конечно, поможет! Слова-то Вы какие нашли... проникновенные.

– Это я умею! – простодушно похвастался Хухры-Мухры. – У меня слова сами из души жизни выходят. Привык, видите ли, мо-

литься: знаете ведь, на Северном полюсе, кроме как с богами, и говорить не с кем. Но на Северном полюсе проще: там боги тебя с полуслова понимают! И на твоем родном языке вежливо в ответ разговаривают. Скажешь им: «Пожалуйста, покажите мне цветы-тюльпаны!» – а они тебе: «Рады стараться, эскимос Хухры-Мухры!» – и показывают.

– Где ж показывают-то? – спросил Случайный Охотник, сроду не видевший цветов-тюльпанов на Северном полюсе.

– Так во сне показывают – не наяву же! Наяву при нашей температуре там все цветы-тюльпаны замерзли бы. А во сне тепло, они там не мерзнут. Я цветы вообще очень люблю, а от тюльпанов уж совсем без ума. Была б моя воля, я бы Абсолютно Правильную Окружность из тюльпанов выкладывал! А Вы бы из чего?

– Я бы... – было слышно, как в голове Случайного Охотника случился оползень: он никогда и не пытался представить себе Абсолютно Правильную Окружность сооруженной не из спичек, а еще из чего-нибудь. – Я бы... Я бы выкладывал ее из сосисок: очень сосиски люблю, хотя, может быть, это и неприлично. – Широкое лицо его побагровело от стыда.

– Да уж, – побагровел вслед за ним и Хухры-Мухры. – Еще как неприлично: тюльпаны и сосиски – это две очень большие разницы...

– Почему же неприлично? – воскликнула Умная Эльза. – Когда любишь – все прилично: неважно, кого или что! Лишь бы вы серд-

цем строили, а тюльпаны у Вас в сердце или сосиски... или вот монументальная композиция «Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную» – все равно! Только в Японии начинаешь хорошо понимать такие вещи.

– Вы долго жили здесь? – спросил Случайный Охотник, из чувства благодарности перейдя на «вы».

– Очень долго, – ответила Умная Эльза. – Лет... восемьдесят, по ощущению.

– Сколько же Вам сейчас? – оторопел Случайный Охотник.

– Около тридцати.

– По ощущению? – уточнил Случайный Охотник.

– Нет, по паспорту, – улыбнулась Умная Эльза. – По ощущению – гораздо больше.

– А сколько Вы в Японии по паспорту прожили? – не отставал Случайный Охотник.

– Я здесь паспорт не регистрировала, – призналась Умная Эльза.

Случайный Охотник сочувственно кивнул:

– Нелегально, значит, живете...

– Почему нелегально? Легально. Только без регистрации. В общем-то, меня и непонятно было, как регистрировать – я сюда усилием духа Японского Бога направлена. Таких не регистрируют.

– А таких много? – поинтересовался Хухры-Мухры, пораженный уровнем сервиса, обеспечиваемого чужим богом.

– Наверное, нет, – скромно сказала Умная Эльза. – Но, как сказано, у меня с Японским Богом особенные отношения.

– Чем Вы их заслужили? – спросил Хухры-Мухры с непонятной в его положении ревностью.

– Верой и правдой, – сухо, как сирокко, ответила Умная Эльза и, прекратив этот никому (в том числе и читателю) не нужный разговор, подошла к Деткин-Вклеткину, зачарованно рассматривавшему монументальную композицию «Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную».

– Великолепно! – чуть слышно повторял он. – Великолепно... что за тонкая работа! Да-а-а... пожалуй, такого вклада в построение Абсолютно Правильной Окружности из спичек не внес никто.

– О каком вкладе он говорит? – с ужасом спросил Хухры-Мухры Случайного Охотника. – Это же к Окружности вообще отношения не имеет! Спички в разные стороны, линии и вовсе не наблюдается... мы ведь пра-виль-ну-ю – причем *Абсолютно* Правильную – окружность строили!

Тут Хухры-Мухры кинулся к Деткин-Вклеткину и страстно воззвал:

– Опомнитесь, зодчий, придите в себя: я не узнаю Вас! Вы ли это выговаривали нам за малейшую неточность, заставляя перекладывать тысячи и тысячи спичек только потому, что внезапно обнаруживали отклонение на одну десятую градуса? И, когда Случайный Охотник говорил Вам, что одна десятая градуса на Северном полюсе

погоды не делает, Вы ли это хохотали демоническим смехом и предлагали нам представить себе, во что превратится одна десятая градуса через сто километров, через двести, через триста? Я уж не говорю о том, что мне пришлось юрту на собственном горбу с ее законного места перетаскивать, потому что Вам, вынь да положь, надо было там Окружность прокладывать, где юрта стояла! А здесь и сейчас – Вы стоите и нахваливаете откровенную халтуру просто потому, что не можете противостоять чарам этой... этой гейши, у которой даже регистрации нету. А еще про Марту рассказывали, которая для Вас – весь универсум… бабник! – Маленькая речь Хухры-Мухры была такой горячей, что обожгла Деткин-Вклеткину ухо.

Смазав волдырь свиным салом, Деткин-Вклеткин смиренно ответил:

– Вы прямо как дракон огнедышащий, а не Хухры-Мухры! Стоять рядом с Вами страшно... А отвечу я Вам вот что: не будем ни о чем жалеть! Мы делали то, что считали необходимым – и слава Японскому Богу. Если же мы ошибались в значении слова «абсолютный», так это не наша вина. В этом виноват автор настоящего художественного произведения, которому не худо бы все-таки разобраться, чьими устами у нас тут глаголет истина. Я до недавних пор думал, что моими…

Ну, вот! Хуже и не придумаешь: твои же герои начинают делать тебе твои же (прошу понять меня *правильно*!) замечания… Жи-

вешь для них, о себе забываешь, жертвуешь собственными счастьем, здоровьем и успехами в работе, годами подчиняешься их логике, их ритмам… их глупостям, в конце концов, умираешь, но и с того света продолжаешь заботиться о них как о детях малых, – так они еще и недовольны! «Черная неблагодарность – вот наш гонорар», – как (правда, совсем по-другому) говорят датчане, а уж они-то лучше всех на свете разбираются в что-почем… недаром так непоколебима датская крона.

Ладно, Деткин-Вклеткин… ладно, дорогой! Буду любить тебя без взаимности, ибо сильна любовь моя и не требует ничего взамен. Даже и более того скажу: плюй в мою сторону, хлестай меня плетьми, отплясывай на моем гробе пляску Святого Витта – и тогда я не отрекусь от тебя. Потому как «не отрекаются любя» – или «не отрекаются, любя»: не знаю, что имела в виду Вероника Тушнова, если уж совсем точно, – но в любом случае выше, чем Вероника Тушнова, не было, нет и не будет на земле авторитетов.

– А чего он, автор этот, в нашу жизнь все время лезет? – спросил вдруг Случайный Охотник. – Своей у него, что ли, нету?

– Да похоже, что нету, – вздохнул Деткин-Вклеткин. (Ой-ой, не Вам, дорогой Вы мой, судить! – *Авторская ремарка*.) – Помер он давно… уж и не помню даже, в какой главе.

– Не дописав настоящего художественного произведения? – задал явно глупый вопрос Случайный Охотник.

– Все настоящие художественные произведения дописываются – там, – Деткин-Вклеткин пристально посмотрел в сторону того света.

– Это он *оттуда* суется? – поежился Хухры-Мухры, боявшийся мертвецов. – А его вообще-то… захоронили?

– Он, вроде, сам себя захоронил, когда еще живой был, – с неуместным сомнением произнесла в безвоздушное пространство Умная Эльза.

– Может еще, он… незахороненный где-нибудь около нас шастает? – Хухры-Мухры снова выхватил из нагрудного кармана человеческую пуповину и поспешно помахал ею в разные стороны, как кадилом. – То-то я чую – вроде, в затылок кто дышит, а никого не видать!.. – Порывшись в бездонном, видимо, наружном кармане, он достал оттуда что-то вроде бус. – У меня еще человеческие зубы есть на ниточке – дать вам всем по одному? Духов отгонять!

– С нами же Японский Бог! – укоризненно напомнила Умная Эльза. – Что за суеверия?

– Нет, зуб в кулаке держать – все равно самое верное дело. После пуповины, конечно: пуповина – лучше всего. А что Японский Бог с нами – это-то я помню, как же!

ГЛАВА 38
Несвоевременное появление в структуре художественного целого еще одного героя – на сей раз последнего

А я вот скажу тебе, мой читатель: героев много не бывает. Чем больше среди нас героев, тем лучше. В идеале каждый должен быть героем, ибо только тогда мы достигнем того совершенства, светлою тенью которого овеяны страницы настоящего художественного произведения. «Даешь больше героев!» – на каждом углу кричат нам, работникам пера и топора, вечно недовольные современники. Но многим, слишком многим работникам пера и топора негде уже брать героев, ибо измельчал человек. Нету в нем теперь беззаветности: глянешь на него – все наносное. Даже лица – особенно у представительниц прекрасного пола – наносные: сотрешь случайные черты – косметики, например, а под ними и нет ничего…

Впрочем, что это я все о грустном да о грустном! Не станем грустить. Станем хохотать, как укушенные пчелою: только так ведь и надо, когда конец близок, но конца не видать. Притом что конец ведь всегда близок – и тем ближе, чем больше его не видать. Например, кольцуют вдруг художественное произведение – как птицу, и

всем сразу становится понятно: конец там, где начало... В таком случае просто принимаются читать художественное произведение еще раз – и прочитывают до конца, а в конце еще раз понимают то же самое. Это ли не благодать? Литературное целое как замкнутая на себе художественная система. Текст, захлестывающий петлей вокруг горла: оп-ля!

Спокойствие: так мы с вами не поступим, ибо есть предел и читательским мукам. Дурно подвергать читателей все новым и новым испытаниям, ставить их перед все новыми и новыми загадками. Иногда надо раскрывать карты и бросать их на стол: смотрите, гады, мне все равно теперь, у меня четыре туза!

Короче говоря, с этого момента автор настоящего художественного произведения обещает вести себя наконец честно. Вот… вводит нового героя – и *честно* говорит: это – последний. Так что хоть ты, мой читатель, вдрызг излистай оставшиеся страницы, а других новых героев ты там уже не найдешь. Кстати, и этого уже с трудом достали… по сусекам пометя, – в фигуральном, конечно, смысле. Массу народу пересмотрели – все не то, не то!.. Скажем, приходит кто-нибудь и говорит: «Я герой». А присмотришься к нему – портки с дырой: беден, значит. Только еще больше-то бедных нам куда? Тут у нас и так одни бессребреники – прямо в старых добрых традициях отечественной литературы, на страницах которой богатства иметь сроду не полагалось. Если мы, конечно, не о богатстве души говорим – такого добра именно у нас испокон веку завались было. На-

счет денег зато… с этим плохо всегда дела обстояли. И, что характерно, как деньги у кого есть – так обязательно подлец или урод… или какого-нибудь окончательно уже преклонного возраста, когда все еще живому организму становится практически безразлично, богат он или нет.

Иными словами, никто из пришедших на замещение вакансии нового героя не годился, а кто годился – тот не пригодился: таких и без него уже было пруд пруди. Ты и сам, мой читатель, видишь, какие тут у нас с тобой индивиды по страницам настоящего художественного произведения разгуливают… некоторые даже без брюк до сих пор. На что живут – непонятно, чем занимаются в рабочее от свободы время – неизвестно. Трудно даже сказать, есть ли у них крыша над головой, постель, смена белья, кухонные принадлежности – типа какой-никакой плиты, на которой хоть вот… яйца сварить!

И носит наших с тобой героев ветром…

Потому-то к кандидату на вакантное место нового героя и были предъявлены фактически непомерные требования: от него требовались как минимум благосостояние и благополучие, хоть с самого начала у автора настоящего художественного произведения и имелось подозрение в том, что это – вообще говоря – у-то-пи-я.

Но новый герой пришел. Он пришел в костюме от Сладкого Кабанна, в ореоле достатка и представился: «Богат, хорош собою… везде принят, как жених». «Батюшки, уж не Ленский ли?» – вусмерть перепугался автор настоящего художественного произведе-

ния. Оказалось, не Ленский – оказалось, Комаров, причем с ударением на втором слоге.

– А откуда Вы знаете, что на втором? – проявил лингвистический интерес автор.

– С детства знаю, – ответил на совсем другой вопрос Комаров-с-ударением-на-втором-слоге.

Автор вздохнул и отстал. А Комаров-с-ударением-на-втором-слоге тут же пошел по страницам настоящего художественного произведения как хозяин.

– Вы куда… извините? – спросил автор.

– К Рединготу, – эллиптично ответил Комаров-с-ударением-на-втором-слоге, видимо, экономя речевые силы для более важных разговоров в дальнейшем.

И, что самое странное, Рединготa немедленно нашел. На небе.

– Я к Вам, – прямо с небесного порога заявил Комаров-с-ударением-на-втором-слоге.

– Зачем? – по-человечески спросил Редингот, с интересом глядя на преуспевающего даже в небе посетителя.

– Поговорить, – нашелся посетитель.

– Говорите, – вздохнул Редингот и закрыл глаза от мгновенно сразившей его усталости.

И Комаров-с-ударением-на-втором-слоге заговорил.

– Чтобы между нами сразу не возникло недоразумений, Вы в моем лице, – тут он вплотную приблизил смазливое свое лицо к изможденному лицу Редингота, – видите спонсора. Я это к тому, что Вы во мне заинтересованы гораздо больше, чем я в Вас.

– Так я и думал, – с облегчением сказал Редингот, приоткрыв из вежливости глаза.

– В этом, значит, мы единомышленники, – подвел первый итог явно удававшемуся диалогу Комаров-с-ударением-на-втором-слоге, но дальше высказался туманно: – У Вас руки – у меня заводы.

Посмотрев сначала на собственные спокойные руки и не поняв, что с ними делать, а потом на беспокойные руки собеседника, Редингот поинтересовался:

– Вы это к чему?

– К тому, что мои заводы – спичечные заводы. И уже через неделю я начинаю производство спичек для Ваших личных нужд.

– У меня нету личных нужд, – поспешил признаться Редингот. – Личных нужд много у Карла Ивановича, внутреннего эмигранта.

– На внутреннюю эмиграцию не работаем: патриоты, – отмежевался Комаров-с-ударением-на-втором-слоге и, энергично протянув руку, запоздало представился: – Комаров. С ударением на втором слоге. Не слыхали про такого?

– Нет, – честно ответил Редингот, вяло пожимая энергичную руку. – С ударением на третьем и даже на первом – слыхал.

– Это не те, – привычно отмахнулся *тот*. – Я – который с деньгами. С большими деньгами. Заработал… кое на чем. Теперь настало время культуру поднимать.

– А-а-а, – отозвался Редингот, испытывая сочувствие к культуре. – Настало, значит, и такое время…

– Да! – беспечно сказал Комаров-с-ударением-на-втором-слоге. – Вот… услыхал про Вашу Окружность. Про то, что Карл Иванович, внутренний эмигрант, на том свете спичками приторговывает. Про отсутствие спичек на этом свете. Ну, и дай, думаю, подмогну этому свету: на нем ведь пока живем-то, дружище! – Комаров-с-ударением-на-втором-слоге бодро похлопал Редингота по плечу. – Короче, так: спичек у Вас теперь будет – как грязи.

– Как грязи… – с ужасом повторил Редингот, обводя глазами окружающее их ослепительно чистое небо.

– Как грязи! – с восторгом повторил Комаров-с-ударением-на-втором-слоге, откинув со лба упрямую, как ослица, светлую прядь.

Внимательно проследив глазами за прядью, Редингот в задумчивости произнес:

– Не знаю, как Вам и сказать… но этому свету спички уже вряд ли понадобятся.

– Ой… – чуть не свалился с неба на землю Комаров-с-ударением-на-втором-слоге. – Зачем же Вы такое говорите... как будто этому свету что-нибудь грозит?

– Ему Карл Иванович грозит, внутренний эмигрант! – отшутился Редингот, но шутка не была понята.

– Ах, Карл Ива-а-анович… – глаза Комарова-с-ударением-на-втором-слоге нездорово блеснули. – Ну, с Карлом-то Ивановичем-то я управлюсь! – И он засучил рукава пиджака.

От засученных рукавов пиджака Редингота культурно передернуло.

– Никогда не засучивайте рукавов пиджака, – предостерег он на будущее и добавил: – Некрасиво. А что касается Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, то управляться с ним не беспокойтесь. Он сам себя изживет – как пережиток. Дни его уже сочтены.

– По новой пересчитаем! – пообещал Комаров-с-ударением-на-втором-слоге и, не сказав больше ни слова, исчез из свежевспаханного поля зрения.

Редингот бросился было вслед, но передумал и произнес в никуда:

– Карл Иванович и так давно мертвый, ничего ему не доспеется!

Между тем Комаров-с-ударением-на-втором-слоге уже нашел Карла Ивановича – причем нашел отдыхавшим от трудов праведных в теплых объятиях Бабы с большой буквы. Приказав невесть откуда взявшимся добрым молодцам со зверскими харями вырвать Карла Ивановича из соответствующих объятий, Комаров-с-ударени-

ем-на-втором-слоге удалился на диванчик в гостиной и закурил. Карла Ивановича доставили мгновенно.

– Комаров. С ударением на втором слоге, – отрекомендовался гость, пуская струю дыма, куда пришлось (пришлось – в сторону Карла Ивановича, внутреннего эмигранта).

– Как же, как же! – заюлил внутренний тот. – Наслышаны-с...

– Кончайте его, – обратился Комаров-с-ударением-на-втором-слоге к добрым молодцам со зверскими харями.

– Минуточку, – попридержал их Карл Иванович, внутренний эмигрант. – Я уже конченый.

Добрые молодцы со зверскими харями остановились на пути к жертве.

– Но это еще не всё, – с улыбочкой продолжал Карл Иванович, внутренний эмигрант. – Мне, хоть и конченому, кое-кем тут уготовано совсем другое будущее на сих нетленных страницах... не ахти, правда, какое будущее. Только я с Вашей помощью, – тут Карл Иванович, внутренний эмигрант, проникновенно посмотрел на гостя, – и этого будущего, пожалуй, избегну. Вообще говоря, было в высшей степени неосторожно заранее ставить меня в известность о печальном моем конце – с валдайским колокольчиком в брюхе!

Во мгновение ока гостиная наполнилась живыми трупами. Добрые молодцы со зверскими харями отступили к стене и вжались в нее – так, что только носы наружу торчали. Комаров-с-ударением-

на-втором-слоге не шелохнулся: он умел красиво побеждать, но умел и красиво проигрывать.

– Кровь сосать из себя, живого, не дам, – предупредил он и, вынув из кармана пистолет, изящным жестом приставил дуло к виску.

– Что ж Вы спешите-то так все время... – поморщился Карл Иванович, внутренний эмигрант. – Кровь из Вас сосать никто не собирался – как будто ее больше сосать не из кого! А жизнь Вам прерывать незачем: мне ведь совершенно все равно, с живым с Вами беседовать или с мертвым. Впрочем, мертвый-то Вы, может, посговорчивей будете!

Комаров-с-ударением-на-втором-слоге изящным жестом опустил пистолет в карман: он умел красиво умирать, но умел и красиво передумывать.

– Про какое это такое будущее Вы тут говорите? – полюбопытствовал он.

Карл Иванович, внутренний эмигрант, отнял у Комарова-с-ударением-на-втором-слоге сигарету и затушил ее о лацкан его дорогого и близкого пиджака.

– Про то, до которого рукой подать! Шаман Перестройки уже в пути и собирается взять власть в свои руки. Но мне это не нравится. А то, что на Ваших заводах начинается производство спичек, которых скоро будет как грязи, – это мне нравится.

– Ах, душа моя Карл Иванович, внутренний эмигрант!.. – Таким красивым обращением заявил о своем вмешательстве в свое же

дело автор настоящего художественного произведения. И после этого, не мудрствуя ни лукаво, ни прямо, деловым тоном поставил Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, в известность о том, что запланированное будущее не состоится.

Не зная, как отнестись к этому сообщению, Карл Иванович заерзал, а живые трупы – так, на всякий случай, – принялись с неприятным запахом растворяться в воздухе: мало ли что, дескать… По мере их растворения в воздухе из стены со все большей отчетливостью проступали очертания добрых молодцев со зверскими харями, пока не проступили полностью.

На запах вышла из спальни Баба с большой буквы – вышла и остановилась в дверях.

– Да оно, будущее-то, вроде как, не столько запланировано было, сколько даже и описано, причем подробно … – не то засопротивлялся, не то нет Карл Иванович, внутренний эмигрант, косенько поглядывая на вышеупомянутые очертания.

– Описано-то описано, да только прошлое у нас у всех теперь другое…

– Это как же так – прошлое другое, когда над прошлым никто не властен: вот хоть и Вас взять – Вы тоже не властны! Ибо что написано пером – не вырубишь топором: куда ж Вы против пословицы-то как квинтэссенции народного опыта прете?

Поморщившись от просторечного «прете», стилистически чуткий в это время суток автор настоящего художественного произведения развел руками:

– Вы Бредбери читали? «И грянул гром»?

– Он не читал – я читала, – поспешила на помощь духовно продвинутая Баба с большой буквы.

– Вас не спрашивают, – надерзил автор. – Так вот, Карл Иванович… там, если припомнить, главный герой, наведавшись в прошлое, нечаянно раздавил бабочку – и тем самым изменил будущее.

– Ну и что? – опять перебила Баба с большой буквы, уже один раз проигнорированная.

– А то, – рассвирепел автор, – что в тридцать третьей главе настоящего художественного произведения Ладогин, наведавшись в будущее, оживил там скончавшуюся было от руки Редингота бабочку – и тем самым изменил прошлое.

– Это как? – остолбенела, словно Лотова жена, Баба с большой буквы.

– Элементарно, – унизил ее автор, но снизошел: – Используйте же данный Вам мною логический аппарат, дорогая Вы моя Баба! Если гибель одной бабочки в прошлом способна повлиять на будущее, то спасение от гибели одной бабочки в будущем способно повлиять на прошлое.

– Ох да ни хрена себе! – окончательно потеряла самоконтроль Баба с большой буквы.

– А он, этот лишний Ваш человек, где теперь? – сорвавшись на тенор, словно и впрямь валдайский колокольчик, уцепился за последний свой шанс Карл Иванович, внутренний эмигрант.

– Так лишний… он лишний и есть, – устало вздохнул автор. – Чего ж его поминать… не нужен он никому. Тем более что – на улицу взгляните: там демонстрация против Вас идет.

Ах, как бесконечно много в мире зависит от одной спасенной бабочки... прав, тысячу раз прав был старый мудрый Рэй Бредбери!

– Ховайся, Баба! – крикнул Карл Иванович, внутренний эмигрант, и они вместе с Бабой сховались так, что никто на этом свете уже не смог найти их. А на том… – тридцать девять кузнечиков своего счастья помнишь, о мой читатель? То-то! Тут тебе все сшито не наспех – тут тебе все сшито на славу. Художественное *целое* как-никак… разумей!

Между тем Комаров-с-ударением-на-втором-слоге встал с диванчика и в окружении добрых молодцев со зверскими харями заторопился на улицу – вероятно, искать Редингота.

Поспешим же на улицу и мы, о мой читатель! Присоединимся к рядам демонстрантов, а также к вездесущим журналистам, которые всегда суются куда ни попадя. И воздадим на бегу тихую благодарность Лишнему Человеку Ладогину: светлой памяти великая русская литература не зря постоянно изображала лишних людей как героев своего времени. На победоносном пути в будущее помянем и

мы тебя, наш *Лишний Человек Ладогин* – безотказный движок мировой истории!..

Съемочная бригада «Новостей с того света» разместила свои телекамеры в самой гуще событий и, давясь этой гущей, вела репортаж с главной улицы Змбрафля:

«Везде, куда хватает глаз, но не хватает телекамер, – море голов. Возбужденные толпы мертвых движутся в направлении городской тюрьмы особенно бесчеловечного режима, дружно скандируя: “С нами Японский Бог!” Впрочем, Редингота пока нигде не видно.

Над головами участников демонстрации – транспаранты:

“КАРЛУ ИВАНОВИЧУ, ВНУТРЕННЕМУ ЭМИГРАНТУ, – ВТОРАЯ СМЕРТЬ!”

“БАБЕ (ЕГО) С БОЛЬШОЙ БУКВЫ – ВТОРАЯ СМЕРТЬ!”

“БЛАГОРОДНОМУ ЭДУАРДУ И ЕГО ПРИСПЕШНИКУ НЕЖДАНОВУ – ПЕРВАЯ СМЕРТЬ!”

“МАРТЕ, БЛИЖНЕМУ И КУЗЬКИНОЙ МАТЕРИ – СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО!”

“ЗАГРОБНОМУ МИРУ – МИР!”

– Добрый вечер, мы из “Новостей с того света”. Простите, если мой вопрос покажется Вам слишком личным: как Вы себя чувствуете?

– Я прекрасно себя чувствую... прилив сил небывалый! Смотрю вокруг и глазам своим не верю: неужели мы дождались, наконец, всего этого!

– Что Вы имеете в виду под “всем этим”?

– Да вот же... революция! Народ на улицах. Предъявляет справедливые требования.

– Кому?

– Истории! Народ предъявляет справедливые требования истории. Чтобы, значит, быстрее шла вперед – навстречу Абсолютно Правильной Окружности из спичек на этом свете! Потому как на том свете, где история никуда не идет, Абсолютно Правильная Окружность из спичек не нужна.

– Вы действительно уверены в том, что на том свете она не нужна?

– Да кому, кому она на том свете могла бы быть нужна – сами-то подумайте! Когда там и нету никого – все мертвецы давно здесь. Это же город мертвых! А если кто хочет Окружность строить – пусть на этом свете и строит. Я Вам так скажу: на весь тот свет спичек все равно не напасешься! Но главное – что основную идею же понимать надо! Я, к примеру, сама мертвая, однако идею основную понимаю.

– Как же Вы ее понимаете, если не секрет?

– Так вот и понимаю: правильно! Редингот, Бог-то наш, как говорил: давайте, говорил, построим Окружность просто так, ни для чего! Вот ни для чего ее и надо строить на этом свете. А на том свете она – для забавы! Скуку свою мертвецам тешить. Наперекор же основной идее!.. Ну, ладно, утомили Вы меня, я опять в колонну пойду.

Голосу этой простой женщины вторят миллионы голосов, раздающихся сегодня повсеместно. Змбрафль – только одна из горячих точек на карте страны, где бушуют народные страсти. Но именно ему, Змбрафлю, выпала высокая миссия стать колыбелью величайшей из идей человечества. Благородно неся на своих плечах возложенную эпохой историческую ответственность, Змбрафль понимает, что воспаленные глаза всех людей доброй воли сейчас устремлены на телеэкраны с единственной мыслью: как дела в Змбрафле? Ибо на Змбрафль сегодня равняется весь мир.

– "Новости с того света". Скажите, пожалуйста, так как же все-таки дела в Змбрафле?

– Да не поймешь как! Еще полчаса назад Карл Иванович всем отец родной был, но посмотрите, что сейчас происходит: разгневанные массы второй его смерти требуют! Получается, за полчаса разгневались...

– А Вы лично что сейчас чувствуете?

– Да то же, что и все: справедливый гнев! Не пойму только, откуда он взялся: налетел не спросясь...

– Расскажите, пожалуйста, как это произошло.

– Я шел себе по улице, думал о вечном, вдруг – бабах! Такая ненависть к Карлу Ивановичу меня охватила – жуть! Вот, думаю, тварь какая этот Карл Иванович, внутренний эмигрант! Ходит, думаю, и смердит... И прямо весь дух во мне занялся, причем черт-те чем занялся. Пора, думаю, транспарант какой-никакой хватать да на демонстрацию. Но транспарантов больше уже не было: оказалось, не у одного меня дух черт-те чем занялся – у других тоже...

– А Вас прежде не посещало ощущение, что Вы Карла Ивановича недолюбливаете?

– Никогда в жизни! Хотите, я сейчас догола разденусь?

– Нет-нет, спасибо... всего доброго!

– Да не пугайтесь вы, постойте... я вам просто татуировки показать хотел: у меня ведь Карл Иванович где только не вытатуирован! Особенно красиво – на бедре: он там с вершины горы в небо облачное смотрит. И стихи рядом вытатуированы:

Карл Иванович могуч,
Он гоняет стаи туч!

– Кстати, я эти стихи сам написал – по мотивам классической поэзии.

– Как же Вы теперь с такими татуировками дальше-то?

– Пока не думал еще... полчаса ведь только прошло. А вдруг через полчаса опять сыновняя любовь к нему вернется?

Да… сразу и не разберешься, как дела в Змбрафле. Ясно одно – что-то случилось. Что-то, кардинально переменившее отношение мертвечан к личности, чьи идеи еще полчаса назад казались невероятно привлекательными. Теперь они больше не кажутся таковыми – и проекту Абсолютно Правильной Окружности из спичек, сооружаемой на этом свете, видимо, не суждено состояться на том.

Обратимся-ка мы к группе выдающихся ученых с мировыми именами, расположившихся на самой верхней галерее Открытой спортивной арены Змбрафля.

– Скажите, пожалуйста, чем объясняется ваше такое высокое положение?

– Оно объясняется внезапно пришедшими к нам знаниями и опытом.

– Как же это случилось?

– Знания и особенно опыт настигли нас совершенно неожиданно, когда мы меньше всего думали о них! Несколько месяцев назад, по просьбе друзей-подпольщиков, мы задались целью рассчитать, сколько именно спичек потребуется для того, чтобы распространить пролагаемую в этом мире Абсолютно Правильную Окружность из спичек на тот свет. Расчеты свои мы основывали на наблюдениях за тем, какое количество спичек ежедневно отправляется на тот свет и какой величины участок Абсолютно Правильной Окружности из спичек на том свете уже построен. Сначала мы пользовались официальными данными, которые поставляла нам канцелярия Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, но потом решили провести полевые наблюдения, для чего в тайне от мировой общественности и отправились в Елисейские поля – одну из областей того света. Именно в ней, по свидетельству Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, на тот момент производились основные работы по сооружению Абсолютно Правильной Окружности из спичек. То, что мы увидели на полях, потрясло наше воображение. Никакой Окружности там не имелось!

– Что именно потрясло Ваше воображение?

– Именно это и потрясло… то есть полное отсутствие на том свете хоть каких-нибудь признаков Абсолютно Правильной Окружности из спичек. Никто на Елисейских полях и не думает сооружать там Окружность. Спички же используются для того, чтобы жечь костры и водить вокруг них хороводы.

– А о каких в точности объемах затрат спичек идет речь?

– О колоссальных объемах! Коробков, переправленных из Змбрафля прямиком на тот свет только за последние восемь месяцев, и то хватило бы, чтобы здесь, на этом свете, распространить Абсолютно Правильную Окружность из спичек еще и на все западное полушарие. Представьте себе, сколько заработал на этом Карл Иванович, внутренний эмигрант, самолично бравший деньги за экспедирование на тот свет спичек! Неудивительно, что метраж хором, построенных им под землей для себя и Бабы своей с большой буквы, исчисляется астрономическими цифрами. Говорят, подземные сооружения, возведенные там Карлом Ивановичем, внутренним эмигрантом, охватывают почти всю территорию восточного полушария – только под Европой еще пусто. Но захоти какое-нибудь государство типа Монголии или Китая построить, например, метро – разрешение на это надо спрашивать теперь уже у Карла Ивановича, внутреннего эмигранта, ибо он владеет подземным пространством! А это гарантирует ему новые и новые доходы. Кстати, это же до недавних пор гарантировало ему и рабскую покорность мертвецов, пони-

мавших, что, опускаясь под землю, они автоматически оказываются на частной территории Карла Ивановича. Потому-то и тянуло их наверх, на свободу!

– Позвольте спросить, как вы использовали внезапно настигшие Вас знания и опыт?

– Пока мы только доложили о них автору настоящего художественного произведения – в надежде на то, что он захочет и сможет положить конец всем этим безобразиям.

– Спасибо вам, дорогие выдающиеся ученые с мировыми именами, за интересный разговор!

– Всегда обращайтесь, если есть потребность!

Ну, что ж, дорогие мертвечане… похоже, что автор настоящего художественного произведения захотел и смог положить конец злоупотреблениям, молчаливыми свидетелями которых Вы стали, ибо как же иначе расценить все, что в данный момент происходит на этих страницах?

Впрочем, мы уже у цели. Перед вами – здание городской тюрьмы особенно бесчеловечного режима. Разгневанный народ входит в тюрьму без боя, ибо охранники со всей очевидностью чувствуют себя союзниками демонстрантов. Охранники обнимают и целуют штурмующих, фактически мешая им предаваться штурму. Штурмующие отпихивают от себя охранников, брезгливо вытирая рукавами губы и прочие поцелованные ими участки лица и тела.

А вот и места заключения наших национальных героев. Перед вами дверь в карцер Марты, заботливо отпираемая одним из охранников – , влажными своими губами охранник тянется к находящемуся ближе других штурмовику.

– "Новости с того света". Что Вы испытываете сейчас, Зеленая Госпожа?

– Еще минуту назад я испытывала воздействие рентгеновских лучей на живой организм. Но в данный момент я пока ничего больше не испытываю, поскольку не понимаю, что вообще происходит…

– Происходит победа разума над невежеством, добра над злом, прогресса над стагнацией!

– Обычно в случаях, когда происходит победа разума над невежеством, добра над злом и прогресса над стагнацией, я испытываю большую радость. Ее, стало быть, я поспешно начинаю испытывать и сейчас.

– А вот и Ваши соратники: любимый всеми нами Ближний и… что это за женщина неземной красоты рядом с ним?

– Это Кузькина мать – после воздействия на нее рентгеновскими лучами. Будущая супруга Ближнего.

– Я… будущая супруга? Скажете тоже, Марта! Неужели Вы думаете, что я выйду замуж за ближнего своего? Зачем же подвергать его… подвергать его браку, когда сказано: возлюби ближнего своего!

Оставим их, наших национальных героев, за этими милыми препирательствами. Один из операторов сообщает нам, что за два квартала от городской тюрьмы особенно бесчеловечного режима наблюдаются подозрительные завихрения в небе. Кажется, к нам спускается Рединг от, Японский Бог».

Появление Рединг от а в сиянии славы и в сопровождении Татьяны и Ольги вывело из строя телекамеры – сотрудникам информационной службы «Новости с того света» пришлось прекратить трансляцию передач с места эпохальных событий.

Змбрафль ликовал: Японский Бог спускался с неба, впервые имея на сахарных устах лучезарную улыбку. Жители Города Мертвых привыкли видеть его лицо сумрачным и встревоженным – и, между нами, им казалось, что Рединг от – грозный Бог, безжалостно карающий правых и виноватых. На местных иконах его изображали сухим и изможденным, с орудиями пыток в руках: пронзительный взгляд Рединг от а буравил зрителей, а исходившее от всей фигуры сияние приморaживало их непосредственно к месту преступления.

– Привет всем! – будничным голосом сказал Рединг от, опускаясь на землю и ставя рядом с собой Татьяну и Ольгу. – Ну что, свершилось?

– Свершилось! – полетел ему навстречу глас народа, чуть не свалив Редингота с ног.

– Минуточку! – прямо сквозь глас народа продрался к Рединготу голос Комарова-с-ударением-на-втором-слоге. – Я опять насчет спичечного завода…

– Ах, нет… – сказал Редингот, вмиг устав. – Как же Вы мне надоели, Комаров-с-ударением-на-втором-слоге! Ну не требуется, не требуется больше спичек – понимаете?

– Жизнь моя потеряла смысл, – просто констатировал Комаров-с-ударением-на-втором-слоге.

И, громко топая, ушел в прошлое.

ГЛАВА 39
Повествовательное начало достигает своего конца в рамках отдельно взятого художественного целого

Тут самое трудное что… – взять художественное целое отдельно. Это потому трудно, что отдельно оно вроде бы и не существует: любое художественное целое встроено в литературный контекст эпохи – как ты его отдельно-то возьмешь, если контекст эпохи все вокруг загромоздил? Не вырывать же свое художественное целое из контекста эпохи! Тем более что литературные критики спят и видят подписать твоему художественному целому именно такой приговор: произведение, дескать, вырвано из контекста эпохи. И доказывай им потом, что ты просто хотел взять по праву принадлежащее тебе – отдельно!

Иными словами, надо соблюдать крайнюю осторожность, беря свое художественное целое отдельно, – чтобы, не дай Бог, ничего вокруг не повредить. А то как бы художники слов не запричитали в голос: «Вы потише тут – не видите, что своим художественным целым за наши художественные целые задеваете… разрушите ведь сейчас наши-то!» И правда: иные художественные целые до того хрупкие, что одно неловкое движение – и плакало то или совсем иное худо-

жественное целое навзрыд… Хуже всего, что потом уже ничего, как было, не соберешь, да и художники слов кочевряжиться начинают: дескать, мы уже не помним, за чем у нас тут что шло… Вы разрушили – Вы и возводи́те заново! А кому ж понравится *чужое* художественное целое заново возводить?

Стало быть, хочешь не хочешь – прояви осторожность! Берешь свое художественное целое вот так вот аккуратненько – двумя пальчиками – и ставишь где-нибудь в сторонке, чтоб не очень в глаза бросалось. А уж потом делай с ним что заблагорассудится: отсекай все ненужное, как Роден, или добавляй все ненужное, как Церетели, – дело твое. Одно только помни: недалеко от тебя другие художники слов работают – так что смотри не размахивайся особенно: в литературном контексте эпохи все места заранее учтены. Не то потом захочешь свое художественное целое назад в литературный контекст эпохи поместить, а оно не лезет! И сколько ты руками ни маши насчет того, что именно тут раньше твое место было – и все влезало как миленькое, – никто тебе не поверит. «Не может быть, – скажут, – что раньше влезало, если теперь не влезает. Идите, – скажут, – ищите себе другое место в литературном контексте эпохи, в то время как тут Вам, голубчик, с Вашим художественным целым места нету!» И поставят на место твоего художественного целого какую-нибудь «Последнюю пядь» какой-нибудь Марины Мнишек, которая даже числительное «пять» правильно написать не может! А тебе тогда – хоть в газету бесплатных объявлений пиши: меняю, типа, место под

дачную застройку в районе Клязьмы на место в литературном контексте эпохи.

Но, уж если тебе, художник слова, удалось сохранить и твое художественное целое, и твое место в литературном контексте эпохи, честь и хвала перу и топору твоему: смело тогда называй себя Толстым, Достоевским и Агнией Львовной Барто!

А что касается достижения повествовательным началом своего конца, то ведь повествовательное это начало ничем другим на всем протяжении настоящего художественного произведения и не занималось: увы, оно не стремилось к бесконечности (как делал Ваш покойный слуга) – оно до демонстративности бесстыдно стремилось к концу. Ну, и... вот вам, пожалуйста: результат, как говорится, налицо! Приехали... да только вот – с чем?

На итоговую общечеловеческую конференцию «Бренность и тщетность всех начинаний» были приглашены тысячи, а съехались единицы. Единицы эти разместились в зале таким образом, чтобы друг от друга отделяли их даже не свободные места, а свободные ряды. Возникало впечатление, что непосредственно перед тем, как единицы вошли в зал, они основательно перессорились и теперь не желали иметь друг с другом ничего общего. Когда на порог зала ступили также заранее приглашенные Рединготом Умная Эльза, Детки-Вклеткин, Случайный Охотник и эскимос Хухры-Мухры, они прямо оторопели от открывшегося их пытливым взорам зрелища.

– Широко сидят! – громко прокомментировал ситуацию Хухры-Мухры и, обратившись ко всем присутствовавшим, спросил: – А покучнее-то чего не сели, все присутствующие?

– Мы же не знакомы еще, – оправдались те. – Вот познакомимся поближе – и сгруппируемся.

– Так знакомьтесь! – не понял проблемы Хухры-Мухры и представился: – Сын эскимосского народа.

– Дети разных народов, – представились все присутствующие.

– Вот и славно! – подвел итог сын эскимосского народа. – Теперь уже можно сесть и поплотнее.

Все присутствующие с шумом и смехом сгруппировались в двух последних рядах.

– Так далеко от сцены? – подивилась Умная Эльза.

– Да мы же ведь пока не знакомы с теми, кто на сцену выйдет! – опять оправдались все присутствующие.

– Это свои люди, – успокоила их Умная Эльза – и все присутствующие с шумом и смехом пересели в первые два ряда.

Более близкое знакомство показало, что народ собрался пестрый, как яйца куропатки. Ни один из присутствовавших ничем не напоминал другого. Все они пристально рассматривали и беспокойно ощупывали друг друга, пытаясь найти хоть какие-нибудь черты сходства, но – увы: сходства между ними не было ни по одному признаку: ни по половому, ни по возрастному, ни по социальному, ни по географическому. Случайного Охотника особенно встревожило

последнее, о чем он высказался с не присущей ему прямолинейностью:

– Понаехали тут… Откуда родом-то хоть?

Выяснилось, что родом – отовсюду, причем, как правило, из тех стран, которые к проекту построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек вообще отношения не имели.

– Вот Вы, который с Берега аж Слоновой Кости, сюда как попали? – отдельно придрался к экзотическому гостю Случайный Охотник.

– Я Окружность строил! – с обидой сказал тот. – И, стало быть, по праву тут нахожусь. По такому же праву, что и Вы!

– Я нахожусь здесь по праву сильного, – отредактировал его представления о своих правах Случайный Охотник, – хотя, конечно, я тоже строил Окружность. Правда, в отличие от Вас я строил Окружность в специально отведенном для этого месте, а не на Берегу аж Слоновой Кости!

– Чем это Вам моя Слоновая Кость не угодила? – совсем обиделся экзотический гость. – Не худшее, кстати, место в мире! Сами-то Вы где строили?

– На Северном полюсе, – козырнул Случайный Охотник.

– Вот глухома-а-ань! – хором сказали все присутствующие. – А еще на Берег аж Слоновой Кости наезжаете! Постыдились бы…

– Так, секундочку, – решил внести в дискуссию географическую ясность задетый глухоманью Случайный Охотник, но не успел: на

сцену давно вышли члены президиума, с интересом наблюдавшие за происходящим, а непосредственно на данный момент Редингот уже простер свой властный жест над залом.

– Я попросил бы, – сказал он, и все сразу поняли, о чем он попросил бы, если бы просил, и замолчали. – Президиум, к сожалению, собрался пока не в полном составе, – продолжал он, с грустью оглядывая единицы, на месте которых явно ожидал увидеть тысячи. – Да и гостей негусто…

– Это и есть Японский Бог? – Хухры-Мухры, выхватывая из кармана заветную человеческую пуповину, сильно дернул Деткин-Вклеткина за руку.

– Это и есть, – шепнул Деткин-Вклеткин, осторожно вправляя вывихнутый сустав.

– Японский Бог! – воскликнул Хухры-Мухры голосом, от которого у присутствующих похолодело внутри и снаружи. – Японский Бог, внемли моей молитве!

Тут он подбежал к сцене и упал перед нею на колени, истово бормоча какие-то никому не понятные слова. Сын Бернар выскочил из президиума и лег у края сцены на случай защищать Редингота.

– Что надо этому человеку? – растерянно спросил тот.

– Он впервые в жизни Бога видит, – объяснил шокирующее поведение товарища Деткин-Вклеткин. – Его боги никогда не снисходили к нему прежде.

– Бедный! – пожалел эскимоса сердобольный Ближний. – А чего он таких жестоких богов себе выбрал?

– Он не выбирал, – вмешался Случайный Охотник. – Каких предки дали – таких и взял.

– Вот лентяй-то... – покачал головой Ближний.

– А мне Богоматерь однажды красное яблочко подарила! – не сдержалась Мать Кузьки и смутилась, и сама стала – как красное яблочко.

– Подойдите сюда, – кивнул Редингот эскимосу.

Держа, на всякий случай, перед собою в вытянутой руке человеческую пуповину, Хухры-Мухры медленно приблизился к Богу, а приблизившись, сразу же сказал:

– Добрый день, Бог. Выполните, пожалуйста, мое желание: укажите моим товарищам, Деткин-Вклеткину и Случайному Охотнику, верную тропу!

– Указал им уже, – ответил Редингот. – А что это у Вас в руке такое мерзкое?

– Пуповина человеческая, сушеная... талисман.

– Выбросьте немедленно! – потребовал Редингот.

– Да Вы что, Бог, совсем рехнулись? – возмутился Хухры-Мухры. – А защищать меня тогда кто будет?

– Разум, – буркнул Редингот.

– Мировой? – напрасно понадеялся Хухры-Мухры.

– Зачем мировой? Ваш собственный!

– Нет у меня собственного… – Хухры-Мухры опустил руку с человеческой пуповиной к полу.

– Теперь есть, – сказал Редингот. – Силою данной мне власти я только что вселил в Вас разум. Пошевелите мозгами!

Хухры-Мухры пошевелил. И рассмеялся. И, бросив на заплеванный пол человеческую пуповину, безжалостно растоптал ее ногами.

– Спасибо, Бог, – сказал он Рединготу, направившись было назад, к своему месту, но обернулся и добавил: – За все!

– Пожалуйста, – громко ответил ему Редингот и шепотом закончил: – Только ведь я не бог никакой…

Хухры-Мухры посмотрел на него с легкой укоризной:

– А вот кто бог, кто не бог – это уж отсюда виднее!

– Ну, виднее, так виднее, – вздохнул Редингот и, покончив с божественным, перешел к административно-хозяйственному.

– Мы собрались, – сказал он и задумался, – не знаю зачем…

Два первые ряда затаили дыхание, а Редингот так же смело, как и начал, продолжал:

– Тридцать с лишним глав назад я знал все обо всем. Теперь я не знаю ничего ни о чем – и это свидетельство того, что развитие мое достигло крайней своей точки: видимо, поэтому меня все чаще называют богом. С моей точки зрения, я не бог, но, если кому-то нужно, чтобы я был богом, то и… пожалуйста! Если вы сейчас спросите меня, как я себя чувствую…

– Как Вы себя чувствуете? – услужливо спросил Сын Бернар.

– …то я отвечу вам: «Спасибо, я чувствую себя прекрасно!» Мне гораздо больше нравится не знать ничего, чем знать всё: я обнаружил, что знание притупляет чувства, а незнание их обостряет. Так, я не знаю, зачем мы собрались сегодня – и знать не хочу. Но именно потому чувства мои так остры – и я чувствую, как Абсолютно Правильная Окружность из спичек бьется в ваших сердцах. Вы, стало быть, дети разных народов, вы прибыли сюда по зову сердца – несмотря на то, что страны, где живут породившие всех вас народы, изначально не были включены в число тех, по территории которых должна пролегать Окружность. И… как это замечательно, дорогие мои! Марта, Зеленая Госпожа, – а она будет здесь с минуты на минуту – показала мне список стран, представленных на нашей итоговой общечеловеческой конференции, и я с удовольствием заметил для себя, что среди нас делегаты Китая, Индии, Турции, Эфиопии, Судана, Камеруна, Алжира, Испании, Португалии, Берега Слоновой Кости, Венгрии, Чехии, Германии, Австрии, Бразилии, Аргентины, Канады, Швеции, Норвегии, Дании Финляндии… простите, если я не назвал кого-то.

– Монтенегро не назвали! – с обидой выкрикнули из второго ряда. – А нас тут целых трое.

– Целых?.. – растерялся Редингот и сразу же извинился на государственном уровне: – Прости меня, Монтенегро!

– Прощаю в последний раз! – ответило Монтенегро.

– Спасибо… Так вот. Я уже сказал, что ничего теперь не знаю. Не знаю я, стало быть, и того, в каком состоянии на данный момент находятся участки Абсолютно Правильной Окружности из спичек, которую мы начали возводить в первых главах настоящего художественного произведения. Но я, тем не менее, уверяю вас: Окружность не построена…

– На каком основании?.. – вырвалось у Матери Кузьки, которая тут же сама испугалась своего голоса и от страха уткнулась в грудь Ближнему.

– На шатком основании истории, – развел руками Редингот. – Ее ведь, Окружность эту, никогда не получалось построить полностью – и рано или поздно одна из величайших идей человечества терпела фиаско. Так что несколько лет спустя все приходилось начинать сначала. Исходным пунктом опять и опять назначался Змбрафль – некий взятый с потолка город, причем взятый с потолка по причине своей крайней удаленности от всего на свете. Стало доброй традицией обсуждать проекты построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек – впоследствии никогда не удававшиеся – именно здесь. Здесь же обычно подводились и итоги: всякий раз неутешительные. Видимо, такие же итоги предстоит подвести и нам с вами. Но, какими бы неутешительными они ни были, есть у нашего проекта одна заметная отличительная черта: впервые в истории человечества…

– …в нем участвовал Редингот, – тихо произнесла Кунигундэ: она сидела в президиуме рядом с Сын Бернаром, снова расположившимся у ее правой ноги, как он привык за последнее время.

– Ах, обойдемся без цитат! – Редингот беспечно махнул рукой в направлении первой главы, где о Кунигундэ, между прочим, и речи еще не было. – Отличительная черта нашего с вами проекта в том, что впервые в истории человечества он зажил самостоятельной жизнью! Доказательство тому – дети разных народов, прибывшие из стран, до которых каким-то чудом дотянулись наши спички... дотянулись – и увлекли их за собой. Спасибо вам, дети разных народов! Спасибо за то, что именно благодаря вам проект построения Абсолютно Правильной Окружности из спичек вышел из-под контроля...

– Гип-гип, ура! – сказала про себя Умная Эльза, но сказанное про себя прогремело над залом, как орудийный залп... даже порохом запахло.

– Пахнет порохом, – с тревогой заметила Мать Кузьки, опять утыкаясь в грудь Ближнего своего.

С легкой, как тополиный пух, укоризной взглянув на Умную Эльзу, Редингот повторил:

– Проект, стало быть, вышел из-под контроля...

– Это *ты* упустил его из-под контроля! Ты все упускаешь из-под контроля. Ты и семью из-под контроля упустил! – раздалось

вдруг из последнего ряда, в котором было ровно тридцать девять мест.

Никто не заметил, как и когда туда пробрались тридцать девять кузнечиков своего счастья.

Рединготвгляделся в до боли родные черты сыновей и скорчился от боли.

– Врача! – взревел Сын Бернар.

– Лучше читателя или советчика... – посоветовала Умная Эльза.

Но Рединготт, справившись с болью, отменил всех троих. И нетвердой походкой двинулся к последнему ряду – близоруко щурясь.

– Здравствуйте, дети!

Тридцать девять кузнечиков своего счастья поднялись со своих мест.

Получилось, как в школе. Рединготт смутился... правда, только на минуту.

– Кикимото рассказывал мне, какие вы... А вы – вот какие! Вы прекрасные.

– Тебя совсем не обидел горький упрек, непроизвольно слетевший с наших уст? – виновато спросили они, в глубине души уже стесняясь своей дерзости.

– Да нет, что вы, – сказал Рединготт, – какие пустяки! Но вы, я вижу, стали кузнечиками своего счастья. Отрадно, отрадно...

– Мы еще и твоего счастья кузнечиками стали, – похвастались те. – Мы обезвредили Карла Ивановича, внутреннего эмигранта. И Бабу его с большой буквы.

– Обезвредили – как? – с испугом спросил Редингот.

– Гуманно обезвредили, – обтекаемо ответили сыновья.

– А где Кикимото? – Редингот тридцатью девятью подозрительными взглядами поглядел на тридцать девять сыновей.

– Он... он там сейчас, на том свете. Кое-какие дела... Он скоро придет.

– Он придет скорее, чем вы думаете! – усмехнулся Редингот, и в ту же секунду Кикимото стоял перед ним в тапочках на босу ногу. Стоял и укоризненно качал головой, глядя прямо в глаза отцу и Богу.

– Не надо было так делать, отец и Бог! – только и сказал он. – Еще полчаса-час – и я бы привел сюда Эдуарда с Неждановым...

– Эх!.. – с досадой сказала Кунигундэ. – Очень было бы, между прочим, кстати. Вот получили бы по заслугам – оба... на всю оставшуюся жизнь!

– Тут у нас не суд, – напомнил Редингот, – а итоговая общечеловеческая конференция. Судом же мы еще в двадцать восьмой главе накушались... когда выяснилось, что хоть каждого подряд суди – толку не будет! А вот то, что ты в тапочках на босу ногу, – взглянул он на Кикимото, – да еще в такое время суток – непростительно...

– Я не был готов представать перед тобой... как лист перед травой! – возмутился Кикимото.

– Надо всегда быть готовым ко всему, сын мой, – Редингот потрепал Кикимото по волосам, словно тому было пять лет. – Слушай, что я скажу тебе: в настоящем художественном произведении в любую минуту возможен поворот на сто восемьдесят градусов в тени.

Кикимото с долгой улыбкой посмотрел на отца и бога:

– Слушай же и ты – то, что я скажу тебе. В настоящем художественном произведении в любую минуту возможен и поворот обратно – ровно на столько же градусов в тени.

И... ах, с каким изумлением посмотрел на него отец и бог! Ах, с каким изумлением...

А от боковой двери (ну и хаос у нас в этой главе!) побежала к последнему ряду – несмотря на то, что кто-то окликнул ее у самого входа, – девочка в платьице горошком...

И тут же во втором ряду раздался глухой удар человеческого тела об пол.

– Что это за глухой удар человеческого тела об пол? – в полной тишине спросил Редингот.

– Деткин-Вклеткин упал, – ответил эскимос Хухры-Мухры, срываясь с кресла.

Не успел ответ прозвучать, как раздался еще один глухой удар человеческого тела об пол.

– А это что за глухой удар человеческого тела об пол? – Редингот вглядывался в дальний конец зала, пытаясь взглядом растолкать сгрудившихся там детей разных народов.

Между тем Татьяна и Ольга уже преодолела расстояние до Редингота...

(– Марта упала, – раздался голос Сын Бернара.)

... и в одно мгновение повисла у него на шее.

Сорок сыновей Редингота переглянулись, послав друг другу сорок двусмысленных (итого – восемьдесят обычных) улыбок.

– Отставить всякие двусмысленности! – распорядился Редингот. – Перед вами Татьяна и Ольга, моя как бы внучка.

– Да понятно! – ответили сорок сыновей. – Просто было бы забавно посмотреть на тебя, если бы *все* твои внуки повисли у тебя на шее... все двести пятьдесят восемь!

Проглотив эту более чем сытную новость не разжевывая, Редингот устремился к двум эпицентрам одного и того же события. За руку он волочил явно перевозбужденную Татьяну и Ольгу.

– Наша мама и чужой дядя упали в два обморока, – по пути докладывала она Рединготу свою версию происшедшего, неизвестно когда выработанную. – Теперь они лежат в одном общем обмороке.

– Это не чужой дядя, – персонифицировал незнакомца Редингот. – Это твой папа.

– Ой-тогда-мне-надо-рассмотреть-его-как-следует-пока-он-в-обмороке! – протараторила Татьяна и Ольга и, ускользнув от Рединго-

та, стремглав бросилась в эпицентр первого падения человеческого тела на пол, расталкивая детей разных народов.

Деткин-Вклеткин уже пришел в себя, но, даже не меняя положения тела, терпеливо ждал приближения Татьяны и Ольги.

– Ты уже не в обмороке? – деловито осведомилась девочка и, встав рядом с Деткин-Вклеткиным на колени, поцеловала его в лоб. – Знаешь, зачем я это сделала?

Деткин-Вклеткин помотал головой.

– Затем, что деда тебя моим папой назначил. Прямо сейчас. А еще раньше он во-о-он ту тетю, которая тоже в обмороке, назначил моей мамой. Так что вам теперь вместе надо быть. Это из-за меня. Тебе нравится тетя в обмороке?

Деткин-Вклеткин кивнул.

Татьяна и Ольга припустилась к Марте – к тому времени тоже открывшей глаза:

– Мама, теперь у тебя есть свой папа! И ты ему нравишься... А он тебе?

– Он мне очень нравится, Татьяна и Ольга, – совсем неслышно сказала Марта. – Только важно ведь, чтобы он и тебе нравился...

– Мне нравится. Мне вообще нравятся немые.

– Он не немой, – сказала Марта. – Он просто растерялся.

В этот момент, отойдя от Деткин-Вклеткина, к ним подошел Хухры-Мухры. Хухры-Мухры со всевозможной осторожностью по-

трогал Татьяну и Ольгу и заключил, обращаясь к Случайному Охотнику:

– Вполне материальный ребенок. Не скажешь даже, что его головой на свет производили!

– Нас тут всех головой на свет производили, – со смехом откликнулся Кикимото и огляделся вокруг в поисках автора настоящего художественного произведения. Тот благоразумно отсутствовал.

Деткин-Вклеткин встал и подошел к Марте.

– Давай ничего не говорить друг другу? – предложил он.

– Давай, – сказала Марта.

И больше они не сказали друг другу ни слова.

Зато заговорили в один голос дети разных народов.

– Вавилонская башня!.. – вздохнул Редингот.

Сказав так, он вернулся на сцену. Один-одинешенек. И стоял долго.

– Ну что ж... – наконец произнес он, и голос его прозвучал беспомощно. – Надо бы уже чем-нибудь закончить все это... не знаю что! Подвести, например, итоги – раз конференция объявлена итоговой. Какие бы итоги подвести...

– По Окружности, пожалуйста! – вернувшись из своего благоразумного отсутствия, потребовал автор настоящего художественного произведения и напомнил: – Вы остановились на том, что проект вышел из-под контроля и зажил самостоятельной жизнью...

– ...самостоятельной жизнью, – эхом повторил Редингот. – Самостоятельной жизнью в сознании каждого из нас. И потому каждый построил фрагмент Окружности в соответствии с тем, как он понимал Окружность... Удивляться ли, что фрагменты не совпали?

– Удивляться, удивляться и еще раз удивляться! – крикнул автор настоящего художественного произведения. – Окружность – причем Абсолютно Правильная! – понятие однозначное. Окружность не требовала толкования – она требовала построения!

– Лишите его права голоса, Редингот, – сказала Марта. – Чем ближе к концу подходит наша история, тем он разговорчивее. Раньше надо было понятия определять!

– Нет, пусть говорит! – не согласились дети разных народов. – Если тут все от него зависит...

– ...да кто ж вам сказал, что тут все от него зависит? – сказала Умная Эльза, решительными шагами поднимаясь на сцену.

– А от кого тут все зависит? – растерялись дети разных народов.

– Ничто, никогда и нигде ни от кого не зависит, – проговорила Умная Эльза. – Зависимость – отвратительна. Она отвратительна с обеих сторон: отвратителен и тот, от кого зависят, и тот, кто зависит. Нет... больше: у зависимости не две стороны! У зависимости миллиарды сторон, и все на свете можно объяснить взаимной зависимостью составляющих, взаимоподчиненностью друг другу элементов мира, круговой порукой... То, что одно является причиной друго-

го, – на первый взгляд, не страшно; то, что другое является причиной третьего и следствием первого, тоже переносимо; но то, что третье оказывается причиной четвертого и следствием первого, которое является причиной второго, и второго, которое само является причиной третьего, но следствием первого, – это уже несколько напрягает... Как насчет тысяча сто сорок пятого – причины тысячи ста сорок шестого и результата возникновения неописуемо сложной комбинации тысячи ста сорока четырех элементов, чьи отношения уже не поддаются описанию? Смирись, человек, смирись и зависть от всего вокруг – иначе тебя разнесет на элементы, и пусть все вокруг зависит от тебя – иначе ты разнесешь на элементы все вокруг! Ибо ты есть в одном лице и тот, от кого зависят все и вся, и тот, кто зависит от всего и вся... Нет философии более унизительной, чем эта, дорогие дети разных народов. Нет философии более лживой. И на самом деле все совершенно не так!

Heißa, juchei!
Die Gedanken sind frei!
Kein Mensch kann sie wissen,
kein Jäger erschiessen
mit Pulver und Blei...
die Gedanken sind frei![14]

[14] Э-хе-хе-хей!
Мысль – свободна!
Никому не постичь ее,
Никакому охотнику не подстрелить,
Бессильны и порох, и свинец...
Мысль – свободна!

(Немецкая народная песня начала XIX века – *подстрочный перевод автора настоящего художественного произведения*).

Если это правда – а это – правда! – то никто, нигде и никогда ни от кого не зависит: каждый живет по собственным законам, соотносясь со всем окружающим так, как считает нужным.

Умная Эльза обвела глазами всех присутствующих – отдельно задержавшись на каждом и дольше всего – на Рединготе, импульсивно подавшемся вперед.

– От монументальной композиции «Никогда и ни при каких обстоятельствах не забудем мать родную», сегодня украшающей Национальный парк в столице Японии, у меня сохранился на память один коробок спичек... может быть, последний из коробков, оставшийся на этой земле. И я употреблю его так, как считаю нужным только я. Я докажу Вам, что ничто и никогда на этих страницах не зависело от автора настоящего художественного произведения, ибо и само это художественное произведение – фикция. Фикция, существующая лишь в нашем сознании. – Умная Эльза быстро достала спичечный коробок из кармана кимоно и вынула из него одну спичку. – Этой спички достаточно для того, чтобы все исчезло – как не было. И... довольно тешить себя мифом о том, что рукописи – не горят.

Зал оцепенел.

Умная Эльза чиркнула спичкой, поднесла ее к коробку.

Марта прижала к себе Татьяну и Ольгу и, прикрыв ей глаза ладонью, зажмурилась сама.

– Смотреть! – хрипло крикнул им обеим Деткин-Вклеткин. – Иначе вы никогда потом не простите себе, что в этот момент глаза ваши были закрыты!

Как уж Деткин-Вклеткин успел уложиться со всем сказанным в ту секунду, которой хватило на то, чтобы разноцветное кимоно и все вокруг превратилось в костер... по-ня-ти-я не и-ме-ю.

ГЛАВА 40
Повествовательное начало достигает своего абсолютного конца

Настоящим художественным произведением может считаться только сожженное художественное произведение. В известном смысле настоящесть художественного произведения и его сожженность даже являются синонимами, ибо сожженность придает литературному целому особую завершенность и дополнительный вес в глазах как современников, так и потомков. Прямо сердце радуется – только представишь себе невзначай брошенные фразы типа: «Вы читали последний – сожженный – роман такого-то?», или: «Меня в его – сожженном – романе особенно потрясло то...», или: «Как сказал писатель в своем – сожженном – романе...» – и т.п. Причем даже не обязательно, чтобы писатель действительно так и сказал: сожженное произведение порождает вокруг себя множество разных легенд. Со временем ему может быть приписана чуть ли не вся мудрость этого мира. В сожженном произведении нет недостатков, сожженное произведение всегда считается самым проникновенным из написанного (имярек), у сожженного произведения нет конкурентов на литературном рынке...

Обо всем этом автор настоящего художественного произведения знал всегда, но никогда не говорил... – да и зачем? Как, о мой читатель, выглядел бы для тебя процесс приобщения к сожженному, то есть более не существующему, тексту? Хватит с тебя – причем позарез хватит! – уже и того, что ты знакомился с творчеством покойника.

Впрочем, литературные критики, вне всякого сомнения, скажут: «Идея сжигать написанное не нова», – и, разумеется, упрекнут автора в плагиате, ибо – по большому-то счету – плагиат это и есть. Действия – они ведь тоже предмет собственности. Отхвати я сейчас себе, например, ухо перочинным ножом – управление по авторским правам тут как тут: пла-ги-ат! И правильно, между прочим. Если уж тебе в начале XXI века приспичило что-нибудь перочинным ножом отхватить, то... вон сколько на тебе свободно болтающихся органов, на которые никто не претендует! Отхвати один такой – и запечатли себя на холсте: дескать, автопортрет с отхваченным органом. И будет у тебя на данный, отдельный, орган авторское право.

Но это я, конечно, так... к слову. Конкретно – к уже неоднократно употребленному мною слову «сожженное». Призна́юсь честно, я поначалу хотел было и жанровый подзаголовок такой дать: «Настоящее художественное произведение (сожженное)». Но, убоявшись справедливой критики литературных критиков, воздержался: я и вообще воздержан, ибо мертв. А для себя решил, что не буду рассказывать о намерениях Умной Эльзы раньше времени. Пусть, дескать,

повествовательное начало само достигнет своего повествовательного конца.

И вот оно его достигло.

Перед вами абсолютный конец.

И – золотое пепелище.

На золотом пепелище сидели (в порядке алфавита, который, по справедливому, как смертный приговор, замечанию некоего, тоже давно покойного, лингвиста, есть упорядоченный беспорядок): Ближний; дети разных народов; Деткин-Вклеткин; Кикимото; Куни-гундэ; Марта, она же Зеленая Госпожа; Мать Кузьки; Редингот, он же не фунт изюма, он же Японский Бог; Случайный Охотник; Сын Бернар; Татьяна и Ольга; тридцать девять кузнечиков своего счастья и Хухры-Мухры. Все они сидели перед небольшой горсткой пепла, которая недавно еще умела плакать и смеяться, за что, в частности, считалась Умной Эльзой, таковою и будучи. А больше в компании *никого* не было – и отсутствующий отныне в структуре литературного целого автор настоящего художественного произведения подчеркивает это со всей присущей ему ответственностью.

Они сидели в порядке алфавита и разговаривали.

– Главная ошибка в чем... – вздыхал Случайный Охотник, поигрывая ледорубом, все-таки вынесенным им из пламени, – не следовало соглашаться выкладывать Абсолютно Правильную Окружность именно из спичек. Я просто нутром чувствовал, что опасность

возгорания художественного целого всегда незримо присутствовала поблизости...

– Можно подумать, у нас был выбор! – усмехнулся Рединготт. – Можно подумать, выбор вообще когда-нибудь есть... Вы вон хоть у Кикимото спросите!

– Причем тут Кикимото?

– А притом, что ему Купол Мира из яичной скорлупы строить пришлось... игнорируя аллергию на яйца! – Рединготт покачал головой.

Над золотым пепелищем всходило солнце.

– Мама с папой, – тихо спросила Татьяна и Ольга, – откуда дети берутся?

– Из головы, – ответил за маму с папой Хухры-Мухры. – Все берется из головы, детка...

– Ты не мама с папой, – поставила эскимоса на место Татьяна и Ольга. – У тебя сколько деток?

– У меня нету деток, – сознался Хухры-Мухры, знобко кутаясь в местами прожженную парку.

– И в голове нету? – уточнила Татьяна и Ольга.

– В голове есть, конечно. Мальчик и девочка.

– А когда ты их оттуда выпустишь?

– Когда созреют, – сказал Хухры-Мухры.

Татьяна и Ольга задумалась.

Пристально глядя на горстку пепла, Марта сказала:

– По-моему, пепел шевелится...

– Ветер... – отозвался Ближний. – Скоро ветер разнесет эту горстку по свету... Что же делать, что же теперь делать? Она была бы такой прекрасной, наша Окружность!

– И такой... абсолютно правильной! – всхлипнула Мать Кузьки.

– «...безупречная кривая... причем в самом высоком и торжественном смысле этого слова», как написала когда-то Вам в Париж Умная Эльза... помните, Редингот? – спросила Марта.

Редингот кивнул.

– В Токио она читала твой ответ вслух, вися в воздухе в миллиметре от асфальта, – вздохнули тридцать девять кузнечиков своего счастья, расположившиеся вокруг отца и бога. – Правда, тогда еще все мы были адвокатами и многого не понимали. Но слова из твоего письма запомнили – насчет того, что не геометриею заняты лучшие умы многострадального человечества, но музыкою...

– Без Умной Эльзы мы никогда бы не осознали бы ни этого, ни... – Редингот осекся.

– Вы почему осеклись, Редингот? – с тревогой спросил Сын Бернар, пряча от солнца оставленные пламенем проплешины на теле.

Редингот молчал.

– Редингот, – тихо окликнула его Кунигундэ. – Редингo-от!..

– Да? – вздрогнул тот.

– Вы осеклись... почему?

– Я ружье, – попытался отшутиться тот.

Попытку не зачли.

– Чего еще мы не осознали бы без Умной Эльзы? – Ближний хотел заглянуть Рединготу в глаза, но тот отвел взгляд.

Теперь никто уже не нарушал тишины, становящейся все более тревожной.

– Мне трудно произнести это, – признался наконец Рединготт.

– Еще вчера Вам все было просто! – напомнили ему дети разных народов.

– Боюсь, что нет никакого вчера, – горько усмехнулся Рединготт.

Татьяна и Ольга, давно прекратив думать, откуда берутся дети, обняла Рединготта за шею.

– Не бойся, деда! – сказала она. – Вчера есть. Вчера – это когда ты назначил вон того дядю моим папой. Тогда и вчера.

Рединготт вздрогнул. И в глазах его сверкнуло – некий алмаз... некий угасший было алмаз, некий никогда не угасавший там алмаз.

Он взял Татьяну и Ольгу на руки и поднялся над пепелищем во весь рост.

Во весь свой исполинский рост.

Исполинский рост Бога.

Хухры-Мухры пал было ниц, но вовремя опомнился.

– Я скажу! – начал Рединготт. – Я скажу то, что не решался произнести. Я знаю, вы ждете этого. И я скажу. Вот... говорю. Я говорю: без Умной Эльзы мы никогда бы не осознали, что на самом деле

Абсолютно Правильная Окружность из спичек – построена. – Он смотрел прямо перед собой.

«Я знала», – нарисовали в воздухе губы Марты.

«Я знал», – почти в точности повторили рисунок губы Деткин-Вклеткина.

Мать Кузьки и Ближний посмотрели друг на друга и тихо засмеялись.

Кикимото неслышно поднялся с выжженной травы. Стал рядом с Рединготом. И тоже смотрел прямо перед собой.

– Ты видишь *ее* внутренним зрением? – прошептали тридцать девять кузнечиков своего счастья.

– Нет, – разочаровал их Кикимото и тут же очаровал снова: – Я ощущаю ее.

– Чем? – стыдясь, спросили они.

Кикимото молчал долго. Потом твердо произнес:

– Собой. Я ощущаю ее – собой.

– Она... большая?

– Бескрайняя.

– Правильная?

– Безукоризненно.

– На что она похожа?

– На… Opus Dei!

– Вот и хорошо... – просветленно вздохнули тридцать девять кузнечиков своего счастья, наконец поверив младшему брату. – Вот и хорошо!

Татьяна и Ольга слезла с рук Редингота и подошла к горстке пепла по имени Умная Эльза.

– Пепел опять шевелится... – сказал Хухры-Мухры и вдруг прошелестел: – «И когда у нас ничего уже не останется – совсем ничего, только тогда можно будет считать, что мы построили наш участок... вверенный нам участок».

Он оглядел пепелище. Весеннее солнце скупо освещало пустую, бурую поверхность земли.

– Пришло время, – произнес он тем же голосом, каким когда-то молился Японскому Богу. – Пришло время, и у нас не осталось ничего. Хотя... дайте-ка мне Ваш ледоруб, Случайный Охотник. Что Вы сидите с ним, как дурак? Не на Северном же полюсе мы с Вами, в самом-то деле!..

Случайный Охотник безропотно протянул ледоруб.

– Это не мой ледоруб, а Ваш! – оправдался он. – Ледорубы не горят в огне!

– Зато в воде тонут! – поделился отсутствующим опытом Хухры-Мухры и, склонясь под тяжестью ледоруба, быстро направился к реке.

«Буль!» – сказала река: только один раз.

Быстрыми шагами Хухры-Мухры вернулся на пепелище.

– Теперь у нас действительно не осталось совсем ничего, Случайный Охотник. Даже ледоруба. Даже высушенной пуповины и той не осталось. Даже ожерелья из человеческих зубов. – Он вздохнул. – Значит... значит, уже можно считать, что мы построили вверенный нам участок. Построили? – Хухры-Мухры бросил осторожный взгляд на Деткин-Вклеткина, сидевшего с закрытыми глазами.

– Построили, – подтвердил тот, не открывая глаз. – Вот теперь – построили.

– Я сейчас запою... запеть? – Голос Хухры-Мухры был хриплым.

– Запойте, – велел Сын Бернар, смутившись от самочинно взятой на себя власти.

И хриплым своим, некрасивым своим голосом Хухры-Мухры запел на странном языке. Глухие звуки, отрываясь от его губ, останавливались в воздухе и ждали следующих. Скоро все пространство вокруг оказалось заполненным этими глухими звуками – и, образовав гулкое облако, они начали медленно подниматься вверх, осторожно подгоняемые новыми и новыми облаками звуков...

Не помня себя от внезапно настигшей его печали, Сын Бернар завыл так, что дети разных народов принялись медленно отступать к реке. Заметив это, Сын Бернар потупил глаза – и выжженные на его коже проплешины покраснели.

– Извините, – сказал он детям разных народов. – Я больше не буду.

– Ничего-ничего, – с деланной бодростью сказали те.

– Люблю такую песню! – сказала Татьяна и Ольга и, подойдя к Хухры-Мухры, поцеловала его в коленку. – Можешь выпускать своих деток из головы. Они созрели уже.

Хухры-Мухры взял ее на руки и засмеялся.

– Это национальная песня? – уважительно спросила Мать Кузьки.

– У меня все песни национальные, я национальный певец, – ответил он.

– Это какой – национальный? – не поняла Татьяна и Ольга.

– Такой! – опять засмеялся Хухры-Мухры. – Который поет, что сердце говорит.

– А что оно сказало? – всерьез озадачилась Татьяна и Ольга.

– Оно сказало: «Пой так:

Приходит время и забирает твою волю,
приходит другое и забирает твою землю,
приходит третье и забирает твою память,
твою память и твои страхи.
В конце же времен приходит вечность
и все отдает в обратном порядке.

– Умное у Вас сердце, – покачала головой Мать Кузьки и смахнула с ресницы бриллиантовую слезу. – А у меня вот оно глупое... Ох, глупое!

– Не плачь, – попросила Татьяна и Ольга. – Глупое сердце тоже красиво поет.

– Поверить не могу, что этот ребенок произошел от нас! – с тихим восхищением сказал Деткин-Вклеткин, беря Марту под локоть.

И Марта победоносно улыбнулась: Зеленая Госпожа.

– Пепел теперь уже все время шевелится, – послышался тихий голос Кунигундэ. – Он шевелится так, словно в нем бьется сердце.

– Это ветер, – повторили дети разных народов.

А ветер и вправду налетел и, подхватив горстку пепла, бросил ее в небо.

– Прощай, Умная Эльза, – Рединготприслонил ко лбу ладонь – козырьком.

– Фьюи-и-ить! – раздалось с неба.

– Простите?

С высоты камнем упала на плечо Рединготагорстка пепла – ласточка. И на плече повторила:

– Фьюи-и-ить!

– Деда, у тебя птичка! – замерев на бегу, прошептала Татьяна и Ольга.

– Весна пришла. – Марта смотрела на Редингота.

– Я помню, – отозвался Редингот, боясь спугнуть ласточку. – Все птицы прилетают весной... только не обязательно ближайшей. Я дождался, Марта.

– Это та самая... или другая? Сколько ж ей лет? – Тридцать девять кузнечиков своего счастья терли глаза, словно желая прогнать оттуда внутреннее зрение, мешавшее им заблуждаться.

– В любом случае меньше, чем вам и мне! – со смехом откликнулся Кикимото. Он запустил во внутренний карман плаща руку – и тут же смело протянул ее в сторону ласточки – ладонью вверх.

На ладони что-то темнело.

– Это... – полушепотом полуспросил Рединготт.

– Это просто глина, – ответил Кикимото. – Маленький осколок... от того гнезда, которое было у нас под крышей.

Рединготт покачнулся... наверное, от старости. И взглянул Кикимото в самое сердце.

– Сколько же ты носил это в кармане?

– Тридцать шесть лет, – сказал Кикимото. – Почти тридцать семь. Я всегда знал, что она прилетит. Только я не сразу понял, что Умная Эльза – это *та* ласточка.

– *Та*, – кивнул Рединготт.

– Деда, ты знаком разве с птичкой?

– И ты с ней знакома. Ее зовут Умная Эльза.

Недоверчиво глядя на ласточку, Татьяна и Ольга сказала:

– Конечно, знакома. Сначала это была тетя Умная Эльза, потом пепел Умная Эльза, а теперь птичка Умная Эльза. Ты не двигайся, а то она улетит.

– Сколько же мне так вот... не двигаться? – улыбнулся Рединготт.

– Всегда не двигайся. Я буду приходить и тебя кормить.

– Татьяна и Ольга, – Марта подошла к дочери и взяла ее за руку. – Давай к реке пойдем... пока деда Бог с ласточкой разговаривает.

– Давай... только и остальных возьмем с собой. Им тоже нельзя слушать дедово...

– Деду – дедово. – Марта улыбнулась Рединготу и, обняв Татьяну и Ольгу, повела к реке.

Другие как-то сами поняли, что им – туда же.

По реке медленно плыла лодка, не имевшая к ним отношения.

– O Bootsmann, Bootsmann, sag uns doch, wie weit ist´s bis nach Haus?[15] – тихонько пропела Кунигундэ и заплакала.

– Не плачь, – обняла ее за ноги Татьяна и Ольга. – Ты тоже когда-нибудь станешь птичкой, не плачь!

– Помните, как мы на доске плыли? – обратился Сын Бернар к Случайному Охотнику.

– Вы, Сын Бернар, не со Случайным Охотником на доске плыли, а со мной, – сказал Ближний.

– Правда? Простите... забывать начинаю, – откликнулся Сын Бернар.

– Зачем она это сделала? – задали вопрос в никуда дети разных народов. – Зачем всё сожгла?

Из никуда, в котором как раз в тот момент оказался Деткин-Вклеткин, раздался встречный вопрос:

---

[15] О лодочник, лодочник, скажи нам наконец, далеко ли еще до дома? (Немецкая народная песня).

– Разве она сожгла *всё*?

– Скажете – нет?

– Во-о-он ту лодку, например, она не сожгла – так ведь?

Кому-нибудь было бы пора уже и ответить хоть на один из четырех повисших в воздухе и еле державшихся друг за друга вопросов. Это сделала Марта.

– Можно сжечь художественное произведение, – задумчиво сказала она. – Но нельзя сжечь порожденную им жизнь. Она огнеупорна.

И тут, словно спохватившись, Сын Бернар отвернулся в сторону и быстро вынул из-под живота небольшой светло-сиреневый квадратик. Осторожно придерживая его тяжелыми лапами, Сын Бернар разложил квадратик перед собой на речной гальке. Ветер трепал края квадратика – сделанного, похоже, из ткани... или не из ткани.

Ближний и Мать Кузьки подошли к нему.

– Зачем? – почти уже спросила Мать Кузьки, но спросить не успела: Сын Бернар убрал тяжелые лапы с ткани... или не ткани – и светло-сиреневый квадратик медленно поднялся в воздух.

Ближний ринулся было к нему.

– Не трогать! – рявкнул Сын Бернар. И уже тише добавил: – Пусть летит.

Светло-сиреневый квадратик был похож на маленького воздушного змея, осторожно следующего за воздушным потоком.

За ним в небо поднялся еще один воздушный змей – змей, похожий на тонкое зеленое покрывало невероятных размеров. Казалось, что оно вот-вот закроет все небо, но покрывало поднималось выше и постепенно становилось обозримее. Деткин-Вклеткин с улыбкой взглянул на Марту, смотревшую вверх и застегивавшую кофточку на груди, – и вдруг, распахнув пиджак, запустил в небо серебряный дирижабль, чуть помедливший на высоте человеческого роста и величаво поплывший вверх. За ним полетело в небо ослепительное голубое облако, вслед которому несся рассыпчатый смех прехорошенькой Матери Кузьки и едва заметная прозрачная тень некоей длинной-предлинной полосы, выходящей прямо из сердца Ближнего.

Татьяна и Ольга сосредоточенно расстегивала пуговки платьица в горошек – одну за другой. Когда последняя пуговка покинула петлю, на свет Божий появился розовый шар, аккуратно завязанный веревочкой, которая показалась Хухры-Мухры похожей на человеческую пуповину. Он вздохнул и отправил вслед за розовым шаром белый-пребелый клок тумана, истончавшийся и увеличивавшийся в воздухе. Огненной иглой пронзила клок тумана стрела, вырвавшаяся из-под прожженной парки Случайного Охотника и по пути поднявшая на свое острие пурпурный вихрь сверкающих блесток из груди Кунигундэ.

Следом за тонким рисунком влажной тушью, потянувшимся из-под куртки Кикимото, негромко выстрелили в небо тридцать девять салютов светло-синего цвета... А за ними уже без разбора начали подниматься в небо разноцветные воздушные змеи, один за другим покидая сбившихся в кучку детей разных народов.

Все вздрогнули и в панике обернулись к Рединготу, когда с его стороны устремилась в небо ослепительная золотая молния – расколовшаяся в воздухе на два грозных и нежных зигзага, которые подхватили и понесли за собою вверх драгоценную звездную туманность.

– До свиданья! – крикнула Татьяна и Ольга, стараясь не потерять туманность из виду. – Когда нагуляетесь, возвращайтесь назад. Только скорей...

Рединготу уже стоял у реки. На его плече была ласточка с комочком глины в клюве.

Можно было уже начинать строить гнездо – и ласточка, видимо, знала где. Взглянув на Рединготу, она резко снялась с его плеча и взмыла в опустевшее небо. Крыльями описав там абсолютно правильную окружность непостижимых для человеческого ума размеров, она вернулась к Рединготу и повисла в воздухе около его усталого лица.

– Деда, я тоже стану ласточкой, когда вырасту, – сказала Татьяна и Ольга, беря Рединготу за руку.

И в порядке алфавита они отправились в путь – все вместе, маленьким братством, – за ласточкой, летевшей впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1
Внезапная завязка....3
ГЛАВА 2
Завязка становится туже....22
ГЛАВА 3
Побочная линия, грозящая стать основной....45
ГЛАВА 5
Начало возникновения конфликта....86
ГЛАВА 6
Ретардация ни с того ни с сего....113
ГЛАВА 7
Ретардация все еще имеет прочное место быть....138
ГЛАВА 8
Симультанные до известного места дела....154
ГЛАВА 9
Конфликт начинает быть не за горами....179
ГЛАВА 10
Воронка в пространственно-временном континууме....207
ГЛАВА 11
Конфликт как с цепи срывается....241
ГЛАВА 12
Кульминация от фонаря, причем ложная, как беременность....263
ГЛАВА 13
Сукцессивное развитие кое-каких других событий....289
ГЛАВА 14
Забытый персонаж без лишних слов вторгается в фабулу....317
ГЛАВА 15
Полифония, почти какофония....349
ГЛАВА 16
Сюжетные нити собираются в узел....373
ГЛАВА 17
Сюжетный узел разрубается без сожаления о поврежденном сюжетном узле 394
ГЛАВА 18
Очередной сюжетный узел все же застревает в горле....426
ГЛАВА 19
Типический характер, отфутболенный в нетипические обстоятельства....447
ГЛАВА 20
Погружение действия в лирическую бездну....471
ГЛАВА 21

Драматизм повествования переходит в его же эпизм.....493
ГЛАВА 22
Художественная деталь красит литературное целое.....515
ГЛАВА 23
Величественные контуры художественного целого перестают просматриваться вообще.....542
ГЛАВА 24
Образ автора практически сливается с личностью писателя.....566
ГЛАВА 25
Некоторые из героев окончательно выходят из-под контроля автора и попадают под контроль санэпидстанции.....591
ГЛАВА 26
Истинная кульминация на фоне страшной смерти главного героя.....618
ГЛАВА 27
Автор начинает осторожно закругляться, но так и не закругляется.....644
ГЛАВА 28
Стремительная развязка –
причем развязывается отнюдь не то, что было завязано.....664
ГЛАВА 29
Вставная, как зубной протез, новелла
о простодушной Паките.....681
ГЛАВА 30
Сильный рывок вперед, не ломающий гармоничной
структуры художественного целого.....708
ГЛАВА 31
Неожиданные метаморфозы с действующими лицами
и их исполнителями 731
ГЛАВА 32
Пейзажная зарисовка ни к селу ни к городу.....758
ГЛАВА 33
Автор вводит лишнего человека в рамки художественного целого и выводит его за эти рамки.....786
ГЛАВА 34
Еще одно беспардонное нарушение принципа линейности повествования, уже сто раз нарушенного.....808
ГЛАВА 35
Своевременная попытка свести воедино сюжетные нити, не имеющие никакого отношения друг к другу.....831
ГЛАВА 36
Автор настоящего художественного произведения занимает критическую дистанцию по отношению к самому себе.....852

ГЛАВА 37
Восхождение на более высокий уровень художественного обобщения.....874
ГЛАВА 38
Несвоевременное появление в структуре художественного целого еще одного героя – на сей раз последнего.....897
ГЛАВА 39
Повествовательное начало достигает своего конца в рамках отдельно взятого художественного целого.....916
ГЛАВА 40
Повествовательное начало достигает своего абсолютного конца.....937